

Spiro
Kostof

THE CITY SHAPED

Urban patterns and meanings
through history

Спиро
Костоф

ГОРОД ОБРЕТАЕТ ФОРМУ

Структуры и идеи
в истории градостроительства

Рис. 1. Центр итальянского города Сиены. Площадь Кампо – веерообразное открытое пространство в правом верхнем углу – возникло в точке соединения трех разных общин: епископского города вокруг собора (слева внизу) и двух поселений восточнее и севернее, к которым ведут улицы, образующие пересечение в виде буквы Y (вверху). Все это – плод точного градостроительного расчета (с. 77, 85).

УДК 711.4.01
ББК 85.118
К72

Книга издана в рамках образовательной программы Архитекторы.рф — бесплатной лидерской программы профессионального развития, сфокусированной на раскрытии потенциала российских специалистов в области архитектуры, градостроительства, государственного и муниципального управления. Программа реализуется ДОМ.РФ при поддержке Правительства Российской Федерации и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

МИНИСТРОЙ
РОССИИ

Перевод с английского
Полина Николаева, Петр Фаворов

Редактор
Петр Фаворов

Дизайн
holystick.design

Костоф С.
К72 Город обретает форму. Структуры и идеи в истории градостроительства / пер. с англ. — М.: Strelka Press, 2022. — 496 с.: ил.

Город — это самый сложный из когда-либо созданных человеком артефактов. Он накапливает в себе ценности наших сообществ и обеспечивает среду, в которой мы живем вместе. И как бы ни была совершенна его исходная форма, город никогда не закончен, никогда не пребывает в состоянии покоя. Как и почему города приобретают свои очертания? Как они приспосабливаются к особенностям повседневной жизни и превращениям истории? Как разглядеть в них первоначальный замысел и отделить его от тысячи сознательных и бессознательных действий, которые непрестанно влияют на городскую форму? Обо всем этом рассказывает историк градостроения Спиро Костоф в своем исследовании, посвященном развитию городов в разные эпохи и на разных континентах.

УДК 711.4.01
ББК 85.118

ISBN 978-5-907163-31-7

© Thames & Hudson Ltd, 1991
© Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2022

Посвящаю Василике Прингу,
Леандросу и Рите, благодаря
которым у меня всегда
было куда прийти домой

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

Город как артефакт	12
Предварительные замечания	12
Уточнение метода	21
Периоды и категории	27
Город в истории	31
Городские циклы	31
Истоки города	35
Ранняя городская форма	39
Что такое город?	43

«ОРГАНИЧЕСКАЯ» СТРУКТУРА ГОРОДА

Города спланированные и неспланированные	52
Сосуществование и наложение	55
Эволюция «органической» структуры города	62
Города как организмы	63
Роль топографии	66
Структура землепользования	70
Синойкизм	74
Законы и общественный уклад	78
Проектные альтернативы: прямое и изогнутое	83
Истоки спланированной живописности	85
Парадигма города-сада	94
Сохранение наследия и уроки истории	103
Модернизм и спланированная живописность	115

РЕШЕТКА

Преамбула	124
Природа ортогональной планировки	124
Решетка и политика	128
«Лучший порядок» или однообразие	132

Исторический обзор		134
Решетка в Древнем мире	134	
Новые города Средневековья	142	
Ренессанс в Европе	145	
Решетка в Новом Свете	149	
Создание решетки		158
Решетка на местности	159	
Землемеры и теоретики	162	
Градостроитель как художник	165	
Координированные системы города и сельской местности		171
Сельские решетки	173	
Расширения решетки	177	
Закрытая решетка: рамка, акцент и открытые пространства		181
Рамка стен	181	
Ритмика улиц	184	
Распределение площадей	189	
Организация кварталов	194	
Городская решетка в XX веке		203

ГОРОД КАК ИДЕАЛЬНАЯ СХЕМА

Круги и многоугольники		212
Аркозанти и Пальманова	212	
Утопии и идеальные города	216	
Пространства специализированных сообществ		221
Регламентация порядка и проектные схемы	221	
Священные города	231	
Политическая схема города		236
Линейные системы	237	
Централизованные системы	243	
Пример Сфорцинды	253	
Функциональная схема города		258
Логика обороны	258	
Радиально-кольцевая планировка и транспортные потоки	261	
Светская (социалистическая) схема города		268
Вселенная рабочих, преступников и студентов	268	
Реорганизация городского общества	274	
Планета и дальний космос	284	

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ

Предварительные замечания	291
Исторический обзор	293
Древний мир	295
Европейское барокко	297
Большой стиль за пределами Италии	299
Проектирование в Большом стиле	303
Топография	304
Большой стиль как театр	308
Большой стиль и ландшафтный дизайн	313
Проектирование высот	317
«Барочные» элементы	320
Прямая улица	320
Диагональ	323
Тривиум и его варианты	327
Бульвары и авеню	335
Единообразие и непрерывный фасад	344
Разнообразие в единстве	353
Перспектива	355
Ориентиры и монументы	358
Церемониальные оси	365
Барокко в эпоху постмодернизма	372

НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ ГОРОДА

Введение	378
Небесная линия общественная и частная	378
Рисуя небесную линию	384
Составляющие небесной линии	391
Священные высоты	393
Доминанты светского города	402
Проектирование небесной линии	409
Некоторые принципы	412
Цвет и свет	426
Небесная линия современного города	428
Выковывая «венец города»	431
Город небоскребов	435
Башни из стекла	445
«И они перестали строить город»	449

Библиография	456
Благодарности	460
Источники иллюстраций	461

Книга издана в рамках образовательной программы Архитекторы.рф – бесплатной лидерской программы профессионального развития, сфокусированной на раскрытии потенциала российских специалистов в области архитектуры, градостроительства, государственного и муниципального управления. Программа реализуется ДОМ.РФ при поддержке Правительства Российской Федерации и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

3

Рис. 2. Город наблюдаемый: Вацлавская площадь в Праге. Гравюра Винценца Морстадта, 1835. Вацлавская площадь, бывшая когда-то пустырем с конным рынком на окраине города, к началу XIX века стала самым изысканным променадом Праги. По сей день площадь остается знаковым местом: здесь громыхали советские танки, подавлявшие в 1968 году Пражскую весну, и здесь же стали собираться толпы демонстрантов во время Бархатной революции в 1989-м.

2

Рис. 3. Город изображаемый: фрагмент гравюры по дереву с картой города Нориджа (Англия) из книги «Зерцало космографии» (1559). Карта работы Уильяма Каннингема включает в себя портрет самого картографа над чертежным планшетом. С высоты птичьего полета изображены ограничивающие город крепостные стены, изогнутые улицы и плотно застроенные кварталы. Это самая ранняя дошедшая до нас типографская карта английского города.

ВВЕДЕНИЕ

Город как артефакт

Предварительные замечания

Эта книга — попытка историка архитектуры сделать всемирный опыт создания городов доступным архитекторам, градостроителям и широкой публике. Она рассказывает о городской форме и городском процессе. Если точнее, это обсуждение некоторых мотивов и элементов городской формы, рассмотренных в исторической перспективе.

Выделенные подчеркиванием слова имеют первостепенное значение. О городской форме — о том, как ее создавать и как «читать», — написано в современную эпоху очень много. Начиная с работы Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства» (1889) и всех последующих книг авторов, представляющих традицию *Stadtbaukunst* (Йозефа Штюббена, Альберта Эриха Бринкмана, Вернера Хегеманна и других), и вплоть до нынешнего поколения в лице Гордона Каллена, Кевина Линча, Роба Крие и Михаэля Триба, профессионал-градостроитель тщательно изучал структуру городов и таким образом приходил к неким директивным выводам.

Проектирование городов — это, разумеется, искусство, и, как всякому проектированию, этому искусству необходимо учитывать человеческое поведение, хотя бы только на словах. Так, перечисленные выше книги полны отсылок к социальному значению городской формы. Навевает ли тоску ортогональная сетка улиц? Затрудняет ли она ориентацию в городе? Способствуют ли те или иные типы общественных пространств социальному взаимодействию или препятствуют ему? Нечто подобное. Поскольку я не имею отношения к гильдии профессиональных проектировщиков, эти вопросы лежат вне сферы моего внимания, по крайней мере пока их приходится рассматривать абстрактно, в отрыве от конкретного исторического контекста.

Меня волнует, как и почему города приобрели свои очертания. Иными словами, я работаю не с абстрактной формой и не с поведенческим потенциалом формы, но с формой как вместительницей некоего смысла. А архитектурный смысл в конечном счете всегда заключен в истории, в культурных контекстах.

Разумеется, история городской формы может использоваться как источник идей для решения задач проектирования, что регулярно и происходит. Нет абсолютно ничего плохого в том, что архитекторы и градостроители вдохновляются старинными городскими ансамблями Европы или, скажем, *мединами* Северной Африки. Это, в сущности, особый талант профессионала — уловить характерное качество улицы или общественного пространства, почувствовать расположение к нему и захотеть включить это качество в собственный проект. Для этого не требуется историк. Проблемой такое обращение к прошлому становится лишь в тот момент, когда проектировщик приписывает формам, которые он или она предпочитает, определенные логические обоснования — либо ничего не зная об истории, либо походя искажая ее.

Рис. 1

Я помню, что, когда несколько лет назад меня пригласили принять участие в семинаре по градостроительству в Сиене, общим было представление, что этот любимый всеми образец городской застройки возник естественным путем, заполняя доставшееся ему пространство и фиксируя природные особенности. Ансамбль средневековой Сиены приводился в качестве довода против планов радикальных преобразований, навязываемых проектировщиками и политиками с полным пренебрежением к требованиям топографии и привычному образу жизни горожан. Даже люди, которым должно было быть известно истинное положение вещей, способствовали такому поверхностному прочтению великого тосканского города на холме. Льюис Мамфорд, например, провозглашал его доказательством «эстетического и технического превосходства органического плана»¹.

Однако, начав изучать исторические обстоятельства возникновения и роста Сиены, я ничуть не удивился, узнав, что ей придали эти очертания умышленно и что ее градоформа была одним из наиболее тщательно регламентированных проектов средневекового градостроительства (с. 85)². Я не был удивлен, поскольку на протяжении долгих лет наблюдал множество случаев ложной интерпретации архитектуры прошлого и пришел к убеждению, что сама по себе градоформа очень нехотя рассказывает о своей сути. Мы способны «прочесть» форму правильно лишь постольку, поскольку знакомы с конкретными культурными условиями, ее породившими. Иными словами, вместо того чтобы предполагать, как хочется почти каждому в архитектурном мире, что здания и городские формы выступают в роли средства, позволяющего четко и ясно выразить культурные идеи, я утверждаю, что все происходит ровно наоборот. Чем больше мы знаем о культуре и структуре общества в различные периоды истории и в разных уголках планеты, тем лучше мы умеем читать их антропогенную среду³.

Не существует быстрого и простого способа освоения прошлого. Прогулки по старому городскому центру, наброски и раздумья о нем поучительны в самом прямом смысле. Это первый и обязательный шаг. Тем не менее они не пояснят, что происходило на самом деле, до тех пор, пока мы не обратимся к архивам, историческим трудам и старым картам — пока мы не соберем все порой противоречивые свидетельства, которые помогут объяснить, как этот центр обрел свой нынешний облик. Анализируя городские формы, эта книга опирается именно на свидетельства такого рода.

Для энтузиаста формы ортогональная сетка улиц, например, представляет собой вещь в себе. В лучшем случае это визуальная тема с возможностью поиграть вариациями: он может поразмышлять об использовании обычной шахматной схемы или о смещенных друг относительно друга кварталах

1 Mumford L. The City in History (1961).

2 См. Kostof S. Urbanism and Polity: Medieval Siena in Context (1982).

3 См. Kostof S. Do Buildings Lie? (1980).

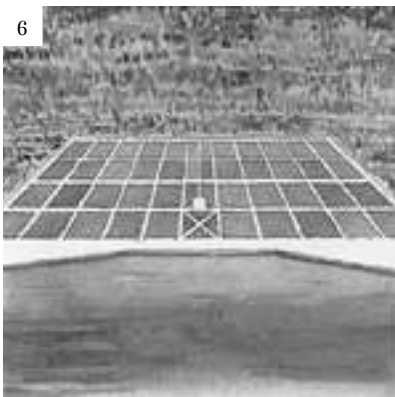
Вариации ортогональной сетки улиц:

Рис. 4. Флорентийский город
XIV века.

Рис. 5. План идеального города
Винченцо Скамоцци из книги «Идея
универсальной архитектуры» (1615).

Рис. 6. Французское колониальное
поселение Новый Орлеан в 1760 году.

Рис. 7. Государство как творец города. Преобразование Рима при Муссолини отвечало как экономическим, так и идеологическим потребностям нового режима. Чтобы сократить безработицу, в середине 1920-х годов была запущена программа общественных работ, которая стимулировала в первую очередь ручной труд. Трудозатратные демонтажные работы расчистили из-под слоя живописных трущоб монументальные руины – например, рынки Траяна II века до н.э. Соседство античных памятников с современными проспектами (с. 320) утверждало символическую установку, связывавшую имперское величие с фашистским правлением.

с поперечными осями или другими типами акцентирования, о размещении в структуре решетки открытых пространств, о ширине и иерархии улиц. Для нас же, напротив, важно то, каким образом и с какими намерениями использовали этот планировочный прием древние римляне в Британии, средневековые строители в Уэльсе и Гаскони, испанцы в Мексике или Иллиноисская центральная железнодорожная компания в прериях Среднего Запада. Это и будет основным содержанием рассмотрения темы ортогональной планировки в моей книге. Мы должны будем разобраться с тем фактом, что ортогональная сетка улиц могла вмещать поразительное разнообразие социальных структур: земельную аристократию в греческих колониях Сицилии, аграрный республиканизм Томаса Джефферсона, апокалиптические видения Джозефа Смита, воплощенные в таких мормонских поселениях, как Нову в Иллинойсе или Солт-Лейк-Сити в Юте, и, конечно, старую добрую жадность спекулянтов.

Для нас, таким образом, городская форма нейтральна до тех пор, пока она не наполнена конкретным культурным намерением. Поэтому нет никакого смысла в упоминании формального сходства между планом Вашингтона работы Пьера Шарля Ланфана и абсолютистскими схемами Версаля или Карлсруэ, как и в обнаружении схожих извилистых улиц в средневековом Нердлингене и в чикагском пригороде Риверсайд, спроектированном Фредериком Ло Олмстедом, пока мы не готовы уточнить характер содержания, которое должно было быть заключено в каждом из них, и социальные предпосылки, которыми руководствовались их создатели.

В самом начале я упомянул городскую форму и городской процесс. Второй пункт в заявленной программе, городской процесс, тоже может показаться не вполне самоочевидным. Здесь я использую это понятие в двух смыслах.

Первый из них связан с людьми, силами и институтами, которые способствуют возникновению городских форм. Кто планирует города? Посредством каких процедур это происходит? Из каких законов следуют полномочия градостроителей и какие органы наделяют их этими полномочиями? Чтобы объяснять элементы городской формы, мы по мере надобности будем давать сведения такого рода, однако посвящать им целые разделы не станем.

Такой подход избран потому, что история влияния права и экономики на процесс создания городов — огромная (и, могу заметить, весьма обделенная вниманием) тема. Она включает в себя земельный рынок и право собственности на городские земли; принудительное изъятие или выкуп участков государством для общественных нужд; институт юридически обязательного генерального плана, по-итальянски *piano regolatore*; строительные нормы и правила, а также другие нормативно-правовые меры; методы финансирования городских преобразований вроде налога на недвижимость и выпуска облигаций; а также административное устройство городов. Этого материала уже более чем достаточно для отдельной книги.

Что до проектировщиков городов, то это тоже слишком масштабная задача и при этом далеко не самая насущная, если

Рис. 8. Делец как творец города. Современный Лос-Анджелес – результат серии бумов на рынке недвижимости, имевших место с конца XIX века. На этой фотографии 1920-х годов застройщики осматривают поля, которые вскоре превратятся в кварталы участков, вписанных в ортогональную решетку улиц и бульваров.

8

касаться тех вопросов, которые мы рассматриваем в этой книге. Насколько мне известно, не существует общего изложения истории городов, написанного преимущественно с такого угла зрения, хотя, разумеется, какая-то литература по этой теме имеется. Мы много знаем о знаменитостях: Гипподаме Милетском, Бьяджо Россетти, спроектировавшем ренессансную Феррару, бароне Османе в Париже, Даниеле Бернеме в Чикаго или Ле Корбюзье. Гораздо меньше известно нам о таких личностях, как Эрик Дальберг, Никодемус Тессин Младший или Луи Николя де Клервиль, которые активно проектировали города в XVII и начале XVIII века, и о сотнях других подобных исторических деятелей. Мы знаем многое об Арнольфо ди Камбио как архитекторе, но практически не знакомы с его работами в качестве градостроителя, несмотря на то что его заслугой были новые планы таких городов, как Сан-Джованни-Вальдарно и Кастельфранко-ди-Сопра, за что, если верить Вазари, ему было присуждено звание почетного гражданина Флоренции.

Даже этот перечень со всеми необходимыми пояснениями будет учитывать только тех создателей городов, которых можно назвать проектировщиками в узком смысле слова. Но города приобретают свои очертания благодаря самым разным людям: военным инженерам и корабельным артиллеристам (вроде тех, что распланировали первые британские порты в Индии), управленцам и государственным чиновникам — от руководителей колонизационных экспедиций, *ойкисстов*, которые создавали великие греческие города Сицилии, и средневековых феодалов Англии, Франции и Испании, которые основали на своих землях сотни новых городов и укрепленных поселений, *бастид*, и вплоть до современных организаторов городского планирования, вроде Роберта Мозеса в Нью-Йорке и Эдмунда Бэкона в Филадельфии. Города закладывались религиозными орденами — цистерцианцами в Гаскони, Тевтонским орденом в Восточной Европе, францисканцами в испанской Мексике, иезуитами в Амазонии и центральной Бразилии, — патерналистски настроенными промышленниками, реформаторами и, наконец, бесчисленными землемерами, которые расчерчивали города-колонии в любую эпоху, а в XIX веке разрисовали стандартными городскими планами большую часть североамериканского континента вдоль железнодорожных линий. Описание этой необыкновенной группы людей, их методов работы и письменных трудов могло бы стать темой превосходного исследования. В нем бы речь шла о таких фигурах, как сэр Генри ле Уалейз, градостроительный советник английского короля Эдуарда I в конце XIII века; Франческо Лапарелли (1521–1570), проектировавший мальтийскую Валлетту; Джеймс Оглторп, заложивший в 1733 году город Саванна в штате Джорджия; судья Огастес Бревурт Вудворд, разработавший поразительный барочный план для Детройта в 1805-м; Пер Браге Младший (1602–1680), прославленный генерал-губернатор Финляндии, ответственный по меньшей мере за десяток городов (в том числе нынешний Хельсинки); Ян Питерсзоон Кун, основавший в 1619 году Батавию, столицу голландской Ост-Индии (современную Джакарту); голландский инженер Франц де Воллан,

Рис. 113

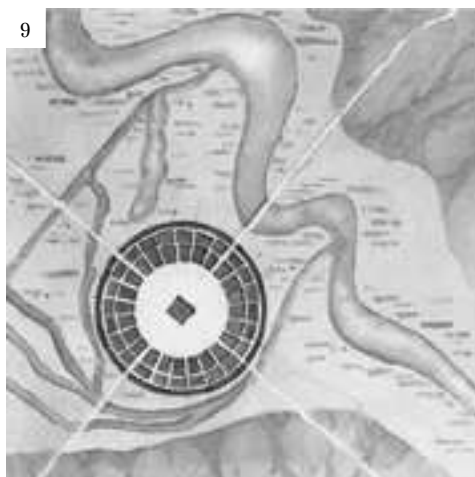
Рис. 104

Рис. 216

Рис. 9–10. Геометричная планировка Багдада VIII века, организованная вокруг дворца халифа, не выдержала бурного развития города. К IX столетию быстрый рост процветающей столицы свел на нет изначальную автократическую схему.

Рис. 11–12. Марсово поле было монументальным ядром императорского Рима. Но лишь Пантеон, узнаваемый по его круглому ступенчатому куполу (вверху по центру), дошел в почти нетронутом виде до эпохи Ренессанса. Тысячелетие повторного использования строительного камня и частичных реконструкций разрушило термы Нерона, Одеон и огромный стадион Домициана – его вытянутая форма все еще читается в очертаниях площади Навона (внизу слева).

9

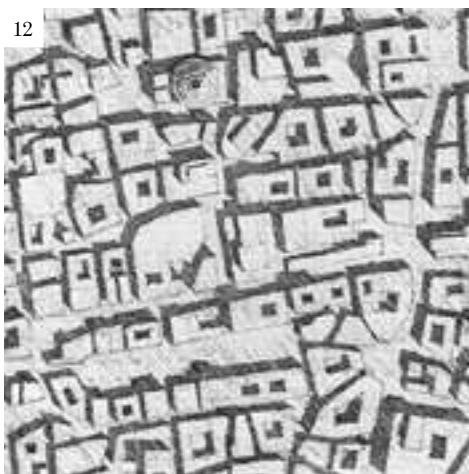
10

11

12

начертивший планы Одессы и многих других новых городов на юге России в правление Екатерины II в конце XVIII века; и сотнях прочих деятелей.

Помимо очевидной ограниченности объема любой книги, имеются две причины, по которым эта хроника будет разве что время от времени уместна на этих страницах.

Ил. III, рис. 192

Прежде всего, внимание к проектировщикам, как правило, приводит к заикливости на новых городах, таких как Пальманова или Канберра, и идеальных городах, которые так и не были построены. Мне интересны, скорее, реальные города — их создание и дальнейшая судьба. Я обращаю внимание на теорию градостроительства и на абстрактные проекты, которые существуют для того, чтобы нечто доказать или предложить идеальную модель, только в тех случаях, когда они существенным образом связаны с практикой градостроительства.

Рис. 9

Что еще более важно, многие города возникли без помощи проектировщиков или, будучи однажды спланированными, мгновенно начинали приспосабливаться к особенностям повседневной жизни и превратностям истории. Кто спроектировал Афины или Калькутту? Сколько людей застали прославленный «круглый город» Багдад, если не брать в расчет непосредственное окружение его основателя, халифа аль-Мансура? «Он едва ли хоть сколько-то просуществовал в задуманной для него идеальной форме, — пишет Олег Грабар. — Уже при жизни самого аль-Мансура к нему были добавлены пригороды, а его тщательно продуманные внутренние структурные разделения разрушены, так что Круглый город стал лишь частью огромного городского комплекса Багдада»⁴.

Рис. 10

Второе значение, в котором я употребляю понятие «городской процесс», напротив, оказывается ключевым для всей этой книги. Оно в прямом смысле описывает материальные изменения во времени. Слишком часто заметна тенденция видеть городскую форму как конечную, замкнутую в себе вещь, как сложно устроенный объект. Вместо этого я хотел бы обратить внимание на другое: город, как бы ни была совершенна его исходная форма, никогда не закончен, никогда не пребывает в состоянии покоя. Тысячи сознательных и бессознательных действий каждый день меняют его очертания, однако эти изменения становятся заметны только на протяжении определенного периода. Стены городов возводятся и сносятся; когда-то строго упорядоченная сетка улиц искажается; диагональные проспекты прорубаются сквозь плотные жилые районы; железнодорожные пути занимают кладбища и прибрежные зоны; войны, пожары и автострады уничтожают городские центры.

Рис. 11

Позвольте привести впечатляющий пример, с деталями которого я довольно хорошо знаком. Обратите внимание на два приведенных тут изображения города. На первом из них — императорский Рим с населением более чем в миллион человек; в нем доминируют каменные общественные здания и портики, особенно на равнине Марсова поля в излучине Тибра; важней-

⁴ Grabar O. The Formation of Islamic Art (1973).

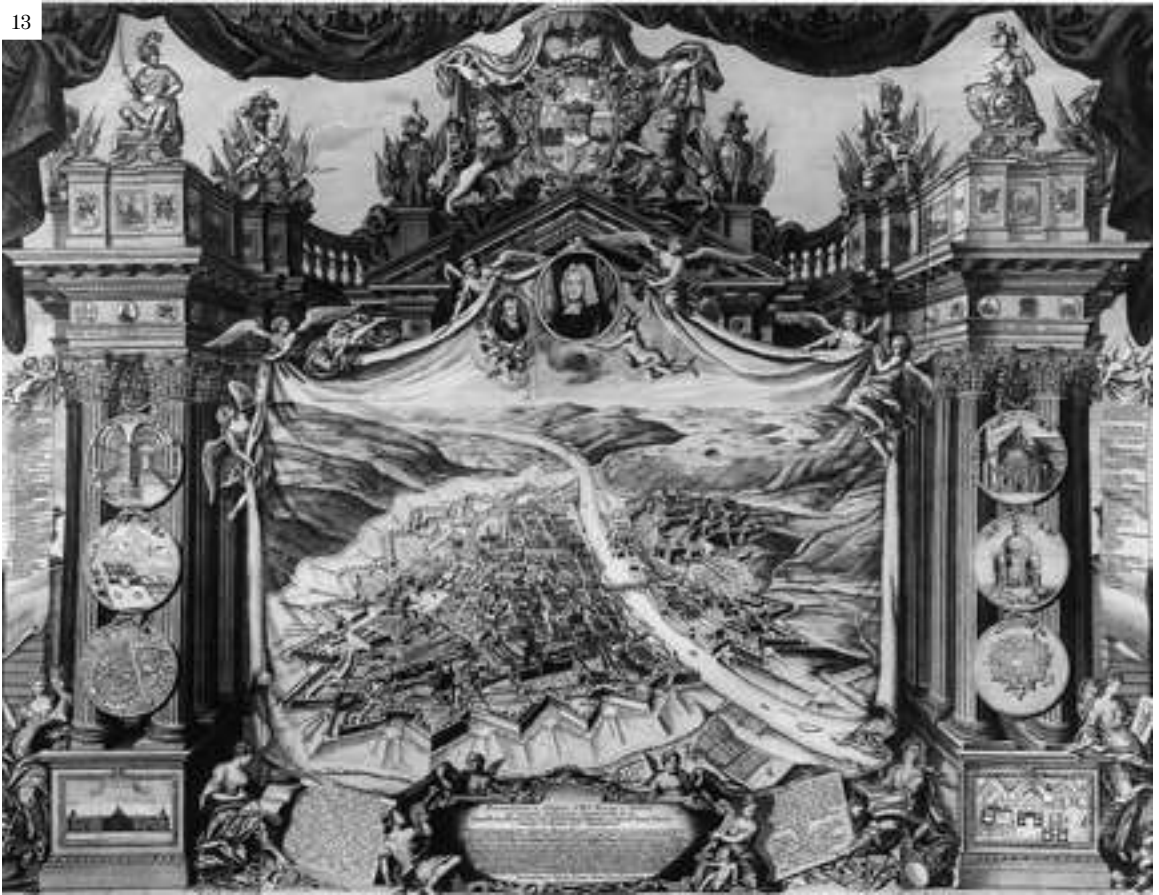
Рис. 13. Город как отражение могущества власти. Немецкий Вюрцбург, резиденция епископов из рода фон Шёнборн, под их покровительством и усилиями архитектора Бальтазара Неймана превратился в экстравагантную барочную композицию, показанную на этой гравюре 1723 года. Пышное обрамление с гербом династии и медальонами, на которых среди прочего изображены новые дворец и часовня, должно подчеркнуть связь города с правящей фамилией.

Рис. 14. Космический город – пространственная схема социальной иерархии.

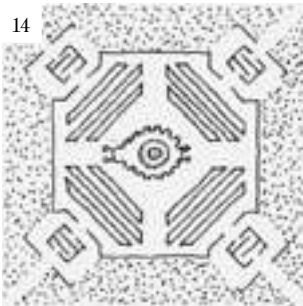
Рис. 15. Механический город – функциональная конструкция из взаимозависимых частей.

Рис. 16. Органический город – неделимый живой организм.

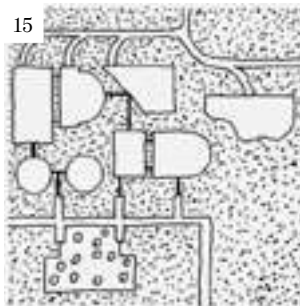
13

14

15

16

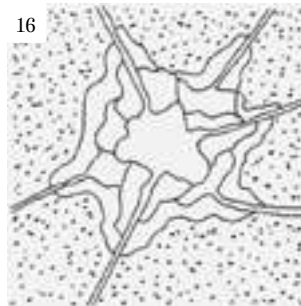

Рис. 12

ший тип жилья тут — *инсулы*, многоэтажные дома для многих семей, заполняющие промежутки между общественными зонами и склонами прославленных холмов. На второй иллюстрации — средневековый Рим во времена максимального упадка, с населением менее 50 тысяч; он ограничен площадью самой излучины Тибра и районом Трастевере на другом берегу реки. Отдельно стоящие двухэтажные дома почти полностью разрушили великолепный строгий порядок Марсова поля эпохи империи. Как это случилось? Каким образом были уничтожены театры и храмы, амфитеатры и форумы? Куда делись 40 тысяч многоэтажных инсул Древнего Рима? Как от упорядоченно ортогональной планировки столицы империи мы пришли к этому лабиринту извилистых улиц и проулков? Это и есть городской процесс в своем наиболее ярком проявлении.

Мы имеем дело с материальным явлением, подобным текущей реке или переменчивому небу. И мы будем особо внимательны к городскому процессу в этом втором смысле — и как к постоянному аспекту при обсуждении каждой отдельной темы, и как к центральному содержанию наших выводов.

Уточнение метода

Если посмотреть на структуру этой книги, то уже из оглавления должно стать понятно, что перед вами не традиционная история градостроительства сквозь века в духе «Истории городской формы» Энтони Эдвина Джеймса Морриса (1972) или даже «Города в истории» Льюиса Мамфорда (1961). Мое исследование предполагает базовое представление о ключевых вехах западного и не-западного градостроительства как последовательного сюжета и, скорее, делает акцент на вольном обсуждении отдельных аспектов формы, по мере надобности тасуя исторические периоды и географические регионы.

Существуют, конечно, и другие способы выстроить исторический обзор городской формы, и все они были испробованы. Города классифицировались по странам (достаточно вспомнить прекрасную работу Эрвина Антона Гуткинда «Международная история развития городов», 1964), по эпохам, по географическому положению. Вольфганг Браунфельс в своей книге «Западное градостроительство» (1976) исходит из предпосылки, что города сами создают свой внешний облик «как отражение форм государственного устройства и идеалов порядка». Его категоризация включает кафедральные города, города-государства, города — морские державы (Венеция, Любек, Амстердам), имперские города, идеальные города, города — резиденции двора (Турин, Мюнхен, Дрезден, Санкт-Петербург) и столицы. Проблемы тут очевидны. Такая категоризация, с точки зрения ее же собственных предпосылок, страдает от того, что города почти никогда не выполняют только одну функцию. Они могут быть заложены с какой-то определенной целью, но очень скоро начинают использоваться для многого другого. Более того, на наш взгляд, сложно вычленишь те элементы городского устройства, которые окажутся общими для каждой из перечисленных категорий. В итоге нам остается лишь единая политическая

функция или экономическая природа (когда мы рассуждаем о таких категориях, как портовые города, рыночные города, сельскохозяйственные центры и промышленные города) без сопутствующей гомогенности городского пейзажа.

Кевин Линч в своей последней книге «Совершенная форма в градостроительстве» (1981), в которой он, по моему мнению, непревзойденным образом сочетает глубокое изучение истории городской формы с вытекающей из него теорией городского проектирования, предлагает категоризацию, которая щедро вознаграждает внимательного исследователя. Три модели, которые он называет «нормативными теориями», отражают не столько политические или экономические аспекты, сколько ключевую мотивацию города или же его самовосприятие⁵.

Космическая модель стремится стать интерпретацией божественного миропорядка. Так создавались священные города, а также идеальные градостроительные планы Ренессанса и барокко, которые осуществлялись в качестве отчетливого выражения могущества власти. Характерными проекторочными решениями для такой модели служат монументальная ось симметрии, огороженное пространство с охраняемыми воротами, наличие архитектурных доминант, опора на регулярную решетку в плане и организация пространства по иерархическому принципу.

Механическая модель рассматривает город как машину: это город «приземленный, функциональный, рациональный», совершенно лишенный магии. Эта концепция использовалась в колониальных и фабричных городах, в американских городах, уличные сетки которых чертили земельные спекулянты, в «Лучезарном городе» Ле Корбюзье, в более поздних проектах британской группы Archigram и *архологиях* итальянца Паоло Солери. Город, согласно этой модели, «состоит из небольших, независимых, лишенных внутреннего разнообразия частей, соединенных в огромную машину, которая, напротив, имеет четко разнесенные функции и множество локальных подсистем».

Органическая модель подходит к городу не как к машине, а как к живому существу. Для такого «биологического города» характерны четкие внешние границы, определенный оптимальный размер, целостная, не поддающаяся членению структура и способность благодаря внутренней ритмике поддерживать стабильность перед лицом неизбежных перемен. Создателями этой модели были деятели вроде Фредерика Ло Олмстеда, Эбенизера Говарда, Патрика Геддеса и Льюиса Мамфорда. Только эта последняя модель, к которой относятся, кажется, лишь нерегулярные города прошлого и нарочито органические города-сады, а также американские «города зеленого пояса» и живописные пригороды, обладает более или менее гомологичной морфологией.

Что полезно в этой категоризации — хотя Линч в конечном итоге от нее отказывается, — так это то, что она задает

5 *Lynch K. A Theory of Good City Form* (1981). Цит. по: *Линч К. Совершенная форма в градостроительстве* / пер. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1986.

некоторые базовые метафоры для города, которые, в свою очередь, позволяют рассуждать о нем и обосновывать целенаправленные вмешательства в его структуру. Если город — это машина, которая должна эффективно функционировать, то он подвержен устареванию и нуждается в постоянной настройке и замене запчастей. Вмешательство в градоформу, направленное на то, чтобы город работал должным образом, будет тогда чем-то вроде механического ремонта. Если город — это организм и мы говорим о клетках и артериях, то в нем могут возникнуть патологии, а вмешательства для избавления от них будут носить хирургический характер. Наконец, космическая модель подталкивает нас к тому, чтобы отвергнуть при объяснении местоположения города и его плана любые практические, технические, экономические и гигиенические соображения. Именно так в свое время поступил Джозеф Рикверт, который в своей провокационной книге «Идея города» (1963) постарался доказать, что древние города прежде всего были символическими структурами, задуманными в координатах мифа и ритуала, и что искать любую рациональную или прагматическую логику в них бесполезно.

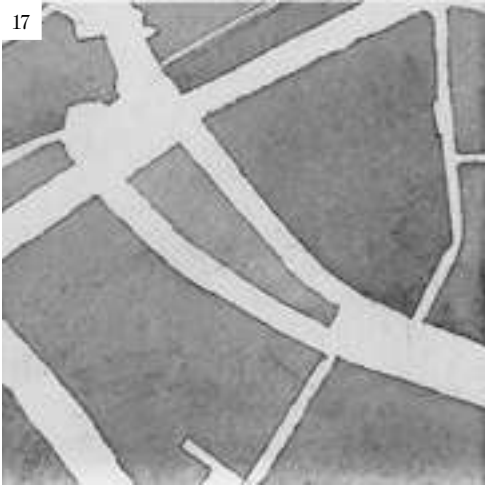
Илл. VIII

Не будет лишним повторить, что основное внимание в этой книге уделено попытке объяснить материальные особенности городского ландшафта без предварительного привлечения тех или иных теорий городского поведения. Убедившись на исторических примерах, что одна и та же городская форма не обязательно выражает одинаковое или даже схожее человеческое содержание, и наоборот, что один и тот же политический, социальный или экономический уклад не вызывает к жизни неизменную планировочную матрицу, я решил всегда начинать с предмета как такового и постепенно приближаться к его смыслу. Как возник нерегулярный городской план? Какова природа и каковы возможные варианты вездесущей ортогональной решетки улиц? Каким образом город исторически определял свои пределы? Какие внутренние границы в городе подразумевались, а какие имели физическое выражение? Последующие главы, а также вторая книга диалоги — «Город состоит из деталей» — будут посвящены обсуждению некоторых из перечисленных выше вопросов и двух основных компонентов городского каркаса — улиц и пространств, которые с общего согласия или по требованию закона остаются свободными от застройки и предназначаются для общественного использования.

Несколько упрощая, можно сказать, что мой подход имеет куда больше общего с социальной историей и географией городов, чем с традиционной историей архитектуры.

Однако у обеих этих научных традиций есть свои проблемы. Социальный историк, взявшись за проблему города, часто оказывается до досадного неконкретным в разговоре о материальной оболочке предмета своих исследований. «Человек, интересующийся тем или иным городом, может прийти в бешенство, если в его руки попадет книга, претендующая на всеобъемлющее изложение истории этого города. Ему поведают замысловатые детали административного устройства в XIII столетии и перечислят всех влиятельных

17

18

19

Рис. 17–19. Основные компоненты плана города определяются специалистом по городской географии Михаэлем Конценом как собственно городской план, то есть сеть улиц (вверху), система землепользования (в центре) и ткань застройки, задающая очертания города в трех измерениях (внизу).

мэров XVIII столетия, но почти ничего не скажут о том, как выглядел город в разные эпохи, и даже не покажут карту». Это цитата из «Городского ландшафта» Майкла Астона и Джеймса Бонда (1976) — работы, которая, хотя и ограничивается лишь Англией и представляет собой прямолинейный хронологический обзор, довольно четко отражает мои мотивы к написанию обеих томов этой диалогии. Если уж предъявлять претензию к Астону и Бонду, то это как раз будет их излишняя концентрация на материальном аспекте: они не очень интересуются поиском объяснений для городской формы. А ведь материальные структуры всегда содержат в себе нематериальную реальность. Как заметил один географ, «мало какие социальные ценности и тенденции столь абстрактны, что не находят отражения в материальной форме»⁶.

Мои разногласия со специалистами в области городской географии связаны с целями и средствами. Большая часть их усилий уходит на создание теорий, что предполагает обязательное использование статистических данных, разных выборок и упрощающих реальное положение дел диаграмм. На практике последствием такого целеполагания оказывается категоризация, независимая от конкретных исторических обстоятельств, — такая привычка, несмотря на, разумеется, абсолютно иные мотивы, отчасти напоминает безудержный формальный редукционизм проектировщика, пишущего о городской форме. Как отметил один из урбанистов, Гарольд Картер, «сводя к абстрактному обобщению богатейшее разнообразие городов от Тимбукту до Тоттенема, от Самарканда до Сан-Франциско и от Нарберта до Набуля, географы заняты очень странным ремеслом»⁷.

Из двух главных тем городской географии, «пространственных особенностей города и особенностей города в пространстве» (это снова слова Картера), вторая мне не особенно интересна. Читатель не найдет здесь ничего о таких излюбленных специалистами предметах, как «процесс урбанизации», «рост городских систем» (то есть характер распределения городов по территории и организация движения товаров и людей между ними) или «ранжирование городов». Ключевое достижение этой области знания, теория центральных мест, едва удостоится упоминания.

Нам больше по пути, когда городская география обращается к городской форме и внутренней структуре городов. Но даже тут из обширной литературы на эту тему мне пригодится лишь немного. Система городского землепользования, аренда земельных участков, расположение промышленных предприятий, граница города и деревни, центральные деловые районы — все это куда меньше интересует меня как теоретический вопрос городской организации, в отрыве от прямого влияния на очертания конкретного города. Аналогичным образом, преобладающий при обсуждении городской формы уклон городской географии в экономику расходится с моим

6 Conzen M.P. Morphology of Nineteenth-Century Cities (1980).

7 Carter H. The Study of Urban Geography (1972).

подходом — в основном культурологическим, делающим упор на политику, социальную структуру общества и ритуалы.

Наиболее подходящим для моих задач достижением городской географии мне видится анализ «плана города» — метод, усовершенствованный и получивший наибольшую известность в работах Михаэля Концена⁸. То, что историки и практикующие архитекторы расплывчато называют «городской тканью», для школы Концена состоит из трех взаимосвязанных элементов. Во-первых, есть сам план города, который включает в себя систему улиц, мозаику участков под застройку, а также характер расположения зданий на этих участках. Все это рассматривается на уровне земли. Майкл Концен — он же Концен-младший — описывает план города как «кадастр или матрицу земельных фрагментов, определяемых охраняемыми законом правами собственников». Далее идет система землепользования, которая регламентирует те или иные виды использования земли и пространства. И наконец, есть ткань застройки, которая выступает трехмерным отображением материальных объектов на земельных участках.

Это достижение Концена принципиально важно. Когда историки архитектуры или архитекторы подвизаются в истории градостроительства, они по привычке обращают внимание только на систему улиц. Примером такого подхода служит книга «Проектирование городов» Эдмунда Бэкона (1967). Но городской процесс, как мы его понимаем, — это в большой мере история развития города в изначально заданных рамках своего «плана». Он проявляется посредством изменений в конфигурации земельных участков, а также в размере и масштабе расположенных на них сооружений. Как минимум в этом отношении городская география может нас многому научить.

Этот так называемый морфогенетический подход подчеркивает значение городского ландшафта как такового и порицается многими географами как слишком ограниченный; обычно это те же люди, которые отвергают и «художественный подход» — так они обозначают строгий формализм проектировщиков и историков архитектуры. По их мнению, школе Концена не хватает учета экономических факторов вроде стоимости земли, уровня развития строительной отрасли и т.п., которые влияют на рост и формирование городов. Строительные циклы, то есть меняющийся во времени объем строительной активности, увязываются этими географами (в первую очередь, вероятно, среди них надо назвать Джереми Уайтхэнда) с популярной теорией экономических циклов. Пики и спады строительной активности влияют и на новое строительство на периферии города, и на реконструкцию существующей застройки в центре. Не отрицая обоснованности такого пристального внимания к экономическим факторам и его значимости для будущей теории городской формы, я исключаю его из узкого круга рассматриваемых мной вопросов.

8 *Conzen M.R.G. The Use of Town Plans in the Study of Urban History (1968); см. также Kostof S. Cities and Towns (1986).*

Периоды и категории

Тематическая организация моей книги и ее широкий культурный охват ограничивают возможность опираться на традиционную периодизацию. Термин «средневековый», четко определенный для Западной Европы, может лишь с большими оговорками использоваться по отношению к Китаю, а понятие «Ренессанс» и вовсе не имеет там смысла. Опять же стилистические периоды, за последнее столетие досконально выверенные историками искусства, могут использоваться для описания городской формы только в очень ограниченных пределах. До сих пор никто всерьез не пытался определить, например, романский или готический город, или же город рококо, за исключением чисто хронологической идентификации; но при этом мы уже готовы распознавать барочную городскую эстетику (см. главу «Большой стиль»), и как минимум один историк, Курт Форстер, интерпретировал план Саббьонеты, заложенной в 1550-е годы герцогами Гонзага, как «решетку в стиле маньеризма»⁹.

Рис. 140

Обзорному исследованию вроде этого требуется более простой и всеохватный принцип категоризации, причем желательно подходящий для городов в любой части света. Приблизительно хронологическое деление Фернана Броделя, частично вдохновленное идеями Макса Вебера, возможно, слишком заточено под его собственные научные интересы, чтобы быть полезным кому-то еще. В любом случае, его применимость ограничена Западом. Тип А, открытый город, он связывает главным образом с Древней Грецией и Римом. Город там, вне зависимости от наличия стен, «раскрыт в окружающую его сельскую местность и существует с ней на равных правах». Средневековый город служит классическим примером типа Б, закрытого города: он самодостаточен, замкнут в себе и одинаково недоверчив к чужакам и жителям окрестных деревень в стремлении сберечь свою монополию на торговлю и ремесленное производство. Тип В охватывает попавшие в подчиненное положение города раннего Нового времени (с эпохи Ренессанса и далее) — обузданные и строго контролируемые правителем или государством¹⁰.

Рис. 20

Для своих целей я предпочитаю столь же радикальное, но более универсальное деление. Понятие доиндустриального города, впервые выдвинутое Гедеоном Шёбергом в одноименной книге (1960), сохраняет свое значение, несмотря на серьезные возражения против некоторых предпосылок его автора. Применительно к нашим задачам оно подразумевает небольшой размер города (очень редко более 100 тысяч жителей), низкий уровень специализации в землепользовании и малую социальную и географическую мобильность. Социальная структура представлена там двумя классами — элитой и низшим классом; значение промежуточной страты торговцев, по мнению Шёберга, все время преувеличивалось. Центр города

9 Forster K.W. From 'Rocca' to 'Civitas': Urban Planning at Sabbioneta (1969).

10 См. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века. Т. 1: Структуры повседневности. М.: Прогресс, 1986.

Рис. 20. На этом виде Страсбурга XVII века работы Яна Янсона представлены пространственные характеристики европейского доиндустриального города: четко определенная граница города и плотный, компактный центр, отмеченный монументальными общественными зданиями.

20

Рис. 21. Индустриальный городской ландшафт запечатлен на литографии фабричного Холиока (штат Массачусетс, США), выполненной А. Ф. Пулом в 1881 году. Парадные изображения промышленных предприятий, особняков и других памятников частному капиталу размещены вокруг вида на город в Новой Англии с высоты птичьего полета. Решетка нарезанных на участки кварталов, более плотно застроенных ближе к центру, зримо отражает градиент земельной ренты и экономические мотивы в градостроительной деятельности.

Рис. 22. Социалистический Шталинштадт (ныне Айзенхюттенштадт) стал первым новым городом в ГДР, спроектированным по советским образцам. Благодаря централизованному контролю за строительством и отказу от дифференцированной стоимости земли обширные открытые пространства появились даже в центре города, а равная плотность застройки была соблюдена вплоть до окраин (иллюстрация из журнала Deutsche Architektur, 1952).

21

22

занимают органы власти, религиозные учреждения и дома элиты. Повсеместно распространена цеховая организация населения по профессиональному признаку.

Рис. 21 Доиндустриальный город, типичный для всех цивилизаций Старого Света в течение нескольких тысячелетий, кое-где сохраняется до сих пор. Но за несколько последних столетий он был в значительной степени вытеснен другими типами. В рамках каждой из тем, обсуждаемых мною в последующих главах, нам придется столкнуться с радикальными изменениями, привнесенными в мир возникшим в относительно недавнем прошлом индустриальным городом. Хотя ключевая дата при зарождении индустриального города — XVIII век, ее можно отодвинуть до 1500 года и даже ранее, вплоть до момента, пока еще можно говорить, что его возникновению предшествовало появление капитализма. Городской ландшафт в корне преобразился в тот момент, когда городская земля начала рассматриваться как источник дохода, когда владение землей и пользование ею были разведены, а собственность стала в первую очередь возможностью получать земельную ренту. Именно этот «градиент земельной ренты», по словам Джеймса Вэнса-младшего, «покончил с идеей упорядоченного города и стал экономическим стимулом для сегрегации видов использования»¹¹.

Рис. 22 Третья категория, которую необходимо выделить, какой бы краткой ни была ее история до настоящего момента, это социалистический город. Первый цикл его существования еще не завершен, но основные черты уже вполне проявились. Центральным принципом функционирования здесь выступает упразднение капиталистической собственности на землю. На самом деле в социалистических странах это упразднение далеко не абсолютно. Например, в Польше 3/4 всех сельскохозяйственных земель по сей день находятся в собственности крестьян, а в Югославии эта доля еще выше. По большому счету, собственность не экспроприируется, «если ее объем не сильно превышает принятые подушевые нормы обеспеченности жильем и она используется только для проживания; таким образом, частная собственность сохраняется в жилом секторе как в городах, так и в деревнях»¹². Но такая выборочная снисходительность не отменяет того факта, что статус, развитие и форма социалистического города определяются централизованным планированием. Власти принимают решения относительно количества и внешнего вида общественных пространств, объемов сооружаемого жилья, размеров отдельных жилищ, транспортных потоков и вопросов зонирования. Рента и прибыль никак не влияют на эти решения. Во всяком случае, именно так обстояло дело вплоть до недавней волны популистских революций в Восточной Европе, которая может привести к приватизации собственности и установлению рыночной экономики, напоминающей уклад индустриализованного Запада.

11 См. Vance J.E., Jr. Land Assignment in the Precapitalist, Capitalist, and Postcapitalist City (1971).

12 French R.A. and Hamilton F.E.I., eds. The Socialist City (1979).

Рис. 23. Реконструкция фрески из святилища в Чатал-Хююке (Турция) – возможно, древнейшего из дошедших до нас изображений городского плана. Плотные ряды домов под пятном, которое предположительно обозначает извергающийся вулкан, демонстрируют характер жилой застройки в этом неолитическом поселении, основанном примерно в 6500 году до н.э.

В период после Второй мировой войны сформировалась устойчивая форма социалистического города с несколькими характерными особенностями. В центре прежний деловой район уступил место монументальному административному и правительственному ядру. Тут можно привести в пример Софию и Восточный Берлин. Там, где раньше наблюдалось самое бурное кипение городской жизни, теперь находятся огромные общественные пространства церемониального назначения. Для развлечения трудящихся предусмотрен парк культуры и отдыха с местами для прогулок и пикников, кафе и неперенными социалистическими памятниками. Жилая застройка представляет собой более-менее однотипные районы, каждый из которых привязан к определенному промышленному предприятию. Эта жилая зона простирается от самого центра до периферии и отличается довольно высокой и стабильной плотностью (по контрасту с падающей к периферии плотностью застройки в капиталистическом индустриальном городе). Так как роль общественного транспорта здесь куда выше, чем на Западе, рост города подчинен четко определенной транспортной стратегии. Стихийная застройка невозможна. Опять же, в противоположность западноевропейским и особенно североамериканским городам, торговля потребительскими товарами и банки занимают в городском ландшафте сравнительно небольшое место. Зато заметная доля застройки отведена под нужды социального обеспечения.

Город в истории

Что такое город? Где и как появились города?

Я задаю эти вопросы, поскольку их постановка кажется неизбежной в книге по истории городской формы, однако одновременно прошу не заикливаться на них. Дискуссии об определении города, теориях его происхождения и аксиоматике его развития поглощают нас, и мы достигли той точки, когда эта тема уже не может обсуждаться без опровержения или пересмотра того, что было сказано ранее. Этот раздел стоит воспринимать как мою попытку немного разрядить обстановку.

Городские циклы

В наше время уже почти никто не верит в теорию диффузии, которая гласит, что город как явление возник в Месопотамии в четвертом тысячелетии до н.э. и распространился оттуда в долину Инда и Китай, а в западном направлении — в Грецию. Если бы дело обстояло так, для объяснения зарождения городской формы нам пришлось бы беспокоиться только об одном регионе и его городах.

Начнем с того, что ученые уже согласны: некоторые неолитические поселения Передней Азии, такие как Иерихон, Айн-Газаль, Чатал-Хююк и Хирокития, по своим характеристикам могут считаться городами, а они существовали за два или три тысячелетия до Месопотамии. Иерихон был окружен гигантской

Рис. 23

каменной стеной. Находившийся в той же долине реки Иордан Айн-Газаль был втрое больше Иерихона — с населением в 2500–3000 человек и площадью в 12 гектаров. При раскопках там были найдены натуралистичные статуэтки людей, предметы роскоши и маленькие предметы с геометрическим орнаментом, которые, возможно, служили для учета при организованном распределении ресурсов. Расположенный на плато Конья Чатал-Хююк с предполагаемым населением порядка 10000 человек обладал необходимыми ресурсом для развития внешней торговли, поскольку располагал ценным товаром — обсидианом, черным вулканическим стеклом, которое в ту эпоху было лучшим материалом для изготовления режущих инструментов. Там также обнаружили общественные святилища и лавки торговцев. Кипрская Хирокития могла похвастаться первой (насколько мне известно) улицей в мировой истории. Поселение было вытянуто вдоль этой улицы и ничем не огорожено — то есть имело планировку с неограниченным потенциалом роста.

От момента упадка этих протоурбанизированных поселений и до подъема первых настоящих городов в междуречье Тигра и Евфрата где-то около 3500 года до н.э. наблюдается провал как минимум в полторы тысячи лет. В долину Нила урбанизация пришла несколько позже, возможно к 3000 году до н.э. Затем, примерно через тысячелетие после этого, довольно неожиданно появляются и спустя несколько веков оказываются так же быстро покинутыми города долины Инда — Хараппа и Мохенджо-Даро. Между их гибелью и возрождением городской жизни на территории Индии и Пакистана под властью арийских захватчиков — еще один провал примерно в тысячу лет. В Китае местом возникновения первых городов были западная часть поймы реки Хуанхэ и долина реки Вэйхэ в ее нижнем течении. Считалось, что первым городом там был Иньсюй неподалеку от современного Аньяна, но позднее были обнаружены более ранние столицы государства Шан, такие как Чжэнчжоу (в 160 км от Аньяна). Процесс возникновения городов в Юго-Восточной Азии (в Бирме, Малайзии и Индокитае) документально зафиксирован начиная с первых столетий нашей эры. Что касается Нового Света, там раньше всего появились города майя на Юкатане и в Гватемале — Тикаль и Вашактун среди самых древних. В Перу почти нет данных о городах до образования государства Чимор — к концу первого тысячелетия н.э. его столицей стал Чан-Чан, имевший характерный вид обнесенной стеной цитадели. В Африке первыми центрами аборигенной, доевропейской урбанизации можно считать города йоруба: Ибадан, Огбомошо, Иво, Ифе и Лагос.

В ходе этого краткого обзора возникновения городов стоит выделить два обстоятельства.

Во-первых, подчеркнем неравномерность городского развития во времени и пространстве. Как минимум надо признать, что так называемая городская революция случилась независимо в нескольких точках земного шара в разное время — точно так же, как и неолитическая революция. Эта дискретность градостроительства оказывается историческим фактом и для Запада. Дорийское вторжение, случившееся в Греции около XII века до н.э., уничтожило блестящую микенскую цивилизацию

Введение

Города – амальгама зданий и людей. Это населенные декорации, благодаря которым обретают свой смысл ежедневные ритуалы – заурядные или неординарные, случайные или тщательно срежиссированные. В постоянно меняющемся артефакте города концентрируется непрерывность времени и места. Это наилучший памятник нашей борьбе и нашим достижениям: именно в городах видно, чем мы гордимся в своем прошлом.

Иногда города строятся *по указу*, как совершенные формы и для достижения заранее предписанных целей. Их задачей может быть отражать космический порядок или идеальное устройство общества, служить машиной войны, а то и просто приносить прибыль своему основателю. Акт закладки города может быть окружен легендой о благих предзнаменованиях, сулящих великую судьбу, а может быть рутинным, повторяющимся раз за разом событием. Но вне зависимости от того, появился ли город по божественному повелению или в стремлении к обогащению, первоначальный мотив поблекнет или даже исчезнет, если только люди не наладят в городских стенах особую, опирающуюся на собственные ресурсы жизнь, которая сможет выстоять перед лицом бедствий и поворотов судьбы.

Ил. 1. Варанаси (Индия), подходы к гхату Панчаганга во время праздника Картика-пурнима.

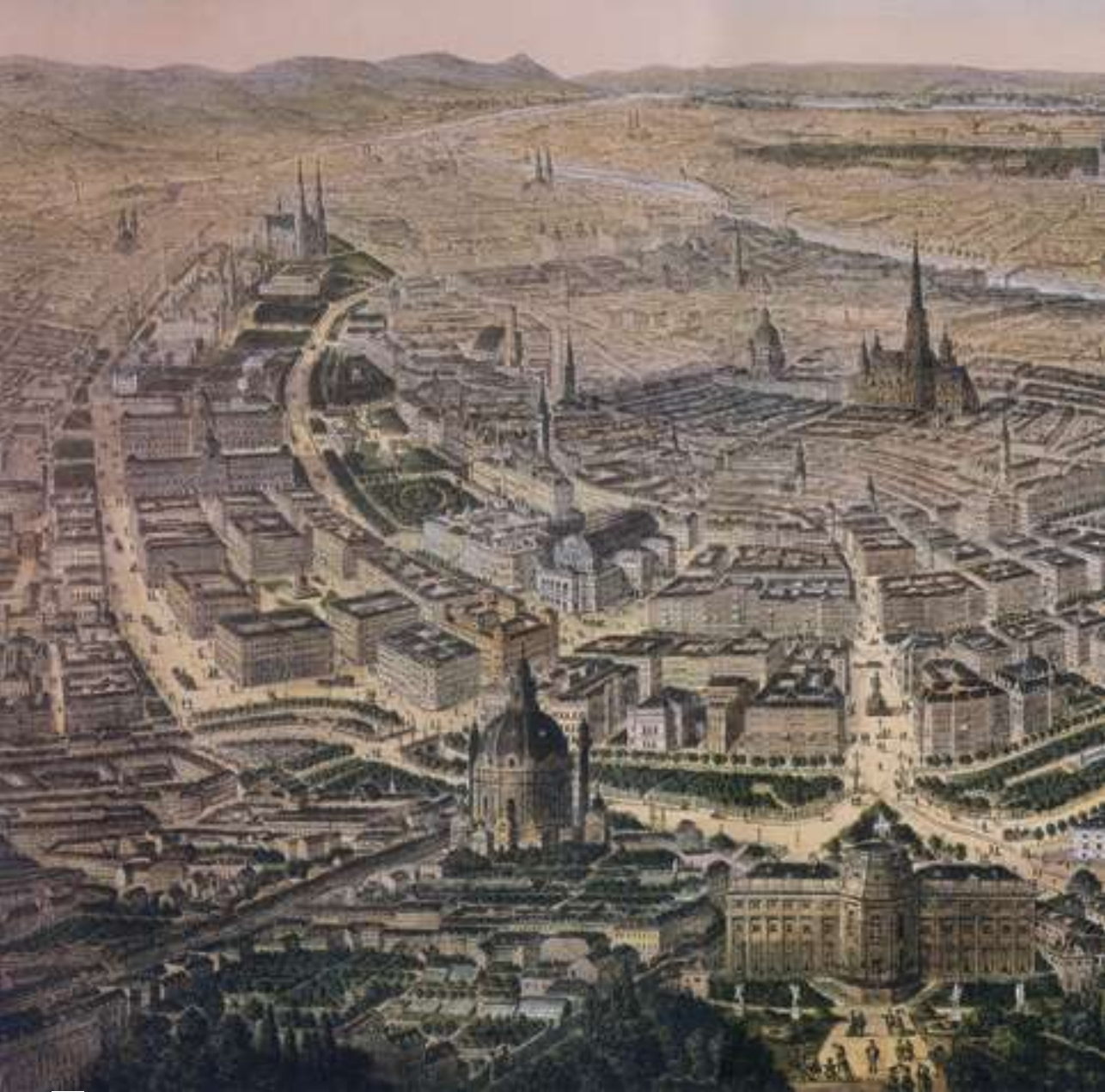

Город как идеальная схема:

Ил. II. Имперская диаграмма: Запретный город в Пекине (Китай), ядро системы концентрических прямоугольников, из которых построена столица династии Мин с 1421 года. Дворцовая территория со всех сторон окружена рвом, попасть на остров можно только через ворота (внизу).

Ил. III. Солнце войны в Венето: город Пальманова (Италия), построенный в 1593–1623 годах. Набранные из числа венецианцев войска и командование занимали центральную часть, тогда как казармы для иностранных наемников опоясывали город вдоль первоначальных укреплений, пронизанных тремя воротами.

Ил. IV. Вена с высоты птичьего полета (Г. Файт, 1873). Плотнo застроенный средневековый город сконцентрирован вокруг высокого шпиля собора Святого Стефана (в центре, на втором плане). До 1857 года венский центр окружало широкое кольцо укреплений. С их внешней стороны округу заполнили пригороды, дворцы и церкви – особенно выделяется массивная Карлскирхе (слева на переднем плане, архитектор Иоганн Фишер фон Эрлах, заложена в 1716 году). Снос укреплений обеспечил условия для создания монументальной композиции – новой кольцевой улицы Рингштрассе, окруженной зеленью, а также величественными общественными и частными зданиями в самых разных архитектурных стилях. Слева от заднего плана к переднему – Фотивкирхе с двумя шпилями, неоготическая Ратуша, два одинаковых неоренессансных музейных здания друг напротив друга и Опера (справа от купола Карлскирхе).

V

Памятные портреты городов:

Ил. V. Сцена триумфального возвращения арагонского флота в 1464 году представлена на фоне несколько схематично изображенного Неаполя (Италия). Город расположен вдоль изогнутой линии между морем и возвышающимися позади холмами; знаменитым маяком он обозначает свое присутствие на море, а монастырем Сан-Мартино – на холмах.

Ил. VI. Это изображение Сарагосы (Испания), созданное в 1646 году дель Мазо и Веласкесом, напротив, оказывается и конкретным, и очень личным: оно фиксирует вид на реку Эбро из комнаты принца Балтазара Карлоса в монастыре Сан-Лазаро. Слева от Каменного моста XV века находится кафедральный собор с его необычным мавританским куполом; справа – другая городская базилика, Богоматери Пилар (с тех пор перестроенная). Балтазар Карлос умер в этой комнате, и картина была закончена для его отца, Филиппа IV. Королевская процессия едва различима в центре на дальнем берегу реки.

VI

Ил. VII. Некоторые специалисты по истории градостроительства утверждают, что древние города формировались, следуя скорее символике, чем прагматичной логике. Мифическое основание столицы ацтеков Теночтитлана (позже Мехико) в середине XIV века изображено на странице Кодекса Мендоса. На пересечении четырех потоков (отражающих четырехчастное деление города, которое сохранялось долгое время даже после испанского завоевания) расположение будущей столицы обозначено через священное знамение: орел уселся на кактус (*nochtli*), растущий на камне (*tetl*). «Кактус-на-камне» (*Tenoch*) – имя лидера ацтеков, изображенного слева от орла, и название заложенного им города.

VII

Ил. VIII. Диаграмма будущего: внутренний ландшафт космической колонии по проекту НАСА.

VIII

и прервало существование городов на материке и островах Эгейского моря на несколько сотен лет. Неопровержим и длительный упадок городской жизни после падения Римской империи, даже если его глубина в прошлом и преувеличивалась. Зона возникновения новых городов в более позднем Средневековье имеет свои четко очерченные пределы: только в XIII веке начинают появляться новые города в Восточной Европе — за Эльбой и Зале и на берегах Балтийского моря.

В то же время городские системы обладают внутренней стабильностью и не нуждаются в постоянной поддержке. Вспомним, например, что сохранившаяся до нашего времени структура городского расселения во Франции сложилась за два периода градообразования — галло-римский и средневековый. Когда после Великой французской революции была реорганизована система местного управления эпохи Бурбонов, 26 префектур современных департаментов разместились в бывших *civitates*, центрах племенных территорий, выполнявших в Римской Галлии административные функции (всего их в античные времена было 44). С середины XIV века к структуре городского расселения в королевстве мало что добавилось, кроме пары десятков новых городов в XVI–XVIII веках, да и те появлялись в основном на почве политических амбиций (к примеру, Анришмон герцога де Сюлли, основанный в 1608 году к северу от Буржа, современный ему Шарлевиль герцога де Невера вблизи Реймса, Ришелье, заложенный кардиналом того же имени в 1635 году, и, конечно же, Версаль), по оборонительным соображениям (Лонгви и Неф-Бризак, оба спроектированные Вобаном) или в целях поощрения колониальной экспансии (пять портов — Гавр, Брест, Лорьян, Рошфор и Сет).

В Англии мы видим древнеримские города, англосаксонские города и 400–500 городов эпохи сразу после норманнского завоевания (XII и начало XIII века) с длительными периодами стагнации между этими историческими отрезками. И опять же практически ничего нового между последними появившимися в Средневековье городами (Квинсборо и Бьюдли) и концом XVII века, когда здесь, как и во Франции, было основано несколько портов: Фалмут (1660), Уайтхейвен, Порт-Глазго и Девонпорт.

Во-вторых, раз уж строительство городов и обитание в них оказывается не стабильным образом жизни, а переживает на всех континентах нерегулярные циклы взлетов и падений, нам следует уделить определенное внимание иным типам поселений. Возможно, мы придаем городу слишком большое значение. Возьмем, к примеру, Китай. Большинство ученых согласны, что, захватывая свои обширные территории, китайцы не считали город основным средством колонизации. Куда важнее для освоения и удержания незаселенных земель было распространение на них систематического сельского хозяйства, организованного вокруг населенных крестьянами деревень. Когда территория была обжита, одна или несколько деревень укреплялись как центры имперской власти. Очевиден контраст с Грецией, Римом или, скажем, расселением немцев в Восточной Европе, где новые города выступали как ключевые элементы процесса экспансии.

Рис. 146

Рис. 238

Истоки города

Разнообразные воззрения на происхождение городов прекрасно знакомы нам всем и зачастую сводятся к задаче о курице и яйце. Определило ли что-то необходимость появления городов, или появление городов привело к возникновению этого чего-то?

Это справедливо и для концепции излишков, по мнению сторонников которой города появились, когда произошел отход от простого и самодостаточного натурального хозяйства отдельной деревни. Производство излишков, превышающих насущные потребности населения, позволило некоторым членам сообщества перестать зависеть от физического труда на земле и тем самым создало возможность для выделения специальных задач и связанных с ними групп — писцов, ремесленников, священников и воинов. Производство излишков предполагает наличие орошения, тогда как эффективные оросительные системы предполагают наличие сложного бюрократического аппарата, а значит, городов. Так вот, мол, все и было.

Но, во-первых, на самом деле не существует каких-либо весомых доказательств того, что политическая власть в Месопотамии, предполагаемом месте зарождения городов, возникла в ответ на необходимость управлять ирригационной системой каналов. А во-вторых, сами «излишки» — понятие относительное. Их появление подразумевает не только увеличение объемов производства (его может и не быть), но и изменение приоритетов при перераспределении товаров и услуг между разными типами использования. Другими словами, перемены в общественном укладе могут примерно с той же вероятностью быть причиной изменений в технологиях и представлениях о прожиточном минимуме и перепроизводстве, а не следовать за ними.

То же самое относится и к идее города как защищенного рынка. В соответствии с парадигмой, приобретшей известность благодаря книге Джейн Джекобс «Экономика городов» (1969), города, предположительно, зарождались в качестве узловых рынков, а интенсификация сельского хозяйства была следствием необходимости прокормить город. Загвоздка здесь в том, что в ранних городах не обязательно существовал рынок, поскольку дальняя торговля регулировалась договорами и осуществлялась официальными посредниками. Возьмем, например, *карумы* — торговые колонии ассирийских купцов, которые образовывались в непосредственной близости от уже процветающих городов Анатолии и других соседних регионов. Торговля по договорам также практиковалась в доколумбовой Центральной Америке, в доколониальной Западной Африке и, вероятно, в Китае династии Шан. Получается, саморегулирующийся рынок мог быть скорее исключением, чем правилом. Более того, вопреки широко распространенному убеждению, местные рынки, даже если они существовали, не всегда развивались в городах — так же как, между прочим, и ярмарки, эти архетипические центры дальней торговли. Это, кстати, справедливо и для Средних веков. На самом деле, насколько нам известно, ни одна средневековая ярмарка не привела в итоге

к зарождению города. Даже Труа в Шампани (современная Франция) возник прежде своей прославленной ярмарки.

Примерно те же проблемы возникают в связи с военными (город как инструмент защиты и доминирования) и религиозными (город как святое место) теориями. Конечно, концентрация поселений в целях обороны могла породить города. Но почему тогда они не появились раньше? Оборона, должно быть, была проблемой и до эпохи урбанизации. Опять же, верным может быть и обратное: при более высокой концентрации людей может потребоваться более хитроумная защита.

Рис. 25

И святилища не всегда порождают города, хотя, как показал Пол Уитли и многие другие, невозможно отрицать огромную роль, которую культы и жреческая иерархия играли повсеместно в структуре ранних городов. Добавлю, что взгляд на город как на религиозный центр крайне важен как противовес тому чрезмерному вниманию, которое историки западного города уделяют торговле.

Все это емко обобщено в книге Гарольда Картера «Введение в историческую географию города» (1983), которая завершается цитатой из Уитли:

Сомнительно, что единственный независимый от других фактор будет когда-либо определен как корень всех тех общественных, экономических и политических трансформаций, которые привели к появлению городских форм... Какие бы структурные изменения в социальной организации ни были вызваны торговлей, войнами и новыми технологиями, они должны были быть закреплены неким властным актом, чтобы установиться как институализованная практика.

Рис. 26

Именно властный акт, а не какой-либо конкретный вид деятельности, выступал движущей силой при зарождении очень многих городов. Шёберг приравнивал власть к общественному влиянию. Для него доиндустриальный город был «механизмом, посредством которого правители могли укреплять и удерживать свое влияние». Распространение городов по неурбанизированным территориям было связано с «укреплением или расширением политического аппарата в форме королевства или империи»¹³. Военные завоевания и политическая стабильность создают потребность в городах в большей мере, чем торговля. Оккупационные силы нуждаются в административных и военных центрах, чтобы контролировать только что занятые земли. Великий мусульманский историк XV века Ибн Хальдун придерживался той же точки зрения. «Правители и династии абсолютно необходимы для строительства городов», — писал он. Опять же, подвох здесь в том, что появилось раньше. Можно отстаивать точку зрения — и некоторые так и делали, — что для появления древних династий нужны были города.

В итоге все сводится к, судя по всему, неизбежному базовому противопоставлению городов, основанных

13 *Sjöberg G. The Preindustrial City (1960).*

Рис. 24. Город как рынок. Европейские ярмарки, как эта, у ворот голландского Арнема, создавали торговую площадку, свободную от большинства пошлин и привилегий, ограничивавших дальнюю торговлю. Самые крупные ярмарки напоминали настоящие временные города, как показано на этом фрагменте гравюры Ромейна де Хоге (1645–1708).

Рис. 25. Город как религиозный центр. Мадурай на юге Индии изображен на этом плане XVIII века как концентрическая система стен, открытых пространств и городских кварталов, расположенных вокруг священного ядра храмового комплекса, обнесенного собственной квадратной стеной с четырьмя воротами под башнями-гопурами.

Рис. 26. Город как военная твердыня. Французский порт Кале был занят английским королем Эдуардом III в 1346 году с целью установления жесткого контроля за территориями, завоеванными на континенте. За два века правления англичан город превратился в крепость и административный центр. Французы отвоевали чужеземный опорный пункт в 1558 году, несмотря на законченную незадолго до этого радикальную перестройку укреплений в соответствии с самыми передовыми итальянскими наработками. Именно такой мы видим крепость на гравюре конца XVI века из «Атласа городов земного шара» Брауна и Хогенберга.

24

25

26

возникшей ранее государственной властью, и городов, которые, как сформулировал Уитли, стали «результатом спонтанного развития социальных, политических и экономических отношений в среде традиционного общества». Такой процесс выступает сугубо внутренним для отдельно взятого региона, в то время как обусловленная властью закладка городов служит распространению городских структур, характерных для одного региона, на территорию другого.

Рис. 29–30 Возьмем для примера Японию, где первые города возникли южнее Тохоку между IV и VI веками н.э. Их зародышами принято считать дворцы-столицы межплеменных союзов южнопонской культуры курганных погребений в области Ямато. Укрепленный дворец, который вмещал в себя личный административный аппарат правителя или был окружен им, стал причиной беспорядочного расселения в ближайшей округе ремесленников, работников и военных. В результате этих характерных исключительно для Ямато общественных процессов и зародилась местная городская форма. Позже, в VII веке, внезапно возникают столицы, задуманные как единое целое и спланированные на основе ортогональной решетки: сначала Фудзивара-кё в 694 году, а спустя 15 лет и Хэйдзё-кё (часть нынешней Нары) в самом центре равнины Ямато. Образец в этом случае был заимствованным, а именно — регулярная планировка китайских городов вроде Чанъаня. Нам неизвестно, перекочевала ли эта схема в Японию напрямую, вместе с китайской структурой управления, или же попала более кружным путем, через корейское королевство Силла с его столицей в китайском стиле на месте современного Кёнджу. В любом случае, это была чужая формула, реализованная сильной централизованной властью на территории, которая не имела никакого отношения к ее разработке.

Рис. 139

Рис. 174

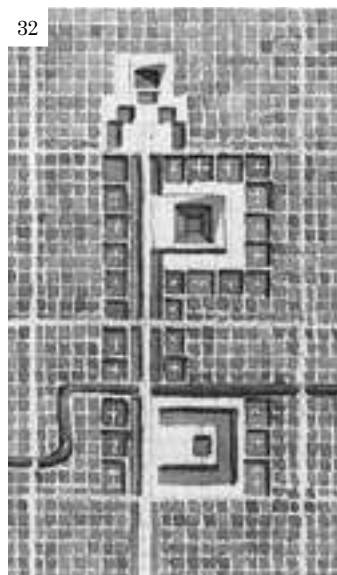
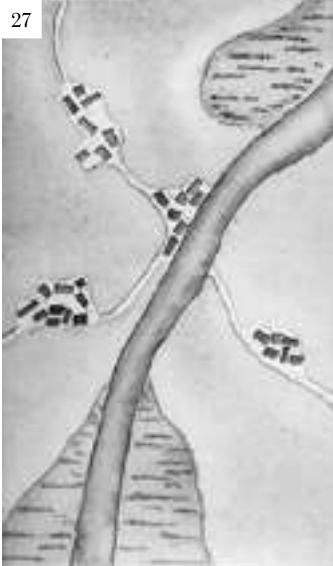
Мало того, что причина зарождения городов — тема крайне непростая; мы также должны постараться не приписывать излишнего значения их точному местоположению, то есть тем общим геоморфологическим условиям, в которых города предпочитали возникать. Появление городов, пусть даже связанное со спонтанными процессами, которые присущи определенному региону, никогда не бывает только лишь процессом: на каком-то этапе создание города всегда требует от некоего лидера или коллектива принятия волевого решения. Воспринимать города как результат исключительно «естественных» причин — географических случайностей или неизбежных региональных тенденций — значит предаваться материальному детерминизму такого рода, который несовместим с деятельностью человека. В конце концов, на свете есть немало удобных речных переправ, важных перекрестков торговых путей и легко обороняемых возвышенностей, которые не породили своих городов. Как писали Астон и Бонд, «города строятся людьми и для людей. Их расположение внутри региона и на местности — это результат решений, принимаемых людьми, а не неотвратимого действия каких-нибудь физических факторов». К тому же не стоит забывать, что «какими бы ни были первопричины появления города в определенном месте, после

Городская форма создается под влиянием разных процессов расселения:

Рис. 27–28. Путем синойкизма несколько отдельных деревней объединяются в одно сообщество.

Рис. 29–30. Работники селятся рядом с дворцом, храмом или крепостью, привлеченные повышенным благосостоянием их обитателей.

Рис. 31–32. В случае древнего города Теотиуакан в Мексике административный потенциал храмового комплекса оказался так велик, что ортогональная решетка полностью подменила сеть дорог и деревень, которые изначально занимали эту территорию.

основания он сам выстраивает собственную инфраструктуру, транспортные связи и так далее»¹⁴.

В общем, предлагаю чересчур не беспокоиться об одном определяющем факторе, ответственном за возникновение городов. Каждый из упомянутых выше порождающих импульсов имеет значение. Благоприятная экологическая ниша; месторасположение, удобное для торговли; какая-нибудь передовая технология, которая может подразумевать масштабные ирригационные проекты, металлургию, животноводство и тому подобное; развитая структура общества; мощная политическая организация — все они имеют прямое отношение к зарождению городов. Суть в том, что в случае некоторых городов определенные факторы были, вероятно, взаимосвязаны между собой и что для разных городов важны разные факторы; или, яснее выражаясь, города возникали по конкретным причинам, связанным с теми задачами, которые они должны были выполнять.

Ранняя городская форма

Ранние города принимали очень разные очертания. Прежде чем взяться за наш основной сюжет, мы должны быть готовы отказаться от соблазнительного образа городов, естественно вырастающих из деревенской жизни, как деревья из зеленых побегов. Как бы широко ни было распространено такое поступательное развитие, давайте не будем принимать нерегулярную форму города за неизбежный конечный результат медленного разрастания поселения более примитивного типа. Существует множество случаев, когда объединение ряда предшествующих поселений приводило в итоге к появлению городов, абсолютно произвольных в своей неупорядоченности. Мы уже упоминали первые японские города, возникшие благодаря дворцам правителей. Они, как и ранние города Месопотамии, вероятно, были обязаны своей формой некому непредсказуемому скапливанию населения вокруг институционального ядра в той же мере, что и естественной адаптации или «биологическим» ритмам.

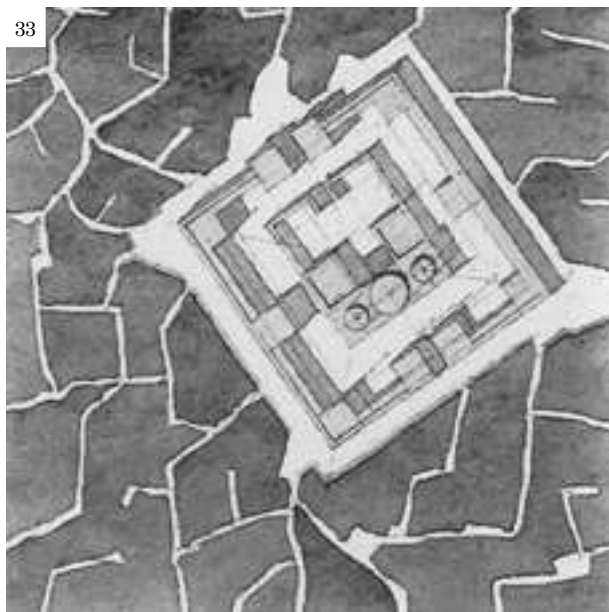
Во-вторых, с самого начала существовало немало городов, которые вовсе не выглядели естественно или органично. Некоторые, как, например, Эль-Лакхун, на самом деле были коммуна-обществами для рабочих, а не полноценными городами. Тем не менее они демонстрируют, что уже египтяне эпохи Древнего царства умели проектировать полностью упорядоченную среду с улицами, ровными рядами зданий и продуманной иерархией типов жилья. В городах вроде Мохенджо-Даро мы уже имеем дело с жесткой ортогональной планировкой, которая последовательно применялась ко всей городской ткани; кварталы были примерно одинакового размера, а главные улицы рациональным образом отличались от разделявших дома проулков.

Независимо от того, какой была реальная практика градостроительства, древние традиции настаивали, что создание

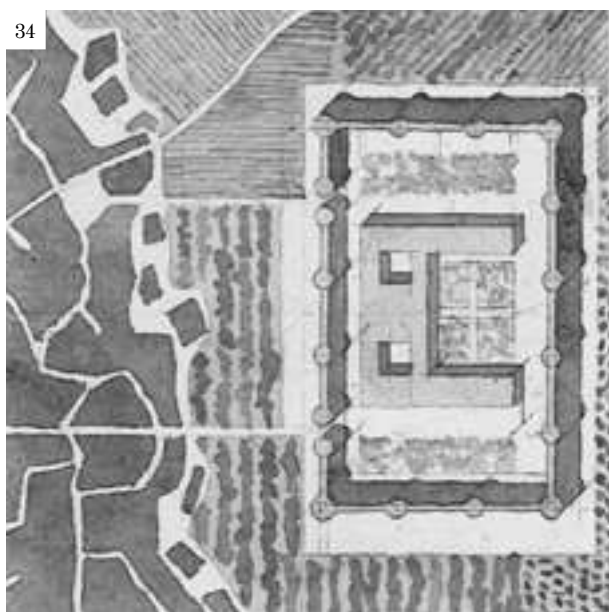
¹⁴ Aston M. and Bond J. The Landscape of Towns (1976).

Рис. 33–34. Благодаря своему масштабу и регулярной планировке монументальные храмовые и дворцовые комплексы резко выделяются на фоне остальной городской среды вне зависимости от того, расположены ли они в центре города или примыкают к его границам.

33

34

города — это целенаправленный акт, одобренный и реализуемый на самом высоком уровне. Города создавали боги, бравшие на себя заботу об их судьбе. Города создавали цари в качестве микрокосма своей власти. Город был чудесным, вдохновенным творением. Египетская надпись VII века до н.э. гласит, что Птах «породил богов, создал города, основал номы, поместил богов в их святилища»¹⁵. Более ранний гимн воспеваает Амона и его творение, Фивы, «образец для каждого города». И так продолжалось на протяжении столетий. В соответствии с людскими верованиями, города создавались, а не случались.

Это вовсе не удивительно, так как во многих древних культурах город на земле должен был быть выражением небесного прототипа, точно воспроизвести который было невероятно важно. Требовалось соблюдать ритуальные характеристики вроде ориентации по четырем сторонам света, симметрично расположенных ворот или размеров, выраженных круглыми магическими числами. Это, в свою очередь, означало заранее продуманную, часто геометрически правильную планировку. Боги разбирались в таких вещах и отдавали соответствующие указания царям. Если у вас была возможность начать все с нуля, вы могли построить целый город в соответствии со священными заповедями и тем самым приступить к своему правлению при благоприятных предзнаменованиях. История полна примеров новых городов, обозначающих начало новых эпох: Амарна для Эхнатона, Хорсабад для Саргона II, Багдад для Аль-Мансура, Дадугу для Хубилая, Версаль для Людовика XIV. Заветным преимуществом таких начинаний было то, что правитель мог выбрать для своего города идеальное население и вынудить его жить по предписанным правилам.

Рис. 33–34

Рис. 253

Если же вам приходилось работать с чем-то менее совершенным — городом, унаследованным от предшественников, — вы могли пойти по одному из двух путей. Можно было добиваться, чтобы божественному образцу уподобился хотя бы центральный церемониальный комплекс: именно поэтому ансамбли храмов или дворцов в городах, во всех прочих аспектах не имеющих регулярной формы, часто спроектированы в манере, которая резко контрастирует с остальной тканью города и по масштабу, и по упорядоченности. А можно было пристраивать к старому городу новые районы, для которых характерна свойственная именно вашей династии монументальность и в которых смогут поселиться только самые лучшие из ваших подданных. Это история Ашшура и Вавилона, Каира и Самарры, Феррары, расширенной при Эрколе д'Эсте, и Берлина, достроенного бранденбургскими курфюрстами. Очертания многих исторических городов отражают последовательное добавление к первоначальному ядру таких тщательно спланированных районов, и один из наиболее показательных аспектов городского ландшафта связан с тем, как эти дополнения соединяются с более старой застройкой или же намеренно отторгают ее.

Наряду с традицией божественного-королевского происхождения городов, с очень раннего периода существовала,

очевидно, и контртрадиция, гласящая, что обычные люди создавали города по своей собственной инициативе, и боги были этим недовольны. В Ветхом Завете несложно заметить сильное предубеждение против городов. Бог создал сад, рай природы, Эдем, но «пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема... и построил он город». А позже, путешествуя с востока, потомки Ноя нашли равнину в Сеннааре, «и сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли». Но Господь незамедлительно положил конец этим богохульным поползновениям.

Должны ли мы трактовать все это как сопротивление представителей земледельческих культур, где бог пребывает повсюду или обитает в ручьях и на вершинах гор, вызову городов и, если угодно, одомашниванию божества? Или нам стоит разглядеть здесь и истоки популизма, тенденции уклоняться от влияния центральной власти — создание городов волей простого народа, без поддержки монарха или жречества? Или борьбу с этой властью за города?

В мире древних греков эта идея найдет свое высшее проявление в концепции *полиса*, где все сообщество как таковое и есть город. Как говорил афинским солдатам Никий в гавани Саракуз: «Где бы вы ни утвердились, вы тотчас составите [город]... Ведь [город] — это люди, а не стены и не корабли без людей»¹⁶. От полиса возникает *политика*. Человек, как писал Аристотель, — существо «политическое», приспособленное по своей природе для жизни в городе.

И как же можно отличить этот тип города? В нем не будет ни монументальных ансамблей, кроме как для богов, ни каменных домов, ни изысканных улиц. В нем будут места, где горожане могут собираться вместе для вынесения решений, влияющих на их общую судьбу и образ жизни. Такой город будет мерилom морали его обитателей. Хорошие люди живут в городах; они относятся к конкретному городу, осознают себя через него и благодаря этому испытывают уважение к себе. Люди, преступившие моральные нормы, изгоняются из города. «Безроден в кругу сограждан тот, кого лихой кривды путь в сердце дерзостном пленил», — пишет Софокл¹⁷.

После завершения эпохи эллинизма и Рима, в ходе которой город как произведение искусства, *urbs*, возобладал над *civitas*, городом как праведным собранием людей, мы вновь наблюдаем утверждение роли сообщества. Это то, что сохраняло на плаву некоторые древнеримские города, несмотря на упадок, сокращение населения и разорение, вызванные распадом империи. «Не камни, но люди», — сформулировал Исидор Севильский в VII веке, описывая *civitas*. И когда несколько столетий спустя люди вновь отбирают контроль над своими городами у крупных феодалов, мы опять видим эту коллективность, моральный императив, равноправие горожан в определении своей судьбы и своей градоформы. На протяжении всего

16 Фукидид (VII, 63).
Пер. Ф.Г. Мищенко.

17 Пер. Ф.Ф. Зелинского.

позднего Средневековья борьба бюргеров с замком и собором, то есть с правителями и епископами, будет в огромной мере определять процесс созидания городского ландшафта.

Что такое город?

Чтобы завершить эту вводную часть, я предлагаю договориться о нескольких простых допущениях относительно любых городов, независимо от механизма их возникновения, а также от их месторасположения, формы и создателей. Два дельных определения, оба из которых датированы 1938 годом, задают нам отличную отправную точку. Луис Вирт назвал город «относительно крупным, плотным и постоянным поселением социально неоднородных индивидов»¹⁸. Для Льюиса Мамфорда город — «точка максимальной концентрации власти и культуры в сообществе»¹⁹. Ниже я постарался развить эти основополагающие допущения.

а) Город — место, где происходит некая наполненная энергией концентрация людей. Речь не идет о физических размерах города или численности его жителей как таковых: все дело в плотности населения. Подавляющее большинство городов в доиндустриальную эпоху были очень небольшими: население в две тысячи человек или меньше не было редкостью, в то время как город с населением в 10000 выделялся на общем фоне. Из почти трех тысяч городов Священной Римской империи только 12–15 (в том числе Кельн и Любек) насчитывали более 10000 жителей.

Некоторые статистические данные послужат нам в будущем в качестве ориентиров. В древности существовало лишь несколько подлинных мегаполисов, в том числе императорский Рим во II веке н.э. и Чанъань в VIII веке. В Средние века такими гигантами были Константинополь, Кордова и Палермо — последние два, возможно, достигали в XIII–XIV веках численности населения в 500 тысяч. Не исключено, что население Багдада до его разрушения монголами в 1258 году составляло более миллиона человек. Опять же, для таких феноменальных концентраций имеются и китайские параллели: Нанкин в XV веке, а в позднюю императорскую эпоху — Пекин, Сучжоу и Гуанчжоу. Пекин оставался самым большим в мире городом, с населением в два-три миллиона, до 1800 года, когда его обогнал Лондон. В XVII веке его единственными близкими конкурентами были Стамбул, Агра и Дели. За каждым огромным городом такого рода, по крайней мере в доиндустриальную эпоху, стоит обширное централизованное государство. Без своего правителя город неизбежно усыхает или гибнет.

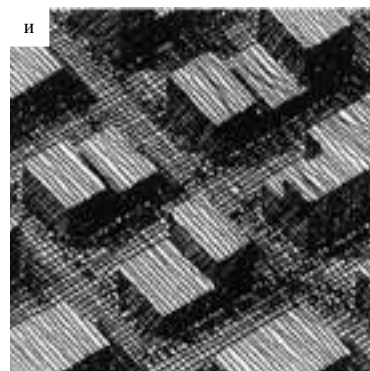
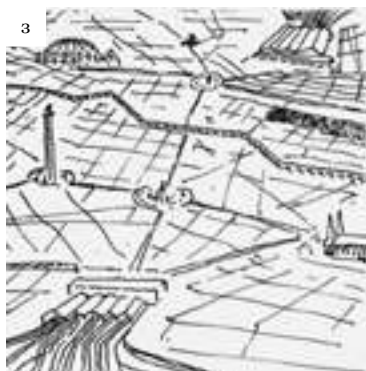
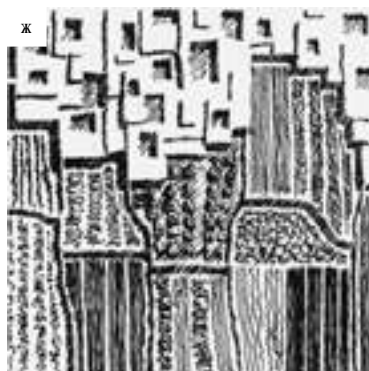
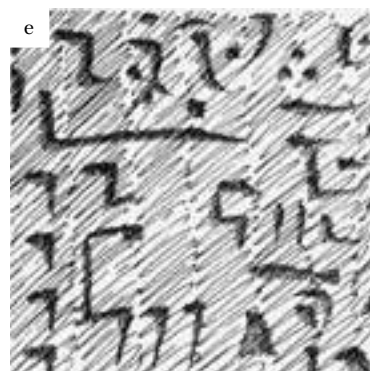
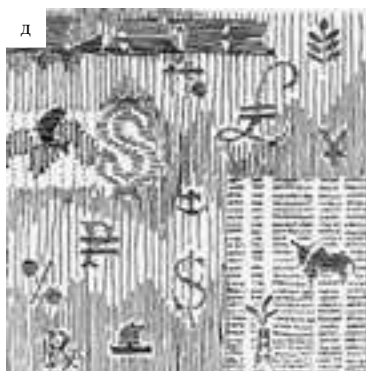
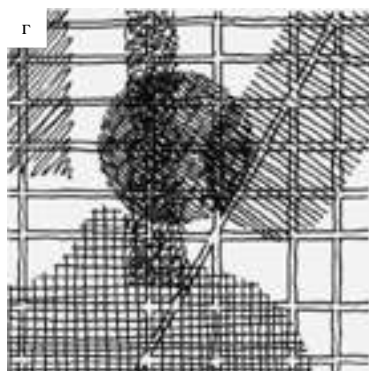
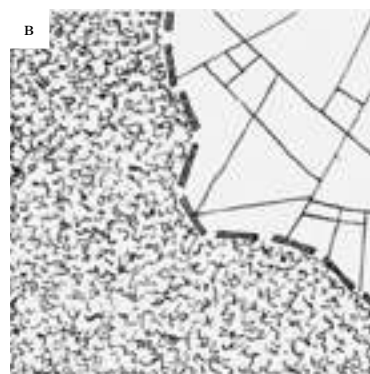
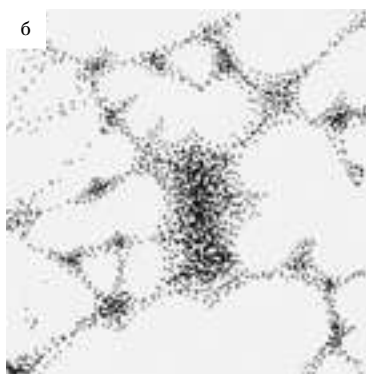
б) Города образуют кластеры. Город никогда не существует в одиночку, без окружения из других городов. Таким образом,

18 Пер. В. Николаева.

19 Mumford L. The Culture of Cities (1938).

Рис. 35–43. Характеристики городов:

- а) Энергичное сгущение
- б) Городские кластеры
- в) Четкие пространственные очертания
- г) Функциональное зонирование
- д) Городские ресурсы
- е) Письменное делопроизводство
- ж) Город и деревня
- з) Монументальный каркас
- и) Здания и люди

он неизбежно включен в целую систему, иерархию городов. Даже самые скромные городки имеют свои зависимые деревни. Как сформулировал Бродель: «Город существует как город лишь в противопоставлении образу жизни, более низкому, чем его <...>». Чтобы существовать, ему нужно было господствовать над какой-то „империей“, пусть даже крохотной»²⁰. В Китае городская иерархия была выражена посредством суффиксов, которые добавлялись к названиям: «фу» для города первого класса, «чжоу» — на один уровень ниже, и «сянь» — для еще более малозначительного. Аналогично, четко определенная городская иерархия существовала и в османской Анатолии XVI века. На ее вершине стоял Стамбул, а дальше по нисходящей шли региональные центры (от 20 до 40 тысяч жителей в каждом) и два типа небольших городов — менее 10 тысяч и менее 5 тысяч жителей.

в) Города — это места с четкими пространственными очертаниями, материальными или символическими, которые служат отделению тех, кто принадлежит городскому порядку, от всех остальных. «Город без стен — это не город», — писал Жан-Франсуа Собри в своей работе «Об архитектуре» (1776). Даже без каких-либо зримых пограничных знаков всегда существует особая правовая зона города, внутри которой действуют соответствующие ограничения и привилегии.

г) Города — это места, где присутствует глубокое разделение труда; где каждый человек — священник, ремесленник или солдат; и где богатство неравномерно распределено среди горожан. Эти различия создают социальные иерархии: богатые более влиятельны, чем бедные, а священник важнее ремесленника. Социальная неоднородность города — тоже аксиома. Городское население включает различные этнические группы, расы и религии. Даже в этнически однородных городах, какими должны были быть города-государства йоруба, могли встречаться рабы или заезжие купцы.

д) Города — это места, обладающие некими преимуществами в смысле извлечения дохода: оживленной торговлей; интенсивным сельским хозяйством и связанной с ним возможностью образования излишков продуктов питания; наличием природных богатств — от залежей руд до горячих источников, как в Бате (графство Сомерсет, Англия); особыми геоморфологическими характеристиками (например, естественной гаванью) или человеческими ресурсами (скажем, королем).

е) Города — это места, которые обязательно полагаются на письменное делопроизводство. Именно благодаря письменности они могут вести учет товаров, принимать законы, которые регулируют жизнь сообщества, а также фиксировать право собственности, что чрезвычайно важно, потому что в конечном счете город опирается на юридическую конструкцию частной собственности.

²⁰ Бродель Ф. Указ. соч. / пер. Л.Е. Куббеля.

ж) Города — это места, которые тесно взаимосвязаны с окружающей сельской местностью: они обладают территорией, которая их кормит, а они в обмен защищают ее и предоставляют ей некие услуги. Раздельное рассмотрение города и сельской местности, как мы неоднократно убедимся в этой книге, совершенно неуместно. Римские города не существовали отдельно от подвергшихся центуриации (межеванию на квадратные участки, которые в теории соответствовали ста мелким наделам) окрестных земель; великие итальянские коммуны вроде Флоренции и Сиены не могли бы существовать без их *контадо* (*contado*); и то же самое относится к городам Новой Англии с их полями и общинными выпасами. Полис, *civitas*, коммуна, округ — всё это термины, которые относятся к городским поселениям наряду с их региональным окружением²¹.

Часто градоформа жестко включена в систему межевания окрестных сельскохозяйственных угодий. Характерные для центуриации оси, сориентированные по сторонам света (север–юг и запад–восток), римляне обычно продолжали в виде главных улиц города. Национальная топографическая система США, которая регулирует межевание на двух третях территории страны, определила местоположение и размер многих американских городов (см. главу «Решетка»). Кроме того, для нас очень важно, что предшествующие урбанизации границы сельских участков часто влияют на будущие элементы городской планировки и определяют очертания города.

Вопрос, что первично, — город или сельская местность — не так прост. Первые города на Ближнем Востоке или в Китае контролировали и организовывали уже функционирующую к тому времени аграрную территорию. При освоении американского Дикого Запада города предшествовали фермам, обеспечивая предпосылки для их создания и использования. Схожим образом, глубокие разногласия по поводу относительного превосходства города или деревни обнаруживаются на протяжении всей истории. Приведу два максимально удаленных друг от друга примера. Последователи Конфуция считали, что функция элиты — это управление, что государство предполагает существование уродов и что задача государства — нести цивилизацию в сельскую местность; этому мнению противопоставлялся идеал жизни в деревне, в итоге ставший характерным для даосизма и буддизма. Аграрный республиканизм Томаса Джефферсона не видел пользы от городов в структуре молодой нации. Города были для него «болячками на политическом теле».

з) Города — это места, которые характеризуются определенной монументальностью, то есть городская ткань не сводится к равномерному слою жилых домов. Это означает, что там существует набор общественных зданий, которые задают городу масштаб и становятся для горожан символом общей идентичности. Технические сооружения также имеют важное значение: в Риме были акведуки; в Тикале (нынешняя

21 Kostof S. *Junctions of Town and Country* (1989).

Гватемала) — огромное водохранилище; в Анурадхапуре на Шри-Ланке — масштабная система водоснабжения. В публичной сфере ранних городов, подчиненных центральной власти, особое значение придавалось дворцу и храму. В городе, контролируемом своим населением, царский дворец исчезает или превращается в дворец для народа, а храм как бы секуляризуется — как в случае древнегреческого полиса или средневековой европейской коммуны с ее ратушей (*palazzo pubblico* или *Rathaus*) и «гражданским» собором.

Рис. 173

и) Наконец, города — это места, состоящие из зданий и людей. Я согласен с Кевином Линчем: «Городские формы, их реальные функции, а также идеи и ценности, которые связывают с ними люди, образуют единое явление»²². Сотни новых городов любой исторической эпохи оказывались мертворожденными или гибли молодыми. Большинство уличных решеток, распланированных железнодорожными компаниями XIX века вдоль своих путей, не превратились в настоящие города. С другой стороны, нам не обязательно обращать внимание на мнение тех ученых, которые не считают городами важные и существовавшие на протяжении долгого времени центры цивилизации майя и такие места, как Ангкор-Тхом и Накхонпатхом, лишь на том основании, что там не было постоянного населения. Эти потрясающие церемониальные комплексы существовали в гармоничном единстве с людьми — священнослужителями, строителями, ремесленниками и обеспечивавшими их всех торговцами. При чтении этой книги нам не стоит забывать, что в истории существовали общества без городов и бывали периоды, когда города были малозаметными пережитками прошлого в преимущественно сельском пейзаже. Давайте также признаем, что городской и сельский образы жизни время от времени были конкурирующими социальными системами и, более того, что историю человеческого расселения можно представить как историю непрерывного спектра состояний от сельского до городского, так что к анализу города как изолированного объекта следует подходить с большой осторожностью. И тем не менее город находится среди самых замечательных и наиболее долговечных творений и институций рода человеческого. От обаяния города не скрыться: его изучение — это одновременно и необходимость, и дань уважения.

Наш рассказ, конечно, не ограничится областью прошлого. Сегодня города рождаются *ab ovo* — посредством либо почкования, либо принятия юридических решений о создании новых муниципалитетов. Начиная с 1950 года в Англии было основано более 30 новых городов. Во Франции вдоль двух осей в долине Сены строится несколько новых городов с населением от 300 до 500 тысяч человек: Сен-Кантен-ан-Ивелин, Эври, Марн-ла-Валле. Другие были основаны за пределами парижского региона. В Советском Союзе за последние десятилетия возникли

Рис. 44. В планировке и застройке площади Маркса (ранее – Берлинской, а ныне – Ньюгати) в Будапеште отразилось столетие постоянных изменений в культуре города. Красная звезда, увенчавшая фасад справа, примиряет остатки габсбургского великолепия с эпохой строительства социализма. Стекло́нное офисное здание и многоуровневая развязка на другой стороне создали фрагмент модернистского городского ландшафта.

сотни городов, тесно связанных с новыми промышленными предприятиями. В США свои заметные плоды принесла начатая в 1960-е годы программа создания «новых сообществ».

От Иерихона до Марн-ла-Валле путь неблизкий. Моя задача — используя тематический подход, охватить всю историю градостроительства — опирается на парадокс. В своем телесном аспекте города очень долговечны. Как сформулировал Джеймс Вэнс:

Наиболее устойчивой характеристикой города оказывается его материальная конструкция: она держится с удивительным постоянством, прирастая дополнениями, которые отвечают наиболее актуальным экономическим требованиям и отражают последние веяния стилистической моды, но сохраняя свидетельства городской культуры прошлого для нынешнего и будущих поколений.

И в то же время:

Городское общество более изменчиво, чем любая другая совокупность людей. Экономические нововведения приживаются в городах куда быстрее и решительнее; миграционные потоки в первую очередь устремляются в городское ядро, заставляя города играть важнейшую роль ассимиляционных центров для приезжих из самых разных сельских районов; ветры прогресса веют в городах с особенной силой...²³

Основным вызовом этой книги, как и второго тома моей диалогии, станет необходимость и зафиксировать, и разрешить это важнейшее противоречие между социально-экономическими переменами и долговечностью самого артефакта.

23 Vance J.E., Jr. *Geography and the Study of Cities* (1978).

Рис. 45. Изящно изогнутая улица в Везле (Франция) отмечает путь, которым процессии паломников шли к бенедиктинскому аббатству, прославившемуся как место упокоения Марии Магдалины. Наличие религиозной достопримечательности почти полностью объясняло заметный рост города, который внезапно прекратился в конце XIII века, когда мощи Марии были обретены в провансальском Сен-Максимене и богомольцы перестали посещать Везле.

«ОРГАНИЧЕСКАЯ» СТРУКТУРА ГОРОДА

Города спланированные и неспланированные

Наиболее привычный и грубый подход к анализу городской формы подталкивает нас к заключению, что существует два вида городов. Их не сложно отличить друг от друга.

Первый вид — спланированный, или спроектированный, или «созданный» город, *ville créée* в терминологии Пьера Лаведана. Такой город появляется одновременно; его структура раз и навсегда определяется каким-то властным решением. До XIX века этот сценарий неизменно завершался возникновением упорядоченной, геометричной городской планировки.

В наиболее чистом виде она представляла собой решетку или систему с центральной симметрией, вроде круга или многоугольника с радиальными улицами, расходящимися из одной точки, однако зачастую геометрия таких городов оказывается более сложной, включая в себя комбинации различных модификаций и искажений этих двух чистых форм.

Другой вид — это *ville spontanée*, то есть спонтанный город, называемый также «выросшим», «случайным», «сложившимся» (в противоположность «насаждаемому») или, чтобы подчеркнуть одну из очевидных характеристик его структуры, «геоморфным». Развитие города такого типа происходит без генерального плана и вмешательства архитекторов, лишь под влиянием времени, рельефа местности и повседневной жизни горожан. В результате этих процессов складывается беспорядочная, нерегулярная, «органическая» форма с изобилием изломанных или изогнутых улиц и открытых пространств случайной формы. Чтобы подчеркнуть постепенность создания таких городских форм, часто говорят об их «лишенном плана развитии» или «инстинктивном росте».

Вот как это различие определяет историк городов Фердинандо Кастаньоли:

Нерегулярный город складывается в результате развития, которое полностью зависит от людей, живущих в этих местах. Если власти межут территорию и распределяют участки, прежде чем отдать их пользователям, возникает единообразно спланированный город²⁴.

С этой точки зрения, все дело — в упорядоченности и, как следствие, в контроле. Так, в зависимости от нашего отношения, мы либо отдаем предпочтение спланированному городу перед спонтанным из-за его четкой упорядоченности, либо осуждаем его за негибкость. Опять-таки мы можем осудить случайный характер спонтанного города или воспеть его насыщенную неожиданностями топографию, отзывчивость и гибкость его преобладающей формы, а также естественную непринужденность, с которой он соответствует образу жизни местного сообщества.

24 Castagnoli F. Orthogonal Town-Planning in Antiquity (1971).

Но по целому ряду причин эта четкая дихотомия, предназначенная для облегчения понимания городской формы, оказывается скорее помехой, чем подспорьем.

Прежде всего стоит отметить, что регулярность спланированного города условна: улицы, которые на карте выглядят прямыми и однородными, в реальности могут искажаться непредсказуемым поведением окружающих их объемов. Такая непредсказуемость бывает двух типов.

- Рис. 48–49 Во-первых, то, как здания соотносятся с красной линией улицы и где они расположены на своих земельных участках, имеет огромное значение для общего ощущения упорядоченности. Уильям Пенн прекрасно понимал это, закладывая основы знаменитой «шахматной доски» Филадельфии. Его указания выдают озабоченность тем, как здания будут держать общий фронт улицы и насколько равномерно они вдоль нее расположатся. «Пусть дома будут выстроены в линию или стоят настолько близко к ней, насколько это возможно», — писал он. И далее: «Пусть каждый дом, будь на то воля хозяина, располагается на половине ширины своего участка». В XVIII веке градостроители эпохи барокко повсеместно поощряли, а когда это было возможно, то и законодательно закрепляли расположение зданий, определяющих облик улицы, вдоль границы участка; более того, фасады таких зданий должны были быть одинаковы.
- Рис. 147
- Рис. 252

Требование единообразного внешнего вида было призвано противодействовать второму типу строительной активности, способной размыть эффект регулярной планировки. Даже когда здания, как солдаты, выстроены вдоль городской решетки в ровную шеренгу, некое разнообразие в их объемах и, что еще важнее, перепады в их высоте могут создавать довольно живописные структуры, которые вроде как более свойственны спонтанному городу. Жесткая решетка Манхэттена растворяется при удалении от уровня земли, порождая сочетания в диапазоне от пестрых до фантастических.

Рис. 102

И не только восприятие спланированной градоформы зависит от многих условий — нерегулярность спонтанного города тоже бывает разной по своей полноте. Там часто встречаются изгибы, но они вовсе не являются чем-то обязательным. То, что кажется нам неупорядоченностью, зачастую оказывается совокупностью прямых отрезков улиц, пересекающихся под случайными углами, и иными линейными элементами, изломанными частыми поворотами. В своей классификации ранних городов Пенсильвании Ричард Пилсбери называет это «нерегулярной правильностью»; хорошим примером тут служит Оксфорд в округе Честер. Когда линейные элементы достаточно постоянны, чтобы воспринимать их совокупность в качестве деформированной или частично разрушенной решетки (как, например, в голландском Хардене или французском Вильреале — оба представляют собой целенаправленно созданные города), мы имеем полное право сосредотачиваться и на правиле, и на отклонениях от него.

Рис. 50

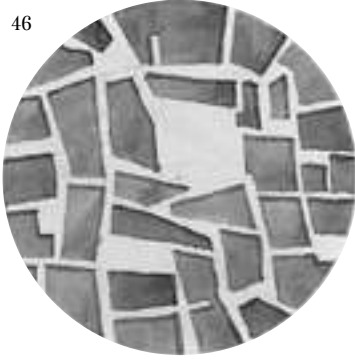
Это размывание простейшей дихотомии спланированной и спонтанной городской формы по-своему проявляется в современных городах. С начала XIX века особая

Рис. 46–47. Нерегулярность очертаний *ville spontanée* против упорядоченной структуры *ville créée*.

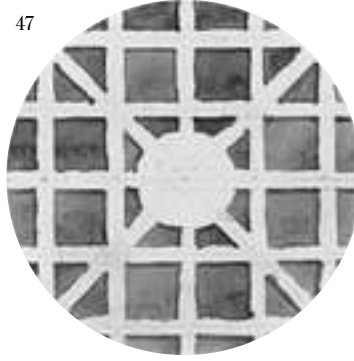
Рис. 48–49. Геометрическая регулярность прямой улицы может быть подчеркнута правилом, предписывающим зданиям одинаковый отступ, или нивелирована их свободным расположением.

Рис. 50. План Нардена (Нидерланды) в 1632 году (по гравюре Боксхорна). Искаженная решетка улиц восходит к 1350 году, когда после разрушительного пожара город был заново заложен по приказу Виллема V (из баварской династии Виттельсбахов). К началу XVII века стратегическое расположение рядом с заливом Зейдерзе превратило Нарден в укрепленный форпост.

46

47

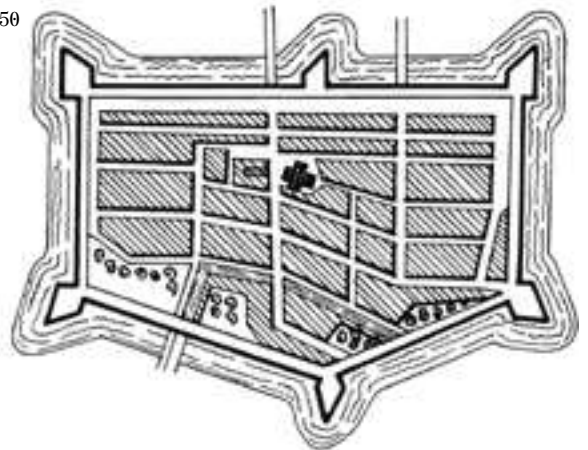
48

49

50

проектировочная традиция, которая зародилась в романтических пригородах, а позже переросла в полномасштабную альтернативу доминирующей школе западного градостроительства, дарит нам тщательно продуманные негеометричные планировки, искусно избегающие жесткости геометрической абстракции. Такие планировки отдают предпочтение системам криволинейных улиц, ломаным линиям, варьируемым расстояниям и выразительным формам, тем самым осознанно и подражательно перерабатывая особенности «органических» городов. Благодаря чему у нас есть возможность говорить о «спланированном органицизме» или, выражаясь чуть более складно, о «спланированной живописности». К обсуждению этого феномена мы вернемся в заключительных разделах этой главы.

Сосуществование и наложение

Рис. 51

Рис. 253

Если бы мы просмотрели несколько сотен случайно выбранных планов городов самых разных исторических эпох, мы бы обнаружили более фундаментальную причину усомниться в продуктивности дихотомии, основанной на городской геометрии. Мы бы убедились, что два основных типа организации города, спланированная и «органическая», обычно сосуществуют бок о бок, как аккуратный Бэк-Бей рядом со старым Бостоном. Новые районы, которые пристраивали в европейских городах к плотному средневековому ядру исторического центра, всегда имели регулярную структуру. Колониальные державы Нового времени теснили туземный хаос медин Северной Африки и древних городов Индии и Индокитая геометрией масштабных градостроительных проектов с их целеустремленными диагоналями магистралей и правильными по форме площадями.

Поэтому надо иметь в виду: каким бы ярким ни был контраст между средневековой Феррарой и новыми кварталами Эрколе д'Эсте, или между старым центром Дели и Нью-Дели, мы должны помнить, что и Феррара, и Дели — это единые города, которые невозможно исторически и физически рассматривать как постоянный контрапункт самим себе. Необходимость воспринимать город как сложное переплетение, как сумму его компонентов и как летопись его истории особенно актуальна, когда две части не так легко различимы, как в рассмотренных выше примерах, а также когда город пережил более одного подобного приращения.

Большая часть исторических городов и практически все мегаполисы представляют собой мозаики из спланированных и спонтанных сегментов, по-разному соединенных или наложенных друг на друга. «Органическое» ядро старого центра само по себе часто состоит из нескольких элементов, вокруг него расположен массив более или менее регулярных новых кварталов, а на окраинах города и в его внутренних пустотах поселения бедноты, стихийно возникшие за последние годы

Рис. 51. Бостон (штат Массачусетс, США) в 1877 году. Смещение нерегулярной и ортогональной застройки хорошо видно на выразительном портрете города работы Джона Бахмана. Извилистые улицы исторического ядра вокруг Капитолия штата (узнаваемого по куполу в самом центре) отражают рельеф местности и пути проселочных дорог, которые задавали форму первым кварталам Бостона. Справа на заднем плане видна регулярная решетка улиц района Саут-Энд, построенного в середине XIX века на осушенных территориях.

Рис. 52. Разделенная на две части карта Герата (Афганистан, на основе схемы фон Нидермайера) демонстрирует сосуществование двух типов городской формы на разных уровнях иерархии уличной сети. Базовая решетка (справа) организует вторичную сеть улиц внутри крупных кварталов. Когда на план добавляется лабиринт проходов и проездов (слева), общая упорядоченность практически исчезает.

и не предусмотренные никакими планами, могут успешно нарушать ту ясную целостность городской формы, которая была заключена в нее изначально. По меткому выражению Вольфганга Браунфельса, карта любого города есть «результат самообновления собственной планировки»²⁵. С учетом этого непрекращающегося процесса адаптации, идея четко разделять регулярное и нерегулярное представляется не особенно продуктивной.

Тут мы можем пойти еще дальше. Два вида городской формы не всегда существуют параллельно друг с другом. Они могут преобразовываться один в другой. Переработка предшествующей планировки с течением времени порождает городские палимпсесты, где регулярная решетка накладывается на лабиринт тупиков и узких извилистых улочек.

Рис. 52

Посмотрите на план старой части Герата, самого западного из крупных городов Афганистана. Пара относительно прямых торговых улиц, пересекающихся под прямым углом, делят город на четыре квадрата; по периметру их окружают улицы вдоль городских стен, которые в свою очередь образуют почти идеальный квадрат. Внутри каждого из кварталов преобладают путанные проходы и проезды — во всяком случае, так может показаться на первый взгляд. На самом деле там можно без особого труда обнаружить сеть вторичных улиц, которые начинаются от поперечных осей или периферийных улиц и пересекают кварталы примерно с севера на юг и с востока на запад. Карта Герата, составленная немецким офицером Оскаром фон Нидермайером в 1916–1917 годах, преувеличивает регулярность городской планировки, опуская короткие проулки, которые нарушают структуру несовершенной решетки. Наиболее вероятная гипотеза напрашивается сама собой: Герат возник как регулярно спланированный город, однако решетка прямых улиц деформировалась и частично стерлась со временем. Нельзя исключить эллинистического происхождения Герата, однако существует и мнение, что город был спроектирован в соответствии со строгими предписаниями «Манасары», древнеиндийского трактата по архитектуре (с. 134)²⁶.

Рис. 164

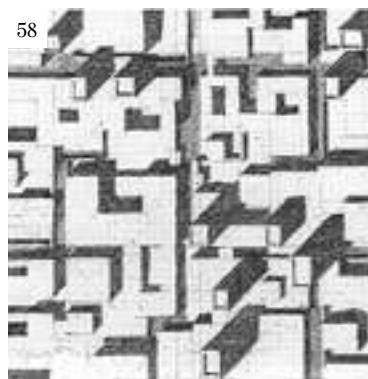
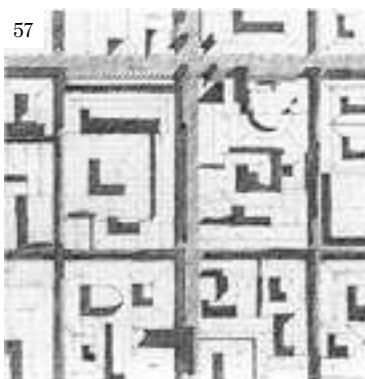
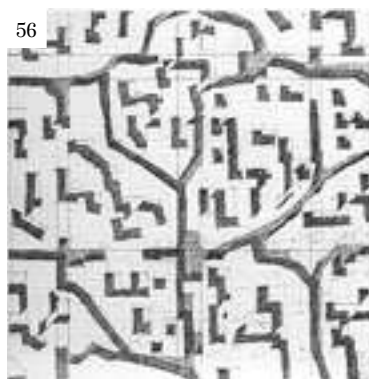
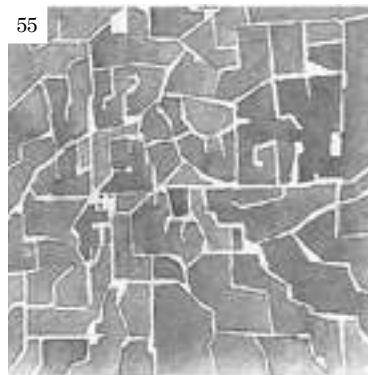
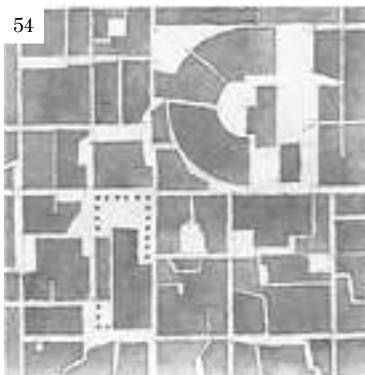
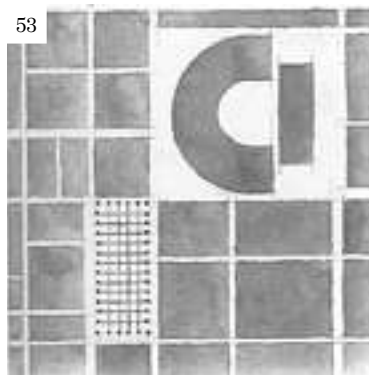
В более привычном нам контексте западного мира мы можем проследить некоторые этапы процесса дерегуляции планировки, посмотрев на развитие первоначально строго спроектированных римских городов после падения империи (например, британского Казрлеона, итальянской Аосты или испанской Барселоны). Причины сокращения и реорганизации европейских городов раннего Средневековья хорошо известны: уменьшение численности населения, экономический упадок, а также социальная революция, в результате которой созданные как центры многочисленных культов языческие города оказались в руках сторонников монотеистической религии (христианства, а позднее в некоторых уголках империи — и ислама). В новой общественной структуре не было места театрам, амфитеатрам, храмам или (в случае христианства) баням. Гражданские институты античного города перестали действовать; одним из

²⁵ Braunfels W. *Abendländische Stadtbaukunst* (1976).

²⁶ Gaube H. *Iranian Cities* (1979).

Рис. 53–55. Плавная трансформация регулярной решетки римской колонии в исламский город. Слева: безукоризненная римская решетка прерывается лишь рынком под открытым небом и амфитеатром. В центре: новое население исламского города присваивает эти общественные строения для частных нужд, тогда как тропы посреди кварталов начинают разрушать ортогональную уличную структуру. Справа: в полностью преобразившемся городе почти не осталось общественных пространств; прямые проходы в гуще кривых узких улочек – единственное, что напоминает об изначальной планировке.

Рис. 56–58. Преобразование бывших римских городов в феодальной Италии и исламском мире имело характерные отличия в форме и социальном контексте. В центре: регулярный план, типичный для городов-колоний, которые основывались Римской империей по всему Средиземноморью. Слева: после трансформации исламским населением улицы замещены паутиной проулков, которые формируют жилые кварталы для отдельной семейной или этнической группы. Справа: модификация такого же города в средневековой Италии предполагала сращивание исходных прямоугольных кварталов в укрепленные феодальные анклавы, увенчанные оборонительными башнями.

последствий этого оказалось ослабление или полное исчезновение безопасности общественного пространства. Таким образом, начался распад рационально упорядоченного и управляемого обществом римского *urbs*. То, что произошло, можно представить в виде совокупности трех основных тенденций.

Рис. 53–55

Во-первых, это было освобождение движения от геометрического порядка. Решетка — негибкая система в смысле свободы передвижения человека. По пути из места на место мы не ходим с поворотами под прямым углом, пока что-то не вынуждает нас так поступать. С ослаблением муниципального контроля в городах, переживших падение Римской империи, естественное движение вскоре пробило кратчайшие пути через крупные блоки жесткой решетки. Тропинки, огибающие или пересекающие руины не нужных больше общественных зданий, стали новыми улицами.

В то же время схема движения вокруг центрального рынка, местоположение которого иногда совпадало со старым римским форумом, приспособлялась к новым городским условиям. В закрытой экономике Средневековья рынок был ценнейшим активом; связанные с ним привилегии тщательно регулировались. Города оставались очень небольшими. Рыночные пошлины, взимаемые с пришлых торговцев, были основным источником дохода муниципалитета, что обуславливало противодействие городских жителей неограниченной иммиграции и свободному росту города. Внутри города доходы ремесленников и лавочников зависели от близости к рынку. Соответственно, район вокруг рынка был самым престижным; второе место занимали улицы, ведущие к городским воротам. Наиболее предпочтительной для лавочников и ремесленников планировкой города была радиальная — несколько улиц, расходящихся от рынка к городским воротам. Однако для римской решетки были характерны перпендикулярные оси с форумом в месте их пересечения или вблизи него. Разумной стратегией в таком случае представлялась идея пробивать новые улицы через прямоугольные кварталы в точках наименьшего сопротивления.

Рис. 57

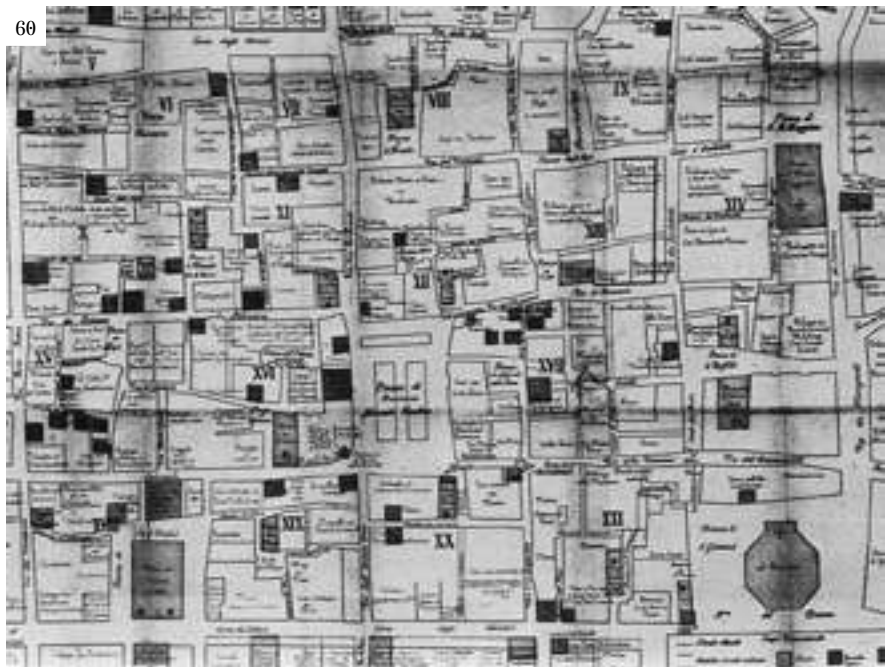
Рис. 56

Во-вторых, это была реорганизация кварталов. В римские времена жилая застройка состояла из домов не связанных между собой отдельных семей, по три-четыре дома в каждом прямоугольном квартале; в более густонаселенных городах семьи жили в многоэтажных домах, *инсулах*. В исламских городах превалировала совершенно иная структура жилой застройки. Население там группировалось по кварталам в соответствии с родовой, племенной или этнической принадлежностью. В этом случае сквозные улицы представляли собой разделительные линии между такими замкнутыми в социальном отношении группами. Кварталы римской решетки ориентированы наружу; исламские — обращены внутрь себя. Таким образом, в римских городах, унаследованных исламским миром, — скажем, в Дамаске или испанской Мериде — открытые территории улиц и общественных пространств, которые теперь казались избыточными, сокращались за счет постоянной уплотнительной застройки, сквозные улицы перекрывались, кварталы сливались в сплошные суперкварталы, а внутри этой плотной городской

Рис. 59. Случай наложения структуры средневекового аграрного поселения на римскую решетку (на основе карты Бенера). В Трире (Германия) прямоугольный римский форум и строго ортогональная решетка улиц первоначально были окружены обширной петлей стен. Но к XII веку территория города значительно сократилась, так что его укрепления были перенесены, оставив снаружи около трети ранее огороженной территории. Грандиозные античные общественные заведения – термы, амфитеатр и форум (выделены белым) – оказались заброшены, а их руины были приспособлены под частное использование. Смысловым центром средневекового поселения стал укрепленный соборный комплекс в северо-восточном углу вкуче с расположенным перед его воротами рынком. Новая уличная сеть, полностью заменившая прежнюю решетку, представляет собой совокупность радиальных дорог, сходящихся к рынку возле собора.

Рис. 60. Средневековая деформация древнеримской решетки во Флоренции очевидна на *catasto*, кадастровом плане 1427 года, который считается результатом первого в Европе картографического исследования, проведенного специально для создания реестра частной собственности в целях налогообложения. На этом фрагменте выполненной вручную копии плана в правом нижнем углу виден восьмиугольный баптистерий Сан-Джованни.

ткани складывалась обращенная внутрь циркуляционная сеть, чьим основным элементом стал тупиковый проулок, обслуживающий лишь своих непосредственных обитателей.

Рис. 58

Рис. 60, 111

Схожая трансформация классической решетки в результате изменения структуры жилой застройки произошла и на Западе, прежде всего в городах Италии. В этом случае изменения были вызваны переездом в города знатных семей, которые стремились воспроизвести там укрепленный характер своих сельских резиденций. Получавшиеся анклавы объединяли разрозненные прежде объекты недвижимости вокруг внутренних дворов, перекрывали промежуточные улицы и герметично изолировались по периметру. Знатные семьи создавали оборонительные союзы с соседями, образуя полуавтономные, скомпонованные вокруг собственного ядра районы, оцетинившиеся территории и вернуть улицы и общественные пространства в пользование всего городского населения оказалась в позднее Средневековье одним из основных испытаний для появившихся городов-коммун с местным самоуправлением.

В-третьих, это было воздействие на городскую ткань новых общественных центров. Потоки движения, как текущая вода, пробивают себе собственный путь: замок, собор, дворец епископа — ключевые объекты в средневековом городе Запа-да, — как правило, оттягивали на себя уличную сетку. Вместе с тем важные для римской эпохи точки больше не имели значения; следовательно, и улицы, которые к ним вели, отмирали или теряли свою роль. Для четкой системы римской решетки такой процесс смещения смысловых акцентов приводил, если ему не оказывалось противодействия, к необратимым изменениям.

Рис. 110

Если задуматься о соблюдении иерархии различных траекторий движения относительно географии общественных центров в пределах города, совершенно ясно, что решетка имеет свои очевидные ограничения. Основными средствами выразительности выступают в этом случае относительная ширина улиц и размещение важнейших точек в соответствии с ортогональной структурой. Перекрестно-осевая система и местонахождение общественного центра вблизи пересечения главных осей стали для античного градостроительства способом отчасти компенсировать рутинное однообразие маршрутов, прокладываемых по такой шахматной доске. Однако с наступлением Средневековья эта иерархия начала выстраиваться уже без оглядки на римскую решетку.

В тех западных городах, где средневековый рынок складывался на месте римского форума, а дворец епископа и собор находились примерно там же, преобладание в расположении городского ядра минимизировало деформации из-за такого смещения смысловых акцентов. Напротив, пример немецкого Трира иллюстрирует полное пренебрежение римской решеткой: после длительного периода сокращения численности населения и изменения его социальной структуры вокруг важнейших усадеб в кольце городских стен сложилось несколько напоминающих деревни поселений, которые соединялись

Рис. 59 дорогами с укрепленным соборным комплексом неподалеку от Porta-Nigra, северных ворот римского города. Римский рынок, расположенный в районе южных ворот, был заброшен, а основная деловая активность в преобразившемся городе сосредоточилась на рыночной площади у ворот собора.

Рис. 60 Так что стоит помнить, что лабиринт старой Мериды в испанской Эстремадуре был когда-то регулярным античным городом, а решетка исторического центра Флоренции, которую мы почитаем как римское наследие, на самом деле была целенаправленно воссоздана в позднем Средневековье после периода дробления города на части враждующими феодальными группировками. Этих примеров изменения и преобразования городской формы вполне достаточно, чтобы не довольствоваться простым противопоставлением спланированных и неспланированных городов.

Эволюция «органической» структуры города

Истина заключается в том, что ни один город, какой бы произвольной ни казалась нам его форма, нельзя назвать «неспланированным». За самым странным поворотом улочки или проулка, за максимально нелепой по форме городской площадью стоит порядок, обусловленный предшествующим использованием, особенностями рельефа, давно сложившимися условностями общественного договора и чередой компромиссов между частными правами и публичным интересом.

Города проектирует власть, а самая осязаемая форма власти — это контроль над городскими землями. Когда государство является основным собственником, оно может установить ту планировку, которую пожелает. Это утверждение было верным для важнейших центров древней Персии, имперских столиц Китая и барочных городов-резиденций европейских князей. Это было верно для промышленных моногородов в странах Запада и по-прежнему верно для Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы, где сильно ограничены права частной собственности. Непререкаемая власть такого рода обеспечивает тотальное планирование с четкой и однозначной городской формой.

В масштабе всей долгой истории городов, от государств Передней Азии и Месопотамии до современных новостроек, такое тоталитарное планирование никак нельзя назвать правилом. Подавляющее большинство городов мира не восходит своими корнями к подобным целенаправленным решениям. Влияние, которое дает владение городскими землями, чаще всего распределено между множеством участников, а городская форма в итоге оказывается постоянно меняющимся результатом всеобщего компромисса. Этот многокомпонентный и непрерывный процесс иногда может начинаться с регулярного

плана или обретать подобные планы на более поздних этапах. Но чаще всего городская планировка оказывается очень сложной в своих очертаниях и неочевидной для восприятия, а так как она обусловлена действием множества различных сил, ее не всегда можно объяснить в каждой ее детали.

Сколько существует городов, столько получается и самобытных планировок, описывающих их. Двух одинаковых не бывает. Если термин «органический» просто кажется нам подходящим для обозначения этой наиболее распространенной городской конфигурации, то он имеет полное право на существование. Если же, с другой стороны, им подразумевается или постулируется некая «биологическая» природа города, то нам лучше разобраться с этим как можно скорее.

Города как организмы

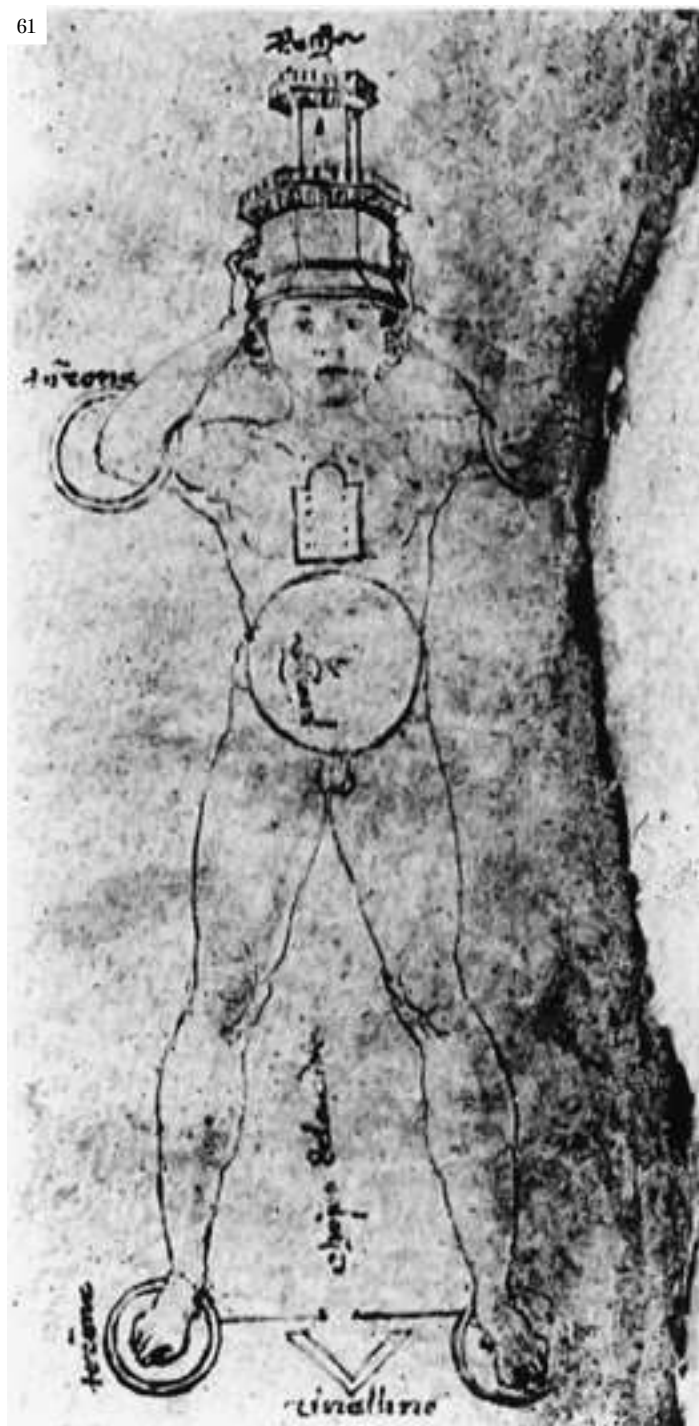
Представление о городе как о живом организме возникло относительно недавно и, безусловно, связано с подъемом современной биологии, науки о жизни, который произошел к середине XVII века. С одной стороны, трудно было не провести визуальные параллели между живыми существами и планами некоторых городов: закоулки мусульманских медин заставляют вспомнить о прожилках листьев, а кольцевая структура немецких Нердлингена или Аахена напоминает срез древесного ствола. С другой, сопоставление органов человеческого тела с элементами городской формы на основании сходства их функций удовлетворяло простое желание одушевлять неживое — это было подтверждением верховенства городской жизни. Открытые пространства вроде площадей и парков оказывались легкими города; центр города сравнивали с сердцем, перекачивающим кровь (транспортные потоки) через артерии (улицы), и так далее. Такое буквальное сравнение отличалось от гуманистических представлений Ренессанса, приписывавших лишь хорошей — то есть спланированной — городской форме человеческие характеристики: так, Франческо ди Джорджо утверждал, что «отношение города и его частей подобно отношениям в человеческом теле; улицы — это вены».

Рис. 61

В последнее время эта биологическая аналогия внезапно обрела новую популярность благодаря экономическому подходу. Городской участок или жилье одной семьи в этой системе выполняет функцию клетки; такие места, как порт, банковский квартал, пригород или промышленное предприятие, становятся органами или специализированными тканями; наконец, капитал, неважно, в виде инвестиций или зданий, — это энергия, распространяющаяся по всей городской системе. «Еще до наступления великой эры капитализма любой городской рост коренился в процессе накопления капитала»²⁷. В своей материальной форме накопление капитала обеспечивает изменение городских пространств; мы можем рассматривать его как чистый баланс сноса (амортизации) и нового строительства.

27 См. *Olson S. Urban Metabolism and Morphogenesis* (1982).

Рис. 61. Человек как прототип городской формы. Из трактата «Гражданская и военная архитектура» Франческо ди Джорджо Мартини, конец XV века.

Две других особенности живых организмов, их структурная логика и патогенез их заболеваний, также считались подходящими для описания «органических» городов. Растения и животные имеют четкие границы и способны к саморегулируемому росту; для них характерны изменчивость и приспособляемость; перемены в них напрямую подчинены требованиям окружающей среды. То же самое, как утверждалось, происходит (или должно происходить) и с «органическими» городами. Кроме того, эти города, как и живые организмы, подвержены болезням и смерти. В городской литературе XIX века прослеживается идея взаимосвязи качества застройки с физическим и социальным здоровьем жителей города. Зловещей причиной патологического распада городской ткани, по логике авторов, выступает Промышленная революция. Рецепт спасения кажется им либо побег из перенаселенных, разлагающихся городов, либо ампутация их «зараженных» участков, то есть трущоб.

Однако для решения наших задач эти сравнения едва ли пригодятся. Их применение при проектировании современных городов, излюбленный шаг защитников идеи города-сада, выглядит как лукавство. На самом деле распланированный «органицизм» города-сада и родственных ему концепций противоречит биологической логике, так как настаивает на разделении функций и на введении их иерархии, на утверждении заранее для города его оптимальных размеров, а также на отказе от идеи непрерывного изменения и роста. Путаница возникает из-за фундаментального несходства городов с живыми организмами. Как верно отмечал Кевин Линч, «города — не организмы, они не растут и не меняются сами по себе, точно так же как не размножаются и не лечатся сами собой»²⁸. Города возводятся по замыслу человека и по его воле.

И в вопросе об «органических» градоформах, который имеет непосредственное отношение к нашей дискуссии, мы также должны отказаться от всяких аналогий из мира биологии. Наука о подлинно органических формах свидетельствует, что хаотическое поведение элементарных частиц принудительно ограничивается там общим порядком. Пол Вайсс писал: «Некое суммарное явление может повторяться в природе с закономерной регулярностью, но мельчайшие факторы, из-за которых оно происходит, в каждом отдельном случае будут наблюдаться в неизменно новых сочетаниях»²⁹. Нет никаких доказательств наличия такой закономерной регулярности в развитии «органических» городов. Если биологическая истина «упорядоченность в большом, свобода, разнообразие и уникальность в малом» вовсе применима при анализе городов, то она скорее относится к градосодержанию (а не к градоформе) — в том смысле, что, по словам того же Вайсса, «сообщество может сохранять свои свойства и структуру несмотря на ротацию населения из-за рождений, смертей и миграции». Или же еще можно отметить, что парадоксальным образом

28 Линч К. Указ. соч.

29 Weiss P. Organic Form Scientific and Aesthetic Aspects (1960).

такая догма куда больше соответствует спланированной градоформе, поскольку зачастую в рамках регулярного плана вроде решетки разнородная строительная активность внутри отдельного квартала не влияет на упорядоченность общей структуры.

Роль топографии

Что же тогда определяет, казалось бы, неповторимые и индивидуальные формы спонтанных (то есть сложившихся) городов?

Наиболее часто выдвигаемое предположение: это влияние природного ландшафта. Звучит убедительно, поскольку такая гипотеза явно понятнее всех прочих. В некоторых частях света, например в Латинской Америке, месторасположение и планировка поселений так покорно вторят очертаниям рельефа, что восприятие городов не представляется возможным отделить от восприятия их природных условий. Для любого гостя Рио-де-Жанейро он навеки остается связанным с холмами, горами и бухтой, которые в огромной мере формировали облик города на протяжении всех трех веков его истории.

Выражаясь несколько точнее, мы можем выделить несколько типов поведения, характерных для городов, бережно учитывающих особенности ландшафта. Город, стоящий на реке, способен перенимать изгибы русла, повторяя их в форме улиц вдоль одного или обоих берегов. Близость моря также сулит прекрасные градостроительные возможности. Естественные гавани в живописном окружении подсказывают улицам аналогичные очертания: эллинистический Галикарнас славился своей формой, напоминавшей амфитеатр; Неаполь и чилийский Вальпараисо — его современные сородичи. Благодаря своим оборонительным преимуществам территории с массой скальных выступов пользовались успехом на протяжении всей истории градостроительства. Городская форма, располагающаяся в такой местности, подстраивает под нее свой облик решительно или ненавязчиво, прибегая к таким средствам, как улицы уступами или плавно извивающиеся дороги. В таких древних городах, как Троя и кипрский Идалион, крепостные стены четко повторяли очертания рельефа, так что кварталы и линии улиц отражали все выступы и впадины сложного контура.

Итальянские города на вершинах и склонах холмов всегда были излюбленным примером зримого соответствия рукотворных и естественных объектов. Внимательный анализ таких поселений показывает, что они принимали одну из нескольких возможных конфигураций в зависимости от свойств их возвышенности. В случае протяженного гребня город получал вытянутую форму, как правило, подчеркнутую определенными архитектурными доминантами вроде церкви или замка с одного или обоих концов, либо же располагался вдоль одной стороны хребта. Остальные ключевые улицы в таком случае шли параллельно гребню ниже по склону. Дороги от гребня в соседние города могли образовывать ветвистую форму, как, скажем, в Перудже. На куполовидных холмах главные постройки чаще

Рис. 62

Рис. 63, ил. V

Рис. 64

Рис. 65

Рис. 66

Рис. 67, ил. XI

всего занимали вершину, а улицы образовывали концентрические круги. Город, построенный на крутом склоне, располагался террасами, как в случае Ассизи и Губбио.

Все эти типы встречаются в самых разных частях света. В то же время нельзя забывать, что линейный город, как и его прообраз, поселение реберной планировки, органичен как на равнинной местности, так и при неровном рельефе. Это верно и для городов округлой формы, вне зависимости от того, ближе ли их уличная сеть к концентрической или радиальной.

Обращаясь к истокам городской формы в Месопотамии и Египте, следует упомянуть, что их нерегулярные города вроде Ура или Фив располагались на равнинах. Большинство городов Месопотамии возникли на ровных илистых берегах Тигра и Евфрата, и одно из распространенных объяснений формы зиккуратов сводится к тому, что первопоселенцы, выходцы из гористой местности в районе Каспийского моря, строили их в качестве имитации горных пиков. В Фивах на плоском восточном берегу Нила возник хаотичный лабиринт жилых кварталов, тогда как как вздыбленный рельеф западного берега пригодился для тщательно спланированной застройки (гробниц фараонов).

Таким образом, на данном этапе мы должны расширить наше исследование нерегулярных городских форм в двух направлениях. В первую очередь нам необходим более скрупулезный анализ топографии, не ограничивающийся поверхностными рассуждениями про холмы, долины и реки. Во-вторых, требуется включить в сферу нашего внимания тему предшествующего урбанизации землепользования, которая, очевидно, связана с топографическими особенностями, но, кроме того, затрагивает и такие культурные аспекты, как структура собственности на землю, методы ведения сельского хозяйства и расположение общинных полей и лугов.

Рис. 51

Начало нерегулярной форме города часто кладет небольшое число топографических особенностей. Скажем, в случае Бостона это был полуостров Шомут с бухтами вдоль восточной стороны и узким перешейком на юге. Невозможно предугадать, как именно такие факторы воплотятся в ткани города. В то время как одни особенности ландшафта будут освоены и использованы, другие окажутся отвергнутыми. Высокий хребет из трех холмов, занимавший весь центр полуострова, почти не повлиял на облик раннего Бостона и сохранился только в виде куда менее заметной возвышенности Бикон-хилл.

В целом, можно заключить, что тенденция преобразовать естественный ландшафт не менее распространена в градостроительстве, чем стремление приспособляться к нему. Сотни городов возникали на месте вырубленных лесов, уничтоженных болот или осушенных морских заливов. Чтобы разместить общественные здания, проложить кратчайшие или зрелищные пути между важными точками, а также подчеркнуть их назначение и красоту, люди сравнивали с землей холмы, засыпали овраги, меняли русла рек и выравнивали береговые линии.

Такие действия слишком масштабны и трудоемки, они требуют слишком большой согласованности усилий членов сообщества, чтобы не приводить к возникновению

Рис. 62–67. Топография как определяющий фактор городской формы:

62 Поселение на реке

63 Естественная бухта

64 Крепость в сложном рельефе

65 Протяженный гребень

66 Куполовидный холм

67 Крутой склон

Рис. 73, ил. X

спланированных фрагментов городской формы. Однако здесь мы не должны воспринимать слово «спланированный» как непереносимый синоним «формальной строгости» или «жесткой регулярности». И для Венеции, и для Мачу-Пикчу искусно создавали те уникальные места, на которых они расположились: в одном случае — приумножая твердь посреди лагуны, во втором — строя террасы на головокружительной высоте. Ни то, ни другое поразительное достижение градостроительства не соответствует никаким общепринятым лекалам: Венеция подобна ажурной филигрании, а Мачу-Пикчу, по словам Джорджа Кублера, — «лоскутному одеялу, накинутому на скалу».

Самый выдающийся пример преобразования природы, по крайней мере в западном мире, — это Голландия. Как гласит давняя поговорка, «Бог сотворил землю, а Голландию создали голландцы». На протяжении веков обитатели этого полупустынного уголка Европы боролись с морскими штормами и речными наводнениями, строя дамбы — порой внушительных размеров, как на Зейдерзе, — отвоевывая территории приливных маршей (болот) и делая пригодной для заселения полосу земли сразу за линией прибрежных дюн (*geestgrond*).

Небольшое число голландских городов расположено на естественных возвышенностях — на бывших островах, в местах слияния рек или же на уплотненных песчаных дюнах и торфяниках (Харлем, Алкмар). Старинные части таких городов — единственные в стране районы городской застройки, которые имеют «органический» облик, характерный для средневековых поселений в других частях Европы. Во всех остальных случаях перед началом строительства землю приходилось осушать, укреплять и поднимать выше уровня окружающей местности³⁰.

Самые ранние рукотворные места обитания датируются периодом до прихода римлян — это *terpen* или *wierden*, встречающиеся вдоль северного побережья страны и в Зеландии. Они представляют собой насыпи из тщательно уложенной и утрамбованной почвы, достигающие высоты, позволявшей не опасаться приливов и сезонных наводнений. (О городах, построенных на терпах, — с. 219.) В Средние века расцвет торговли сделал привлекательным строительство городов вдоль рек и в небольших бухтах, то есть в местах, крайне уязвимых для затопления. Ответом стали два новых типа городской планировки: город с дамбой и город с дамбой и плотиной.

Дамба сооружалась достаточно широкой, чтобы по ее верху могла пройти дорога. Здания располагались на внутреннем склоне дамбы или за дамбой, защищенные ею от наводнений. Если водная артерия была узкой — скажем, канал, а не крупная река, — город с дамбами располагался на обоих берегах, которые часто немного изгибались в этом месте.

Рис. 68

Города вроде Слотена, Ниввпорта или Схонховена возникали

³⁰ Приведенное далее обсуждение городских типологий в Нидерландах основано на: *Burke G.L. The Making of Dutch Towns* (1956), а также: *Lambert A.M. The Making of the Dutch Landscape* (1971).

в тех точках, где сухопутный путь пересекал водную преграду, причем переправа отмечалась каким-то заметным ориентиром вроде ратуши.

Рис. 136

Еще чаще город зарождался там, где реку или ручей перегораживала плотина. Так, после не приметного начального периода в качестве деревни с дамбой в устье реки Амстел, возник Амстердам. Плотина, построенная на реке выше деревни, превратила участок русла ниже по течению во внешнюю гавань. Укрепленные дамбами каналы отводили воду в обе стороны от речного русла, тем самым создавая внутреннюю гавань выше плотины и обеспечивая твердую почву для расширения города между руслом и каналами. Почетное центральное место на плотине в таких городах занимали заметные общественные постройки: ратуша, важня (здание рыночных весов) или церковь.

Рис. 247

В так называемых водных городах (*grachtensteden*), построенных на месте осушенного озера или марша, планировка была более регулярной, но не однотипной. Улицы, особенно идущие вдоль каналов, сохранялись узкими, кварталы также были длинными и узкими, а весь город окружал широкий ров — хорошим примером тут служит Лейден. Поскольку водные города обычно были результатом последующего развития поселений на терпах, замков (*burchten*) или городов с дамбами, они располагались на ранее возделываемых землях и перенимали их планировку. Канавы дренажной системы становились каналами с улицами, а поля задавали форму вытянутым городским кварталам. Так что водные города отражали порядок ровно в той мере, в какой эта предшествующая строительству планировка была регулярной — впрочем, иная нечасто встречалась на землях, достававшихся людям с таким трудом.

Структура землепользования

Изучение процесса превращения сельской местности в городскую находится в зачаточном состоянии. И все же предшествующее урбанизации землепользование может оказаться наиболее фундаментальным фактором, во все времена определявшим очертания нерегулярной градоформы. Основная проблема заключается в том, что восстановить первоначальный ландшафт очень сложно, а зачастую и невозможно ни путем полевых исследований, ни анализом документов. Полевые исследования иногда позволяют выявить в пригородах сохранившиеся ядра старых деревень, но такое случается редко, и даже подобные результаты не дают нам достаточно информации.

Для сбора более убедительных данных нам лучше всего обратиться к не столь давней истории. Например, в Англии в некоторых случаях общинные земли и открытые поля, окружавшие города со Средних веков, оставались неогороженными и неразмежеванными до самой середины XIX века. Когда же на этих территориях все же возникала городская застройка, сеть улиц чаще всего следовала траекториям средневековых троп и направлению чересполосицы полей.

Рис. 69

Один из методов изучения этого вопроса состоит в наложении карт десятинного обложения (в основу которых легло обследование земель, проведенное после принятия соответствующего закона 1836 года) на чрезвычайно подробные карты городов, составленные в XIX веке Британским картографическим управлением (подобно картам издательства Sandborn в США, предназначавшимся для страховых компаний, они служат настоящим кладом информации для специалистов по городской истории). Путем сопоставления фрагментов таких карт можно проследить, например, как предшествующее застройке межевание некоторых районов Лидса определило возникшую впоследствии городскую форму. В большинстве случаев небольшая площадь хозяйств и раздробленность частной собственности приводили к появлению небольших строительных проектов в виде террас длиной от четырех до восьми домов; такие террасы постоянно меняли направление, что приводило к возникновению сложного и на первый взгляд необъяснимого рисунка улиц. В случае застройки обширных землевладений шеренги домов могли располагаться упорядоченно, а сетка улиц получалась более регулярной. Однако никто не пытался обеспечить согласованность соседних проектов, так что даже в такой ситуации общее впечатление от застройки может натолкнуть на мысль о сложившейся «органичности» нерегулярного города.

Только в относительно недавний период очертания сельской Англии начали исчезать без следа, поскольку новые автомагистрали, чьи траектории подчинены только соображениям транспортной эффективности, определяют теперь и планировку прилегающих городских районов.

Без точной информации такого рода любой анализ преемственности сельской и городской планировок не может считаться сколько-нибудь исчерпывающим, но на самом общем уровне мы можем утверждать следующее. На ранних этапах расселения занятие земель обычно происходит без формального межевания. Поля, луга и пастбища имеют неровные очертания, а основные линии разграничения обозначают крупные угодья, предназначенные для общего пользования. Когда сельская местность превращается в город, такие основные линии становятся улицами, а земельные участки подвергаются дальнейшему разделению.

Аграрное законодательство многих древних культур было основано на принципе неделимости земли. Как только городское развитие набирает ход и город огораживается стенами, которые устанавливают жесткий предел его дальнейшему расширению, складывается новый правовой и административный режим, призванный облегчить раздел некогда общих земель на участки под застройку. Стоит ограничить землю стенами, как ее цена начинает расти. В таких условиях перенаселенность практически неизбежна. Территории дворцов и храмов остаются неприкосновенными, а вся остальная земля делится на участки общего пользования — улицы и рынки — и на частную собственность. Общественные пространства постоянно испытывают внешнее давление: улицы сужаются, об устройстве площадей и парков не идет и речи. В древних городах Ближнего Востока

Рис. 68. Слотен в голландской провинции Фрисландия. Этот город с дамбой, получивший городскую хартию в 1426 году, возник на перекрестке водного и сухопутного торговых путей, отмеченном мостом в центре города. Бастионные укрепления с их оборонительным рвом возведены позднее, в XVI веке.

Рис. 69. Поттерньютаун к северу от Лидса представляет собой лоскутное одеяло террасной застройки. Однако при сравнении с планом той же местности начала XIX века его планировка оказывается менее произвольной, чем кажется на первый взгляд. (Основа – репродукция карты Британского картографического управления 1922 года издания, на которую наложены данные Уорда: жирными и тонкими пунктирными линиями обозначены старые дороги и границы бывших владений соответственно).

и Египта роль площади выполнял, как правило, самый просторный двор на территории храмового комплекса.

Существует два метода межевания земель: с помощью обхода и описания ориентиров и границ относительно особенностей природного ландшафта, что дает «органические» планировки, и после проведения топографических изысканий специальными инструментами (см. ниже, с. 162–163), что способствует созданию ортогональных планов. Оба эти метода очень древние. Очевидно, что сначала в любом случае возникал метод обхода и описания, однако уже с момента зарождения городов оба метода использовались параллельно в одних и тех же культурах. Ориентация египетских пирамид и месопотамских зиккуратов по сторонам света настолько точна, что она, несомненно, была достигнута с использованием особых приспособлений и вычислений. При этом эта точность соседствовала с «органицизмом» ткани жилых районов, который с большой вероятностью восходил к более раннему, практическому методу межевания сельскохозяйственных земель. Опять же, в колониальной Америке XVII века англичане распределяли наделы на юге лобовым методом — раздавали отдельные плантации до тщательного картографирования территорий, — в то время как поселения Новой Англии намного опережали свое время в плане топографических измерений и точного межевания участков.

Колониализм вмешивается в естественный процесс превращения сельской местности в городскую, который служит характерной особенностью мест непрерывного расселения людей. Колониальная держава может одним махом уничтожить предшествующую структуру землепользования, а также опирающиеся на нее социальную и правовую системы, создавая возможность для формального планирования территорий. Как писал в 1945 году французский министр колоний: «Пространство там совершенно свободно, так что города могут строиться в соответствии с принципами здравого смысла и красоты»³¹.

Ил. IX География поселений порой связана с традиционными практиками обработки земли. Они, в свою очередь, могут быть обусловлены топографией обрабатываемых угодий и связанной с нею системой орошения. Яркий тому пример — сеть улиц во многих городах Ирана. Это далеко не те «лабиринты извилистых проулков», какими представляются исламские города западному обывателю; города вроде Йезда обладают планировкой, близкой к ортогональной и ориентированной при этом не по сторонам света. Направление основной оси здесь не может быть объяснено климатическими или религиозными соображениями. Иранские жилые дома часто действительно расположены так, чтобы улавливать как можно больше ветра летом и солнца зимой, но там, где уличная сеть отклоняется от оптимальных сезонных азимутов, застройка следует за ней. Что касается обязательной ориентации мечетей в сторону Мекки, их угол редко определяет направление главных улиц.

³¹ Цит. по: *Ross R. and Telkamp G.J., eds. Colonial Cities (1985).*

Ответ лежит, как правильно указал Майкл Бонайн, в устройстве оросительной системы. Когда топография нерегулярна, такой же будет и уличная сеть. Однако на местности с равномерным уклоном главные улицы образуют почти что ортогональную решетку, ориентированную в направлении наиболее крутого спуска. Эти прямые линии соответствуют *канатам*, подземным водотокам, которые дают воду для жилья и полей, *джубам*, каналам, продолжающим такие водотоки после их выхода на поверхность, и дорогам, которые идут вдоль джубов, отделяя их от окруженных высокими глинобитными стенами прямоугольных участков. Сельские дома расставлены шеренгами вдоль таких линий, и, когда города распространяются в сельскую местность, они просто перенимают этот порядок. «Таким образом, рельеф местности и вода, — пишет Бонайн, — представляют собой фундаментальные начала географии иранского поселения»³².

Синойкизм

Административное соединение нескольких близлежащих деревень с последующим формированием города — процесс, названный Аристотелем «синойкизм», — встречается в истории снова и снова. Подобные административные механизмы имеют вполне материальные последствия, а с учетом того, что объединяющимися элементами оказываются традиционные деревни, в итоге мы с огромной вероятностью получаем «органическую» планировку. Однако существуют и исключения. В Теотиуакане общины были объединены храмовым комплексом, который стал тем, что на жаргоне городских географов называется «центр кристаллизации»; этот центр в конечном итоге навязал рыхлой группе аграрных деревень строго геометрическую организацию.

Не так давно учеными была выявлена особая форма соединения поселений, которую следует отличать от синойкизма, или в некоторых случаях рассматривать как начальный этап этого процесса. Возникавшие начиная с первых веков до н.э. города пойменной долины Среднего Нигера в Западной Африке, например Дженне-Жено и Шома, как и гораздо более ранние северокитайские города вроде Чжэнчжоу, представляли собой группы близко расположенных поселений, четко различающихся по социальному статусу своих обитателей и характеру их деятельности. Там не существовало никаких централизованных учреждений или монументальных сооружений, так как отдельные общины избегали ассимиляции в единое городское население. Тем не менее эти профессиональные группы, значительно превышавшие по размеру отдельный род — рыбаки и кузнецы, крестьяне и представители элиты, — не только целенаправленно сотрудничали между собой, но и производили товары и услуги для прилегающих сельских районов. Только недавно в науке начало складываться

Рис. 31–32

представление, что подобная городская структура выступает как альтернатива для модели доиндустриального города Шёберга, предполагающей наличие централизованной элиты, храмов и дворцов³³.

Синойкизм может происходить двумя путями. Иногда люди покидают свои деревни, чтобы переселиться в новый город, сооруженный специально для этой цели; в древних Месопотамии и Иране, к примеру, возникновение городов сопровождалось депопуляцией других населенных пунктов в непосредственной близости. Или же сами деревни могут сливаться и образовывать город. Меня интересует только второй процесс.

Для Аристотеля синойкизм (буквально «совместное проживание») — это политический акт, который позволяет людям преодолеть ограниченность своего племенного существования и на основе общего согласия создать структуры самоуправления. Решение о соединении в город не объяснить конкретными технологическими достижениями или расчетом воспользоваться осязаемыми преимуществами вроде торговли: оно обусловлено осознанным желанием сменить обычное право племени или рода на свободные и предсказуемые институты полиса, созданного для экспериментов в области демократии и равноправия. «Когда несколько деревень соединяются в единое сложное сообщество, — пишет Аристотель, — достаточно большое, чтобы быть вполне или почти самодостаточным, тогда начинается свое существование полис».

Аристотелевское понимание синойкизма предполагает, что создание единой административной единицы из разрозненных территорий происходило по общему решению деревень. На практике же эти союзы почти повсеместно были недобровольными и встречали ожесточенное сопротивление. Их бенефициаром чаще всего оказывался некий правитель или институция. Например, в Великом Новгороде инициаторами образования города были епископы (позднее архиепископы).

Давайте вспомним некоторые важные примеры синойкизма.

Изначально Афины представляли собой микенскую крепость на вершине Акрополя. Согласно легенде, Тесей объединил эту цитадель с окрестными деревнями, сделав новый город столицей политического союза дем, то есть независимых общин Аттики. Вот как описывает это событие Фукидид:

[Тесей] упразднил советы и должностных лиц прочих городов [Аттики] и объединил путем синойкизма всех жителей вокруг нынешнего города, учредив один совет и один пританей. Жителей отдельных селений, возделывавших свои земли, как и прежде, Тесей принудил иметь один этот город [Афины], и так как все жители принадлежали теперь уже к одному городу, то он стал велик³⁴.

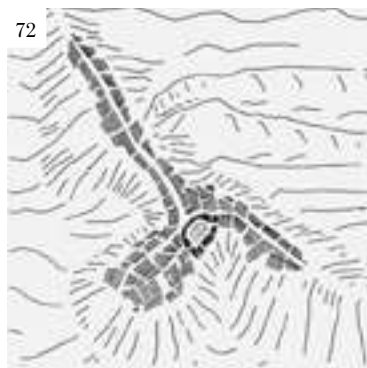
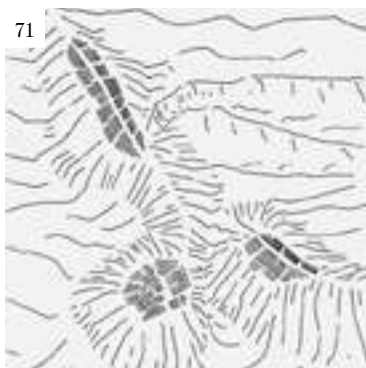
33 См. *McIntosh R.J. Early Urban Clusters: Arbitrating Social Ambiguity* (1981).

34 Фукидид (XI, 8). Пер. Ф.Г. Мищенко.

Рис. 70. Ранний Рим, около 650 года до н.э. На прославленных семи холмах (*Septimonium*) находилось по крайней мере три поселения Железного века, в какой-то момент сросшихся в единый город с форумом в низине между ними.

Рис. 71–72. В тосканской Сиене, как и в Риме, первоначальные поселения располагались на холмах. Схожие топографические обстоятельства привели к возникновению близкой городской формы: седловина между парой исходных поселений стала центральной площадью, Пьяцца-дель-Кампо.

Рис. 73. Венеция – могущественный город-порт, запечатленный в 1500 году на гравюре Якопо де Барбари, – была сформирована путем объединения вокруг рынка Риальто множества возникших независимо друг от друга приходских общин. К 1200 году существовало около шестидесяти таких приходов, каждый со своей собственной рыночной площадью, религиозными праздниками и местными обычаями.

Первая *агора*, общественный центр Афин, располагалась на северо-западном склоне Акрополя. К VI веку до н.э. она сместилась ближе к центру нового городского конгломерата, на открытую равнину несколько севернее, служившую до того основным кладбищем. Процесс синойкизма завершился в 431 году до н.э., когда с началом Пелопоннесской войны Перикл впустил селян Аттики под защиту афинских стен.

Афины вспоминали эту легенду о своем зарождении на празднике Синойкии — точно так же, как Рим ежегодно отмечал свой синойкизм на ежегодном торжестве Септимонтий. В случае Рима поселение Ромула на Палатине объединилось с несколькими другими деревнями на вершинах Эсквилина, Целия и, возможно, Капитолия где-то в VIII веке до н.э. Жители осушили и выровняли разделяющую их болотистую долину, которую прежде использовали для выпаса скота и захоронений, превратив ее в общественный центр — Римский форум.

Времена раннего Средневековья дают нам совершенно особенный пример Венеции. Она зародилась как одна из целой группы общин лагуны, которые искали посреди изолированного водоема убежища от смут постимперского периода. В начале IX века правитель лагуны перенес свою резиденцию из места, которое в наше время называется Лидо, туда, где теперь располагается площадь Сан-Марко, — на один из центральной группы небольших островов неправильной формы. Затем архипелаг сросся в единое целое, в процессе чего появились и особая лабиринтообразная градоформа Венеции, и характерные улицы-каналы.

Приведу еще три средневековых примера — из Италии и России. Витербо, как гласит легенда, возник в конце VIII века по приказу Дезидерия, последнего короля лангобардов. Он объединил внутри единых стен деревни Фанум, Арбанум, Ветулония и Лонгула, и мы до сих пор видим аббревиатуру FAVL на печати городского совета Витербо. Образование Сиены датируется примерно тем же периодом — в данном случае, это было объединение трех общин: епископского города-замка Кастельвеккьо (соборный квартал, ныне известный как Читта), поселения Кастель-Монтоне на вершине холма восточнее (сегодня Сан-Мартино) и поселения Камоллия, вытянутого вдоль идущего на север хребта. Это и объясняет форму перевернутой буквы Y, которую Сиена имеет по сей день. Соединение этих трех элементов с пустым пространством между ними при помощи трех главных улиц, а также преобразование этого пространства в общественный центр города (площадь Кампо) заняло несколько столетий. Великий Новгород также начинался как три отдельных поселения, которые объединились, вероятно, где-то в X веке. Аналогичный процесс может объяснить довольно внезапное возникновение в то время многих других древнерусских городов в регионе, в котором до того не было ни одного городского центра, за исключением, возможно, Киева.

Процесс синойкизма свойственен не только западному миру. В Бирме крупный церемониальный центр Аримаддана (Паган) образовался около IX века в результате объединения девятнадцати деревень. Индийская Калькутта выросла из

кластера сел на берегу реки Хугли. В 1698 году Британская Ост-Индская компания приобрела права на три из них, после чего на этой территории возник город с европейским поселением под защитой построенной британцами крепости и домами коренных жителей за его пределами. В исламском мире и особенно в мусульманском Иране также имеются подобные примеры. Казвин, Кум, Мерв и Казерун были основаны путем огораживания нескольких деревень. Как уже говорилось, традиционные города Черной Африки до прихода европейцев представляли собой кластеры сельских по характеру поселений, совместно выполняющих городские функции. Такие города занимали большую территорию и сохраняли материальные особенности, свидетельствующие об их сельском происхождении. Почти все их здания были одноэтажными; типичным элементом застройки был огороженный двор с несколькими жилыми домами, причем такие дворы располагались без привязки к уличной сети.

Эта случайная выборка может вполне служить свидетельством в пользу того, что синойкизм в итоге окажется одним из наиболее распространенных механизмов возникновения городов посреди сельской местности, наряду с другим процессом — образованием городского ядра вокруг важной институции вроде храмового комплекса или крепости. Форма появившегося в результате синойкизма города впитывает в себя очертания первоначальных поселений и их дорожных сетей. Открытые пространства, которые разделяли деревни, заполняются очень медленно, а отчасти и вовсе сохраняются в виде рынков и общественных центров. Вот один относительно недавний пример: суданский город Эль-Обейд был образован из пяти крупных деревень, разделенных сельскохозяйственными угодьями; в XIX веке османские власти частично заполнили эти территории казармами, мечетями, зданием префектуры и домами правительственных служащих³⁵. В редких случаях процесс синойкизма может запускаться после возникновения рынка, обслуживающего несколько населенных пунктов.

Законы и общественный уклад

Многое из того, что я до сих пор говорил об эволюции «органической» городской планировки, так или иначе связано с землей. Топография, структура землепользования, синойкизм — все это физические факторы, способствующие возникновению нерегулярной городской формы. Осталось лишь кратко рассказать о градостроительных импровизациях, обусловленных социальной структурой или пределами общественного контроля.

Давайте еще раз обратимся к модели традиционного исламского города. Ранее я уже выдвинул гипотезу, что родовая, племенная или этническая солидарность оказывалась там достаточно сильна, чтобы деформировать доставшуюся

35 См. *Winters C. Traditional Urbanism in the North Central Sudan* (1977).

Рис. 53-56

мусульманам в наследство решетку греко-римского происхождения, сплавляя по несколько ее клеток в однородные по населению суперкварталы. Когда же город не был ограничен абстрактным характером предшествующей формы, саморегулируемый жилой лабиринт образовывался там с ничем не сдерживаемой целеустремленностью. Планировка таких суперкварталов кажется беспорядочной, но те социальные задачи, которые она решала и воплощала, не теряют своей актуальности многие столетия. Это верно и для исламской Испании IX века, и для исламской Индии XIX века. Именно этим можно объяснить то общее в кварталах Старого Дели или мединах Марракеша, Алеппо и Туниса, что делает их практически неотличимыми для западных туристов, в то время как для их жителей каждый из этих городов обладает своей яркой спецификой.

Как же формировался этот городской порядок, в основе которого лежал принцип верховенства частного над общественным? Важнее всего тут понять, что такой городской форме позволялось вырабатываться самопроизвольно, учитывая лишь обычаи, структуру собственности и право мусульманина на визуальную неприкосновенность его частной жизни³⁶. Никто никому не говорил, что делать и как планировать город; запрещены были лишь вещи, идущие вразрез с общепринятыми социальными нормами. Забота о неприкосновенности частной жизни определяла, например, расположение дверей и окон на фасадах, а также высоту зданий. Соответственно, следовало избегать просматриваемых перспектив, будь то в масштабе отдельного квартала или в рамках целого городского ансамбля. На наиболее базовом уровне это требование проявлялось в обращенности любого здания внутрь себя — его внешний вид с улицы был совершенно не важен. В то же время традиционное объединение нескольких домов вокруг двора выражало определенную степень взаимозависимости между соседними домохозяйствами, связанную с такими юридически значимыми вопросами, как разделительные стены, содержание тупиковых проулков и т.д.

Рис. 74

Первостепенное значение жилой застройки и относительная слабость общественного пространства улиц не могли обеспечить сохранение у структуры города изначально предусмотренной четкости. Вместо этого общественное пространство то и дело становилось предметом торга и подвергалось пересмотру: здания напирали на него и нависали над ним, объединялись или разделялись. Одним из распространенных приемов была комната, как мост соединяющая здания по разные стороны улицы или проулка. Всем таким импровизациям с городской формой способствовал базовый принцип приоритета старых структур и устоявшихся способов использования пространства по сравнению с любыми новшествами. О радикальном обновлении города не могло быть и речи; обычной практикой было подновление, то есть постепенные, фрагментарные изменения существующей городской ткани.

³⁶ Следующие абзацы основаны на: *Hakim B.S. Arabic-Islamic Cities, Building and Planning Principles* (1986).

Рис. 74. Улица в Багдаде с домами, нависающими над общественным пространством узкого прохода.

Разумеется, я несколько упрощаю. Хотя многое в этом процессе зависело от неформально установленных и так же неформально соблюдаемых неписаных правил, а также от полного господства традиционной архитектуры, в мусульманском мире имелись и местные сборники строительных норм (хотя в настоящее время о них мало что известно), и имеющий универсальную сферу применения религиозный закон. Этот закон основывался на текстах Корана и сборника священных преданий под названием Сунна. В течение первых трех столетий ислама его нормы вырабатывались в обширной литературе, затронувшей все аспекты общественной и частной жизни, в том числе и вопросы строительства и, следовательно, градостроительства. Задачей тут, как и всегда в религиозном праве, было разрешение реально существующих противоречий. Результатом стал обширный (и иногда обретавший определенные местные особенности) корпус прецедентов, регулирующий такие явления, как временные постройки, границы, свесы, высоты и виды использования.

Общих правил было совсем немного. В изречении пророка Мухаммеда установлена минимальная ширина городской улицы — семь локтей (около 3,5 метров): она позволяла свободно разойтись двум полностью груженным верблюдам. Религиозный закон устанавливал и разумную минимальную высоту прохода (тоже около семи локтей), позволяющую беспрепятственно двигаться человеку верхом на верблюде. Посадка деревьев на улицах общего пользования была запрещена: они мешали проходу. Тупиковый проулок считался общей собственностью владельцев всех домов, из которых в него был выход. Стандартными типологиями общественных зданий были крупные мечети, молитвенные сооружения в кварталах поменьше, школы-*медресе*, мавзолеи святых, рынки, постоянные дворы для купцов и бани. Как и жилищная застройка, все они сопрягались, образуя взаимозависимые системы, отражающие общественные нормы.

В итоге лабиринтообразная медина оказывается вполне рациональной городской формой. В качестве примера можно рассмотреть Старый Дели. На его главных улицах размещались базары с крупными розничными или оптовыми торговыми точками. Производство, склады и места оказания услуг находились сразу за ними, в четко разграниченных жилых кварталах, известных как *махалля*. Второстепенные улицы, на которых в каждой из махалля были сосредоточены коммерческая и бытовая активности, могли полностью перекрываться воротами в тех точках, где они выходили на главные артерии. Тупиковые третьестепенные проулки были недоступны для посторонних и пронизывали махалля на всю глубину. На перекрестках двух или нескольких улиц имелись *чоуки*, небольшие расширения, помогающие справиться с давящей скученностью города³⁷.

Если итогом такого рационального процесса не стала регулярная планировка, то это только потому, что не она не задумывалась таковой изначально и что не имелось властного импульса для ее превращения в чистую, геометрически

Рис. 94–95

37 См. *Fonseca R. The Walled City of Old Delhi (1969)*.

выверенную форму. Традиционный мусульманский город не осуществлял методичного контроля над городской формой, поскольку, в отличие от античных городов или средневековых общин Запада, местное самоуправление было чуждо его природе. Горожане пользовались довольно широкой свободой при осуществлении своих частных имущественных прав. В отсутствие органов муниципальной власти, охраняющих и развивающих общественные пространства, структура градоформы — неразделенность функций, сочленение проходов и узловых точек — могла обладать той степенью целостности, которую мы наблюдаем в случае Старого Дели, только потому что общественные устои были четко сформулированы, а традиция служила залогом неизменности *modus operandi*. Без мощной традиции и единых социальных норм бесконтрольная застройка городов привела бы к полному беспорядку.

Очевидные свидетельства истинности этого умозаключения окружают нас со всех сторон. Несанкционированный рост, возможно, возник не в современном капиталистическом городе, но стал его олицетворением. Чтобы представить себе, как происходил первый всплеск беспорядочного переселения в крупные промышленные центры вроде Бирмингема, Лидса, Бристоля и Ливерпуля, лучше всего обратиться к книге Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). После этого можно посмотреть на застройку на окраинах мегаполисов, возникшую только ради спекулятивной прибыли, — например, на жилые поселки-кондоминиумы (*lotissements*) под Парижем: пригородные поля делились на крохотные участки (особенно активно в период после Первой мировой войны) и распродавались без какой-либо заботы о коммуникациях, даже о дорогах, а последующее строительство никак не регулировалось. Финальный эпизод этой эпопеи создан уже в наше время — речь о появившихся повсюду за последние полвека поселках сквоттеров.

Беспорядок — одно из состояний упорядоченности, в отличие от хаоса, который есть ее отрицание. Беспорядок — явление временное и поправимое. Как выразился Рудольф Арнхейм, «в любой ситуации будет достигнута та степень порядка, которую позволяют обстоятельства»³⁸. В истории и разнообразии сквоттерских поселений мы видим примеры самых разных степеней беспорядка. Обитатели таких несанкционированных и нерегулируемых районов городского роста не рассматривают их как временное жилье или как нечто, подобное трущобам (в которые, ветшая, превращаются приличные прежде здания). Для сквоттеров — как правило, мигрантов из сельской местности, мечтающих зацепиться в городе, — это постоянное место жительства, воплощающее их гордость за обретенную собственность и стремление продвинуться вверх по социальной лестнице.

Такие районы возникают как скопления хижин на неиспользуемых землях на дальних городских окраинах или же на центральных, но сложных для освоения участках — на крутых

38 Arnheim R. The Dynamics of Architectural Form (1977).

склонах, в оврагах, на свалках. Вначале они похожи на лагеря беженцев: там отсутствует растительность и не проведены коммуникации, а канализацию заменяют открытые канавы вдоль разбитых немощеных улиц. Строительным материалом служит все, что попало под руку или нашлось на ближайшей свалке, — в основном картон и металлолом. Но даже таким поселениям может быть не чужда интуитивная планировка. В стихийной застройке замбийских городов (например Лусаки) посреди общей неразберихи обнаруживаются планировочные решения, характерные для местных деревень: два десятка хижин располагаются вокруг незастроенного общего пространства³⁹.

Ил. XIII

Процесс благоустройства начинается немедленно и не прекращается никогда. То здесь, то там жилье приобретает постоянный характер благодаря кирпичам и бетону. В фавелах Латинской Америки с тоскливостью застройки борются яркими красками, порой нарушая все правила хорошего вкуса. «Во многих домах можно увидеть комнаты без отделки и незаконченные вторые этажи; повсюду царит невероятное разнообразие заборов и изгородей»⁴⁰. По мере развития поселения порядок неминуемо возьмет свое: появятся качественный самострой, дешевые коммерческие здания, магазины и школы; все улицы заасфальтируют и оборудуют освещением; будет проведена настоящая канализация. Сан-Мартин-де-Поррес, пригород перуанской Лимы, начинался в 1952 году с самозахвата территорий, но за пятнадцать лет его население выросло до 75 тысяч жителей, а в наше время его главная улица представляет собой асфальтированное шоссе с разделительной полосой, окруженное с обеих сторон трехэтажными домами⁴¹.

Проектные альтернативы: прямое и изогнутое

До начала Нового времени нам сложно отыскать свидетельства рационального выбора в пользу «органической» городской формы. Нерегулярные города были такими просто потому, что так получалось, а осознанное проектирование предполагало созидание некоего геометрического порядка. По крайней мере, складывается именно такое впечатление. Тем не менее в градостроительной теории все могло быть не так однозначно. Аристотель уделяет толику времени размышлениям об этом вопросе. Его всегда интересовало реальное положение вещей, так что, даже оставаясь приверженцем новых градостроительных

39 См. *Andrews P. et al. Squatters and the Evolution of a Lifestyle* (1973).

41 См. *Dietz H. Urban Squatter Settlements in Peru* (1969).

40 См. *Griffin E. and Ford L. A Model of Latin American City Structure* (1980).

подходов Гипподама Милетского, он отмечает преимущества нерегулярности старых городов с точки зрения военного дела.

Альберти, который был практиком в куда большей степени, чем можно судить по его репутации главного теоретика архитектуры раннего Ренессанса, также обращается к оборонительной логике и развивает ее как аргумент в пользу тупиков и проулков. В трактате «Десять книг о зодчестве» он пишет:

Насколько мне известно, внутри города древние любили устраивать одни улицы запутанными, а другие заканчивать тупиками, чтобы враг или преступник, попадая туда, сомневался, не доверял себе и терялся или, если бы он решился быть отважнее, скорее был уничтожен⁴².

Но он идет и еще дальше. Узкие и извилистые улицы предпочтительны и в плане санитарии. Хотя принятые при Нероне законы о *nova urbs* спрямили и расширили римские улицы, Альберти обращает внимание на мнение Тацита, что после этого город «стал более жарким и потому менее здоровым». В узких петляющих улицах воздух куда живительнее, все дома в должной мере освещаются и проветриваются, и при этом не возникает «пагубных ветров, ибо они тотчас же будут отражены встречными стенами».

Обсуждая проектирование городов, Альберти соглашается с предпочтительностью «органической» планировки для холмистой местности, а также в целом для небольших городов и крепостей. Это оказывается для него вопросом не только здравого смысла, но и красоты. Соответствующий фрагмент трактата очень выразителен в художественном отношении и достоин быть процитированным полностью:

Если же речь идет о колонии или крепости, то подступы к ним будут всего более безопасны, если дорога не прямо подойдет к воротам, а будет проложена вправо или влево около стен и в особенности под самыми бойницами. Внутри же города подобает ей быть не прямой, а подобной реке, извиляющейся мягким изгибом то туда, то сюда, то вновь в ту же сторону; ибо помимо того, что там, где она будет казаться длиннее, она заставит и город казаться больше, чем он есть, она, конечно, много придаст прелести, принесет много пользы и создаст много удобств, сообразуясь с меняющимися потребностями и нуждами. И как хорошо будет, когда при прогулке на каждом шагу постепенно будут открываться все новые стороны зданий, а выход и фасад любого дома будут обращены на середину улицы; и хотя в других отношениях [то есть в крупных городах] чрезмерный простор улицы некрасив, да и нездоров, но в этом смысле обширность является преимуществом⁴³.

Из этого и других пассажей Альберти видно, что, хотя он и склонялся в теории к геометрической структуре городской формы, ему нравились и хорошо знакомые города Северной

42 Альберти (IV, 5).
Пер. В.П. Зубова.

43 Там же.

Италии, многие из которых либо изначально не основывались на классической римской решетке, либо утратили ее следы с течением времени. Эти города характеризовались плотной и хитроумно устроенной тканью из сливающихся, соприкасающихся или соседствующих жилых построек и были организованы вокруг нескольких монументальных сооружений и четко очерченных общественных пространств с ясными функциями. Улицы сходились к рынкам, соборам, городским воротам и переправам. Перспективы не устремлялись в бесконечность, а разным образом упирались в застройку. Площади имели неправильную форму, и строения вокруг них различались высотностью. Узкие, уходящие вглубь квартала домовладения тесно обступали площади и главные улицы в самом центре, но по мере движения к окраинам плотность застройки падала, так что иногда город просто растворялся в зелени.

Истоки спланированной живописности

За последнее время общепринятым среди исследователей стал тезис, что процесс формирования внешнего облика городов позднего Средневековья никак нельзя считать стихийным и неуправляемым. У нас есть множество доказательств существования в то время обязательных для исполнения сводов строительных правил, а также норм, призванных обеспечить неприкосновенность общественных пространств. Однако в дополнение к этому и городские законы, и практика их применения иногда демонстрировали сочувственное внимание к особенностям того целостного и энергичного городского ландшафта, который они были призваны обуздать.

Например, Сиена стремилась отшлифовать и довести до логического завершения характерные для нее на раннем этапе развития неформальные планировочные решения, кодифицировав их в виде правил. В 1346 году городские власти недвусмысленно демонстрировали такое намерение:

Красоте Сиены и довольству почти всех ее жителей поспособствует то, что любые здания, заново возводимые вдоль общественных проездов <...>, будут пребывать в согласии со зданиями существующими, так что ни одно не будет выделяться среди прочих, но все они будут равно выстроены и расположены к вящей красоте города⁴⁴.

В то время как могущественная соседка и соперница Сиены Флоренция в силу проторенессансного стремления к визуальной четкости, а также в надежде возродить ортогональную решетку древнеримского города начала склоняться в пользу улиц «красивых, широких и прямых» — *pulchrae, amplae et rectae*, — в Сиене, напротив, бережно относились к готической эстетике изогнутых линий. Три главные улицы, соединяющие три части города (*terzi*) с площадью Кампо, были вымощены кирпичом для того, чтобы подчеркнуть замысловатый

44 Bowsky W.M. A Medieval Italian Commune (1981).

Рис. 75. Дуччо, Христос перед Пилатом (фрагмент). Алтарь Сиенского собора, завершен в 1311 году.

Рис. 76. Перекресток улиц Банки-ди-Сопра и Банки-ди-Сотто, важная часть градостроительного каркаса Сиены. Плавные изгибы расходящихся улиц отражают эстетические предпочтения в эпоху готики. Схожую геометрию можно заметить в складках одежды на картинах сиенских мастеров того времени.

Рис. 77. Эксетер (штат Нью-Гэмпшир, США), гравюра П. Меррилла, 1802. Улицы различной ширины и геометрии соединяются в гармоничный городской ландшафт, что дает возможность заподозрить определенную долю преднамеренности такой «органической» планировки.

Рис. 76 характер их пересечения; то же самое было сделано и на самой Кампо. Когда в первой половине XIV века город перестраивал перекресток, где расходятся улицы Банки-ди-Сопра и Банки-ди-Сотто, их изгибам придали плавную форму, как у мягких складок ткани, создав градостроительный аналог готической живописи сиенских художников.

Рис. 75 Даже когда в градостроительстве окончательно закрепились ренессансные подходы, опирающаяся на предшествующий опыт эстетика целиком не исчезла, особенно если посмотреть на колонии. Первые основанные испанцами города Нового Света, за исключением Санто-Доминго, не имели ортогональной планировки, так же как и основанные португальцами Гоа и Рио-де-Жанейро. Наряду с регулярной застройкой Луисбурга и Нового Орлеана, французы допускали существование центров вроде Квебека, который, по выражению Джона Репса, рос «по образу и подобию некоего средневекового города»⁴⁵.

Рис. 77 Сложно сказать, насколько целенаправленным было создание подобной нерегулярности. Разумеется, мы снова и снова слышим о влиянии рельефа или об отсутствии регулирования со стороны властей. На каждый Бостон находится свой Эксетер в штате Нью-Гэмпшир или Вудсток в Вермонте, где особенности нерегулярной застройки производят впечатление тщательно продуманных. В основанном в 1638 году Эксетере одна главная улица идет вдоль берега реки, а другая отходит от нее в направлении учебного заведения, ныне известного как Академия Филлипса; в районе их пересечения вторая улица расширяется, превращаясь в площадь. В Вудстоке, возникшем примерно на 130 лет позднее, пара улиц сходилась на обоих концах городка, тем самым образуя общинный луг необычной веретенообразной формы. (Согласно местной легенде, формой и размерами он соответствовал кораблю, которым командовал один из отцов-основателей города.) «Стоит ли за формированием нерегулярной сетки таких новоанглийских Вудстоков или Эксетеров некий целостный градостроительный замысел? — спрашивает себя Репс. — Предварительный ответ, который я даю с большой осторожностью, — нет»⁴⁶. Но если такие решения не были спланированными, перед нами встает задача объяснить, как и почему они возникают.

Решительный поворот в сторону открытой и обоснованной поддержки негеометрических градостроительных проектов произошел в конце XVIII века. Это был бунт против теорий и практик Ренессанса — против его веры в безукоризненную перспективу улиц и унифицированную, выверенную застройку. В течение трех веков Европа и ее колониальные владения стремились как можно полнее соответствовать требованиям идеально упорядоченного города. С точки зрения Ренессанса старые города с их постепенно складывавшейся структурой казались пережитками прошлого во всем, от слабых оборонительных стен с башенками до лоскутного пейзажа улиц. В XVII веке Декарт подытожил подобные претензии:

⁴⁵ Raps J.W. Town Planning in Frontier America (1969).

⁴⁶ Ibid.

78

Рис. 78. Риджентс-парк и Риджент-стрит в Лондоне. Живописная асимметрия этого созданного в начале XIX века проекта – результат мастерского соединения его автором Джоном Нэшем старых и новых улиц. Задуманная как связка между новой застройкой на королевских землях вокруг Риджентс-парка (вверху) с административным центром в Вестминстере, Риджент-стрит представляет собой редкий для Англии образчик использования власти монарха для осуществления программы городского обновления.

Часто творение, составленное из многих частей и сделанное руками многих мастеров, не столь совершенно, как творение, над которым трудился один человек <...>. Точно так же старинные города, разрастаясь с течением времени из небольших посадов и становясь большими городами, обычно <...> плохо распланированы по сравнению с городами-крепостями, построенными на равнине по замыслу одного инженера <...>, хотя, рассматривая их здания по отдельности, нередко находишь в них никак не меньше искусства, нежели в зданиях крепостей⁴⁷.

Однако к 1750 году привлекательность и тотального городского проектирования, и классического стиля в архитектуре уже не казалась столь безусловной. Очевиднее всего эта резкая смена предпочтений была в Англии, где она в первую очередь проявилась во внегородской концепции живописных пейзажных парков. Среди наиболее ярких антиренессансных веяний в английском градостроительстве как таковом стоит выделить два: сочетание криволинейной планировки с ландшафтным дизайном, как в курортном Бате, и создание демонстративно отходящих от классических норм улиц с нарочито резкими поворотами и разными высотами зданий по двум сторонам (самым известным примером здесь служит лондонская Риджент-стрит, построенная по проекту Джона Нэша).

Рис. 78

Но ключевую роль сыграло тут возникновение неоготики. Архитектурные аспекты этого мятежного для своего времени направления уже тщательно изучены, чего не скажешь о параллельном возрождении интереса к формам средневековых поселений, главным образом деревень и небольших провинциальных городов. На практике этот ностальгический интерес имел два не связанных между собой последствия — одно для состоятельных слоев, а другое для бедноты. Однако и живописный пригород, и фабричный поселок знаменуют для нас начало неостановимого с тех пор роста популярности той планировочной эстетики, которая стала современной рецепцией непреходящих реалий «органической» городской структуры.

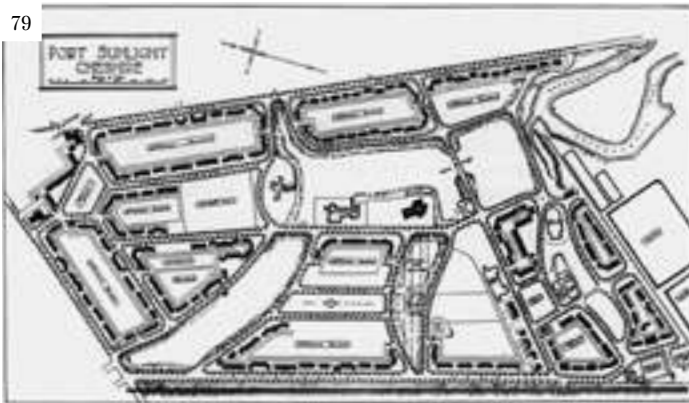
Первые образцовые фабричные поселки викторианской эпохи, ставившие перед собой задачу перенять не только форму традиционной английской деревни, но и все ее добродетели, возникли вокруг шерстопрядильных мануфактур в графстве Йоркшир. Выбор живописных градостроительных решений при строительстве жилья для фабричных рабочих оставался в XIX веке скорее редкостью. Отметим два относительно поздних, но знаменитых проекта, осуществленных на деньги работодателей-филантропов. Порт-Санлайт близ Ливерпуля был задуман в 1887 году и активно застраивался начиная с 1892-го. Строительство Бурнвиля под Бирмингемом началось по инициативе владельцев шоколадной мануфактуры братьев Кэдбери несколькими годами позднее; в этом случае криволинейность вводилась в планировку постепенно. Градостроительное решение Порт-Санлайта продиктовано многочисленными

Рис. 79

Рис. 79. Порт-Санлайт (Англия), первоначальный план. Это детище владельца мыловаренной фабрики Уильяма Лёвера сыграло важную роль в популяризации нерегулярных градостроительных решений и неотрадиционалистской архитектуры – двух тенденций, достигших своего пика в английских городах-садах. Спланированная живописность изображенного ансамбля претерпела кардинальные изменения в 1910 году в связи с добавлением широкой эспланады и полукруглости радиальных улиц, вдохновленных американским «Движением за прекрасный город».

Рис. 80. Борнмут (Англия), вид на виллы Уэстовера и гостиницу Royal Bath Hotel, ок. 1840. Как и в случае других модных курортных городов викторианской эпохи, застройка Борнмута подчеркивала те градостроительные особенности, которые впоследствии станут неотъемлемой частью планировки города-сада: районы, выделенные исключительно под жилую застройку, плавные изгибы дорог и преобладание отдельно стоящих домов.

79

80

мелкими притоками реки Мерси, пересекающими выделенный под застройку участок. Именно здесь впервые была опробована идея «суперквартала», заключающаяся в том, что жилые дома отворачивались от главных улиц и выходили фасадами на общую недоступную для транспорта лужайку.

Рис. 80

Живописные пригороды были не такой большой редкостью, как фабричные поселки, но ничуть не уступали им в смысле своей исключительности. Борнмут в графстве Дорсет может претендовать тут на пальму первенства. Он был заложен в 1830-х годах скорее как курорт, нежели пригород. Его создатели отказались от общепринятой тогда решетки улиц с террасами домов вдоль них в пользу системы криволинейных дорог, связывающих отдельно стоящие виллы. В основе такого решения лежали природные особенности застраиваемой территории. Децимус Бертон, ставший в 1842 году главным архитектором проекта, писал:

Поросшая лесом долина, по которой Борн устремляется к морю, всегда была и должна остаться ключевым элементом местного ландшафта <...>. Главный принцип при создании плана Борнмута – во что бы то ни стало избегать регулярной застройки⁴⁸.

В США на живописные пригороды сильно повлиял опыт Англии, в частности английские нерегулярные парки XVIII века и вписанные в ландшафт сельские дома в манере Джона Лаудона, с которой американская публика познакомилась в интерпретации Эндрю Джексона Даунинга. Местным источником вдохновения послужило сельское кладбище, а с середины XIX века — и городской парк, прежде всего Центральный парк в Нью-Йорке. Для его основного создателя Фредерика Ло Олмстеда Центральный парк был идеализированным сельским ландшафтом в сердце города, который «непосредственно помогает людям противостоять вредному воздействию рутины городской жизни, возвращая им то, что город у них отнял». Для нас тут важнее всего отметить, что в англо-американском дискурсе спланированная живописность оказалась неразрывно связанной с негородской образностью и что поразительное впечатление, производимое Центральным парком, зиждется на его контрасте с решеткой улиц как архетипической формой американского города. Это соседство можно сопоставить с ситуацией в древних городах Месопотамии, где регулярная планировка храмового или дворцового ансамбля контрастировала с «органической» структурой жилых кварталов. В Нью-Йорке же «органический» парк призван подчеркивать рукотворную регулярность вездесущей решетки, которую Олмстед характеризовал как «воплощение зла всеобщей коммерциализации»⁴⁹.

Ил. XIV

Первым живописным пригородом на американском континенте, скорее всего, был Глендейл в штате Огайо, заложенный в 1851 году по проекту Роберта Филлипса. Характер застройки там, как и в Борнмуте, определили особенности ландшафта. Для создания сетки извилистых улиц, позволившей

48 Цит. по: *Aston M. and Bond J.*
Op. cit.

49 *Fein A. Landscape into
Cityscape* (1967).

Рис. 81. План пригорода Риверсайд (штат Иллинойс, США), 1869. Фредерик Ло Олмстед и Калверт Вокс уже прославились своей совместной работой над нью-йоркским Центральным парком, когда получили заказ на проектирование пригородного поселения в 14 километрах от Чикаго. Планировка Риверсайда многим обязана приемам парковой архитектуры. Извилистые, обсаженные деревьями жилые улицы, обрамляющие железнодорожные пути с пассажирской станцией, – все это помогло задать новый стандарт для пригородного ландшафта.

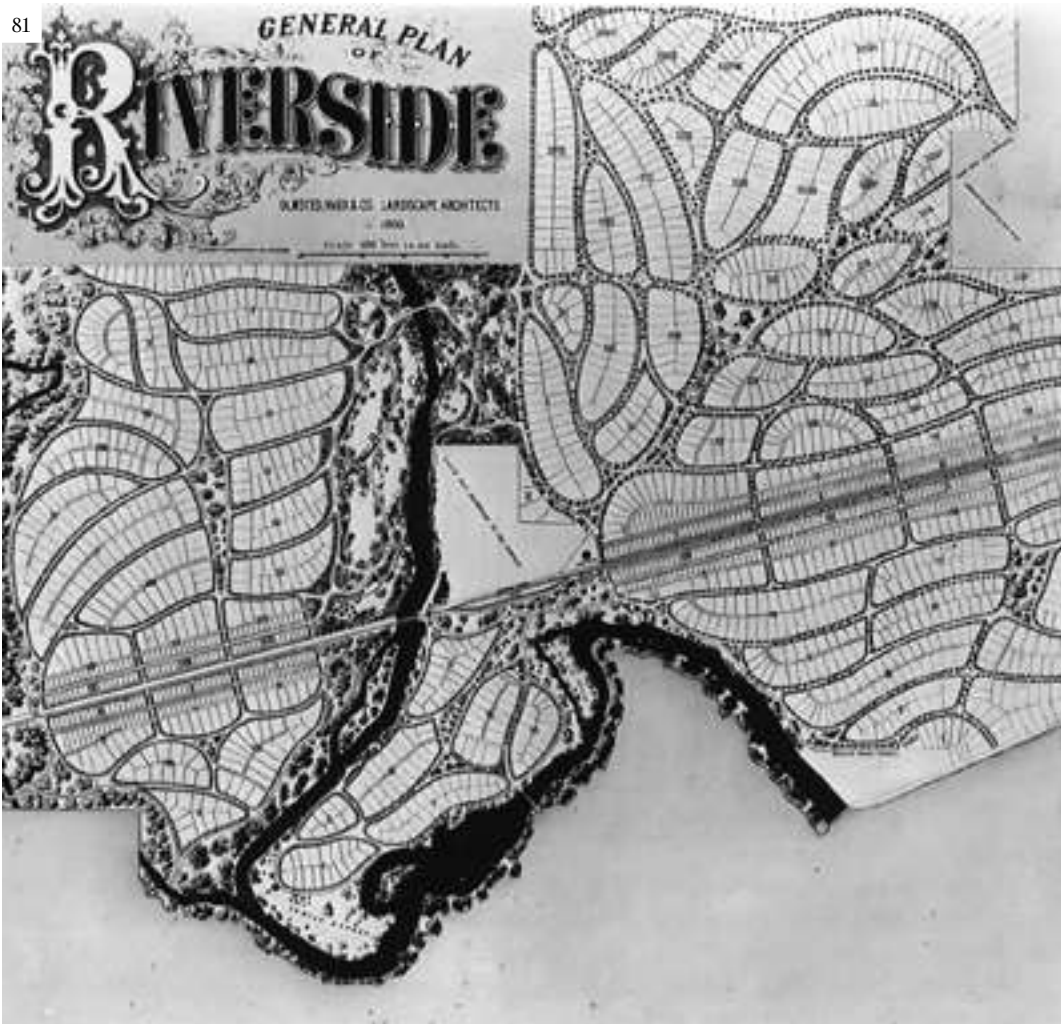

Рис. 81

нарезать очень разные по площади (от 0,4 до 8 гектаров) участки, Филлипс воспользовался естественным рельефом местности. Однако в конечном итоге роль топографии оказалась второстепенной по сравнению с эстетикой. Если рельеф имелся, архитектор им пользовался, а в противном случае — создавал его с нуля. В 1869 году Фредерик Ло Олмстед превратил кусок равнинных прерий в штате Иллинойс в настоящий романтический ландшафт. Тысячи деревьев были высажены в Риверсайде вдоль перетекающих одна в другую извилистых улиц. Как писал сам архитектор, плавные изгибы «способствуют отдохновению, созерцанию и счастливой безмятежности», тогда как прямые улицы «навязывают желание устремляться вперед, не оглядываясь по сторонам». Риверсайд называли «пригородной деревней» и откровенно рекламировали как предназначенный «для более утонченных и обеспеченных классов». В самом деле, жилые районы в манере Олмстеда, которые всегда выглядели исключениями на фоне довлеющей прямолинейности остальной пригородной застройки, стали твердынями зажиточных белых протестантов англосаксонского происхождения — там официально запрещалось селиться неграм, евреям, итальянцам и представителям прочих этнических групп, влившихся со временем в плавильный котел американской нации.

Парадокс состоит в том, что в Античности и Средневековье «органическая» структура города обеспечивала теснейшее сплетение жизней богачей и бедняков. Органичность же современных пригородов содержит в себе идею исключительности: это частное пространство, в котором проживают люди одного круга. Более того, глубоко лжив и антиурбанистический пафос этих пригородов — как будто кривизна улиц издавна не была характерной особенностью великих городов от Афин и Рима до Сиены и Нюрнберга. Такое отношение основывается на идеях о предпочтительности низкой плотности застройки и социальной привилегированности отдельно стоящих домов на одну семью.

С этой точки зрения живописные пригороды считаются намного превосходящими по своим качествам высотную городскую форму, воспринимаемую как нечто губительное из-за своей плотности и бесчувственно-механистической планировки. Если крупные города вообще могут быть «органическими», то только благодаря добавлению к ним пригородов. По меньшей мере, необходимо четко разделять жилые и деловые районы. Вот что около 1870 года писал создатель градостроительных проектов северной части Манхэттена и Западного Бронкса: «В районах, предназначенных для коммерции и промышленности, желательно, чтобы улицы и кварталы придерживались прямоугольных форм, так как это способствует удобству сообщения и наиболее компактному расположению участков. К проектированию жилых районов необходимо в значительной мере подходить совершенно иным образом, основываясь на требованиях топографии»⁵⁰.

В случае США проводить такие различия стало куда проще с появлением системы зонирования — сначала де-факто,

50 Цит. по: *Marcuse P. The Grid as City Plan* (1987).

а затем, начиная уже с 1920-х годов, и де-юре. Зонирование привело к географическому разделению жилья и рабочих мест, сделав возможным формирование монофункциональных частей города. Тем не менее те тенденции, которые способствовали возникновению ранних пригородов в манере Даунинга и Олмстеда с характерной для них идеей исключительности, оказались обращены вспять под давлением интересов спекулянтов, которые играли определяющую роль в абсолютном большинстве проектов новых городов и жилых районов. В 1873 году Олмстед попытался предложить руководству Северной Тихоокеанской железной дороги элегантный «органический» план для нового города Такома в штате Вашингтон, который учитывал топографические особенности местности и напоминал Риверсайд по форме кварталов. Но архитектору было отказано, поскольку проект оказался абсолютно бесперспективен с точки зрения быстрого извлечения прибыли. Источник того времени пояснял: «[Это был] самый невероятный градостроительный проект из когда-либо виденных мною. В нем не было ни единой прямой линии, прямого угла или углового участка. Кварталы по форме напоминали то дыню, то грушу, то батат. Один из них, в форме банана, составлял 900 метров в длину и вмещал 250 участков. Это был план замечательного парка, но совершенно неуместный для города».

Парадигма города-сада

Все это произошло до появления на сцене Эбенизера Говарда, автора вышедшей в 1898 году книги «Будущее: мирный путь к социальным реформам», которая во втором издании 1902 года была переименована в «Города-сады будущего». До начала работы над книгой Говард несколько лет прожил в Чикаго. И там, и в своем родном Лондоне он воочию наблюдал пугающую перегруженность современного города — и то, как безудержный азарт спекулянтов приводил к формированию плотных агрессивных центров, и то, как ничем не ограниченное расположение пригородов позволяло застройщикам наживаться на людях, привлеченных к этим центрам торговли и финансов. За нечеткими пределами одного города уже были видны очертания окраинной застройки другого, а сельская местность вытеснялась все дальше и становилась недостижимой для горожан. Патрик Геддес, ученик Говарда, назвал такое слияние городов конурбацией.

Говард предложил следующее решение: оформленная как товарищество компания приобретает за пределами города участок земли, достаточный для расселения 30 тысяч человек. Поскольку таким образом будет исключена возможность спекуляции земельными участками, застройка не станет чрезмерно плотной, оставляя вокруг зданий много открытого пространства. Население города будет сохраняться небольшим, так что никто не будет лишен доступа к сельской природе. В городе будут работать собственные промышленные и коммерческие предприятия, а вокруг него образуется кольцо фермерских хозяйств. Так удастся совместить достоинства проживания в городе и в деревне. Для того чтобы сдерживать рост города, он будет ограничен неприкосновенным зеленым поясом. В городе-саде

будут сосредоточены «все преимущества активной энергичной жизни, свойственной большому городу, и вся красота и прелесть деревни». Олмстед ранее утверждал почти то же самое о проектируемых им живописных пригородах. Однако Говард и его последователи настойчиво подчеркивали, что города-сады — это не пригороды, зависимые от прежнего города, а самодостаточные сообщества, обеспеченные собственными услугами, рынком труда, администрацией и культурой.

Рис. 193, 203–204 Знаменитые диаграммы, объясняющие концепцию Говарда, приведены в третьей главе этой книги. Сейчас достаточно просто упомянуть, что он не выделял криволинейность улиц и похожие на деревенские жилые дома как обязательную черту города-сада. Тем не менее практическая реализация его идей оказалась тесно связанной с той спланированной живописностью, которую мы обсуждаем в этом разделе: почти неизменно в таких случаях речь шла о строительстве домов по нескольким типовым проектам (преимущественно в исторических стилях), которые расставляли вдоль улиц в разных сочетаниях. Зачинателями такой тенденции стали Рэймонд Ануин и Барри Паркер, проектировщики первого реального города-сада, Летчуэрта, строительство которого началось в 1902 году в графстве Хартфордшир в 65 километрах севернее Лондона по одной из магистральных железных дорог. Конкретные планировочные решения — суперкварталы, наличие индивидуальных садов и т.п. — перекочевали сюда из Бурнвиля, Порт-Санлайта и образцовых фабричных поселков Йоркшира, о которых говорилось выше. Уличная сеть включила в себя существующие сельские дороги и сохранила многочисленные особенности местности.

Рис. 82, 226

В том, что касается плотности застройки, девизом Ануина было «двенадцать домов на акр (0,4 гектара)». Сегодня такой подход не кажется особенно революционным, ведь при проектировании новых американских пригородов минимально допустимыми считаются участки площадью в одну седьмую акра (стандарт — 18 × 30 метров), да и четверть акра не воспринимается как нечто необычное. Но мы говорим о том, что было 80 лет назад, когда для индустриального города была характерна нечеловеческая плотность, а жадность застройщиков не сдерживалась нынешними законодательными ограничениями. Плотность менее чем в двенадцать домов на акр тоже не подошла бы Ануину, поскольку он стремился создать условия, способствующие формированию сплоченного локального сообщества. Значение имело не только внешнее впечатление сложной криволинейности; скорее наоборот, живописный характер города-сада создавался расположением домов относительно друг друга и уличной сети.

На мой взгляд, главным новшеством Летчуэрта была независимость расположения здания на участке от траектории улицы. Ортогональная система межевания осталась в прошлом. Дома обращались фасадами то в одну, то в другую сторону, в зависимости от открывающихся видов и оптимальной освещенности. Кварталы имели нерегулярные формы, а дома группировались вокруг зачастую Т-образных тупиковых проездов. В первую очередь Ануин стремился создать череду городских пейзажей. В этом отношении его вдохновляли уже не родные

Рис. 82. Жилые дома на Рашби-Мид в Летчуэрте (Англия, ок. 1908), предназначенные для аренды небогатыми семьями. Авторы проекта Рэймонд Анун и Барри Паркер решительно порвали с традицией сооружать жилье для английского рабочего класса в виде мрачных шеренг однотипных домов и создали в Летчуэрте сеть исключительно выразительных и разнообразных улиц. Росшие на территории деревья были сохранены благодаря вдумчивому размещению дорог и зданий, а последующее озеленение проводилось с размахом, характерным прежде исключительно для столиц и курортных городов.

английские деревни, а средневековые немецкие города и характерные для них визуальные удовольствия. Он старался совместить англосаксонскую приверженность к отдельно стоящему семейному дому с садом и захватывающую игру объемов старых европейских городов.

Очертания двух первых городов-садов — Летчуэрта и Уэлина — никак нельзя назвать стилистически чистыми. В планировке их центров хорошо заметно влияние формальных градостроительных подходов бозара, правда, лишенных своей довлеющей монументальности. Попытки сочетать элементы «органики» и бозара — распространенное явление в первые два десятилетия XX века. Однако фундаментальный принцип Большого стиля в градостроительстве — представление, что иерархия улиц необходима и для символических нужд, и для беспрепятственного движения транспортных потоков, — был совершенно чужд логике Ануина. Он писал:

Чем меньшая площадь отдана под улицы, тем больше вероятность построить по-настоящему приятный город. Идея проектирования для нужд транспорта глубоко ошибочна. Градостроителю стоит вместо этого задуматься, как минимизировать бессмысленные транспортные потоки...

Популярность градостроительной концепции города-сада была обусловлена ее крайней гибкостью: ее было относительно просто совместить с любой идеологией. Она сочеталась и с той английской типологией «средневековой» улицы с сельскими домиками, которую продвигали Ануин и Паркер, и со среднеэтажной или высотной застройкой, или даже с более регулярными планировочными решениями.

Во Франции сторонники идеи города-сада вроде Жоржа Бенуа-Леви или Анри Селлье отстаивали эту концепцию в качестве альтернативы бесконтрольному, подвижному страстью к наживе расползанию поселков-кондоминиумов. Случившийся после Первой мировой войны крах традиционного частного рынка жилищного строительства подвигнул Селлье, который отвечал в администрации столичного департамента Сена за возведение доступного жилья, адаптировать модель города-сада для нужд своего ведомства. Первые результаты напоминали Летчуэрт, но затем произошел переход к более плотной застройке. В спроектированных на английский манер Шатне и Плесси можно найти отголоски обеих стадий: к началу 1930-х годов дома на одну семью стали уступать место четырехэтажным многоквартирным зданиям.

В России концепция города-сада казалась крайне привлекательной после ужасных разрушений времен Гражданской войны. Перевод книги Говарда на русский язык вышел в 1911 году, и самое раннее, весьма буквальное применение его диаграмм можно найти уже в книге Владимира Николаевича Семенова «Благоустройство городов» (1912), где ими проиллюстрирован проект поселка для служащих Московско-Казанской железной дороги у станции Прозоровская. Большевицкий переворот 1917 года и последовавшая за ним отмена частной собственности означали переход земли в коллективное

Рис. 226

Рис. 83

Рис. 83. Проект города-спутника Дранси (Франция), 1920. Задавшись целью рассредоточения населения в парижском регионе, администрация департамента Сена подготовила планы для целого ряда городов-спутников. Архитекторы Бассомпьер и де Рутте тщательно воспроизвели модель города-сада, созданную за десять лет до этого англичанами Ануином и Паркером.

Рис. 84. Форест-Хиллс-гарденс (штат Нью-Йорк, США), 1910. Задуманный Гросвенором Аттербери и братьями Олмстед как образцовый поселок для фабричных рабочих, это наиболее английский по духу район среди ранних американских пригородов, спроектированных как единое целое.

83

84

владение — то есть автоматическое выполнение одного из основных требований Говарда. В 1925 году, когда началось восстановление, главные споры закипели вокруг вопроса о выборе между небольшими домами и многоквартирной застройкой; позже их сменило противостояние тех, кто поддерживал идею рассредоточения, и тех, кто настаивал на сохранении и укреплении существующих городских центров. К 1932 году рассредоточение было отвергнуто. Официальные издания заклеили Говарда как «мелкобуржуазного интеллектуала», поскольку уничтожение старых городов было бы равносильно «исчезновению и ликвидации государства»⁵¹.

Существовало несколько причин, которые мешали идее города-сада прижиться в США. В рамках американской системы коллективное владение землей было почти невозможным, как и контроль за использованием чужой-то собственности. И то, и другое смахивало на социалистический или коммунистический заговор. Кроме того, Америка не могла принять модель расселения, подразумевающую ограничение использования транспорта, особенно (начиная с 1920-х годов) частных автомобилей. Таким образом, попытки применить там на практике принципы этого направления градостроительной мысли нельзя назвать иначе как робкими. Совсем иным было отношение к *пригородам-садам* в истинно американском духе. После того как в 1880-х годах мода на живописность и исторический разноречивый в архитектуре сменилась вдохновленным бозаром «Американским ренессансом» и его градостроительным аналогом в виде «Движения за прекрасный город», влияние идей Олмстеда чувствовалось в основном лишь при проектировании парков, а также в ландшафтном компоненте сотен городских ансамблей в Большом стиле. Спланированная живописность Риверсайда имела определенное продолжение в элитарной пригородной застройке, но ставшее к тому времени допустимым кричащее величие особняков зачастую сводило на нет ее преимущества. Дома оказывались слишком огромными и претенциозными, чтобы игриво выстраиваться вдоль извилистых улиц и утопать в море зелени.

Тем не менее на смену Глендейлу и Риверсайду все же пришло несколько достойных упоминания проектов. Это, например, Кантри-Клуб-дистрикт в Канзас-Сити, построенный Джесси Николсом, и Форест-Хиллс-гарденс, расположенный в нью-йоркском Квинсе около станции Лонг-Айлендской железной дороги. Оба района начали застраиваться до 1915 года, и оба стали одними из самых ранних примеров введения ограничений по общему согласию, что включало в себя контроль над землепользованием, минимальную арендную плату, красные линии, формы зданий, коэффициент застройки, использование вывесок и, разумеется, расовые и этнические ограничения. Строительство Форест-Хиллс-гарденс спонсировалось филантропическим фондом Рассела Сейджа, чьи попечители «испытывали отвращение к однообразным прямоугольным кварталам в пригородах, где очертания

Рис. 84

⁵¹ Цит. по: Architectural Review, 1978. No. 163.

рельефа призывают к совсем иным формам». Дома «не хуже, чем в городах-садах Англии» предназначались тут для «почтенных семей со скромным достатком». Несмотря на то что эта территория официально относилась к Нью-Йорку, ортогональная решетка улиц подверглась тут целенаправленному искажению. По словам Олмстеда-младшего, автора генерального плана района, улицы Форест-Хиллс-гарденс были «уютными и домашними по своему настрою <...>, где однообразие и прямота типичных для Нью-Йорка транспортных артерий, бесконечных и продуваемых насквозь, сменяются тихими, уединенными уголками, напоминающими сады, каждый со своими особенностями»⁵², — другими словами, чередой городских пейзажей Рэймонда Ануина.

Существует еще два аспекта, в которых пригороды-сады оказались весьма успешным начинанием. К концу Первой мировой войны федеральное правительство хоть и нехотя, но запустило программу по обеспечению жильем фабричных рабочих. В ее рамках на средства Emergency Fleet Corporation (корпорации, созданной для срочного расширения торгового флота США) были осуществлены такие образцовые проекты, как Йоркшип-виллидж в Кэмдене, штат Нью-Джерси, Юнион-Парк-гарденс близ Вилмингтона, штат Делавэр, и Бакман-виллидж в Честере, штат Пенсильвания. Кроме того, в начале 1920-х годов некоторые частные компании применили этот упрощенный пригородный формат для обеспечения жильем своих работников — в качестве примера можно назвать Гудьер-хайтс в Акроне, штат Огайо, и Биллерика-гарденс в Биллерике, штат Массачусетс. И на федеральные, и на частные средства застройка велась на основе типичной для пригородов ортогональной решетки, но с некоторым количеством изгибов. Хотя индивидуальные участки получались в итоге неодинаковыми, особый упор в рекламных буклетах делался на то, что «такую планировку никак нельзя назвать чрезмерно нерегулярной»⁵³.

Поворотной точкой стал Редберн в штате Нью-Джерси, спроектированный в 1928 году Клэрэнсом Стайном и Генри Райтом. В этом проекте впервые соединились английские и американские эксперименты в области спланированной живописности. Редберн был предназначен для 25 тысяч человек и разделен на три поселка, в каждом из которых имелись свои школа и парк. Отказ от решетки был заявлен тут со всей четкостью. Каждый поселок был разделен на суперкварталы примерно по 16 гектаров, соединенные между собой пешеходными дорожками. Характерный для города-сада принцип зеленого пояса не нашел тут применения, однако промышленная составляющая, ключевой элемент концепции Говарда, просуществовала в Редберне до 1986 года, хотя и в урезанной форме. Вместо коллективной собственности на землю участки принадлежали частным владельцам. Ну и, разумеется, авторам пришлось смириться с присутствием автомобилей.

Рис. 85–86

⁵² Все цит. по: *Plunz R. A History of Housing in New York City* (1990).

⁵³ *Nolen J. New Towns for Old* (1927).

В поддержку такого типа жилой застройки интеллектуальной элитой была развернута целая пропагандистская кампания, в которой приняли участие такие красноречивые и страстные полемисты, как, например, Льюис Мамфорд. Этих усилий оказалось достаточно, чтобы одержать тактическую победу в условиях политики Нового курса, объявленной президентом Рузвельтом: отчасти именно они подвигли федеральное правительство снова напрямую заняться строительством недорогого жилья вместо использования механизмов налоговых льгот и субсидий. Так называемые города зеленого пояса (*Greenbelt Towns*) стали, без сомнения, одним из самых любопытных эпизодов в истории современного американского градостроительства — моментом, когда США в наибольшей степени приблизились к воплощению на практике концепции Говарда. В этих городах действительно имелся зеленый пояс, а вся земля принадлежала одному корпоративному собственнику, то есть федеральному правительству. Враждебно настроенной публике эта деятельность была представлена как программа оздоровления сельской местности. Всего было построено три таких города. Планировочное решение Гринбелта в штате Мэриленд и Гринхиллса в штате Огайо включало в себя суперкварталы, тупиковые подъезды к домам и внутренние улицы, недоступные для транзитного транспорта. Третий город, Глендейл в Висконсине, выступил против всех этих глубоко неамериканских изысков и решил брать пример с колониального Вильямсбурга. Сооружение четвертого города в духе Редберна — Гринбука, штат Нью-Джерси — было приостановлено по решению суда, и он так и не был построен. Так или иначе, после Второй мировой войны правительство продало все эти города, точно так же как Йоркшип-виллидж и Бакман-виллидж после Первой⁵⁴.

Но такой пример федерального центра имел и куда более долгосрочные последствия. Вероятно, скорее из-за него, нежели из-за надменной риторики Мамфорда и его коллег, после 1945 года улицы типичного девелоперского проекта начали меняться: от бездумной и упрямой веры в ортогональную решетку среднестатистический застройщик постепенно перешел к приятию плавных изгибов. Несомненно, отчасти это объяснялось нарастанием и ускорением транспортных потоков, что привело к необходимости выбирать такие варианты уличной сети, которые позволяли пространственно разделять разные типы движения и устранять точки возможных конфликтов между ними. Таким образом, американские специалисты по городскому планированию осознали необходимость существования дорог для скоростного движения и дорог для местного использования, обычно в форме петель или тупиков, протяженных кварталов, если не суперкварталов, и Т-образных перекрестков, способствующих снижению аварийности.

Редберн стал первым примером внедрения этой так называемой функциональной уличной сети. Но созданием

⁵⁴ 0 городах зеленого пояса см. *Joseph L.A. The New Deal in the Suburbs* (1971).

Рис. 85–86. Пешеходная дорожка в Редберне (штат Нью-Джерси, США) и аэрофотосъемка строящегося района, ок. 1930. Задуманный, по словам архитектора Клэренса Стайна, как «город автомобильной эпохи», Редберн сочетал элементы английского города-сада с почти полным обособлением пешеходных и автомобильных маршрутов.

85

86

Рис. 87

строительных стандартов и образцовых градостроительных планов озаботилось уже Федеральное агентство жилищного строительства, созданное в 1934 году для страхования банковской деятельности при ипотечном кредитовании, — они понадобились новому ведомству, чтобы убедиться, что возводимое жилье будет ликвидным, а риски минимальными. Официальные издания агентства снабжались названиями вроде «Проектирование высокодоходных жилых районов» или «Удачные примеры межевания территории» и всячески расхваливали Т-образные перекрестки и привнесение элемента криволинейности в уличную решетку. Как правило, в качестве создателя этого официального извода спланированной живописности называют Сьюарда Мотта, источником вдохновения для которого вполне могли послужить классические живописные пригороды вроде Риверсайда Фредерика Ло Олмстеда или Форест-Хиллс-гарденс. Если не считать эксперимента с «городами зеленого пояса», пример Редберна оказался не особенно воспринят на родине, но после Второй мировой войны он стал отправной точкой для шведской и британской программ строительства новых городов.

За весь послевоенный период в США так и не была разработана официальная политика в области проектирования целых жилых районов. Вместо этого очертания уличной сети с годами начали определяться все более детальным регулированием, которое предписывало, к примеру, определенные отступы от красной линии или площади боковых и задних дворов — то есть показатели, относящиеся к планировке каждого отдельного участка. Итогом этого процесса стало бездушное однообразие большинства американских пригородов.

Рис. 89

Наконец, поскольку в наши дни застройщику обычно приходится самому сооружать дороги и коммунальные сети, которые раньше обеспечивал муниципалитет, современные проекты чаще всего оказываются небольшими, не связанными между собой и очень разнообразными по форме, что создает своего рода коллажную живописность, складывающуюся вокруг нерегулярного каркаса загородных шоссе. Иногда такая запутанная планировка заставляет вспомнить о средневековом Каире — по крайней мере, при взгляде на карту местности. Если добавить ко всему этому возникшую в 1960-е годы пижонскую моду на «кластерную застройку», когда вокруг изящно сгруппированных домов специально оставлялось общее свободное пространство, незавершенная история «органической» городской формы начинает сливаться с описанием современных нам практик.

Сохранение наследия и уроки истории

Эволюция идей спланированной живописности в континентальной Европе — это еще одна отдельная история, которую можно проследить со второй половины XIX века. В ее центре находится особая местная версия ностальгии по Средневековью. Пока Англия вглядывалась в свои традиционные деревни и сельские дома, пытаясь построить городскую жизнь в тесном контакте с природой, Европа искала в своих средневековых

Рис. 87. Исходный и пересмотренный генеральные планы из брошюры «Проектирование высокодоходных жилых районов», 1938. Когда в 1934 году учреждалось Федеральное агентство жилищного строительства, никто и не предполагал, каким огромным окажется влияние этого ведомства на застройку территории США. Введя минимальные планировочные стандарты, поощряющие прокладку изогнутых улиц, оно фактически гарантировало воспроизведение «органических» структур в пригородах по всей стране.

Рис. 88. В конце 1940-х годов развитие пригородов получило мощный толчок благодаря технологиям массового производства. Появление новых строительных материалов, автоматических инструментов, фабричного изготовления компонентов и узкоспециализированной рабочей силы позволило застройщикам создавать целые города за очень короткие промежутки времени. Эта извивающаяся череда отдельно стоящих домов в Палм-Сити (штат Флорида, США) как будто продолжает традиции криволинейности американских пригородов-садов, но на деле обнажает конвейерный характер сборки жилья.

Рис. 89. Лоскутное одеяло дорожно-уличной сети в пригороде Атланты (штат Джорджия, США).

городах с богатей историей собственные рецепты борьбы с тлетворным влиянием индустриальной революции на градоформу — с уродством и дегуманизацией среды обитания, с ослаблением социальных связей, с принесением истинно городских ценностей в жертву спекулятивной прибыли и нуждам транспортных потоков.

Снос исторической застройки приобрел после 1850-х годов практически повсеместный характер: плотную ткань средневековых городов прорезали прямые магистрали, упрощавшие сообщение с множившимися пригородами. В самих пригородах комфортный доступ к центру становился ключевым критерием качества жизни. Широкая публика и высококолобые критики с нарастающими неприязнью и тревогой следили за деятельностью нового поколения технократов, муниципальных служащих и инженеров в сфере транспорта, которое бесцеремонно перекраивало исторические центры во имя свободы передвижения. «Потрошение» (*éventrement*) было одним из любимых слов самого знаменитого «гения разрушения» того времени, Жоржа Эжена Османа. Проведенная им в эпоху Второй империи (1852–1870) генеральная реконструкция Парижа задавала совершенно новые рамки возможного для программ городского обновления.

Рис. 90

В то время как барон Осман и его последователи сделали выбор в пользу механической эффективности, их противники встали на защиту старых городов, выдвигая культурные, социальные и исторические (или псевдоисторические) доводы. Усилия этой оппозиционной группы были поначалу главным образом направлены на защиту от сноса наиболее примечательных строений, хотя порой и сами технократы усматривали в них определенную ценность, объявляя своим долгом освободить их от более поздних наслоений и расчистить вокруг обширное пустое пространство, чтобы создать выбор перспективы. Но в Германии фокус постепенно сместился на городскую среду в целом, причем дискуссия пошла по двум отдельным направлениям.

Лучшим примером первого из них, преимущественно эстетического, служит деятельность Камилло Зитте (1843–1903), в частности его изданная в 1889 году книга «Художественные основы градостроительства». Эстетическое превосходство старых живописных городов над современными регулярными планировками провозглашалось и задолго до Зитте. Еще в XVIII веке Иоганн Виллебранд в своей книге по эстетике градостроительства «Проектирование красивого города» (1755) восхвалял материальную форму старинных городов. Век спустя прославленный прусский полководец Гельмут фон Мольтке писал, что предпочитает живописные улочки Вены строгим новым кварталам Берлина. Публицист Вильгельм Генрих Риль в своей книге 1854 года выступал против «современных правил построения уличного плана». По выражению Джорджа Коллинза, автора комментариев к английским изданиям Зитте, Риль считал, что «эффекта живописности можно достичь, просто следуя за естественным направлением движения пешехода. Такие изысканные криволинейные очертания

Рис. 90. Работы по *османизации* Парижа, гравюра 1858 года. Плотная паутина улочек XIII и XIV веков на левом берегу Сены уступает место прямой как стрела улице Эколь.

Рис. 91. Улица Марше-о-Пуле в Брюсселе, иллюстрация из французского издания 1902 года «Художественных основ градостроительства» Камилло Зитте. Французский перевод книги свел рассуждения автора о достоинствах замкнутого городского пространства исключительно к прославлению средневекового города. Этот рисунок взят из главы про проектирование улиц, которая была добавлена к оригиналу переводчиком Камилем Мартеном.

90

91

часто встречаются в деревнях, и воспроизводить их — „честь“ для любого градостроителя»⁵⁵.

Зитте, однако, развил такое отношение в целостную теорию городской формы. Он был решительным противником «внедрившейся болезни застывшей геометрической регулярности»⁵⁶, безудержной османизации городов, одержимости парадными перспективами, устремленными к обелискам и конным статуям, а также гигантскими площадями с всенепрямым памятником чему-нибудь в самом центре. Он внимательно исследовал городскую форму, особенно средневековых городов немецкоязычной Европы, которые он хорошо знал и любил за их «врожденную чувственность». Еще примечательней, что он считал эту живительную нерегулярность градоформы не просто визуально интересной, но и здоровой с социальной точки зрения. Город был для него соединением людей и зданий, причем со временем связь между ними развивалась и крепла: ни тот, ни другой компонент города не следовало дробить — ни на социальные классы, ни на функциональные зоны. Особая гармония постепенно складывается между общественными зданиями и окружающей их средой. Согласно Зитте, градостроительство — это именно что наука о взаимоотношениях, а эти взаимоотношения определяются тем, как много может человек, прогулявшись по городу, почерпнуть с первого взгляда. Улицы и площади следовало воспринимать в трех измерениях, как объемы. «Идеальная улица должна представлять собой полностью замкнутое пространство». Ей не следует придавать двусторонней симметрии; другим улицам не стоит пересекать ее под прямыми углами и через равные расстояния.

Сам Зитте не настаивал на сооружении улиц в средневековом духе при расширении городов. Его книга не менее высоко оценивала античное градостроительство и великолепную барочную традицию немецких княжеств. Зитте волновали не морфологические особенности оболочки, а качество содержания, то есть пространства. Догматизация криволинейности — это уже вклад его последователей; спроектированные ими живописные пригороды и новые городские районы совершенно произвольных форм спровоцировали критику идей и самого Зитте. Оппоненты настаивали, что, тогда как у регулярных планировок имеются четкие правила, при работе с нерегулярной формой градостроителю в большой мере приходится полагаться на интуицию. На самом деле немецкая спланированная живописность была обязана английским образцам не в меньшей мере, чем влиянию идей Зитте. Примеры таких проектов — Хеллерау под Дрезденом (1908), Мюнхен-Перлах, Штакен в Берлине и Фалькенберг там же (1912) молодого Бруно Таута, — по сравнению с Порт-Санлайтом или Летчуэртом имели более нерегулярную и асимметричную планировку улиц, но их простые, скромно решенные здания аккуратно следовали за красной линией, располагаясь ближе один

Рис. 92–93

⁵⁵ Collins G.R. and Collins C.C. Camillo Sitte and the Birth of Modern City Planning (1965).

⁵⁶ Цит. по: Зитте К. Художественные основы градостроительства / пер. Я. Крастиньша. М.: Стройиздат, 1993.

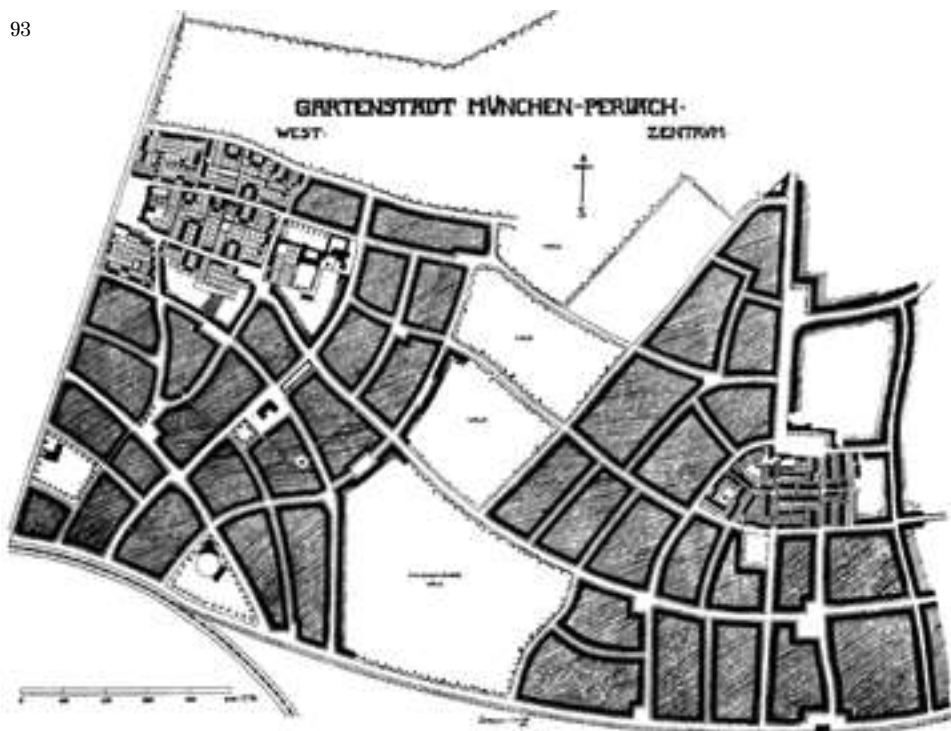
Рис. 92. Штакен, первый пригород-сад Берлина, стал результатом синтеза английской концепции города-сада и немецкого архитектурного историзма. Архитектор Пауль Шмиттхенер, 1914–1917.

Рис. 93. Неосуществленный проект Мюнхен-Перлах, архитектор Ханс-Эдуард фон Берлепш-Валендас, 1909. Пример работы школы «принудительно живописного» планирования, сложившейся в среде поклонников идей Зитте. Один из критиков того времени отмечал, что, хотя этот пригород-сад проектировался для плоского лесистого участка, который уже был «разлинован идеально ровной решеткой дорог», этому обстоятельству «ни в коей мере не было позволено повлиять на планировку».

92

93

к другому, так что коньки их нависающих крыш выстраивались в непрерывную прямую. Интерес к пригородам-садам сохранился в Германии и после Первой мировой — например, династия производителей оружия Круппов, возводя для своих рабочих фабричный поселок в Эссене, предпочла живописность на английский манер строгой геометрии.

Рекомендации Зитте — его приверженность мелким деталям, петляющим улочкам, скругленным углам, неожиданно возникающим среди плотной застройки небольшим оазисам зелени и протяженной линии фасадов, не разбитой на кварталы правильной формы, — оказались более полезными внутри старых городов, чем на современных окраинах. Пока при проектировании новых районов все это использовалось как творческий противовес геометричности, нацеленной лишь на спекулятивную прибыль, в исторических центрах таким образом удалось продемонстрировать, что внесение незначительных правок в городскую ткань может оказаться эффективнее массовых сносов.

Рис. 91 В Брюсселе защитником старых кварталов выступил мэр города Шарль Бюльс. Он задался важнейшим эстетическим вопросом — можно ли считать средневековые города красивыми, то есть результатом осознанного творчества? — и выделил их в отдельную категорию. В первых строках своей книги «Эстетика городов» (1893) он писал:

Старинные города и улицы обладают особым очарованием для всех, кому не чуждо художественное восприятие. Возможно, их нельзя назвать красивыми, но они привлекательны; они радуют нас своим очаровательным беспорядком, который тут оказывается плодом случайности, а не мастерства...

Геометричность градостроительных решений Нового времени на самом деле объяснялась тем, что профессионалы добивались на плоской поверхности чертежной бумаги симметрии, которую пешеходу никогда не доводилось оценить в реальном архитектурном ансамбле. В любом случае, как отмечал Бюльс, вопрос не сводится к прямизне или кривизне улиц. Классическим зданиям нужна далекая видовая точка, открытая перспектива, которая позволит оценить их симметричность; готика куда лучше воспринимается вблизи и в живописном контексте.

С началом XX века такое отношение к истории и культуре стало еще более влиятельным. Даже в Париже начали сомневаться в своей правоте. Префект департамента Сена, преемник барона Османа, в своем докладе городскому совету за 1909 год, по сути, отверг взгляды своего знаменитого предшественника:

Мы должны избегать чрезмерной регулярности, нам не стоит подражать безжизненной решетке американских городов <...>. Нужно прекратить приносить в жертву геометрическим схемам прекрасные творения прошлого, на которые прежде вовсе не обращали внимания при планировании спрямлений и изъятий⁵⁷.

57 Цит. по *Lavedan P. Histoire de l'urbanisme, Renaissance et temps modernes* (1959).

Рис. 94–95. Проект реконструкции Балрампура (Индия) из книги Патрика Геддеса «Планирование Балрампура» (1917). Теория «консервативной хирургии» Геддеса предписывала не разрушать дух индийского города в процессе решения транспортной и санитарной проблем. В случае Балрампура Геддес постарался минимизировать сносы благодаря тщательно продуманному развитию уличной сети. Особенности климата и местные традиции учтены и в его предложении создать по всему городу расположенные в тени деревьев *чоуки* – характерные для традиционных индийских городов расширения улиц, где протекает общественная жизнь.

94

95

Такая резкая смена отношения французских чиновников к проблемам городского планирования наглядней всего проявилась в африканских колониях. Военные инженеры бесцеремонно модернизировали медины Алжира, ставшего владением Франции в 1830 году, и Туниса, попавшего под ее контроль в 1881-м. Но когда в 1912-м Франция провозгласила Марокко своим протекторатом и назначила маршала Лиоте главой расквартированного там военного контингента, политика уже стала куда более сдержанной. Прошли те времена, когда все градостроительные решения по поводу колониальных центров принимались военным министерством в далеком Париже. Лиоте и его архитектор Анри Прост выступали за отдельные районы для местного населения и европейцев. Лиоте писал: «Широкие улицы, бульвары, высокие здания с магазинами и жилыми квартирами, электрификация и водопровод необходимы [для европейцев], но они полностью уничтожат туземный город и нарушат привычное течение жизни». Таким образом, вопрос стоял не о защите отдельных достопримечательностей; властям следовало «рассматривать весь квартал как исторический памятник; его очертания и характеристики должны оставаться неизменными»⁵⁸. Хотя в колониальном контексте такая забота вызывает оправданные подозрения: в похвальных заявлениях Лиоте можно разглядеть рецепт установления режима сегрегации.

Но поборники сохранения городской ткани встречались и до того, причем их мотивы, если не их методы, были вне всякой критики. Они руководствовались отнюдь не только эстетическими или в широком смысле историцистскими соображениями. В основе их доводов лежало убеждение «Мы — то, что мы построили», так что бездумные сносы прошлой застройки уничтожают нашу культурную идентичность. В этой связи первым всегда стоит называть имя Патрика Геддеса (1854–1932). Сначала, в конце 1880-х годов, он принял участие в судьбе эдинбургского Старого города, затем был Данфермлин, и наконец — Дублин в 1911–1914 годах; всюду он неустанно продвигал идею обязательного проведения городского исследования — полномасштабного анализа истории города и его институций, а также городской географии, геологии и экономики — перед подготовкой любого градостроительного проекта. Такое исследование должно было «ставить диагноз перед назначением лечения». Только после этого наступало время для «консервативной хирургии». В своем шедевре «Города в развитии» (1914) Геддес писал:

Мы не должны, как это часто делают, попросту начинать с базовых вещей вроде внутригородских коммуникаций, а уже потом придавать им те эстетические качества, которые сами и выберем. Нет, в первую очередь нам стоит попытаться проникнуться духом нашего города, его исторической сутью, его непрерывающейся судьбой <...>. В определенной мере осознав таким образом его особый характер, его коллективную

⁵⁸ Цит. по: *Dethier J. From Madina to Metropolis* (1973).

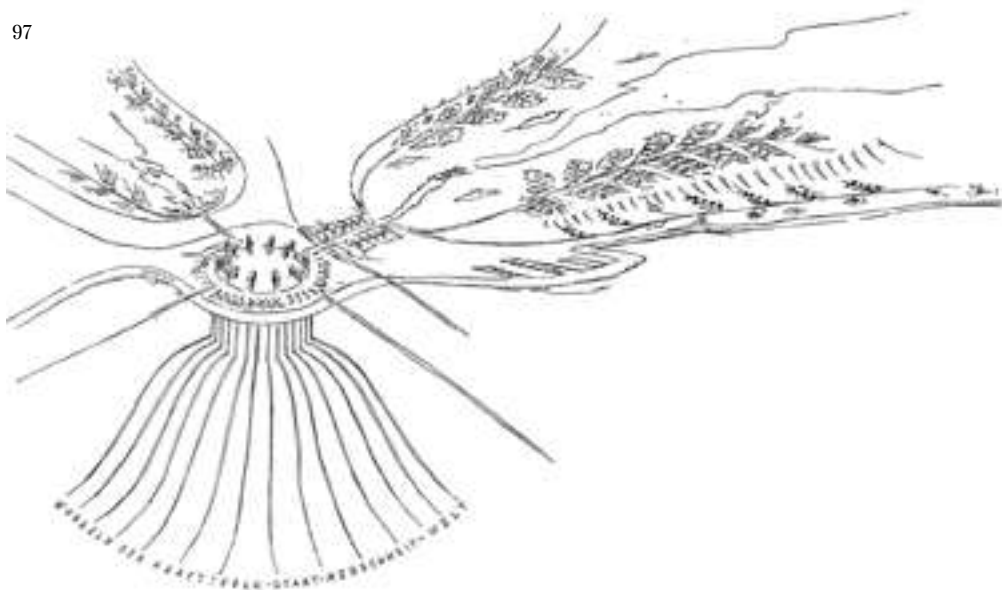
Рис. 96. Проект нового национал-социалистического города, архитекторы Гроссер и Шуман, 1938. Макет поселения, рассчитанного на 20 тысяч жителей, – один из нескольких вариантов, представленных на градостроительной выставке во Франкфурте-на-Майне за год до начала Второй мировой войны.

Рис. 97. Диаграмма «органического городского ландшафта» Ганса Райхова, 1948. Послевоенные идеи Райхова об органическом расселении сочетали функционалистскую логику с почти мистической верой в силу «естественной» формы. На его иллюстрации схема идеального города возникает из туманного девиза «Корни силы: народ – государство – человечество – мир».

96

97

душу, мы сможем куда глубже влиять на его повседневную жизнь⁵⁹.

Рис. 94–95

Подобно Лиоте в Марокко, но опираясь лишь на собственное красноречие, Геддес попытался побороть привычку к *потрошению*, свойственную британским военным инженерам в Индии. Он различал красоту в нескладных лабиринтах старых городов, где узкие извилистые проулки с глинобитными домами и главные улицы с парадными зданиями создавали «неразделимую сплетенную структуру». Видящийся в ней хаос — плод нашего собственного воображения, порожденный пристрастием Запада к механистическому порядку; вместо этого нам следует учиться улавливать здесь «упорядоченность непрерывно развивающейся жизни». Геддес призывал снижать количество и увеличивать ширину мощеных улиц в жилых кварталах, а на освобожденной земле организовывать удобные открытые пространства, которые будут способствовать возрождению коллективных ценностей. Межевание территорий должно быть достаточно гибким, чтобы получившиеся участки можно было легко соединять или делить. По возможности, ничего не уничтожать; наконец, поощрять активность самих жителей, будить в них гражданский энтузиазм, позволять им выражать свою индивидуальность, поскольку «определенная свобода в деталях и соперничество между домами пойдут улицам только на пользу».

Этот медленный, кропотливый и подразумевающий участие жителей подход почти не повлиял на градостроительную практику. Вскоре учение Геддеса растворилось в концепции города-сада, которая сама до сих пор остается скорее маргинальной. Однако его доктрина о сохранении и оживлении исторических центров была принята (причем без его участия) по меньшей мере в одной европейской стране — в Германии. К концу XIX века задача сохранения городского наследия начала формулироваться в терминах защиты небесной линии (*Stadtbild*). На заре XX столетия города вроде Любека, Хильдесхайма и Ротенбурга приняли строгие нормы об охране памятников. Больше того, подобная задача приравнивалась к национализму и защите родины (*Heimatschutz*). Этому культу отечества было суждено пережить социалистические эксперименты 1920-х годов и снова войти в силу уже в качестве одного из принципов нацистской градостроительной политики. Пока в крупных городах Третьего рейха Шпеер и прочие насаждали Большой стиль по образцу Парижа и Вены, новые города и поселки в сельской местности строились в соответствии с идеальными представлениями о народе (*das Volk*). В рамках этой идеологии Средние века считались периодом наибольшей чистоты нации, когда Германия была свободна от иностранного и космополитического влияния. На материальном уровне эту чистоту символизировали дома с двускатной крышей и планировка средневекового немецкого города, олицетворявшая принцип, который называли, разумеется, «органическим». Улицы средневекового Нюрнберга, писал один архитектор, «подобно тончайшим

59 Цит. по: Tyrwhitt J., ed. Patrick Geddes in India (1947).

Рис. 96

прожилкам листа, обеспечивали транспортные потребности города» — и аналогичная конфигурация должна была подойти и аграрным городкам нацистской Германии. Идеальной формой города считался круг, в подражание классическим средневековым центрам вроде Нердлингена; этот круг можно было растягивать и деформировать, подстраиваясь под особенности рельефа. На пересечении осей, вдоль которых направлялся основной транспортный поток, располагался политический центр поселения. Средневековые города организовывались вокруг рынка и собора, но теперь эта роль отводилась партийным зданиям. Дома должны были комфортно располагаться в ландшафте; улицы тоже обязаны были следовать очертаниям рельефа. О регулярной решетке не могло быть и речи; планировка города должна была «вырастать из самой почвы и составлять единое целое с ее естественной формой, с конкретной геоморфологией земной поверхности»⁶⁰.

Рис. 97

Развитие идеи «органицизма» в послевоенную эпоху оказалось связано с долгой карьерой Ганса Бернгарда Райхова. При Гитлере Райхов был главным архитектором Штеттина (ныне Щецин в Польше) и советником комитета городского планирования Гамбурга. После 1945 года он сотрудничал с Министерством жилищного строительства ФРГ, для которого спроектировал немало населенных пунктов. В годы войны Райхов работал над тем, чтобы расширить сферу приложения «органического» видения с маленьких провинциальных городков до постиндустриальных мегаполисов. В первую очередь его заботило восстановление крупных немецких городов, разрушенных бомбардировками. Этой задаче посвящена его книга «Органическое градостроительство, органическая архитектура, органическая культура» (1948). Ее метафоры весьма привычны: ветвление дерева, структура листа, легкие человека. Райхов осуждает все «неорганические» градоформы, будь то примитивная решетка или же ансамбли в Большом стиле, за их статичность. Сторонникам линейных городов он ставит в вину представление этой модели как решения всех городских проблем. Самого по себе линейного города для этого недостаточно, однако в качестве одной из ветвей органического города он очень полезен. Рост города становится органическим, когда происходит вдоль радиусов, не теряя при этом центростремительного потенциала. Ограничение радиальной схемы кольцевой дорогой противоестественно: город перестанет расти, как только заполнит пространство внутри нее. «Свобода возникновения» — вот предварительное условие для любой естественной красоты.

По сути, книга Райхова отражает новые настроения, установившиеся в кругах деятелей нацистского градостроительства после 1940 года. Традиционная для партии «сельская» доктрина, в центре которой находился жилой дом на одну семью, в одночасье утратила актуальность после того как град бомб, обрушившийся на города Германии, поставил на повестку

⁶⁰ Цит. по: Journal of the Society of Architectural Historians. 1965. Vol. 24, No. 1.

дня куда более неотложные задачи: одновременно восстановить и рационализировать городскую инфраструктуру, а также обеспечить жильем миллионы людей.

Модернистские принципы, которые прежде демонстративно отвергались, теперь казались приемлемыми. Начали составляться проекты масштабной программы сооружения многоэтажных жилых зданий с типовыми квартирами (*Reichstypen*), расположенных посреди зелени парков. Пошли разговоры о внедрении в строительстве сборки из готовых деталей и о функциональном разделении жилых и промышленных зон. Новый город, таким образом, должен был быть полностью модернизирован, не теряя, однако, своих «органических» корней. Вокруг него предполагался зеленый пояс, а жилые кварталы должны были выстраиваться вдоль изящно изогнутых широких улиц. В этом и заключалась цель Райхова — смягчить модернизм и сделать его совместимым с новыми задачами нацистского режима.

Модернизм и спланированная живописность

Судьбы модернистского градостроительства и концепции города-сада пересекались и раньше. В случае Ле Корбюзье, в зрелые годы безудержно разоблачавшего «дороги ослов», мы можем объявить его юношеское увлечение живописностью скорее курьезом, хотя оно и побудило его написать целый трактат в духе Зитте и спроектировать для родного швейцарского города Ла-Шо-де-Фон пригород-сад с извилистыми улицами и двускатными крышами⁶¹. Пример Эрнста Мая будет тут более уместным. Он стажировался в бюро Рэймонда Ануина и участвовал в проектировании пригорода-сада в Хэмпстеде. Когда контролируемый социал-демократами муниципалитет Франкфурта-на-Майне назначил его главой жилищного управления города, он воспринимал свои первые поселки

⁶¹ Ле Корбюзье (на тот момент еще Шарль Жаннере) назвал свой труд «Construction des villes» – дословный перевод немецкого слова *Städte-Bau* из названия книги Зитте. В первом варианте трактата, отправленном в 1910 году своему учителю Шарлю л'Эплатену, молодой автор упоминал, что намеревается «приводить планы и виды на манер Камилло Зитте», – и сдержал обещание. Планировка пригорода для Ла-Шо-де-Фон была основана на Хеллерау (под Дрезденом), который был отлично знаком Жаннере. Подробнее см. *Brooks H.A. Jeanneret and Sitt: Le Corbusier's Earliest Ideas on Urban Design* (1982).

Рис. 98. Ремерштадт близ Франкфурта-на-Майне (Германия), архитектор Эрнст Май, 1927–1929.

98

Рис. 99–100. Жилой комплекс Мирай в Тулузе (Франция): схема расположения новой застройки относительно центра города и вид на многоквартирные здания с одной из «улиц в воздухе». Новый район, спроектированный архитекторами Георгисом Кандилисом и Шадрахом Вудсом, рассчитан на 100 тысяч жителей и занимает почти такую же территорию, как старая Тулуза. Это наиболее масштабный пример «органического» градостроительного процесса, который продвигался «Группой десяти».

99

100

Рис. 98

(*Siedlungen*), ставшие символами раннего модернизма, как модернистские интерпретации концепции Говарда. Наиболее наглядно это проявилось в Ремерштадте на реке Нидда, где плавно изогнутые улицы вторят изгибам исключительно длинных террас жилых домов. Но уже очень скоро как во Франкфурте, так и по всей веймарской Германии для модернистских градостроительных проектов стал характерен доктринерский схематизм, основанный на псевдонаучных доводах вроде «гелиотропных формул» (то есть расчетов инсоляции).

После Второй мировой войны триумфальное возвращение модернизма на некоторое время положило конец воспеванию как сложившейся живописности старинных европейских городов, так и спланированной живописности городов-садов и их аналогов. Нигде, кроме Англии, город-сад не стал официально одобряемым решением для послевоенных городских проблем, но даже там теория Говарда и практики Ануина сочетались с характерными для модернизма типологиями вроде жилых многоэтажек и модернистской идеей «города в парке». Политика ликвидации трущоб и «обновления городов» была, казалось, направлена на то, чтобы разрушить все, что уцелело после бомбежек. Везде, где модернистам удавалось добиться своего, всякие рассуждения о сохранении среды становились бессмыслицей: улицы целого исторического района в лондонском Сити оказались стерты с лица земли при строительстве жилого комплекса Барбикан, а во французском Меце снесли старый квартал, в котором имелись дома XIII века.

В рамках рассматриваемой темы 1960-е годы отреагировали на все это двумя обособленными тенденциями. Первая заключалась во внутренней критике модернистского градостроительства; вторая подразумевала обращение к истории, к уцелевшим фрагментам городского прошлого. Обе они каждая по-своему вновь поднимали старый вопрос об «органической» структуре города и заново настаивали на ее актуальности.

Во-первых, участники неформального международного объединения молодых модернистов, известного как «Группа десяти» (*Team X*), выступили против высокотехнической приверженности интернациональному стилю, характерной для их предшественников. Они полагали, что стоят у истоков новой революции. Начиная с эпохи Возрождения, утверждали они, в градостроительстве господствовала идея города с заранее предопределенной структурой. Вплоть до конца XVIII века наше восприятие городской формы определяли идеальные планы и одномоментные градостроительные жесты, как в случае Версаля или Вашингтона. Регулярные проекты XIX и XX веков продолжили эту традицию жесткого предварительного контроля. И тех же формальных подходов придерживались в своей градостроительной деятельности и мастера модернизма, в их числе Ле Корбюзье и Людвиг Гильберсаймер (см. ниже, с. 206–207).

«Группа десяти» предложила взглянуть на градостроительство по-новому, осознав его как «органический процесс». Задача в таком случае сводилась к предварительному определению приблизительных параметров, в соответствии с которыми застройка может складываться с течением времени.

Рис. 101. Страница из краткого издания «Городского ландшафта» Гордона Каллена (1971). Британская школа теоретиков городского ландшафта заново открыла радость от восприятия сложной, исторически сложившейся городской ткани. Введенное Калленом понятие «последовательного раскрытия видов» представляет собой попытку извлечь конкретные правила проектирования из опыта домодернистского градостроительства. Текст на странице гласит: «Если ровным шагом пройти сквозь этот городской ансамбль, мы получим серию показанных здесь видов. Каждой стрелке на плане соответствует одна картинка. Однообразие движения скрашивается чередой неожиданных открытий и контрастов — и благодаря такому зрительному воздействию план оживает (подобно тому как засыпающего в церкви прихожанина подталкивает в бок сосед). Мои рисунки не изображают конкретное место; я выбрал этот план только потому, что он показался мне выразительным. Обратите внимание, что малейшие отклонения осей и весьма незначительные изменения в отступах или выступах приводят к непропорционально сильному эффекту в трех измерениях».

101

Новаторский жилой комплекс Голден-лейн, спроектированный Элисон и Питером Смитсонами в 1952 году и реализованный в шеффилдском районе Парк-Хилл в 1961-м, представлял собой изломанную цепь многоквартирных зданий, которые служили опорой для замысловатой сети пешеходной инфраструктуры. Шадрак Вудс, разработавший подобный проект для новой части Тулузы, использовал при его описании образы стеблей и паутины, очень характерные для всех школ «органического» градостроительства. «Стебель» соответствует пешеходной улице, которая обслуживается общественным транспортом. От нее расходятся линейные здания. Взаимосвязанные стебли формируют лишенную центра паутину, в которой по мере эксплуатации образуются точки наиболее интенсивного использования.

План жилого района Мирай в Тулузе напоминает североафриканскую медину, и нельзя не отметить некоторую иронию в том, что большинство его населения составляют теперь алжирские иммигранты. Однако наблюдаемая на месте материальная реальность — огромные многоэтажные дома, зигзагообразно рассекающие пустынную территорию, и связывающая их воедино, но избегаемая жителями система «улиц в воздухе» с ее практически полным отсутствием пешеходов — кажется злой издевкой над возвышенной риторикой архитектора, утверждавшего, что город есть «владения человека, передвигающегося пешком, и должен стремиться быть ему соразмерным».

Рис. 99–100

Другой стороной медали были возвращение к идее сохранения исторического наследия, подзабытой в период господства воинствующего антиисторизма модернистов, и исследования об эстетике «городского ландшафта» (*townscape*). Отношение к старым городам и их осовремениванию начало резко меняться. В 1962 году Андре Мальро, занимавший тогда пост министра культуры Франции, провел в парламенте закон, защищавший исторические центры от угрозы, связанной с программами реновации. Этот документ ввел понятие «охранной зоны» (*secteur sauvegardé*) и стал спасением в том числе и для уже расселенного и ожидавшего сноса квартала кожевников в Кольмаре с его фахверковыми домами и узкими мощеными улочками⁶². Закон Мальро оказался предвестником федерального закона «Об охране национальной истории» в США (1966) и английского закона «О национальном достоянии» (1967).

Литература о городском ландшафте была чисто английским феноменом. Представляя собой некую комбинацию идей Зитте и Говарда, она ведет свой отсчет с книги Фредерика Гибберда «Проектирование городов» (1953), написанной им во время работы над планировкой «нового города» Харлоу, и влиятельного труда Гордона Каллена «Городской ландшафт» (1961). Каллен — во многом как и Зитте — определял градостроительство как «искусство взаимоотношений». Анализируя исторически сложившуюся городскую ткань, он в первую очередь

Рис. 101

⁶² См. Scargill I. Urban France (1983).

обращал внимание на последовательность раскрытия видов, учет человеческого масштаба и то, что он сам называл «содержанием» — тайну, разнообразность, непосредственность и прочие подобные ощущения. Влияние школы городского ландшафта подкреплялось характерным для той эпохи эмоциональным фоном. Его обеспечивало заметное общественное движение за восстановление разрушенных во время войны исторических центров в их приблизительно довоенном виде — в пику радикальным предложениям модернистов. Воссоздать уличную сеть средневекового города было непросто, но там, где сохранялись остовы старинных зданий, — в Варшаве, Дрездене, Лейпциге — они были заботливо реконструированы; в иных случаях уцелевшие фрагменты включались в новую застройку, что порой становилось пронзительно живописным решением.

После жутких 1920-х и 1930-х годов, когда старые города страдали, с одной стороны, от мании величия фашистов и нацистов, а с другой — от фанатизма модернистов; и после 1950-х и 1960-х с их одержимостью опустошавшим исторические центры городским обновлением, сегодня мы учимся принимать наши города во всей их полноте. Именно благодаря такому приятию всех разновидностей городского пространства, от величественного до неприметного, царившему прежде в Уре и Фивах, императорском Риме и Париже барона Османа, наше воображение захватывают аргументы Роба Крие из его «Пространства города» (1975) и Колина Роу из «Города-коллажа» (1978), заставляя нас поверить в могущество нашего общего городского наследия.

Как же нам использовать это новое понимание теперь, когда пришел наш черед задуматься о дальнейшей судьбе городов, которые служили нам на протяжении столь долгого времени? В первую очередь мы должны отказаться от любых выборочных предубеждений против прошлого, против того или иного способа организации среды обитания. Оргия разрушения, развернувшаяся с дозволения модернистов, — результат их презрения к культурной преемственности; но это не дает права нам, в свою очередь, возненавидеть их. В то же время, решив отныне пребывать в счастливом согласии с историей, мы должны постараться не возродить искусственную дихотомию городской формы — «органический» город против «спланированного», — разбившись на два противоборствующих лагеря «ценителей Средневековья» и «ценителей классики». Зитте, Бюльс, Геддес — все они обходились без этого, и нам стоит брать с них пример. Так что Крие впустую предостерегает нас, что в современном мире невозможно воскресить зрелый органицизм Средних веков:

Существует наивная точка зрения, широко распространенная как среди искусствоведов, так и среди широкой публики, что нерегулярная или «органическая» застройка выигрывает в красоте у единовременно спланированного городского ансамбля <...>. Огромная популярность средневековых площадей, скорее, объясняется тем, что, во-первых, они относятся

к той типологии, которую не способен воспроизвести ни один современный город, а во-вторых, что их окружает прекрасная архитектура. Наш век не может конкурировать с прошлым и в этом отношении.

Это правда. Но эта мысль верна и по отношению к Ренессансу или барокко. Нам никак не вернуть доиндустриальный мир, как бы сильно мы по нему ни тосковали. Мы должны удовлетвориться тем, что сохраним столько, сколько сможем, — чтобы знать, как много у нас когда-то было, и чтобы, испытывая почтение и любовь, бережно добавлять к этому коллективному творению свои собственные фрагменты. Такое бережное отношение должно распространяться не только на визуальную красоту. И тут мы снова должны поставить под сомнение утверждение Роба Крие, что при рассмотрении типологии старинных улиц и площадей нам нужно думать исключительно об их форме. Крие настаивает, что символизм недолговечен: функция изменчива — а постоянны только «поэтическое содержание и эстетические свойства пространства». Но городская форма — лишь историческая случайность; мы в самом деле — то, что мы построили. В этой связи куда мудрее придерживаться идеализированного эволюционного историзма Патрика Геддеса и вслед за ним помнить, что дальнейшее развитие любого города должно учитывать его историю, географические особенности и насущные потребности. В остальном же, стоит нам разглядеть в «органицизме» устойчивый принцип мышления и градостроительного проектирования (которое само по себе — уважаемая отрасль человеческой мысли), как мы обезопасим себя от рассуждений о «неспланированных» городах — и будем избавлены от сомнительного оправдания для стремления их «спланировать».

Рис. 102. Остров Манхэттен к югу от 34-й улицы, фотография 1963 года. Нью-Йорк – наглядный пример эффективности решетки для обеспечения нужд растущего города. Первоначальное голландское поселение на южной оконечности острова сформировалось как нехитрая сеть каналов и улиц. В конце XVIII века город значительно разросся на север за счет активной застройки бывших лугов

и болот; там независимо друг от друга возникали всё новые решетки, которые соединялись в беспорядочный коллаж. Генеральный план Манхэттена 1811 года урегулировал дальнейшее развитие города: им была расчерчена единая решетка для всей оставшейся территории острова (рис. 118). Изменения хорошо заметны в верхней трети фотографии.

РЕШЕТКА

Преамбула

В 1924 году Ле Корбюзье заявил, что «планы всех городов [европейского] континента начертаны ослом». Он имел в виду города «органического» типа, речь о которых шла в предыдущей главе. Осел «идет зигзагами, ступает лениво, рассеянно; он петляет, обходя крупные камни, избегая крутых откосов, отыскивая тень; он старается как можно меньше затруднить себя». Люди так себя не ведут: «Человек идет прямо, потому что у него есть цель, он знает, куда он идет»⁶³. Английский архитектор сэр Уильям Чеймберс за два века до этого говорил примерно то же самое: «На ровной поверхности, в отсутствие преград невозможно предположить, что человек пойдет по кривой линии, когда у него есть возможность достичь цели напрямик»⁶⁴.

Следуя этой логике, человек ходит по прямой, а когда нужно — сворачивает под прямым углом. Частоту таких пересечений с перпендикулярными дорогами определяет он сам. Топография почти не играет тут роли, особенно в равнинной местности. Этот простой, рациональный метод обхода территории по взаимно перпендикулярным дорогам и есть первый шаг к планированию поселений.

Природа ортогональной планировки

Решетка, она же шахматная доска, — с большим отрывом самое распространенное градостроительное решение спланированных городов в истории человечества. Решетки встречаются по всему миру и относятся почти ко всем периодам (хотя, конечно, бывали и времена, когда они не сооружались). Едва ли можно найти лучшее универсальное решение, применимое к городам на совершенно разных по характеру территориях, как и лучший способ справедливого распределения земли или же раздела и последующей распродажи недвижимого имущества. Преимущества прямых сквозных улиц с точки зрения обороны известны со времен Аристотеля. К ортогональной планировке прибегали и с целью контроля над склонным к бунтам населением. Еще одна очевидная область применения этой модели — концентрационные лагеря и лагеря для беженцев. В наши дни решетка Барселонеты может казаться не такой подавляющей, как в те времена, когда рядом с *баррио* еще высились бастионы крепости Филиппа V, захватившего Барселону в 1714 году. Однако планировка этого района, который разместился на образующем гавань мысу, с пятнадцатью параллельными улицами и длинными узкими кварталами, появилась в результате продуманного замысла — следить за морями и рыбаками, чьи прежние дома были разрушены ради сооружения цитадели.

Тем не менее, какой бы вечной и вездесущей ни была идея решетки, она часто оставалась непонятой, поскольку воспринималась как единое жесткое понятие, не требующее дальнейших рассуждений. На деле же, напротив, решетка

Рис. 165

Рис. 152

63 *Le Corbusier. Urbanisme* (1925). — Цит. по: *Ле Корбюзье. Архитектура XX века* / пер. В.Н. Зайцева. М.: Прогресс, 1970.

64 Цит. по: *Walker D. The Architecture and Planning of Milton Keynes* (1982).

оказывается чрезвычайно гибкой и многообразной системой городской планировки — отсюда и ее колоссальный успех. Наверное, единственное общее свойство всех решеток — их ортогональность: господство прямых углов и параллельность улиц в обоих направлениях. Но даже и это не всегда верно: кое-где решетка может огибать неровности рельефа, не теряя в целом своей основополагающей логики.

Рис. 155, ил. XVIII

Два уникальных и отлично задокументированных образца ортогональной решетки, относящихся к совершенно разным культурам — Китаю времен империи Сун и Северной Америке колониальной эпохи, — показывают пользу от вдумчивого изучения этого общего места истории градостроительства.

Рис. 103

Сучжоу, древний китайский город в южной части провинции Цзянсу, был полностью перестроен во времена империи Сун. Необыкновенный план нового города дошел до нас в виде резной каменной стелы, датированной 1229 годом. Это градостроительное решение в самом деле можно назвать ортогональным, но для его общей структуры характерен сложный и изменчивый ритмический рисунок, лишенный догматической симметрии, непрерывных прямых линий и равномерного деления на кварталы. В то же время с точки зрения организации пространства и примененных выразительных средств план явно представляет собой целостный замысел, созданный на основе точно измеренных расстояний и уклонов. Параллельно улицам по всему городу были проложены каналы: 6 из них шли с севера на юг, а 14 — с запада на восток. Через них было перекинуто около трехсот мостов, изящно сгруппированных в местах пересечения каналов. Эта двойная транспортная система оживлялась частыми Т-образными скрещениями и коленчатыми зигзагами. Весь город в целом представлял собой по форме огороженный прямоугольник размером примерно 10 на 5 км, однако некоторые участки стен выступали вперед, учитывая особенности рельефа, а три угла городской стены были скошены, вторя очертаниям каналов. По периметру без какой-либо симметрии располагались пятеро ворот. Важнейшей частью Сучжоу был крупный правительственный комплекс, который располагался к юго-востоку от геометрического центра города в окружении собственных стен со рвом. Все общественные постройки выделялись в подобные изолированные зоны, а если здание имело особое значение, это подчеркивалось еще и полосой воды. Определенное единообразие городской структуры заметно только в случае вытянутых жилых кварталов к северу от правительственного комплекса. Они делились на длинные узкие участки, где фасады домов выстраивались в единую линию вдоль улицы, а вдоль канала шла череда стен задних садов.

Рис. 104

Город Саванна в новой североамериканской колонии Джорджия был заложен в 1733 году и задумывался как лишенное городских стен ядро тщательно продуманного регионального плана. Планировочная решетка формировала муниципальные округа, каждый со своей главной площадью размером 315 на 270 футов (96 на 82 метра). На западной и восточной сторонах каждой площади отводилось место под общественные здания вроде церкви и торговых лавок. Две оставшиеся стороны

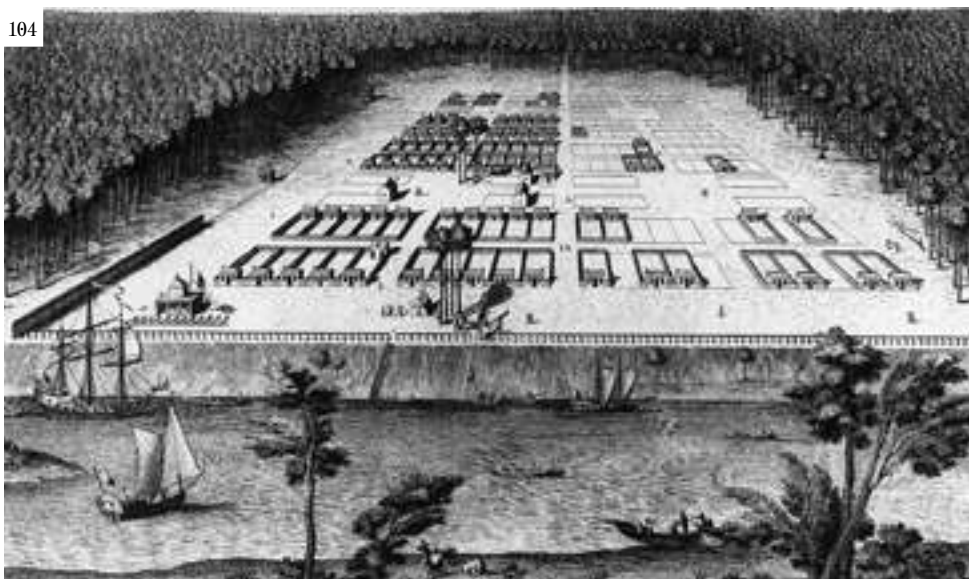
103

Рис. 103. Сучжоу (Китай), отпечаток выгравированного на камне плана 1229 года. Четко видна парная система улиц и параллельных им каналов, причем водные потоки показаны менее заметными линиями. Напоминающая канат полоса сразу за городской стеной обозначает окружающие город каналы.

Рис. 104. «Вид Саванны, какой она была 29 мая 1734 года»; гравюра П. Фурдинье по эскизу Питера Гордона. На этом изображении, сделанном спустя год после основания города, в расположении примитивных сосновых домиков и их оград легко читается структура десятин и округов Саванны.

104

занимали по 20 жилых участков. Строительство началось с округа Дерби вокруг площади Джексон-сквер, где в итоге расположился центр всего города. «Округ» здесь — термин политический, и план Саванны стал воплощением определенной политической системы: десять собственников образовывали десятину, из четырех десятин состоял округ, каждый округ возглавлял констебль. Десятина состояла из двух рядов по пять участков с двух сторон от проулка, к которому они были обращены своей задней частью. Поскольку все жилые дома стояли вдоль улиц, идущих с запада на восток, округа визуально воспринимались как единое целое; социальная взаимозависимость выражалась тут, например, в совместном использовании общественных построек. Таким образом, система сгруппированных вокруг площадей и обращенных внутрь себя округов могла читаться и как линейная структура параллельных улиц. Соединяющие площади улицы и сами площади были на довольно раннем этапе обсажены деревьями, в то время как идущие с севера на юг транспортные артерии и проулки внутри округов оставались без зелени. Структуру отдельного округа было легко повторять, и Саванну продолжали застраивать по первоначальной схеме даже в XIX столетии.

Эти два произвольно выбранных сложных ортогональных плана намечают диапазон нижеследующего исторического анализа. Вот лишь некоторые из вопросов, на которые нам следует обратить внимание:

- 1) размер и форма кварталов, а также их внутренняя организация;
- 2) открытые пространства и их распределение;
- 3) расположение общественных зданий;
- 4) природа уличной решетки: создаются ли внутри нее какие-либо акценты (например, подчеркиванием точки пересечения двух основных осей), проводится ли систематическое разделение улиц на главные и второстепенные;
- 5) завершение решетки: открытая решетка? ограниченная стенами? вписанная в систему городских ворот?
- 6) соотношение решетки с прилегающей сельской местностью и особенностями топографии;
- 7) и самое важное: развитие решетки в третье измерение — сравним, например, Манхэттен и пристанционный городок в американской глуши.

Все перечисленные пункты важны не только в контексте обсуждения городской формы: они позволяют глубоко разобратся в стоящих за решетками целях и стремлениях, понять тот образ жизни, пространство для которого призваны обеспечивать решетки. Кроме того, тема этой главы неразрывно связана с несовершенными, смешанными или иными гибридными вариантами использования решетки. Я бы выделил следующие случаи:

- 1) приблизительные решетки, где улицы не вполне параллельны, а углы не совсем прямые, — к этой категории относится немало средневековых бастид (см. ниже, с. 142);
- 2) ортогональные расширения «органической» городской формы (см., например, Берлин, Краков и т.д.);

Рис. 134, 232, 233

Рис. 208

- 3) решетки, добавляемые к изначальному ортогональному плану (см, например, Сан-Франциско, Новый Орлеан и Турин);
- 4) решетка в сочетании с иными принципами регулярной планировки, чаще всего в форме диагональных проспектов, как в знаменитом плане Вашингтона Ланфана или в проекте Санкт-Петербурга XVIII века;
- 5) криволинейная решетка современных жилых районов.

Решетка и политика

В общем можно сказать, что города, выстроенные по принципу решетки, выполняют большинство задач городов как таковых: оборона, освоение сельскохозяйственных земель, торговли. Выбор этого типа планировки не обуславливается какими-то особыми соображениями за исключением того, что в определенные периоды истории он был наиболее удобным в практическом отношении способом создания нового города. Так обстояли дела, скажем, в позднем Средневековье. Когда философы и отцы церкви утверждали, что долг благочестивого государя — закладывать города, в их воображении возникала одна из модификаций ортогональной планировки. Каталонский философ XIV века Франсеск Эшименис, описывая в своем труде «Христианин» городскую форму, воспроизводил обобщенную версию классической решетки.

Беглые обзоры истории западного градостроительства часто утверждают, что решетка свойственна демократическим обществам, тогда как барочная эстетика связана с централизацией власти. Такие прямолинейные сопоставления, без сомнения, представляются натянутыми, если не сказать в корне неверными: как минимум в них не учитывается, что абсолютистские государства вроде Испании и Франции широко применяли ортогональные планировки в своих колониях.

Рис. 174

Рис. 139

Решетка прекрасно отвечала символическим задачам абсолютной власти, особенно в случае Китая и Японии. Чаньань эпохи династии Тан можно назвать одной из самых жестких городских решеток в истории, и именно этим примером руководствовались при разработке плана Хэйдзё-кё в Японии VIII века (с. 239). В первые столетия императорского периода Китая административная столица была плодом всеобъемлющего замысла, местом принудительного проживания под полным политическим контролем. Такой город был символом власти и обслуживал нужды власти. Ортогональная планировка фиксировала пространственную структуру, отражающую неизменяемую иерархию: она создавала изолированные городские оболочки для дворцовых комплексов, административных и религиозных построек, а также жилья в зависимости от социального положения его обитателей. Торговля играла второстепенную роль и жестко регулировалась политической решеткой. Именно поэтому планировка Сучжоу представляет такой интерес. Его полная жизни решетка — яркое свидетельство шедшей с X века постепенной дерегуляции китайских административных центров и связанного с ней притока коммерции и увеселений как составляющих городской формы.

«ОРГАНИЧЕСКАЯ» СТРУКТУРА ГОРОДА

Многие города начинались более чем скромно; их форма складывалась постепенно, исподволь. Там, где раньше были поля и пастбищные склоны, возникают и соединяются в сеть улицы, в четко очерченных общественных пространствах начинает бурлить коллективная жизнь, а вокруг растет и усложняется жилая застройка. Здания как могут цепляются за рельеф и выстраиваются вдоль изгибов дорог. Со временем эти естественные процессы начинают использоваться вполне осознанно. Террасирование склонов подчеркивает институциональную и социальную иерархию. Извилистая улица сулит живописные виды, разнообразие локальных особенностей и изобилие площадей под застройку. Неудивительно, что на следующем этапе предприимчивые градостроители начинают воспроизводить эти условия в местах, где изначально для них не было предпосылок. Живописно спланированный пригород – и ностальгическое обращение города к своим природным истокам, и попытка по мановению руки воскресить славное прошлое. Характерная для нашего времени тоска по нерегулярности «городского ландшафта» подпитывается убежденностью, что «органические» формы некогда сплачивали население и способствовали формированию того общинного духа, который мы потеряли с появлением города, спроектированного для транспортных потоков, с его бульварами и автомагистралями.

Ил. IX. План города Надушан (провинция Йезд, Иран) обусловлен системой орошения окружающей сельской местности.

X

Города, сформированные топографией:

Ил. X. С помощью поразительной системы террас город инков Мачу-Пикчу (Перу) создал для себя насест на вершине Анд.

Ил. XI. Губбио (Италия) взбирается по склону одного из холмов Умбрии. Увенчанный зубцами палатцо Консоли (слева) обращен к центральной площади города, которая представляет собой платформу на мощной колоннаде.

Ил. XII. Вверх к Пражскому Граду ведет извилистая улица Нерудова.

XI

XII

XIII

Ил. XIII. Градостроительство методами свободного предпринимательства: в Рабате (Марокко) хлипкие временки на склоне холма примыкают к району самовольной, но более качественной застройки.

Ил. XIV. Спланированная живописность: пригород-сад Глендейл (штат Огайо, США), строительство которого началось в 1851 году по проекту Роберта Филлипса. На этом фрагменте видны извилистые улицы, отдельно стоящие дома на участках различного размера и формы, а также пышные зеленые насаждения.

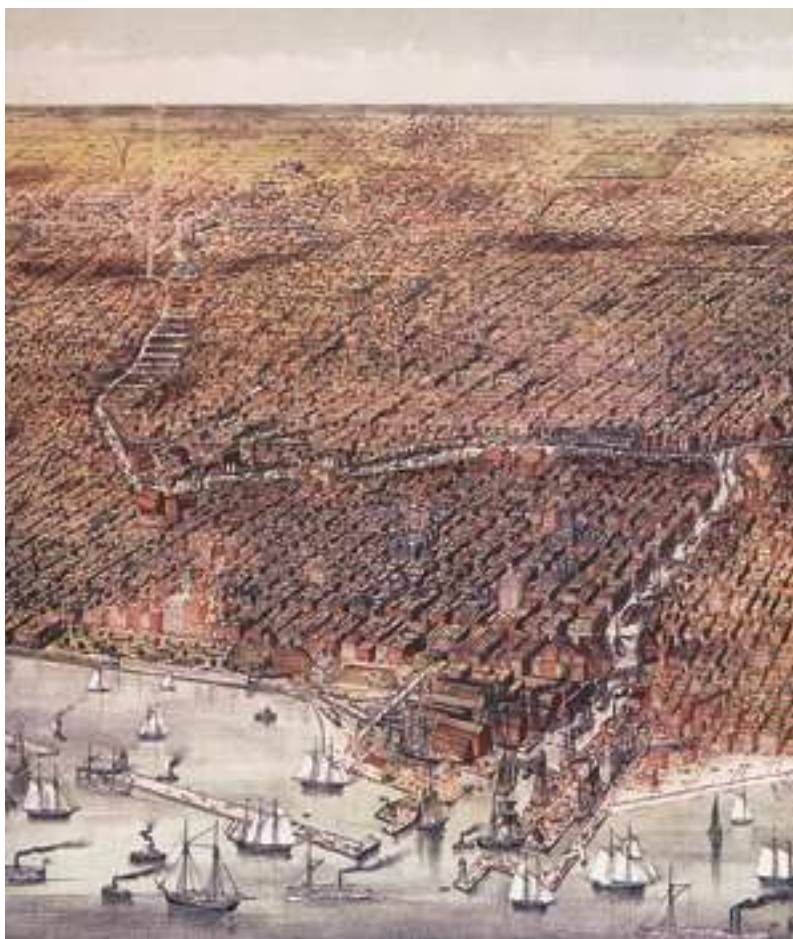

XIV

РЕШЕТКА

Ортогональность – это способ упорядочения городской формы, а не простая формула проектирования городов. Хотя решетка повсеместно встречается в истории градостроительства, она тем не менее не является ни стандартной, ни предсказуемой. На равнине она – наиболее разумный метод землеустройства. Однако решетка так же охотно карабкается на холмы и выгибает свои линии, чтобы подстроиться под излучину реки. Эти ухищрения и подстроения могут иметь естественные причины, но могут и формировать желаемую политическую или общественную среду; иногда, как в случае поразительной планировки Саббьонеты, они оказываются результатом чистого своеволия. В самом примитивном варианте кварталы решетки предстают в виде ровных рядов объектов недвижимости, но они могут также объединяться в округа, делиться на узкие полосы бургажных участков, максимизируя таким образом число домов с уличным фасадом, или же обращаться внутрь себя за счет благоустроенных дворов, как в Южном Амстердаме Хендрика Берлаге. На самом деле достоинством решетки оказывается ее бесконечная гибкость. Идеально подходя для умеренных городских масштабов, она способна организовывать и суперкварталы современных мегаполисов. И, будучи органичной для только что заложенных простых поселений, она может почти неограниченно расширяться, создавая Большой Чикаго или агломерации Лимы и Буэнос-Айреса.

Ил. XV. Фрагмент панорамы Чикаго (штат Иллинойс, США) с высоты птичьего полета, гравюра издательства Currier & Ives, 1892.

XVI

Вариации решетки:

Ил. XVI. Вильнев-сюр-Ло (Франция) вырос вокруг двух средневековых бастид: более старая, на дальнем берегу реки, представляет собой четкую решетку, распланированную на пустом месте; та, что на переднем плане, поглотила ранее существовавшие замки и деревню, а потому имеет менее регулярную структуру.

Ил. XVII. Строительство Саббьонеты (Италия) началось в 1550-е годы. Ее намеренно искаженную ортогональную планировку охарактеризовали как «маньеристскую решетку».

Ил. XVIII. Берн (Швейцария), основанный герцогом Бертольдом V Церингеном в 1191 году. Гибкая решетка средневекового ядра следует линии центрального гребня. Новый мост, видный в самом низу, разломал ближний к нам конец города; старый мост уцелел рядом (справа внизу).

XVII

XIX

Ил. XIX. Окончательная версия проекта застройки Южного Амстердама, подготовленная Хендриком Берлаге в 1915 году. Он задумал синкопированную решетку крупных жилых кварталов, окружающих внутренние дворы; масштаб и общее единообразие должны были способствовать преодолению классовых различий. Внизу слева видны железнодорожный вокзал и трезубец расходящихся от него улиц.

Эти яркие примеры в силу изолированности и удаленности породивших их культур рассматриваются как исключения в общем контексте истории градостроительства. Однако и в западном мире политическая невинность решетки также оказывается вымыслом. К примеру, в ранних греческих колониях решетка применялась вовсе не в качестве демократического инструмента справедливого распределения земли среди сограждан; напротив, она была призвана закрепить привилегии за имущим классом потомков первых поселенцев и соответственно упрочить положение земельной аристократии. Колонисты, первыми прибывшие на данную территорию, имели право на равное количество земли как внутри, так и за пределами городских стен. Такие наследуемые наделы были неотчуждаемы: правящая верхушка жестоко ограничивала любую продажу земли. Эти участки были довольно значительными — до одного гектара у некоторых семейств — и позже могли делиться владельцами на более мелкие. В черте города частная земля предназначалась исключительно под жилую застройку. Любые призывы к свободному обороту земли или земельной реформе пресекались и иногда карались не менее строго, чем убийство.

На протяжении многих веков после Чанъаня и Хэйдзё-кё особое расположение общественных зданий и прочие планировочные приемы позволяли по-прежнему использовать решетку, чтобы недвусмысленно подчеркивать централизованное политическое устройство. Взять, к примеру, Брест в Бретани, один из четырех новых портовых городов, заложенных в правление Людовика XIV с целью упрочить положение Франции как морской державы. По словам исследователя этих портов Джозефа Конвица, план Бреста, созданный в 1680 году приближенным к Кольберу инженером Сент-Коломбом, представлял собой «упорядоченную, непрерывную, строгую решетку кварталов». Спустя год Вобан внес в проект некоторые улучшения — он добавил целостную композицию из церкви, рынка и регулярной площади с жилыми домами, которая демонстрировала, что весь план был создан по воле правительства. Зодчий разместил этот монументальный ансамбль между городом и арсеналом и таким образом, не прибегая к парадным барочным диагоналям и прочим приемам абсолютистского градостроительства, подчеркнул, что сооружение Бреста — это королевская инициатива. Во французских колониях Северной Америки плац-парады (*place d'armes*) располагались у воды и предназначались для административных зданий (резиденций губернатора, епископа и интенданта, казарм, больницы и т.д.), что также демонстрировало королевскую природу решеток Нового Орлеана или Сент-Луиса.

Рис. 6

Аналогичным образом, увязывая вслед за Эрвином Антоном Гуткингом голландские решетки XVII века с «кальвинистским догматизмом и демократическим эгалитаризмом»⁶⁵, мы рискуем приписать политическое значение тем планировочным решениям, которые на самом деле избирались прежде

65 Gutkind E.A. Urban Development in Western Europe, Great Britain, and the Netherlands (1971).

всего из здравых экономических соображений. Голландской культуре были свойственны прагматичность и буржуазная меркантильность, так что барочные диагонали и площади с конными статуями там просто казались нелепостью.

Ил. XVI

По существу, эгалитаризм присущ ортогональной планировке в той же мере, как и всем прочим городским формам. Каким бы благородным ни был изначальный замысел, рано или поздно в него проникнут элементы неравенства. В новых городах Средневековья формировалось похвальное намерение обеспечить справедливое распределение городских земель — в полном созвучии с распространявшимся там идеалом свободной общины. Участки вокруг рыночных площадей таких городков, как Вильнев-сюр-Ло, делались меньше прочих, чтобы компенсировать преимущества привилегированного расположения. Города в холмистой местности строились так, чтобы каждый поселенец оказывался в одинаковых с остальными условиях относительно положения на склоне. Однако совсем скоро первоначальные участки начинали дробиться, а у части жителей появлялась возможность занять под строительство территории удвоенной или утроенной площади.

Вера в то, что городская решетка представляет собой эгалитарную систему распределения земель, наиболее крепка в современных демократических странах, особенно в США. Там часто можно услышать что-то в этом роде:

Помимо простоты межевания, кадастрирования и последующих изменений структуры собственности, решетка способствует демократизму в определении круга участников рынка недвижимости. Это не означает, что обладателю крупного состояния не удастся сосредоточить в своих руках существенные территории, однако простая исходная геометрия земельных участков несет в себе идею равенства, обеспечивая легкий первоначальный доступ к городской недвижимости⁶⁶.

В реальности все не так радужно. Обычный гражданин может легко приобрести городской участок только на предварительном этапе, когда дешевая сельскохозяйственная земля претерпевает процесс урбанизации путем быстрого перераспределения. В той мере, в какой решетка ускоряет этот процесс и упрощает процедуру заочного приобретения участков, она может рассматриваться как инструмент социального выравнивания. Однако как только земля окончательно становится частью города, эти преимущества «исходной геометрии земельных участков» сходят на нет, и даже незастроенные участки становятся недоступными для типичных членов общества. В конечном итоге значение тут имеет только удача оказаться первоначальным приобретателем, а вовсе не какие-то таинственные свойства городской решетки.

Пожалуй, наиболее естественным образом подлинное равенство достигается при использовании решетки

66 Conzen M.P., in *The Built Form of Western Cities* (1990).

религиозными общинами. Об этом свидетельствуют два широко известных прецедента.

Первый из них — отдаленное последствие раскола в католической церкви. После отмены Нантского эдикта в 1685 году из Франции бежало более 200 тысяч гугенотов. Они расселились и принялись строить собственные города и пригороды в Англии, Голландии, Швейцарии и протестантской части Германии. Все поселения подобного толка имеют одинаковую структуру, представляя из себя разлинованный решеткой квадратный участок, на котором расположены выкрашенные в один цвет одинаковые дома, небольшая церковь и типовые мануфактуры. Среди наиболее известных гугенотских городов можно назвать Бад-Карлсхафен близ Касселя и Эрланген на территории княжества Ансбах. Здесь не возникает никаких сомнений: единообразие было призвано отражать равноправие жителей.

Двумя столетиями позже то же самое можно было сказать и о мормонах. Через Джозефа Смита Бог возвестил пастве Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, что Второе пришествие случится в Америке «в назначенное время и в назначенном месте» и что от них требуется создать город, подобающий этому судьбоносному событию. В 1833 году Смит начертил схему для идеального города мормонов, известную как «План града Сиона». Территория в одну квадратную милю (2,6 квадратных километров) была расчерчена решеткой улиц. Масштабы впечатляли: все улицы должны были иметь ширину в 132 фута (40 метров), а жилые кварталы занимали по 4–6 гектаров. Дома, которые предполагалось соорудить только из кирпича или камня, должны были отстоять от края улицы на 25 футов (7,6 метров). Застроенная в соответствии с этим планом территория могла неограниченно разрастаться по мере увеличения числа верующих. Вся собственность передавалась в ведение Церкви, а уже она назначала каждому свое — будь то ферма, лавка или миссионерское служение — в наследуемое или личное пользование.

Мормоны дважды пытались воплотить «План града Сиона» в реальность (в округе Колдуэлл, штат Миссури, и в Наву, штат Иллинойс), прежде чем окончательно обосновались в долине Большого Соленого озера. Солт-Лейк-Сити быстро разрастался вокруг храма, воздвигнутого на одной из центральных площадей. За пределами гигантской шахматной доски, расчерченной под сенью хребта Уосатч, располагались фермы и сады, чьи границы также неукоснительно следовали правилам ортогональности. Дома строились в углах своих обширных участков и группировались на перекрестках по четыре. Город, построенный как образ квадратных городов левиев, описанных в ветхозаветных книгах Чисел и Левит, и квадратного Иерусалима пророка Иезекииля, раскинулся посреди Территории Дезерет в первобытном скалистом ландшафте Юты. Святые последних дней были наконец готовы ко Второму пришествию⁶⁷.

Рис. 105

67 Описание градостроительного опыта мормонов основано прежде всего на: *Reps J.W. Town Planning in Frontier America.*

«Лучший порядок» или однообразие

Исторически решетка выполняла две основные задачи. Во-первых, она способствовала упорядоченному расселению, колонизации в широком смысле слова, включая как завоевание удаленных территорий — будь то греки на Сицилии или испанцы в Новом Свете, — так и освоение возвращенных или заново обретенных земель, как это произошло на Пиренейском полуострове во времена Реконкисты или на Среднем Западе США в XIX веке.

Во-вторых, решетка применялась как инструмент модернизации и как способ подчеркнуть контраст с существовавшей прежде относительной неупорядоченностью. Таким образом римляне приводили в порядок поселения германских и иберийских племен. Правители эпохи Возрождения расширяли свои средневековые города, присоединяя к ним районы, спланированные на основе образцовой решетки; одним из первых, в конце XV века, это сделал в Ферраре Эрколе д'Эсте по проекту Бьяджо Россетти. Согласно королевскому указу 1628 года все существовавшие в Финляндии города следовало перепланировать в виде решетки, дабы привести их «в лучший порядок», и все новые города должны были строиться по тому же шаблону⁶⁸. Европейские колониальные империи использовали ортогональную планировку при сооружении новых районов по соседству с туземными городами на Кипре, в Марокко или во Вьетнаме. Едва возникшие современные нации осваивали с помощью решетки свои территории; получив в XIX веке независимость, Греция выбрала такую планировку для новых версий древних Спарты и Коринфа. Модернизм разработал собственную простую решетку, которая стала универсальным шаблоном для радикально нового способа планирования или перепланирования городов в самых разных странах и климатических зонах. Генеральный план Бразилиа, новой столицы Бразилии, его автор Лусио Коста назвал «идеальным воплощением принципов модернизма». За исключением знаменитого ансамбля общественных зданий работы Ле Корбюзье, Чандигарх также представляет собой безликую модернистскую решетку, которая резко контрастирует с запруженными людьми лабиринтами старых городов Индии.

Конкретное обоснование выбора ортогональной планировки в каждом случае оказывается своим. Она обслуживала оборонительные нужды (римские *кастры* или военные городки британской армии), религиозные заповеди, капиталистические интересы (пристанционные города Америки) и плановое развитие промышленности. Такой функциональный разброс на первый взгляд простодушной, рутинной и стандартизированной концепции навлек на нее немало критики. Приверженцы Большого стиля, от градостроителей эпохи барокко до теоретиков «Движения за прекрасный город» в США, обвиняли решетку в невыразительности и неспособности создавать яркие самобытные пространства для общественных зданий. Ценители

Рис. 251

Рис. 153

68 См. *Lilius H. The Finnish Wooden Town* (1985).

визуального разнообразия и социальной насыщенности старых городов Европы видели в ней свидетельство падения уровня культуры либо же доказательство характерного для современной эпохи выхолащивания городского опыта. Чарльз Диккенс, путешествуя по Соединенным Штатам в 1842 году, жаловался на Филадельфию: «Город этот угнетающе прямолинейный. Пробродив по нему часа два, я почувствовал, что готов отдать весь мир за одну кривую улочку»⁶⁹. Сравнивая в 1893 году исторические центры бельгийских городов и их новые районы, где улицы строго параллельны или перпендикулярны друг другу, мэр-реформатор Брюсселя Шарль Бюльс писал о «подобном искусственному кристаллу, сухом и математическом характере» последних⁷⁰. Высказанное немного раньше мнение Камилло Зитте о джефферсоновской ортогональности Америки тоже никак нельзя назвать одобрительным:

Здесь опять естественным образом ясно проявился факт незнания страны, не был определен ход ее дальнейшего развития, Америка не имела ни прошлого, ни истории и в культуре человечества означала не больше, чем столько-то квадратных миль территории. Для Америки, Австралии и других молодых культурных районов планировка по растру до поры до времени может быть еще достаточно подходящей и в градостроительстве. Там, где в основе всего лежит лишь стремление к экспансии, где люди живут, чтобы зарабатывать, а зарабатывают, лишь чтобы жить, там, пожалуй, достаточно упаковать их в блоки построек, как селедку в бочки⁷¹.

Подобные предубеждения против ортогональной планировки бытовали среди американских градостроителей и ученых и в куда менее отдаленном прошлом. Решетка была легкой мишенью и для приверженцев концепции города-сада вроде Льюиса Мамфорда, и для поверхностных историков градостроительства, которые еще могли оценить красоту проекта Саванны, но не видели ничего стоящего в планировке выстроенных ради наживы американских городков, и для социальных историков, желавших сделать решетку синонимом жадности и бездушного, механизированного производства фиктивных сообществ.

Однако винить решетку в ограниченности и незрелости связанного с ней городского опыта — это явная ошибка. Любая решетка способна со временем породить прекрасный город; все зависит от того, как она будет застроена. Архитекторы, руководители социальных служб, политики, сами жители — все они могут поучаствовать в определении будущей судьбы двумерного плана. Если решетка и становится основой рутинной, отвращающей от себя городской среды, по большей части это происходит из-за того, что случилось или, наоборот, не случилось уже после того, как были расчерчены все ее улицы. В отсутствие общественного контроля даже такие продуманные

69 Пер. Т. Кудрявцевой.

70 *Buyls C. Esthétique des villes* (1893).

71 *Зитте К. Указ. соч.* / пер. Я. Крастиньша.

решетки, как в Саванне, быстро теряют свои изначальные преимущества. Если же проявить заботу и задействовать воображение, даже самая прозаичная ортогональная планировка может стать шаблонной рамкой, внутри которой расцветут разнообразие, сложность и богатство человеческих взаимоотношений. И, конечно, преодолению скуки и тривиальности может способствовать тот первоначальный замысел, с которым закладывается решетка. Жадности земельных спекулянтов можно противопоставить смелые коммунитарные эксперименты: решетки, которые оставляли после себя гонимые все дальше на запад мормоны, на бумаге выглядели ничуть не лучше, чем планы пристанционных городков американских железнодорожных компаний, — однако их наполнял дух истинной веры. Вероятно, нам пора прекратить огульно обвинять ортогональную планировку в «отсутствии фантазии, неэстетичности и порожденности низким уровнем интеллекта» и наконец разглядеть в ней «одно из высших достижений человеческого разума»⁷².

Исторический обзор

Кто изобрел решетку? Учитывая сказанное в преамбуле этой главы, это, возможно, излишний вопрос: с тем же успехом можно спросить, кто изобрел прямой угол, то есть геометрию — ведь само это слово содержит в себе зародыш популярности решетки, а то и ее неизбежности. Геометрия — это теория пространства и расположения фигур в пространстве; это порядок линий и углов, а в сфере градостроительства одним из простейших способов упорядочения служит ортогональное соотношение горизонтальных и вертикальных линий. Но «геометрия», от греческого γεωμετρία, означает буквально «измерение земли». Таким образом, решетка применима и к сельской местности, и к городу — и к полям, и к улицам; в своем наиболее общем смысле она делит единообразную территорию на правильные, тщательно отмеренные участки.

Решетка в Древнем мире

В отношении как городов, так и сельской местности египтяне следовали почтенной традиции. В эпоху Древнего царства поселения простых работников в местах вроде Гизы представляли собой примитивные решетки, поскольку это самый быстрый и удобный способ организации гомогенной общины с единой социальной задачей. Что же касается плодородной территории по обоим берегам Нила, межевание которой нужно было восстанавливать после ежегодных разливов, ортогональная планировка была там самым естественным решением ввиду полного отсутствия характерных особенностей местности; река представляла собой гигантскую линейную ось, ориентированную с юга на север, и любые линейные элементы должны были

⁷² Vance J.E., Jr. *This Scene of Man* (1977).

идти либо вдоль нее, либо под прямым углом к ней, в направлении на восход или на закат.

Настоящая городская решетка возникает в доантичный период по крайней мере в двух регионах. Города Мохенджо-Даро и Хараппа в долине Инда, которые таинственным образом прекратили свое существование около 1500 года до н.э., имели крепости на своих западных окраинах и кварталы примерно одинаковых размеров. В их планировке проводилось последовательное различие между главными улицами шириной от 6 до 9 метров и переулками, на которые выходили фасады домов. Науке не удалось показать преемственность более поздних индийских поселений с этой градостроительной традицией. Тем не менее у нас имеется точная информация о существовании в индуистской культуре теории проектирования городов на основе модульной решетки — она изложена в трактатах вроде «Манасары», части «Шилпа-шастра», которая была записана, вероятно, в I веке до н.э., но основана на гораздо более ранних источниках. Еще около 1000 года до н.э. оккультная система градостроительства и архитектуры Васту-видья опиралась на геометрические мандалы, среди которых были и ортогональные композиции.

Рис. 181

Второй регион Древнего мира — Месопотамия и Ассирия, где располагались такие города как Вавилон и Борсиппа. Со всей определенностью можно сказать, что в ассирийских владениях тенденция к ортогональной планировке городов прослеживается начиная с IX века до н.э., но в Вавилоне городская решетка восходит ко временам Хаммурапи (около 2000 года до н.э.), хотя раскрытая при археологических раскопках сеть улиц относится лишь к эпохе Навуходоносора II, то есть к VI веку до н.э. Геродот пишет, что Вавилон «пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки»⁷³. Среди ранних городских решеток в этой части древнего мира следует отметить сформировавшуюся после ассирийского завоевания решетку Мегиддо (слой II), которая датируется 915 или 732 годом до н.э.⁷⁴

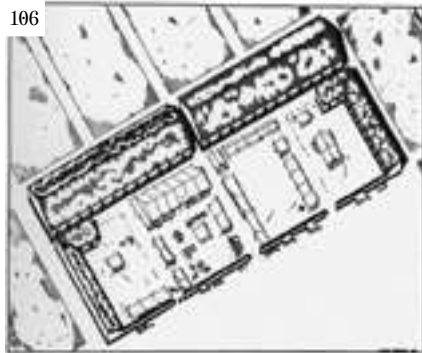
Тем не менее ни одну из этих ранних известных нам реализаций решетки нельзя назвать согласованной системой городского планирования: общественные и жилые здания не проектировались в рамках целостного замысла, а кварталы не подчинялись единой логике, за исключением того, что они строились «изнутри наружу», начиная с внутреннего двора и помещений вокруг него и продолжая до тех пор, пока не достигалось общественное пространство улиц и переулков. Таким образом, планирование тут заключалось в разметке главных улиц и отведении территорий под регулярные ансамбли важнейших комплексов вроде храмов и дворцов. Качественный прорыв в этом отношении совершили греки и китайцы. Две эти не связанные между собой культуры первыми начали рассматривать город как единый объект планирования, отдельные

73 Пер. Г. А. Стратановского.

74 См. *Parr P.J. Settlement Patterns and Urban Planning in the Ancient Levant* (1972).

Рис. 105. Фрагмент вида с высоты птичьего полета на город Солт-Лейк-Сити (штат Юта, США), художник Э.С. Гловер, 1875. Чуть ниже центра виден огромный свод мормонской скинии.

Рис. 106–107. Рынок в Дуре-Эвропосе (Сирия) в своем первоначальном виде (ок. 300 года до н.э.) и в 250 году н.э. Агора этой эллинистической колонии соответствовала четырем кварталам решетки. За несколько столетий использования общественное пространство в центре города утратило свою регулярную организацию, превратившись в плотный лабиринт базара.

здания внутри которого должны занимать строго определенное подходящее им место.

Китайская городская решетка представляла собой, как мы уже видели, политическую схему, используемую только для административных столиц. Известные нам примеры относятся к более позднему периоду, однако ритуальные формулы проектирования имперских городов на основе ортогональной решетки существовали в Китае уже в конце первого тысячелетия до н.э. (см. ниже, с. 237–241). Греческий подход был менее регламентированным и более прагматичным, хотя и не целиком лишенным политической составляющей.

Судя по всему, греки натолкнулись на идею решетки, занявшись колонизационными проектами приблизительно в VII веке до н.э. Колония — по-гречески ἀποικία, то есть эмиграция, «дом вдали от дома», а не просто платящее дань, подчиненное образование, подобное колониальным городам западных держав Нового времени. Если ее городское население превышало возможности окружающей сельской местности, из одной колонии выделялась другая. Именно так в ходе постоянной экспансии на запад Коринф породил Сиракузы на Сицилии, а Сиракузы — Акраи и Камарину. Численность населения таких городов обычно была низкой и составляла около 5000 человек. К 600 году до н.э. в западной части Средиземноморья Греция колонизировала то, что теперь стало Сицилией и Южной Италией, Ливией, югом Франции и Испанией. Здесь, в колониях, отсутствовала требовавшая к себе уважения структура предшествующих городу греческих деревень и святынь. Таким образом, не было и мотивации для создания «органических» городов посредством синойкизма или иных процессов ассимиляции, как это происходило в коренной Малой Элладе. Прежнее межевание земель можно было вообще не учитывать. В культурном и ритуальном отношении территории колоний представляли собой чистый лист — с греческой точки зрения, конечно. Греки привозили с собой своих богов и свои культы, свои институты, вроде главного символа самоуправления в виде агоры, и саму концепцию *полиса*, города-государства.

Эти новые территории значительно отличались от материковой Греции и островов Эгейского моря. Тут имелись протяженные, ровные пляжи и просторные равнины. Тем не менее в начале колонизации новые города имели весьма нерегулярную структуру, в которой общественные пространства отводились под храмы и агору, а остальная земля в пределах городских стен распределялась среди первого поколения поселенцев. К VII столетию решетка впервые возникает в качестве планировочного приема и в восточных городах вроде Смирны и Ольвии (очевидно, не без влияния предшествующего ближневосточного опыта), и в некоторых сицилийских колониях; это служит сигналом к серьезной реорганизации этих ранних владений. Такой переход от нерегулярной к ортогональной планировке удастся проследить в Мегаре Гиблейской на восточном побережье Сицилии.

Элементами греческой городской решетки были скорее не кварталы, а полосы, совокупность которых не вплотную окружалась городскими стенами. Произошедшее в V веке до н.э.

переосмысление этих ранних планировок, в основе которых лежали практические приемы межевания, можно связать с именем Гипподама Милетского. Как писал Аристотель, Гипподам «изобрел разделение полисов»⁷⁵, разработал план афинского портового города Пирея и «первым из не занимавшихся государственной деятельностью людей попробовал изложить кое-что о наилучшем государственном устройстве». Описывая идеальный город, Аристотель одобряет городскую планировку мыслителя из Милета, говоря, что «расположение частных домов считается более красивым и более полезным для житейского обихода тогда, когда улицы идут прямо, по новейшему, то есть по Гипподамову, способу». Поскольку Гипподам никак не мог «изобрести» решетку, одна из возможных интерпретаций вышеприведенных цитат из «Политики» состоит в том, что он отстаивал некий особый ее случай (с. 163) в сочетании с собственной социальной теорией города. Действительно, Гипподам, судя по всему, предлагал целостное политическое решение:

Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую – земледельцы, третью – защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная – та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная – та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев.

Рис. 108 Генеральный план Милета, родного города Гипподама, был рассчитан на население, значительно превышающее рекомендованные им 10 тысяч человек. Общая территория внутри стен составляла около 100 гектаров, что позволяло обеспечить упорядоченный рост числа жителей. В этом тоже состоит отличие от предшествующей Гипподаму практики, когда вся земля колонии межевалась и распределялась среди первопоселенцев, а прибывшим позже уже ничего не доставалось.

Рис. 120, 214 Для греков V век до н.э. стал периодом очень активного городского строительства. Старые города, разрушенные во время персидских войн, в том числе Милет, нуждались в восстановлении, а новые колонии основывались по политическим и торговым соображениям. Этим потребностям и отвечала обновленная Гипподамом городская решетка. К следующему столетию ее популярность достигла пика, так что она применялась даже на непригодных для этого территориях, например в расположенной на крутом склоне Приене. Наконец, благодаря завоеваниям Александра такая решетка распространилась по всему античному миру до Персии и Месопотамии.

К этому времени сложились две отдельные категории новых городов: *катойкии* (κατοικία), бывшие скорее военными поселениями (например, Дура-Эвропос), и *клерухии*

⁷⁵ Здесь и далее пер. С.А. Жебе-лева.

(κλρουχία), полноценные колонии городов-метрополий. Места, подходящие для нового строительства, часто находились вдоль старых торговых путей или рядом с обладающими коммерческим потенциалом бухтами. Замечание Ричарда Уичерли о «серийном производстве новых эллинистических городов» имеет под собой некоторые основания: заложенные Селевком I около 300 года до н.э. Антиохия, ее порт Селевкия Пиерия, Апамея и Лаодикея — все имели кварталы одинакового размера, приблизительно 112 на 58 метров. Новые города иногда могли быть намного более крупными, чем привыкли греки. Например, Селевкия Пиерия, длина стен которой превышала 10 километров, была даже больше Афин. Еще одна Селевкия, на Тигре, по словам Плиния, вмещала 600 тысяч жителей. Греческая городская решетка с ее рациональным делением на функциональные части была чужда завоеванным Александром древним культурам. Как только эллинистический эпизод подошел к концу, их представители вернулись к своим прежним привычкам, а решетки подверглись соответствующим переделкам. С аккуратным разбиением на кварталы было покончено, а открытое пространство агоры оказалось захвачено рыночными рядами и лавками. Преображение стоявшего на дальней сирийской границе Дура-Эвропоса — яркий тому пример.

Рис. 106–107

Если обратиться к Риму, его долгую традицию ортогональной планировки и становившееся с течением времени все более неукоснительным соблюдение этой схемы прекрасно иллюстрирует сравнение колонии Коза, основанной в 273 году до н.э., и Тимгада (Тамугади), заложенного в 100 году н.э. в качестве поселения для военных ветеранов. Коза была первой из ранних италийских колоний (*coloniae*) III и II веков до н. э. Слово *colonia* происходит от *colo*, *colere*, что значит «обрабатывать землю»; *colonus* — это земледелец. Первой задачей римских колоний было расселение ветеранов войн, а второй — контроль над завоеванными территориями. Коза, построенная на вершине скалистого мыса, учитывает свою топографию: *arx*, он же капитолий, занимает самую высокую точку города в южной его части, а форум расположен на самом ровном участке около юго-восточных ворот. Продолговатые кварталы, неплотно окруженные городскими стенами, соответствуют греческой модели.

Рис. 109

Отказ от греческих и этрусских образцов произошел, только когда в процессе систематического завоевания Апеннин римляне вырвались из гористой центральной Италии и вышли на широкий простор долины реки По. Ко времени основания Павии, Вероны (обе — 89 год до н. э.) и Аосты (25 год до н.э.) римская решетка обрела свою характерную форму: это был более целостный план с крупными квадратными кварталами, туго облегающими город стенами, которые следуют линиям решетки, и форумом, расположенным на пересечении двух главных осей или рядом с ним. Когда в I веке н.э. территория молодой империи начала быстро расти, в ключевых точках Галлии, Британии и Северной Африки было заложено немало городов на основе решетки. Алжирский Тимгад — один из наиболее правильных по форме из всех них и лучше всего сохранившийся. Все стороны его решетки имеют около

Рис. 111

Рис. 110

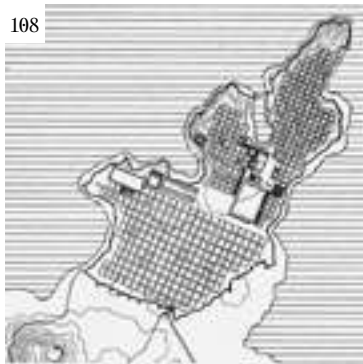
Рис. 108. Греческая решетка в Милете (современная Турция), восстановленная после изгнания персов в 479 году до н.э.

Рис. 109. Ранняя римская решетка: Коза, основанная в 273 году до н.э., чтобы контролировать морское побережье к северу от Рима. Планировка Козы – остроумный компромисс между сложной топографией – выбранной из оборонительных соображений вершиной холма – и преимуществами ортогональной решетки. Форум располагался на открытом пространстве (справа внизу).

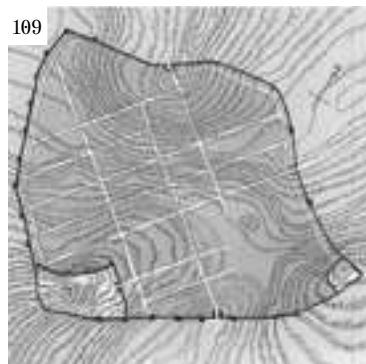
Рис. 110. Римская решетка на пике своего совершенства, с квадратными кварталами и плотно прилегающими прямыми стенами: город Тимгад, основанный на территории современного Алжира в 100 году н.э. Немного ниже центрального перекрестка видны форум, вокруг которого сбивается шаг решетки, и амфитеатр. Первоначальный городской ансамбль быстро перестал вмещать население колонии. Оборонительные стены были снесены и заменены квадратом новых улиц, что способствовало беспорядочному характеру дальнейшего разрастания города.

Рис. 111. Классическая решетка с квадратными кварталами – план античного поселения, основанного в 89 году до н.э., различим в структуре итальянской Вероны и по сей день. В самом центре – напоминающая по форме веретено площадь Эрбе отмечает место расположения форума. Овальный амфитеатр находился за стенами города. Многие кварталы со временем соединились попарно (с. 59, 194–195).

108

109

110

111

355 метров в длину. Город состоит из четырех частей по 36 кварталов в каждой, всего 144 квартала, из которых 11 — заняты форумом, 6 — театром и 8 — банями. Когда возникала потребность в новых общественных зданиях, их размещали за пределами решетки. Вообще, в последние два столетия империи римский город утратил свою жесткую структуру, перейдя к гораздо менее безупречной ортогональности (речь об этом пойдет в главе «Большой стиль»).

Рис. 164

Роль военных тут чрезвычайно важна. Это была эпоха подъема профессиональной, постоянно находящейся за границей армии, что привело к возникновению стандартной планировки римского форта, которая, в свою очередь, сильно влияла на планировку новых провинциальных городов с конца I века до н.э. до конца I века н.э. Иногда можно встретить и обратное рассуждение: вдохновением для лагерей легионеров послужила планировка ранних городов, которые им предшествовали. Полибий во II веке до н.э. намекает именно на это, когда пишет, что римский «лагерь имеет вид равностороннего четырехугольника, а проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляют его городу»⁷⁶. Во всяком случае, сходство явно имеется — оно очевидно в деталях планировки таких городов, как Аоста и Турин. Есть и свидетельства прямой преемственности между ними — к примеру, недавно установленный факт, что по крайней мере три римские военные колонии в Британии (Колчестер, Глостер и Линкольн) возникли на месте предшествующих крепостей, сохранив аналогичную решетку улиц.

Для римлян эпохи поздней республики и ранней империи решетка была воплощением Нового порядка. Ее не растрачивали понапрасну на мелкие провинциальные города, которые вполне могли оставаться «органическими». Но колонии, столицы провинций (*municipia*) и столицы *civitates*, где сосредотачивалось управление каждым из галльских племен, непременно должны были иметь ортогональную планировку. В Британии новые города сразу закладывались как решетки; в Галлии же ранние римские поселения более свободной формы впоследствии приводились к новому образцу ценой огромных усилий по расчистке и выравниванию⁷⁷.

Как правило, проектирование городов оставалось прерогативой государства, одной из его обязанностей в широком диапазоне административных мер. Такие официальные планы были очень простыми и порой стандартизировались. Решетки Вероны и Павии были идентичными и имели кварталы одного размера. Но там, где в игру вступали частные меценаты или местные власти, города редко довольствовались столь прозаической регулярностью. Император Септимий Север не пожалел ни средств, ни талантливых исполнителей для реконструкции своего родного города Лептис-Магна в Северной Африке. Когда его архитекторы завершили свой труд, две ранее существовавшие решетки оказались соединены воедино, став частью нового, более масштабного плана, полного изобретательных находок.

76 Пер. Ф.Г. Мищенко.

77 См. Grew F. and Hoblet B., eds. Roman Urban Topography (1985).

Новые города Средневековья

На исходе классического периода мы на несколько столетий теряем городскую решетку из виду. Старые решетки греко-римских городов утрачивали свою целостность или вовсе исчезали. Гипотеза о том, что короли Уэссекса использовали простую решетку при сооружении своих главных *бурхов* в Англии, сомнительна. Ортогональные планировки со всей определенностью снова возникают в Европе около 1100 года, и это происходит в рамках двух разных процессов. Одним из них было строительство новых городов, другим — использование решетки для расширения уже существовавших поселений в основном «органической» формы, как в случае флорентийского *борго*, квартала Оньисанти, сооруженного цистерцианским аббатством Сан-Сальваторе в 1320–1335 годах, и города Масса-Маритима, дополнение которого произошло около 1228 года, о чем напоминает башня с надписью «Новое основание и украшение города» (*Principium et decus nove urbis*). Примерно в то же время происходило строительство новых частей Фано и Губбио, а также расширение на север купеческого квартала в Труа. Этот процесс придавал застройке новый масштаб, контрастировавший с беспорядочностью средневековой городской ткани.

Новые города можно было найти в нескольких частях средневековой Европы:

1. Юг Франции, север Испании, Англия и Уэльс. Здесь мы видим города, основанные королевскими домами, а также влиятельными аристократами вроде Альфонса де Пуатье, графа Тулузского, или другими феодалами и аббатами. Особенно во Франции от аристократа первого ряда ожидалось, что, помимо замка, монастыря и охотничьих угодий, ему будет принадлежать и новый город, бастида (от средневекового французского глагола *bastir* — возводить; в латыни этот термин восходит к понятию *terrae bastitae* — земельные владения с постройками). Мотивацией тут служили одновременно соображения обороны, сельского хозяйства и торговли, причем чаще всего такие города были инструментом освоения новых территорий (например на месте лесных вырубок) или возвращения населения в заброшенные ранее районы. В Испании появление таких городов было связано с теми преобразованиями, которые христианские правители должны были проводить в ходе Реконкисты. Юго-западная Франция, особенно долина Гаронны, на всем протяжении XII и XIII веков была предметом конфликтов между французским королем и его вассалом графом Тулузским с одной стороны и английским королем — с другой. Чтобы закрепить свои претензии на эти земли, обе стороны закладывали собственные бастиды. В первой половине XIII века, после Альбигойского крестового похода (1208–1228), последовало сооружение новых городов для привлечения в эти области благонамеренных переселенцев, которые должны были противостоять уцелевшим еретикам. Одним из ярких примеров служит и город Эг-Морт, возведенный в 1240-е годы в болотистой местности у Средиземного моря Людовиком XI Святым в рамках подготовки Седьмого крестового похода.

Рис. 124

Рис. 112

Ил. XVIII 2. Швейцария, Австрия и районы Германии к востоку от Эльбы. Сюда относятся города герцогов Церингенов, имперские города под патронажем самого императора Священной Римской империи или его приближенных, а также поселения, основанные крестоносцами Тевтонского ордена в процессе немецкой экспансии на восток. В целом, именно в этих частях континента было построено больше всего новых городов, которые к тому же были наиболее тщательно спланированы.

Рис. 113

3. Новые города, основанные городами-государствами Италии. Здесь главная цель заключалась в том, чтобы прекратить зависимость крепостных и других сельских жителей от крупных землевладельцев, сделав их частью политической системы городов-государств. Такие примеры можно найти в истории Новары (в первой трети XIII века основан Боргоманеро), Сиены (Монтериджони), Лукки (Камайоре, Пьетрасанта) и Флоренции (см. ниже, с. 165–169).

Рис. 133

Рис. 50

К исходу Средних веков новых поселений этих трех категорий насчитывалось свыше тысячи, что более чем удваивало общее число европейских городов. И это перечисление регионов отнюдь не исчерпывающее. Например, бастиды строились и в Нидерландах, хотя появились там довольно поздно. К их числу относятся Вианен, Кулембург, Монтфорт и Хелмонд, которые, как и города, заложенные Эдуардом I в Уэльсе, строились как дополнения к замкам, в то время как местоположение других — Элбурга, Нардена, Кортгене — было выбрано без оглядки на замки, что было вполне характерно для Англии и Франции. Есть основания полагать, что граф Голландии Флорис V (1256–1296), став свидетелем градостроительной деятельности Людовика Святого, Альфонса де Пуатье и Эдуарда I, положил начало строительству голландских бастид, заложив в 1280-е годы Брауверсхаузен и Арнемейден на островах провинции Зеландия.

Во всей этой деятельности, хоть она и предшествовала флорентийскому Проторенессансу, присутствовало определенное представление, что новые города опираются на опыт античных времен — император Фридрих II специально подчеркивал это в своей речи 1247 года по поводу основания Виттории неподалеку от Пармы; более того, он разметил периметр города плугом, подражая *sulcus primigenius* — части этрусского и римского ритуалов закладки поселения. Однако это скорее было навеяно кругом чтения, нежели каким-то конкретным примером, поскольку к тому времени не оставалось чистых римских решеток, которые можно было бы взять за образец для подражания. Известно, что во время своего тюремного заточения один из Церингенов изучал план Кельна, который частично сохранил римскую планировку, но трудно оценить важность этого факта для дальнейшей градостроительной активности герцога, которому после своего освобождения предстояло основать Фрайбург (1119), Муртен и Ротвайль (1120).

Появление бастид можно, вероятно, объяснить оборонительными и экономическими соображениями, однако

Рис. 112. Город Эг-Морт (Франция) был заложен как крепость в начальной точке пути в Святую Землю. Отсюда отправились за море участники двух катастрофических крестовых походов – в 1248 и 1270 годах. По мере возведения оплаченных из королевской казны стен город переживал экономический подъем, так что здания быстро заполнили его немного перекошенную решетку. Но когда ажиотаж по поводу крестовых походов спал, а городская гавань начала заливаться, Эг-Морт погрузился в забвение и упадок.

Рис. 113. В основанном рыцарями Тевтонского ордена в XIII веке польском городе Хелмно прямая улица упирается в доминиканскую церковь, а с правой стороны стоит неоготическая водонапорная башня 1899 года постройки.

112

113

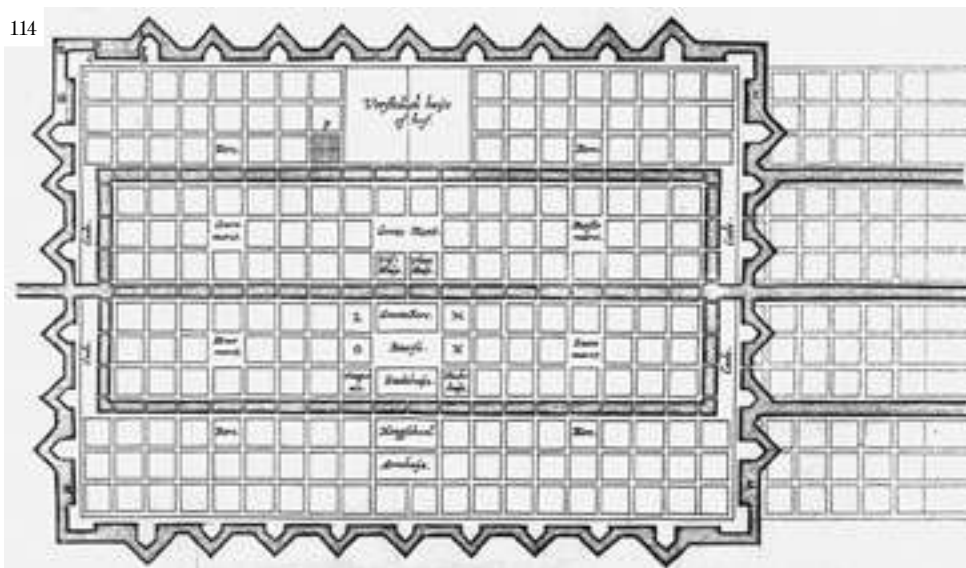
невозможно не учитывать и влияние религии. Обязанность правителя основывать города — частая и важная тема средневековой литературы. Главная мысль была сформулирована Фомой Аквинским примерно в 1270 году: «Город — это совершенная община <...> и строительство городов — долг правителей». Первая часть этого высказывания, касающаяся прославления городской жизни, имеет долгую предысторию в Средние века, начиная с Исихора Севильского (VI–VII века) и Рабана Мавра (VIII–IX века). Но Фома идет дальше и утверждает, что по ряду причин городская жизнь предпочтительна по сравнению со всеми другими способами существования. Общинное проживание дает возможность помогать друг другу и делить трудовые обязанности: один человек совершает открытия в области медицины, а другие — в иных сферах деятельности. Но прежде всего обитание в городах ведет к праведности жизни; города необходимы для добродетельного существования, что подразумевает познание Господа. Поскольку задачей христианских правителей должно быть вести свои народы к богу, они обязаны строить города. «Самые могущественные государства и самые блистательные правители обретали наибольшую славу, основывая новые города и связывая свое имя с городами, основанными другими»⁷⁸. Акт основания города — это королевский эквивалент сотворения мира. Таким образом, правитель должен принять все важные решения: выбрать место для города, решить, где будут стоять церковь и суд, а где — обитать ремесленники, и разделить жителей по цехам. Такой благочестивый поступок способен привести к созданию идеального города. Сам Фома не обсуждает форму этого города; возможно, речь бы об этом зашла, если бы ему довелось закончить свой трактат «О правлении государей». Он был знаком с суждениями своего кумира Аристотеля о Гипподаме Милетском и вполне мог сослаться на его авторитет и в этом вопросе.

Ренессанс в Европе

Новые города никак не назовешь характерной особенностью того отрезка европейской истории, который выпал на XVI–XVII столетия. Рост был сосредоточен в крупных городах и тех, которые становились крупными, а городская решетка, теперь получившая высочайшую санкцию Ренессанса, регулярно появлялась в новых районах существующих центров. В качестве исключения можно привести несколько городов, основанных в начале XVI века монахами Леринского аббатства с острова Сент-Онора в давно пустовавшей сельской местности между Грассом и Ниццей на юге Франции — на этих так и не оправившихся после Черной смерти и последовавшего за ней хаоса территориях возникли Валлорис (1501), Муан-Сарту (1504) и Вальбонн (1519). В Витри-ле-Франсуа, заложенном в 1545 году на берегу Марны по указу Франциска I, мы видим решетку в плотном окружении бастионных укреплений — это образец применения новейшей для того времени военной технологии, возведенный с учетом развития артиллерии.

⁷⁸ Фома Аквинский. О правлении государей (II, 1).

Рис. 114. Идеальный портовый город, план Симона Стевина, 1590. В решетке Стевина соединяются формальная геометричность ренессансной градостроительной теории и голландский прагматизм. Каналы вплетены в ткань города для достижения как экономических, так и оборонительных задач. Дворцовый ансамбль наряду с важнейшими общественными зданиями и их площадями занимает центральную ленту кварталов, в то время как церкви и рынки равномерно распределены по всему городу. Намеченное с правой стороны расширение решетки улиц и каналов обеспечивает упорядоченность дальнейшего роста города.

Регионами масштабной новой урбанизации в эти два столетия были только Сицилия, Скандинавия и Новый Свет. На Сицилии десятки феодальных городов заложили аристократы, привлекавшие таким образом крестьянское население на отдаленные пустующие территории, — таково происхождение, например, Виттории (1607) и Монтеваго (1640). Только за период между 1620 и 1650 годами возникли 25 таких городов. Чаще всего их планировка основывалась на простой решетке с единственной просторной площадью посередине. Время от времени, и особенно при восстановлении старых городов после разрушительного землетрясения 1693 года, делались попытки использовать более смелые варианты ортогональной планировки, вдохновленные проектами из новейших архитектурных трудов той эпохи.

Строительство городов в Скандинавии в течение XVII века — это тоже история с эпическим размахом, который был обусловлен непримиримым соперничеством Дании и Швеции за контроль над торговлей на Балтийском и Северном морях. Многие новые города тут были либо портами, которые предназначались для притяжения торговли и наращивания экономической базы этих двух империй, либо оборонительными форпостами. При Кристиане IV (1588–1648) Дания распространила свое влияние на Норвегию, часть Шлезвиг-Гольштейна и Сканию, самую южную провинцию современной Швеции. При Густаве II Адольфе (1611–1632) и его преемниках — королеве Кристине Шведской (1632–1654) и Карле XII (1697–1718) — балтийская империя Швеции раздвинула свои границы далеко в немецкие, русские и финские области. Таким образом, задача обороны касалась всех новых городов, поскольку они часто находились на чуждой территории и сталкивались с активным сопротивлением местного населения.

Рис. 20

Рис. 183

Приблизительно к 1600 году бастионные укрепления, которые совершенствовались на протяжении нескольких предыдущих десятилетий, получили повсеместное распространение. Это означало, что города — как старые, так и новые — оказались заключены внутри занимавших огромную площадь систем низких многоугольных бастионов. В такой сложной по форме, часто звездообразной оправе подавляющее большинство новых городов получало планировку в виде незатейливой решетки; лишь немногие из них восприняли радиально-кольцевую сеть улиц, вдохновленную ренессансными проектами идеальных городов вроде Сфорцинды Антонио Филарете и переосмысленную военными инженерами для эпохи артиллерии. В Скандинавии базовым решением всегда была простая и практичная решетка.

Рис. 114

Главным градостроительным теоретиком Северной Европы был голландец Симон Стевин (1548–1620). Он специализировался на проектировании портовых городов; образцом для его построений были реальные города вроде Антверпена и Амстердама. Залогом процветания тут была близость к береговой линии; каналы были очевидным способом распространить коммерческие преимущества гавани на весь город. Стевин пришел к варианту расширяемой решетки, ограниченной

стенами или каналами и пронизанной несколькими связанными друг с другом продольными каналами, которые могли продолжаться за пределы городских стен. Таким образом решетка могла воспроизводиться на вновь присоединенных землях, а пригороды рациональным образом связывались с центром города.

Голландский опыт повлиял на градостроительство в Швеции и Дании по обе стороны пролива Эресунн. Планировка Кристиансхавна, нового района Копенгагена, заложенного примерно в 1640 году, во многом опиралась на идеи Стевина. Шведская программа сооружения новых портовых городов началась в 1620-е годы при Густаве II Адольфе, который даже недолго переписывался с самим Стевином. Гётеборг, первый из крупных новых городов Швеции, строился с учетом его рекомендаций, и то же самое относится к расширению Йёнчёпинга. Однако позже шведские градостроители совершили крутой разворот. Уже в 1640-е, когда перестраивали Стокгольм, каналы были преднамеренно исключены из плана решетки, поскольку они напоминали о голландском меркантилизме и, следовательно, не подходили для королевской столицы. Установилась мода на идеальные планы радиально-кольцевого типа. При шведском дворе это веяние первым подхватил Эрик Дальберг после поездки по Италии в 1650-е годы, а в 1670-х Никодемус Тессин-младший посетил Францию, где проникся новыми градостроительными манерами французского барокко в противовес практичному голландскому стилю. Примерами их работ служат планировки городов Ландскруна, Карлскруна и Карлсборг.

К этому времени европейские столицы уже преобразовались под влиянием новой эстетики барочного градостроительства. Она была основана на динамике диагоналей и стала в итоге ассоциироваться с абсолютными монархиями. Дебаты о реконструкции Лондона после Великого пожара 1666 года вылились в открытое столкновение между новой пышностью барокко и надежностью старой доброй решетки. С одной стороны тут выступали городские созвездия Кристофера Рена и Джона Ивлина, а с другой — решетки с иногда встречающимися площадями от таких деятелей, как Ричард Ньюкорт. Его проекты Марк Жируар охарактеризовал как плоды усилий землемера и агента по продаже недвижимости: «Легко размежевать — легко продать»⁷⁹.

Но тут встает и проблема идеологического сигнала. Сетую на тугодумие англичан, упустивших возможность реализовать в своей столице масштабные проекты Рена или Ивлина, мы не можем полностью игнорировать вопрос уместности таких решений в условиях, когда барочная градоформа начала символизировать сильную центральную власть, а место короля в политической системе очень волновало английское общество последних десятилетий XVII века. Кроме того, практически полная неуязвимость частной собственности в английском законодательстве обрекала на неудачу любые попытки глобального переустройства лондонского Сити.

79 *Girouard M. Cities and People* (1985).

Решетка в Новом Свете

Рис. 209 Более века спустя спустя похожий конфликт по поводу уместности того или иного решения разгорелся вокруг планировки Вашингтона. Знаменитая «маленькая решетка» Джефферсона столкнулась тут с яростью Ланфана по поводу ее «скромности» (с. 291). Решетка проиграла, величественная имперская схема француза победила. Однако победа Джефферсона оказалась значительнее, поскольку в дальнейшем он подчинил своей безжалостной решетке всю страну, что навсегда определило пространственную структуру США.

Рис. 207–208

Рис. 132

Рис. 6 В колониальной Америке решетка издавна чувствовала себя как дома. Безукоризненные прибрежные решетки Новой Франции, например в Сент-Луисе и Новом Орлеане, можно противопоставить приходским городкам вдоль реки Святого Лаврентия, которые сопротивлялись централизующим усилиям парижских чиновников и принимали довольно свободную форму. Даже несмотря на явные попытки направлять рост таких городов, как Квебек и Монреаль, их нижние, расположенные ближе к реке части сегодня демонстрируют разнообразие кварталов и гибкое приспособление отдельных прямых к особенностям рельефа.

Испанское колониальное градостроительство также сочетало в себе спланированность и спонтанность. К примеру, первые города на побережье Колумбии были нерегулярными. Однако вскоре решетка вытеснила предыдущие образцы и стала нормой. Первым регулярным поселением стал Санто-Доминго на острове Эспаньола в Вест-Индии — столица современной Доминиканской Республики была заложена в 1493 году в виде более или менее правильной решетки. Важнейшие города Южной Америки — Кито, Лима, Буэнос-Айрес, Богота, Сантьяго-де-Чили, Вальпараисо — были основаны в течение десяти лет между 1534 и 1544 годами. Строительство городов продолжалось до XVIII века, когда возникли Сан-Антонио в Техасе, Галвес в Луизиане, Сан-Хосе и Лос-Анджелес в Калифорнии. Десятки провинциальных столиц, центров добычи или переработки ископаемых и индейских поселений были основаны приблизительно за первое столетие колонизации. План оставался неизменным, независимо от функций города. Порттовые города вроде Картахены (современная Колумбия) проектировались точно так же, как и сельскохозяйственные центры. Как отмечает Джозеф Конвиц, характерный для Испанской империи «строгий юридический, схематичный подход к городскому планированию не проводил различий между разными городами, отождествляя функциональные аспекты градостроительства с административным контролем над ним и, таким образом, с единообразием»⁸⁰.

Рис. 115

Рис. 116

Официально города Новой Испании, называемые *пуэбло* или *виллья*, проектировались в соответствии с инструкциями мадридского двора. В 1573 году, при короле Филиппе II, эти инструкции были включены в свод, известный как «Законы

⁸⁰ Konvitz J.W. Cities and the Sea (1978).

Рис. 115. Решетка «Законов Индий» как порт: город Санто-Доминго (современная Доминиканская Республика) в момент осады английскими войсками сэра Фрэнсиса Дрейка в 1586 году.

Рис. 116. Решетка «Законов Индий» как сельскохозяйственное поселение: перуанская колониальная деревня в долине реки Колка.

Ил. VII

Индий» (*Leyes de las Indias*), – настоящий плод ренессансной мысли. Родословная этого документа в конечном итоге восходит к классическому трактату Витрувия, впервые переведенному на испанский в 1526 году; его латинское издание с посвящением Филиппу увидело свет в 1582-м. Однако вполне допустимо рассматривать такие города испанской Америки и как продолжение долгой истории средневековых бастид. Из чисто испанского опыта градостроители колоний сохранили деление на *баррио*, внутригородские административные округа, религиозное и социальное устройство таких баррио, каждый — с собственным храмом или часовней, а также традицию называть улицы в честь профессий и гильдий. Влияние опыта туземного доколумбового градостроительства на планировку колониальных городов остается предметом споров. Теночтитлан, великий ацтекский предшественник Мехико, имел перекрестно-осевую структуру с площадью в центре, однако форма его жилых кварталов нам неизвестна. Ортогональность предшествовавшего завоеваниям инков города Чан-Чан на океанском побережье Перу выражалась в наличии массивных прямоугольных лагерь-укреплений различного размера, однако никакой общей логики в их размещении не просматривается. Тот же «раздельно-квадратный» план характерен и для столицы инков Куско, однако структура других инкских городов ближе к регулярной решетке. В Ольянтайтамбо прямоугольные кварталы приблизительно одинакового размера делятся идущей поперек глухой стеной на равные половины⁸¹.

Решетка с двумя перпендикулярными осями и большой площадью (*plaza*) в месте их пересечения стала стандартом. Такая *пласа* была ключевым элементом поселения; ее размер определял характеристики всей решетки. Кварталы, непосредственно примыкающие к площади, делились на четыре равные части (*solares*) и предназначались для наиболее уважаемых жителей. Иногда улицы ориентировались по сторонам света так, чтобы господствующие ветра не могли продувать город насквозь — в полном соответствии с рекомендациями Витрувия.

Указания «Законов Индий» не распространялись на два других типа городов: на поселения для индейцев — иезуитские *редукции* и миссии нищенствующих орденов — и на военные поселения, *пресидии*. Однако и там, и там ортогональная планировка была вполне привычным решением. На практике разделение на города, пресидии и поселения для индейцев часто проводилось не особенно последовательно, а после 1600 года различия между ними и вовсе стерлись.

Англия при колонизации Нового Света также охотно использовала решетку. В Новой Англии, которая с самого начала была ориентирована на городское самоуправление и где картографическая съемка территорий проводилась еще до их заселения, примеры строгой городской решетки практически

81 См. Protzen J.P. Inca Architecture and Construction at Ollantaytambo (1993).

Рис. 117. Нью-Хейвен (штат Коннектикут, США), карта работы Джеймса Уодсворта, 1748.

118

Рис. 118. Генеральный план Нью-Йорка 1811 года. Каким бы самонадеянным ни казалось то, что спроектированная решетка во много раз превышала размеры существовавшего в тот момент города (у левого края и на рис. 102), члены комиссии проявили удивительную проницательность в своей оценке потенциала Нью-Йорка. Однако недостатки плана в таких вопросах, как обеспечение открытыми общественными пространствами, отведение участков под общественные здания и недостаточное количество авеню, протянутых вдоль всего острова, в будущем создали трудноразрешимые проблемы для всего города.

Рис. 117 неизвестны. Исключением был перпендикулярный план Нью-Хейвена, заложенного в 1638 году, — он состоял из девяти одинаковых квадратных кварталов, от которых расходились прямые радиальные дороги, и десятого «дополнительного» квартала, соединяющего город с гаванью. Этот план, вероятно, был заранее подготовлен еще в Лондоне или же в Бостоне, где первоначально высадились первопоселенцы. Его необычность можно объяснить амбициозностью замысла — Нью-Хейвен должен был стать независимой колонией, контролирующей весь пролив Лонг-Айленд. Эти расчеты рухнули за следующие двадцать лет, и город превратился в небольшое фермерское поселение на территории Коннектикута.

Рис. 147 В средних колониях (южнее Новой Англии) общеизвестен пример Филадельфии, спроектированной Уильямом Пенном для переселенцев-квакеров. Однако дальше к югу английские колонии не приобретали в XVII веке городского характера. В Виргинии и Мэриленде редкие и небольшие примитивные решетки возникали в соответствии с «Законами о новых городах», принятыми по указанию королевских властей. Эти города — к примеру, Йорктаун — задумывались как морские ворота колоний, что вызывало сопротивление со стороны плантаторов и торговцев. С началом возделывания вест-индского табака на фермах Виргинии и завозом туда рабов, казалось, сельский характер региона был закреплен окончательно. Исключениями стали только города Джеймстаун, Уильямсберг, куда в 1699 году была перенесена столица Виргинии, и Аннаполис, который стал столицей Мэриленда (с. 307).

Рис. 104 Однако к XVIII веку сопротивление южан урбанизации ослабло. В новых колониях мы видим рост портовых городов вроде Чарлстона и Саванны. Когда в 1785 году Томас Джефферсон убедил Конгресс учредить общенациональную систему межевания, это было в определенном смысле простым распространением устоявшейся ортогональности городов поздней колониальной Америки на пока еще не заселенные территории. Рис. 132 Однако, разумеется, масштаб открытых теперь для заселения земель превосходил все мыслимые чаяния колониальной эпохи, так что идеал равенства наделов как гарантии свободы и всеобщих гражданских прав превратился в главное испытание для Американской революции.

Национальная топографическая система США стала залогом того, что основной моделью для городов на большей части территории страны оказалась именно решетка. На протяжении примерно столетия, до тех пор пока границы страны не установились окончательно, построенные на основе решетки города практически без всякой альтернативы заполняли собой просторы континента между полосой старых колоний на восточном побережье и Тихим океаном. Решетка также стала стандартным решением для новых частей существовавших городов, например Бостона, Балтимора и Ричмонда, — но нигде она не была принята так безоглядно, как в Нью-Йорке, где в 1811 году специальная комиссия расчертила весь Манхэттен до 155-й улицы на одинаковые кварталы, без намека на какие-либо общественные пространства. На тот момент застроенная

Рис. 208

территория города простиралась только до 23-й улицы. Комиссия из трех человек, явно памятуя о недавнем плане Вашингтона работы Ланфана, отвергла в своем отчете «мнимые улучшения вроде кругов, овалов и звезд» и решительно заявила, что «город состоит из людских жилищ, а дома с прямыми углами и плоскими стенами дешевле всего в строительстве и удобнее всего в использовании».

Новизна такого подхода — и существенное изменение в применении решетки по сравнению с колониальной эпохой — заключалась в игнорировании общественной ценности городской земли, в отказе от господствовавшего в прошлом мнения, что городской участок реализует свое предназначение только после того, как на нем воздвигнуто здание. Вслед за Петером Маркузе мы можем сформулировать это иначе: отказ от колониальной закрытой решетки в пользу открытой решетки новой республиканской эпохи. Закрытая решетка по сути является докапиталистической концепцией. Она воспринимается как имеющая жесткие границы и четкую планировку в установленных пределах. Границами могут быть стены или особенности рельефа; они могут быть определены общественными зданиями, размещенными в концах основных осей; наконец, решетка может быть окружена общинными землями или выделенными фермерам участками, которые не подлежат продаже. Этот последний вариант был доминирующей формой ограничения решеток колониальной Америки — в отсутствие городских стен. Открытая решетка возможна только в условиях капиталистической экономики, когда земля превращена в товар, который можно купить и продать на рынке. Решетка остается неогороженной и не имеющей пределов, и потому она может быть расширена всякий раз, когда возникает возможность быстро извлечь существенную прибыль. При таком положении дел решетка становится простым и эффективным способом стандартизации масштабных коммерческих операций с землей при участии предпринимателей, заинтересованных в ее купле-продаже. Площади, парки и любые иные функциональные зоны, которые выводят землю из оборота, однозначно воспринимаются как пустая трата сулящего прибыль ресурса.

Вот как члены нью-йоркской комиссии обосновали свое решение не включать в план 1811 года общественные пространства:

Остров Манхэттен окружен морскими просторами, которые <...> создают исключительно благоприятные условия с точки зрения здоровья и досуга, а также удобства торговли; поэтому, когда ввиду этих самых причин стоимость земли так необычайно высока, представляется правильным признавать влияние экономических принципов в большей мере, чем при иных обстоятельствах было бы сообразно с требованиями благоразумия и долга⁸².

Попросту говоря, когда возникает возможность нажиться на городской земле, про соображения общественного блага можно забыть. На деле Нью-Йорк жил в соответствии с заветами членов комиссии задолго до пресловутого плана 1811 года. В определенный момент городские власти владели всем островом Манхэттен, за исключением небольших участков к югу от Уолл-стрит, которые оставались в частных руках. Такое неразграниченное владение было установлено в 1689 году хартией губернатора провинции Нью-Йорк Томаса Донгана. Однако практически сразу же отцы города начали распродавать это общественное имущество, чтобы наполнить казну, причем те территории, которые планировалось пустить с молотка, привычно межевались по принципу решетки для удобства продажи. Это продолжалось довольно долго — еще в 1796 году городской землемер Казимир Горк подготовил межевой план огромной полосы, доходящей до центральной части Манхэттена, и разделил ее на прямоугольные участки. Члены комиссии всего лишь закрепили сложившуюся практику — без сантиментов и каких-либо исключений.

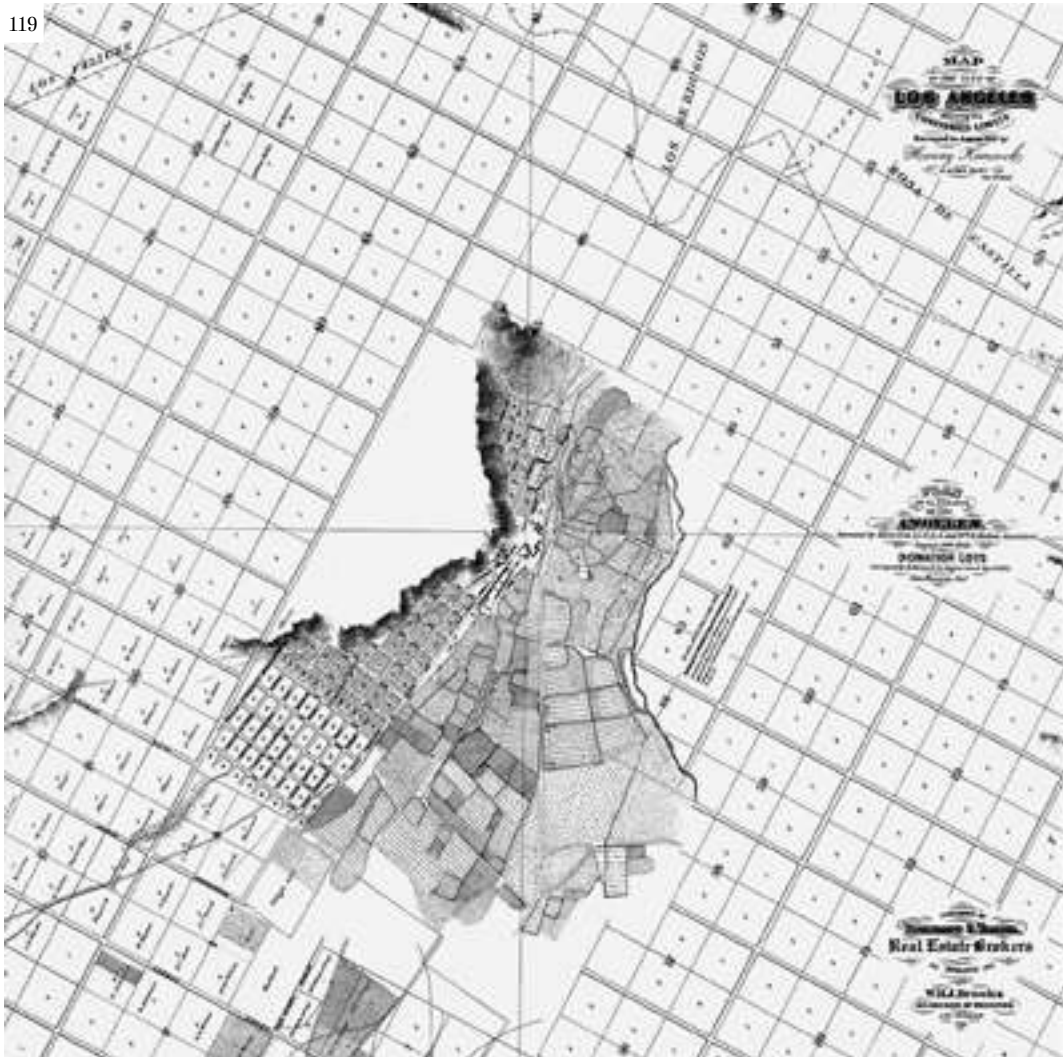
Поучительно проследить, как это новое отношение к городскому планированию проявилось на Дальнем Западе, когда Калифорния отошла к США после Американо-мексиканской войны 1846–1848 годов. При испанцах земля была неотъемлемым наследуемым имуществом каждой семьи (строго говоря, семья владела своей землей не на праве собственности, а в качестве своего рода вечной ссуды от короля) и в каждом городе имелись расположенные в центре общественные пространства и обширные общинные земли, используемые всеми жителями. При американцах прочная социальная структура испанских колониальных поселений была заменена градостроительством, основанным на принципах свободного рынка. Променады вдоль рек и просторные центральные площади стали лакомыми кусками для застройщиков. Новые муниципальные органы оставляли в пользовании общины только те участки земли, которые не могли быть проданы или розданы в частную собственность. Земли, с самого начала колонизации отведенные под нужды всего населения, теперь могли отчуждаться отцами города по своему усмотрению.

Согласно «Законам Индий», город и прилегающая сельская местность считались единым функциональным комплексом. Американские же законы устанавливали, что это совершенно разные юрисдикции. Введение земельного налога, неизвестного во времена испанского и мексиканского господства, способствовало упадку аграрной аристократии, а значит и разделу ее наследственных владений новым правящим классом американских предпринимателей. Вокруг первоначальных градоформ беспрепятственно разрасталась решетка. Она не была связана никакими обязательствами согласовываться с планировками испанского периода, а американская администрация не имела достаточно влияния, чтобы создать генеральный план этих территорий до того, как они были растасканы на куски бесчисленными спекулянтами и застройщиками.

Спекулятивное межевание по ортогональному принципу не требовало особого мастерства. Как отмечает Льюис Мамфорд:

Рис. 119. План Лос-Анджелеса (штат Калифорния, США), 1875. Центральная площадь испанского *пуэбло* располагается в перекрестье осей, а его нерегулярно нарезанные сельскохозяйственные угодья – ниже и правее. Первое решетчатое расширение Лос-Анджелеса было размежевано лейтенантом Эдвардом Ордом в 1849 году, через год после того, как город перешел под юрисдикцию США. Оно взяло испанское поселение в тиски с севера и юга. Землеустроительные работы на остальной незастроенной территории городские власти произвели в 1853 году – путем разбиения ее на крупные участки суперрешеткой широких улиц.

119

Любой клерк мог произвести вычисления, необходимые для прокладки улицы или распродажи участков. Рейшина и угольник – вот все, что требовалось муниципальному инженеру без диплома архитектора или социолога, чтобы «спроектировать» мегаполис⁸³.

Самыми злостными нарушителями были железнодорожные компании. Бесплатно получая от федерального правительства, особенно после 1862 года, крупные земельные участки, они строили вдоль своих путей сотни городов, чаще всего по типовому плану — это был одновременно способ нажиться на перепродаже земли и нарастить объемы перевозок. По мере того как конкурирующие компании делили между собой территорию страны, подобных претендентов на статус города стало слишком много. Частные застройщики устремлялись вслед за железными дорогами и сооружали вдоль путей собственные города. Самым привычным обоснованием была необходимость создания центров сбыта для фермеров, которые могли бы теперь поставлять зерно на мельницы и крупные рынки. Вероятность неудачи была высока. В течение короткого периода времени заявление об основании города, поданное в окружной суд, можно было отозвать — это была законная процедура, которая позволяла распродать землю обратно местным фермерам.

Эти новые решетки XIX века обычно состояли не более чем из 30–60 кварталов, по 6–16 участков в каждом. Планы городов часто были типовыми и отличались только занимаемой площадью. Некая компания могла, к примеру, остановиться на решетке с кварталами площадью 2,8 квадратных километра и участками по 46 метров в глубину. Ее города имели две прямые оси: первая была промышленной и шла вдоль путей мимо станции, элеваторов, угольных складов, водонапорной башни, дома начальника дистанции и привокзального парка с эстрадой; вторая включала в себя Мэйн-стрит, главную улицу города, и была торговой. Иногда они совпадали, но чаще располагались в форме буквы Т с железной дорогой вдоль перекладины. Если линия добиралась до этих мест уже после того, как была распланирована решетка, сетку улиц могли исправить ради выгоды и удобства железнодорожников. Но, например, в Галве, штат Иллинойс, железнодорожные пути разрезают решетку по диагонали⁸⁴.

Спекулятивная вакханалия урбанизации не ограничивалась территорией США. История повторялась в других странах, где огромные земельные пространства были освоены благодаря железной дороге. Скажем, в Аргентине мы видим очень похожую картину отчуждения общественных земель в частное владение. Возникновение неограниченных и машинных решеток, как в Баия-Бланке и других аргентинских городах, основанных в XIX веке, шло параллельно процессам на севере

83 *Mumford L. The City in History.*

84 О решетке в США см. в первую очередь *Conzen M.P. Morphology of Nineteenth-Century Cities*, а также: *Hudson J.C. Plains County Towns* (1985).

Ил. XV

США, которые породили феноменальное расползание городской решетки Чикаго. С другой стороны, в Австралии и Новой Зеландии простые городские решетки были ограничены не подлежащими застройке парковыми зонами, и возникавшие позднее за пределами этого зеленого пояса пригороды также окружались зеленью.

Создание решетки

Слово «решетка», когда оно употребляется в этой главе, служит удобным, хотя и неточным аналогом понятия «ортогональная планировка». «Решеткой», по крайней мере в Соединенных Штатах, часто называют ортогональную планировку с вытянутыми узкими кварталами, а «шахматной доской» — с кварталами-квадратами. Это два наиболее распространенных варианта ортогональности городской формы. За счет геометрического тождества квадратных кварталов шахматной доски ей по умолчанию свойственна модульность. Решетка (в американском смысле) может быть как модульной, так и нет, в зависимости от идентичности вытянутых кварталов и соотношения их размеров с размерами открытых пространств и общественных зданий.

По-настоящему шахматные планировки встречаются редко. Тут можно вспомнить, в хронологическом порядке, недостроенный город Зернаки-Тепе в Урарту (VIII век до н.э., ныне восток Турции); ранние римские колонии в Северной Италии — скажем, Верону; Киото; горстку средневековых бастид вроде Лалинда во французском Перигоре; колониальные города Новой Испании; первоначальные планировки американских городов вроде Омахи в штате Небраска; а также Барселону, расширенную по плану Ильдефонса Серды. Прямоугольные кварталы гораздо более распространены. Однако ортогональный план, как правило, состоит из элементов различной формы: даже если изначально такого не предполагалось, это происходит за счет последующих модификаций.

Рис. 111

Рис. 115

Рис. 152

Оговорюсь, что решетка улиц и структура деления на кварталы, вызывающие основной интерес у историков градостроительства, не способны сами по себе объяснить особенности городской формы. В тот же момент, когда прокладывается эта решетка верхнего уровня, формируется и вторая, более проработанная в деталях, — решетка отдельных участков внутри кварталов. Решения, касающиеся распределения земли между владельцами или арендаторами, приходится принимать до расчерчивания улиц или одновременно с ним.

Скорее всего, в истории города уличная решетка окажется долговечнее, чем более мелкое и менее заметное внутриквартальное межевание, но это обусловлено только тем, что улицы как общественные пространства находятся под жестким контролем городских властей, в то время как частные владения могут свободно подвергаться внутренним изменениям. Тем не менее решетка улиц и решетка участков всегда взаимосвязаны и взаимозависимы.

И еще два фактора влияют на качество ортогональной городской формы. Один из них — это рельеф местности. Второй — доступные на данный исторический момент в данном регионе технологии межевания и их относительная точность.

Решетка на местности

Как всегда, все начинается с земли. На ровной поверхности решетка сама себе хозяйка. Для градостроителя это ближайший возможный аналог чистого листа бумаги, там можно без проблем воспроизвести типовой проект города. Планировщик, будь то человек или институция, может даже принять решение создать такой участок, засыпав впадины или срыв вышенности. Римские города в Галлии, как отмечалось, «пораженыным образом безгзовали существующими особенностями рельефа, как рукотворными, так и естественными. Выше всего ценились условия, максимально приближенные к *tabula rasa*, чтобы новый город можно было представить в состоянии „идеальной горизонтальности“»⁸⁵.

Даже на равнине ортогональная планировка может отражать разнообразные особенности местности. К примеру, основные улицы города, стоящего у реки, чаще всего идут вдоль берега, пересекаясь несколькими соединительными улочками. Прекрасный образчик тут — бастида Кастельсарразен у реки Гаронны на юго-западе Франции. Позднее речные порты французских колоний в Северной Америке с их вытянутыми узкими решетками стали более формальным примером этого привлекательного решения уличной сети.

Рис. 6

Чистая, проложенная без оглядки на рельеф решетка очень редко встречается в холмистой местности. Наиболее примечательный пример из Древнего мира — тщательно продуманная планировка Приены IV века до н.э. Изначально она располагалась в заиливавшемся устье реки Меандр. Новый город, предназначавшийся для четырех тысяч жителей, был построен гораздо выше, на южном краю отрога с пологими склонами к югу, востоку и западу. Вдоль главных улиц, протянувшихся с востока на запад, кварталы располагались уступами, подобно рядам в театре, а предназначенные только для пешеходов улицы, идущие с севера на юг, представляли собой лестницы. В случае средневекового Любека игнорирование топографии легко объяснить рациональными соображениями. Город окружала река Траве, так что центр располагался на гребне, а прямые улицы, спускающиеся по двум сторонам, были самыми короткими путями оттуда к речным пристаням. Аналогичные современные примеры вроде Сан-Франциско — результат беспечности спекулянтов: проблема освоения расположенного на склоне земельного участка просто перекладывается на покупателя.

Рис. 120

Рис. 121

Типичный подход к прокладке городской решетки представляет собой поиск компромисса между естественными неровностями и абстрактным порядком прямых углов. Чтобы

Рис. 120. Реконструкция (по А. Циппелиусу) города Приена (современная Турция) в середине IV века до н.э. — пример применения ортогональной планировки на территории с совершенно неподходящим для этого рельефом.

Рис. 121. Решетка Сан-Франциско (штат Калифорния, США) с равной невозмутимостью охватывает и осушенные низины, и крутые склоны холма Телеграф-хилл.

Рис. 122. Римский агрименсор, использующий гром для землемерных работ, рисунок П. Фриджеро.

122

Рис. 112

Рис. 26, 133

Ил. XVI

проиллюстрировать огромное разнообразие способов интуитивно понятной и плодотворной адаптации ортогональной планировки к особенностям местности, достаточно посмотреть хотя бы на новые города Средневековья. Идеальная решетка, как в Монпазье и Эг-Морте во Франции или же как в валлийском Флинте, — редчайшее исключение среди многих сотен бастид. Такие города располагаются на ровной местности и обычно окружены прямоугольной крепостной стеной. Большинство же новых городов никогда не имели фортификационных сооружений, так что не были ничем ограничены, а их края соответственно оставались нечеткими. Они располагались на неровной поверхности, иногда по соседству с замками, неспроста выбравшими свое эффектное местоположение. Таким образом, чаще всего их очертания определялись «преимущественно практическими, локальными соображениями, под влиянием которых общее представление о внешнем виде бастиды видоизменялось с учетом местных особенностей»⁸⁶. Гребень порождал простую линейную решетку из идущей вдоль него главной улицы и параллельной ей второй (примеры — Вильфранш-дю-Кейран и Сен-Пастур). На округлой вершине холма кольцевой план, который сложился бы в случае «органического» роста города, просто-напросто превращался в квадрат (например, в Донзаке). Проектировщики Нью-Уинчелси разместили на вершине холма столько ячеек решетки, сколько было возможно, отдав оставшиеся неровные края под жилые участки неправильной формы и общинное пастбище. Бомон подстроился под очертания своего холма, изогнув элементы решетки к северу от рыночной площади так, что они на несколько градусов отклонялись от тех, что находились южнее. Предшествующие поселения и дороги влияли на новый город в той мере, в какой обитателям было выгодно и удобно продолжить использовать старое дорожное покрытие. Две сооруженные с интервалом в десять лет бастиды Вильнева-сюр-Ло иллюстрируют эту взаимосвязь: более старый город, построенный на пустовавшем прежде правом берегу реки Ло, имеет регулярную планировку, тогда как для его соседа на левом берегу характерна более гибкая форма с большими угловатыми кварталами, поскольку он вырос там, где уже имелись деревня и два замка сеньоров Пюжоля.

Что касается общей ортогональности всех этих сотен градоформ, важно помнить, что это был единственный метод рационального городского планирования, доступный в Средние века. Только с помощью такой системы можно было рассчитывать площади участков и продумывать соотношение городских частей. Вплоть до эпохи Ренессанса градостроители не располагали средствами для создания математически точных географических карт или городских планов. «В Средние века, — пишет Дэвид Фридман, — точное расположение ориентира могло быть определено только на расчерченной решеткой местности»⁸⁷. Спланированная органичность Сиены, обсуждавшаяся в предыдущей главе, могла быть достигнута исключительно внутри

86 Цит. по: The Built Form of Western Cities.

87 Friedman D. Florentine New Towns (1988).

существующей застройки. На неосвоенных территориях дело обстояло совершенно иначе. Возможность картографической съемки и регистрации как географических особенностей, так и нерегулярной городской формы возникла только в эпоху Ренессанса.

Землемеры и теоретики

Разметить на местности ортогональную уличную сеть было нетрудно, что делало решетку градоформой, доступной даже для отсталых в техническом отношении культур. Квалификация выполняющих эту задачу работников могла быть весьма невысокой. Землемерные инструменты долгое время не менялись, и только редкие модификации делали их точнее. На протяжении всей истории прямые линии проводились с помощью вешек и веревок. Годометр Альберти, он же «путеизмеритель», на полторы тысячи лет раньше был описан и Витрувием: это было обычное тележное колесо с окружностью известной длины и возможностью фиксации числа оборотов.

Рис. 122

Египтяне умели определять горизонталь и перепад высот между двумя точками. У них имелся незамысловатый визирный прибор — простейшая форма теодолита, *грома*, которую потом переняли греки и римляне. Грома оставалась стандартным инструментом землемера вплоть до эпохи Ренессанса, когда возникли ее более совершенные аналоги. Одна из направляющих громы позволяла визировать главное направление, а по второй проводились линии, перпендикулярные ему. В ходе древнегреческой колонизации ключевыми участниками экспедиций были «хористы» (ὁρίοται). Само это слово буквально означает «установщик межевых столбов». Хористы обладали сугубо практическими навыками — они делили землю на длинные узкие полосы⁸⁸. В конце I века до н.э. Диодор описывал основание колонии так: прежде всего согласование места с оракулом (религиозная составляющая), затем поиск источника (обеспечение питьевой водой), строительство городских стен (оборона) и разметка решетки широких улиц или *платей* (в Фуриях, о которых идет речь, платей было семь — четыре

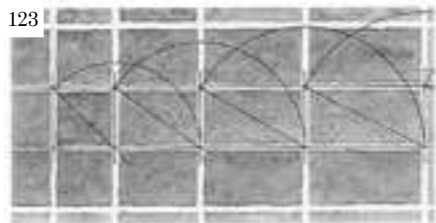
⁸⁸ Термин, используемый для обозначения такого межевания, *per strigas*, был на самом деле введен современным исследователем Фердинандо Кастаньоли (см. прим. 24). *Striga* на латыни значит «длинная линия скошенной травы или зерна, просека», в расширительном смысле — «борозда на поле». В представлении римлян такая система относилась к архаичному методу межевания, принятому прежде всего на общественных пахотных землях в римских провинциях. Полосы земли располагались вдоль (*strigae*) или поперек (*scammae*) поля относительно направления движения землемера. См. также: Dilke O.A.W. *Maps in the Treatises of Roman Land Surveyors* (1961).

в одном направлении и три в перпендикулярном). После этого происходило внутреннее разделение получившихся ячеек на узкие кварталы под застройку, которые обслуживались проулками-*стенопами*, по сути пешими тропами между участками. Жилые дома выходили фасадами на стенопы, а общественные здания — на платей. Размеры кварталов составляли 30 на 90 метров. Часть города отводилась исключительно под нужды городского управления и торговли, хотя некоторая хозяйственная деятельность присутствовала и в жилых районах. Что касается общественных зданий, то храмы иногда размещались в рамках решетки, а иногда были ориентированы независимо от нее (как в Агридженто или Пестуме), предположительно из религиозных соображений. Театр часто использовал подходящий естественный склон для размещения зрителей.

Случай Гипподама Милетского представляет собой настоящую головоломку. Мы не располагаем техническими подробностями приписываемой ему системы, однако, судя по всему, ее отличало то, что в ее основе лежала теоретически выведенная геометрическая формула, а не чисто прикладные (и эмпирические) методы землемеров, причем эта формула тщательно учитывала конкретные особенности местности. Насколько можно судить на примере Пирея, для этой системы было характерно деление территории города на сектора, каждый со своей ортогональной уличной планировкой; отведение отдельных общественных зон, обозначенных особыми метками, для разных типов общественной активности; а также предварительный учет необходимости разместить те или иные общественные здания. Рассматривая Родос — в той мере, в какой удастся воссоздать его древнюю планировку, — можно заключить, что система Гипподама имела три уровня межевания территории. Самым крупным элементом был квадрат со стороной в 1 стадий (эта мера длины менялась в зависимости от региона, но обычно составляла около 180 метров). Каждый из таких квадратов делился на четыре части, образуя квадраты со стороной в половину стадия; они, в свою очередь, делились на 6 прямоугольников размером 30 на 45 метров. У нас нет возможности установить, переросла ли Гипподамова система после смерти ее автора в отдельную школу градостроительного проектирования или же просто дополнила *modus operandi* древнегреческих землемеров.

О подготовке римских землемеров известно немало. Она включала в себя знания по арифметике, геометрии и праву. В основном они работали с квадратами и прямоугольниками, но использовали и треугольники, однако не для геодезической триангуляции, а в качестве вспомогательной фигуры для, скажем, вычисления ширины реки с одного ее берега и, возможно, измерения высоты. Другими их инструментами были угольник, в основном полезный землемерам на строительных площадках, водяной уровень для создания строго горизонтальной поверхности, переносные солнечные часы (они помогали ориентироваться на местности) и, конечно же, мерные планки и цепи. Не существовало четкого разделения между регулярным городским планом и ортогональным межеванием земельных наделов

Рис. 123–124. Бастида Гренад-сюр-Гаронн (Франция), основанная около 1300 года. Решетка с меняющимся шагом свидетельствует о сложной формальной логике проекта: длина каждого следующего квартала равна диагонали предыдущего.

за пределами городов так же, как и между военными, аграрными и городскими землемерами. В центре любого военного лагеря по традиции устанавливалась грома.

Вплоть до эпохи Ренессанса ортогональные планировки создавались с помощью простейших приемов евклидовой геометрии. Землемеры знали, как провести перпендикуляр к заданной на местности линии, и таким образом определяли две оси, параллельно которым можно было проводить остальные прямые. При сооружении бастид широко применялся пифагоров треугольник с отношениями сторон 3:4:5, который позволял строить прямые углы с помощью веревки с 12 узлами. Конструктивная геометрия, широко применявшаяся при строительстве готических соборов, позволяла воспроизводить на местности и более сложные формы, однако этого не делалось. Другими словами, проектирование городов не воспринималось как часть высокого искусства архитектуры.

Однако в случае бастиды Гренад-сюр-Гаронн, основанной около 1300 года королевским сенешалем в провинции Тулуза, мы можем разглядеть определенную глубину. Ее план представляет собой позднюю версию городской формы, разработанной планировщиками Альфонса де Пуатье около 1255 года (с. 142), примерами которой также служат Сент-Фуа-ла-Гранд на реке Дордонь, Монреаль-дю-Жер и Монпазье Эдуарда I. Главная особенность такой планировки — организация центра как пересечения под прямым углом двух пар параллельных улиц, разнесенных друг от друга на равное расстояние. Квадрат, который они образовывали, становился рыночной площадью. Как правило, между двумя центральными улицами кварталы были квадратными, а на остальной территории города — прямоугольными. Геометрическая логика Гренада очевидна из схемы опорных линий городского плана. Это ротационная система, описанная в альбоме Виллара де Оннекура и здесь впервые примененная в планировке города. Вот как она работает. Расстояние между парой главных осей, образующих центральный ряд квадратных кварталов, — 64 метра. Это первоначальное решение градостроителя. Затем он отложил диагональ квадрата со стороной 64 метра, то есть 90,5 метров, и провел первую пару вторичных осей по бокам от основных. Размеры кварталов в остальной части города определены за счет повторения этой процедуры.

Градостроитель как художник

Существуют ли какие-либо относящиеся к доренессансным временам примеры, когда зодчие кафедральных соборов, эти в совершенстве овладевшие геометрией мастера готики, подходили к созданию городской решетки как к художественной проблеме? В своей книге о новых флорентийских городах XIV века Дэвид Фридман настаивает, что такие примеры существуют⁸⁹. Эти города — Сан-Джованни, Террануова, Кастельфранко, Пьетрасанта и Скарперия в верхней части долины реки

Рис. 125. Новый город Террануова (Италия), основанный Флоренцией в 1337 году. Геометрия сокращающейся ширины кварталов Террануовы может быть описана как результат деления окружности, вписанной в четыре квадрата в центре плана, на сектора с помощью радиусов, откладываемых с шагом в 15° (вверху). Хотя такое описание соответствует полученному результату, более правдоподобно, что межевавшие территорию города землемеры использовали какой-то иной метод. Скорее всего, проектировщики Террануовы создали свой градостроительный план, взяв числовые значения из тригонометрических таблиц, составленных путем замера различных хорд круга (внизу).

Рис. 126. Портулан, основанный на карте Америки и Западной Африки, составленной Мухиддином Пири-беем (XVI век).

Рис. 127. Арабская астролябия.

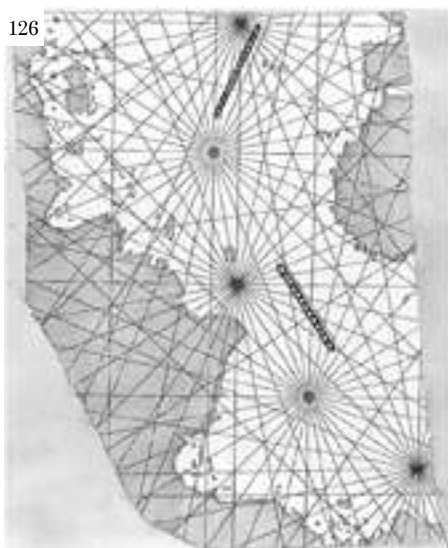
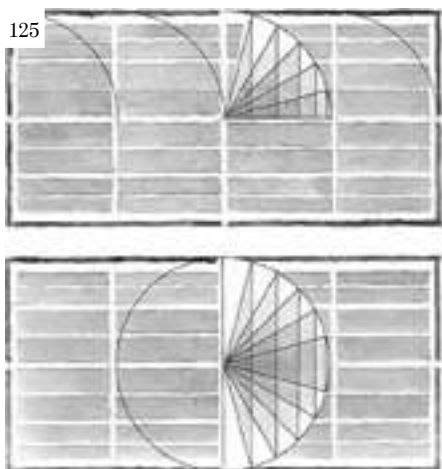

Рис. 4

Арно, а также Фиренцуола в Апеннинских горах — располагались севернее и восточнее метрополии. Все они были заложены на плоских участках местности и строились по одной общей схеме. Как правило, участок главной дороги, на которой располагалось поселение, задавал основную продольную ось; перпендикулярно к ней располагалась вытянутая пьядца. Крепостная стена с самого начала определяла конечный размер города. Дорога вдоль внутренней стороны стены, необходимая для передвижения солдат по периметру обороны, уступала по ширине только центральной. Наконец, по углам размещались четыре одинаковых района, каждый со своими внутренними перпендикулярными осями.

Рис. 125

По мнению Фридмана, вместо конструктивной геометрии, используемой архитекторами готических зданий, такая схема обнаруживает искусное применение тригонометрии. Тригонометрические функции можно связать с геометрическими компонентами круга, то есть с дугами и хордами. О том, что в основу флорентийских планов была положена тригонометрия, свидетельствует, среди прочего, тот факт, что ширина кварталов сокращается от центра к окраинам: самые глубокие кварталы располагаются вдоль главной улицы, а за ними идут три все более узких квартала постоянной длины. Не похоже, чтобы такое распределение отражало социальную иерархию. Крупных землевладельцев намеренно не допускали в новые города, так что это было не более чем абстрактное геометрическое построение.

Рис. 126

Если тригонометрия действительно была тут задействована, перед нами уникальный в истории средневекового градостроительства образец. Сложные тригонометрические расчеты традиционно ассоциировались в ту эпоху с астрономическими наблюдениями и измерениями поверхности Земли. Наиболее явно они использовались в двух случаях. Первый — это морские карты, которые позволяли получить практическую навигационную информацию, основываясь на наблюдениях за особенностями земной поверхности с помощью научных приборов. На таких портуланах, как они назывались, присутствовали характерная сетка формирующих целую паутину расходящихся лучей (они были связаны с розой ветров, которая, в свою очередь, была компонентом хорошо известного к тому моменту магнитного компаса) и множество параллельных им линий, образовавших пропорциональную систему, сравнимую с решетками новых флорентийских городов. Второе широкое применение тригонометрии — наблюдения с помощью планисферной астролэбии с алидадой (визирной линейкой, равной по длине диаметру «тарелки» и вращающейся вокруг ее центра). Существовал и упрощенный вариант астролэбии — квадрант; оба этих инструмента были известны в Европе еще с XI века.

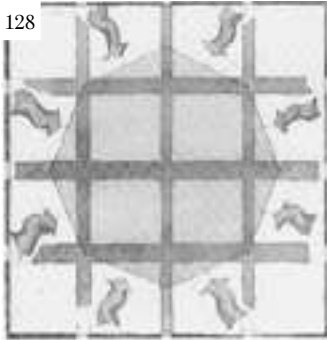
Рис. 127

Флорентийские городские планы используют тригонометрические приемы портуланов и астролэбий, а также данные из таблиц хорд, наподобие приводимых Леонардо Фибоначи в его трактате «Практика геометрии», написанном в Пизе в 1220 году. С подобными таблицами размечающему такую

Рис. 128. Роза ветров и система улиц, по ксилографии Фра Джокондо.

Рис. 129. Роза ветров, наложенная на уличную решетку древнего Неаполиса. По рисунку, приписываемому Фра Джокондо.

Рис. 130. План города Имола (Италия) работы Леонардо да Винчи, ок. 1503 года. Этот наиболее ранний ихнографический план эпохи Ренессанса вписан в большой круг, разделенный на восемь клиновидных секторов. Радиусы круга подписаны названиями восьми ветров. Пометки раскрывают секрет создания плана. Первый теодолит, изобретенный Леонардо, состоял из разделенного на восемь частей круглого диска с компасом посередине. Он был предназначен для совмещения северного ветра с направлением на северный магнитный полюс, таким образом обеспечивая постоянное опорное направление при наблюдении из разных точек.

уличную решетку землемеру на самом деле не было необходимости использовать астролябии или квадранты. Обычных приспособлений для межевания — линейки или мерной планки и простейших инструментов, отмеряющих прямой угол, — было достаточно. Ему нужно было только провести основную линию, ось главной улицы, и построить к ней перпендикуляр. Затем, взяв из таблицы длины хорд для дуг в 11/66, 22/66, 33/66, 44/66 и 55/66 полуокружности заданного радиуса, он устанавливал глубины пяти структурных элементов. Межевые линии, проведенные через соответствующие точки на перпендикуляре параллельно основной линии, завершали формирование каркаса города. Однако все принципиальные решения принимались куда раньше. Кто-то должен был определить требуемый радиус окружности и доли в 11, 22, 33, 44 и 55 66-х для получения остальных размеров. Фридман утверждает, что этим человеком и был проектировщик.

Этот продуманный художественный подход флорентийских градостроителей, выходявший за пределы практических требований межевания, предвосхищал сложившееся в эпоху Ренессанса отношение к городу как к плоду архитектурного творчества наподобие крупного здания. В следующем веке Альберти и другие будут отождествлять город с дворцом. По словам Альберти, «самое главное украшение городам придают положение, направление, соответствие, размещение улиц и площадей, а также и отдельных сооружений, причем в отношении пользования ими, достоинства их и удобства все должно быть правильно сделано и рассчитано»⁹⁰. Начиная со Сфорцинды Филарете, ренессансные архитекторы проектировали идеальные города с заданными периметрами и тщательно продуманными частями, где в определении пропорций явным образом использовалась геометрия окружности.

Один из самых ранних подобных примеров обнаруживается в издании Витрувия, подготовленном Фра Джокондо в 1511 году, а точнее в ксилографии, иллюстрирующей знаменитый фрагмент Витрувия об ориентировании улиц города таким образом, чтобы ни одна из них не была обращена к основным сторонам света, с которых, как считалось, приходят самые сильные нездоровые ветра. Там изображена ортогональная система улиц с разделением на 16 квадратных кварталов, а поверх нее наложен восьмиугольник, каждая сторона которого представляет определенный ветер, причем ни один из них не дует вдоль улиц. Новаторство чертежа Фра Джокондо заключается, однако, в том, что многоугольник розы ветров соотносен с улицами, с величиной кварталов и с размерами самого города. Это исключительно влияние Ренессанса, поскольку в тексте Витрувия ничего подобного не подразумевается. Что-то вроде такого согласования городской решетки и геометрии окружности двумя веками ранее и определило опередившую свое время планировку новых флорентийских городов.

Вполне возможно, что при создании этого рисунка Фра Джокондо опирался на древний план Неаполя, греческого

Неаполиса. Как и там, в его системе имеется три горизонтальных улицы, более широких, чем вертикальные⁹¹.

Как показали современные археологические исследования, после перестройки в V веке до н.э. Неаполис имел три длинные улицы, отстоящие друг от друга на один стадий (в данном случае приблизительно 185 метров), и 20 поперечных переулков, проложенных через каждые 37 метров. Таким образом, стороны его кварталов соотносились в пропорции 5:1. Общие очертания этой планировки по-прежнему читаются на карте центральной части Неаполя. Длинные улицы плавно спускаются к востоку — единственному направлению, ветер откуда считался Витрувием и его источниками вполне здоровым. Более крутые перпендикулярные переулки ведут на юг, к гавани. Однако в обоих случаях дороги на 22,5° отклоняются от меридионального и широтного направлений — в точности согласно предписаниям Витрувия касательно надлежащего способа расположения городских улиц.

Рис. 129

На другом рисунке, приписываемом Фра Джокондо, судя по всему, изображена идеальная версия древнего плана Неаполя, на которую наложен круг с розой из 16 ветров. Два из направлений совпадают с линией центральной продольной улицы, а два других — с одним из поперечных переулков. Известно, что Альфонс II, неапольский покровитель Фра Джокондо, очень увлекался классической древностью и что во время его правления даже были предприняты некоторые попытки восстановить план греческого Неаполиса за счет удлинения продольных улиц и расчистки поперечных переулков. Вероятно, рисунок связан с этим проектом реконструкции.

Эти городские чертежи Фра Джокондо важны не только тем, что они подтверждают новую связь уличной решетки с геометрией окружности, но и по другой причине. Они иллюстрируют происходивший в эпоху Ренессанса процесс создания нового способа отображения городов — ихнографического, который сегодня мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся в форме городских карт.

Более распространенная в то время наклонная проекция, иначе говоря, «вид с высоты птичьего полета», использовала открытую в эпоху Возрождения линейную перспективу,

91 Сами понятия *платея* и *angiportus* (латинский аналог стенопы), впервые появляющиеся у Витрувия и в «Записках о гражданской войне» Цезаря, относятся к греческой решетке, а не римской, где таких различий в ширине улиц не существовало. Таким образом, несмотря на то что кварталы на иллюстрации Фра Джокондо квадратные — то есть скорее римские, чем греческие, — разная ширина улиц и использование подобной лексики позволяют заключить, что он держал в уме греческую систему. Подробнее см. *Hamberg P.G. Vitruvius, Fra Giocondo and the City Plan of Naples* (1965).

Рис. 130

которая позволяла художникам передавать трехмерное пространство на плоской поверхности. С другой стороны, ихнографический план показывает город с бесконечного числа точек обзора таким образом, что направление взгляда перпендикулярно любому элементу наблюдаемого объекта. Не заботясь о реальном внешнем виде, эта в высшей степени сложная абстракция сводит город к двумерному отпечатку тел и пустот. Создание таких планов, известных римлянам, но позабытых в Средние века, стало снова возможным только с возникновением в течение XVI столетия более совершенных геодезических методов и научных инструментов⁹².

Важно подчеркнуть, что формирование научного подхода к топографической съемке и происходившее параллельно развитие подвижной артиллерии привели к тому, что города начали восприниматься как идеальные схемы. Изучение городов стало отстраненным, их теперь рассматривали как диаграммы, в которые можно было включить все необходимые для достижения совершенства элементы. Новые трактаты пропагандировали и популяризировали такие схемы, в том числе и тщательно продуманные вариации решетки. Наиболее влиятельными среди подобных трактатов были «Первые четыре книги по архитектуре» Пьетро Катанео (1554) и «Идея универсальной архитектуры» Винченцо Скамоцци (1615)⁹³.

Координированные системы города и сельской местности

Столетия, следовавшие за этими коренными переменами в области проектирования городов, породили самые замысловатые и изящные примеры решеток, по крайней мере на Западе — в Аволе и Турине, Ришелье и Неф-Бризахе, Мехико и Саванне. Ширина улиц, размеры кварталов и расположение открытых пространств продумывались как единое целостное решение; нецентральная по своей природе решетка дополнялась четко определенными точками притяжения. В ходе эпического по своему размаху процесса колонизации Америки городская решетка сплошь и рядом вписывалась в рамки комплексного регионального плана, который распространял ортогональную пространственную структуру на бескрайние просторы сельскохозяйственных земель.

92 С помощью более совершенного теодолита стало можно определять положение объекта относительно двух и более точек, используя метод триангуляции. Хваленое «изобретение» мензулы Иоганном Преториусом в 1600-х годах скорее всего было стандартизацией инструментов, использовавшихся на протяжении всего XVI века.

93 Скамоцци был в числе первых, кто изменил традиционное обозначение кварталов и улиц на обратное, вместо кварталов заштриховав улицы и площади.

Рис. 131. Луго, окрестности Равенны (Италия), аэрофотосъемка (север справа). Древнеримская сельская решетка с делением на центурии по-прежнему проглядывает в очертаниях полей, дорог и дренажных каналов этой части провинции Эмилия-Романья.

Рис. 132. «Семь рядов городских округов» на территории Огайо (США), 1796. План первых городских округов, размежеванных в соответствии с правилами 1785 года. Обратите внимание на ориентацию решетки строго с севера на юг.

131

132

Сельские решетки

Контроль за сельской округой всегда оставался для городов одной из основных причин для беспокойства. Успех в привлечении поселенцев в рамках программы колонизации или рекультивации земель напрямую зависит от справедливого распределения сельскохозяйственных угодий. Решение этой задачи часто подразумевает создание крупномасштабных решеток разного типа. Две ортогональные системы, городская и сельская, вероятнее всего, будут строиться по схожим правилам, хоть и применяемым к территориям разного масштаба, и использовать одни и те же единицы измерения.

В Китае периода ранних династий такой единицей было *ли*, примерно равное греческому стадию (около 180 метров). Сельская решетка делила возделываемые поля на квадраты, по восемь семей в каждом. Квадрат фактически делился на девять частей, но феодал собирал в качестве налога урожай с одной девятой всей обрабатываемой земли. Какое отношение такая методика землеустройства имела к системе воинского призыва, неизвестно, но для этой цели поля объединялись в группы по 5, 25, 125 и так далее. В Японии система *дзори*, введенная в VII веке н.э. одновременно с установлением нового политического уклада, была призвана обеспечить справедливое распределение земель, пригодных для выращивания риса. Основное деление предполагало квадратные ячейки со стороной примерно в 800 метров. Такая ячейка была разделена на 36 равных квадратов, *цубо*, каждый из которых был дополнительно разрезан на 10 полос — это и были те скромные участки земли, которые государство на периодической основе предоставляло земледельцам. Очертания такой системы межевания порой все еще прослеживаются на юге Японии⁹⁴.

Рис. 131

Римская система межевания предполагала несколько методик, наиболее распространенной из которых была *центуриация*. Для начала намечались две осевые дороги, расположенные под прямым углом друг к другу, а затем параллельно им проводились полевые дорожки до тех пор, пока не образовывалась решетка, состоящая из квадратов или прямоугольников. Квадраты со стороной около 730 метров предположительно вмещали в себя сто мелких наделов — центурий (*centuriae*). Стандартной мерой длины при центуриации был акт (*actus*), который составлял порядка 37 метров.

В случае французских бастид чаще всего встречалась тройная система межевания. Поселенцы получали участок под застройку (*ayral*, 100–300 квадратных метров), сад и огород (*cazal*, 600–700 квадратных метров) и пахотные земли для полей и виноградников, называемые по мерам площади *арпан* (порядка четверти гектара на поселенца). Эти наделы формировали три концентрические зоны. Участки под застройку простирались до границ города или же до крепостных стен, если таковые существовали. Сады и огороды располагались

94 См. Hall J.W. Japan from Prehistory to Modern Times (1970).

в пределах стен или сразу за ними, а пахотные земли и пастбища даже не всегда непосредственно прилегали к городу.

Когда испанцы только высадились на берега американского континента, управление землеустройством осуществлялось на региональном уровне. Сферы влияния первых колониальных городов были необычайно велики. Территория Асунсьона простиралась на 500 километров во всех направлениях: весь нынешний Парагвай умещался на землях одного этого города. Самые крупные единицы межевания, *ситьо*, в основном представляли собой квадраты со стороной 10000 *вара*, то есть 8,5 километров. Город как таковой располагался в середине такого квадрата или около нее. Рядом с городом с одной или нескольких сторон находились *эхидос* — общинные земли, предназначенные для будущего расширения города. Далее шли сельскохозяйственные наделы, по большей части распределенные среди первопоселенцев, но частично зарезервированные для вновь прибывающих или сданные в аренду, чтобы приносить доход всему городу. Кроме того, предусматривались общинные пастбища и общинные леса. Каждый поселенец получал сельскохозяйственный надел за городом и участок под строительство жилого дома в городе. Земля не подлежала перепродаже. Здесь очевидно сходство с практиками древнегреческих колонистов на Сицилии. Следует также отметить, что схема межевания земли на сельскохозяйственные угодья — при помощи крупной решетки — делала возможным интеграцию более поздней городской застройки и первоначального ядра города, поскольку городская решетка могла упорядоченно расширяться, легко встраиваясь в более масштабную сельскую решетку. В Южной Америке улицы XIX века являются прямым продолжением линий первоначальной решетки и иногда (например в Буэнос-Айресе) растягиваются более чем на 15 километров. Только после Первой мировой войны тут стали появляться менее регулярные пригородные планировки.

Англичане в своих колониях в Северной Америке выработали собственный способ упорядочения городской и сельской местности. Саванна в штате Джорджия, если взять самый известный пример, задумывалась как часть регионального плана. За пределами города располагались сады (квадраты, разделенные пополам на треугольные участки), а еще дальше — более крупные фермерские наделы основных спонсоров всего проекта. В Новой Англии структура пахотных земель, равно как и городских, не стремилась к аккуратности решетки⁹⁵. Города были организованы как скопления домовладений вокруг главной площади или вдоль единственной улицы. В редких случаях мы

95 Городская земля межевалась и распределялась в зависимости от заслуг: размер каждого участка отражал относительную величину вклада, сделанного каждым поселенцем на начальном этапе колонизации, или же его личное богатство. Среди собственников возникла иерархическая система с делением на первопоселенцев и тех, кто прибыл позднее.

Рис. 132

видим компактные «вписанные в квадрат» города, такие как Кембридж в штате Массачусетс или Фэрфилд и Хартфорд в штате Коннектикут. На Юге землевладения были изолированы друг от друга, а поселения не имели четкой структуры. Затем, после 1785 года, возникла Национальная топографическая система, о которой уже шла речь выше (с. 153). «Городские округа» представляли собой квадраты 6×6 миль (то есть $9,7 \times 9,7$ километров). Каждый второй такой квадрат делился на «секции» площадью в одну квадратную милю (260 гектар), которые, в свою очередь, были разбиты на более удобные в обороте половины и четверти. Отдаленными предшественниками этой системы можно назвать и римскую центуриацию, и ситьо Новой Испании, и японскую дзори, и систему землеустройства, которая применялась голландскими инженерами на осушенных территориях — *польдерах*. Во всех этих примерах, однако, межевание осуществлялось с учетом топографии. Только Национальная топографическая система США ориентировалась исключительно на показания компаса.

Но само деление на квадратные городские округа, лежащее в основе Национальной системы, к концу XVIII века было уже достаточно привычно и в северных, и в южных колониях, так что Джефферсону было несложно найти подходящие примеры и прямо на родине. Уже в 1684 году Уильям Пенн писал: «Наши округа располагаются на квадратных участках земли с деревней, как правило, в самом центре». В основе плана «маркграфства Азилия», разработанного сэром Робертом Монтгомери в 1717 году для будущей колонии Джорджия, лежали квадраты площадью в 640 акров (260 гектаров). В центре такой ячейки располагался город, а по четырем углам — квадратные общинные пастбища; со всех сторон город был окружен квадратными плантациями той же площади. В Северной Каролине с самого начала было распространено межевание на участки площадью в те же 640 акров (то есть 1 квадратную милю). Во время своего похода на индейцев Огайо в 1765 году Анри Буке предложил организовать приграничные поселения, рассчитанные на 100 семей, следующим образом:

Квадратные участки миля на милю располагаются по берегу реки или ручья <...>, если будет найдено подходящее место. Такой квадрат содержит в себе 640 акров.

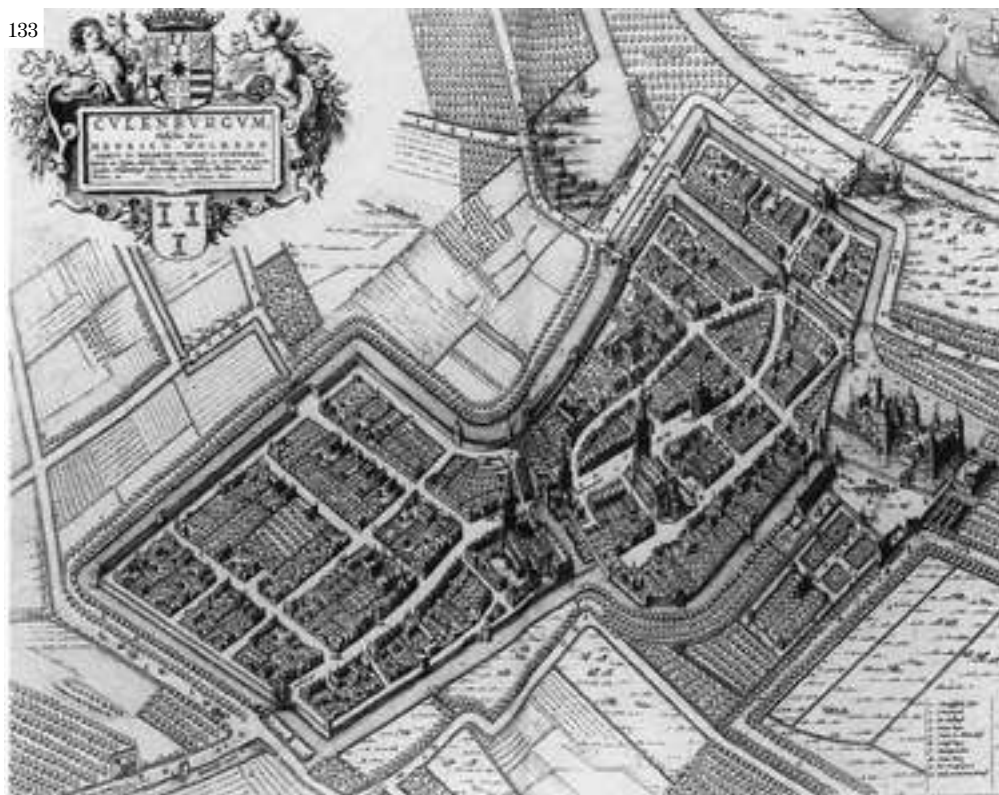
Из всей этой земли 40 акров (16 гектаров) отводилось под улицы и общинное использование, 50 акров (20 гектаров) — под строительство жилья, а оставшееся делилось на сто участков сельскохозяйственного назначения, по 5,5 акров (2,2 гектара) каждый.

Проведенное Джефферсоном межевание Америки с помощью решетки базировалось на понятии *фригольда*, под которым подразумевалось полноправное владение недвижимостью определенного размера, определенной стоимости или приносящей определенный облагаемый налогом доход. Его следовало отличать от *лизгольда*, который означал владение на праве долгосрочной аренды. Фригольдеры были наделены политическими правами. Они «входили во франшизу», то есть

Рис. 133. Вид с высоты птичьего полета на город Кулембург (Нидерланды), Ян Блау, 1648. Старый город, справа, представляет собой один из вариантов веретенообразной планировки (рис. 138).

Рис. 134. Турин (Италия) в конце XVII века: историческое ядро времен Римской империи (внизу справа в пределах укреплений) и последующие расширения на основе решетки.

133

134

могли занимать выборные должности и голосовать. Собственность на землю была ключевым фактором при получении прав гражданина и избирателя. В колониальный период пороговый размер фригольда составлял около 50 акров (20 гектаров). Джефферсон хотел, чтобы американцы получили более крупные наделы. К моменту введения Национальной системы больше половины из Тринадцати колоний уже отказались от буквально-го понимания фригольда, заменив его налоговым эквивалентом. Джефферсон, таким образом, проявлял себя как закоренелый консерватор, но его мечтой было с помощью системы земельной собственности сделать всех американцев (во всяком случае, белых мужчин) гражданами, наделенными правом голоса. В этом смысле решетка Национальной топографической системы воспринималась как своего рода эквивалент Конституции⁹⁶. В реальности крайне важным оказалось то, что Конституция США была все же принята, поскольку земельная демократия Джефферсона, как и большинство подобного рода экспериментов в истории, оказалась чрезвычайно недолговечной.

Расширения решетки

Само существование координированной системы межевания городских и сельских территорий не гарантирует упорядоченного распространения городской решетки на прилегающие земли. Как правило, ортогональные расширения подчинялись единому замыслу и оказывались рациональным образом связанными с ядром города только в том случае, когда городские власти обладали полномочиями определять направление развития всего прилегающего региона.

Пригородная решетка может присоединяться как к «органическому» городу, так и к существующей городской решетке. Некоторые бастиды представляли собой ортогональные расширения ранних городов-крепостей. Хороший пример тут — Кулембург в Голландии. Старое городское ядро возникло в начале XII века, сама крепость была построена в 1271 году, а расширение города на юго-восток (*Nieuwstad*) было произведено в период с 1385 по 1392 год. Его главная улица берет свое начало на рыночной площади старого города, проходит через южные ворота, пересекает обводный канал и продолжается в новом городе, соединяя два городских образования воедино.

Рис. 133

Это типичный прием стыковки как «органического» старого города и более поздней решетки, так и двух решеток разных периодов. Случайный набор примеров такого решения может включать Гавр, где главная ось исторического города продолжается в решетке *ville neuve*, и ренессансную Феррару с ее линейными связями между старым рынком и пьящей нового района, построенного по указанию Эрколе д'Эсте. Если расширение уличной решетки происходило после того, как исторический город обносился бастионными укреплениями, проблема сращения оказывалась более сложной. Возьмем случай Берлина и его

⁹⁶ Hurtt S. The American Continental Grid (1983).

Рис. 135–136. Амстердам, вид с высоты птичьего полета, К. Антонис, 1536; и схема уже построенных и планируемых новых районов города, 1663. С середины XIII века Амстердам рос как череда искусственных насыпей, идущих параллельно первоначальной дамбе, которая защищала деревню на реке Амстел от вод бухты Эй. Разорение Антверпена испанцами в 1570 году превратило Амстердам в основной порт региона и придало соответствующий импульс его росту. План расширения 1667 года предполагал четырехкратное увеличение площади города за счет прокладки уличных решеток на осушенных территориях.

136

Рис. 253 новых районов XVII и XVIII веков, Доротеенштадта и Фридрих-штадта: несмотря на мощную связку в виде бульвара Унтер-ден-Линден, две пригородные решетки не могли слиться с тканью средневекового города до тех пор, пока его укрепления не были снесены.

Рис. 151 Турин — это наиболее яркий образец города с изначально римской ортогональной планировкой, который научился без видимых трудностей прирастать новыми решетками. Избранный Савойской династией в качестве столицы Пьемонта, Турин присоединил к своему историческому ядру античных времен целых три новых района на основе решетки: группа из 12 кварталов за пределами крепостной стены на юге появилась в начале XVII века, расширение на восток до берега реки По началось в 1673 году, и, наконец, расширение на запад произошло в 1712-м. На этой последней стадии город приобрел почти совершенную овальную форму. Со своими многочисленными площадями он теперь напоминал идеальный город теоретиков Ренессанса. Кварталы новых решеток были значительно больше тех, что существовали в исторической части. Это отчасти объяснялось сформировавшимися к тому времени представлениями об идеальной городской резиденции — большом, сбалансированном по массам палаццо, наилучшим образом отражающем статус новой городской знати (чиновников и им подобных). Другим фактором было желание дать монастырям, которые к тому моменту приняли на себя бремя государственных обязанностей в вопросах благотворительности и образования, возможность застроить часть переданных им просторных кварталов предназначенной для сдачи в аренду недвижимости. Стремление создать торговую улицу привело к несколько иной планировке кварталов вдоль улицы Порта-Нуова, где первая из новых решеток образовывала ячейки 120 на 85 метров: узкие фасады с маленькими лавками на первом этаже и жильем над ними; переулки, разрезающие кварталы вдоль, чтобы обеспечить поставщикам доступ к задней части каждой лавки; небольшие склады или места хранения товаров во внутренних дворах. Соединение улиц не было механическим: некоторые линии римской решетки продолжались в новых районах, в то время как другие обрубались ввиду того, что один квартал новой решетки равнялся по ширине двум в старой части.

Рис. 135–136 Особый случай — Амстердам. Этот великий северный порт, которому всегда удавалось держать свою форму под удивительно строгим общественным контролем, позаимствовал всё самое лучшее как от «органической» системы, так и от решетки, обеспечив себе тем самым продуманное развитие в долгосрочной перспективе. Генеральный план, разработанный в 1607 году, предполагал четырехкратное увеличение территории города. Как уже упоминалось в предыдущем разделе, рост Амстердама начался в XIII веке с появлением защитной дамбы вдоль южного берега бухты Эй, а потом и плотины поперек небольшой речки Амстел. С конца XIV и до середины XV веков были построены каналы, идущие параллельно Амстелу к западу и востоку от центра. Они сходились в южной части города, причем жилые дома располагались как вдоль них, так и вдоль

Рис. 137. «Вид с высоты птичьего полета на город Атланта, столицу Джорджии», литография А. Раджера, 1871. Атланта, подобно многим другим американским городам XIX века, росла как неупорядоченное лоскутное одеяло решеток, заложенных независимыми частными застройщиками.

самой реки. План 1607 года просто трижды повторял очертания ограничивающих город водных путей, предусматривая сооружение на пустующих землях трех новых подковообразных каналов. Первый из них — Херенграхт — был прорыт на месте крепостной стены еще в 1593-м, а два других прошли параллельно ему. Каждый из каналов служил новой границей города на соответствующем этапе его постепенного расширения. Таким образом, у города имелся всеобъемлющий план роста с возможностью поэтапного осуществления и изначально закрепленными правилами землепользования. Улицы на получившихся узких полосах суши прокладывались в виде решетки, однако из-за изогнутости каналов значительная часть кварталов имела трапециевидную форму. Очертания трех каналов определили городские власти, но застройка между ними и новыми внешними стенами была отдана на откуп частной инициативе. В западной части новых территорий был заложен Йордан — рабочий район с жильем, кожевенными производствами, красильнями, мануфактурами по производству шерсти и бархата. Его уличная решетка, проложенная поверх существовавших дорог и ирригационных канав, выходила под углом к новым каналам.

Рис. 137

В отсутствие сильной централизованной власти, как в Турине, Амстердаме или немецких муниципалитетах Нового времени, основанное на ортогональной планировке расширение города приводит к распаду решетки на отдельные фрагменты, которые сталкиваются на прежних межевых границах сельскохозяйственных угодий. Именно такая модель городского роста характерна для американских городов — а вовсе не однородная уличная решетка Манхэттена с генерального плана 1811 года. Впечатление, будто «решетка способна бесконечно расширяться», в большинстве случаев возникает за счет упорядочения этого лоскутного одеяла суперрешеткой сквозных магистралей, созданной транспортными инженерами уже в автомобильную эпоху.

Закрытая решетка: рамка, акцент и открытые пространства

Открытые решетки с их свободнорыночным, неконтролируемым подходом к городскому планированию не могут стать воплощением целостного замысла. Чтобы обрести формальную структуру, город должен иметь пределы, определенные в момент его основания.

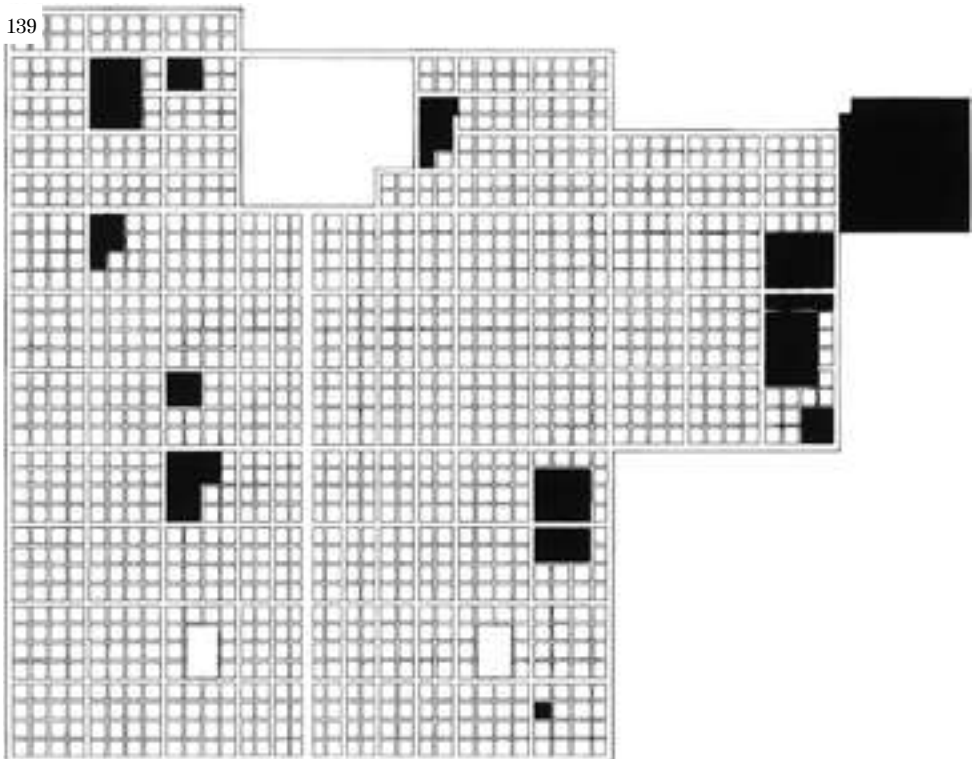
Рамка стен

Городские стены — самый очевидный, но не единственный способ ограничить территорию. В свою очередь, городские стены могут быть либо интегрированы с уличной решеткой, либо нет. Причина понятна: перед стенами и решеткой стоят

Рис. 138. Типичный новый город Средневековья с веретенообразным планом.

Рис. 139. План основанного в 710 году города Хэйдзэ-кё (часть нынешней Нары, Япония) восходит к образцу китайской императорской столицы Чанъань. На размеры и пропорции кварталов также могла повлиять существовавшая тут ранее решетка межевых границ сельскохозяйственных угодий. Белая область сверху – дворцовый комплекс, черным показаны территории храмов.

совершенно разные задачи. Стены как базовый элемент системы обороны должны выстоять при нападении — и это перво-степенный аспект при их проектировании. Решетка внутри организует городскую жизнь — расположение домов и их связь с рыночной площадью, распределение административных зданий и открытых пространств. На пересеченной местности стены стремятся максимально воспользоваться преимуществами топографии для защиты города. В таких случаях они будут взбираться и спускаться туда, куда решетка не должна или не сможет следовать за ними.

Рис. 109, 120

Именно так обстояло дело в таких античных городах, как Неаполис, Приена, Коза и Альба-Фученс, чьи упорядоченные уличные решетки должны были каким-то образом приспособляться к своему нерегулярному ограждению. Главной задачей при этом было обеспечение доступа к городским воротам. Если согласование было возможно без ущерба для обороны, какие-то из улиц просто продолжали по прямой, пока они не доходили до ворот. В противном случае улицы шли к воротам более кружным путем либо обрывались, не доводя до стен и заставляя жителей на определенных направлениях пересекать нейтральную полосу не охваченной городским планом земли. В большинстве новых городов Средневековья стены, где они существовали, тесно прилегали к застроенной зоне; это делалось, чтобы сократить и так разорительные траты на строительство оборонительных сооружений. Градоформа сосредотачивалась в рационально спроектированном центре вокруг главной площади и доходила до стен в виде кварталов неправильной формы, такой чтобы соответствовать очертаниям огороженного пространства.

Рис. 133

Порой улицы, параллельные главной оси, плавно изгибались с двух концов и вливались в нее у ворот. Так складывался веретенообразный план, названный так из-за сходства с пря-

Рис. 138

дильным веретеном. Смысл подобного плана заключался в том, чтобы уменьшить количество точек доступа в город. Типичные случаи такого решения — старые города в немецких Брауншвейге и Хамме. Редкий пример в Италии — тосканский Монтеварки, перестроенный графами-палатинами Гвиди в первой половине XIII века.

Рис. 164

Когда город располагался в равнинной местности и оборонные сооружения, таким образом, должны были целиком создаваться людьми, возникали условия для городской планировки, в которой стены сплетались с уличной решеткой. Поскольку у создателей стоящего в поле армейского лагеря часто не было другого выбора, кроме как изобретать для себя искусственную среду, многие из лучших решений окруженной стенами решетки принадлежат военным инженерам. Одним из таких решений был римский *каструм* — квадратная крепость, стандартизованная к эпохе поздней Римской республики в каждой своей детали. Что бы ни было известно на тот момент о принципах ортогонального проектирования городов, *каструм* задал свой собственный стандарт — и тогда настала очередь градостроителей применять его в своей деятельности.

В римском лагере имелись две идущие под прямым углом главные улицы, *via principalis* и *via quintana*. Стены

Рис. 110

были тщательно согласованы с этими важнейшими улицами посредством расположения ворот. Отдельные части лагеря — шеренги длинных казарм для солдат, узкий ряд помещений для трибунов — обуславливали неравномерную ширину кварталов. Подобная ритмика улиц затем перекочевала в города, которые непосредственно выросли из лагерей, как уже упомянутые примеры в Британии, или в такие города как, Аоста и Тимгад, которые копировали планировку римского лагеря.

Успех таких согласованных городских систем зависит от гибкости уличной решетки. И если у решетки есть свои планировочные задачи, конфликты неизбежны. В новых флорентийских городах одна из таких трудностей заключалась в меняющихся межуличных интервалах. В Сан-Джованни, самом раннем из новых городов, башни стен располагались в соответствии с планом улиц: каждая улица заканчивалась башней. Но верные расстояния между башнями и улицами определяются совершенно разными соображениями. Частота улиц связана с размером участков и глубиной кварталов, поэтому она была переменной. Башни располагаются с учетом дальнобойности имеющегося оружия и их одинаковой доступности на всех участках стен, то есть расстояние между ними в идеале должно оставаться неизменным. В Сан-Джованни расположение башен оказалось неоптимальным из-за меняющегося расстояния между улицами, и поэтому в более поздних проектах было решено отказаться от такого координирования башен и улиц.

Рис. 5

Рис. 145

Рис. 159

С появлением в XVI веке бастионной системы как реакции на развитие артиллерии независимость городской стены от уличной решетки стала неизбежностью. Самой эффективной формой бастиона был многоугольник — любая попытка совместить такое решение с ортогональной уличной решеткой была заведомо бесплодной. По меньшей мере это приводило к появлению прилегающих к внутреннему периметру стен кварталов странной формы, как у Катанео и Скамоцци или же в имитирующих их проектах городах вроде Аволы. Геометрией бастионных укреплений скорее предопределялась радиальная кольцевая уличная система, которая, однако, имела свои недостатки в качестве схемы, организующей повседневную жизнь горожан. Уличная решетка и бастионы сосуществовали, не сочетаясь друг с другом. И при чрезвычайном разрастании бастионной оборонительной системы в XVII столетии масштаб периферии окончательно подавил защищаемую решетку и еще сильнее обусловил ее изолированность.

Ритмика улиц

Независимо от того, ограничена ли она оборонительными сооружениями или же установленными по общему согласию естественными барьерами, такими как возделываемые поля или общинные пастбища, закрытая решетка в значительной мере складывается сама собой. В распоряжении проектировщика остается лишь несколько параметров: ритмическое расположение улиц, создание четко определенного центра и распределение открытых пространств.

Ритмику улиц можно задавать разными способами. Проектировщик может варьировать ширину улиц или интервал между ними. В планировке со многими разноуровневыми решетками у переплетения главных улиц и переулков может возникать своя собственная ритмика, а изменение размера кварталов напрямую влияет на расстояние между улицами. В городах, которые строились американскими железнодорожными компаниями, Мэйн-стрит, главная торговая улица, имела максимальную ширину (обычно 100 футов или 30 метров), дальше шли важнейшие поперечные улицы (80 футов, или 25 метров), а уют жилых кварталов поддерживался улицами не шире 60 футов (18 метров). Символизм иного рода был заложен в распределении улиц по ширине в решетках китайских императорских столиц вроде Чанъаня, а также их японских имитаций. Лучшее всего его можно проследить в планировке Хэйдзэ-кё, относящейся к периоду около 710 года. Основная ось, идущая с юга на север от городских стен к главным воротам дворцового комплекса, была самой широкой улицей во всем городе и симметрично делила его на западную и восточную части. Близкими по ширине были улицы, определявшие дворцовый район (который в широком своем понимании занимал всю северную часть города) и организовывавшие ряды привилегированных жилых кварталов для придворных, расположенные по обе стороны от главной оси. Самая распространенная ширина предназначалась для обычных жилых улиц, которые были неизменно обсажены ивами. Ниже всего в уличной иерархии находились проулки, разделявшие каждый квартал на 16 малых ячеек.

Рис. 139

Но, конечно же, улицы могут задавать ритмику и сами по себе, как в случае Сучжоу, перестроенного во времена империи Сун. В этой и других китайских решетках Т-образные пересечения были предназначены для противодействия злым духам. Зло иной природы — пытающихся вторгнуться в город врагов — тоже можно было предположительно задержать подобным образом.

Рис. 103

Т-образные перекрестки встречаются и на Западе. В средневековой бастиде Бомон, к примеру, большинство идущих с запада на восток улиц на каком-то этапе прерывались. Причина этого неясна, но в других бастидях, например в Ламонжуа и Сен-Клар, целью, видимо, было создание замкнутых круговых маршрутов, которые сократили бы общее число улиц без ущерба для симметрии и геометрической эстетики плана. Такие приемы, возможно, предназначавшиеся для смягчения свойственного решетке однообразия, использовались и в плане Филадельфии Уильяма Пенна (например, в районе Риттенхаус-сквер). Современные градостроители любят Т-образные перекрестки за низкий риск лобовых столкновений автомобилей и за открывающиеся благодаря им перспективы на интересные или важные здания.

Рис. 140, ил. XVII

Однако наиболее возмутительный и интригующий образец такого решения — город Саббьонета, который возник в 1550-е годы, когда скромное поселение вокруг *рокки*, фамильной крепости Веспасиано Гонзаги, начало перестраиваться по проекту Доменико Джунти. Несколько годами

Рис. 140. Город Саббьонета (Италия), сооруженный в 1550-е годы. Укрепления – стены и пространство вокруг рокки к югу – показаны черным; сама рокка, с тех пор снесенная, – серым. Здания, имеющие отношение к герцогской фамилии, показаны более темным оттенком серого, чем остальная застройка.

Рис. 141. План города с «крестом улиц» и рынком на перекрестке.

Рис. 142. План города с «прямоугольной площадью» в центре.

Рис. 143. План города с широкой рыночной улицей.

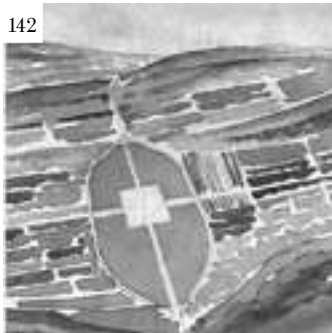
140

141

142

143

ранее, в 1549 году, другой Гонзага нанял Джунти для перепланировки города Гвасталла. Оба города представляют собой цитадели с мощными укреплениями, роккой, двумя воротами и весьма необычной решеткой улиц. Ворота связаны самой длинной и прямой улицей плана, однако в обоих концах она дважды поворачивает под прямым углом; и в Саббьонете, и в Гвасталле важная поперечная улица оказывается тупиковой с обеих сторон; и так далее.

Нет никаких сомнений, что эта странная планировка была создана в Саббьонете намеренно. Это доказывается множеством дошедших до нас оригинальных угловых камней, которые использовались для разметки улиц. Но с какой целью это было сделано? Возможно, такой план был попыткой географически разнести некоторые городские функции: частную жизнь герцога, его публичную деятельность, районы жилья и экономической активности, а также центр, где сходились все три сферы. Именно такое объяснение дает Курт Форстер; он, однако, также утверждает, что в конечном итоге план Саббьонеты должен толковаться как маньеристское прочтение решетки. Стандартная историко-культурная интерпретация маньеризма такова: это иконоборческий стиль, создающий напряжение за счет подрыва канонов Высокого Возрождения. Подобно тому как художники-маньеристы непропорционально удлинляли человеческие фигуры, перекашивали ренессансную перспективу в свои диагонали и создавали тревожный дисбаланс в композиции, Веспасиано Гонзага и его архитектор решили заняться маньеристской игрой в области градостроительства, заложив решетку с целью ее разрушить. Форстер отмечает, что лабиринт был эмблемой рода Гонзага и, возможно, Веспасиано захотел отразить это в городской ткани⁹⁷.

Самый действенный способ выделить центральную точку в ортогональной городской форме — это провести две перпендикулярные оси, с юга на север и с запада на восток, отметив место их пересечения площадью. Именно это отличает греческую решетку от римской. Последняя, как правило, оказывается более централизованной, причем обычно это достигается с помощью скрещивающихся осей, на пересечении которых или около него формируется городской центр с форумом и другими общественными сооружениями. Идеально симметричная реализация такой планировки встречается редко (например в Тимгаде). Куда чаще пересечение находится не в геометрическом центре или же одна или обе оси обрываются около форума или разделяются им на две части (например в Силчестере, Трире и Пестуме). В современной литературе эти главные улицы называются *кардо* (север–юг) и *декуманус* (запад–восток), но для таких терминов нет достоверного античного подтверждения. В древности они использовались для обозначения осей центуриации (системы межевания сельскохозяйственных земель). Только когда *cardo maximus* и *decumanus maximus* решетки центуриации — направление которых часто определялось

97 См. Forster K.W. From 'Rocca' to 'Civitas'.

топографическими особенностями вроде русла реки или другими элементами рельефа — точно совпадали с главными улицами города, названия «кардо» и декуманус могли быть применены и к этим улицам. Но так бывало не всегда. В римской Флоренции, к примеру, линии городской решетки, ориентированные по сторонам света, не совпадали с осями центуриации.

Ил. XX

В восточных провинциях Римской империи акцент достигался с помощью единственной оси, обычно выделенной портиками, которые тянулись вдоль всей ее длины. Такое решение мы видим в Термессосе, Перге, Сиде, Пальмире и Дамаске. В Селевкии на Тигре такая главная улица, которая одновременно была еще и каналом, оканчивалась в южном конце площадью. Полностью окаймленные колоннадами улицы появились не раньше правления Августа. В Антиохии такая улица отмечала границу эллинистического города. Порой идею украшения главной улицы колоннадами приписывают Ироду Великому.

Рис. 141

Римское средокрестие сохранилось в плане некоторых средневековых городов, таких как Честер, в перпендикулярных осях которого в XII веке монах Люциан разглядел (предсказуемо) символ распятия⁹⁸. Средневековая версия этого решения независимо появляется в большинстве новых городов того времени, исключая города с элементарной линейной решеткой. Но внутри этого подтипа одним из важных вариантов оказывается так называемый крест улиц (*Strassenkreuz*), когда две торговые улицы перекрещиваются в центре города. Филлинген и Ротвайль, заложенные в 1120-е годы и обычно связываемые с герцогами Церингенами, могли бы считаться прекрасными ранними примерами такого решения, но на самом деле их планировка может быть результатом перестройки следующего столетия, когда после прекращения рода Церингенов в 1218 году оба города отошли к императору Фридриху II Гогенштауфену. На самом деле «крест улиц» редко встречался в XII веке, намного чаще — уже в следующем столетии. Примерами могут служить города Швабии, вероятно, распланированные под влиянием градостроителей Фридриха II, — скажем, основанный Рудольфом фон Юзенбергом в 1249 году Кенцинген, где две пересекающиеся оси имели принципиально разную ширину (короткая была более широкой), — и города, заложенные баварскими герцогами из династии Виттельсбах, которые породнились с Гогенштауфенами: Ландау-на-Изаре (основан в 1224-м), Кельхайм (около 1231 года), Деггендорф (вскоре после 1242-го) и Нойштадт-на-Дунае (1260-е годы).

Распределение площадей

Рис. 142

Настоящая площадь появилась на таком перекрестке уже в Австрии, в городах с планом, известным как «прямоугольная площадь» (*Rechteckplatz*). Эта рыночная площадь иногда оказывалась вытянутой в направлении, перпендикулярном

⁹⁸ См. *Platt C. The English Medieval Town* (1976).

- Рис. 143 главной улице линейной решетки; два подобных примера — Радштадт в бывшем герцогстве Каринтия и Венцоне, теперь находящийся на территории Италии. Преимущество в таком случае заключено в том, что площадь может расти вместе с остальным городом. Этот тип планировки позже распространится в Тоскану и напомнит о себе в новых флорентийских городах XIV века. В Италии, однако, свою роль могло сыграть и римское наследие. Возможным прототипом поперечной площади в Павии, возникшей в ходе перестройки города в конце XIV века, была веронская площадь Эрбе — наследница прямоугольного римского форума на первоначальном плане города.
- Рис. 4
- Рис. 111 Что касается французских, английских и испанских бастид, центральная рыночная площадь могла там соотноситься с решеткой двумя различными способами. Иногда она занимала один квартал в средней части решетки, и тогда вход на нее осуществлялся из углов по четырем улицам, очерчивающим этот квартал. Реже рынок находился именно на перекрестке, и тогда люди попадали на него по основным осям, а его территория вторгалась глухими углами в четыре квартала. Оба описанных варианта использовались не только в Средние века. «Законы Индий», например, предписывали, чтобы улицы подходили к центральной площади и в середине каждой стороны, и по углам, хотя этой сложной формуле редко следовали на практике.
- Рис. 124
- Рис. 116 В столицах округов на Среднем Западе и Юге Соединенных Штатов встречалось четыре разных вида центральной площади со зданием суда посреди нее: квартальная площадь — улицы проходят по сторонам площади; харрисонбургская площадь — с двумя дополнительными улицами, отходящими от середины двух противоположных сторон; филадельфийская площадь — с осевым расположением улиц и глухими углами; и, наконец, четырехквартальная площадь — как следует из названия, она занимала четыре квартала уличной решетки и таким образом соответствовала указаниям «Законов Индий»⁹⁹.
- Рис. 144
- Рис. 5 Проекты городов в трактатах Катанео и Скамоцци способствовали популяризации полицентрической решетки. Заключенная в многоугольную оправу бастионов решетка оказывается тут проколотой целой серией площадей — главной площадью в середине и кольцом симметрично расположенных второстепенных площадей разных размеров. Именно соотношение этих площадей, а не сама по себе решетка, придает целостность такой планировке. Размер и форма кварталов варьируются тут в зависимости от расположения главной и второстепенных площадей.

Идеальные решетки Катанео и Скамоцци были использованы в реальных проектах, среди которых Шарлевиль к северо-западу от Реймса (построен в 1608–1620 годах), Филадельфия Уильяма Пенна, новые города Сицилии, такие как Авола и Ното, города XVIII века, подобные Версуа и Каружу во Франции, а в более дальних краях — португальский Даман

99 Price E.T. The Central Courthouse Square in the American County Seat (1968).

Рис. 145

на побережье Индии. Авола может служить образцовым примером. После сильного землетрясения 1693 года она была спроектирована сицилийским архитектором Фра Анжело Италия, очевидно сверявшимся с работой Катанео. Город имеет шестиугольный ортогональный план — такое решение вполне соответствовало фортификационной теории того времени, доказательством чему являются Неф-Бризах (1698) и Мон-Дофен (1692–1693) Вобана. Пять площадей организованы в форме креста, с главной площадью на средокрестии и остальными на концах перекладин. Симметрия усилена ритмом шести церковных приходов, расположение которых в городе попарно сбалансировано относительно одной из главных осей¹⁰⁰.

Рис. 146

Во всех этих идеальных решетках — и в предложенных, и в реализованных — главная площадь в центре была ключевым элементом композиции и социальной структуры города. Сказомочи уточняет, что дворец правителя должен быть расположен на видном месте на этой площади, так же как и главный храм города, а вспомогательные площади были предназначены для размещения рынков. Хотя в постренессансную эпоху появились решетки, которые пытались нащупать альтернативу такой каноничной центральности. В Ришелье, прямоугольном городе, окруженном традиционными каменными стенами, Гран-Рю, ориентированная в направлении с севера на юг вдоль длинной стороны прямоугольника, соединяет две квадратных площади одинакового размера на ее концах. Северная из них имеет чисто жилой характер, тогда как южная представляет собой настоящий центр города с церковью и крытым рынком, смотрящими друг на друга с разных ее сторон. Также здесь находится мэрия, но не резиденция правителя — дворец кардинала стоял в парке, начинающемся сразу за южными воротами города¹⁰¹.

Рис. 104

В первоначальном проекте Саванны с ее муниципальными округами вокруг шести отдельных площадей может тоже привидеться влияние Катанео, но одинаковый размер площадей и их расположение в два ряда сводят на нет идеи центральности и иерархии, которые были визитной карточкой итальянца. Источники такого изящного решения не ясны. Существовал по крайней мере один план реконструкции Лондона после пожара 1666 года — работы уже упомянутого Ричарда Ньюкорта, — который предусматривал пять площадей в духе Катанео и округа-кварталы со своими собственными внутренними площадями на пересечении проулков. Но этот мало кому известный план так и остался непроработанным эскизом. Более близкий во времени и пространстве образец — часто упоминаемый в этой связи план Филадельфии Уильяма Пенна, — на мой взгляд, имеет с планировкой Саванны весьма мало общего.

Рис. 147

Как двухмерный план Филадельфия, очевидно, принадлежит к традиции Катанео. Но у нее есть особенности, которые трудно заметить на таком плане. Ширина двух ее главных улиц,

¹⁰⁰ См. *Tobriner S. Angelo Italia and the Post-Earthquake Reconstruction of Avola* (1985).

¹⁰¹ См. *Boudon P. La Ville de Richelieu* (1972).

Рис. 146. Ришелье (Франция), спроектированный Жаком Лемерсье в 1628 году для кардинала Ришелье. Согласованный проект города, дворца и парка представлял собой воплощение мечты градостроителя эпохи Ренессанса. Дворец, занимавший квадратный участок земли у левого края фотографии, был снесен в 1820-е годы.

146

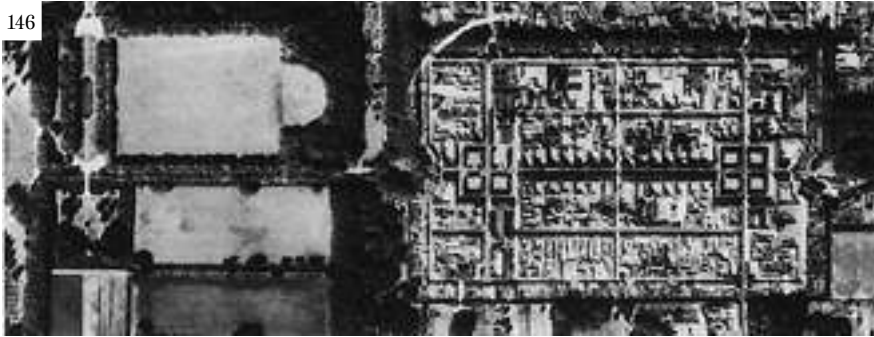
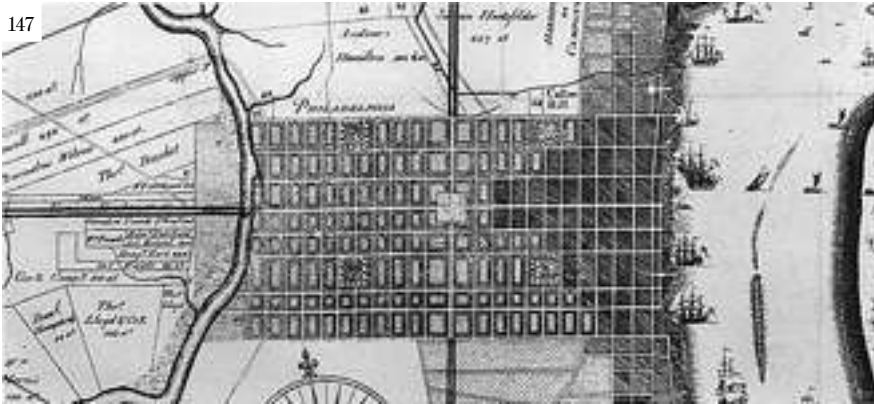

Рис. 147. Филадельфия (штат Пенсильвания, США), план работы Джона Рида, 1774. Заложенная Уильямом Пенном в 1683 году, Филадельфия стала первым крупным американским городом с планировкой на основе решетки.

147

148

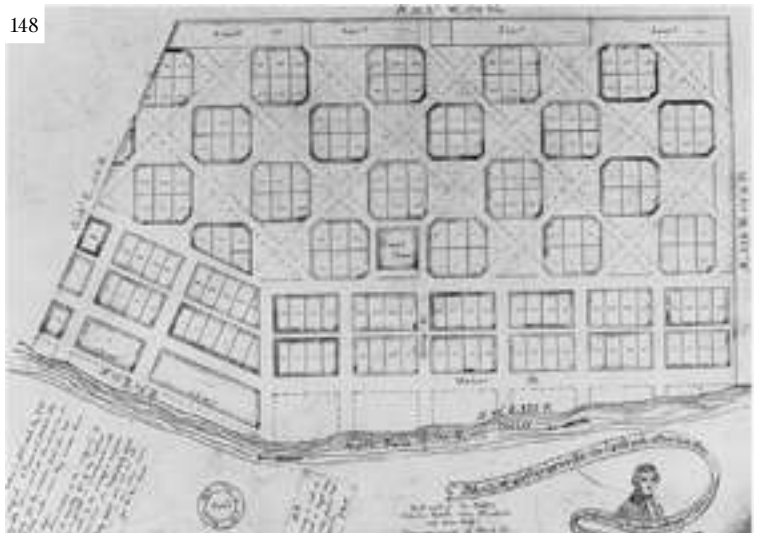

Рис. 148. План Джефферсонвилла (штат Индиана, США), рисунок Дж. Рэя, 1802.

пересекающихся в самом центре на городской площади, составляла 100 футов (30 метров), а все остальные были в половину уже — поразительный размах для той эпохи. Четыре меньших по размеру площади были задуманы как общественные парки. Да и сами просторные жилые кварталы должны были застраиваться с идиллически низкой плотностью. Меморандум Пенна 1681 года содержал, к примеру, такие градостроительные указания:

Пусть каждый дом будет стоять <...> в середине своего участка относительно его широкой стороны, чтобы с обеих сторон оставалась земля для сада, огорода или лужайки и чтобы это был зеленый тихий город, который никогда не сгорит в пожаре и в котором всегда будет царить здоровье.

На самом деле в планировке Пенна практически не нашлось места общественной сфере: к примеру, единственной отсылкой к торговле служит там туманное указание на «места для складов». Там также нет четкого городского центра — ничего, подобного сфокусированности городков Новой Англии на пуританском молитвенном доме. Важно помнить, что Пенн был квакером, а квакерские общины не имели профессионального духовенства и фиксированных мест отправления культа. В итоге Филадельфия Пенна больше походила на строившиеся в XVII веке спланированные лондонские предместья — не столько город, сколько спальный район. Как только это уютное квакерское поселение вышло из-под полного контроля единственного собственника, планировку пришлось приспособлять к новым условиям, учитывая и иные культурные ценности, помимо ценностей Пенна и его единомышленников. Территория общественных парков начала сокращаться, а плотность застройки кварталов резко возросла.

Рис. 148

Позднюю попытку сбалансировать решетку открытыми общественными пространствами в духе Саванны мы видим в Джефферсонвилле на реке Огайо, штат Индиана. Планировка, основанная на решении, предложенном Томасом Джефферсоном около 1800 года, подразумевала чередование зеленых площадей и разделенных на участки кварталов. Основным мотивом Джефферсона было предотвращение эпидемий желтой лихорадки, бывших в то время очень серьезной проблемой. Диагональные улицы, пронизывающие открытые пространства, были добавлены непосредственным проектировщиком города, неким Джоном Гуотми; таким образом он, вероятно, откликнулся на проект Вашингтона работы Ланфана и тем самым в определенном смысле воспроизвел спор Джефферсона и Ланфана по поводу формы того города. Эта диковинная амальгама привела к возникновению двух наложенных одна на другую решеток: решетки городских кварталов и повернутой на 45 градусов относительно нее решетки улиц. (Похожий гибрид, но уже без площадей, снова возникнет в конце XIX века в первоначальных планах двух крупных южноамериканских городов — аргентинской Ла-Платы и бразильского Белу-Оризонти.) Спустя пятнадцать лет после строительства Джефферсонвилл уже был перепроектирован в привычную решетку. Несколькими

Рис. 208

годами позже изящная система Джефферсона была снова использована в Джексоне, новой столице штата Миссисипи, но и там со временем площади были застроены.

Организация кварталов

Будучи элементарной единицей ортогонального проектирования, квартал вместе с его трехмерной структурой придает каждой городской решетке ее уникальный характер. Исторически общепринятая терминология для описания кварталов была связана с островами — латинский *insulae*, французский *îlots* и так далее. В Солсбери (графство Уилтшир, Англия) они впервые были названы «клетками», из чего можно сделать вывод, «что аналогия с шахматной доской не осталась незамеченной составителями его проекта»¹⁰².

На простейшем количественном уровне важными характеристиками квартала выступают его размер и плотность застройки. И то, и другое меняется со временем. Чем больше размеры квартала в первоначальной решетке, тем выше шансы, что он будет поделен на части новыми «сквозными» улицами; чем больше свободного пространства остается внутри квартала, тем вероятнее переход к застройке с более высокой плотностью в случае роста населения. Распределение жителей изначально было неравномерным в зависимости от экономической ценности участков, определяемой структурой землепользования. Стороны средневековой торговой площади и прилегающие к ней улицы, а также набережные в таких портах, как Любек, были более плотно заняты узкими участками, нежели кварталы, которые не были задействованы в торговле. В США многие городские решетки предусматривали более высокую плотность участков вдоль железных дорог, около пристаней и по периметру центральных площадей со зданием суда.

Размер и форма кварталов были, конечно, напрямую связаны с количеством и формой участков, на которые такие кварталы были разбиты. Вытянутые кварталы-полосы греческих решеток вмещали от четырех до десяти стоящих впритык домов. В Олинфе единообразные кварталы, каждый размером 37 на 90 метров, были продольно разделены проулками. В Приене кварталы размером 37 на 49 метров делились на 4 или 8 участков. Такие более близкие к квадрату пропорции напоминают ситуацию в поздней Римской империи, где, однако, кварталы были значительно крупнее. Во Флоренции, например, размер кварталов составлял 60 на 80 метров, в Аосте — 70 на 80 метров, а в Винчестере — по 135 метров с каждой стороны. Для размещения форума, размеры которого были разными, в его окрестностях часто происходили изменения в ритмике и размерах кварталов. Римские кварталы имели довольно мало ограничений по типу использования: они могли быть заняты исключительно торговыми лавками, или многоэтажным жильем (как в Остии), или домами на одну семью с атриумом и лавкой

Рис. 120

Рис. 110

¹⁰² Beresford M. *New Towns of the Middle Ages* (1967).

на первом этаже. Но поскольку в большинстве случаев характер застройки квартала определялся одноэтажными или двухэтажными жилыми домами со внутренними дворами, приблизительно квадратные пропорции были удобны. Высокие, узкие, обращенные фасадом к улице и стоящие сплошной шеренгой дома Средневековья в подобные кварталы вписывались плохо. Там, где в основе планировки средневекового города лежала римская решетка, изначальные кварталы часто соединялись попарно и продольно делились на узкие полосы.

Рис. 60, 111

Переход от деления на кварталы в виде квадратов или широких прямоугольников к вытянутым полосам также имеет чисто средневековую, не зависящую от античного наследия историю, которая была важной составляющей процесса формирования торговых и ремесленных городов позднего Средневековья. К концу XII века трансформация городской экономики из аграрной в торговую была в полном разгаре от Фландрии и Северной Германии до Сицилии Гогенштауфенов. Детали этого процесса отлично задокументированы в случае Берна, основанного герцогами Церингенами. Типичным для всех городов Церингенов было предварительное разделение их территории на определенное количество «дворов» (*areae*), выделенных приближенным основателя. Каждому из приближенных доставался один двор, который позже должен был быть разбит на несколько домовых участков (*casalia*). Размеры дворов менялись: стандартное соотношение их сторон составляло 2:1 или 3:5, причем длинная сторона шла параллельно улице. Количество участков на одном дворе также варьировалось — 3, 5 или 7. На ранних этапах разделение города на дворы имело определенный юридический и налоговый смысл. В пределах двора дома стояли с отступом от улицы, которая, таким образом, не была четко ограничена. Эта, по сути, сельская система постепенно исчезала начиная с середины XII века: формирование вытянутых вглубь участков превратило городскую планировку в более подходящую для торговли, а сельское хозяйство было отнесено на второй план. Пропорции таких участков часто были довольно радикальными: 4 на 46 метров в Базеле, 7 на 52 метра в Берне и 7 на 65 метров в Женеве. Высокие узкие дома, вынесенные на красную линию, полностью изменили характер улиц.

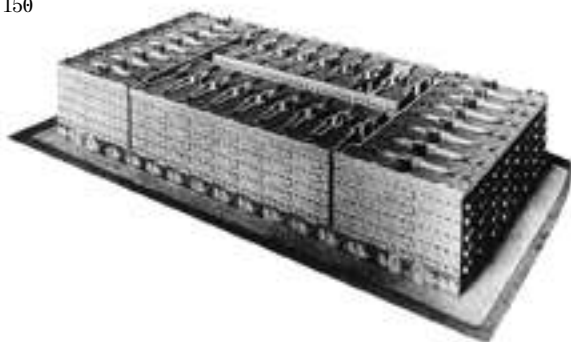
Ил. XVIII

В новых городах или же в расширениях позднего Средневековья, с самого начала предназначавшихся для торговой функции, длинные узкие кварталы включали в себя плотные шеренги глубоких участков, обращенных к улице узкой фасадной стороной. Эти так называемые бургажные держания заставляют прочувствовать подлинный смысл размеров кварталов и участков — а именно то, что они изначально определяются типом застройки и предполагаемым видом использования территории. Итальянские географы ввели термин *tipo portante*, «ведущий тип», для обозначения этой основной формы элемента городской структуры при прокладке решетки на не освоенной прежде территории. В случае бургажных держаний фасад здания совпадал с красной линией улицы, а задняя часть участка представляла собой огород или скотный двор; хозяйственные постройки могли стоять по сторонам этого открытого пространства или

Рис. 149. Лоскутное одеяло уличных решеток плотной «подзаконной» застройки второй половины XIX века окружает ратушу (слева внизу) и центральную площадь Мидлсбро (Англия). Взрывной рост города начался после открытия в этом районе в 1850 году месторождений железной руды. Двадцать лет спустя газеты называли его «новорожденным Гераклом».

Рис. 150. Макет гипотетического нью-йоркского квартала, с максимальной разрешенной плотностью застроенного «домами-гантелями», 1900.

150

149

вдоль короткой задней стороны. В результате одна и та же улица могла бы быть с одной стороны застроена домами, а с другой — сараями. В «двойных» кварталах два ряда домов выходили фасадами на две улицы, а хозяйственные постройки оказывались вынесены в центр квартала, где с ними иногда граничил срединный проулок, часто всего лишь тропа. Нередко шеренга бургажных держаний с течением времени превращалась в двойной квартал за счет урезания огородов и сооружения на задней половине участков новых домов.

Удлиненный участок, обращенный к улице узкой своей стороной, — характерная примета того периода, когда сельскохозяйственная деятельность была неотъемлемой составляющей городской жизни — встречается и в поселениях XIX века. В польской Лодзи, — городе, выросшем вокруг государственной текстильной мануфактуры, — в середине 1820-х годов был заложен район льнопрядильщиков с решеткой продолговатых участков примерно 20 метров в ширину и 300 метров в глубину, чтобы жители могли сами выращивать лен. Примерно в то же время голландские первопроходцы (*voortrekkers*) завезли такую структуру межевания в Южную Африку. В их сельскохозяйственных поселениях с ортогональной планировкой в передней части глубокого участка строился отдельно стоящий дом в африканерском стиле, а сзади располагался интенсивно возделываемый надел.

К XIX веку, однако, такие глубокие участки, как и причина их образования — сосуществование торговли и городского сельского хозяйства, — стали пережитками Средневековья. Главной на тот момент проблемой было обеспечение съемным жильем промышленных рабочих. В Англии спекулятивные застройщики превратили решение этой задачи в источник быстрой прибыли, воздвигая на дешевой земле на окраинах городов узкие кварталы террасной застройки, что вело к возникновению лоскутного одеяла разнонаправленных решеток. На севере и в центральной части Англии два ряда домов обычно строились вплотную, «спина к спине», без пространства между ними. Такой тип жилой застройки возник в недавно подвергшихся индустриализации средневековых городах, где бургажные держания в старых районах нужно было приспособить к возросшей плотности населения. Длинные узкие дворы за сплошным уличным фасадом домов и лавок постепенно заполнялись рядом пристроек с односкатной крышей, которые опирались на одну из боковых стен двора; вдоль другой оставался узкий проход для доступа жителей и вентиляции. Дюжины таких построенных на скорую руку сооружений могли уместиться на одном бургажном держании — например, в Уэйкфилде, графство Уэст-Йоркшир, нам известно о подобном участке длиной в 128 метров. За пределами плотного городского ядра террасное жилье «спина к спине», но уже более высокой этажности, возникало на любых фрагментах свободной земли, а также на узких полосках небольших сельскохозяйственных наделов, которые по каким-то причинам оказывались доступными для застройки. Эта нездоровая решетка низкокачественного жилья с улицами, мало отличающимися от темных проулков, быстро

распространялась, окружая промышленные центры вроде Лидса и Манчестера. В Ливерпуле ортогональные кварталы трехэтажных террас «спина к спине» обрамляли проходы, которые обеспечивали единственный доступ к еще более плотной трущобной застройке в глубине квартала.

Социальные реформы и городское развитие привели в течение XX века к исчезновению всего постыдного ландшафта застройки «спина к спине». Но его аналог для среднего класса — фрагментированная решетка террасной застройки, которая обычно определяла облик спальных пригородов XIX века по всей Англии, — по-прежнему с нами. Своими корнями она восходит к явлениям на обоих концах классового диапазона. От аристократической георгианской застройки ею была позаимствована практика волюнтаристского разбиения пригородных поместий на ортогональные кварталы с шеренгами домов повторяющегося дизайна; из того же источника берет начало и стремление к социальной сегрегации. С другой стороны, прогрессивные модели жилья для рабочего класса и Акт об общественном здравоохранении 1875 года, которые способствовали появлению «подзаконных улиц» с минимальной шириной в 40 футов (12 метров) и обязательным открытым пространством между рядами домов, обеспечили спекулятивным застройщикам поздневикторианской эпохи почву для закрепления стандартизированной формы широких прямых улиц с монотонными шеренгами почти идентичных домов, отделенных от соседей сзади небольшими садиками. Проектирование уличной сети целиком оставлялось на усмотрение застройщика; длина квартала такого типа была ограничена лишь размером участка, находящегося в распоряжении конкретного предпринимателя, и его здравым смыслом. Встречаются террасы длиной более 250 метров, особенно вдоль железнодорожных путей.

Рис. 149

Происходившая в Англии в XIX веке трансформация бургажных держаний в укрытые от посторонних глаз, пере-населенные трущобы повторялась и в других странах. Через аналогичный процесс прошла польская Лодзь: длинные участки, приспособленные для нужд текстильных рабочих, вдоль ближнего к улице края занимались резиденциями промышленной буржуазии, в то время как их глубокие дворы заполнялись мрачными доходными домами во много этажей, обеспечивающими максимально возможную плотность застройки на дорогой земле в центре города. Колониальные города, планировка которых основывалась на решетке вытянутых вглубь кварталов участков (среди них Питермарицбург в Южной Африке и Парамарибо в Суринаме), пережили нечто подобное, но под знаком этнической сегрегации: чернокожая прислуга могла, не бросаясь в глаза, ютиться в бараках и хижинах на задворках. В Вашингтоне форма кварталов была иной, но социальные процессы не особенно отличались; в последние десятилетия XIX века прямо в тени Капитолия в глубине солидных кварталов для высшего класса скрывались гетто черных иммигрантов.

В США наследие колониальной решетки выразилось в склонности последующих эпох к щедрости при определении размеров улиц, кварталов и участков. Основные улицы редко

имели в ширину менее 23 метров. Типичные размеры для кварталов ранних решеток дают нам Саванна (18 на 27 метров), Мобил, штат Алабама (23 на 46 метров) и Мариетта, штат Огайо (27 на 55 метров). Стандартный размер квартала в при- станционных городах железнодорожных компаний составлял 300 на 280 футов (90 на 86 метров), а участков — 50 на 140 футов (15 на 43 метра). По мере роста населения города вставляли перед необходимостью уменьшать эти пропорции, добавляя новые улицы и проходы.

В Филадельфии такая фрагментация началась очень рано. Просторные кварталы разрезались очень узкими проулками, которые постепенно превратили «зеленый тихий город» Пенна в метрополис плотно стоящих шеренг террасных домов, в глубине за которыми скрывались настоящие трущобы. В истории американского градостроительства этот процесс всегда описывается с осуждением, и, учитывая чрезмерную плотность застройки кварталов и отвратительные условия жизни в проулках, можно согласиться, что перед нами пример деградации прекрасной городской планировки. Красота формы, однако, не должна насаждаться за счет социальной справедливости; думая об опрятности, нельзя забывать о нуждах людей. Несомненно, пример Филадельфии можно оценить и иначе. Уплотнительная застройка позволила стать собственниками своего жилья куда большему числу горожан, чем было бы возможно ранее. Установлено, что к 1930 году около 50% домов в Филадельфии находились в собственности самих жильцов. Это объяснялось относительно низкой стоимостью недвижимости, которая, в свою очередь, стала возможной благодаря эффективным методам втискивания террасных домов в кварталы решетки. Городские требования к фундаментам, перекрытиям и стропилам узких домов были куда менее жесткими, так что таким образом удавалось достичь значительной экономии и трудовых затрат, и строительных материалов.

Рис. 118 Нью-Йорк — это наиболее яркий случай конфликта первоначальной решетки и плотности современного города. Две тысячи кварталов, предусмотренные генеральным планом 1811 года, разбивались на участки размером 25 на 100 футов (8 на 30 метров), обращенные к улице узкой своей стороной. Отказ членов комиссии предусмотреть возможность прокладки проулков посередине кварталов закрыл дорогу к созданию дополнительных участков с отдельным доступом за счет разделения прежних. К середине XIX века участки, первоначально предназначавшиеся для домов на одну семью с просторным задним двором, были застроены доходными домами, которые занимали 90 и более процентов их площади. Принятый с самыми благими намерениями Акт о доходных домах 1879 года в итоге привел к появлению, как выразилась Кэтрин Бауэр, «худшего в истории типа законной застройки»¹⁰³. Это были «дома-гантели», названные так из-за формы своего поэтажного плана. Такой дом представлял собой массивное сооружение,

Рис. 150

103 *Bauer C. Modern Housing* (1934).

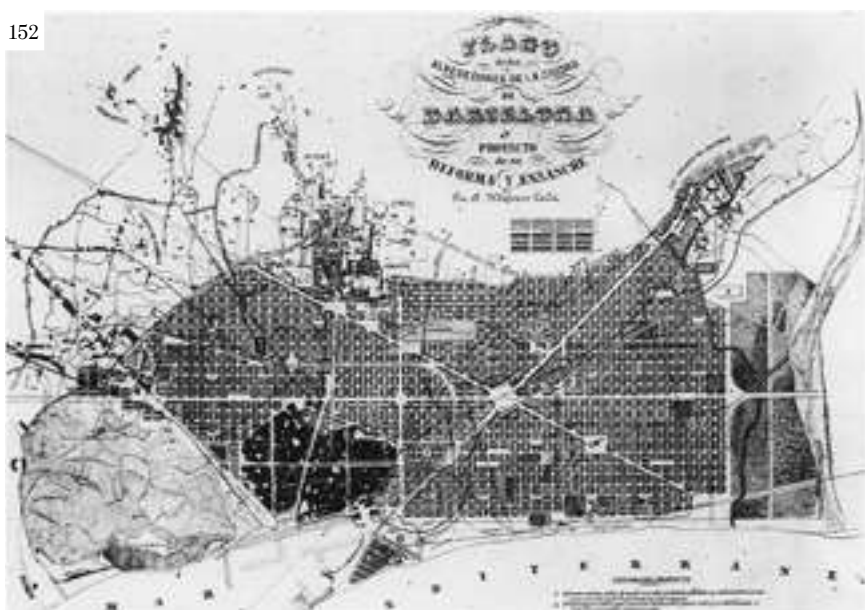
Рис. 151. План Берлина с новыми районами в соответствии с проектом Джеймса Хобрехта; литография Ф. Бема, 1865. Существующая застройка, выделенная темно-серым цветом, включает в себя исторический центр и прилегающие к нему решетки Доротеенштадта и Фридрихштадта, сооруженные в XVII и XVIII веках. Широкая улица, идущая с востока на запад поперек решетки, – Унтер-ден-Линден, соединяющая Берлинский замок и огромный парк Тиргартен (рис. 253).

Рис. 152. План расширения Барселоны по проекту Ильдефонса Серды, 1858. Нерегулярный средневековый город – темный участок слева внизу – показан пронизанным сетью так и не построенных бульваров. Решетка Барселонеты (XVIII век) видна на треугольном полуострове в самом низу. Решетка Серды, в которой предлагалось застраивать только две стороны каждого восьмиугольного квартала, заполняет остальную часть прибрежной равнины.

151

152

занимающее 80% площади своего участка и снабженное для доступа свежего воздуха и дневного света лишь узкими зазорами, идущими вдоль обеих длинных границ. К 1900 году городские власти осознали, что участок в 8 метров шириной не может иметь такую плотность застройки и соответствовать при этом разумным требованиям к вентиляции и освещенности. Единственным решением оказалось объединение нескольких участков для строительства больших зданий.

Проблема касалась отнюдь не только жилья. Меняющийся масштаб вообще всех городских зданий оказался несовместим с традиционными размерами участков. В индустриализованных странах новые типы гигантских сооружений — многоквартирные дома и железнодорожные вокзалы, коммерческие офисы и правительственные министерства, универмаги и склады, — занимали целый квартал решетки, а иногда даже и два, как, например, в случае Пенсильванского вокзала в Нью-Йорке. В США относительная новизна городской решетки облегчала переход к новому масштабу. Господствующий в жилых районах *tipo portante*, недорогой дом с деревянным каркасом, не был существенным препятствием для жадных до земли институций. В итоге центральные деловые районы могли легко поглощать целые кварталы жилья на своей периферии, где без особых затрат формировались участки для крупных зданий.

В случае Европы все обстояло сложнее. Крупные кварталы Парижа барона Османа стали результатом радикального хирургического вмешательства. Широкомасштабные конфискации и сносы изменили структуру города, стерев с карты филигранную кровеносную систему средневековых улиц и создав строительные площадки для солидных зданий новой эпохи. Эти методы в конце XIX века снова и снова копировались по всей Европе. С меньшими потрясениями новые крупные кварталы могли возникать на незастроенных территориях на городских окраинах. Так, Вена воспользовалась огромным свободным пространством, образовавшимся при сносе бастионов, заняв его состоящим из общественных и жилых зданий исключительно большого размера ансамблем Рингштрассе. Истинный венец Отто Вагнер в своем проекте «Большой город» (*Die Großstadt*) 1910 года выдвинул идею масштабной, бесконечно расширяемой решетки заполненных семиэтажными жилыми домами кварталов, которая бы обрамляла и оберегала от разрушения исторический центр.

Такая модель, которая рассматривает современный метрополис как бескрайнее ортогональное расширение старого города, возникающее благодаря жестко регулируемой частной застройке, восходит к двум проектам, появившимся около 1860 года, — плану Большого Берлина работы Джеймса Хобрехта и плану Барселоны работы Ильдефонса Серды, который должен был стать образцом для развития городов по всей Испании.

Хобрехт взял за основу неосуществленный план расширения города, подготовленный в 1820 году Петером Йозефом Ленне, директором королевских парков при дворе Фридриха Вильгельма III. Целевой аудиторией Ленне были главным

Рис. 23, 90

Ил. IV

Рис. 254

Рис. 151–152

образом представители аристократии: он предусматривал минимальное число улиц, обрамлявших огромные кварталы, где могли разместиться целые поместья, которые позже дробились бы по желанию владельца. Однако к эпохе Хобрехта Берлин уже стал важнейшим промышленным центром. Первоочередной задачей на тот момент было обеспечение жильем рабочего класса. Таким образом, огромные кварталы размером 250 на 150 метров, предусмотренные планом Хобрехта, оказались застроены пятиэтажными доходными домами, получившими прозвище «арендные казармы» (*Mietskasernen*) — в глазах следующего поколения градостроителей-планировщиков такая решетка превратилась в символ спекулятивной жадности застройщиков и бесчеловечной перенаселенности.

Серда не тронул старую Барселону и расчертил единой образной решеткой больше чем 26 квадратных километров равнинных территорий за стенами средневекового города. Все его улицы были шириной в 20 метров, а квадратные кварталы имели срезанные углы такой же длины — 20 метров. Здания тоже были призваны стать частью этой пропорциональной системы, поскольку предполагалось, что их высота будет равна ширине улиц. С точки зрения Серды такой квартал был «чистым и истинным выражением математического равенства, равенства прав и интересов, самой справедливости»¹⁰⁴. Ошеломляющая регулярность этой планировки смягчалась лишь несколькими диагональными бульварами, которые формировали огромный косой крест, наложенный поверх решетки. Но ее монотонность была обманчивой. Большинство кварталов должны были быть застроены лишь с двух сторон, причем не всегда с одних и тех же. Оставшаяся свободной часть каждого квартала превращалась в парк. Такие правила создавали возможности для калейдоскопического разнообразия в сочетаниях застройки и открытых пространств — от больших каре до линейных многоквартирных коробок, предвосхищавших архитектуру модернизма.

Однако Серда недооценил могущество частной собственности и спекулятивного рынка. Он установил для своих кварталов жесткие ограничения: высота в пять этажей и пятно застройки не более 28% от площади участка. Но за те сто лет, которые его генеральный план предположительно оставался в силе, первоначальная плотность, характерная скорее для города-сада, выросла в четыре раза: полностью застроенными оказались периметры всех кварталов расширения, высота зданий увеличилась, а свободное пространство сжалось до замкнутого внутреннего двора неправильной формы. Некоторые из этих кварталов сегодня на

104 Ильдефонс Серда, инженер в департаменте дорог и мостов испанского правительства, изложил свои взгляды на город в книге под названием «Teoría general de la urbanización», опубликованной в Мадриде в 1867 году; за этим последовал второй том, посвященный его барселонскому проекту. Третий том остался неоконченным.

90% заполнены двенадцатизэтажными зданиями. Идеальная схема, которая отражала веру Серды в социальное равенство, оказалась искажена: средний класс полностью заполнил огромную решетку, вытеснив рабочих в промышленные пригороды и запущенные дома в старом центре города.

Городская решетка в XX веке

Наступление эры модернизма положило конец экспериментам с новыми типологиями застройки, направленным на спасение традиционной городской решетки.

С 1880-х до 1920-х годов провозвестники социальных реформ — по крайней мере те из них, кто не примкнул к сторонникам города-сада, — выдвигали в качестве противовеса доходным домам исключительно застроенные по периметру кварталы. В 1890-е годы такие замкнутые кварталы с большими открытыми дворами строились в Берлине по проекту Альфреда Месселя и в Нью-Йорке по проекту бюро «Уильям Филд и сыновья». К 1910 году достоинства этой типологии в качестве благотворной альтернативы ненавистным «арендным казармам», заполнявшим расчерченную Хобрехтом периферию Берлина, воспевали такие немецкие реформаторы, как Пауль Вольф и Бруно Меринг. Наконец, в 1915 году Хендрик Берлаге предложил в своем проекте застройки Южного Амстердама синкопированную решетку с продолговатыми, снабженными внутренними дворами жилыми кварталами с однотипными фасадами, смысл которых заключался в том, чтобы нивелировать классовые различия. Однако в том виде, в котором он был реализован в 1920-е годы, Южный Амстердам стал красноречивым свидетельством отказа от намерений Берлаге. Жилые комплексы, спроектированные под руководством талантливых архитекторов так называемой Амстердамской школы, например Мишеля де Клерка и Пита Крамера, характеризовались разнообразием и оригинальностью как в композиции, так и в деталях, подрывая тщательное проводившееся Берлаге разграничение между дворовыми и уличными пространствами.

Ил. XIX

Берлаге остался на обочине истории. Для градостроителей модернистских убеждений решетка не могла служить основой для справедливого в социальном плане развития. Сторонники жилищной реформы — Вернер Хегеман в резком памфлете против берлинских доходных домов «Каменный Берлин» (1930) и Кэтрин Бауэр в своем влиятельном труде «Современное жилье» (1934) — описывали решетку как вечный источник городских проблем. Идеологи модернизма возражали против застройки города ортогональными кварталами высокой плотности на том основании, что она лишала горожан их неотъемлемых прав на «свет, воздух и солнечные лучи» (*Licht, Luft und Sonnenschein*). Однако самым убедительным аргументом против решетки стало, пожалуй, казавшееся на тот момент неостановимым нарастание транспортных потоков на улицах современного города.

Рис. 153. Схематический план Чандигарха, столицы индийского штата Пенджаб. Проект Ле Корбюзье, 1951 год. Торговые улицы пересекают ячейки решетки горизонтально, а парки – вертикально. Темная зона в центре – деловой район. Капитолий расположен за пределами решетки, в верхней части схемы.

Рис. 154–155. Милтон-Кинс (Англия): вид с высоты птичьего полета на центр города (иллюстрация Хельмута Якоби) и схема дорожной решетки с горизонталями рельефа. Как и в других модернистских супер-решетках, слабо упорядоченное сплетение транспортных артерий очерчивает здесь контуры городских районов, а не определяет традиционные кварталы. Один из таких районов, собственно центр города, спроектирован как строго ортогональная мини-решетка улиц, зданий и парковочных зон, вписанная в ячейку сети основных дорог.

153

154

155

Возобладало мнение, что решетка, по сути, годилась только для карет и повозок. Автомобиль сделал ее непригодной для обитания, превратив городские кварталы в осажденные острова. Согласно оценке 1933 года, автомобиль в девять раз увеличил площадь территории, где могли жить работающие в Нью-Йорке люди¹⁰⁵. Возросшие объем и скорость транспортных потоков сделали улицы чрезвычайно опасными, особенно для детей.

Все это склоняло к отказу от решетки как таковой в пользу идеи суперкварталов, ограниченных крупными транспортными артериями. На самом деле применение решетки скорее для разнесения несхожих сообществ, а не для организации территории под застройку имеет солидную традицию за пределами Запада. В ряде культур жесткая квартальная структура формирует общий городской каркас, внутри ячеек которого складывается сетка с более тонкой структурой и более оживленными человеческими связями. В городах императорского Китая периметр крупных кварталов примерно до X века н.э. служил лишь ширмой — в ранний период в буквальном смысле стеной, — за которой господствовала сложная местная организация. Похожим образом функционировали крупные квадратные части старого Джайпура, имевшие стороны длиной примерно в 800 метров. Скорее, чем кварталами, их уместно называть секторами. Внутри каждого из них складывалась более мелкая и гибкая микро-решетка, разграничивавшая отдельные кварталы-махалля. Махалля вмещали от 40 до 50 жилых участков, а их население было очень монолитным, поскольку принадлежало к одной касте, профессии, этнической или религиозной группе.

Рис. 180

Модернистский суперквартал устроен по-другому. В европейском контексте для него характерно расположение отдельно стоящих многоэтажных коробок параллельными рядами (*Zeilenbau*), при этом их длинные лаконичные фасады смотрят на зеленые насаждения, а короткие торцы, зачастую даже без окон, обращены к контуру магистральных улиц, который образует своего рода оборонительный ров вокруг всего ансамбля. Американские сторонники жилого суперквартала имели четкую социальную повестку: укрепление местных сообществ. Обычная уличная решетка, по их мнению, изолировала жителей на «прямоугольных островах, окруженных шумом, грязью, выхлопными газами и опасностью»¹⁰⁶. Лишенные доступа к благотворной общественной жизни обитатели таких кварталов изображались одинокими и подавленными, дрейфующими в «бескрайнем море уныния»¹⁰⁷. Решение заключалось в том, чтобы строить содействующие контактам между людьми суперкварталы, спроектированные как самостоятельные районы, каждый со своими магазинами, школами и прочей социальной инфраструктурой.

В своей ранней форме эти идеи циркулировали в Чикаго уже около 1915 года. Городской клуб Чикаго объявил тогда конкурс новаторских проектов развития отдаленных частей крупных городов — проектов, которые отказались бы от использования

¹⁰⁵ См. *McKenzie R.D.* Metropolitan Community (1933).

¹⁰⁶ *Dahir J.* The Neighborhood Unit Plan (1947)

¹⁰⁷ Ibid.

обычной решетки и ее мелких кварталов в пользу универсального решения для ячеек, не превышающих размером 160 акров (65 гектаров). «Нервный темперамент, характерный для американской нации, должен находить выход не в монотонности, но в разнообразии, которое выражается в задоре и обаянии, а отнюдь не в строгости», — писал член жюри¹⁰⁸. Все победившие проекты сохраняли ортогональную сеть крупных дорог в качестве устойчивого каркаса, но в то же время привносили в планировку плавные изгибы и менее жесткую структуру кварталов. Авторы уделяли большое внимание озеленению и выстраивали свои обращенные внутрь комплексы вокруг общественных зданий вроде школ и церквей.

Но первый программный манифест сторонников «районной ячейки для сообщества семей» увидел свет в 1929 году — это была брошюра социолога Кларенса Перри, написанная им по заказу фонда Рассела Сейджа. Снабженная «общественным центром» и нерегулярной сетью внутренних улиц, ячейка Перри обобщала элитный опыт живописных пригородов США и английских городов-садов. Архитекторы, такие как американский приверженец концепции города-сада Генри Райт, дошли даже до требований отказаться от юридического закрепления статуса решетки как основы системы землепользования в США.

Начиная с 1930-х годов американские представления о суперкварталах всё в большей степени совпадали с теориями, исходящими от делегатов Международных конгрессов современной архитектуры (*Congrès International d'Architecture Moderne*, или CIAM). Согласно канонам модернизма, изложенным в резолюции CIAM от 1933 года, известной как «Афинская хартия», транспортные потоки и их регулирование должны были стать важнейшим фактором, определяющим городскую форму. Догматика CIAM строилась вокруг несовместимости технологий современного транспорта с инертной материальной оболочкой существующих городов. На практике предлагаемая модернистами альтернатива представляла собой композицию из разбросанных в зеленом ландшафте отдельно стоящих зданий, обслуживаемых гибкой решеткой скоростных магистралей. В Детройте и Миннеаполисе градостроители предусмотрели такую макрорешетку уже в 1920-е годы — но, скорее, как дополнение к обычной решетке, а не ее замену. В Детройте в те годы были подготовлены полосы отчуждения для «общегородской системы магистралей шириной в 204 фута (62 метра), проложенных в виде решетки с шагом приблизительно в 3 мили (5 километров), которая каждую милю (1,6 километра) должна быть дополнена дорогами в 120 футов (37 метров) шириной на месте прежних 66-футовых (20-метровых) улиц»¹⁰⁹.

Более универсальное предложение по трансформации американской решетки поступило от Людвиг Гильберсаймера, светила немецкого Баухауса, обосновавшегося в Чикаго. Его «единица расселения», вдохновленная как американскими

108 Цит. по: *Yeomans A.B., ed. City Residential Land Development* (1916).

109 Цит. по: *Groth P. Streetgrids as Frameworks for Urban Variety* (1981).

районными ячейками, так и более радикальными градостроительными предложениями европейского модернизма, возникала в результате постепенного преобразования обычного, основанного на решетке города посредством продуманной программы перекрытия улиц и выборочных сносов. В новой структуре соседние районы оказывались отделены один от другого поясами парковых зон, а защита жителей от транспортных потоков обеспечивалась благодаря созданию несквозных жилых улиц как отдельного уровня иерархии дорожной сети.

В отличие от Гильберсаймера, который работал с исторически сложившейся планировкой, ортодоксальные модернисты в своих проектах городов на основе высокоскоростных макро-решеток имели в виду пустующий ландшафт. Новое строительство сулило наилучшие шансы для беспрепятственного воплощения их идей; разбомбленные послевоенные города казались менее привлекательным, но все же пригодным объектом. «Коллективный план» реконструкции Берлина, подготовленный в 1946 году группой модернистов во главе с Хансом Шаруном, отказывался от характерной для города ранее радиально-кольцевой структуры транспортных потоков в пользу нового мегаполиса, основанного на скоростной решетке с 64 клеверными развязками. Только средневековое ядро Берлина подлежало сохранению в качестве музея под открытым небом — все остальные пережившие войну фрагменты должны были быть снесены. Шарун писал: «Все, что остается после механического разуплотнения, обеспеченного бомбами и финальной битвой, дает нам возможность создать городской ландшафт, [где] от природы к зданиям, от низкого к высокому, от узкого к широкому возникнет новый образ жизни»¹¹⁰. Через год этот план был отклонен, и тогда же консервативный Карл Бонатц сменил Шаруна в качестве главного архитектора Берлина.

Рис. 153

В заложенном в 1951 году Чандигархе, первом модернистском городе, который был реализован с чистого листа, изощренная структура жилых районов характеризуется взаимопроникновением зеленого ландшафта и гибкой решетки магистральных дорог, определяющей границы суперкварталов. Эти суперкварталы или, как их здесь именуют, «сектора», имеют размер 800 на 1200 метров каждый — их пропорции основаны на правиле золотого сечения. Сектора представляют собой контролируемые сообщества, обращенные внутрь себя, поэтому вдоль основных транспортных артерий Чандигарха почти не видно никакой уличной жизни. Каждый сектор делится поперек одной сквозной рыночной улицей. Все вместе такие улицы образуют линейную торговую систему — восточный базар в версии модернизма. Линии этой системы на самом деле не непрерывны по всей длине города; обычно они немного смещаются при пересечении с магистральными дорогами. В то же время продольно через каждый сектор проходит единая система парковых зон. На пересечении этих основных осей находится

¹¹⁰ Цит. по: *Lampugnani V.M.*, in *Domus*, July–August 1987. No. 685.

общественный центр сектора — в римской решетке это был бы форум. Но истинным центром города служит Капитолий, гигантский правительственный комплекс работы Ле Корбюзье, состоящий из зданий верховного суда, законодательного собрания, секретариата и губернаторского дворца. Он спроектирован на огромном модуле площадей общим размером в 800 на 400 метров. Масштаб Капитолия избран с учетом служащей для него фоном величественной панорамы Гималаев — расстояния между его зданиями едва ли преодолимы пешком под жгучим солнцем Пенджаба, хотя вся территория комплекса задумана как пешеходная зона, в то время как поток машин направляется на парковки по заглубленным ниже уровня земли дорогам.

Наиболее тщательно проработанная модернистская решетка нашего времени — это основанный в 1967 году Милтон-Кинс, последний из «новых городов» послевоенной Англии. Его каркас состоит из автомагистралей, очерчивающих квадратные ячейки размером в один километр, и он весьма далек от жесткой ортогональности. Линии этой решетки плавно изгибаются, взбираясь по пологим холмам местного ландшафта и снова спускаясь в низины. Более того, магистрали окружены плотными рядами деревьев для поглощения автомобильного шума. Это настоящий градостроительный гибрид: живописная зелень в духе города-сада призвана окультурить рациональную решетку. Дорожные инженеры тут «тщетно пытались придать функциональной структуре вид стихийно сложившейся красоты»¹¹¹. У решетки Милтон-Кинса нет явного центра, поэтому нет и пробок, типичных для централизованных планировок вроде первоначальной концепции города-сада Эбенизера Говарда, повлиявшей на все «новые города». Центр тут похож на торговый молл, через верхний уровень которого проложена одна из автомагистралей.

Рис. 204

В пределах каждой ячейки на частных застройщиков не накладывается никаких ограничений. Допустимы и многоквартирные, и индивидуальные дома, тогда как некоторые ячейки, разумеется, отведены под промышленность, коммерческую недвижимость или места отдыха. Несмотря на провозглашенный проектировщиками принцип смешанного использования, модернистская догма о функциональном разделении города все же берет верх. Сети местных улиц обеспечивают нужды пешеходов и велосипедистов. Тем не менее ячейки не задуманы тут как обращенные внутрь себя «спланированные жилые районы» в духе города-сада. Скорее, общей задачей стало возвращение к открытой решетке, где автомагистрали и местные улицы используются для свободного перемещения по всему городу. Справедливо будет сказать, что в Милтон-Кинсе опыт и модернизма, и движения за города-сады оказывается переосмысленным для достижения традиционных целей.

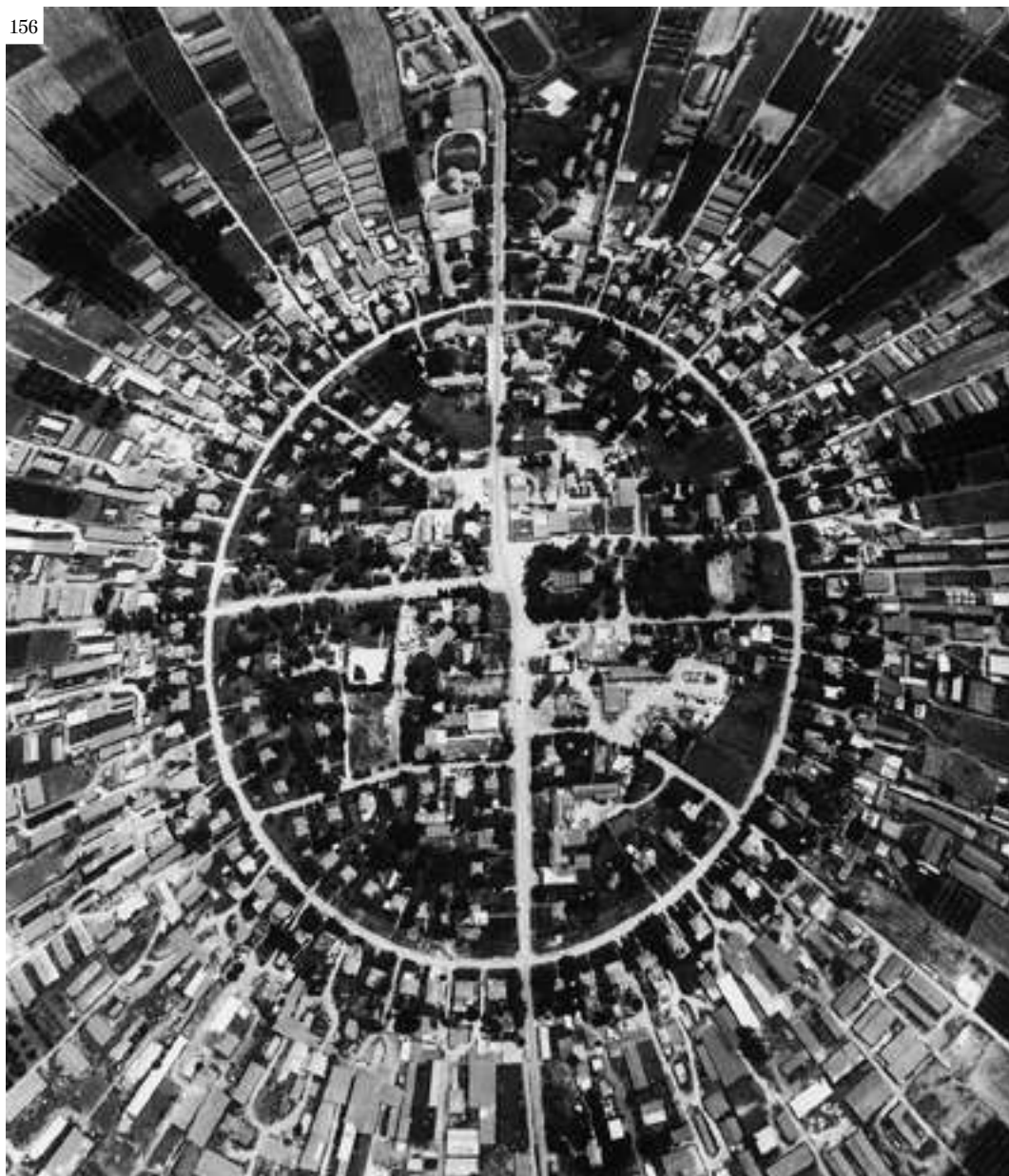
В самом деле, развернувшаяся в последние два десятилетия кампания за возрождение исторического города, сохранение того, что от него осталось, и усвоение его уроков также влечет за собой и возвращение традиционного квартала. Решетка, по правде говоря, никогда не исчезала окончательно. Городской

111 Цит. по: *Walker D.* Op. cit.

ландшафт эпохи модернизма скорее потеснил две другие градостроительные традиции, которые теперь открываются нами заново: «органический» город с его живописными эффектами и нерегулярностями, представленными в рамках замкнутой и плотно выстроенной пространственной системы; и барочный ландшафт с его целостными композициями, визуальной драматургией, сценографическими иерархиями и торжественным представлением достопримечательностей на симметричных площадях и в конце продуманных перспектив.

Великая добродетель решетки со всей ее неизменной функциональностью состоит в способности противостоять обоим этим мудреным городским переживаниям. Их защитники утверждают, что сложная социальная жизнь для полноты своего воплощения требует сложной уличной сети. Идея решетки состоит в том, что градоформа как совокупность прочерченных на земле линий — это лишь игровое поле, на котором разыгрываются наши жизни. То, насколько хорошо мы играем, каких успехов добиваемся в создании добродетельного и полного достоинства сообщества, целиком зависит от нас. Доказательством наших намерений станут улицы и публичные пространства, какими мы их сформируем в процессе игры. Преимущество решетки именно в том, что она представляет собой по определению формальный порядок, нейтральный и лишенный иерархии до тех пор, пока мы не наполним его конкретным содержанием. Решетка свободна как от эксцессов живописности, так и от идеологического позерства. Она размеренна, однородна и даже избыточна — и поскольку она такова, она призывает нас одновременно уважать и дополнять ее. Наша задача как проектировщиков начинается одновременно включать и подчеркивание ее универсальности, и наделение ее разнообразными особенностями, не следующими напрямую из ее двумерного плана. У решетки нет своего собственного посыла. Решетка будет тем, чем мы ее сделаем.

Рис. 156. Основанный в 1921 году
мошав Нахалаль (Израиль), проект
Рихарда Кауфмана.

ГОРОД КАК ИДЕАЛЬНАЯ СХЕМА

Круги и многоугольники

Аркозанти и Пальманова

Рис. 158

Одно из популярных туристических мест Аризоны находится к северо-востоку от Кордс-Джанкшен, в ста километрах к северу от Финикса. Там на вершине уединенной столовой горы расположилась группа причудливых незавершенных построек, напоминающая — если вспомнить историю этих мест — руины индейского скального поселения, за исключением того, что она никак не соотносится с окружающим рельефом. Это больше похоже на импровизированный рынок архитектуры под открытым небом: никак не связанные между собой загадочные фрагменты, скученность которых и величественность окружающего пустынного пейзажа создают впечатление, что они делают общую, хотя и не вполне ясную судьбу. Это проект Аркозанти, урывками строящийся начиная с 1970 года. Его идейный вдохновитель — уроженец Турина Паоло Солери (1919–2013), аскетичный архитектор-философ, изобретатель «аркологии».

Рис. 157

Солери придумал это слово для обозначения архитектуры, успешно учитывающей экологические факторы. Точнее, этот термин относится к предлагаемой Солери версии города будущего, разместившегося в единой мегаструктуре и стремящегося к максимизации социальных выгод при минимизации используемой территории, энергии и сырья. Разрозненные сооружения с видом на каньон реки Агуа-Фриа — это пример реализации этой идеи в своем зачаточном состоянии. Конечная цель Аркозанти состоит в том, чтобы пять тысяч человек жили под единой крышей аркологии высотой в 25 этажей, работающей на солнечной энергии, — на участке площадью в 1215 гектаров она должна занимать всего 5,7 гектаров, а все остальное будет отдано под сельское хозяйство, отдых и природные красоты. Макеты и рисунки воображаемого Аркозанти выставлены рядом на всеобщее обозрение — богатая фантазия Солери породила множество проектов таких аркологий, и каждый эскиз снабжен постулатами его философии¹¹².

Но на сегодняшний день двадцать лет трудов принесли скудные и неоднозначные плоды. Вместо единого городского контура мы видим отдельные здания. Архитектурный язык Солери уже стал привычным: цилиндрические своды, круги, полукупольные апсиды, бескаркасные круглые окна. Детали не очень хорошо проработаны. Самое заметное и одновременно самое обыкновенное здание Аркозанти — это информационный центр с рестораном и сувенирной лавкой. Плата за вход — основной источник дохода для проекта; наряду с деньгами от продажи изготавливаемых в Аркозанти бронзовых

112 Среди книг Солери стоит выделить *Arcology: The City in the Image of Man* (1969) и *The Bridge between Matter and Spirit is Matter* (1973). Ранний анализ его трудов см. в *Kostof S. Soleri's Arcology: A New Design for the City?* (1971).

колокольчиков она идет на продолжение строительства. Литейная апсида был закончена одной из первых, а выставляются колокольчики в Гончарной апсиде — глиняные элементы впаины в своды бетонной ракушки. Также в Аркозанти уже есть концертная площадка, два примитивных жилых корпуса на тридцать с лишним человек и собственный дом Солери. Северная и южная галереи, открытые с обеих сторон, изначально не несли никакой конкретной функции, однако с годами там обосновались сварочный цех и электромеханическая мастерская, заодно там накрывают завтраки и обеды для работников.

Эти люди с небольшим или отсутствующим опытом в области строительства платят за участие в пятидневных «семинарах», суть которых в основном сводится к бесплатному труду. Один из них высокопарно описывает себя и своих коллег как «строительных рабочих, провидцев новой эры, монахов-творцов, пионеров сознания, итоговый продукт самоосмысления эволюции». Они живут в лагере в долине, в то время как постоянные обитатели занимают жилье на территории аркологии. В будущем мир Солери будет бесклассовым: «Прочный фундамент равенства... не подвергается сомнению». Но сложности этого начального этапа уже привели к возникновению социальной напряженности. Кое-кто из участников семинаров воспринимает аборигенов как высокомерных чужаков, отгородившихся на своей вершине от обитателей лагеря: «Кажется, они считают себя представителями привилегированного класса»¹¹³.

Солери это не беспокоит. Сегодня утопия невозможна: это дело далеких десятилетий. Аркозанти — не образцовое общество, а кузница нашего городского будущего. Сначала должны возникнуть формы; не сразу и понемногу они начнут определять поведение. Функция следует за формой. Или, как выражается он сам, «инструмент обладает хронологическим приоритетом над исполнением». Тем не менее, когда время аркологий наконец-то наступит, не будет ни трущоб, ни преступности, ни расовой сегрегации: «Физическая оболочка влияет на существующую внутри нее социальную структуру, если не определяет ее. Система единого контура имеет самые благоприятные предпосылки для создания несегрегированной культуры. Забота о себе превращается здесь в заботу обо всем»¹¹⁴.

В родной для Солери Италии к северо-востоку от Венеции находится город в форме идеального многоугольника, практически не изменивший свои очертания за четыре столетия своей истории. Пальманова была основана в 1593 году как военный аванпост Венецианской республики на пересечении главных дорог области Фриули. Кольцо каменных стен с бастиянами было закончено к 1623 году. В 1667–1690 годах город обзавелся вторым кольцом бастioni, а во времена французской оккупации 1806–1809 годов — еще и третьим, со сложной системой передовых укреплений. На любом этапе существования Пальмановы ее стены отвечали последнему слову военного искусства.

Ил. III

Рис. 159

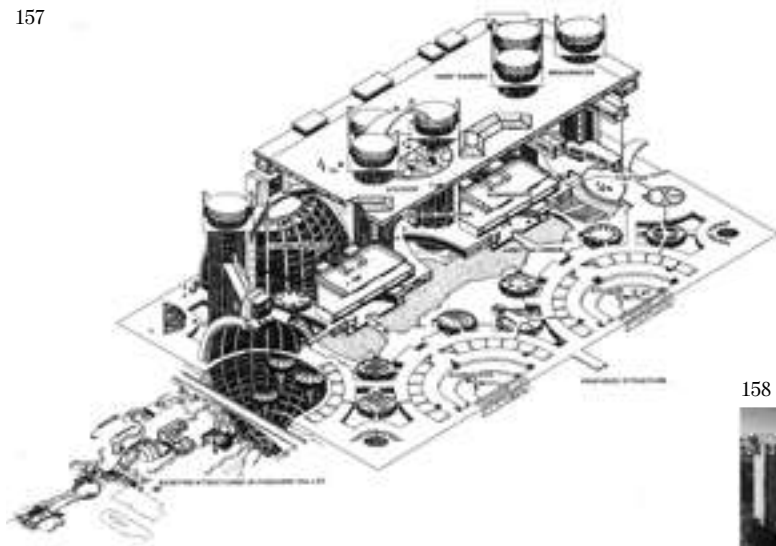
113 Цит. по: *Shipsky J. Diary of an Arcosanti Experience* (1982).

114 Цит. по: *Art in America*, May–June 1979. Vol. 67, No. 3.

Рис. 157–158. Аркозанти (штат Аризона, США): аксонометрия первоначального проекта конца 1960-х годов и фотография сооружаемого комплекса.

Рис. 159. Первоначальный вид Пальмановы (Италия) по проекту 1593 года. Иллюстрация из книги «Атлас городов земного мира» Георга Брауна и Франца Хогенберга.

157

158

159

Пальманова — единственный полностью осуществленный в Италии XVI века проект города с радиальной планировкой. Для выбора места ее строительства и разработки первоначальной концепции города-крепости объединились несколько выдающихся военных инженеров и градостроителей, включая Скамоцци. Город имеет форму правильного девятиугольника, а его центральная площадь — правильного шестиугольника, но даже при такой планировке она связана напрямую только с тремя из девяти бастионов. Вдоль улицы, идущей сразу внутри городских укреплений, располагались казармы наемников — греков, славян и немцев, — парадные плацы и склады оружия. Конная полиция, размещенная в трех отдельных точках, патрулировала периметр на случай саботажа со стороны наемников. Центральная площадь и прилегающие к ней кварталы предназначались для командного состава и солдат-венецианцев, преданность которых не подлежала сомнению. Площадь можно было блокировать и оборонять от внешней части города, захлопнув ворота на шести ведущих к ней радиальных улицах. Промежуточная территория отводилась для гражданского населения и имела дополнительные радиальные улицы, которые не доходили до центральной военной зоны. Изначально в город вели всего трое ворот, по числу главных дорог; они были расположены посреди соединявших бастионы куртин и от них начинались улицы, ведущие прямо на центральную площадь. В центре других секторов находились свои небольшие площади.

Непосредственно в военные действия Пальманова была вовлечена только однажды — в Ускокскую войну 1615–1617 годов, когда Венеция напала на Австрию. На протяжении остальной истории крепость выполняла только функцию удержания. При австрийцах она использовалась как гарнизонный город, а в 1866-м окончательно потеряла военное значение, когда область Фриули была присоединена к новообразованному Итальянскому королевству. Пальманова и сегодня стоит на своем месте, печальная в своей безупречности, служа доказательством того, как быстро построенные с одной-единственной целью города могут стать пережитком прошлого. Засыпанная гравием центральная площадь отдана теперь под вялую торговлю безделушками, а на расходящихся от нее улицах увидишь считанных местных жителей, глазеющих на туристов с террас уличных кафе. Туристов тоже немного — это в основном ценители военной архитектуры. Кроме своего идеального плана, похвастать городу, в общем-то, нечем, а ни одна градоформа сама по себе не может стать популярной достопримечательностью.

Одержимость окружностями в гипотетической аркологии посреди аризонской пустыни и фортификационная звезда в Венето — в этой главе нас интересуют негибкие города такого рода, в определенный момент спроектированные в виде четкой идеальной схемы, отражающей некий предполагаемый порядок. За всеми подобными городами стоят сильная воля, амбиции и возведенное в искусство умение вести за собой людей. Это история про выбор — именно здесь, и нигде в другом месте; свои решения — только такого размера и никак не больше;

и авторитарные изменения — это снести, а это построить. В том, что я назвал «органической» структурой города, по крайней мере в эпоху до модернизма, мы видим здоровый, гибкий порядок, подстраивающийся под топографию, произведенное ранее межевание и ритмы общественной жизни в отдельных кварталах. В случае решетки мы ценим геометрическую простоту бесконечно изменчивой формы. Города, рассматриваемые в этой главе, напротив, представляют собой воплощение взглядов конкретного целеустремленного человека или конкретной институции на идеальное устройство мира; они либо находятся под полным контролем этого человека или институции, либо функционируют в соответствии с неким всеобъемлющим принципом.

По своей природе подобные города часто так и остаются теоретическим построением. На бумаге возникло гораздо больше идеальных городов, чем на твердой почве. В иных случаях, испытывая недостаток в централизованных ресурсах и политической власти, то есть дефицит государства, такие города не справляются с задачей, растрачивая все силы на собственное строительство. Аркозанти еще может стать исключением из этого правила, но его недолгая история не сулит ничего хорошего.

Если идеальный город все же построен, его дальнейшее существование в первозданном виде часто очень недолговечно из-за сопротивления реальности — то есть нас самих, какие мы есть на самом деле и как ведем себя, не находясь под строгим надзором, — в других же случаях его отвергает и подменяет новый идеал вселенского порядка. В лабиринте современного иранского Хамадана сложно отыскать следы семи кольцевых стен Экбатаны, описанных у Геродота. Рисовые поля поглотили строго иерархичную структуру древней императорской столицы Японии Хэйдзё-кё, пощадив лишь храмовые комплексы и несколько деревенок. Хотя Пальманова и дошла до нас более или менее невредимой, вместо жизнеспособного сообщества она представляет собой лишь невольный экспонат в музее идеальных городов.

Рис. 139

Утопии и идеальные города

Совершенно естественно, что такие города чаще всего проектируются в виде набора правильных геометрических фигур — кругов, центрированных квадратов и прочих многоугольников, — подчиненного строгим правилам центральной или осевой симметрии. Однако нам стоит избегать соблазна видеть иконографический смысл в любой более-менее выразительной пространственной схеме.

Во-первых, стоит учитывать, что в истории градостроительства попадаются строго геометричные планировки, основанные лишь на капризе и потому не имеющие никакого значения. Вот два примера из Калифорнии — Корона, поглощенная теперь разросшимся на восток Лос-Анджелесом, и Котати, «центральная втулка округа Сонома». Первая, получившая прозвище Круглый город, была основана в 1866 году; ее отличительной чертой было кольцо Большого бульвара диаметром в одну милю (1,6 километра). Тем не менее пространство

внутри него было организовано как обычная решетка; ортогональным было и межевание фермерских хозяйств вне круга. Сформированная вокруг шестиугольной площади радиальная планировка Котати (1893) связана лишь с тем, что владелец участка, некий доктор Томас С. Пейдж, имел шестерых сыновей и хотел назвать по улице в честь каждого из них.

Рис. 160

Третим и последним известным нам в Америке XIX века экспериментом с идеальной городской формой был Серклвилл в штате Огайо — этот, как и заявлено в его имени, «круглый город» с расходящимися радиальными авеню был распланирован на берегу реки Сайото застройщиком Дэниелом Дрисбахом в 1810 году. Круглая центральная часть вокруг круглой же площади с восьмиугольным зданием суда предположительно располагалась на месте насыпи, оставшейся от индейских строителей курганов. Но этот круг был вписан в квадратную решетку, предназначенную для бесконечного расширения. Вскоре эта решетка поглотила центр — всего нескольких десятилетий хватило, чтобы Серклвилл стал полностью ортогональным. Когда Джеймс Силк Бекингом посетил эти места в 1840 году, за несколько лет до того, как спроектировать свой образцовый город Виктория, он записал:

Рис. 201

Так мало почтения <...> оказывают американцы к древним реликвиям, так полностью они, по-видимому, лишены антикварных наклонностей, что это интересное местечко Серклвилл вскоре утратит даже следы своей первоначальной необычности <...>. Округлые улицы быстро теряют свою форму, и на смену им приходят прямые. Величественное здание в центре уже предназначено под снос — ведь ему следует освободить место для магазинов и жилья. Так что спустя сто лет, а то и раньше, от той особенности, которая дала городу его имя, от наиболее совершенного и, значит, интересного старинного проекта подобного рода не останется вообще ничего¹¹⁵.

Во-вторых, в свете задач, которые я ставлю перед собой в этой книге, разумно провести грань между утопиями и идеальными городами. Утопия не обязательно должна быть городом. Утопия — это нигде. Утопии не скованы конкретикой места или страны и не сообщают ничего определенного касательно материального опыта, заложенного в их планировке. Идеальные города существуют в контексте. Их цель часто заключается в демонстрации положения правителя по отношению к его подданным и прочим современникам, и в таком случае их успех напрямую зависит от встроенности в более широкий географический контекст и, особенно, укорененности в культурной традиции. Даже когда идеальные города не разделяют идеологию абсолютизма и специально расположены вне пределов привычной географии, чтобы начать все с начала, они все равно представляют собой продуманную реакцию на определенный

115 *Buckingham J.S. The Eastern and Western States of America, I (1842).*

Рис. 160. «Квадратура» Серклвилла. Сверху вниз: первоначальный план города в 1810 году и его состояние в 1837, 1838, 1849 и 1856 годах.

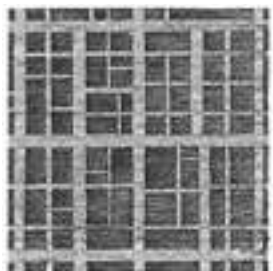
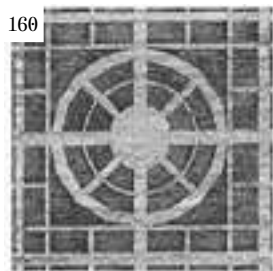

Рис. 161. Бартоломео Дельбене, гравюра «Город истины» из трактата «Город истины, или Этика», 1609.

Рис. 162. Парфянское святилище Тахт-е Солейман (Иран), построенное примерно в I веке н.э. Смысловым центром комплекса был священный огонь, называемый Адур Гушнасп, что означает «огонь воинов» или «королевский огонь».

порядок, который невозможно более терпеть. Утопии, с другой стороны, не могут быть средством борьбы против чего-то более конкретного, чем всепроникающая порочность или присущая человеческой природе несправедливость.

По этой причине я не касаюсь напрямую Амаурота Томаса Мора (столицы его Утопии), Города Солнца Томмазо Кампанеллы или Христианополиса Иоганна Андреэ. Эти и подобные им городские фантазии философов бесконечно повторяют друг друга, восходя в конечном итоге к «Государству» Платона и «Граду Божьему» Августина. Представления их авторов о том, как устроен город, предельно наивны; они ничему не учатся у городов, заимствуя для иллюстрации своих аккуратных морально-философских систем только отдельные схематичные элементы городского проектирования, что почти всегда подразумевает идеальные планировки из кругов или центрированных квадратов. Еще более далеки от городской реальности аллегорические города, вроде Города истины Бартоломео Дельбене (1609): опираясь на «Никомахову этику» Аристотеля и радиально-кольцевые штампы ренессансного градостроительства, он рисует кольцо городских стен и пять дорог нравственных добродетелей, расходящихся от центра мыслительных добродетелей и ведущих напрямик через болота порока¹¹⁶.

Рис. 161

Наконец, геометрические планировки могут создаваться из рациональных соображений, не связанных с обсуждаемым тут феноменом идеального города. Концентрические кольца тосканского Лучиньяно — результат развития этого города, и подобных примеров предостаточно не только в Италии, но и за ее пределами. Точно так же радиальные улицы-лучи некоторых старинных голландских городов можно объяснить тем, что они воспроизводят структуру более древних, чем сами города, терпов (*terpen*) — сооружаемых для защиты от наводнений искусственных насыпей из дерна и глины, на которых в римскую эпоху (и ранее) размещались деревеньки, окруженные небольшими полями прямоугольной формы. На более крупных терпах умещались дорога вокруг вершины, ров и радиальные дороги к соседним фермам, и именно это объясняет радиально-кольцевую планировку таких городов как Леуварден или Мидделбург.

¹¹⁶ Эта эзотерическая литература наряду с работами таких теоретиков, как Филарете, Альберти и Леду, была рассмотрена в статье *Lang S. The Ideal City from Plato to Howard* (1952). Сьюзан Ланг приходит к любопытному заключению, что прошлое не знало градостроительного искусства и не оценивало городские планировки с точки зрения визуальной эстетики. Редакторы журнала *Architectural Review*, в котором был опубликован этот труд, парадоксальным образом подытоживают: «Тем не менее существует много по-настоящему прекрасных городских ландшафтов, которыми мы обязаны случайности или интуиции их создателей».

С другой стороны, наша тема затрагивает два типа идеальных структур, которые, строго говоря, относятся к до-городским или внегородским ландшафтам. Первый такой тип связан с религиозными пространствами. Как мы теперь знаем, доисторические святилища вроде Стоунхенджа содержат в себе космологические схемы, которые управляли течением человеческих жизней в соответствии с движением небесных тел.

Поскольку мотивом сооружения многих идеальных городов древности было воссоздание на земле устройства Вселенной, чтобы планировка города стала посредником между небом и землей, святилища Солсберийской равнины или Сармизегетузу в Дакии (современная Румыния) следует рассматривать как ранние примеры этого же устремления. В еще более прямом смысле то же самое справедливо и для таких святилищ городской природы, как зороастрийский храмовый комплекс Тахт-е Солейман в Иране с грандиозной кольцевой стеной вокруг затопленной водой кальдеры потухшего вулкана. Круглые города Персии не могут рассматриваться в отрыве от этого религиозного по своей функции примера — точно так же как символика семи планет в мидийской Экбатане и двенадцати знаков зодиака в сасанидском Горе (ныне Фирузабад) неотделима от магических ритуалов их жрецов.

Рис. 162

Рис. 182

Однако непосредственно к предмету нашего разговора мы переходим в тот момент, когда первобытное стремление создать место почитания и умиротворения космических энергий оборачивается возникновением единой системы, в которой на местности прочерчиваются движения не только светил, но и каждого из нас. Это происходит, когда в обществе воцаряется четко сформулированное убеждение, что ключ к космической гармонии лежит в руках одного человека — короля, императора или первосвященника. Такой деятель восседает на вершине человеческой пирамиды и контролирует общество в той степени, какая гарантирует, что все элементы мироздания пребывают на своих местах, а все мы, в зависимости от своего положения, заняты тем, чем он поручил нам заниматься.

Таким образом, идеальный город, в отличие от Стоунхенджа или Тахт-е Солеймана, фиксирует структуру не только веры, но и государства. Деятельность верховного обладателя государственной власти согласуется с божественной волей, поскольку он общается с небесами либо непосредственно, либо с помощью ритуалов, а порою он сам по себе божественен. Как гласит ассирийская пословица, «человек — тень бога, раб — тень человека, но царь равен богу». В этой своей роли правитель использует идеальную схему города, чтобы организовать все его население (которое, как и подобает городскому населению, само по себе разнородно) в совокупность социальных слоев, поразному соотносящихся с его собственным положением. Нас расставляют или расселяют сообразно роду нашей деятельности или, возможно, нашему происхождению, а расстояние, отделяющее нас от смыслового центра городской схемы, соответствует статусу или рангу, присвоенному нам самим правителем.

Другой тип не завершенной, но предвещающей завершенность городской схемы связан с общественным укладом,

лишенным централизованного аппарата управления. Например, прославленное Клодом Леви-Строссом племя бороро из бразильского штата Мату-Гросу строит свои кольцевые поселения со строгой ориентацией по сторонам света, располагая дом для мужчин и танцевальную площадку в центре круга, а остальные сооружения — в соответствии с родовой и классовой структурой деревни. Индейцы шайенны также использовали для временных стоянок кольцевую планировку, как и нгуни в Южной Африке для своих лагерей-краалей, где могли укрываться и люди, и скот. В этих примерах с нашей точки зрения отсутствует непререкаемый политический авторитет, который превратил бы такую схему в воплощение вечного неизблемого порядка. Известно, что в некоторых африканских деревнях смерть вождя приводит к переориентации всей планировки с хижины умершего на хижину нового лидера. А династический город всегда остается неизменным — в этом и состоит суть династии. Когда происходит государственный переворот, у нового режима имеется два варианта: либо во имя легитимности и преемственности идентифицировать себя с предшествующей властью, либо, наоборот, подчеркнуть разрыв с прошлым, покинув династический город ради своего собственного. Однако племенное кольцо может, не претерпевая особых внешних изменений, трансформироваться из структуры, основанной на общем согласии, в структуру, основанную на принуждении. Когда краали зулусов разрослись в XIX веке до размера городов с королевским краалем посередине и окружавшими его в четыре или пять рядов хижинами воинов и их семей, они уже не особенно отличались от Гора Сасанидов или круглого Багдада халифа аль-Мансура.

Пространства специализированных сообществ

Регламентация порядка и проектные схемы

Стратификации населения или строгой регламентации его поведения неизменно сопутствует схематическая планировка, характерная для специализированных сообществ вроде военных лагерей, монастырей и фабричных городов. Несмотря на искусственность ассоциативной сети таких образований и их часто не продуманную до конца геометрию, их следует признать идеальными городами в зачаточном состоянии.

Военные лагеря и гарнизонные города с готовностью выстраиваются по струнке, поскольку в них заранее ясна иерархия и четко определены обязанности жителей. Результаты могут быть очень разными, неизменна только жесткая структурированность среды обитания. Ассирийский рельеф на ортостате в тронном зале дворца Ашшурбанапала в Нимруде изображает армей-

Рис. 163. «Лагерь Ашшурбанапала», рельеф из Нимруда (современный Ирак), иллюстрация из книги Остина Лайарда. Повара и слуги изображены в момент подготовки к возвращению правителя.

Рис. 164. Римская военная крепость в Карлеоне (Уэльс) была заложена около 75 года н.э. и вскоре после этого перестроена в камне. Ее стандартный план представляет собой прямоугольник, рассеченный надвое главной улицей, *via principalis*. На Т-образном перекрестке этой улицы и *via praetoria* располагалось здание командования (*principia*) и дом военачальника (*praetorium*). Казармы для солдат занимали другую сторону *via principalis* (на переднем плане). В Карлеоне, как и в Вероне (рис. 111), амфитеатр находился за городской стеной. За ним начинается гражданский город, планировка которого существенно отличается от схематичной крепости (реконструкция Алана Соррелла).

Рис. 164

ский лагерь в виде двух скрещивающихся дорог внутри круга укреплений. Римский каструм имел строго ортогональную планировку, определявшуюся двумя перпендикулярными улицами — *via principalis* и *via quintana*, — которые вели к четырем основным воротам и делили лагерь на четыре части. Испанские пресидии, с другой стороны, состояли из небольших домиков для того ограниченного числа солдат, как правило, семейных, которое было необходимо для защиты поселения и организации новых городов и миссий. Простые глинобитные дома, выбеленная часовня, казенные «королевские» склады и помещение караула группировались вокруг площади, которая служила плац-парадом, весь лагерь был обнесен стенами из необожженного кирпича, а холостые солдаты размещались в казармах.

Составные части гарнизона — казармы для рядового состава и не столь спартанские офицерские квартиры, оружейные склады, церковь, госпиталь; на современных базах группы домов для семейных офицеров часто превращаются в типичную пригородную застройку и располагаются за пределами военных кварталов. Даже если гарнизон не представляет собой отдельное поселение, а примыкает к гражданскому городу, он все равно сохраняет свою особую пространственную структуру, не связанную с основной градоформой. Пример тому — военные городки колониальной эпохи в городах Британской Индии. Их строгая регулярность бросается в глаза на сохранившихся картах, скажем, Берхампура или Пешавара.

Мы можем отнести к принудительным скоплениям подобного толка и концентрационные лагеря. Их главным элементом также оказываются длинные здания казарм и бараков; каркас территории формируют параллельные ряды таких стандартных сооружений, обращенных свои боковым или основным фасадом к подъездным путям. Бараки гомогенизируют свой контингент, стирая ранее существовавшие социальные различия. В японских лагерях для военнопленных времен Второй мировой, вроде лагеря О'Доннелл на Лусоне, такая гомогенизация гарантировалась дроблением ротной и взводной структуры при распределении пленных по баракам в соответствии с их гражданскими специальностями. Помимо таких общих решений при размещении контингента и наличия определенных обязательных объектов вроде лазарета, уборных и административных зданий, планировка каждого лагеря зависит от целей его создания.

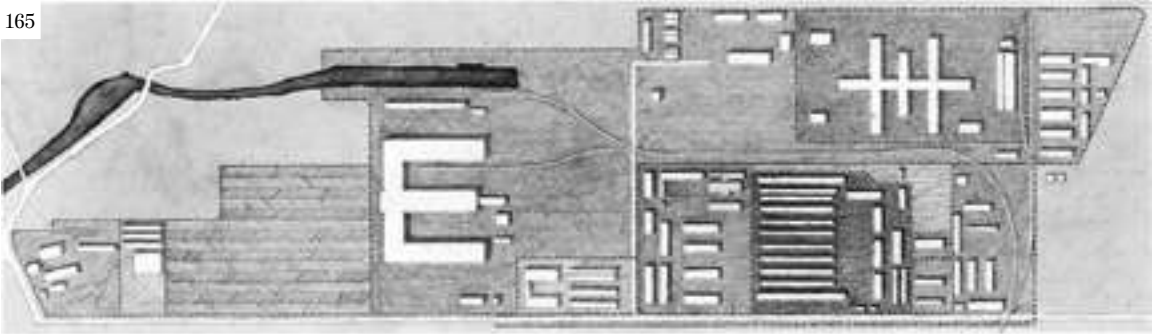
Весной 1942 года на Западе и Среднем Западе США федеральным правительством было построено десять «центров перемещения» для почти 110 тысяч американских граждан японского происхождения, живших вдоль побережья Тихого океана. Эта крупномасштабная депортация ни в чем не повинных обывателей, которых даже не обвиняли в подрывной деятельности, однако поместили под строгий военный надзор, воспринималась властями как уникальная возможность для социальных экспериментов. Официальная политика состояла в поощрении лагерного самоуправления и восстановления экономической самостоятельности интернированных. По мнению высокопоставленных чиновников вроде уполномоченного по делам индейцев Джона Кольера, опыт этих мероприятий мог

Рис. 165. Концентрационный лагерь Нойенгамме и фабрика вооружений в Гамбурге (Германия). Изначально вся эта территория относилась к небольшому кирпичному заводу (на схеме у левого края). Масштабное строительство началось тут после 1940 года.

Рис. 166. Крупный план части территории концлагеря Нойенгамме, предназначенной для заключенных. Слева – ряд барачков.

Рис. 167. Павийская чертоза – картузианский монастырь на севере Италии, заложенный в 1396 году миланским герцогом Галеаццо Висконти, – имеет планировку исключительной геометрической четкости. На этом фрагменте видны церковь (слева сверху) и большой клуатр, окруженный индивидуальными домами-кельями монахов-картузианцев; между ними располагаются здание капитула, малый клуатр, трапезная и герцогский дворец. Здесь не изображены находящийся левее конный двор и стоящие за ним дополнительные помещения для гостей и здания для осуществления мирских функций монастыря.

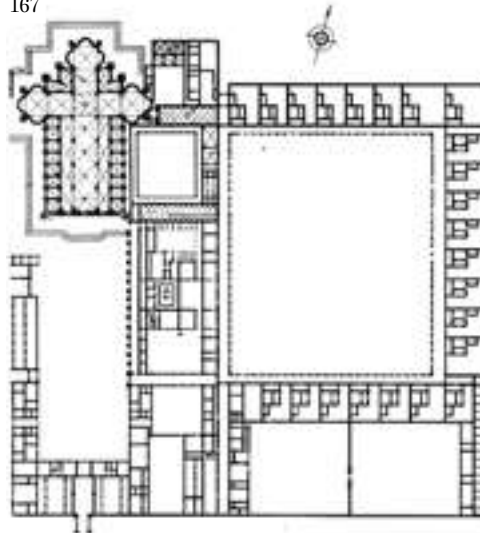
165

166

167

быть позже использован «для управления оккупированными территориями, при проведении гуманитарных операций, а также при возвращении миллионов беженцев к нормальной жизни после войны».

Несмотря на такие высокопарные заявления, центры перемещения мало отличались по планировке от уже знакомых нам лагерей. Рассмотрим для примера крупнейший из трех центров, построенных посреди пустыни в Постоне (штат Аризона)¹¹⁷. Он был рассчитан на 10 тысяч человек и объявлен готовым для заселения спустя всего несколько недель после начала строительства. На несколько километров вокруг были вырублены мескитовые деревья и прочая растительность, после чего лишенные какой-либо тени шеренги бараков вырастали прямо в раскаленной пыли с той скоростью, с какой грузовики и товарные вагоны подвозили балки, доски, толь и гвозди. Каждый сектор состоял из 14 бараков, клуба, столовой, уборных для мужчин и женщин, а также помещения для стирки и глажки. Помимо 36 жилых секторов, в лагере имелись госпиталь на 250 мест, административный корпус и складские помещения, которые занимали еще четыре сектора. Весь лагерь пересекался двумя широкими противопожарными рвами, а на центральной улице, вдоль части которой шел канал, имелись галантерейная лавка, сапожная мастерская и кинотеатр под открытым небом. Введенные военными властями механизмы самоуправления включали состоящий из представителей секторов совет общины, который служил посредником между интернированными и руководством, а также сформированный из членов совета судебный комитет, ответственный за поддержание порядка и законности, однако их наличие не находило никакого отражения в планировке лагеря. В рамках этой грубой схемы многие сектора находили для себя особые формы деятельности: в одном открылся спортклуб, в другом — кружок резьбы по дереву, в третьем — любительский театр, а в остальных — буддийский храм, христианский центр, библиотека, полицейский участок и так далее. Постон подтвердил правило: во всех идеальных городах схема будет оставаться неизменной до тех пор, пока его жителям отказано в свободе действий.

Рис. 165–166

Планировка концлагерей Третьего рейха была намного сложнее, по крайней мере после 1940 года, когда перед ними были поставлены задачи совершенно нового масштаба и оптимизация их функционирования стала насущной необходимостью. В относительно небольшом гамбургском концлагере Нойенгамме к вытянутому прямоугольнику территории с северо-запада подходил канал с портовыми сооружениями. Соединительная ветка вела к ним от железной дороги, проходящей параллельно восточной границе лагеря; там же была и станция. К югу и западу от этих путей, занимая около четверти площади лагеря, находилась территория, отведенная для содержания заключенных; охранники из СС размещались чуть западнее. На плане различий между этими двумя зонами почти не заметно,

117 См. *Leighton A.H.*
The Governing of Men (1945).

но казармы СС были менее многочисленны, меньше по размеру, просторнее и комфортабельнее, чем плотно расставленные длинные бараки для заключенных, каждый из которых состоял из двух корпусов. Здания, перпендикулярные казармам и баракам, относились примерно к тому же типу. Со стороны СС они включали бомбоубежища и офицерскую столовую; со стороны заключенных — лазарет, штрафной барак, здание для дезинсекции, баню и газовую камеру. Еще восточнее стояли три «специальных барака» — бордели. К зонам заключенных и охраны с трех сторон прилежали промышленные территории: в первую очередь крупное кирпичное производство и фабрика вооружений со стрельбищем, здания которой стояли по обе стороны от восточной железной дороги. Крематорий скромно располагался в северо-западном углу той части фабричной территории, которая находилась к западу от железной дороги¹¹⁸.

В организациях, образованных на добровольных началах, типа монастырей, жесткость накладываемых планировкой ограничений может показаться неуместной. Однако, если мужчины и женщины вступили в такое сообщество по своей воле, значит, они согласились на четкую регламентацию своего существования и постоянный надзор. По крайней мере в западной традиции соответствующий монашеский орден принимал все решения, касавшиеся устройства обителей и организации жизни в них, причем такое единообразие служило знаком смирения каждого члена сообщества. Иногда, как например во времена Каролингской империи, монастыри считались государственными учреждениями и становились объектом централизованного планирования.

Для большинства орденов в западном христианстве создание схемы монастыря начинается со стоящей в середине церкви, которая задает главные оси, и клуатра к югу от нее. Затем к этому обязательному ядру по правилам ортогонального проектирования добавляются здания со всеми прочими функциями: хозяйственные постройки и жилые помещения для послушников, слуг и гостей монастыря. В некоторых случаях монастырь мог достигать размера не самого маленького города. В идеальном монастыре времен Карла Великого, как свидетельствуют дошедшие до нас изображения, к югу от центрального клуатра размещались функциональные сооружения — скажем, сушильные печи, пекарня, пивоварня и мастерские; стойла для скота шли вдоль западной стороны; резиденция настоятеля, школа и гостевые помещения располагались к северу; а госпиталь, кладбище, аптекарский огород и отдельная миниатюрная обитель для послушников (со своей церковью) — к востоку. За пределами тщательно спланированного комплекса обитали сотни крепостных и слуг, которые трудились в полях и садах, обеспечивая монастырь всем необходимым. В последующие века аббатство Ключни, вокруг которого сложился Ключнийский орден, и некоторые цистерцианские обители вроде Клерво разрослись до еще более впечатляющих размеров.

Рис. 105

В XIX веке популярность идей коммунитарного социализма привела к созданию сотен утопических поселений, в особенности на территории США. В отсутствие монолитной вертикальной структуры, как у монашеских орденов, подавляющее большинство таких поселений на практике обладали импровизированной планировкой, формировавшейся по мере их роста. Мормонские решетки и изредка встречавшийся выбор в пользу строгой геометричности — например, шестиугольные кварталы коммун Модерн-Таймс в штате Нью-Йорк и Утопия в штате Огайо, — представляют собой скорее исключения. Гораздо чаще мы видим неупорядоченные скопления зданий, как в пиетистских деревнях в Айове или шейкерских общинах вроде Хэнкока (штат Массачусетс).

Но нам стоит быть осторожными в своих оценках.

В подобных случаях у посторонних создается впечатление «беспорядка», в то время как царящая среди самих поселенцев внутренняя дисциплина может заставлять их воспринимать структуру своей среды обитания как результат ясного социального замысла. Например, в пиетистской деревне Амана в штате Айова приезжий видел просто два ряда домов вдоль главной улицы — отсюда немецкоязычный термин *Strassendorf*, «деревня-улица», — тогда как сами коммунары обращали внимание на внутреннюю часть кварталов с их сетью «пеших улиц». Обитатели Хэнкока, на свой собственный взгляд, определяли планировку своего поселения через «выравнивание границ участков и зданий под прямым углом, иерархическое расположение зданий в соответствии с их функциями, особые формы, характерные для каждой функции, и цветовую кодировку, предписанную „Тысячелетними правилами“»¹¹⁹.

Полной противоположностью поселений-коммун, образ жизни обитателей которых был призван, по сути, стать протестом против ценностей индустриального общества, были подчинявшиеся неукоснительным правилам фабричные поселки XIX века, которыми владели и управляли практичные дельцы. По разным причинам, однако, вкладу обеих сторон в историю градостроительства суждено было остаться незначительным. Коммунарам не хватало ресурсов и навыков, чтобы браться за проектирование целых поселений, да и сама природа их экспериментов зачастую не поощряла такой централизованный подход. Что касается промышленников, то в своих поселениях они в первую очередь заботились об устройстве самих фабрик и обеспечивающих их функционирование служб — ведь действия дельцов были в первую очередь продиктованы желанием максимизировать прибыльность их производств. Большинство фабричных городов на поверку представляли собой непродуманные скопления убогого жилья в тени тщательно спроектированного и качественно выстроенного заводского здания, а также изящной резиденции владельца или назначенного им управляющего.

Большинство — но не все. Короткий перечень образцовых фабричных городов Европы и США отлично известен: Солтейр в Йоркшире, Надельбург к северу от Вены, Пулман

119 Hayden D. Seven American Utopias (1976).

Рис. 168–169. Солтейр (графство Йоркшир, Англия), схема планировки и вид сверху. Весь передний план фотографии занимает мануфактура (на схеме слева внизу). Напротив нее – церковь с полукруглым портиком и башней с куполом. Между ними проходит Виктория-роуд (в направлении левого верхнего угла и на схеме, и на фото). Далее по Виктория-роуд видно массивное Т-образное здание с башней – это «Солтейрский клуб и институт»; прямо через дорогу от него – «фабричные школы».

168

169

Рис. 79

на окраине Чикаго, Порт-Санлайт на берегу реки Мерси рядом с Ливерпулем, поселок при заводах Круппа в Эссене. О них много, и даже слишком много, говорилось в то время и написано в современной научной литературе. Эти образцовые города — детища идеалистически настроенных промышленников, которые считали необходимым проявлять отеческую заботу о своих подчиненных. Они брали на себя ответственность за физическое и моральное благополучие наемных рабочих и верили, что смогут привить тем трезвость, моральные принципы и трудолюбие при помощи проектировочных решений. Тремя ключевыми точками в схеме образцового фабричного города были завод, церковь и жилье для рабочих. Наличие других объектов зависело от видения собственника. Каждый такой город считал себя прототипом для индустриального развития повсюду. Почти все они должны были приблизить светлое будущее рабочего класса или, точнее, ускорить культурное развитие рабочих в соответствии с интересами работодателей.

Рис. 168–169

Солтейр, детище фабриканта сэра Титуса Солта, кальвиниста-конгрегационалиста по вероисповеданию, можно считать самым показательным примером такого поселения благодаря четкости его планировки и жесткости общественного договора. Центр шерстопрядильной империи Солта был заложен в 1851 году в Йоркшире, неподалеку от Шипли, и строился до конца 1860-х годов — в то время это была сельская местность, но сейчас его поглотили окраины Брайфорда. Восхищенный редактор газеты *Birmingham Post* писал в то время так:

Солтейр — это не скопище жилых домов, случайным образом расставленных вокруг завода, где работают их обитатели. Это плод ясного замысла и глубокой проработки, реализация великой идеи <...>. Он по меньшей мере показал, как можно разрушить барьеры, мешающие взаимопониманию между рабочими и работодателями <...>. Мечтатель, грезящий о возможном будущем человеческого прогресса, не мог бы вообразить более прекрасной картины, чем город, где путь к образованию открыт каждому ребенку; где уважается труд; где нет места пьянству; где радости жизни и интеллектуальные развлечения доступны для всех; и где несчастья сглаживаются предусмотрительностью и доброжелательностью¹²⁰.

Солт был, возможно, вдохновлен образцовыми фабричными поселками, описанными Дизраэли в романах вроде «Конингсби» (1844) и «Сибилла, или Две нации» (1845), и их образцовыми благодетелями — например, мистером Миллбанком, который видел в набирающем силу мире промышленности огромный источник национального богатства в виде «быстро развивающихся классов, значение которых не было должным образом отражено в конституционном устройстве и обязанностях которых перед обществом как будто не существовало»;

¹²⁰ Эта и последующие цитаты о Солтейре из: *Holroyd A. Saltaire and its Founder* (1871).

или «верным старинным английским воззрениям» мистером Траффордом, который «уже в самом начале карьеры усвоил верную модель отношений между работником и работодателем», поняв, что «их должна связывать не только выплата (и, соответственно, получение) оклада»¹²¹.

Основой всей планировки Солтейра стала прямая как стрела улица Виктория-роуд, идущая на юг, вверх от реки Эр. На ровной местности у самого берега по разные стороны улицы стоят мануфактура и церковь, неравные по масштабу, но явно задуманные как дополняющие друг друга. Ось церкви совпадает с осью триумфальной арки, которая служит входом в административный корпус мануфактуры, причем оба здания отделаны одинаковым камнем «в духе итальянской архитектуры». На другом берегу реки расположен парк.

Удаляясь от этого центра и миновав череду торговых лавок, Виктория-роуд выходит ко второму важнейшему скрещению осей. На одной стороне улицы чуть в глубине расположены «фабричные школы», а на другой, с тем же отступом, — «Солтейрский клуб и институт». Эти учреждения обеспечивали интеллектуальное развитие работников на разных этапах их жизни. Школьные классы искусно делились пополам системой перегородок, что позволяло мальчикам учиться отдельно от девочек, «но в то же время под полным контролем учителя». Окончив школу, выпускники приступали к длившемуся всю жизнь обучению в расположенном через дорогу институте, «где всегда найдется место для бесед, деловых встреч, развлечений и отдыха, а также для получения образования — начального, технического и научного». Институт заменял собой еще и паб, поскольку сэр Титус запретил «пивные лавки» в своем образцовом поселении. Пространство за этими монументальными строениями, к западу от Виктория-роуд, плотными параллельными рядами занимало жилье.

На вершине холма городская ось завершалась домом престарелых и больницей — главными доказательствами щедрости сэра Титуса и его самыми сильными козырями во взаимоотношениях с работниками. Дом престарелых, который внешне напоминал сплошную шеренгу итальянских вилл, мог вместить 60 пожилых или немощных сотрудников компании, общий штат которой составлял более 4000 человек. Кроме всего прочего, его обитатели получали скромную пенсию. Право на эти привилегии при достижении соответствующего возраста или в других трудных обстоятельствах имели только «положительные» работники, которых отбирал лично сэр Титус, а после его смерти — совет попечителей. Заявления подтверждались письменными заверениями от врача и священника, а также документами о трудовом стаже. Вместо того чтобы быть всеобъемлющей программой социального обеспечения работников, эта выборочная благотворительность вознаграждала покладистых подчиненных, всей своей жизнью доказавших преданность компании и двум основным идеалам ее главы — христианской добродетели и научному учению

о гигиене, досуге и тому подобном в обществе. Не оправдавшие ожиданий работники и их семьи изгонялись из этого рая индустриальных времен и должны были сами обеспечивать себя в старости.

Священные города

Поскольку фундаментом доиндустриального общества была религия, разумно сделать вывод, что все доиндустриальные города имели сакральное измерение. Предметом же рассмотрения в этом разделе будут лишь города концентрированной святости, материальная структура которых выражает четкую программу ритуального характера. Это города, к которым возводит свое происхождение определенная религия, такие как Мекка или Иерусалим; города, где сосредоточено поклонение важнейшим божествам, как Фивы с культом Амона или Варанаси с культом Шивы; или же такие города, где правитель постарался обосновать свою власть, превратив городскую форму в изощренную космологическую метафору, как это сделал Джайаварман VII в Ангкор-Тхоме.

Иконография священного города не всегда представлена в виде легко читаемого градостроительного решения. В хаотичной городской ткани Варанаси невозможно рассмотреть сложнейшую структуру индуистского макрокосма, объясняющую наличие более тысячи храмов и пяти сотен лингамов Шивы. Утверждение, что вокруг каждого значимого святилища города можно проследить маршрут для циркумambuляций и что все эти улицы составляют целостный религиозный план, не удастся обосновать на местности. И все же пураны гласят, что в этом самом первом городе, возникшем после *махатпраляйи*, великого растворения Вселенной в Шиве, индуистская космография отражена в священных вехах и маршрутах *ятр*, паломнических процессий. Идеальная схема состоит тут из череды концентрических колец, священное значение которых растет по мере приближения к центру. Всего таких колец семь — они символизируют слои атмосферы и в восьми местах пересекаются радиальными улицами, обозначающими основные азимутальные направления. На получившихся 56 перекрестках расположены алтари слоноволового бога Ганеши, сына Шивы и Хранителя Врат¹²².

С другой стороны, в некоторых священных городах Южной и Юго-Восточной Азии схожие космологические схемы определяли изначальные планировки. Такие города возникали в Средние века как символы политического могущества (и ритуальной чистоты) своих правителей. Среди самых знаменитых примеров тут можно назвать основанный в XI веке Паган, великолепную столицу Верхней Бирмы; «город богов» Ангкор-Тхом — священный центр Кхмерской империи; и южноиндийский город-храм Мадурай, по большей части сооруженный в XVI–XVII веках и ассоциирующийся с династией Наяков и ее основателем Вишванатхой¹²³.

Рис. 173

Рис. 25

122 См. Verma T.P. et al., eds. Varanasi through the Ages (1986).

123 См. Lewandowski S. The Hindu Temple in South India (1980).

Рис. 170–171. Шрирангам (Южная Индия): план центра священного города и обзорная карта близлежащих мест паломничества на реке Кавери.

Истоком этого политического процесса было происшедшее еще с I века н.э. принятие определенной частью племенных вождей концепции *дева-раджи* — культа короля-божества и символов его власти (дворца, трона, многоярусного зонта и лингама), которые хранились в священном городе¹²⁴. В знак своего благочестия и могущества правитель строил священный город, следуя ритуальным формулам, приведенным в сакральных текстах вроде «Шилпа-шастры». Поскольку этот город воплощал собой взятую на себя государством обязанность обеспечивать связь между землей и небесами, его месторасположение тщательно выбиралось с помощью геомантии. Планировка храма и города основывалась на одних и тех же священных схемах: оба комплекса должны были быть обращены к востоку и сориентированы по четырем сторонам света. Городские ворота, числом четыре, соответствовали этим основным осям. В центре располагались главный храм и дворец. Улицы образовывали вокруг этого ядра череду вложенных один в другой квадратных маршрутов, по которым проходили праздничные процессии из колесниц с изображениями важнейших божеств. Каждая концентрическая улица носила название того месяца тамильского календаря, в который по ней шла такая процессия. Вдоль этих улиц размещались кварталы для различных кастовых и профессиональных групп.

Рис. 170–171

В Шрирангаме (Южная Индия) такая пространственная структура представлена в наиболее чистом виде. Эта структура, превосходно проанализированная Жаном Пипером, опирается на географию всего региона. Шрирангам — первое из четырех важнейших южноиндийских направлений паломничества в честь бога Вишну. Посетив их в определенной последовательности, паломник фактически совершает циркумambuляцию всех тамильских земель. Город также входит в линейную последовательность святых мест, расположенных вдоль реки Кавери, — он стоит практически на «последнем острове», замыкающем ее течение. Масштабная сакральная география сходится к священной области, окружающей сам город и разделенной на несколько концентрических зон. Центральная ее зона включает восемь прудов (девятый находится на территории главного храма) для ритуального купания паломников. Передвигаясь в нужной последовательности между этими восемью точками, паломник трижды обходит город. Еще ближе к центру находится пространство в форме ромба, чьими вершинами на юге и севере служат два *эхата*, кремационных комплекса на берегах рек Колерон и Кавери, а на востоке и западе — два ключевых святилища за пределами городских стен.

Сам город состоит из семи концентрических зон, каждая из которых имеет свои стены: четыре из них располагаются внутри храмового комплекса, а три — снаружи, в окружении жилых кварталов. С севера на юг и с запада на восток эти зоны пронизаны двумя осевыми улицами, подчеркнутыми надвратными башнями-*гонурами*, высота которых уменьшается

Рис. 172. Храм Ангкор-Ват виднеется среди деревьев позади рва.

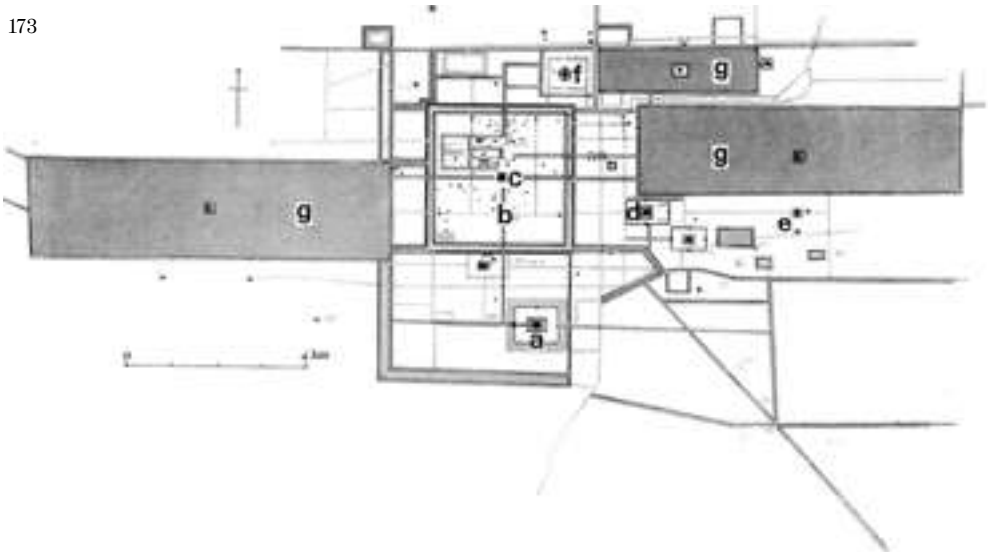
Рис. 173. Общая схема города Ангкор-Тхом (Камбоджа):

- a) Ангкор-Ват,
- b) Ангкор-Тхом,
- c) храм Байон,
- d) храм Та-Прохм,
- e) храм Пре-Руп,
- f) храм Преах-Кхам,
- g) водохранилища.

172

173

по мере приближения к центру города. Вдоль первых двух колец за пределами храма (улицы Уттира и Читтира) живут только брамины. Брамины также занимают северо-западный и юго-восточный сектора третьего кольца (улица Адайяваланджан), оставляя два других для более низких каст — сельскохозяйственных работников и крестьян на северо-востоке, ремесленников и слуг на юго-западе. За редкими исключениями по этой третьей улице не проходят процессии колесниц; по улицам Уттира и Читтира циркумambuляция осуществляется только по часовой стрелке.

Рис. 173

Построенный чуть более чем за сорок лет (приблизительно между 1181 и 1219 годами) Ангкор-Тхом был призван воспроизводить общий для буддизма и индуизма космологический ландшафт. Священная гора, на которой обитают боги, — ось мироздания; она окружена чередой более низких континентов и океанов, где живут люди и духи. В своей жестко ортогональной планировке и пышной архитектурной стилистике Ангкор-Тхом воспроизводит эту сакральную конфигурацию. Стоящий в центре города храм Байон, крупнейший во всем ансамбле, символизирует обиталище богов гору Меру. Вокруг него располагается окруженная стеной и широким рвом территория королевского дворца, которая, в свою очередь, соответствует нижним мирам космологической вселенной. Через ров было переброшено пять каменных мостов. Этот королевский город образовывал квадрат со стороной в три километра. Башни над четырьмя осевыми городскими воротами, обращенными к четырем сторонам света, как и надвратные башни главного храма, были увенчаны венцами из четырехжды повторенных ликов бодхисаттвы Авалокитешвары. Каналы, вода в которые поступала из двух водохранилищ к востоку и к западу от рва, пронизывали весь город, а также орошали землю за его пределами, где в плотно заселенных деревнях среди рисовых полей жили простые люди, а из-за своих квадратных стен выглядывали все новые храмы. Самым известным среди них был Ангкор-Ват, пять башен которого символизировали пять вершин горы Меру. Местное население, исчисляемое многими тысячами, платило дань окрестным святилищам, одновременно обслуживая их и их культы.

Рис. 172

Этим детально проработанным городским микрокосмом, задачей которых было отражать устройство небес, не найти аналогов ни в христианском мире, ни в мире классического ислама. Литература, которая описывает материальные аспекты горного мира, в обеих религиях довольно скудна. Из Эдема вытекают четыре реки. Существуют объекты, подобные древнему омфалу (ὀμφαλός), пупу земли — например Камень основания в Иерусалиме. Однако этого недостаточно, чтобы спроектировать священный город. Образность самого Небесного Иерусалима в основном условна.

В христианстве одним из заметных альтернативных решений стало создание священных городов на основе геометрической или нумерологической символики. Ранним примером тут можно считать построенное в VII–VIII веках бенедиктинское аббатство Сен-Рикье (на севере Франции), которое

образовывало единый священный город с близлежащим городком с населением в 7000 жителей. Аббатство, не сохранившееся до наших дней, было освящено в честь Троицы, и то, что его территория напоминала по форме треугольник, подчеркивало это обстоятельство. Три церкви в вершинах треугольника соединялись стенами с крытыми галереями, образуя что-то вроде расширенного клуатра — во всяком случае, насколько мы можем судить по изображению 1612 года, восходящему к XI веку. Семь близлежащих деревень играли религиозную роль наподобие семи паломнических церквей Рима. Рыцари, торговцы и ремесленники жили в отдельных частях города.

Из более поздних примеров можно привести Схерпенхевел к северо-востоку от Левена (современная Бельгия). Город, посвященный Деве Марии, был задуман в 1603 году штатгальтером Испанских Нидерландов Альбрехтом VII Австрийским и его женой Изабеллой в форме семиконечной звезды на том месте, где прежде рос дуб, связанный с культом Богородицы Звезды морской (*Stella Maris*). В качестве места паломничества Схерпенхевел должен был препятствовать распространению голландского протестантизма. В центре был разбит сад в форме семиугольника, который представлял Марию как *hortus conclusus*, «вертоград заключенный»; посередине, на месте старого дуба, поставили паломническую часовню. Между семиугольником садовой стены и семиугольником бастионных укреплений города располагалось пространство под застройку. Всю его восточную часть занимала резиденция высочайших покровителей. Через трое городских ворот в окружающую сельскую местность уходили три дороги, предназначенные для церковных процессий. Вольфганг Браунфельс пишет: «В основе этого решения лежит идея, что обороноспособность города можно повысить за счет согласованности между символической формой звезды и звездообразными укреплениями»¹²⁵. Бастионы Схерпенхевела были скрыты в 1782 году, однако его радиальная планировка хорошо сохранилась.

Политическая схема города

В то время как священный город провозглашает центральное положение религии и воплощает в микрокосме царствие небесное, идеальный город светской власти может использовать те же самые схемы, чтобы наглядно подчеркнуть могущество правителя и его вооруженных сил. В теократической системе правления, как и в случае режимов, стремящихся продемонстрировать благочестие и инкорпорировать религиозную элиту, храм, церковь или мечеть всегда находятся неподалеку от средоточия власти. Однако политическая идеальная схема подчеркивает моноцентричное господство, так что в роли самых выразительных ее средств выступают ось и круг.

¹²⁵ Braunfels W. Op. cit.

Линейные системы

Осевая организация обычно применяется в более обширной городской схеме, которая поддерживает пространство и усиливает эффекты от подобной организации. В основе такой системы лежит один из двух побудительных мотивов — либо космологический, либо топографический, опирающийся на физическую и культурную среду.

Китай — очевидное место для исследования первого из этих мотивов. Организуя пространство своих столиц, китайские градостроители неизменно подчеркивали ось север–юг, образ меридиана. Это делалось в соответствии с четко сформулированными представлениями о Вселенной и месте правителя в ней. Земля в китайской космологии была устойчивым кубом, заключенным в небесную сферу. Пространство воспринималось как совокупность вписанных один в другой квадратов, центральным из которых была столица империи, строго ориентированная по сторонам света. В сердце столицы находился дворец императора, господствовавший над осью север–юг. Как и все важные сооружения, он был обращен к югу, по направлению к Красному Фениксу, символу лета и огня. С севера же приходили зимы и свирепые орды. Северу соответствовал черный цвет, и император поворачивался лицом в ту сторону, только когда обращался к богам или своим предкам.

Все особенности городской формы, вплоть до того, где внутри *фана* (квартала или района) следует располагать дома и какого размера они могут быть, были прописаны в официальных документах, базировавшихся, разумеется, на представлениях об общественной иерархии. Во дворце император обитал в календарном павильоне, *мин тань*, и подчинял свой жизненный уклад природным циклам, перемещаясь из крыла в крыло по мере того, как сменялись времена года, и совершая за год полный оборот. Такая космологическая диаграмма, названная Великим Планом, *хун фань*, была дарована небесами первому династическому императору Китая, мифическому персонажу по имени Юй, который изобрел землемерное искусство. В основе этой схемы лежал квадрат, разделенный на девять равных частей, — и точно так же выглядел план календарного павильона. Однако при всей своей строгости такая конфигурация не была окончательной. Каждый раз, когда перемещалась столица, вместе с ней перемещался и центр Вселенной. Таким образом, речь шла об экзистенциальном, а не геометрическом или географическом порядке. Причем перенос столицы вовсе не был редкостью: каждый новый правитель хотел получить свою собственную и потому перестраивал унаследованный город или закладывал новый в другом месте¹²⁶.

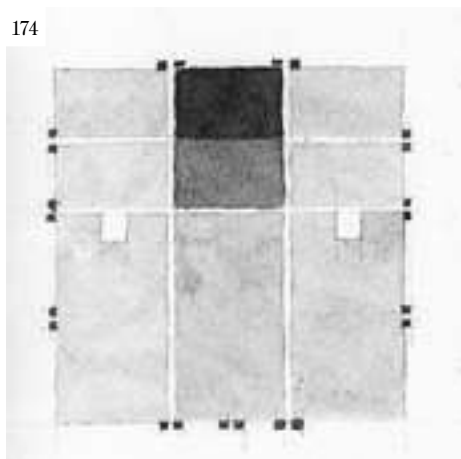
Если придворным не удавалось навязать государю какой-нибудь из уже существующих городов, для новых столиц существовало два базовых градостроительных решения, и оба использовались уже в первом тысячелетии до н.э. На самом

¹²⁶ См. классический труд по этой теме: *Wheatley P. The Pivot of the Four Quarters* (1971).

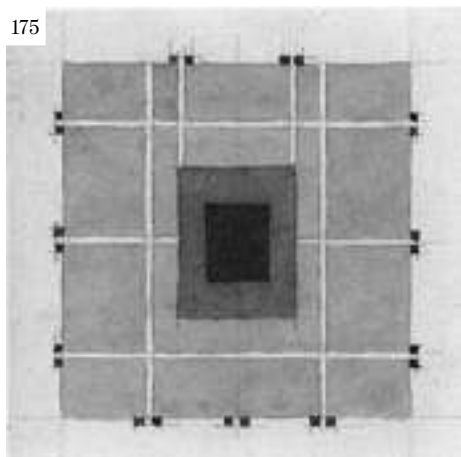
Рис. 174–175. Два древних градостроительных решения столиц императорского Китая: дворец, примыкающий по центру к северной стене, как в Чанъане (вверху); и дворец в центре города, как в Пекине (внизу).

Рис. 176. Нью-Дели. Схема, отображающая расположение ведущей с запада на восток правительственной оси (снизу в центре). Дальше к северу видны Коннот-серкус и Старый Дели, или Шахджаханабад, с Красным фортом на берегу реки Ямуна (верхний правый угол).

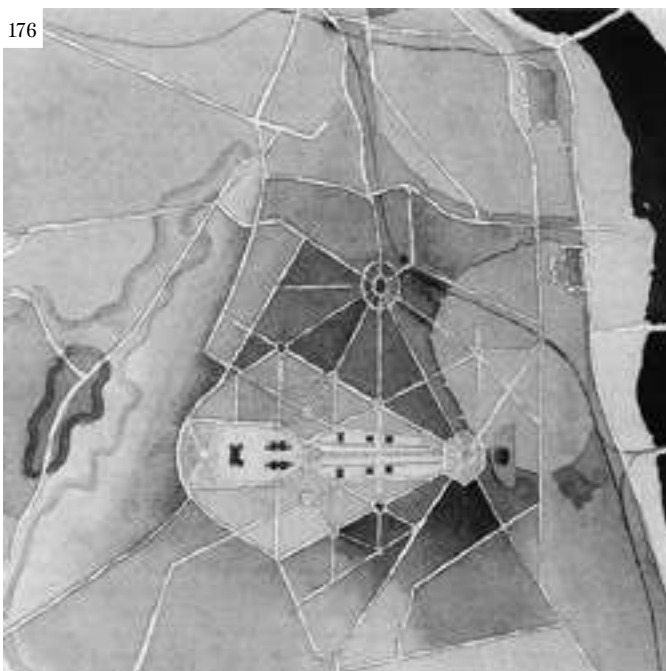
174

175

176

деле к моменту первого объединения Китая под властью империи Хань, то есть приблизительно во времена Христа, там уже существовала обширная теоретическая и практическая традиция градостроительства. Не ставились под сомнение квадратная или прямоугольная форма, четкая ориентация города по сторонам света, направление фасадов на юг, деление на функциональные зоны, а также размещение точек отправления городских культов, таких как почитание божества местной земли, предков императора и неба. Оба упомянутых решения допускали искажения идеальной формы, продиктованные особенностями топографии. Это стало особенно актуальным после того, как китайцы распространились в долину реки Янцзы и в горные регионы на востоке и юге, где, в отличие от равнинных территорий севера, было довольно затруднительно строить города, неукоснительно следуя аккуратным схемам.

Рис. 174

Примером первого решения был город Чанъань времен династии Тан, то есть VII–IX века н.э. Там императорский дворец стоял в северном конце центральной оси, как описано выше. Город располагался на берегу реки Вэйхэ на юге центральной провинции Шэньси. Во времена династии Тан периметр его внешних стен составлял более 36 километров, а население — около миллиона жителей. Более ранний город на этом же месте, Чанъань эпохи Западная Хань, был намного меньше; простые люди жили сразу за городскими воротами.

К VIII веку план Чанъаня эпохи Тан стал единым для всей Восточной Азии символом государственного могущества. Начиная с 708 года он воспроизводился в японском Хэйдзё-кё, а потом и в других японских столицах VIII века (Нанива-кё, Шигараки, Куни-кё); то же самое можно сказать и о Лунцюань-фу, столице королевства Бохай (современная китайская провинция Хэйлунцзян). По размеру Хэйдзё-кё, столица императрицы Гэммэй, был примерно вчетверо меньше Чанъаня; его решетка была расчерчена раз и навсегда, но, в отличие от своего китайского прообраза, город не имел внешних стен. Хэйдзё-кё предшествовала Фудзивара-кё, задуманная императором Тэмму и построенная его преемницей, императрицей Дзито — двор переехал туда в 694 году. Фудзивара-кё стала первой японской столицей, которая была построена по единому плану. Сузаку, главная улица, протянувшаяся с севера на юг, разделяла городской ансамбль пополам на восточную и западную части; на севере она заканчивалась дворцом, так же как и в Чанъане¹²⁷.

Рис. 175, ил. II

В другом варианте дворец располагался в центре столицы — это случай Пекина, который, однако, представляет собой лишь очень поздний пример подобного решения. Судя по всему, этот древний тип города после долгого забвения воскресил монгольский хан Хубилай, возводивший с 1267 года столицу Даду, чтобы утвердить легитимность своего чужеродного для Китая правления. Пекин, построенный на руинах Даду, просто сохранил эту возрожденную Хубилаем структуру. В самом деле, к 960 году, когда империя Сун завоевала Кайфын и сделала его

127 См. *Wheatley P. and See T. From Court to Capital* (1978).

Рис. 177. Кингс-уэй в Нью-Дели, вид в западном направлении, в сторону Дома правительства и зданий секретариатов. Изображенные торжества – парад 1945 года в честь победы во Второй мировой войне.

177

своей северной столицей, китайские столичные города уже утратили космологическую чистоту и стали в том числе торговыми и ремесленными центрами. По всему городу там были разбросаны лавки, которые пришли на смену жестко контролируемым крытым рынкам, размещавшимся симметрично относительно центральной оси, как в Чанъане. К примеру, Ханчжоу, южная столица Сун, имела не особенно регулярную планировку. Только консервативная династия Мин, вдохновленная примером Даду, возродила в Пекине строгие градостроительные практики в духе классической космологии.

Инструкции по созданию столиц пекинского типа содержатся в трактате «Чжоуские ритуалы», составленном предположительно в I веке н.э.: «Лишь государь устанавливает порядок в империи, указывает четырем четвертям их надлежащее положение, придает столице ее форму, а полям — их границы. Он создает должности и определяет их полномочия, чтобы задать срединную точку, к которой люди смогут обращать свой взор»¹²⁸. Город начинается с сооружения внешней стены в форме квадрата, с каждой стороны которой имеется по трое ворот. Главные артерии, протянувшиеся с востока на запад и с севера на юг, соединяют эти ворота и пресекаются только вторым оборонительным периметром — стенами расположенного в самом центре дворцового комплекса. По шесть второстепенных улиц также идет с севера на юг и с запада на восток. «На идущих с севера на юг улицах должны разъезжаться девять повозок». Храм в честь предков императора располагается к востоку от центра города, алтари земли и зерна — к западу, зал аудиенций правителя — к югу, а рынки — к северу.

В отсутствие подобной сложной системы верований политическая ось определяется расположением дворца, которое, в свою очередь, избирается в зависимости от особенностей рельефа местности, а если на территории находятся артефакты более ранних культур или предшествующих режимов, то и с учетом возможности выстроить символические связи. Давайте совершим гигантский скачок из древнего Китая в Британскую империю начала XX века, в новую столицу ее индийских владений. В следующих главах мы еще несколько раз вернемся к Нью-Дели, но сейчас меня главным образом интересует его правительственная ось. В первоначальном проекте Эдвина Лаченса Нью-Дели был организован вокруг широкой эспланады с запада на восток, известной как Центральная перспектива или Кингс-уэй, «Дорога короля». Она протянулась от господствовавшего над всей округой холма Раисина, где должен был появиться увенчанный куполом Дом правительства, до крепости Пурана-Кила, стоящей на месте Индрапрастхи, древнейшего из нескольких исторических «городов Дели», замененных британцами новой столицей.

В смысле формы прообразом Центральной перспективы послужил Национальный молл в Вашингтоне с Капитолием в начале протяженного зеленого пространства и Мемориалом

Рис. 176

Рис. 177

Рис. 207

128 Цит. по: *Skinner G.W., ed. The City in Late Imperial China (1977).*

Ил. XXVIII

Линкольна на противоположном его конце. Однако ее символизм был характерен исключительно для британского колониализма. Перед Домом правительства, официальной резиденцией вице-короля Индии, стояли массивные здания секретариатов, формирующие монументальные пропилеи Центральной перспективы, а еще дальше находились корпуса Исполнительного совета. Офицерский состав был расквартирован непосредственно к северу и югу отсюда, причем те, кто имел более низкое звание и меньшую выслугу лет, размещались на северной стороне. Восточным концом Кингс-уэй служила шестиугольная площадь с триумфальной аркой и радиально расходящимися от нее улицами. В этом районе размещались резиденции властителей «туземных княжеств» Британской Индии. Продвижение вдоль главной оси с востока на запад в направлении высшей точки — дворца вице-короля — описывалось в пояснениях к окончательному проекту 1913 года в символических терминах: «Воображение устремляется от механизмов власти к основной ее движущей силе», Дому правительства, который был не только сердцем нового города, но и «краеугольным камнем господства над всей Индийской империей, местом Правления в его наивысшем выражении»¹²⁹.

Ось восток-запад пересекалась улицей Куинз-уэй, «Дорогой королевы», которая должна была вести на север к железнодорожному вокзалу и на юг к так и не построенному англиканскому собору. На перекрестке располагались четыре крупных здания, в которых разместились Восточный институт, Национальный музей, Национальная библиотека и Имперский архив, сформировавшие таким образом целую площадь культурных институций. К западу от Куинз-уэй, между вокзалом и секретариатами, располагалось жилье правительственных чиновников и клерков европейского происхождения, далее шли кварталы индийских клерков, а еще дальше — «неофициальное» пространство для тех, чей статус был слишком низок, чтобы претендовать на определенное место в имперской столице: батраков, уборщиков и *дохби*, представителей касты прачек. Иерархическое распределение жилья шло от Куинз-уэй веером, начиная с резиденций заместителей руководителей департаментов, затем руководителей отделов, затем начальников канцелярий, затем старших европейских клерков, а за ними — клерков-индусов. Корреспондент калькуттской газеты интересовался: «Не лучше ли селить на окраинах более высокопоставленных и состоятельных людей, которые могут позволить себе не жалеть бензина и шин, тогда как их подчиненные ходят на работу пешком?» Но он, очевидно, либо не постиг сути идеальных городов, либо постеснялся в открытую признать их логику.

На самом деле ось Кингс-уэй и система гексагональных решеток вокруг нее формируют сложную пространственную структуру, основанную на критериях расы, профессионального ранга и социально-экономического статуса. Будучи

129 Здесь и далее цит. по:
*Irving R.G. Indian Summer: Lutyens,
 Baker and Imperial Delhi (1981).*

приписанным к определенной зоне внутри этой структуры, вы еще точнее определяли ваше положение через высоту над уровнем моря, близость к Дому правительства, размер вашего комплекса зданий, размер вашего жилища, ширину улицы, на которой оно находилось, название улицы, а также цифры вашего адреса (например «квартал 4, корпус 1Е»)¹³⁰. Такая же сложная иерархия соблюдалась при возведении временных лагерей для проведения имперских дарбаров, подобных тому, который лорд Керзон организовал в 1903 году по случаю коронации Эдуарда VII.

Рис. 178

Модернизм, с его предубеждением против монументальности и верой в отмирание традиционных общественных институтов, кажется довольно неподходящим архитектурным языком для политических идеальных схем по образу Нью-Дели. Именно поэтому правительственную ось в Бразилии, новой столице Бразилии, можно назвать примером настоящего иконоборчества, присущего 1960-м годам. По обе стороны от эспланады шириной в 200 метров планировщики расставили здания министерств, которые имели одинаковый внешний вид — возможно, чтобы подчеркнуть символическое равенство между ними. Два традиционно наиболее престижных министерства, иностранных дел и финансов, получили отличные от прочих здания ближе всего к восточному концу оси. Находящаяся там площадь Трех Властей объединяет комплекс Национального конгресса, дворец Планалту (рабочую резиденцию президента) и здание Верховного суда. Непосредственно замыкает ось Национальный конгресс, обращенный к ней двумя напоминающими мираж глухими белыми башнями — на самом деле торцевыми стенками высотных зданий парламентского секретариата. По обе стороны от башен расположены две полусферы залов заседаний — Федерального сената (с куполом в небо) и Палаты депутатов (напоминающая чашу). Если двинуться вдоль оси в другую сторону, сразу к западу от министерств мы увидим не менее зрелищное здание кафедрального собора — каркас огромного круглого шатра, увенчанный шипастой короной. Еще западнее на противоположной стороне эспланады стоит здание Национального театра, а за ним главная ось рассекается поднятой на эстакаду основной автомобильной магистралью города. После этой развязки ось продолжается к телебашне, затем к скромному комплексу муниципалитета и, наконец, к железнодорожному вокзалу на самом краю города.

Централизованные системы

Политический порядок может выражаться не только путем подчинения городской формы единственной главной оси — с той же целью город может делиться на зоны, значимость которых будет убывать по мере удаления от центра.

130 См. *King A.D. Colonial Urban Development: Culture, Social Power and Environment* (1976).

Рис. 178. Бразилиа, правительственная ось, перспектива на восток по направлению к площади Трех Властей. Справа виден собор, отделенный от площади одним из рядов министерств.

178

Рис. 179. Дзёкамати Эдо (Токио) в 1849 году, фрагмент гравюры по дереву. Эдо был основан в конце XII века вокруг замка, построенного Эдо Таро Сигэнагой, губернатором провинции Мусаси. В отличие от ясной геометрии Хэйдзё-кё, Эдо развился в город с нерегулярной, но глубоко осмысленной планировкой, которая отражала военно-кастовую систему, типичную для подобных городов при замках. К началу XVII века здесь оказалось сосредоточено управление всей феодальной Японией; с населением более миллиона человек Эдо был, по всей видимости, крупнейшим городом в мире.

179

Существует два тесно связанных между собой варианта подобной планировки — кольцевая и радиальная.

1. Кольцевая организация

Сам термин «кольцевая» подразумевает под собой форму круга, однако в городской схеме это в лучшем случае только приблизительно так. *Дзёкамати* — японские города при замках, ставшие символом могущества феодальной аристократии в период ослабления центрального правительства в XVI–XVII веках, — едва ли можно назвать примером геометрической четкости городов, и тем не менее в них недвусмысленно видна идеальная схема централизованной власти. Такие города — среди которых можно назвать Эдо, Осаку, Токусиму, Коти и Кумамото — служили столицами *даймё*, новых феодальных вассалов, и были организованы вокруг их замков. Цитадель опоясывали два кольца резиденций вассалов. Между ними и цитаделью располагались жилища высших должностных лиц под защитой основного вала и внутреннего рва. Кольцо для менее знатных вассалов оставалось незащищенным, не считая внешнего рва и — порой — земляной насыпи. Вокруг этого пояса располагались храмы и святилища, формировавшие первую линию обороны и контролировавшие главные дороги и точки доступа в город. Между двумя кольцами резиденций вассалов жили торговцы и ремесленники, пользовавшиеся покровительством даймё.

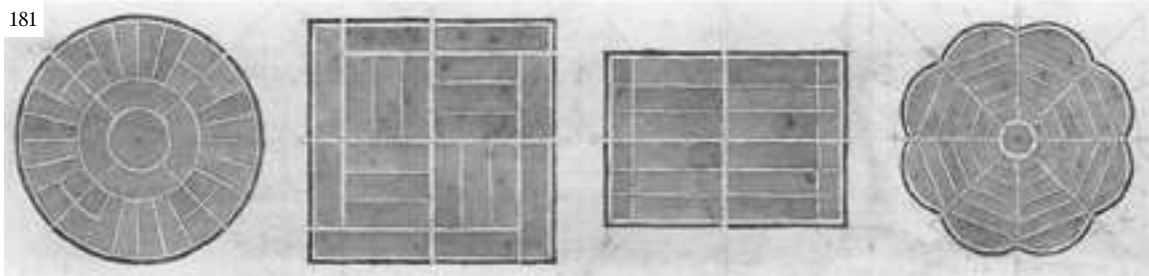
Рис. 179

Космологические воззрения, характерные для Южной и Юго-Восточной Азии, сочетали идею круга (и ее градостроительное воплощение — централизованный идеальный город) с идеей квадрата, реализуемой в городской планировке в форме решетки. Самым утонченным культурным проявлением этой логики служит индийская *мандала*. Это мистический символ Вселенной в графическом выражении: он имеет форму круга, центр которого соответствует важнейшему понятию «вечности». Человек выступает как центр собственной вселенной, своих времени и пространства — таким образом он приобщается к священнойности космоса. Однако абсолютный, то есть надмирный порядок содержится в квадрате, в котором воплощается высший принцип, Брахма — именно эту геометрическую форму материальный мир принял в момент своего создания. Должным образом сориентировав эти идеальные формы — круг и квадрат — по сторонам света, их периметры можно было поделить на равные отрезки числом от 1 до 32, получив таким образом от 1 до 1024 *пад*, частей. Выбор одного из этих вариантов, или мандал, в качестве основы градостроительного решения оставался за служителем культа. Среди таких городских мандал известны *свастика*, крестообразная *дандака* и лист лотоса, или *падмака*. Планировки ранних городов восстановить нам пока не под силу, однако, если верить дошедшим до нас трактатам по архитектуре, они имели форму мандал с числом пад, соответствующим количеству жилых кварталов. Только внутри отдельной пады, где обитали представители конкретной профессиональной группы, допускалось формирование менее жесткой городской структуры из проулков и пешеходных троп.

Рис. 181

Рис. 180. Джайпур (Индия), планировка из девяти квадратов, основанная на древней мандале.

Рис. 181. Четыре градостроительные мандалы, описанные в древних индуистских текстах: круглая форма мандалы васту-пуруша, свастика, дандака и падмака.

Искаженные очертания этих абстрактных мандал или, во всяком случае, их следы можно разглядеть в планировках реальных городов вроде непальского Киртипур в долине Катманду.

Рис. 180

В Раджастане эти древние градостроительные традиции из политических соображений возродил король-астроном Савай Джай Сингх II (1700–1743), который возвел новую столицу, названную в честь него самого, — Джайпур¹³¹. Схема из девяти квадратов, соответствующая мандале *прастара*, была видоизменена с учетом особенностей рельефа местности: из-за холмов Нахаргарх северо-западный квадрат перенесли на юго-восток. Выбранный с учетом местной розы ветров наклон оси решетки к северо-востоку снижал неблагоприятное воздействие сурового климата региона. В центральном квадрате находился дворцовый комплекс с обсерваторией; остальные сектора были жилыми и пронизывались ортогональными решетками внутренних улиц. В городе было три главных улицы, идущих с севера на юг, а еще одна шла по гребню с востока на запад. На трех основных перекрестках были устроены большие открытые пространства, *чопады*, имевшие в длину и ширину по 100 метров. Они были отданы в полное распоряжение пешеходов, а вид фасадов окружающих их зданий попадал под строгий контроль. Королевский дворец занимал центральное место, соответствующее положению Брахмы в мандале, а обсерватория была способом заложить в городскую ткань реальную возможность контакта с небесами, близость города к которым символизировала вся идеальная схема. Эту затею Джай Сингха можно также связать с мусульманской традицией, сложившейся в Средней Азии, где в XV веке тимуридский правитель Улугбек возвел обсерваторию в своей столице Самарканде (современный Узбекистан). В свою очередь Улугбек, возможно, находился под влиянием еще более древней местной традиции, нашедшей воплощение в хорезмийском комплексе Кой-Крылган-кала. Это круглое городище, возникшее к северу от Амударьи еще в IV веке до н.э., функционировало одновременно как укрепленная гробница (или храм) и как обсерватория, а точнее, гигантская астролябия.

Если согласиться с классической моделью доиндустриального города, предложенной Шёбергом, можно отстаивать и более широкую универсальность кольцевой организации. Поскольку центр, согласно данной модели, всегда занят органами власти, религиозными учреждениями и жильем элиты, тогда как низшие классы вытеснены на периферию, можно сделать вывод, что стремление к формированию колец характерно для каждого доиндустриального города, какой бы хаотичной ни была его планировка.

В колониальных городах это снижение социального статуса по мере удаления от центра к периферии сочеталось с заурядной ортогональностью решетки, а то и с еще более рыхлыми пространственными структурами. В предыдущей главе у нас была возможность проанализировать городские решетки Новой Испании, выстроенные в соответствии с «Законами

131 См. *Michell G. Jaipur: Form and Origins* (1977).

Индий». Центральная площадь и ее окрестности предназначались в этих городах исключительно для высшего общества — семейств чистой испанской крови, ведущих свой род от конкистадоров. Они представляли собой вершину общественной пирамиды, которая понижалась по направлению к периферии, пока не доходила до мулатов, живших на самых окраинах.

В Новой Англии аналогом «Законов» можно считать анонимный памфлет «Упорядочение городов» (1635), устанавливавший схожую пространственную иерархию для сельских по своему характеру поселений. Автор описывал деревню в виде шести концентрических колец вокруг молитвенного дома, который становился «центром всей окрестности». Окружающие его дома формировали первое кольцо; далее следовали кольца из общинных полей и пастбищ. На этом деревня заканчивалась, и эти границы сохранялись до тех пор, пока возросшее благосостояние колонии не делало возможным появление четвертого и пятого колец фригольдов. За пределами поселения находилось широкое кольцо болот и лесов, занимавшее две трети первоначально выделенных колонистам территорий, — эти земли можно было использовать, но нельзя заселять. Распределение новых участков согласно статусу и благосостоянию поддерживало социальную иерархию. Если у второго поколения колонистов просыпалась неумная жадность до земель, изначально не переданных общине, то весь пространственный порядок обрушивался, как и дисциплина ее членов¹³².

Стандартное представление о городе и его округе как о серии концентрических колец появилось куда раньше XVII века. Древнейшим классическим примером в западной цивилизации остается платоновская Атлантида, акрополь в центре которой был окружен тремя водными и двумя сухопутными кольцами. Но конкретное городское применение — как в символическом, так и в визуальном смысле — эта формула получила только в эпоху Ренессанса.

Дэвид Фридман обратил внимание, что первый шаг в этом направлении виден в схематичном изображении флорентийского государства на одной из потолочных росписей второй половины XIV века. Такие политические символы, как лилия и орел, помещены там в самый центр. Их окружают гербы шестнадцати кварталов и четырех более крупных частей города. Далее следуют два внешних круга, посвященные гильдиям, которые представлены своими гербами и отдельно — святыми покровителями. Городские стены составляют последнее кольцо, и это единственный материальный элемент реального города, включенный в эту в остальном чисто символическую диаграмму пространственной и политической организации¹³³.

В своей сочиненной в 1403–1404 годах похвале Флоренции гуманист и в будущем государственный секретарь республики Леонардо Бруни намного более конкретен. Он описывает город и его владения как идеальную зримую сущность,

132 Этот вывод основан на: *Stilgoe J.R. Common Landscape of America, 1580–1845* (1982).

133 См. *Friedman D. Op. cit.*

Ил. XXXIV

где стены окружают городское ядро с «замком всех замков» — палаццо Веккьо — в самом центре. За стенами начинаются пригороды, загородные особняки и поместья, а вокруг них — кольцо подчиненных городов; «и эта самая внешняя область заключена в еще более крупное кольцо». Здесь мы можем явно почувствовать зарождение ренессансного идеала «совершенного города»: в самом деле, изображение Флоренции, датированное последней четвертью XV века, точно воспроизводит геометрию Бруни — мы видим там круглый город, окруженный крепостной стеной, окрестными деревнями и кольцом далеких гор. Однако в другом месте своего панегирика Бруни называет более древний источник образности, характерной для кольцевой городской схемы: «Град находится в центре, как страж и господин. Иные поселения окружают его по кругу; каждое на подобающем ему месте. Поэт мог бы вспомнить тут о луне и окружающих ее звездах»¹³⁴. Эта астрономическая метафора напоминает о распространенной в Средние века традиции изображать птолемееву модель Солнечной системы в виде набора концентрических кругов. Фреска конца XIV века на стене пизанского некрополя Кампо-Санто включала, например, изображения стихий, планет, звезд и девяти чинов ангельских.

В древнем мире, где связь между космическими силами и источниками политического могущества считалась нормой, между кругами небес и распространяющейся из единого центра монаршей волей не возникало никаких конфликтов. Ставший колыбелью абсолютной власти Ближний Восток без оглядки раскручивал свои городские кольца. Ассирийцы, а после них и персы обожали такие самодержавные схемы. Эта традиция зафиксирована у Геродота, который пишет о столице Мидии Экбатане (ныне Хамадан), основанной в 715 году до н.э. на пологом холме посреди равнины в северо-западной части современного Ирана. Город имел форму идеального круга и был снабжен сложной оборонительной системой, состоящей из семи концентрических стен. Каждая из них была выкрашена в свой цвет, характерный для одной из планет: внешняя стена была белой, что означало Юпитер, а в самом центре находились серебряная стена Луны и золотая стена Солнца. Царь и его окружение пребывали в центральных кольцах, далее в нисходящем порядке шли все менее значимые чиновники; простой народ жил за пределами внешних стен.

Эта традиция продолжилась в Парфии и в государстве Сасанидов. Ядра их космологических городов остаются малоисследованными, однако у нас уже есть достаточно оснований утверждать, что их круглая форма с дворцом и храмом в самом центре была продуманной идеальной схемой монаршей власти. Хатра была окружена двумя кольцами стен и имела большой храмовый комплекс в самом центре. Идеальная окружность стен другого парфянского города, Дараба на юге Ирана, включала в городскую территорию два скальных образования, на одном из которых стоял дворец, а на другом, вероятнее всего,

134 См. *Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance* (1966).

Рис. 182. Город Гор (ныне Фирузабад, Иран), столица государства Сасанидов в III веке н.э.

Рис. 182

храм. Поблизости находится Гор (Фирузабад), место первой столицы государства Сасанидов Ардашир-Хварраха, построенного основателем династии Ардаширом I (226–240). Огромный круг на этом месте различим до сих пор. Город имел радиальную организацию и делился на 12 секторов, названных по знакам зодиака.

2. Радиальная организация

Комбинация концентрически организованного пространства и улиц-лучей, связывающих центр с периферией, напрашивается с точки зрения удобства перемещения по городу; однако сейчас нам важнее, что с политической точки зрения такая комбинированная схема служит мощным визуальным выражением всепроникающей природы абсолютной власти. Одновременно радиальные улицы могут играть вспомогательную роль, отделяя друг от друга элементы городской структуры промежуточного масштаба.

Несовершенные примеры такой организации распространены весьма широко. Даже в традиционных африканских обществах радиально-кольцевые города неизменно сопутствовали политической централизации. Это касается, к примеру, культур ашанти, йоруба, хауса и ганда. В городе йоруба Ифе радиусы начинаются от королевской резиденции и пересекают несколько кольцевых дорог, прежде чем добраться до тех или иных провинциальных центров. Эти второстепенные комплексы располагались на разном расстоянии от резиденции в зависимости от ранга и социального статуса своих вождей; каждый вождь брал на себя ответственность за состояние дороги, ведущей к его комплексу.

Рис. 9

Знаменитый «круглый город» Багдад VIII века (также известный как Мадинат ас-Салям, «Город мира») представляет собой классический ближневосточный пример радиально-кольцевой планировки. Он был основан халифом аль-Мансуром как столица государства Аббасидов, второй великой династии ислама. Планировка города продолжала автократическую традицию Персии, завоеванной мусульманами в предыдущем столетии. В самом деле, Багдад стоит на реке Тигр совсем недалеко к востоку от Экбатаны.

На территории города аль-Мансура никогда не проводились раскопки, но литературные источники дают нам вполне полное представление о его структуре. В центре круга имелся обширный двор, где стояли дворец правителя, мечеть и два здания для гвардии и полиции. Попастъ в этот круглый двор могли очень немногие и исключительно пешком. Вокруг него располагались дворцы детей халифа, жилые помещения для его слуг и рабов, а также правительственные учреждения вроде казны и арсенала. Вход в эти здания первоначально осуществлялся из круглого двора, однако вскоре их ворота были перенесены царским указом на кольцевую дорогу, отделявшую личные владения халифа от широкого жилого пояса, где обитали военнотружущие его армии, тщательно отобранные так, чтобы представлять этническое и племенное разнообразие мусульманских земель. Город окружала двойная стена, так что попасть внутрь можно

было только через одни из четырех ворот. С центральным двором ворота соединяли четыре крытые улицы, прорезавшие жилой пояс. Они использовались в качестве рынков, снабжавших жителей королевского города самым необходимым, до тех пор пока аль-Мансур, опасаясь за свою безопасность, не вынес всю торговлю за стены.

Средневековый Запад не знал сопоставимых примеров радиально-кольцевой городской схемы, обусловленной политической властью. Иногда исследователи находят примеры вроде немецкого Нердлингена, однако там круг отражал нерегулируемый, «органический» рост города: кольцевые дороги сменяли ставшие ненужными в процессе развития стены, а сходящиеся к центру улицы были кратчайшими путями к рыночной площади и собору.

Античные города также не проявляли склонности к столь автократическим идеальным схемам. Там, где власть воспринималась как принадлежащая народу, «центром» был рынок-*агора*, а акрополь, «голова города», представлял собой естественную возвышенность, занятую богами. Никаких дворцов просто не существовало. Описывая идеальный город на острове Атлантида, Платон помещает в самый центр окруженный кольцом стен акрополь; от него расходятся двенадцать областей, в каждой из которых проживает отдельная группа населения. В довольно загадочном фрагменте комедии «Птицы» Аристофан вроде как отвергает радиальную организацию в пользу решетки — возможно, в качестве похвалы системе ортогонального проектирования Гипподама Милетского (с. 138):

Затем прямую, тоже по линейке,
Я проведу, чтоб круг квадратом сделался.
Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы
Пойдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды. Звезда округлая,
Лучи прямые¹³⁵.

Так или иначе, дальше слов греки в вопросе сооружения идеальных городов не заходили. Они не построили ни одного, точно так же как и римляне, поскольку наверняка видели противоречие в сочетании радиальной схемы и общественного уклада, в котором все граждане — по крайней мере в теории — были равны.

Чем римляне действительно занялись, так это поиском функционального обоснования для подобной политической схемы. Витрувий упоминает круглые города мимоходом, с таким пояснением: «Очертание города должно быть не прямоугольным и не с выступающими углами, а округлым, чтобы за неприятелем можно было наблюдать сразу из нескольких мест»¹³⁶. Что касается радиальной организации, Витрувий объясняет ее с точки зрения преобладающих ветров. Их было восемь, и восемь радиальных улиц можно было проложить из центра таким образом, чтобы ни одна не совпадала с этими предполагаемыми направлениями ветра. На самом деле, как мы уже поняли в предыдущей главе, Витрувий не предлагал

Рис. 128

прокладывать радиальные улицы, а хотел использовать розу ветров, чтобы создать «безопасную» решетку. Лишь Чезаре Чезариано в своем переводе трактата Витрувия на итальянский (1521) интерпретировал рассуждение о розе ветров как концепцию радиального города. Для творцов эпохи Ренессанса это отчасти послужило обоснованием их мнения, что радиальные планировки возрождают давно забытые принципы античного градостроительства.

К трактату Витрувия восходит и еще одна логическая схема: в абсолютно другом контексте, описывая антропоморфные качества классической архитектуры, Витрувий называет круг и квадрат самыми совершенными геометрическими фигурами, доказывая это с помощью поразительного образа человека, чьи распростертые конечности касаются периметров обеих фигур. После этого итальянские теоретики эпохи Возрождения начали представлять радиальную или, по крайней мере, централизованную планировку как образец гуманистического совершенства и пошли еще дальше, уравнивая в политическом плане идеальный социальный порядок и правителя-гуманиста. Именно таким образом вся дискуссия превратилась в обоснование радиальной схемы идеального города.

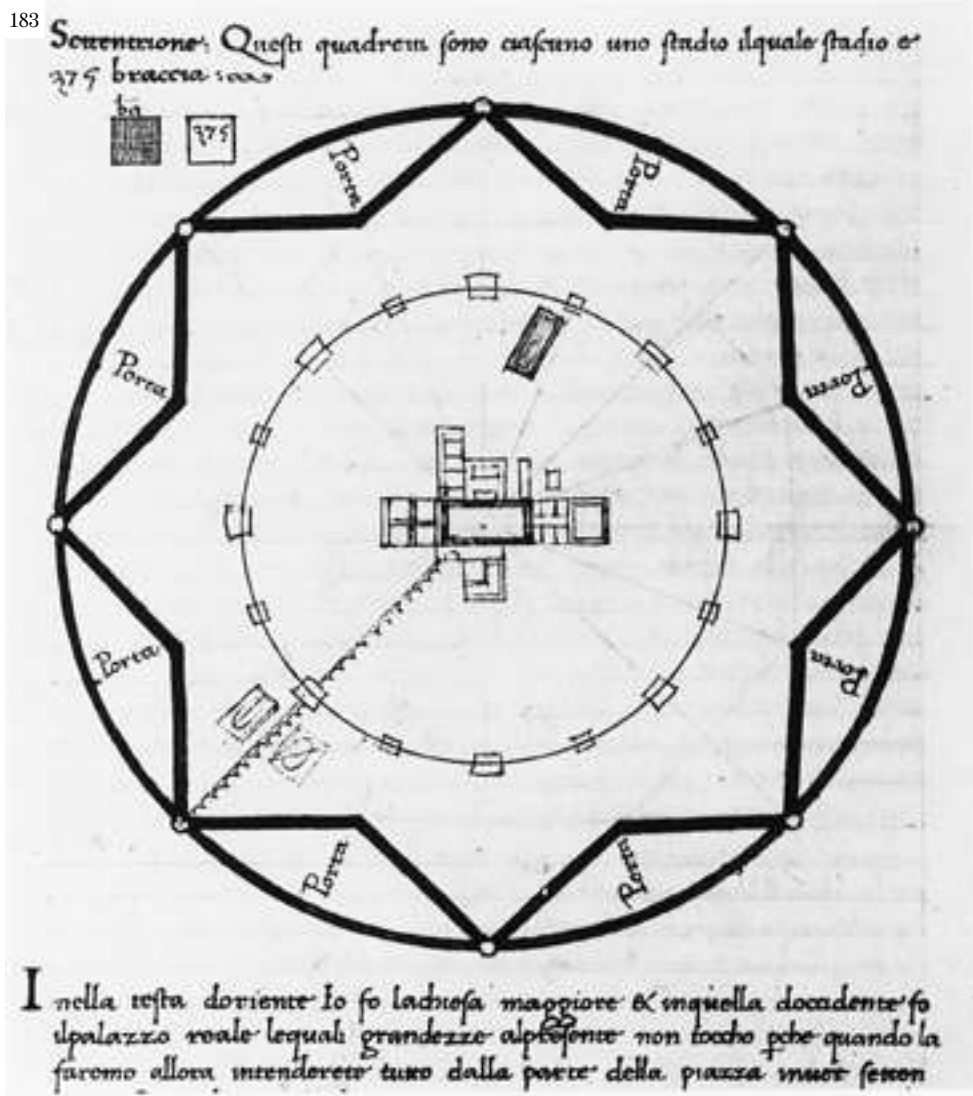
Пример Сфорцинды

Рис. 183

Сфорцинда, творение Антонио Филарете, — первый пример такого рода. Она была спроектирована в 1457–1464 годах для миланского тирана Франческо Сфорцы и названа в честь него, но так никогда и не построена. В ее основе лежит восьмиконечная звезда, образованная двумя квадратами, наложенными таким образом, что их вершины равноудалены друг от друга. Эта конкретная фигура представляет собой древний магический знак, иногда использовавшийся в эпоху Ренессанса в качестве диаграммы, соединяющей четыре стихии и четыре предложенных Аристотелем качества — сухость, влажность, холод и тепло. Учитывая интерес Филарете к магии и астрологии, столь далекие от сферы градостроительства ассоциации представляются весьма вероятными.

На окончательно доработанном плане Сфорцинды ворота размещались во внутренних углах звезды, а башни — на ее пиках. Филарете были намечены церемониальный центр с большим открытым пространством и еще шестнадцать дополнительных площадей для рынков и церквей по всему городу. В Сфорцинде должны были появиться отдельные школы для мальчиков и девочек и похожий на Колизей десятиэтажный Дом порока и добродетели, с публичным домом на уровне земли, лекционными аудиториями и, наконец, Академией знаний на самом верху. Интерес Филарете к этой теме был очень живым: он сам сообщает, что подробно изучил способы представления пороков и добродетелей. Выдвигались предположения, что радиальная планировка его города восходит к схемам Града Земного из трудов Блаженного Августина, где круг делился на сектора, каждый из которых содержал какой-то порок и соответствующую ему добродетель, или даже к аллегории

Рис. 183. Филарете (Антонио Аверлино), планировка идеального города Сфорцинда, ок. 1460–1464.

изменчивости судьбы, изображавшейся в Средние века как колесо Фортуны со спицами¹³⁷. Первый радиальный город эпохи Ренессанса был не настолько свободен от пережитков Средневековья, как нам представляется.

Изначально Филарете планировал расположить в центре города башню: идея связанных между собой площадей пришла позднее. Наиболее важные здания были сосредоточены вокруг центральной площади, которая на самом деле представляла собой ансамбль трех площадей, первая из которых предназначалась для дворца правителя и собора, а две остальные — для торговцев и их рынков. Среди прочих зданий тут имелись банк, монетный двор, бани и, вероятно, в качестве половинчатой уступки идее городского самоуправления, дворец *подеста*, ключевого муниципального чиновника в средневековых городах-государствах. Филарете довольно детально проработал здания этого центрального ансамбля, но он был намного менее уверен в том, как именно они будут сочетаться с радиальной уличной сетью. Каждую вторую улицу должен был заменить канал. Жилые кварталы включали в себя домики ремесленников и небольшую колонию для разнорабочих.

Сфорцинда задает несколько тем, которые получают свое развитие в идеальных городах более позднего времени.

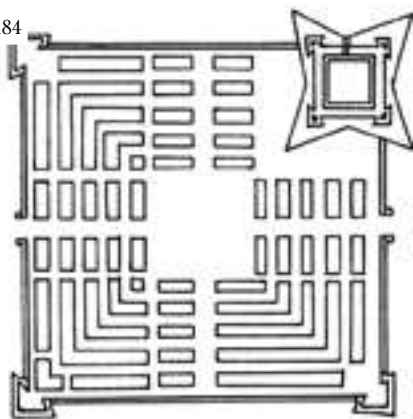
Прежде всего, при всех своих связях с прошлым, Сфорцинда выступает как прообраз гуманистических городов Высокого Возрождения, в которых идеальная форма становится отражением идеального общества. И для Сфорцинды, и для ее преемников характерен конфликт между идеалом гуманистических взглядов и реальностью деспотизма. Поскольку претворение этого идеала в жизнь требовало концентрации власти и ресурсов, которые могла обеспечить только она, идеальное общество оказывалось неразрывно связано с идеальным правителем. «Человечество находится в наилучшем состоянии <...>, живя под властью монарха, — писал Данте на заре Ренессанса. — Для благоденствия мира необходимо должна существовать монархия»¹³⁸. Таким образом, стремление к идеальной возрожденческой градоформе могло обернуться логическим обоснованием тирании.

В эпоху Ренессанса идеальный радиальный город как политическая схема редко претворялся в реальность, а если это все же происходило, результат мог оказаться на удивление выхоленным. Фройденштадт в Шварцвальде — один из таких примеров. Этот шахтерский город был построен вюртембергским герцогом Фридрихом I при серебряном руднике Кристофаль для работников-протестантов, бежавших из Каринтии и Штирии. Его окончательная форма представляет собой квадрат с центральным открытым пространством, однако для нас очень поучительно проследить, как учившийся в Италии немецкий архитектор Генрих Шикхардт пришел к такому решению, поскольку этот процесс свидетельствует об осознании его участниками политического значения централизованной планировки. В своем первом проекте 1596 года Шикхардт

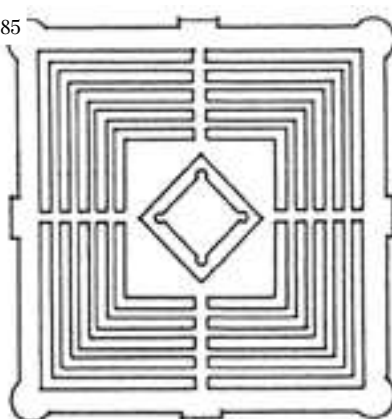
Рис. 184–185. Город Фройденштадт (Германия), основанный в 1599 году. Два варианта планировки работы Генриха Шикхардта.

Рис. 186. Стоявший в Карлсруэ (Германия) с 1715 года охотничий домик был в 1752–1781 годах заменен на роскошный дворец маркграфов Баденских, ставший фокусной точкой для 32 сходящихся к нему радиальных дорог. Большинство из них проложены через огромный парк позади дворца, но девять составили уличный каркас выросшего южнее города.

184

185

186

Рис. 184

Рис. 185

расположил резиденцию герцога на периферии, в северо-восточном углу города, что соответствовало традиционному средневековому подходу. Фридрих отверг этот вариант как «старомодный» и предложил центральное расположение замка под углом к осям главных улиц. Этот второй вариант и был принят к исполнению, хотя замок так и не успели построить. Эта история имеет и фривольный аспект: судя по всему, окончательная планировка основана на поле для настольной игры «Мельница» — якобы такая идея пришла Фридриху на ум прямо во время партии¹³⁹.

В Италии центральность резиденции правителя никогда на практике не достигала той четкости, которая была характерна для идеальной схемы Сфорцинды. Реальные города с богатой средневековой историей можно было лишь исподволь подтачивать к внешнему соответствию символически правильной планировке. Центральное положение дворца герцогов в Ферраре было искусственно создано с помощью примечательного приема: удвоения размера города с добавлением нового обширного района позади размещавшегося на периферии средневекового замка. Но в таких городах, как Римини, дворец правителя так и остался на окраине города.

Более поздний новый город, столкнувшись с той же проблемой политической идеальной схемы, смог предложить своеобразный выход из положения, в рамках которого правитель самостоятельно принял решение освободить центр. Речь идет о сицилийском Граммикеле, построенном для переселения жителей городка Оккьола после катастрофического землетрясения 1693 года. Спонсором строительства стал Карло Мария Карафа Бранчифорте, герцог Бутеры и Боччеллы. Непосредственно на шестиугольное центральное пространство города смотрит только здание церкви. Радиальные улицы выходят за пределы многоугольного городского ядра в пять спланированных по принципу решетки районов, *борго*, со своими прямоугольными площадями в центре; шестая, более просторная, предназначалась для герцогского дворца. Это одновременно и милостивый жест правителя с репутацией просвещенного, и воспроизведение давней традиции располагать город перед отделенным от него замком местного феодала.

Рис. 186, 238

Однако в предложенной Филарете идеальной схеме нашла свое отражение и альтернативная концепция радиального города власти, которая получила широкое распространение в XVII–XVIII веках после ее блестящего применения в Версале, новом придворном городе французского короля Людовика XIV. Барочные столицы такого типа соединяют в себе радиально-кольцевую и осевую структуры, когда все дороги сходятся к королевскому дворцу, который одновременно соотносится с главным осевым проспектом, упирающимся в центр его парадного фасада. Этот проспект часто выступает средним элементом в доминирующем трезубце магистралей (*trivium*). В таком случае город не окружает дворец со всех сторон: сектор, находящийся сзади дворца, занят парком.

Преимущество такой планировки заключается в том, что королевская особа одновременно и оказывается в центре политической схемы, и сохраняет ощущение безопасности, характерное для прежнего варианта неприступного замка на краю города. Более того, территорию дворца тут всегда было куда расширять, так что в своих планах правитель мог позволить себе тот типично барочный размах, который был бы немыслим в случае радиальной структуры с дворцом посередине. Особенностью подобных столичных городов становится отсутствие раз и навсегда установленных границ. Радиальные улицы расходятся во всех направлениях вглубь сельской местности. Главная ось между тем обеспечивает иерархический доступ к королевской особе — прямой, единственный (в отличие от настоящей радиальной планировки, где все лучи предполагаются равными) и допускающий социальные градации.

И еще два аспекта проекта Сфорцинды опередили свое время. Моральный настрой комментариев Филарете, наряду с такими его идеями, как Дом порока и добродетели, уводит нас прочь от эпохи Ренессанса к геометричным социальным схемам Нового времени вроде Шо, идеального города Клода-Николя Леду, который мы обсудим ниже (с. 268–271). В то же самое время Сфорцинда может восприниматься и как прообраз функциональной схемы. Филарете проектировал свой город на основе розы ветров из трактата Витрувия, таким образом оберегая будущее население от вредных погодных явлений. Однако он также намекает и на военное превосходство такого градостроительного решения — именно это соображение стало причиной резкого роста популярности радиальной модели во второй половине XVI века.

Функциональная схема города

Логика обороны

Лучшими интерпретаторами радиальной организации на деле оказались военные инженеры эпохи Ренессанса. Обсуждать городские укрепления уместнее всего в главе о городских окраинах второго тома моей диалогии. Здесь я должен лишь отметить, что идеальные схемы политического предназначения (вроде Сфорцинды Филарете) начиная с середины XVI века часто использовались в оборонительных целях, и в таком случае стратегические соображения перевешивали все остальные. Это, однако, стало возможным лишь после того, как были разрешены основные проблемы проекта Сфорцинды, и главная заслуга тут принадлежит Франческо ди Джорджо (1439–1501). Он был первым архитектором и военным инженером эпохи Ренессанса, который четко сформулировал, как могут успешно сочетаться радиальная система улиц, периферия из бастионных укреплений и общественное пространство в центре города. Он

Рис. 187

опробовал множество вариантов, в том числе с центральным пространством в форме круга и многоугольника, а также с уличной сетью, приспособленной к различному рельефу местности. Ди Джорджо осознал, что размещение ворот для циркуляции населения и обеспечение обороноспособности бастионов накладывают существенные ограничения на чисто геометрические решения. В своих проектах он попытался уравновесить потребности жителей и артиллерии, и это позволило ему заложить фундамент для более сложных экспериментов следующего столетия, в течение которого бастионная система укреплений полностью вытеснила простые оборонительные стены. Его влияние заметно в проектах Леонардо да Винчи, Франческо Марки, Скамоцци и других.

Рис. 5

Главная трудность возникала по той причине, что бастионы, чтобы оборонять весь город, должны были прежде всего обеспечить защиту собственного периметра. В связи с этим круг и квадрат, считавшиеся стандартными формами для идеального города, оказывались одинаково неудобны с точки зрения обороны. Круг не подходил в силу того, что военные инженеры предпочитали связывать бастионы прямыми куртинами: только в этом случае участок между двумя бастионами мог эффективно простреливаться с их флангов. Кроме того, строить такие куртины было дешевле. Квадратная крепость была самым компактным и самым дешевым оборонительным сооружением, однако такая форма тоже обладала существенными недостатками: отходящие от прямых углов крепости бастионы неизбежно имели острый угол между фасадами, что оставляло мало места для маневра орудий на платформе, а получившийся острый шпигель легко разрушался огнем противника (как случилось, например, в бельгийском Мариамбуре в 1554 году).

Рис. 188

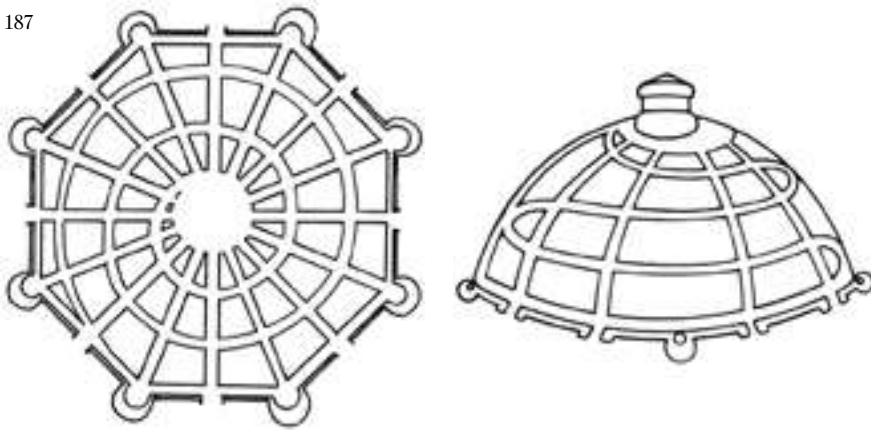
Наилучшим решением был правильный многоугольник. Такой план лучше всего подходил для воплощения на открытых, лишенных естественных преград равнинах. Бастионы, самая уязвимая часть оборонительной системы, должны были быть связаны с внутренней частью города широкими транспортными артериями, чтобы в трудный момент исправно и быстро снабжаться всем необходимым. Это подразумевало создание радиальной сети улиц, идущих от просторной центральной площади напрямую к бастионам. В идеальных планировках Ренессанса улицы, подобно спицам колеса, связывали центр с воротами, а центр, в свою очередь, был местом расположения таких зданий, как церковь и дворец. Однако в многоугольной крепости центр, наоборот, должен был оставаться пустым и немощеным. Во время осады главнокомандующий поднимался там на башню или другое возвышение, которое позволяло беспрепятственно обзирать бастионы. Чтобы проследить, как росло мастерство проектирования таких укрепленных городов, достаточно просто сравнить Филиппвиль в Валлонии, построенный голландским архитектором Себастьяном ван Нойеном по приказу императора Карла V в 1555 году, и относящуюся к концу того же века Пальманову, речь о которой шла в начале главы.

Ил. III, рис. 159

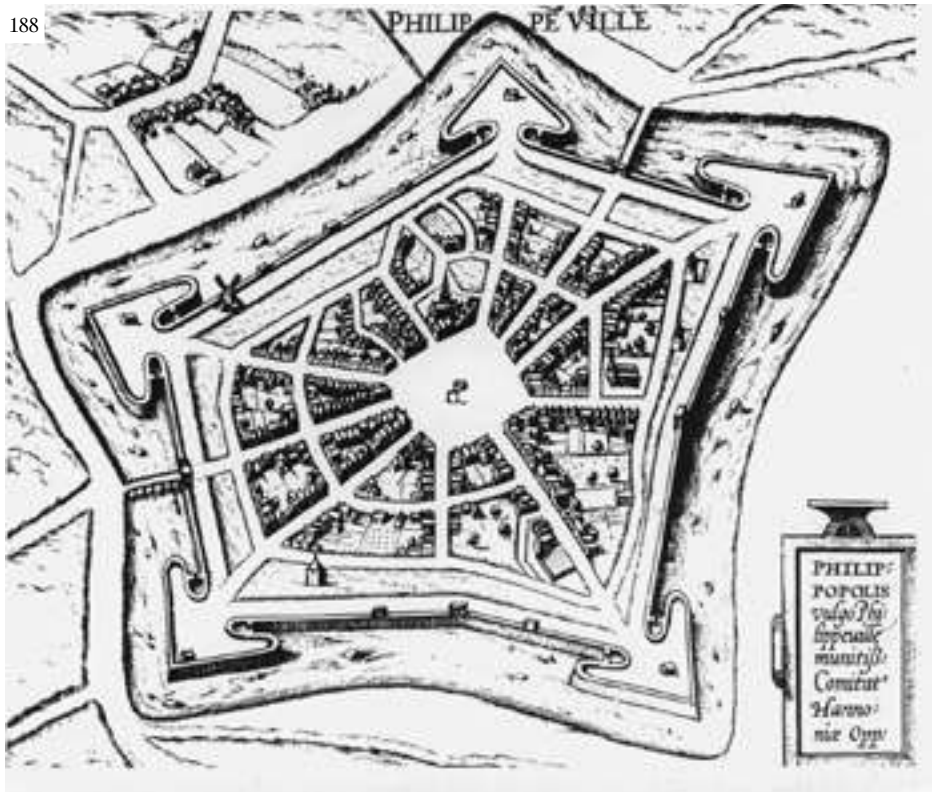
Рис. 187. Радиальные планировки для городов в холмистой местности. Франческо ди Джорджо, 1490-е годы, иллюстрация из «Codex Magliabechiano».

Рис. 188. Филиппвиль (современная Бельгия), оригинальный проект 1554 года, разработанный Себастьяном ван Нойеном. Через сто лет укрепления города были расширены Вобаном. Никаких следов этой сложной оборонительной системы не сохранилось, однако радиальная сеть улиц и центральная площадь существуют до сих пор.

187

188

В считанные десятилетия после основания Пальмановы военные технологии ушли далеко вперед и бастионы перестали быть главным элементом оборонительной системы. Перед этой последней линией обороны теперь располагалось множество вспомогательных фортификационных сооружений, от полунезависимых укреплений вроде люнетов и рavelинов до более удаленных фортов, которые в совокупности все больше изолировали город от окружающей сельской местности. На смену радиальной сети городских улиц могла теперь прийти более простая решетка, поскольку снабжение бастионов по прямым подъездным путям утратило первостепенную важность. Даже и еще раньше уличные решетки часто вставлялись в раму многоугольных городских стен — например, в проектах Пьетро Катанео.

Рис. 189–190

Одна из самых поздних реализаций модели Пальмановы — Фридрихсгам (ныне Хамина) в Финляндии, основанный в 1723 году на дороге из Або (Турку) в Выборг, на перешейке между морем и озером Кирккоярви. Больше того, Фридрихсгам возник на месте уличной решетки сгоревшего города XVII века. Новый город был спроектирован комендантом крепости Акселем фон Левеном и должен был стать основным шведским форпостом на восточной границе с Россией. Кроме того, Фридрихсгам должен был взять на себя роль центра торговли и провинциальной столицы взамен уступленного России Выборга. Форма города не могла оставаться идеальной из-за узости полосы суши, так что его северо-восточная часть со стороны озера получилась несколько сплюснутой. Тем не менее тут было восемь радиальных улиц и две кольцевые дороги. Казармы были расположены на концах радиусов, а улицу, идущую на северо-запад, полностью занимали здания военного назначения. Прочие части города оставались в распоряжении гражданских лиц.

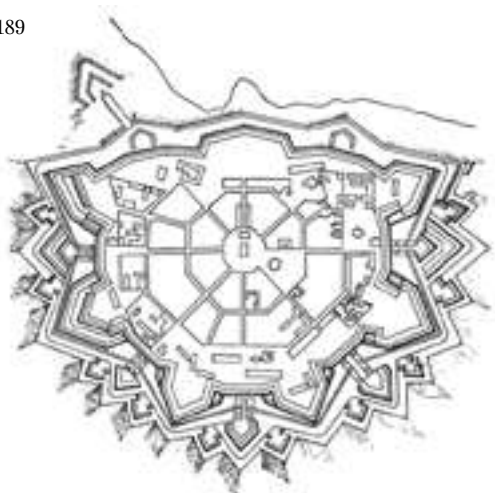
Радиально-кольцевая планировка и транспортные потоки

Удобство радиально-кольцевой планировки для сходящихся транспортных потоков было очевидно еще в Средние века; примеры тому — торговые города с их расположенным в центре рынком. Однако лишь широкое распространение карет в XVII веке и сквозные диагонали в барочных проектах открыли в истории радиального города новую главу, в которой вопросы обороны более не играли роли. В эпоху преобразования исторических центров в центральные деловые районы современных мегаполисов и возникновения систем скоростного транспорта это удобство стало настоящим символом веры в среде транспортных инженеров и градостроителей. Поезда, трамваи и автомобили превратили сеть радиальных и кольцевых улиц в комплексное транспортное решение. В старинных укрепленных городах стены сносились, чтобы освободить место для новых колец, тогда как прежние дороги из сельской местности в город переосмыслились как радиальные магистрали, связывающие с центром разросшиеся пригороды. Многолучевая звезда

Ил. IV

Рис. 189–190. Город Фридрихсгам (теперь Хамина), основанный в Финляндии в 1723 году. План по состоянию на 1750 год, а также аэрофотосъемка центральной части современного города. В середине видна ратуша, ниже нее – лютеранская кирха, а выше – ротонда православной церкви. Все три здания перестраивались в 1790-е и в 1830–1840-е годы.

189

190

начала восприниматься проектировщиками как оптимальная форма для города среднего или крупного размера. Она стала любимым приемом инженеров-транспортников и остается таковым по сей день. Кевин Линч лаконично описывает это градостроительное решение таким образом:

В радиальной системе необходим единый доминирующий центр с высокой плотностью и многофункциональностью, из которого расходятся от четырех до восьми основных транспортных радиусов. Эти радиусы должны включать в себя и линии скоростного транспорта, и автомобильные магистрали. Вторичные центры с определенной частотой нанизаны на радиусы, причем наиболее интенсивные функции либо сгруппированы вокруг таких вторичных центров, либо распределены вдоль радиусов. Под менее интенсивные функции отданы полосы в стороне от главных радиусов. Широкие зеленые клинья занимают все остальное пространство между лучами развития. На определенных расстояниях от главного центра проходят кольцевые шоссе, которые соединяют радиусы между собой. Они свободны от застройки за исключением тех мест, где их пересекают сами радиусы¹⁴⁰.

На уровне теоретических выкладок такая звездобразная планировка чарует своей строгой логикой, однако на практике она трудноосуществима, особенно в условиях капиталистической экономики. Без жесткого центрального регулирования зеленым клиньям никак не избежать застройки. Неуправляемое развитие может охватить всю длину кольцевых шоссе. Наконец, существует вполне реальная опасность перегрузки центра в качестве точки притяжения для всех транспортных потоков.

Поиск решения этих проблем велся в двух близких направлениях. Одно из них сводилось к проектированию новых городов с рядом небольших взаимосвязанных звезд, по размеру представляющих собой нечто среднее между площадями с круговым движением и неуправляемым мегаполисом радиально-кольцевого типа. Проект Уолтера Берли Гриффина, разработанный в 1912 году для новой столицы Австралии Канберры, служит ярким примером этого подхода и отличается от большинства подобных уже тем, что оказался в целом реализован. Основой всей композиции были две грандиозные оси, тесно связанные с рельефом местности: «сухопутная ось» между горой Айнсли на северо-востоке и горой Бимбери на юго-западе, проходящая через две возвышенности, называемые теперь Парламент-хилл и Кэпитал-хилл, и «водная ось», проходящая на юго-восток от горы Блэк-маунтин вдоль череды водоемов к большому озеру, возникшему после сооружения плотины на реке Молонгло. Однако эти оси не так бросаются в глаза, как целая череда звезд, или, точнее, паутин, которые отмечают все важнейшие перекрестки города. По части элегантности единственным достойным преемником проекта Гриффина стал

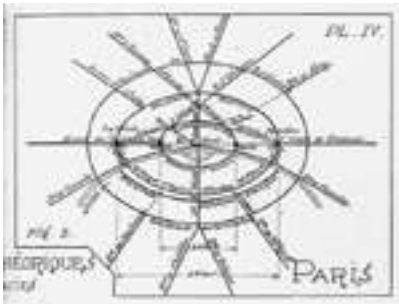
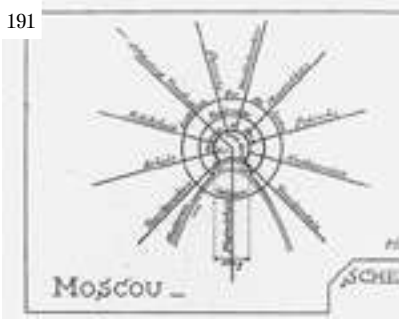
Рис. 192

Ил. XXIV

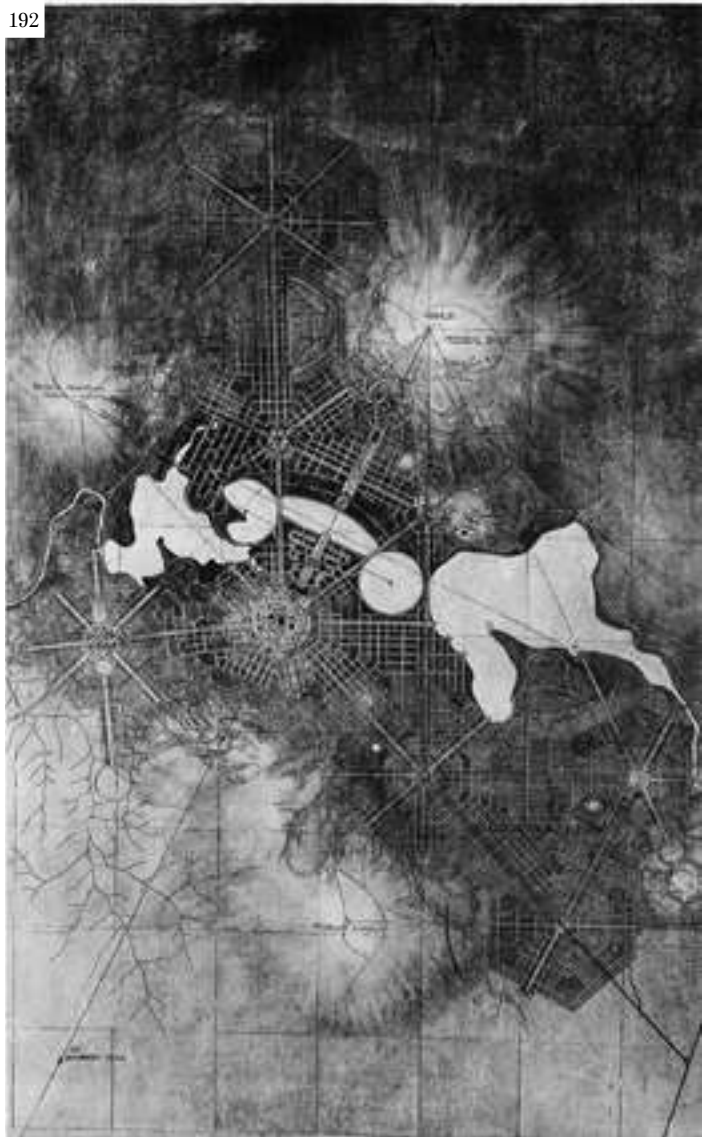
Рис. 191. Схематические планы транспортных потоков Москвы и Парижа. Иллюстрация из книги Эжена Энара «Очерки преобразования Парижа», 1903–1909.

Рис. 192. Уолтер Берли Гриффин. Проект Канберры (Австралия), победивший на конкурсе в 1912 году; рисунок тушью по шелку работы Марион Гриффин.

191

192

неутвержденный план Бразилиа, который братья Роберто представили на общенациональном конкурсе 1957 года: совокупность из семи частей, каждая из которых была самостоятельным поселением городского типа на 70 тысяч жителей, с возможностью добавления новых по мере необходимости. В каждой части должна была разместиться та или иная столичная функция — финансы, культура, социальное обеспечение, массовые коммуникации и так далее.

Для уже существующих мегаполисов предлагалось иное решение — так называемая модель городов-спутников. Идея заключалась в создании на определенном расстоянии от центральной агломерации пояса сопутствующих поселений строго ограниченного размера. Такие города-спутники отделяются от основного города широкой полосой сельской местности, а их неограниченному росту препятствуют собственные зеленые пояса. Линч резюмирует: «При сохранении доминирующего центра и общей радиальной организации мы имеем тут не непрерывный рост вдоль основных лучей, но развитие сообществ, в значительной мере обособленных от центрального района»¹⁴¹.

Рис. 193

Хотя Эбенизер Говард не был первым, кто выдвинул концепцию городов-спутников, его изложение этих идей в работе «Города-сады будущего» — впервые опубликованной в 1898 году под заголовком «Будущее: мирный путь к социальным реформам» — оказало самое сильное влияние. Знаменитой стала созданная им диаграмма, «иллюстрирующая верный принцип городского роста — сельская местность всегда рядом и быстрое сообщение между соседними поселениями». Она описывала небольшие круглые города (по 32 тысячи жителей), разбросанные вокруг центрального города (на 58 тысяч жителей) и соединенные с ним железными дорогами, а между собой — автомобильными шоссе. Такое решение быстро начало тиражироваться в различных проектах регионального развития, хотя сам Говард четко давал понять, что он не предлагает, чтобы группы городов «располагались в точном геометрическом соответствии с моей схемой». Эта диаграмма была уточнена Рэймондом Ануином: он принял решение, что все жизненно необходимые учреждения останутся в центре, наряду с определенным числом жилых районов для людей, которые там работают. Каждый город-спутник будет состоять из четырех зон: одной промышленной и трех жилых. В 1920-е годы немецкий архитектор Эрих Глётен работал в схожем направлении, но с той разницей, что он не настаивал на наличии какого-либо центра. Первоначальное поселение уравнивалось с новыми поселениями вокруг него, и такие взаимосвязанные городские единицы полностью интегрировались в окружающую сельскую местность. Каждая радиально-кольцевая единица выполняла свою городскую функцию. В каком-то смысле эта скоординированная система поселений, к которой при необходимости могли быть присоединены новые, предвосхищала многоядерный план братьев Роберто для Бразилиа.

Многие старые города стали объектом подобных фантастических планов рассредоточения. Ануин примерял свою схему к Большому Лондону; Мартин Мэхлер свел Берлин и его окрестности к схематической вакханалии пересекающихся кругов; наконец, Комиссия по городскому планированию Вашингтона разработала свое собственное «кольцо городов», предположив, как язвительно писала архитектурный критик Сибил Мохой-Надь, что «сто лет спустя люди, несмотря на все доказательства обратного, все еще не утратят веру в эту симпатичную утопию и будут безропотно отказываться от своей недвижимости в пользу государства или от центрального города во имя вечного сохранения девственной природы»¹⁴². В самом деле, Англии потребовалось пойти куда дальше черчения диаграмм, когда после Второй мировой войны в качестве центральной догмы национальной градостроительной политики там была принята (и выполнялась до недавнего времени) программа «новых городов» с ее принципом сателлитных городов-садов. Ни один из тридцати с лишним реализованных городов-спутников не выглядел как Пальманова или поселения-звезды Эриха Глэдена. Другие страны тоже создавали в последние десятилетия собственные программы рассредоточения, однако крупные города продолжали расти, да и сами города-спутники редко удавалось удержать в установленных пределах.

В США в первые послевоенные годы идея рассредоточения на некоторое время нашла для себя весьма необычную нишу. Будучи убежденными в неизбежности ядерного конфликта, правительственные агентства и участвующие аналитические центры выдвигали проекты подготовки к войне, подразумевающие сокращение размеров существующих городов. Вся новая застройка должна была располагаться на определенном расстоянии от старых центров, что уменьшило бы их «привлекательность для поражения» и тем самым повысило бы шансы населения на выживание — а в качестве побочного последствия привело бы к созданию более комфортной и здоровой городской среды. В книге Ральфа Лаппа под названием «Должны ли мы прятаться?» (1949) приводились доводы в пользу масштабного плана, который на добровольной основе предусматривал бы «распределение промышленности и жилья по тесно связанным, но не сосредоточенным в одном районе городским единицам». Выбирать предлагалось между двумя моделями. Первая сводилась к стандартной схеме из городов-спутников, разнесенных друг от друга примерно на 5 километров. Вторым вариантом стала модель «города-бублика», где место центрального делового района занимал парк или аэропорт, а коммерческие, промышленные и жилые зоны складывались в пронизанные скоростными магистралями кольца, которые перемежались парками и полями для гольфа, — классическая радиально-кольцевая схема идеального города, переосмысленная для ядерного века¹⁴³.

Рис. 194–195

¹⁴² Moholy-Nagy S. *Matrix of Man* (1968).

¹⁴³ Lapp R.E. *Must We Hide?* (1949).

Светская (социалистическая) схема города

Последняя глава в истории развития идеального города появилась в результате промышленной революции и благодаря ее побочным симптомам — перенаселенности старых городов и бедственного положения рабочего класса. Побудительной причиной тут стала насущность реформ, которая никак не была связана ни с выражением властных символов, ни с практически-ми вопросами организации обороны и транспортных потоков. Инструментарий, однако, остался тем же, что и в уже рассмотренных городских схемах: стремление к геометрической четкости, особое население (в данном случае речь шла, по крайней мере в теории, о бесклассовом обществе или же рабочем классе) и строгий визуальный контроль. Присутствовал и конфликт между авторитарным характером любой идеальной схемы и провозглашенной целью — подарить жителям возможность полноценно участвовать и в жизни своего сообщества, и в процессе его проектирования. Гораздо раньше мы уже наблюдали схожее противоречие в риторике гуманистов эпохи Ренессанса.

Вопрос, что разместить в самом центре, стал очень непростым. Какой архитектурный символ подойдет четвертому сословию — рабочим и крестьянам? Встал и другой вопрос: как воплотить эти идеальные проекты? Ведь за ними не стояла центральная власть, которая способна привлечь гигантские финансовые и трудовые ресурсы, необходимые для того, чтобы подобные видения стали реальностью. В итоге, с одной стороны, мы видим созданные архитекторами изящные пространственные формы, зачастую лишь косвенно связанные со своим предназначением. Клод-Николя Леду избрал форму круга и для города, и для кладбища, и для дома бондарей. С другой — перед нами неопрятные идиллические поселения, трогательно хаотичные, но стремящиеся к той же формальной красоте. В силу сложившихся в обществе юридических и экономических реалий как самое подходящее место для создания таких идеальных сообществ воспринимались неосвоенные, свободные от пережитков прошлого земли: Новая Зеландия, США, Алжир, Новая Каледония. Названия этих поселений говорят сами за себя: Гармония, Единство, Утопия и даже Взаимопомощь, основанная последователями Роберта Оуэна. В том, что касается реального расположения этих городов, ориентация не играла тут той роли, какую мы наблюдали в случае космологических схем. Более существенна была установка на здоровье и процветание за счет избегания вредных ветров, обилия солнечных лучей и пребывания в гармонии с природой.

Вселенная рабочих, преступников и студентов

Начать, разумеется, стоит с эпохи Просвещения. Хотя самой очевидной отправной точкой стал бы проект города Шо-руи Клода-Николя Леду (ок. 1775–1780), в XVIII столетии

предпринимались и другие, куда менее масштабные попытки создания среды для рабочих, подчеркивающие характерное для той эпохи желание одновременно рационализировать и идеализировать пространство человеческого труда.

Сан-Грегорио-да-Сассола под Римом — всего лишь небольшое аграрное поселение, однако новое стремление к упорядоченности налицо в этой овальной коммуне для нескольких фермерских семейств, возвыгнутой в XVIII веке на месте снесенной деревни. Колония Сан-Леучо в окрестностях Неаполя, основанная в 1775 году Фердинандом IV для работников королевской шелковой мануфактуры, была призвана стать не просто производственным центром, но и социальным экспериментом, соответствующим двум идеалам Просвещения — «доброго управления» и рационально устроенного общества. Первой возможной ассоциацией для такого начинания был радиально-кольцевой город Ренессанса, но в этом случае, несмотря на королевское покровительство, идеальная схема служила не правителю-гуманисту и его окружению, а рабочему классу¹⁴⁴. Впечатляющий неоклассический овал горнопромышленного поселения Гран-Орню неподалеку от бельгийского Монса продолжает в XIX веке эту благородную линию поисков общественной гармонии.

Рис. 196

Шо, как и Сан-Леучо, строился при покровительстве королевской власти, причем к тому моменту, когда Великая французская революция покончила со всеми начинаниями монархии и провозгласила Леду врагом народа, работы там зашли уже достаточно далеко. В результате как минимум частично этот монументальный проект удалось осуществить с исключительно высоким качеством. Полученный Леду заказ заключался в строительстве образцового города при королевской солеварне, идеального промышленного поселения как смыслового центра целого регионального плана, который включал в себя реку, каналы для подвода рассола, варницы (помещения для выварки соли) на окраине города и лес, источник топлива для варничных печей.

Первоначальный проект предусматривал сооружение города в форме овала — его образовывала обсаженная деревьями кольцевая дорога, которая связывалась с центром радиальными аллеями. Леду хотел, чтобы форма была «совершенной, подобной той, что описывает на небосводе солнце». Общественная и частная застройка выходила и за пределы овала: церковь, к примеру, должна была находиться сразу левее него. Духовное и социальное благополучие жителей явно ставилось тут выше физического здоровья. Например, в Шо не было больницы, но зато мы читаем у Леду о Храме памяти, посвященном Женской Добродетели, а также о неких *pacifere* (здании для разрешения ссор мирным путем) и *oikema* (доме сексуального воспитания в форме фаллоса). Все это заставляет вспомнить Сфорцинду Филарете с ее Домом порока и добродетели.

Леду писал: «Стройте храмы социальной добродетели; пусть ваши идеалы найдут опору во всеобщем договоре, который во имя благополучия каждого отвергает типичные человеческие

144 Осуществление проекта превала революция 1799 года.

Рис. 196. Клод-Николя Леду, проект города Шо, перспектива, ок. 1775. Гравюра из книги Леду «Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству» 1804 года. В итоге для солеварни близ города Безансона на востоке Франции была осуществлена другая версия этого проекта, имевшая в плане форму полукруга.

свойства». Та половина Шо, которая все же была построена, дает представление о строгой иерархичности, которая царила в этом образцовом фабричном городе. Каждый житель относился к одному из трех классов: чиновники во главе с управляющим, служащие, отвечавшие за шлюзы, поставку древесины и делопроизводство, и, наконец, рабочие. Управляющий занимал центральное здание, расположенное вдоль диаметра эллипса, и там же размещалась часовня. К нему с обеих сторон примыкали две варницы, где огромные печи день и ночь жгли тонны древесины. Главные ворота находились на оси симметрии полуовала; вокруг них были сосредоточены караульня, тюрьма и пекарня. Правее обитали рабочие по металлу — кузнецы, бондари, которые изготавливали бочки для сухой соли, и так далее. Левее — плотники и колесники. Некоторые работники жили прямо при мастерских, некоторые — в других частях комплекса. Каждая семья имела по одной комнате и готовила еду на общей кухне.

Размещение управляющего в самом центре, а его подопечных на периферии заставляет вспомнить «принцип централизованного надзора» Иеремии Бентама, также известный как *паноптикон*. Бентам, сторонник философского радикализма, называл свою многоцелевую концепцию «социальным изобретением», и она наглядно демонстрирует зловещую сторону идей Просвещения. В то время вообще было модно говорить о социальных идеях как об «изобретениях» — ведь любое сообщество рассматривалось как машина. Роберт Оуэн описывал свой собственный проект образцовой коммуны так:

Если изобретение разных машин в ряде случаев умножило силу труда <...>, то это изобретение [его концепция коммуны] сразу неисчислимым образом умножит физические и умственные силы всего общества, никому не причинив вреда своим введением или быстрым распространением¹⁴⁵.

Это уподобление социальных идей изобретениям оставалось популярным до самого конца XIX века. Говард называл себя «изобретателем идеи города-сада» и сравнивал свое достижение с изобретением паровоза Джорджем Стефенсоном.

Принцип работы паноптика лучше всего описал Мишель Фуко, который был и его самым красноречивым толкователем:

По периметру — здание в форме кольца. В центре — башня. В башне — широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое — наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному умалишенному, больному, осужденному, рабочему или школьнику. Благодаря эффекту контражурного света из башни, стоящей

Рис. 197. Стейтвилл (штат Иллинойс, США), корпус-паноптикон в Тюрьме штата Иллинойс, фото Чарльза Хэррика Хэммонда, 1919.

Рис. 198. Ансамбль Виргинского университета в Шарлотсвилле (штат Виргиния, США), проект Томаса Джефферсона, 1817. Гравюра Бенджамина Таннера, 1827.

Рис. 199. Перспектива заложенного в 1859 году в Гюйзе (Франция) ансамбля «фамилистера», состоящего из трех связанных между собой корпусов слева в излучине реки. В отличие от классического фаланстера Фурье, в этой версии семьи имели отдельные квартиры, а не жили единой коммуной. Фабрики видны справа; на переднем плане – мастерские и здание, в котором размещались школы и театр.

197

198

199

прямо против света, можно наблюдать четко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания <...>. Видимость — ловушка¹⁴⁶.

Как верно отмечает Фуко, механизм Бентама «автоматизирует власть и лишает ее индивидуальности». Вместо монарха в центре идеальной схемы оказывается невидимая, но вездесущая власть, которая может контролировать, оценивать и изменять наше поведение. Сам Бентам применил свою модель к тюрьме, в которой один надзиратель мог с помощью системы зеркал контролировать две тысячи заключенных. Его брат Сэмюэль использовал паноптикон для «рабочего дома», но этот принцип также мог быть положен в основу других зданий, например школ и больниц. Действительно, как писал сам изобретатель, паноптикон применим «вообще к любым учреждениям, где в пространстве достаточно небольшим, чтобы быть занятым или контролируемым зданиями, необходимо следить за поведением множества людей». Оговорка о пространственном масштабе объясняет невозможность применения принципа паноптикона для целых городов, однако время от времени указке Бентама следует даже суровая городская действительность, как в случае с проектами новых городов Эфиопии для туземного населения, которые предлагались архитекторами фашистской Италии. Тем не менее влияние паноптикона на устройство общества и отдельных его институций было очень значительным, а в случае архитектуры тюрем — самым непосредственным.

Рис. 197

Однако давайте не забывать, что интеллектуальный климат Просвещения, продуктом которого был паноптикон, также подарил нам ансамбль Виргинского университета работы Томаса Джефферсона, иерархически организованный «академический городок» с двумя рядами «павильонов», которые содержат квартиры и аудитории для профессоров, и студенческими общежитиями за ними. Джефферсон писал, что «каждый профессор должен стать офицером полиции для студентов, проживающих рядом с ним». Этот комплекс с его широкой эспланадой и замыкающей ось симметрии купольной ротондой библиотеки был заново обнаружен специалистами в начале XX века и некоторое время оказывал огромное влияние на архитектуру американских кампусов¹⁴⁷. Но дух Просвещения, в котором идеализм мог сочетаться с механикой надзора, к тому времени был уже давно вытеснен более прагматическими соображениями. Проект Джефферсона привлекал потомков ясностью композиционного решения, а вовсе не своей социальной логикой.

Рис. 198

Архитектура университетских кампусов, по сути, стала той единственной областью, в которой Америка внесла свой вклад в дискуссию о «городе как идеальной схеме». С того момента как кампусы начали рассматриваться как идеальные сообщества, организационно и, желательно, географически оторванные от реального мира, их проектирование — и в США,

и не только там — стало шансом опробовать множество схем. Самыми зрелищными из них были опять же те, которые опирались на радиально-кольцевые решения. Яркий британский пример в колониальном контексте — это кампус Бенаресского индуистского университета в Варанаси (Индия), возведенный в период сразу после Первой мировой войны. В центре полукруга, как и в проекте Шо, находится управляющий орган, в данном случае — административный корпус; колледжи формируют первое кольцо, а за зеленой зоной спортивных полей лежит внешнее кольцо студенческих общежитий и жилых домов для персонала. Расположение тринадцати радиусов, замысловато соединяющих шесть дуговых дорог, подчинено скорее соображениям геометрической четкости, а не продуманному символизму планировки¹⁴⁸.

Реорганизация городского общества

Безнадежная перенаселенность и неустроенность любого промышленного мегаполиса XIX века, а также сопутствующие им проблемы с физическим и нравственным здоровьем населения подталкивали к новым реформам и экспериментам в градостроительной сфере. Точнее было бы сказать, подталкивали к утопическим размышлениям о реорганизации городского общества, поскольку вопросы формы рассматривались крайне поверхностно, не заходя далее простейших схем.

В первую очередь среди множества прочих тут следует выделить три имени: Шарль Фурье (1772–1837), Роберт Оуэн (1771–1858), а в конце века — поборник идеи города-сада, уже знакомый нам Эбенизер Говард. Нам не обязательно подробно останавливаться на деталях их концепций; они достаточно хорошо известны и не принципиальны для обсуждения города как идеальной схемы. Эти трое, как и другие, менее влиятельные реформаторы, горели одной идеей — заменить разрушающиеся города мира системой новых поселений, небольших, высокогигиеничных и справедливых, где социальные классы жили бы в гармонии друг с другом, а связь человека и природы была бы восстановлена в полном объеме. Они осуждали зло частной собственности и выступали за коллективное владение землей в новых городах будущего. В той или иной степени они также разделяли идею коммунального существования, предусматривая в своих поселениях трапезные, общие кухни и общежития. Но эти люди не были архитекторами или профессиональными градостроителями. Если не считать элементарного образа городской конфигурации в целом, который, как постоянно напоминали некоторые из них, не был ни обязательным, ни неизменным, им не всегда было что сказать о конкретном устройстве среды обитания или механизмах управления городом. Их планировки оставались глубоко консервативными, в особенности напоминая шедевры градостроительства эпохи барокко. Современность давала о себе знать разве что в форме засилья чугунно-стеклянной архитектуры железнодорожных дебаркадеров и выставочных

павильонов, которая казалась идеальной для сооружения в новых городах улиц-пассажей с контролируемым климатом и крытых площадей для отсечения классовых различий населения.

Фурье избрал своим образцом Версальский дворец, вырванный из лап старого режима и поставленный на службу всему народу. Он также выдвинул проект так называемого города эпохи гарантизма, который примерно на шестьдесят лет предвосхитил идеи Говарда. Такой город должен был состоять из трех разделенных живыми изгородями концентрических полос: коммерческого города в самом центре, затем промышленного города и наконец сельскохозяйственной зоны. Доля открытых пространств удваивалась в средней полосе и утраивалась во внешней. Но в первую очередь мы знаем Фурье благодаря его «фаланстерам» — массивным комплексам связанных между собой зданий, напоминающих Версальский дворец со всеми его крыльями. Фурье описывал фаланстер как «по сути город в миниатюре, но без открытых улиц: в любую часть здания можно попасть по широкой улице-галерее на первом этаже». Каждый фаланстер предназначался для примерно двух тысяч человек всех рас, классов, полов и возрастов. Между 1859 и 1877 годом небольшая версия такого комплекса в самом деле была построена в Гюизе к северо-востоку от Парижа стараниями молодого владельца сталелитейного завода Жана-Батиста Годена. Перед смертью он преобразовал свое предприятие в кооператив, принадлежащий работникам и управляемый ими самими.

Рис. 199

К середине 1840-х годов фурьеризм распространился на территорию Бельгии, а затем и дальше. Фаланстеры были опробованы на острове у побережья Бразилии и на холмах близ Орана в Алжире. В США Фурье нашел своего интерпретатора в лице Альберта Брисбейна и стал предтечей ассоциационизма. Его последователи верили во всеобщие социальные реформы без классовой борьбы и вмешательства государства. Они также считали, что сообщество определенного размера и структуры само собой найдет состояние групповой гармонии. Всего было основано около сорока пяти фурьеристских общин, из которых самыми известными были «Фаланга Брук-фарм» в Уэст-Роксбери (штат Массачусетс) близ Бостона (1841) и «Североамериканская фаланга» в штате Нью-Джерси. Последней по времени стала община «Единство» (*La Réunion*) в округе Даллас (штат Техас), расположенная на высоком обрыве с видом на аллювиальную равнину. Ею руководил Виктор Консидеран, самый активный из учеников Фурье; он предпринял попытку развития параллель с Версалем, спроектировав целый город в духе барокко: вдоль склона спускался регулярный парк с партерами и фигурными клумбами, а мадам Консидеран устраивала приемы под сенью своего «кедрового салона»¹⁴⁹.

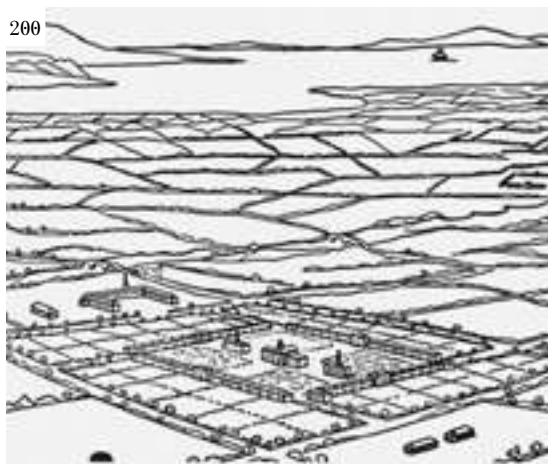
Ни один из фаланстеров нельзя признать успешным. Их обычно очень отдаленное местоположение приводило к тому, что жизнь там была скорее тяжелой борьбой с дикой природой, а не благородным экспериментом в духе

149 См. Pratt J. La Reunion, the Fourierist Last Hurrah (1984).

Рис. 200. Фрагмент иллюстрации
«Проект Деревни Сотрудничества,
с другими Деревнями в отдалении»,
Роберт Оуэн, 1816.

Рис. 201. Джеймс Силк Бекингом,
проект образцового города Викто-
рия, 1849.

200

201

коммунитарного социализма. Общинный быт категорически противоречил давно укоренившемуся в Америке культу семьи. Наконец, вакуум власти делал невозможным какое-либо планирование; здесь, как и во всех остальных случаях, выяснилось, что без наделенной широкими полномочиями системы правления не может быть никакого организованного развития.

Рис. 200

Роберт Оуэн предпочитал форму квадрата. Он был наемным работником, а затем совладельцем текстильной мануфактуры в шотландском Нью-Ланарке. Решив заняться реорганизацией всего общества, он выдвинул концепцию небольших ассоциаций, совместно владеющих своей землей и живущих единой общиной, чтобы ее обрабатывать. Предложенная им градостроительная схема предусматривала жилые здания со всех четырех сторон квадрата: с трех сторон дома для супружеских пар и детей до трех лет, а с четвертой — общие спальни для детей старше трех лет. В центре находились помещения общественного назначения: трапезная, кухни и школы. За пределами квадрата оставались мастерские и фермы, а в редких случаях также и промышленные предприятия. Оуэн лично излагал свои идеи Наполеону на Эльбе и царю Александру I. Работавший с Оуэном архитектор Стедман Уитуэлл представил макет такого города президенту США Джону Куинси Адамсу, и в 1825 году этот макет был выставлен на всеобщее обозрение в Белом доме. Когда сам Оуэн читал в Америке лекции, среди его слушателей были экс-президенты, члены Верховного суда и конгрессмены. Вдохновленные его идеями сообщества возникли в Нью-Хармони (штат Индиана), где некоторое время жил сам Оуэн с семьей, в Йеллоу-Спрингс (штат Огайо) и в Вэлли-Фордж (штат Пенсильвания).

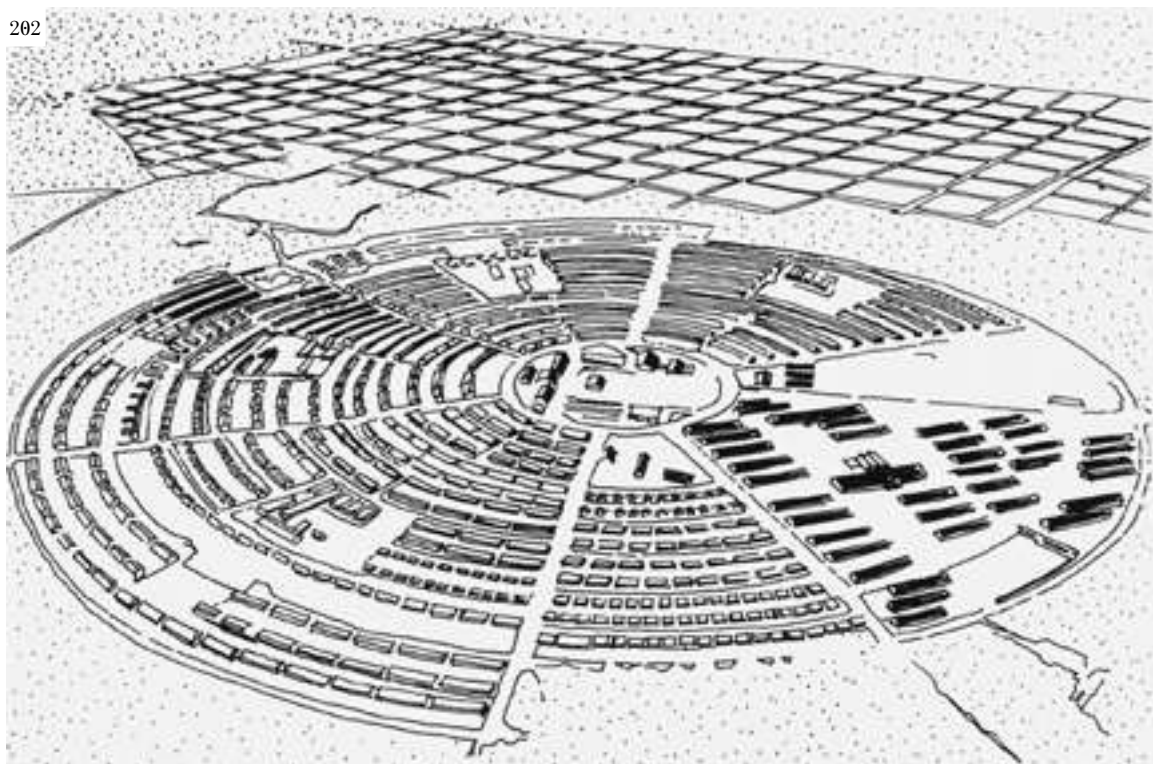
Рис. 201

Оуэн повлиял на английского политического деятеля и путешественника Джеймса Силка Бекингема, автора труда «Национальные пороки и практические методы их искоренения» (1849). Задуманный им город должен был называться Виктория в честь королевы и стоять вдали от прежних поселений. Рассчитанный на 10 тысяч жителей город был призван покончить с проблемой безработицы. В плане он представлял собой семь вложенных один в другой прямоугольников — в центре, где находились общественные здания, высота застройки была максимальной, а по мере приближения к окраинам она снижалась. Уникальность и даже некий вызов проекта Бекингема состояли в том, что это была не социалистическая, а капиталистическая идеальная схема. Правительственные чиновники и состоятельные граждане владели тут домами в самом центре, тогда как неимущие обитали на периферии. Это объяснялось тем, что легкий доступ к сельской местности наиболее желателен именно для бедноты. В зданиях были предусмотрены крытые галереи, формирующие внутренние улицы. Забота о гигиене ставилась превыше всего — Бекингом много писал о свежем воздухе, свете, легко стирающейся одежде и полах, натертых пчелиным воском, который, как утверждалось, «выделяет целебный озон».

В конце концов наиболее привлекательной оказалась радиально-кольцевая организация. Хотя считается, что популярность ей вернул Говард со своей диаграммой города-сада, у него

Рис. 202. Бразильский «пилотный город» Жупия. Это поселение для рабочих, соорудивших гидроэлектростанцию Урубунга на реке Парана, строилось с целью преобразовать его после завершения работ в образцовую сельскохозяйственную общину. Однако стоимость содержания города побудила власти штата Мату-Гросу отказаться от такого подарка строительной компании. Половина круга в конечном счете досталась бразильской армии, которая оперативно разровняла вторую половину бульдозерами.

202

было немало соратников. Говард, несомненно, знал о вдохновленном примером Шо городе Куин-Виктория, который описал ученик Бентама Роберт Пембертон в своей книге «Счастливая колония» (она была задумана как руководство по заселению Новой Зеландии). Пембертон отстаивал принцип «Все величайшие проявления природы имеют форму круга» и предлагал построить десять концентрических городов, каждый из которых складывался бы вокруг ядра в виде образцовой фермы, окруженной четырьмя изогнутыми зданиями колледжей из стекла и чугуна. На дворе стоял 1854 год, и память о Хрустальном дворце была очень свежа, так что легкая каркасная архитектура из готовых деталей казалась самой подходящей для новых городов будущего. Земля должна была находиться в коллективной собственности. Размеры городов, судя по эскизам Куин-Виктории, были скромными — одна миля (1,6 километров) в диаметре.

Рис. 154

Такая идеальная модель заселения новых земель продолжала вдохновлять проектировщиков. В самой идее круглой, ничем не огороженной градоформы в окружении зелени им виделся образ сплоченной общины первопроходцев с их волей к выживанию, а также гарантия от неконтролируемого разрастания поселений и вторжения городов. Первые *кибуцы*, построенные на приобретенных евреями палестинских землях в 1920-е годы, тоже были кольцевыми. Нахалаль, спроектированный Рихардом Кауфманом, на самом деле был *мошавом*, кооперативным сельскохозяйственным поселением с частной собственностью на землю, а не полностью коммунитарным кибуцем. Ядро поселения с общественными зданиями было отделено от жилого пояса и радиально расходящихся полей широким овальным бульваром. В 1960-е годы еще один образцовый кольцевой город был построен во внутренних районах Бразилии рядом с гидроэлектростанцией в 800 километрах к северо-западу от Сан-Паулу. Как и в «счастливой колонии» Пембертона, в его центре стояла образцовая ферма, вокруг которой в разбитых на дуги изогнутых корпусах обитали 12 тысяч рабочих со своими семьями.

Рис. 202

Роль, которую Говард сыграл на рубеже веков, остается уникальной, хотя его идеи и не были оригинальными. Он сам благородно указывает на приоритет своих предшественников, называя город-сад «уникальной комбинацией предложений, ранее уже представленных широкой публике». Однако его уже знакомая нам (с. 94) бесхитростная и страстная защита идеально сбалансированной среды обитания на стыке города и деревни была очень привлекательной. Мы могли бы оказаться как никогда близки к раю на земле:

Красота природы. Социальные возможности. Доступные каждому поля и парки. Низкая арендная плата, высокие заработки. Невысокие налоги, обилие рабочих мест. Низкие цены. Никакой поденщины <...>. Чистые воздух и вода <...>. Светлые дома и сады без смога и трущоб. Свобода, сотрудничество.

Это формулировки, описывающие «магнит города-деревни», созданный в противовес сулящим множество неудобств и опасностей «магнитам» города и деревни. Говард

Рис. 203–204. Эбенизер Говард, диаграммы «Три магнита» и «Город-сад» из книги «Будущее: мирный путь к социальным реформам» (1898).

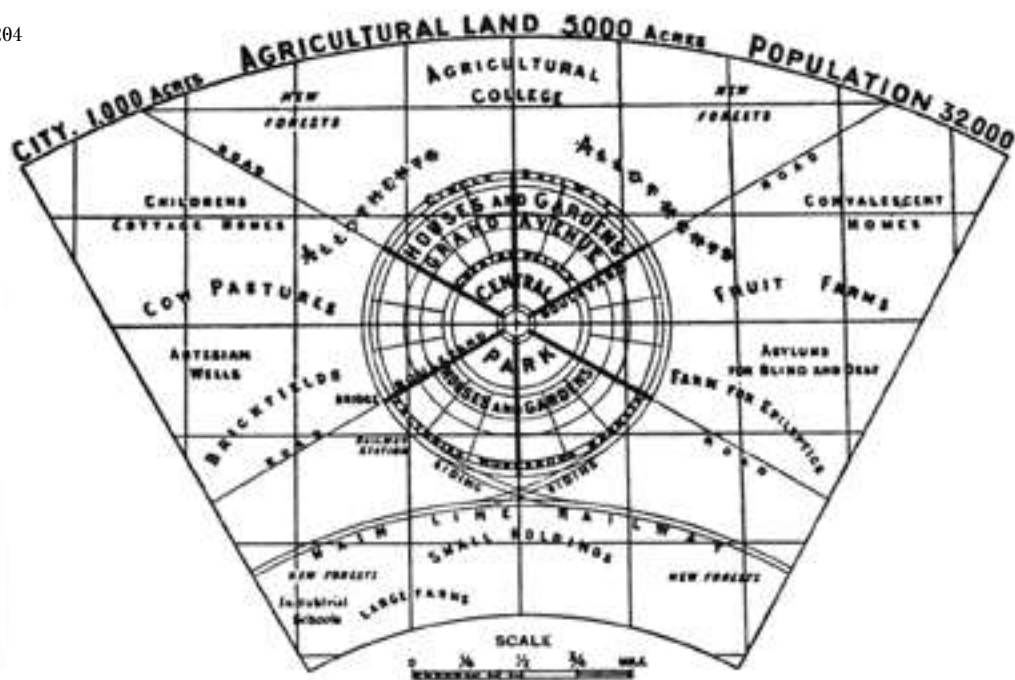
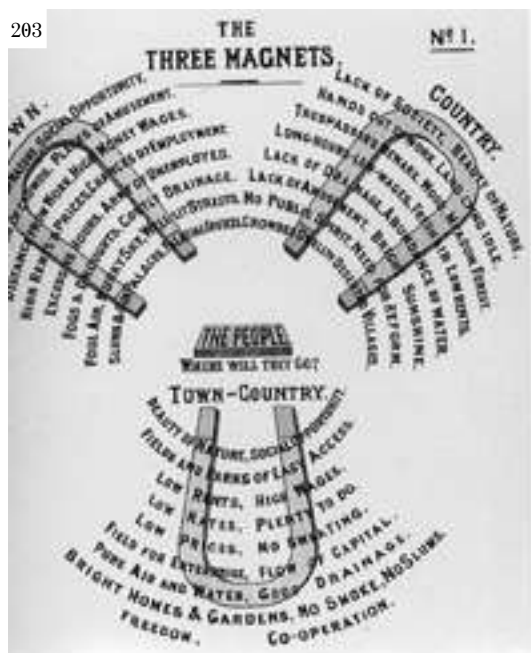

Рис. 203
Рис. 193, 204

не ограничивался общими фразами, он старался отвечать на вопросы и предвидеть возражения. Им были проработаны многие аспекты культуры городов-садов, от порядка управления и бюджетной политики до борьбы за трезвость. Кроме всего прочего, он приводит свои неотразимые диаграммы: «Три магнита», круги городов-спутников, связанных с Центральным городом, и, наконец, самую идеальную схему города-сада — ясную, с четкими пояснениями, вобравшую в себя весь опыт проектирования звездообразных городов, реальных и вымышленных, от иранского Гора до Карлсруэ. Язык пояснений явно отсылает нас к терминологии Большого стиля. «Шесть великолепных бульваров» должны были разделять город-сад на округа, сходясь в саду площадью два гектара, окруженном общественными зданиями, способствующими формированию «гражданского духа»: ратушей, музеем, театром, больницей, библиотекой и концертным залом. За просторным центральным парком располагается Хрустальный дворец, очевидно чем вдохновленный кольцевой торговый пассаж. Несколько дальше от центра проходит Главная (она же Третья) авеню — бульвар шириной в 420 футов (128 метров), который должен был служить внутренним зеленым поясом. Весь круглый город опоясывает «железнодорожная магистраль» — знак признания Говардом важности современных технологий, — вдоль которой протянулись фермы и огороды, а чуть ближе к центру стоят фабрики, а также склады угля, древесины и строительного камня. Жилье занимает территорию между Пятой авеню, кольцевой улицей, идущей вдоль Хрустального дворца, и Первой авеню совсем рядом с промышленной зоной.

Отдадим Говарду должное: он решительно настаивал на том, что все это, как и диаграмма с городами-спутниками, — лишь концептуальный набросок, а не изображение реальной градоформы. «Это не более чем схема. Точная планировка не может быть определена до выбора места строительства» — такие слова были добавлены им к диаграмме города-сада во втором издании книги (1902). Однако это не помешало тиражированию этой идеальной схемы в самых неожиданных уголках планеты. Например, в 1914 году в Льяно-дель-Рио на юге Калифорнии была основана экспериментальная коммуна, проектировщиком которой выступила архитектор-самоучка Элис Констанс Остин. На застраиваемой территории уже находился незаконченный город Алмондейл с собственным радиальным планом из небольшой центральной решетки, двух кольцевых улиц вокруг нее и нескольких радиусов, идущих от обоих колец к границам поселения. Но Остин не обратила на Алмондейл никакого внимания и практически скопировала на краю пустыни Мохаве диаграмму Говарда. Заря автомобильной эры уже занималась, так что она лишь внесла необходимые поправки, позволившие каждой семье иметь свою машину. Железная дорога Говарда стала гоночной автотрассой с трибунами для зрителей по обеим сторонам. Все грузовые перевозки были перенесены под землю¹⁵⁰.

Рис. 205. Фронтиспис книги Хендрика Кристиана Андерсена и Эрнеста Эбра «Создание Мирового центра взаимодействия», 1913.

Говарду довелось стать автором последней из выдающихся социальных схем XIX века — хотя, конечно, далеко не последней социалистической утопии. Однако спланированные идеальные города с центральной симметрией утратили свою неотразимую убедительность, когда радиально-кольцевая структура попала в руки транспортных инженеров, а то и стала приемом при планировке французских курортов вроде Кабура с его зданием казино (ок. 1860) или Стелла-Плаж (начало 1900-х годов). Урезанная до веера, она появляется и в новых кварталах, которые Российская империя в конце XIX века пристраивала к старинным городам Средней Азии (Ташкенту, Самарканду и т.д.); но в центре, в точке схода всех радиальных улиц, там была пустота. Единственным в современном мире благородным порывом, который требовал идеальных градостроительных решений, оказался интернационализм, волны которого накатывали и до, и после Первой мировой войны.

До 1914 года главным поводом для демонстрации гармоничного международного сотрудничества оставались всемирные выставки, и в ряде созданных для них ансамблей была предпринята попытка выразить эту гармонию градостроительными методами. Самой первой тут была Парижская выставка 1867 года с ее *veritable cité*, «настоящим городом» на Марсовом поле, спроектированным инженером Жан-Батистом Кранцем и архитектором Леопольдом Арди. Ряд концентрических кольцевых галерей пересекался прямыми радиальными пассажами, что позволило создать двойную систему организации. Каждое кольцо объединяло один и тот же ассортимент товаров из всех участвующих стран; каждый радиальный пассаж содержал все товары одной страны. Вена в 1873 году выстроила вдоль Дуная длинную галерею с одинаковыми прямоугольными павильонами, расположенными под прямым углом к этой оси, и огромной ротондой посередине — викторианской версией «машин» эпохи Просвещения. Но со временем это идеализированное единство было отвергнуто в пользу огромных выставочных залов и конкуренции национальных павильонов, каждый из которых нес свое собственное послание.

В годы войны вера в общепланетарный мир воплотилась в идеальных проектах мировой столицы. Самым грандиозным из них стала совместная работа состоятельного американца Хендрика Кристиана Андерсена и опытного французского архитектора-градостроителя, приверженца стиля бозар Эрнеста Эбра¹⁵¹. Их «Мировой центр взаимодействия» должен был соединить в одном месте самых одаренных людей Земли — религиозных лидеров, ученых, художников — ради блага всего человечества и содействия установлению мира во всем мире. В центре композиции высилась Башня прогресса, окруженная зданиями, посвященными медицине, сельскому хозяйству и промышленности. Второстепенные центры были отданы олимпийским видам спорта, искусству и средствам связи.

Рис. 205

151 Andersen H.C. and Hebrard E.
Creation of a World Center of
Communication (1912).

Грандиозная линейная ось и несколько радиальных проспектов, расходящихся от Башни прогресса, объединяли в единую композицию другие монументальные здания, в том числе Храм всех религий и Дворец правосудия. Архитектурное оформление города должно было стать кульминацией всей истории мирового зодчества. Разумеется, покупателей на такой товар не нашлось. Послевоенная попытка превратить эту запредельно роскошную бумажную фантазию в штаб-квартиру Лиги Наций ни к чему не привела. Повседневный интернационализм, нашедший себе пристанище в Женеве и Нью-Йорке, должен был довольствоваться куда более скромными, можно сказать выхолащенными условиями.

Планета и дальний космос

Когда в 1960-е и 1970-е годы идеальный город снова оказался в центре внимания, его подмостками больше не была политическая география суверенных государств. Надежды теперь связывались с планетой Земля, нашим общим домом, и со становящимися доступными человеку внеземными пространствами. Может показаться, что лавина мегаструктурных градостроительных изобретений той эпохи была не более чем плодом оптимистического любования новыми технологиями и наивной веры в их вселенскую значимость. Однако в этом было и искреннее желание победить нашу опасную расточительность, прийти к новому взаимопониманию с природой и всеми ее обитателями.

Рис. 158

Происхождение этих проектов могло быть очень разным, но их объединяло общее стремление к преобразованию планеты — не важно, создавали ли их японские метаболисты, французы круга Йона Фридмана и Поля Маймона или итальянец Паоло Солери, визионер из аризонской пустыни. Метаполисы и аркологии, гигантские пространственные каркасы, подводные капсулы и бочкообразные коноцилиндры — все это существовало в пределах одного воображаемого пространства. Их предполагемое месторасположение бывало очень конкретным — город под Сенной, плавучий поселок на озере вблизи токийского аэропорта Нарита, заполярный город в Антарктиде или Лапландии, — но основные описывающие их образы оставались стандартными, можно сказать фундаментальными. Это были новые городские машины, призванные дрейфовать по морям, встраиваться в каньоны и карьеры, подниматься на сваях над сельскохозяйственными угодьями. Фундаментальными были и их формы: спирали Кисе Курокавы, кубы и шестигранники аркологий Солери.

Этот период радикального преобразования человеческих поселений быстро закончился. Один Солери продолжает стоять на своем. Он все еще предостерегает нас от расползания городов и несет в мир благую весть миниатюризации, основанную на идеях Пьера Тейяра де Шардена — весть о все большем усложнении организации материи во всё меньшем пространстве. Его проекты от Бабелдиги и Аркоиндиан до реально воплощаемого Аркозанти готовят нас к огромной плотности

городского населения — минимум в тридцать раз большей, чем сегодня на Манхэттене. Сжатие наполняет городское существование новой энергией: «Кластеризация одухотворяет».

Однако с момента высадки на Луну для человечества открылись еще более манящие рубежи — дальний космос. На Луне, на астероидах и на гостеприимной поверхности Марса наши совершенные формы снова будут предвещать возникновение совершенных обществ, как это должно было происходить в Шо, в фаланстерах Фурье, в Куин-Виктории, в Нью-Хармони и в «новых городах» послевоенной Англии. Но особенно там, в дальнем космосе, где в отрыве от нашей привязанной к почве культуры, от всех этих глубоко укорененных ограничений земли, времени и климата можно наконец не чувствовать себя связанным путями места и истории:

Температура, влажность, времена года, продолжительность дня, погода, сила гравитации и атмосферное давление могут устанавливаться по желанию. Становятся возможными новые типы культуры и общественной организации, новые социальные философии <...>. Мы сможем стать изобретателями новых культурных кодов и социальных философий, а затем выберем такие материальные условия и такую организацию сообществ, которые будут соответствовать желанным культурным целям и философиям¹⁵².

Ил. VIII

Возможно. Но первое, что приходит нам в голову в качестве космического поселения, — это «ландшафт земного типа с фермами, холмами, деревьями, лугами и животными». Очертания, которые мы способны выдумать, — это все те же геометрические композиции из цилиндров, сфер и торов. Технология спотыкается о традицию: мы углубляемся на миллионы световых лет в открытый космос только для того, чтобы добраться до дома.

Рис. 206

Вот в этой точке, на утративших актуальность образах и странных реализованных фрагментах на Земле и на технологических фантазиях о колонизации космоса, история идеального города пока приостанавливает свое течение. Космологическая схема проглядывает в планировке ашрама покойного гуру Шри Ауробиндо в Индии. Его будущее расширение, город Ауровиль, закручивается в спираль как галактическая туманность; ядро Ауровиля с его Урной, Баньяном и Матримандиром — это нечто среднее между радиальным городом и галлюцинацией. Неясны перспективы Аркозанти, этого преждевременно превращающегося в руины памятника экологическим устремлениям 1960-х годов и мономании архитектора-провидца. Космические поселения будущего, все эти «сферы Бернала» и «стэнфордские торы», пока вызывают в лабораториях НАСА.

В конечном итоге все идеальные градоформы отчасти расчеловечивают свое население. Жизнь, похоже, не может быть такой регламентированной, как хотелось бы их создателям, — ну или может, но только в полностью искусственных

152 *Maruyama M. Designing A Space Community (1976).*

Рис. 206. Макет города-ашрама
Ауровиля на юге Индии.

образованиях, куда отправляются по доброй воле или куда заключаются насильно, вроде монастырей, гарнизонных городов и концентрационных лагерей. Предоставленная самой себе, человеческая природа сопротивляется регламентации, хотя возможно и жаждет порядка. И какова цена свободы?

Разумеется, любая децентрализованная политическая система, создавая свои города, должна изо дня в день ставить перед собой и непрестанно решать этот вопрос. Такие системы функционируют между противоположными полюсами полного контроля и полной анархии. Мы знаем, что город не может существовать без определенных механизмов контроля, даже если речь всего лишь идет о защите жилых районов от нежелательных предприятий или о предотвращении эпидемий. Наши повседневные городские схемы на самом деле состоят из правил зонирования, экономических факторов и тому подобного. Вопрос только в том, кто определяет очертания этих схем и направление их эволюции — «мы», жители, или же «они», власти предрешающие. Да, нам несложно взять на себя такие решения, если все эти «мы» в основном схожи между собой. Но как только мы сталкиваемся с многообразием, начинаются сложности. В таком случае возможны два варианта развития событий. Первый из них сводится к тому, что один из сегментов плюралистического общества провозглашает себя господствующим классом, обладающим всей полнотой контроля. Второй — это обретение сплоченной и могущественной частью общества независимости от всех остальных посредством самоизоляции. Такая тенденция очень заметна в США с того момента, как около ста лет назад там началось широкомасштабное строительство пригородов.

Однако чем однороднее городское население, тем меньше у нас оснований говорить о городе как таковом. Чем четче разнесены городские функции и городские группы, тем в меньшей мере мы действительно создаем городское сообщество. В итоге город как идеальная схема — это история про мечтателей, которые хотят добиться сложности и богатства городской структуры, избежав проблем, напряженности и нестабильности. В мечтах исполнение желаний без расплаты или последствий — дело привычное. В реальной жизни, как мы знаем, все обстоит немного иначе.

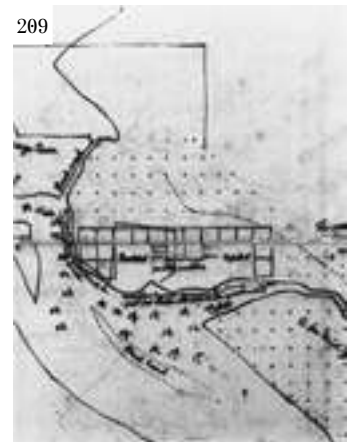
Рис. 207. Вашингтон (округ Колумбия, США) с высоты птичьего полета. Вид на запад из точки над Линкольн-парком в сторону Капитолия, Национального молла, монумента Вашингтону и мемориала Линкольна.

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ

Рис. 208. Проект Вашингтона работы Пьера Шарля Ланфана, 1791. Место будущего Линкольн-парка (рис. 207) отмечено литерой «В».

Рис. 209. Проект Вашингтона работы Томаса Джефферсона, 1791. Редко расставленные точки обозначают улицы, которые должны быть проложены при дальнейшем расширении первоначального компактного поселения. Три ячейки решетки отведены под Дом президента с его садом, а еще три – под Капитолий. Эти здания соединялись «общественным променадом».

Предварительные замечания

В мае 1791 года президент Вашингтон дал Пьеру Ланфану официальное поручение составить план новой федеральной столицы. Незадолго до этого Ланфан вместе с первым генеральным землемером США Эндрю Эликоттом обследовал предложенные для этой цели территории вдоль реки Потомак, включая и три небольших города, спроектированных на основе решетки, — Карролсбург, Гамбург и Джорджтаун. Томас Джефферсон видел будущую столицу как очень компактное поселение и подготовил для президента набросок крайне непритязательной городской решетки на месте Карролсбурга, у слияния рек Потомак и Анакостия; позже он добавил еще одну решетку ближе к Джорджтауну.

Рис. 209

Ланфан подверг осмеянию и размах этого проекта, и его форму. По первому вопросу он писал президенту, что «масштаб тут должен обеспечивать простор для такого возвеличивания и украшения, какое богатеющая страна сможет позволить себе через сколь угодно длительный срок». Что касалось формы, то решетка могла сгодиться только на равнинной местности, «где ни один из окружающих объектов не вызывает интереса и поэтому безразлично, в какую сторону направлены улицы». Кроме того, «если даже решетка проложена на идеально подходящей для нее территории, она в итоге все равно оказывается утомительной и скучной». Однако рельеф новой столицы был богатым на особенности, а будущее нового государства обещало быть блестящим. Для такого случая подходил проект, как писал сам Ланфан про одну из его авеню, «щедро одаренный масштабом и пропорциями, какие подобают столице могущественной империи»¹⁵³. Прослеживая, каким образом он создавал и шлифовал свой грандиозный план (а это отчасти возможно благодаря сохранившимся документам и чертежам), мы получаем исключительно ясное представление о методах работы градостроителя эпохи барокко.

Рис. 208

Ланфан проводил съемку местности не столько для того, чтобы подтвердить ее пригодность для создания поселения: скажем, он не искал источники питьевой воды, его не очень-то интересовали самые удобные подходы или роза ветров. Он изучал те возможности, которые рельеф сулил для его проекта. Ему очень приглянулся холм Дженкинс-хилл, который Эликотт, непрошенный компаньон и преемник Ланфана, описал как «пьедестал, ожидающий своего монумента». Впоследствии на Дженкинс-хилл будет построено здание Капитолия США. Любую природную особенность Ланфан рассматривал с точки зрения расположения и иерархии общественных зданий:

153 История основания и развития Вашингтона лучше всего рассказана в *Reps J.W. Monumental Washington* (1967) и в официальной истории города: *Gutheim F. Worthy of the Nation* (1977).

Капитолия, Дома президента, Верховного суда и множества других, менее важных, разбросанных по всей территории. Потом эти здания необходимо было эффектно соединить друг с другом. Все промежутки занимала рядовая городская ткань; там вполне годилась и решетка.

Общественные пространства изначально имели особое символическое предназначение. Это были не просто удобные места скопления людей, будь то рынок, административный центр или парк. Пятнадцать площадей соответствовали пятнадцати штатам, и на каждой должна была стоять статуя или иной памятник, наглядно демонстрирующий, какой штат эта площадь символизирует в общем замысле. В проекте были предусмотрены великолепные променады, конный памятник Джорджу Вашингтону в точке пересечения главных осей Капитолия и Дома президента, а также официальные оплоты культуры вроде разных академий. Ручей Тайбер-крик должны были перенаправить под Капитолий, чтобы он низвергался великолепным каскадом.

Вот как сам Ланфан описывал свой подход в самом начале работы над проектом:

Определив некоторые важнейшие точки, в зависимости от которых должны были размещаться все остальные, я провел улицы с севера на юг и с запада на восток под прямыми углами и на равном расстоянии друг от друга. После этого я прочертил несколько авеню в других направлениях, соединив ими все важнейшие точки. При этом моей задачей было не столько создать контраст с общей регулярностью или снабдить большее количество мест изящными перспективами как результатом удачного рельефа местности, через которую обычно проложены эти авеню. Нет, главным образом я хотел объединить части города способом, если можно так выразиться, сокращения реального расстояния от места до места и обеспечения им [важнейшим точкам?] визуальной связи, благодаря которой они будут казаться ближе. Тем самым я добивался быстрого и равномерного заселения города в том числе и в отдаленных его районах, которые без подобной поддержки, если бы даже и заселялись, оставались бы вялыми и отстающими, став обузой для всего начинания.

Перечислим некоторые черты барочной градостроительной эстетики, которые проявляются в работе Ланфана:

- 1) Всеохватный, величественный и спланированный на широкую ногу городской ансамбль, сориентированный на несколько ключевых точек, которые разбросаны по всему городу.
- 2) Эти ключевые точки выбраны с учетом выразительных возможностей рельефа и соединены друг с другом размашистыми линиями скорейшего транспортного сообщения.
- 3) Внимание к ландшафтному дизайну основных улиц. «Эти авеню я сделал настолько широкими, — пишет Ланфан, — чтобы вдоль них можно было посадить деревья».

- 4) Создание перспектив.
- 5) Общественные пространства подразумевают наличие памятников.
- 6) Приемы, рассчитанные на внешний эффект: водные каскады и пр.
- 7) Все это наложено на более плотную городскую ткань, подходящую для повседневной, местной жизни.

Преимуществами такого подхода к градостроительному проектированию были, на взгляд Ланфана, быстрое и равномерное заселение всей территории нового города, бесперебойное движение транспорта и визуальная привлекательность.

Исторический обзор

Проект Вашингтона работы Ланфана возник не на пустом месте: стоящая за ним градостроительная традиция насчитывала к тому времени более двух веков. Главным нововведением этой традиции была столица, подавляющая масштабом все вокруг и протягивающая свои авеню так глубоко в сельскую местность, что к ней, казалось, сходились целые регионы. Ланфану была прекрасно знакома одна такая барочная столица — Версаль, где он провел свое детство, пока его отец-живописец был занят отделкой здания военного министерства Франции. Ланфан также знал массивный фолиант, опубликованный в 1765 году Пьером Патте, в котором тот наложил на карту Парижа поданные на конкурс 1748 года проекты памятника Людовику XV. Участникам было предложено самим выбрать расположение, и некоторые из них воспользовались этой возможностью, предложив свои варианты благоустройства достаточно обширных зон вокруг будущего монумента. Таким образом, карта Патте в некотором смысле оказалась проектом преобразования Парижа в полицентричный барочный город. Кроме того, Ланфан был в курсе планировки Санкт-Петербурга, строительство которого началось в 1703 году, и Карлсруэ — немецкого Версаля, где 32 улицы образовывали звезду вокруг дворца маркграфа Баден-Дурлаха. Карлсруэ входил в число городов, карты которых Джефферсон приобрел по запросу Ланфана.

Европейская традиция «грандиозных расстояний» (если использовать выражение, примененное к Вашингтону Чарльзом Диккенсом) составляет всего лишь одну главу в истории, которую я назвал Большим стилем. Начало этой главы отсылает нас к XV веку, а ее продолжительные отсветы тянутся до наших дней. Однако эта виртуозная театральность иерархического и церемониального градостроительства проявлялась и в более ранние эпохи. Прямые улицы с тщательно продуманными непрерывными фасадами, перспективы, платформы, лестницы и оформленные террасами склоны — все это развивалось в эллинистический и римский периоды. Более того, мы можем обратиться и к Древнему Египту с его аллеями сфинксов, осевой организацией храмовых комплексов Луксора и Карнака, а также поразительными террасами Дейр-эль-Бахри.

Рис. 238

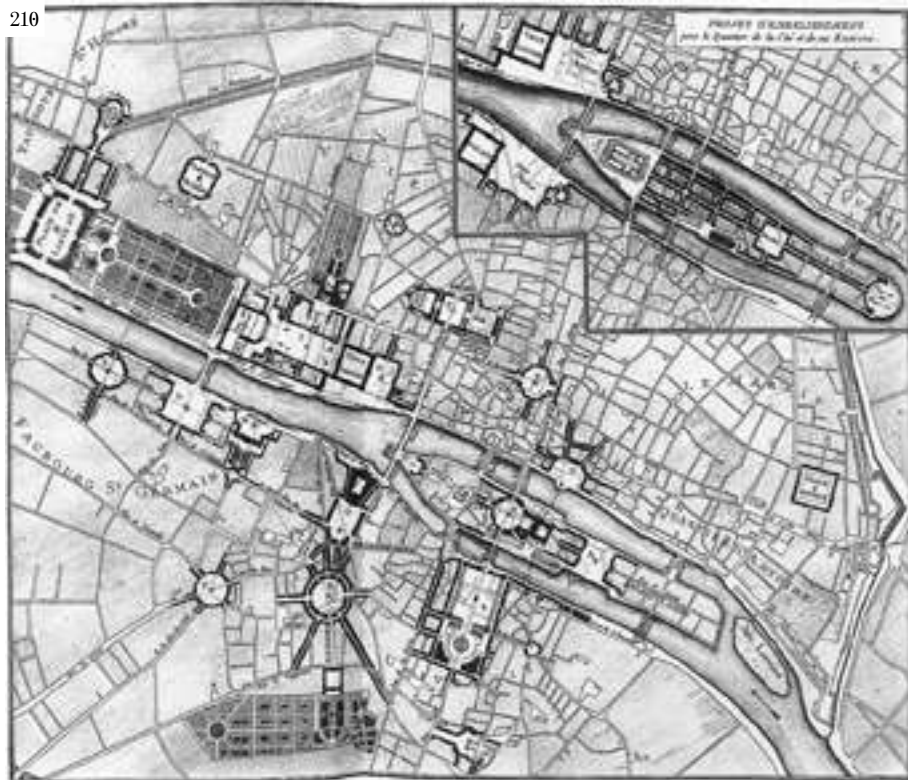
Рис. 219

Рис. 186

Рис. 210. План Парижа с наложением конкурсных проектов площади с памятником Людовику XV, из книги Пьера Патте «Памятники, воздвигнутые во Франции в честь Людовика XV», 1765.

Рис. 211. Пергам (современная Турция), эллинистическая столица династии Атталидов; макет верхнего города.

210

211

Древний мир

До эпохи классической Античности мы не находим примеров городских систем, которые можно было бы назвать барочными в том смысле, в каком этот эпитет применим к Вашингтону. Имеет смысл говорить, скорее, про отдельные элементы таких систем, вводимые в совершенно иную по духу и назначению городскую форму, — или же про скопления подобных «барочных» элементов в одной местности без осознанного и целостного градостроительного замысла, иными словами, без фиксированного генерального плана, как в случае греческого акрополя, ансамбля с зиккуратом или храмового комплекса майя.

Рис. 211

Эллинистический период ознаменовался важным достижением. Планировка столицы династии Атталидов Пергама (III–II век до н.э.) свидетельствует о формировании самообытной школы градостроительства, использовавшей ряд сложных «барочных» приемов в рамках целостной системы проектирования. Городская форма Пергама, расположенного на узком горном отроге в западной части Малой Азии, содержала в себе целую череду визуальных и динамических переживаний. Главный композиционный прием тут — террасирование, приведшее к появлению целого веера платформ, на которых были расположены общественные здания. Такое решение одновременно подкрепляло внешний вид, заложенный в очертаниях рельефа, и сделало его более монументальным. Шарниром огромного веера из пяти составлявших верхнюю часть города платформ выступал театр, построенный с использованием естественного уклона. Со стороны обрывов платформы были обрамлены многоярусными портиками. Мощеная эспланада, начинавшаяся у главных городских ворот в нижней части города, соединяла все платформы, крутыми зигзагами взбираясь на холм.

Порой встречается мнение, что подобный подход к градостроительству пришел в Пергам из другого города Малой Азии — Галикарнаса, где правил наследственный сатрап Карики Мавсол. В Галикарнасе мы впервые видим вертикальный трехмерный ансамбль из размещенных по склонам холмов крупных групп зданий — он датируется серединой IV века до н.э. или даже более ранним периодом. Витрувий писал, что город напоминал «вогнутый выгиб театра»¹⁵⁴, над которым возвышалась огромная статуя бога войны Ареса. Прославленный Мавзолей, служивший центром всей композиции, стоял посередине широкой дуги улицы на полпути вниз по склону. Агора располагалась в самом низу, возле бухты, а два крыла городского ансамбля увенчивались стоящими на замыкающих залив высоких мысах храмом Афродиты и Гермеса с правой стороны и дворцом Мавсола (на месте которого теперь стоит замок крестоносцев) с левой.

Однако куда вероятнее, что планировка Пергама имеет более разнообразные и разрозненные истоки.

В первую очередь стоит иметь в виду тесные связи Пергама с Востоком. Иония была достаточно восприимчива к культурному влиянию негреческих государств Малой Азии и Ближнего Востока. Масштабные террасированные ансамбли зданий,

необычным образом соединенных одно с другим, встречались в тех краях издавна, и, хотя прямые аналогии Пергаму и его изящным сочленениям в трех измерениях подобрать не удастся, нельзя сбрасывать со счетов возможность обобщенного влияния таких городов, как позднелеттский Самаль (Зенджирли на юге современной Турции, IX–VIII век до н.э.) с его верхним и нижним «дворцами», стоящими в точках, очень выгодно расположенных относительно существовавшего ранее административного центра.

Следует учитывать и собственно греческий опыт IV века до н.э., хотя речь идет не об исключительной в свой выразительности сценографии поселений вроде Галикарнаса, а о составляющих элементах гражданской архитектуры, которые определили облик более поздних греческих городов. Здесь можно разглядеть несколько тенденций. Первая из них — изобретение новых типов сложных зданий необычной формы вкупе с развитием строительных технологий, делавшим возможными смелые композиционные решения. Другая тенденция, всячески подчеркиваемая Марио Коппой в его детальном исследовании эллинистического градостроительства, заключалась во фрагментации замкнутых архитектурных решений и растущей приемлемости более свободных связей между частями. Все это, наряду с переосмыслением соотношения между монументальными постройками и жилыми кварталами, можно считать ни много ни мало пространственным преобразованием греческого города классического периода¹⁵⁵.

Какими бы ни были его истоки, Пергам так или иначе не имеет себе равных как градостроительный проект, представляющий собой продуманную и всеохватную систему, особенно если учесть, что его городская форма не строилась по предварительно подготовленному генеральному плану, но стала результатом совместного труда нескольких поколений архитекторов и градостроителей. Опыт Пергама оказался востребован на очень большой территории — тот вид, который город Эгеи в Эолиде принял после своего расширения во II веке до н.э., явно восходит к Пергаму, но влияние ощущается в планировке и многих других городов в западной части Малой Азии. Вопрос о том, как пергамская школа взаимодействовала с римскими практиками градостроительства, изменив их в конечном итоге, еще ждет своего исследователя.

Замечательный визуальный анализ римской городской планировки периода империи приводит в своей недавней книге Уильям МакДональд¹⁵⁶. К I веку н.э. решетка уже казалась старомодным приемом, так что вместо нее римляне использовали более гибкие методы ортогонального проектирования. Каркас этой планировки составляли главные дороги и открытые пространства, вместе обеспечивающие беспрепятственное сообщение через весь город. Такая система никогда не создавалась единовременно, но складывалась постепенно, методом проб

155 *Coppa M. Storia dell'urbanistica. Le età ellenistiche* (1981).

156 *MacDonald W.L. The Architecture of the Roman Empire, II. An Urban Appraisal* (1986).

и ошибок, без теоретического ригоризма. Это был вопрос непрерывных улучшений и расширений. Безусловно, в самом начале тут имелся некий план. Исходно поселение могло быть военным лагерем или новым городом с аккуратной решеткой и двумя перпендикулярными осями. Описанный каркас возникал позднее.

Составные компоненты такого гибкого подхода к градостроительству существовали и до эпохи римского господства. То же самое, разумеется, относится и к языку классического зодчества, с помощью которого римские архитекторы и градостроители соединяли воедино свои несогласованные решения. Однако новшеством была именно гибкость римского градостроительства. Оно превратилось в надежную систему, легко подстраивающуюся под любые особенности местности. Важная дорога из другого города достигала окружности стен возле главных ворот. Пройдя сквозь них, она превращалась в городской проспект, идущий к форуму через плотно застроенные кварталы. Такой проспект был вымощен камнем и снабжен тротуарами и крытыми портиками.

Рис. 256

Другими типичными элементами этой городской планировки были открытые общественные пространства, обычно расположенные прямо поперек главной улицы или рядом с ней; лестницы, чаще всего используемые в сочетании с террасами; экседры (полукруглые ниши), нимфеи (фонтаны) и другие декоративные фокусы, скрывавшие неловкие сочленения улиц, резкие перепады уровня и тому подобные несовершенства. Важнее всего было многообразие общественных построек — всех этих театров, амфитеатров, храмов, базилик, библиотек, общественных уборных, концертных залов (одеонов) и цирков. Они были рассредоточены по всему городу с таким расчетом, чтобы ни один район не оставался без них, как и без активной торговли. Эти общественные постройки отличались своей высотой и были заметны издали, а их расположение относительно городского каркаса определялось с таким расчетом, чтобы вид на них открывался постепенно. Многие ученые, изучавшие дальние уголки империи, отмечают, как римляне использовали этот стандартный набор общественных зданий в ходе того, что Макдональд назвал «архитектурной колонизацией».

Богатый арсенал приемов древнеримских проектировщиков, позволивший им создавать эффектную городскую сценографию на основе далекой от совершенства геометрии, оказал значительное влияние на европейское градостроительство эпохи барокко в прямом смысле этого термина, а еще точнее — на барочный Рим. В самом деле: точно так же, как прообразами архитектуры Борромини часто называют виллу Адриана и фасады Петры, Рим Урбана VIII и Иннокентия X можно возводить к планировке провинциальных центров Римской империи.

Европейское барокко

Корни европейского барокко уходят в XVI век, а то и ранее. В фундаментальном смысле эта кульминационная фаза Большого стиля связана с широким спектром интеллектуальных, политических и технологических перемен, таких

как Контрреформация, становление абсолютизма, развитие астрономии и поразительные открытия доселе неизведанных заморских земель. Восприятие пространства в ту эпоху было созвучно следовавшему за финалом Средневековья отказу от предписанной теологией концепции неподвижной Вселенной — мира как статичного отражения внутреннего порядка. После утверждения гелиоцентрической модели Коперника происходит переход к пониманию мира как бесконечного пространства, в котором вокруг солнца движутся различные объекты. Это важнейшее изменение, наряду с развитием математики, оптики, астрономии и театрального искусства, а также с новой доступностью стран Азии и Америки, определило тот культурный контекст, в котором развивалось градостроительство европейского барокко. Распространение этих космополитических воззрений через художественные академии, членами которых зачастую становились и монархи, сформировало для этой эстетики по-настоящему интернациональную аудиторию. Художники путешествовали по европейским столицам, а книги по архитектуре и градостроительству изучались в самых разных уголках континента.

Как я уже упомянул, европейское барокко было феноменом столичных городов. Оно отвечало вкусам абсолютизма и удовлетворяло его потребность в самовыражении. Становление абсолютизма началось в XIV веке утверждением наследственной власти в городах Италии и продолжилось усилением влияния правящих домов Франции, Испании и Англии в последующие два века. Укрепление самодержавия привело к резкому росту населения столиц, а со временем и к увеличению их площади. Например, Мадрид, еще в XVI веке остававшийся небольшой деревней, спустя столетие уже был крупным городом с населением в 170 тысяч человек. Париж, Амстердам, Лондон и Копенгаген развивались по схожему сценарию. В немецких государствах города-резиденции местных правителей также задавали блистательные образцы градостроительного искусства. Разумеется, сам термин «абсолютизм» — не очень надежная опора. «Эпоха абсолютизма» — слишком грубое определение, скрывающее широчайшие различия в политической и общественной структуре. И все же именно церемониальные и политические притязания правителей были самой яркой причиной возникновения европейского барокко.

Подобно зарождению абсолютизма, изобретение барочного языка градостроительства неотделимо от эпохи Ренессанса. В старых городах повторное открытие прямых, продуманных в художественном отношении улиц как осознанного градостроительного приема удается зафиксировать уже в XIV веке, а то и немного раньше. Именно в это время флорентийские письменные источники начинают четко указывать на целесообразность создания улиц *pulchrae, amplae et rectae* — «красивых, широких и прямых». Улицы в таком понимании уже не может восприниматься как промежуток, оставленный между зданиями, — теперь это особый пространственный элемент со своей собственной целостностью. В рамках ренессансной традиции здания, определяющие границы такой улицы, чаще всего

Рис. 13

рассматриваются как независимые единицы. Нововведением барокко к концу XVI века становится идея единой плоскости ограничивающей улицу застройки, а в XVII веке — и представление о непрерывном единообразном уличном фасаде. Другие элементы барокко также возводят свою родословную к Ренессансу. Хороший пример тут — спланированная площадь по образцу римского форума; еще одним таким примером служит трезубец-*тривиум*, схождение к площади трех радиальных улиц. Наконец, мы можем разглядеть первые несовершенные попытки решать барочные по сути задачи в стремлении соединять храмы и общественные постройки прямыми улицами, создавая таким образом монументальные ансамбли. Во Флоренции эпохи Ренессанса, например, шаг за шагом создавалась новая система пешеходных артерий, предназначенная для соединения второстепенных церквей и площадей с городским собором.

Впервые наиболее характерные особенности барочной традиции нашли свое полное выражение в Риме XVI века, особенно в генеральном плане папы Сикста V (1585–1590) и его архитектора Доменико Фонтаны. Именно тут в 1530-х годах был заново изобретен тривиум (см. ниже, с. 329–330). В том же десятилетии идея перспективы нашла свое первое последовательное выражение в спроектированной Микеланджело Страда Пиа. В Риме обретает новую жизнь обелиск, начав свою долгую карьеру в качестве выразительного пространственного ориентира. И здесь же, разумеется, провозглашается главенствующий градостроительный принцип геометрической упорядоченности как цели в себе.

Рис. 257

Большой стиль за пределами Италии

После такого впечатляющего прорыва в Италии начиная с 1650 года барочную эстетику присваивает себе Франция, где на ее основе формируется рациональная система городского проектирования. Именно здесь Большому стилю будет неизменно находиться применение вплоть до Второй мировой войны, как ясно уже из истории одних Елисейских Полей:

Рис. 260

от Андре Ленотра до барона Османа и конкурса 1931 года на проект участка от площади Порт-Майо до района Дефанс.

Рис. 311

Недавно законченная Большая арка Дефанса, которая повторяет очертания Триумфальной арки в четырех километрах далее по той же оси, продолжает традицию, заложенную при Людовике XIV и двух Наполеонах, в современную эпоху полномочного президентства, эпоху де Голля, Помпиду и Миттерана.

Дело в том, что Большой стиль всегда был градостроительным подходом государства, по крайней мере во Франции. В XVII веке Париж вплотную подошел к тому, чтобы стать политическим и социальным центром всей Европы. Численность населения Франции достигла 20 миллионов, сделав ее крупнейшей страной на континенте. Французский талант к централизованному правлению отразился абсолютно на всем, от бюрократии до архитектуры. Большой стиль обрел тут официальный статус не только благодаря королевскому покровительству, но и посредством государственной образовательной системы,

построенной вокруг Академии изящных искусств и ее преемницы, Школы изящных искусств. В конце концов он стал одним из главных предметов французского культурного экспорта, распространившись по всей Европе, а с поразительным основанием Санкт-Петербурга — укоренившись и на бескрайних просторах России. Он пересек Атлантику в виде детройтского «захолустного барокко» и проекта Вашингтона работы Ланфана, который можно считать наиболее полным воплощением принципов французской градостроительной школы того времени. Наконец, с разрастанием колониальных империй в XIX и XX столетиях, Большой стиль вышел на глобальные подмостки, перестроив с нуля или радикально преобразовав настолько далекие города, как Дели и Чикаго, Канберра и Рабат.

Элементы Большого стиля, как он был сформулирован в XVII–XVIII веках, было совсем немного, но они проявляли не меньшую гибкость, чем элементы классической ордерной системы. Самый вездесущий из них — обсаженный деревьями проспект. На самом деле использование высаженных ровными рядами деревьев для обозначения пространственных границ стало основным вкладом Франции в историю ландшафтного дизайна. Не меньшее влияние оказала и жилая городская площадь, окруженная сплошными единообразными фасадами и с крупным памятником в самом центре. Этот элемент был впервые опробован в Париже времен Генриха IV на площади Дофина и на Королевской площади (ныне площадь Вогезов), достигнув своей кульминации полтора столетия спустя на нежилой площади Согласия. К тому времени такие площади уже встречались повсюду.

Однако, возможно, самым важным по своим последствиям аспектом французских экспериментов с барочной эстетикой стал навык увязывать прямые линии обсаженных деревьями проспектов, круговые перекрестки (*rond-points*) и регулярные площади четкой формы с расходящимися от них под разными углами радиусами в единые геометрические композиции, способные организовывать целые новые районы или даже крупные города. Городская форма Парижа за всю его долгую историю была слишком перегружена, чтобы там можно было плодотворно применить Большой стиль во всем его великолепии — по крайней мере, так казалось до тех пор, пока спустя 250 лет после создания первых королевских площадей за дело не взялся блестящий тандем из Наполеона III и барона Османа. Там, где места было относительно много — например, в Версале, в Лондоне после Великого пожара 1666 года или же в Вашингтоне, — потенциал таких комплексных проекторочных решений был очевиден с самого начала.

Не составляет труда понять, почему Большой стиль обычно ассоциируется с централизованной властью. Сами характерные для него масштабы, а также абстрактность порождаемых им планировок предполагают ничем не ограниченную свободу в принятии решений и наличие достаточных средств, чтобы добиваться поставленных целей. В отсутствие такой власти Большой стиль существует исключительно на бумаге. В качестве примера можно привести американское «Движение

Рис. 235

за прекрасный город» начала XX века. Великолепные градостроительные видения Дэниела Бернема имели большой шанс осуществиться на Филиппинах, чем у него на родине. Не имея того политического влияния, какое было у Османа или Шпеера, Бернем не смог превратить в град прекрасный ни Чикаго, ни Сан-Франциско. Вашингтон не случайно оказался единственным американским городом, в котором лидирующее положение Большого стиля не подвергалось сомнению: даже когда к 1902 году проект Ланфана отжил свое, он был возрожден

Рис. 207

и дополнен комиссией Макмиллана. Дело в том, что только федеральная столица могла похвастаться централизованной системой управления, поскольку находилась под полным, хотя и сильно опосредованным контролем Конгресса. В любом другом городе США проектировщики могли прибегать только к уговорам и убеждениям, пытаясь осуществить те фрагменты общего плана, которые удавалось протащить сквозь хитросплетения демократического процесса. Наиболее перспективными среди таких фрагментов были общественные парки и связанные с ними бульвары, благоустройство набережных, административные центры и украшающие город сооружения вроде мостов и парадных въездов (например, квартал Гейтуэй в Миннеаполисе). В любом случае, архитекторы «Движения за прекрасный город» могли рассчитывать оказать хоть какое-то влияние только на застройку общественного назначения. Созданные ими по заказу властей генеральные планы не имели обязательной юридической силы, а суды традиционно не одобряли принудительный выкуп частной собственности.

Рис. 229, 263

Подобная презумпция абсолютной власти объясняет привлекательность Большого стиля для тоталитарных режимов 1930-х годов — для Муссолини, Гитлера и Сталина. Понятна и его популярность в колониальном контексте, где он стал целесообразным инструментом империализма: такие планировки и устанавливали господство метрополии, и выставляли его напоказ — в американской Маниле, британской Лусаке, французском Ханое или итальянском Дыре-Дауа в Эфиопии. На фоне традиционных городов Индии или североафриканских медин Танжера и Феса новые европейские центры подчеркивали разницу между «цивилизацией» колонизаторов и «отсталостью» старых порядков коренного населения.

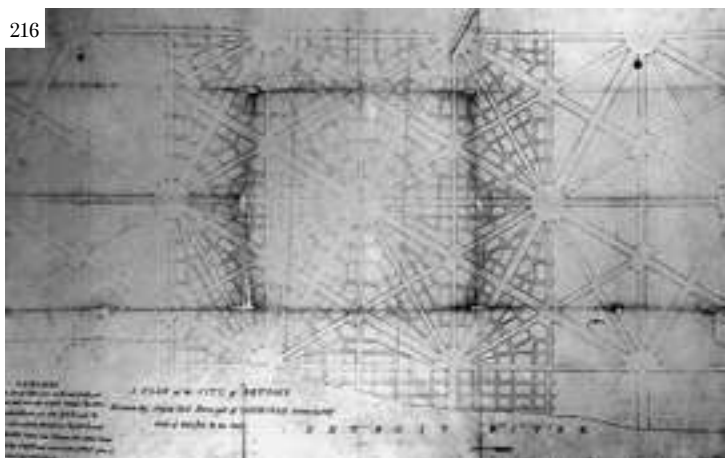
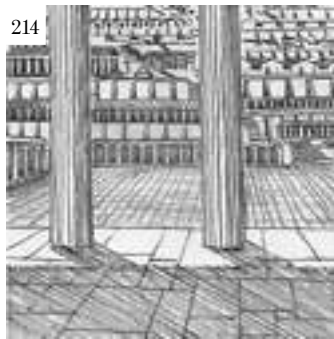
Но непрерывный успех Большого стиля на протяжении XIX–XX веков нельзя объяснить одной только его образной силой. Очевидно, что барочная эстетика шаг за шагом сделалась кладезем крайне актуальных достоинств. Открытость городской формы и возможность свободного движения скоростного транспорта, о которых много размышляли уже проектировщики вроде Ланфана с его «сокращением реального расстояния от места до места», превратились в первоочередные нужды современной эпохи. В то же самое время широкие прямые улицы, дальние перспективы и изобилие зеленых насаждений соответствовали требованиям набиравшего силу движения за гигиену и санитарию.

Разумеется, такие вопросы, как современное транспортное сообщение и здоровая городская среда, станут

Рис. 212. Джон Ивлин, первоначальный план предполагаемой реконструкции лондонского Сити, 1666. Собор Святого Павла вписан в овал, от которого расходятся тривиум улиц.

Рис. 213–215. Схематические виды Дельф (Греция), Приены (Турция) и Линда (Греция), представляющие примеры, соответственно, «органического» города, планировки на основе решетки и композиции Большого стиля.

Рис. 216. Проект Детройта (штат Мичиган, США) работы судьи Огастеса Вудворда, 1807. В 1820-е годы город отказался от этой треугольной планировки в пользу привычной решетки; большая часть диагональных улиц впоследствии исчезла.

центральными для сторонников концепции города-сада, а позднее — и для градостроительного модернизма. Преимущество Большого стиля состояло в том, что он ассоциировался с великими европейскими столицами Нового времени. В то время как город-сад и город модернизма принижали или даже вовсе отрицали роль монументальных общественных пространств, Большой стиль, напротив, всячески ее подчеркивал. Вместо того, чтобы подобно конкурентам, ставить во главу угла при планировании городского опыта жилую застройку, Большой стиль встраивал ее внутрь всеобъемлющей монументальности, характерной для градоформы как единого целого.

Барочная эстетика процветала на протяжении столь долгого времени, потому что, помимо прочих своих современных достоинств, она стала синонимом города как произведения искусства. Она процветала, поскольку была способна выстраивать легко воспринимаемые, сильные городские образы, которые выглядели одновременно современными и исторически оправданными. Именно это привлекало в ней Дэниела Бернема, Чарльза Малфорда Робинсона, Эдварда Беннетта и прочих участников «Движения за прекрасный город», которые стремились укротить неуправляемый рост крупных американских городов, одержимых бесом коммерциализации и пронизанных безоговорочной верой в нерегулируемый рынок. То же самое в конечном итоге привлекает в ней и постмодернистских градостроителей, таких как Леон Крие и Рикардо Бофилл.

Ил. XXX

Проектирование в Большом стиле

В своем отчете от 13 ноября 1666 года, представленном Карлу II спустя несколько недель после Великого лондонского пожара наряду с «обследованием руин и планом нового города», Джон Ивлин выдвигает три принципа перестройки Лондона: «Красота, удобство, великолепие». Если первые два из них отсылают нас к знаменитым *venustas* и *utilitas* Витрувия, то третий, «великолепие», выражает самую суть барочной эстетики. Насколько мы можем судить по решению, предложенному Ивлином для района лондонского порта, принцип великолепия стоял для него даже выше обычной практичности. Проектируя торжественный речной фасад столицы, свободный от неаккуратных пристаней, складов и верфей, он явно заботился скорее о великолепии, чем об экономическом потенциале города. Его предложение перенести расположенные при церквях кладбища на городские окраины, как и идея переместить скотобойни и тюрьмы из центра на въезды в город, может поразить нас своей предвосхищающей эпоху Просвещения прогрессивностью. Однако полный список учреждений и профессий, которые он изгнал бы из Сити, включал «пивоварни, пекарни, красильни, производителей соли, мыла и сахара <...>, торговцев рыбой» — избавление от многих из них, несомненно, стало бы причиной чрезвычайных неудобств для горожан.

Рис. 212

Рис. 263

Именно такое стремление к великолепию, игнорирующее всякие практические соображения, характерно для Большого стиля от древнего Вавилона до нацистского Берлина. Его основные средства при этом — гигантский масштаб, визуальная выразительность и дорогие строительные материалы.

Топография

Ил. XXI

Первым делом нужно было выбрать место строительства, и будущие участки подвергались пристальному анализу. До того как подготовить свой вариант реконструкции Лондона в духе новых времен, Джон Ивлин пожелал составить топографическую карту района застройки, детально описывающую «все уклоны, возвышенности, водные потоки и многое другое»¹⁵⁷. Но это отнюдь не означало, что он собирался вписывать свой проект в рельеф. Напротив, рельеф становился вызовом: там, где он был полезен для достижения целей планировщика, он всячески подчеркивался, а там, где противоречил, — игнорировался и менялся. Среди этих целей было расположение общественных зданий с учетом осмысленных визуальных связей между ними и создание эффектных перспектив. Например, Фонтана мог похвастаться, что папа Сикст V «провел улицы с одного конца города до другого, не обращая внимания на холмы и низменности, которые эти улицы пересекали, но, сгладив здесь и засыпав там, превратил эти места в ровные и привлекательные участки...». Аналогичным образом Ивлин в своем проекте реконструкции Лондона считает «подходящим решением выровнять или, по крайней мере, частично сгладить некоторые наиболее глубокие низменности и впадины, а также наиболее крутые уклоны в пределах города, для упрощения торговли и уличного движения повозок, карет и людей, но в небольшой мере и для красоты расположения зданий»¹⁵⁸.

Рис. 213

Три античных примера могут помочь объяснить, чем отличается визуальное восприятие «органического» города, обычной решетки и планировки в Большом стиле. В Дельфах опыт участника торжественной процессии определялся извилистым подъемом священной тропы и подчеркнуто агрессивным расположением в рельефе сокровищниц разных городов-государств, которые символизировали их соперничество между собой. Храм Аполлона был виден на фоне горного отрога, его свободностоящая скульптурная форма менялась на глазах приближающегося паломника, разворачиваясь и постепенно приобретая все большее значение. Негибкая решетка Приены,

Рис. 214

расположенная на крутых нижних склонах горы Микале, фиксировала расположение храма Афины внутри своих прямоугольных кварталов, так что посетители вынуждены были приближаться к нему по прямой линии, либо двигаясь круто вверх с юга, либо без уклона с запада или востока. В случае эллинистического акрополя в Линде на Родосе склон получил исчерпывающее архитектурное оформление в виде террас, парадных

Рис. 215

Большой стиль

Большой стиль не в ходу в маленьких городах. Это и непрактично, и нескромно. Представляя собой масштабную композицию дальних перспектив, он не склонен учитывать ни топографию, ни предшествующую городскую планировку и очень часто скатывается в напыщенность. Как правило, за проектами в Большом стиле стоит мощное централизованное государство, чьи ресурсы и широкие полномочия делают возможным сооружение экстравагантных градостроительных ансамблей из прямых как стрела проспектов, обширных площадей с единообразными фасадами и соответствующего набора монументальных общественных зданий. Большой стиль, по сути, имеет глубоко социальную природу – он предназначен для церемоний, торжественных шествий и регламентированной общественной жизни. Его улица содержит в себе потенциал помпезности: она целеустремленно пересекает город и снабжена триумфальными арками, обелисками и отдельно стоящими фонтанами. Весь этот архитектурный театр вбирает в себя хаос нашего повседневного существования. Под защитой масштабных фасадов мы продолжаем жить своей жизнью, готовые собраться в толпы, как только великие задачи города Большого стиля потребуют участия масс.

Ил. XX. Пальмира (Сирия). Вид от тетрапилона в сторону триумфальной арки вдоль улицы колонн. Все эти декоративные сооружения были возведены в римском провинциальном городе в конце II и начале III веков. И тетрапилон, и арка служили шарнирами, где колонная улица меняла свое направление.

XXI

Рим как образец барочного города:

Ил. XXI. Реконструкция Рима в 1530-х годах и особенно в 1585–1590 годах (когда она проводилась папой Сикстом V и его архитектором Доменико Фонтаной) задала наиболее характерные особенности барочного Большого стиля – в частности, тривиум, выразительные прямые улицы, диагонали, а также разнообразие городских ориентиров и монументов. Фреска того времени в библиотеке Ватикана изображает грандиозный план Фонтаны и Сикста. Мы смотрим на восток, у левого края внизу видна площадь Пополо, у правого – Капитолийский холм. Их соединяет прямая улица Корсо. Площадь Пополо находится в фокусе тривиума,

созданного в 1530-х годах. Сикст V обозначил ее обелиском и задумал построить несколько восточнее четвертый луч, который мимо церкви Тринита-деи-Монти шел бы к церкви Санта-Мария-Маджоре и далее к Латерану. В рамках лишь частично реализованного проекта эти две точки также отмечались обелисками. На полпути между Тринита-деи-Монти и Санта-Мария-Маджоре находился «прекраснейший Крест», где Страда Феличе пересекала Страду Пиа, которая вела к воротам Порто Пиа в северо-восточном участке стен. В центре на переднем плане видна колонна Марка Аврелия, правее – колонна Траяна.

Ил. XXII. Барочные церкви Санта-Мария-ин-Монтесанто и Санта-Мария-деи-Мираколи, построенные в 1660–1670 годах в качестве архитектурного оформления тривиума на площади Пополо (у левого края на фреске, ил. XXI) и сглаживающие его легкую асимметрию.

Величественная ось:

Ил. XXIII. Париж, вид на юго-восток. Прямая Елисейских Полей прерывается звездой радиальных улиц, перспектива вдоль каждой из которых завершается Триумфальной аркой.

Ил. XXIV. Канберра (Австралия). Вид с горы Айнсли вдоль оси, соединяющей Военный мемориал с новым зданием парламента.

Пространства, ориентиры
и монументы:

Ил. XXV. Большой стиль работает с большими пространствами. Площадь Белькур в Лионе – одна из самых крупных не только во Франции, но и в Европе. Ее размеры особенно поражали в сравнении с историческим городом. Из плац-парада, которым она была в XVI веке, в следующем столетии она превратилась в общественную площадь с рядами деревьев и полем для игры в пэлл-мэлл. Как королевскую площадь при Людовике XIV ее украсили конным памятником монарху – любимым городским ориентиром тех времен – и роскошными фасадами по двум коротким сторонам. И то, и другое было зримым выражением абсолютной власти; и то, и другое было разрушено во время революции. Желая дать не менее политически заряженный ответ, Наполеон восстанавливал фасады, а Карл X – статую. На холме видна базилика Нотр-Дам-де-Фурвьер (XIX век) и «Металлическая башня» (1893), подражающая Эйфелевой башне.

Ил. XXVI. Фонтан как фокальная точка города: пьяцца Неттуно в Болонье была создана, чтобы представить в выгодном свете фонтан Нептуна работы Джамболоньи (1563).

XXVI

XXV

XXVII

Ил. XXVII. Небоскреб как ориентир для осевой перспективы: Трансаме-рика-билдинг (1973) замыкает вид вдоль Коламбус-авеню, пересекающей по диагонали Сан-Франциско.

Ил. XXVIII. Триумфальная арка: Воен-ный мемориал Ворот Индии (1931) на главной оси Нью-Дели Кингс-уэй (ныне Картавьяпатх) был возведен по проекту сэра Эдвина Лаченса и посвящался памяти индийских солдат, павших на полях Первой мировой. Для бывшего вице-короля Индии лорда Челмсфорда это был памятник «идеалу и факту британ-ского господства над Индией». Вда-ли – каменный балдахин, под которым ранее стояла статуя короля Георга V.

XXVIII

XXIX

XXX

Ил. XXIX. Московский проспект Калинина (теперь – улица Новый Арбат) трактует монументальные традиции соцреализма в модернистском ключе. Проект группы архитекторов под руководством Михаила Посохина, 1962–1967.

Ил. XXX. Большой стиль в эпоху пост-модернизма: Монпелье (Франция), вид с площади Номбр-д'Ор в новом жилом комплексе «Антигона». Проект Рикардо Бофилла и его бюро Taller de Arquitectura, 1978–1980. «Каждая моя постройка – памятник, – заявляет Бофилл, – каждое общественное пространство – театр».

лестниц и портиков, которые были упорядочены относительно строгой оси симметрии. Таким образом, опыт подъема и продвижения из одного парадного двора в другой включал планомерное раскрытие продуманных с точки зрения архитектуры перспектив, которые, укротив и скрыв особенности рельефа, использовали его лишь в виде отдаленного фона.

Очень важно еще раз подчеркнуть произвольный характер этого направления в градостроительном проектировании. Геометрический порядок оказывается тут зачастую самоцелью, даже когда местные условия к этому не располагают. Разумеется, некое официальное оправдание решений, принимаемых властями по поводу городской формы, всегда находится, и я скоро упомяну о некоторых из таких оправданий на примере прямой улицы. Однако произвол от этого никуда не девается — напротив, им очень дорожат.

Рис. 216 Ивлин клеймил старый Лондон как «город, состоящий из нагромождения безыскусных деревянных домов»¹⁵⁹. Слово «безыскусный» кажется мне тут наиболее показательным. Барочный город — это искусная вещь во всех смыслах, одновременно и вычурная, и изощренная. Когда судья Огастес Вудворд составил в 1807 году проект застройки Детройта после опустошившего этот пограничный форпост за два года до того пожара, он указал, что «основой планировки города должен стать равносторонний треугольник с длиной стороны в четыре тысячи футов [1200 метров], каждый угол которого рассечен перпендикуляром к противоположной стороне». Таким образом, эти равносторонние треугольники делились на шесть меньших прямоугольных треугольников, известных как «секции». Почему это было подходящей идеей для нового города, судья не пояснял. Прославленный проект Нью-Дели работы Эдвина Лаченса при всех своих прочих достоинствах в конечном итоге продиктован любовью автора к равносторонним треугольникам и шестиугольникам — а также к шедеврам англо-американского Большого стиля. Как выразился в 1930 году коллега Лаченса Герберт Бейкер, планировка Нью-Дели стала «великолепным развитием идей, впервые сформулированных Ланфаном в его проекте Вашингтона и Реном в его отклоненном варианте реконструкции лондонского Сити».

Рис. 176

Рис. 208

Такие негибкие решения очевидным образом влекут за собой довольно серьезные издержки для существующего уклада жизни. Вне застроенной территории они нарушают сложившуюся систему имущественных границ. В городе разрушению подвергаются сами здания. Как остроумно подметила жалоба современников по поводу бурного воплощения в реальность градостроительных проектов Сикста V, «эти вешки, расставленные вдоль прямых линий по всему городу поперек виноградников и садов, сеют страх в душах многих заинтересованных лиц, которым прекрасно известно, как много шей было свернуто ради сооружения улиц без единого поворота»¹⁶⁰. В Средние века и в эпоху Ренессанса снос недвижимости, как

159 Ibid.

160 *Orbaan J.A.F. Sixtine Rome (1911)*

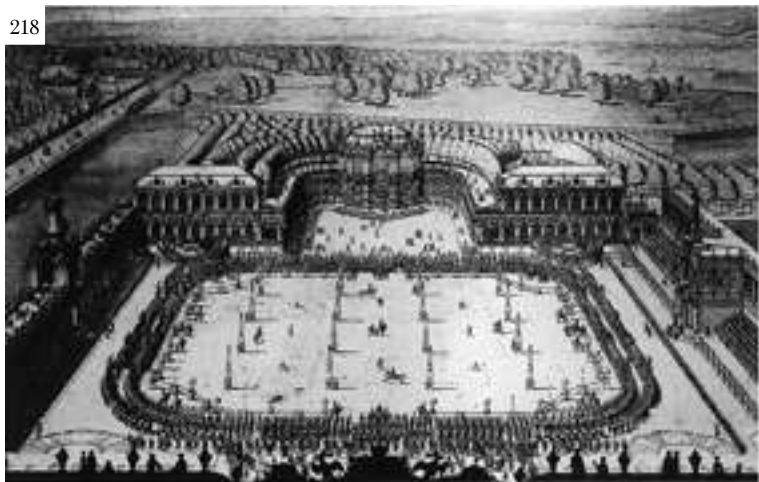
Рис. 217. Аннаполис (штат Мэриленд, США), спроектированный губернатором Френсисом Николсоном в 1694 году. Карта Джеймса Стоддerta 1718 года, дошедшая до нас в виде рукописной копии 1748 года.

Рис. 218. Дворец Цвингер, возведенный в Дрездене в 1711–1722 годах по проекту Маттеуса Пеппельмана. На гравюре изображено празднество «Карусель стихий» по случаю свадьбы наследного принца Саксонии в 1719 году.

217

218

правило, был в итальянских городах-государствах исключительной мерой наказания для изменников родины. Теперь эта мера применялась там, где не было никакого преступления. Папская булла 1480 года ввела процедуру изъятия и сноса строений ради общественного блага.

Рис. 253 Необходимость разрушать — это причина, по которой так много образцов градостроительства эпохи барокко находится за пределами старых городских центров. Самое мощное впечатление производило тут сопоставление: просторные, визуально целостные фрагменты непосредственно граничили со складывавшейся столетиями живописностью средневековой городской ткани, плотно стянутой неуклюжими укреплениями. Про Новое время мы никак не можем сказать то же самое. Начиная с Бонапарта и архитекторов его имперских городов, все больше утверждалось представление, что упорядоченность в духе Большого стиля должна быть навязана старым центрам. Кульминацией этого процесса оказались беспрецедентные по масштабам сносы в ходе реконструкции Парижа бароном Османом в 1850–1860-х годах — «больших работ» (*grands travaux*), ставших примером для всего мира.

Рис. 90

Для этой новой вседозволенности имелись две не связанные между собой причины. С функциональной точки зрения, исторический город больше не мог справляться с растущей интенсивностью дорожного движения и вообще с напором современной жизни и потому должен был быть раскрыт и соединен с неудержимо растущими пригородами. Однако более насущной задачей для режимов Наполеона I и Наполеона III, Франко и Муссолини была историческая переоценка. История сама нуждалась в исправлении и уточнении. Необходимо было освободить величественные памятники прошлого от более поздних беспорядочных наслоений, в рамках того же исторического нарратива воздвигнуть новые монументы, которые воспевали бы личность и идеологию действующего правителя, а также визуально связать в городском ландшафте историческую память и современные успехи. Для всего этого нужно было много места.

Рис. 212 Действительно, одна из важнейших составляющих Большого стиля — размах. Чтобы его магия сработала, требуется простор, достаточный для создания эффектов повторяющейся геометрии и бескрайних перспектив, которые преодолевают границы города и устремляются вглубь сельской местности. Глядя на проект реконструкции Лондона работы Ивлина, как и на не менее знаменитый вариант Кристофера Рена, мы не можем не заметить, насколько тесно барочным приемам в рамках Сити. В осуществленных проектах подобного рода ограниченность пространства сводит Большой стиль к механическому воспроизведению собственных стереотипов. Это ощущается, например, в трезубце улиц, расходящихся в берлинском Фридрихштадте от площади Рондел (ныне Меринглац, проект 1730-х годов), или, еще более отчетливо, в Аннаполисе, спроектированном Френсисом Николсоном в качестве столицы Мэриленда, где в тесном пространстве неловко сгрудились величественные барочные решения: на самой высокой

Рис. 241

точке — большой круг со зданием ассамблеи штата в центре, круг поменьше с церковью и площадь Блумсбери-сквер на манер лондонской. Даже диагонали, которые расходятся от большого круга, не проведены через его центр, а немного смещены в сторону — возможно, это было осознанным эстетическим решением, но в итоге кажется искажением из-за слишком плотной планировки.

Рис. 218

С другой стороны, методы Большого стиля прекрасно работают не только на просторах Вашингтона или Карлсруэ, но и в узких пределах дворцо-парковых ансамблей вроде Нимфенбурга в Мюнхене, Цвингера в Дрездене или Каподимонте и Казерты близ Неаполя. Так что это не просто вопрос площади участка, отведенного под проект в Большом стиле. Как и в любом произведении дизайна, масштаб тут задается не конкретными размерами, но соразмерностью частей между собой.

Ил. XXI

Сформулировать, как Большой стиль соотносится с радиальными планировками, описанными в предыдущей главе, не сложно. Геометричные градостроительные решения, о которых идет речь здесь, тоже не лишены символизма: городская форма также воспринимается в них как отражение некоего идеального порядка, будь то космологического или политического. Но их создатели были куда больше озабочены чисто внешней красотой. У плана Сикста V имелись свои весомые символические интерпретации. Катерво Фольетта в письме от 1587 года отмечает, что пересечение Страда Пиа папы Пия IV и Страда Феличе папы Сикста V «образует прекраснейший Крест» (*fa una bellissima Croce*), крест Голгофы. В свою очередь, Джованни Франческо Бордини описывает весь план Сикста «в форме звезды» (*in syderis formam*) с базиликой Санта-Мария-Маджоре в центре — то есть как пятиконечную звезду, символ Девы Марии. В то же время сам автор проекта Доменико Фонтана, описывая новые улицы, видит эстетические достоинства своего проекта: «Вдоль них во многих местах открываются виды на низинные части города в самых разнообразных ракурсах. Таким образом, помимо благочестивых целей, эти красоты создают плодотворную почву и для чувственных наслаждений».

Большой стиль как театр

Город воспринимается как театр отнюдь не только в рамках Большого стиля. Во все времена городские пространства — улицы и площади — служили сценой для спектаклей, в которых горожане были и актерами, и зрителями. Городская жизнь непредставима без элемента театральности.

Однако в двух смыслах Большой стиль действительно имеет особое отношение к сценографическому искусству и в целом к понятию театра. Во-первых, планировщик подражает именно сценографу, когда требуется создать временные пространства для особых случаев: декорации — быстрый, простой в юридическом отношении и недорогой способ создать эффект градостроительным проектом в Большом стиле. Во-вторых, конечной задачей Большого стиля было превращение

в театральное зрелище самой композиции городских пространств, пространственного опыта движения по улицам и площадям. Альбом планов и видов, изготовленный по приказу савойского герцога Карла Эммануила II в 1682 году в ознаменование превращения Турина в образцовую абсолютистскую столицу, назывался «Театр государства Савойского» (*Theatrum statuum Sabaudiae*). Схожим образом альбом гравюр, изображающих Рим папы Александра VII, носил название «Новый театр <...> современного Рима» (*Il nuovo teatro... di Roma moderna*). Сам Александр отзывался о своей перестройке площади перед церковью Санта-Мария-делла-Паче как о «театре Паче» (*Teatro della Pace*), а площадь Святого Петра он называл «площадью театра Святого Петра» (*piazza del teatro di San Pietro*)¹⁶¹.

Рис. 220

Рис. 221

Проследить исторические отсылки довольно непросто, однако ясно, что эллинистическая практика, зафиксированная Витрувием в форме трех «сцен», стала основой для трех «улиц» Себастьяно Серлио в его трактате об архитектуре. «Трагическая» улица из выдержанных в классическом стиле общественных зданий заканчивалась триумфальной аркой, ведущей прочь из города, и предназначалась для благородной жизни королей и знати. «Комическая» улица была жилой улицей для повседневного существования лавочников и купцов: галереи с лавками внизу, жилье наверху и церковная колокольня на заднем плане — почти все ее элементы были выдержаны в устаревшем к тому времени готическом стиле. «Сатирическая» улица представляла собой сельскую дорогу для идиллических забав и игр на природе. Серлио вторил более ранним эскизам Перуцци, который, в свою очередь, мог подражать Браманте.

Рис. 219

Позже, в 1584 году, Винченцо Скамоцци завершил работу над спроектированным Палладио Театром Олимпико в Виченце, воспроизведя на его сцене те же три улицы в трех измерениях; искусство перспективы ставится там во главу угла, позволяя с помощью приемов вроде непрерывных линий карнизов добиться единства всех уличных фасадов. Можно утверждать, что римский проект, разработанный Доменико Фонтаной для Сикста V, — это не более чем применение идей «трагической» улицы в сфере градостроительства. Мало того, если верить Джону Ониансу, существует и более ранний пример связи между искусством сценографии и реальным городским проектом, причем связь эта более непосредственна. В своей недавней книге Онианс утверждает, что в основе облика piazzetta Сан-Марко в Венеции, перестроенной Якопо Сансовино в 1530-х годах, может лежать «трагическая» сцена Перуцци и Серлио: именно она могла послужить теоретическим обоснованием для замены прежних готических строений с их будничными коннотациями Библиотекой Марчиана, Монетным двором и Лоджеттой классических форм¹⁶².

Из арсенала сценографии градостроители Ренессанса и барокко позаимствовали трактовки многих классических мотивов — триумфальных арок, храмовых фасадов, эскадр

161 См. Krautheimer R. The Rome of Alexander VII (1985).

162 Onians J. Bearers of Meaning (1988).

Рис. 219–221. Сравнение piazzetty Сан-Марко и двух театральных «улиц» Себастьяно Серлио (1537), «трагической» слева и «комической» справа. Монетный двор и Библиотека Марциана работы Сансовино занимают левый край фотографии; его же Лоджетта, частично скрытая левой колонной, видна у основания кампаны собора Святого Марка.

219

220

221

и статуй героев на пьедесталах. В театре же они учились использовать перспективу для создания городских видов: сооружать архитектурный просцениум, через проем в котором видны дали, использовать сплошную застройку улиц для подчеркивания эффекта глубины и размещать какой-нибудь ориентир в точке схода перспективы.

Помимо перспективы и симметрии, сценограф мог использовать единообразие фасадов для создания видимости единого порядка. Связь между этими явлениями сформулировал Джон Ивлин. Описывая Париж, он заметил, что дома на многих улицах построены «так несравненно богато и единообразно, что вы скорее могли вообразить, что находитесь в итальянской опере, где зрителя поражает разнообразие декораций, чем поверить, что это настоящий город»¹⁶³.

Еще до того как такие приемы стали привычными в городском проектировании, и, собственно говоря, на протяжении долгого времени после этого, импровизированные театральные декорации использовались для преобразования реальной городской ткани по случаю государственных церемоний и торжеств. Фасады вдоль маршрута процессии занавешивались панно с соответствующими классическими образами; на тропеях изображались ложные перспективы, маскирующие живописный беспорядок средневековых улочек; торжественную размеренность движению кортежа обеспечивали расставленные на должных расстояниях триумфальные арки из пропитанной ткани или гипса. Фальшивые триумфальные арки также маскировали готические силуэты средневековых городских ворот.

С политической точки зрения, такая драматизация городской формы была характерной особенностью абсолютизма. Ренессансные правители нового типа были покровителями возрожденного классического театра и основными инициаторами централизованных преобразований городского пространства. С XVI по XVIII век подавляющее большинство строившихся постоянных театральных зданий располагалось на территории монарших резиденций. Самому городу навязывался облик идеальной театральной среды, который был призван подчеркнуть благосклонное могущество государя. Городские улицы, связывавшие главные ворота и резиденцию, становились объектом реконструкции в первую очередь. Задача состояла в создании церемониальных магистралей, способных монополизировать опыт пребывания в городе и полностью контролировать его с того момента, как гость впервые ступал внутрь ворот. Театральные приемы, особенно в том, что касалось создания перспектив, помогали подчеркнуть «порядок, навязанный пространству его повелителем, верховенство того ракурса, с которого этот повелитель его обозревал, и снижающуюся значимость объектов по мере их отдаления от средоточия власти»¹⁶⁴.

С упадком абсолютизма сменилась и личность повелителя. Пространства абстрактного идеального города теперь использовались, порой в переосмысленной и расширенной

Рис. 222

163 Evelyn J. *Op. cit.*

164 Carlson M. *Places of Performance* (1989).

Рис. 222. Абсолютистская авеню: берлинская Унтер-ден-Линден, вид на запад. Рисунок Карла-Фридриха Феххельма, 1756. Слева здание Оперы, справа – дворец принца Генриха, позднее главный корпус Гумбольдтского университета.

Рис. 223. Буржуазный бульвар: Рингштрассе в Вене, 1873. Вид вдоль улицы Опернринг; справа здание Оперы.

Рис. 224. Социалистическая магистраль: Шталин-аллее (позже Карл-Маркс-аллее) в Восточном Берлине. Главный архитектор проекта Герман Гензельман, 1952–1957.

222

223

224

Рис. 223, 248

форме, чтобы соответствовать ритуалам новых господствующих классов. В XIX веке на сцену вышел средний класс. Бульвары барона Османа выставили на всеобщее обозрение новые способы проведения досуга разодетыми завсегдатаями кафе — весь город превратился в буржуазное зрелище. В свои права вступил фланер, типаж, который описывался современниками как «в высшей степени парижский компромисс между ленью и энергичностью»¹⁶⁵.

Рис. 224

Вполне предсказуемо, что социалистические власти, в свою очередь, объявили город принадлежащим массам, однако после ряда экспериментов вернулись все к тем же сценографическим решениям Большого стиля, просто украсив их собственной символикой. При Сталине восточноевропейские градостроители вполне открыто признавали эту преемственность. Проблему узрели в том, что культ государственного невмешательства все предшествующее XIX столетие утверждал частный подход к жилищному строительству, который потворствовал живописной эстетике — характерной черте капиталистического эскапизма. Но вот государство вновь вернуло себе абсолютную власть, так что вполне естественно, что оно обратилось к проектировочным принципам XVII–XVIII веков (при этом само собой разумелось, что государство в эпоху барокко было орудием угнетения и эксплуатации, тогда как при социализме главным архитектором стал сам народ). В 1955 году один восточногерманский архитектор даже писал:

Осевые ансамбли, построенные по образу улицы Зодчего Росси [в Ленинграде] и площади Согласия [в Париже], могут стать наилучшим воплощением социалистического строя¹⁶⁶.

Ил. XXX

Спустя много лет после отказа от социалистического реализма в архитектуре (который произошел практически одновременно со смертью Сталина) эти слова, как нам предстоит убедиться, приобрели новую актуальность в связи с жилыми комплексами работы Рикардо Бофилла. Совмещая социалистическое кредо строительства для простого народа и практически буквальное воспроизведение аристократических форм XVIII века, он с гордостью заявил: «Любая моя постройка — памятник, любое созданное мною общественное пространство — театр»¹⁶⁷.

Большой стиль и ландшафтный дизайн

В эпоху барокко родство ландшафтного дизайна и градостроительного проектирования стало общим местом. Садовые аллеи имели много общего с обсаженными деревьями улицами, круглые площади в равной мере украшали и парк, и город. Невозможно рассуждать о Большом стиле XVII и XVIII веков без определенного понимания методов работы с садовыми формами.

¹⁶⁵ Пьеса Викторьен Сарду, цит. по: *Clark T.J. The Painting of Modern Life* (1984).

¹⁶⁶ *Junghanns K. in Deutsche Architektur*. 1955. No. 4.

¹⁶⁷ Цит. по: *Design Book Review*. Winter 1989. No. 17.

Развитие этой темы в древности плохо поддается изучению. Зримые свидетельства до наших дней, разумеется, не дошли, но даже по тому, что доступно исследователям, можно со всей очевидностью заключить, что в то время городские эффекты большого стиля не задействовали зеленые насаждения и не имели ничего общего с искусством садовника. Деревья и другие растения выступали в лучшем случае как вспомогательные элементы общественных зданий: парки олицетворяли собой райский уголок, никак не связанный с каменным порядком плац-парадов и церемониальных осей. Знаменитые Висячие сады Вавилона озеленяли часть кровли дворца Навуходоносора, деревья оживляли и верхние террасы зиккурата в Уре, однако городские улицы и территории храмов оставались не затронутыми регулярным благоустройством. Лучшее всего нами изучено ландшафтное решение гробницы царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, задачей которого было воссоздание внешнего вида обители богов: чинары и тама-риски в первом дворе и мирры на верхних террасах служили земным образом «рая Амона».

Рис. 236

Чтобы осознать поразительные параллели между садовым искусством и «украшением» города, нам нужно перенестись в конец XVI века, где нашей первой остановкой станет Италия. Именно тогда и там произведения ландшафтного дизайна стали приобретать архитектурные черты, которые в уменьшенном масштабе вторили пространственным устремлениям градостроителей того времени. Имея дело со сравнительно свободными участками, садовники на протяжении последующего полувека получили возможность поэкспериментировать со многими из тех комплексных решений, которые для архитекторов и инженеров оставались абстрактными проектами в условиях существовавшей застройки старых городов.

Рис. 243

Во Франции XVII века эти параллели проявились еще более явно, когда регулярная планировка пригородных парков вышла за их пределы и начала задавать возможные координаты для упорядочения городских окраин. Одновременно с этим превращение жестких архитектурных рамок бастионных укреплений в благоустроенные променады — в первую очередь в случае парижских Больших бульваров — еще более сократило разрыв между ландшафтным дизайном и проектированием современных городских районов. Выражаясь точнее, рациональные методы структурирования пространства начали аналогичным образом применяться к зеленым зонам и застроенным территориям. Признанным мастером этого нового пространственного искусства стал Андре Ленотр.

На протяжении следующего столетия, когда накопленный практический опыт подвергся теоретическому осмыслению, градостроители, по словам Вольфганга Херрманна, учились у Ленотра и других мастеров садово-паркового искусства, «как спрямлять извилистые улицы, компенсировать неизбежные нерегулярности рельефа и располагать точки обзора»¹⁶⁸. Аббат

168 *Herrmann W. Laugier and 18th Century French Theory* (1962).

Рис. 225

Ложье внес в эту значимую для того времени дискуссию свою лепту, назвав регулярные сады и парки во французском стиле образцом, к которому должны стремиться города вроде Парижа. «Пусть планы наших парков служат проектами наших городов», — писал он в 1755 году. Традиционные города действительно напоминали дремучие леса, в которые градостроители должны были привнести рациональный порядок, так же как в своей сфере это делали ландшафтные архитекторы. Ложье писал:

Париж — это бескрайний лес с многочисленными холмами и долинами, разделенный надвое огромной рекой, которая расходится на множество рукавов, образуя большие и малые острова. Допустим, нам дозволено расчистить этот лес по собственному усмотрению. Сколько возможностей таит его природное многообразие!¹⁶⁹

Кроме всего прочего, представления Ложье об идеальном въезде в столицу — широкая авеню, обсаженная несколькими рядами деревьев, заканчивается триумфальной аркой с расходящимися от нее радиусами улиц — очень напоминают впервые выдвинутый Ленотром проект Елисейских Полей, которые как раз начали обретать свою классическую форму в середине XVIII века. С внутренней стороны городских ворот должна была находиться большая площадь с тремя улицами, веером расходящимися вглубь города.

К концу века это характерное для Франции сближение ландшафтного дизайна и градостроительного проектирования стало общепринятым по всей Европе. Рождение во второй половине XVIII столетия живописного английского парка и его растущая популярность как на континенте, так и, благодаря Даунингу и Олмстеду, в США не смогли перечеркнуть твердое убеждение эпохи барокко, что городская форма и садово-парковое искусство неотделимы друг от друга. Жан-Шарль Адольф Альфан, разбивший при бароне Османе несколько прекрасных парижских парков, в основном в английском стиле, в то же время обустроивал новые бульвары и площади уверенной рукой мастера Большого стиля.

Рис. 248

В Америке живописные парковые ландшафты и масштабный формализм барочного градостроительства были более тесно увязаны в широком контексте Большого стиля. В отличие от французской убежденности, что градостроительство и ландшафтный дизайн основаны на одних и тех же формальных принципах, американская барочная эстетика сочетала два отдельных городских опыта — монументальную сеть улиц и площадей и мягкие, романтические очертания зеленых зон, восходящие к традиции английского парка и более непосредственно к работам Фредерика Ло Олмстеда. Добавление очередного «Центрального парка» в сложившуюся задолго до «Движения за прекрасный город» городскую решетку вроде манхэттенской было призвано создать разительный контраст между реальностью стандартного американского города

169 Цит. по: *Anderson S., ed. On Streets* (1978).

Рис. 225. Контраст пространственных структур: запутанная уличная сеть Парижа до реконструкции бароном Османом (справа) и круговые перекрестки со звездами лесных аллей в Булонском лесу (слева); деталь карты работы Цезаря Франсуа Кассини, 1744. Грандиозная ось Елисейских Полей уже намечена как «авеню Тюильри» – обсаженная деревьями дорога, ведущая из города на северо-запад и едва задевающая северный край Булонского леса.

Рис. 226. Первый в Англии и мире город-сад Летчворт (проект Рэймонда Ангуина и Барри Паркера) был заложен в 1904 году. В то время как улицы с частными жилыми домами производили впечатление «органических», планировка общественных пространств отражала регулярный подход стиля бозар.

225

226

Рис. 250

и антигородским по своей сути парком. Проекты архитекторов из «Движения за прекрасный город», напротив, изящно соединяли эти две сущности: обсаженные деревьями бульвары и парквейы приносили зеленые насаждения в основную градостроительную форму и связывали ее с ландшафтами парков и прибрежных зон, предназначенными для досуга.

Рис. 226

После Первой мировой войны англичане по-своему усовершенствовали этот сплав, когда под влиянием заповедей Эбенизера Говарда соединили градостроительные концепции города-сада и Большого стиля. Нью-Дели одновременно величественен и подобен парку, но на свой особый манер то же самое относится и к первому городу-саду Летчурту. Характерное для английской сферы влияния упрямое разграничение на общественные зоны, в которых доминировали многоэтажные здания и монументальные приемы, и жилую застройку низкой плотности, состоявшую в основном из домов на одну семью, приводило к более разнообразной структуре расселения, чем в странах континентальной Европы и их колониальных владениях, где основной типологией жилья были многоквартирные дома. Именно это отличает Нью-Дели от французских колониальных центров вроде Туниса или Алжира.

Проектирование высот

Целенаправленное создание и регулирование высот для того, чтобы поставить общественное здание выше повседневной среды обитания и сконструировать переживание торжественного приближения к нему, имеет центральное значение для градостроительства в Большом стиле. Эта задача решается несколькими способами.

Рис. 277

Платформы. В древнем мире наиболее радикальными примерами платформ можно считать зиккураты, которые служили основанием месопотамских храмов, и храмовые пирамиды Центральной Америки. Ту же функцию, хоть и не так бросаясь в глаза, выполняли стереобаты греческих храмов. Современный пример платформы — двухэтажный стилобат административного комплекса Эмпайр-стейт-плаза в Олбани (столице штата Нью-Йорк), на котором стоят четыре одинаковых офисных башни.

Рис. 215

Лестницы. Здесь можно назвать гробницу Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, эллинистический акрополь в Линде или любой из классических ансамблей маяя. Речь идет о лестницах, размер которых превышает любые разумные требования повседневного использования. По сути, мы имеем здесь дело с так называемой наклонной площадью. Более современные примеры включают Испанскую лестницу в Риме и лестницу перед главным входом в музей Метрополитен в Нью-Йорке.

Рис. 227

Рис. 228

Пандусы. Они обеспечивают доступ к высотам для колесных транспортных средств, а иногда и облегчают подъем для пешеходов. Их часто используют наряду с лестницами, чтобы не сужать выбора для организаторов торжественных процессий. Кордонату, ведущую к капитолийскому ансамблю Микеланджело, можно назвать компромиссом между лестницей и пандусом.

Рис. 227. Испанская лестница в Риме, архитектор Франческо де Санктис, 1723–1725. Вид с площади Испании по направлению к построенной в XVI веке церкви Тринита-деи-Монти на вершине холма.

227

Рис. 228. Капитолийский холм в Риме. Лестница, ведущая к церкви Санта-Мария-ин-Арачели (слева), служит не более чем средством подъема, но кордоната Микеланджело, спроектированная им в середине XVI века как часть проекта перестройки ансамбля муниципальных зданий на вершине холма, тщательно продумана с точки зрения создания драматического эффекта. Этот эффект усиливается двойной лестницей ко входу во Дворец сенаторов, расположенной на самом верху точно на оси симметрии. Гравюра Джованни Баттисты Пиранези, 1757.

228

Ритмичный поэтапный подъем с искусным использованием лестничных площадок, видовых точек и попеременного появления и исчезновения конечной цели в поле зрения особенно удавался римским проектировщикам. Они умели выстроить визуальное напряжение даже в рамках строго осевой композиции. Этого эффекта удавалось добиться за счет препятствования движению по прямой линии с помощью различных уловок: иногда маршрут подъема разделялся на площадке на два ответвления, а иногда дорогу преграждали алтарь или статуя, которые приходилось обходить.

Храм Фортуны в Пренесте (современной Палестрине) демонстрирует тончайшее сочетание таких приемов, и, несомненно, стал прообразом Бельведерского дворца Браманте в Ватикане и Капитолия Микеланджело. Если рассматривать концепцию последнего в ее полном первоначальном виде, с учетом не только классической кордонаты со стороны города, но и расположенных сзади ступенчатых подъемов от Римского форума, весь капитолийский ансамбль предстает поразительным примером хореографической организации людских потоков методами архитектуры.

Два более поздних проекта сравнимого качества расположены на территории бывшей Российской империи. Гигантская лестница в Одессе известна сейчас как Потемкинская благодаря знаменитой сцене в фильме Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Она строилась для того, чтобы создать монументальную связь между городом на вершине холма и его гаванью, заменив собой хаотичную сеть троп и деревянных лестниц (проект датируется 1837 годом). Соотношение лестничных маршей и площадок было подобрано с таким расчетом, чтобы «человек, смотрящий сверху вниз, видел только площадки, а в противоположном направлении были видны только ступени»¹⁷⁰. На вершине лестница вливается в идущий вдоль кромки городского холма величественный Приморский бульвар, заложенный примерно в то же время.

Главная цель, к которой была устремлена лестница в крымской Керчи, — часовня-мавзолей на вершине горы, носящей имя царя Митридата. Подъем начинался на просторной площади в форме восьмиугольника, а сама лестница разбивалась на части тремя террасами.

Современные потомки таких барочных «лестничных улиц» чужаются дорогостоящих материалов и программных исторических аллюзий, ограничиваясь демонстрацией самой техники террасирования и иногда используя озеленение и уличную мебель для создания городского уюта. В ходе реконструкции Касселя после Второй мировой войны склон холма от Шайдеманплатц до Кенигштрассе был превращен в пешеходную торговую улицу со связанными лестницами и пандусами террасами, посередине которых идет широкая зона с зелеными насаждениями, скамьями, фонтаном и уличными кафе.

¹⁷⁰ HerLihty P. *Odessa: A History, 1794–1914* (1986).

«Барочные» элементы

Прямая улица

Аргументы в пользу прямых улиц впервые прозвучали самое позднее в эпоху Ренессанса.

1) Прямая улица способствует общественному порядку, заставляя исчезнуть укромные уголки и закоулки нерегулярных кварталов и подавляя искушение преградить проход или возвести баррикады в случае мятежа. Неаполитанский король Фердинанд любил повторять, что «узкие улицы — опасность для государства». Об улице Алессандрина, пробитой в 1499 году через римский район Борго на ватиканском берегу Тибра, современный источник писал так:

Архитекторы прочертили улицу прямо от моста [у замка Святого Ангела] к воротам [Ватиканского] дворца, чтобы обеспечить дворцу обзор, свободный от всяких препятствий, а в случае бунтов, часто слушающихся в нашем беспокойном Риме, позволить обороняющимся быстро получить помощь и защитить себя от нападающих горожан¹⁷¹.

Рис. 90

Аналогичным образом прямые улицы, которые безжалостно рассекли лабиринты парижских районов в ходе «больших работ» барона Османа, были, помимо прочего, реакцией на вполне реальную угрозу гражданского неповиновения с применением насилия. В конце концов, сам Наполеон III пришел к власти в результате кровопролитной революции 1848 года. Новые магистрали иногда назывались современниками «антибунтарскими улицами», и одновременно с ними на основных перекрестках города (в особенности на востоке, где обитал рабочий класс) были сооружены казармы для постоянного расквартирования войск и полиции. Сам Осман писал о Севастопольском бульваре следующее: «Его значение состояло в том, чтобы вспороть брюхо старому Парижу, рассаднику восстаний и баррикад, при помощи широкой центральной улицы, пронизывающей насквозь этот почти непроходимый лабиринт, а также связанных с нею боковых переулков».

Рис. 259

2) Прямая улица имеет практические достоинства, поскольку она соединяет две точки по кратчайшему маршруту и ускоряет коммуникацию между ними. Официальным объяснением сооружения улицы Алессандрина была необходимость пропуска больших масс паломников. Фашистская риторика превратила *la linea diretta* в метафору непоколебимости при принятии решений — «прямая линия, которая не плутает в лабиринте гамлетовских сомнений», — и градостроители Муссолини наглядно продемонстрировали этот принцип, безо всякого

¹⁷¹ Письмо Микеле Ферно гуманисту Марио Маффеи. Этой цитатой я обязан Ричарду Ингерсоллу. —

Примеч. авт.

Рис. 229–230

уважения к сложившейся структуре города проложив улицу Империи от площади Венеции, где находилась официальная резиденция дуче, до Колизея¹⁷².

Рост популярности прямых широких улиц напрямую связан со стремительным распространением карет в XVI веке. Мы можем показать, что главным мотивом при расширении и спрямлении улиц в эпоху абсолютизма было облегчение проезда и стоянки конных экипажей в старых городских районах. Те же соображения влияли на планировку новых кварталов.

Считается, что собственно карета, то есть повозка с системой подвески, которая смягчает тряску при движении по неровной поверхности, появилась в Венгрии. Как гласит легенда, в 1457 году король Венгрии Ладислав преподнес первую карету в дар Карлу VII, королю Франции. К 1530-м годам новые венгерские экипажи уже были известны в большинстве европейских стран, став важным признаком статуса высших классов, особенно женщин-аристократок. Как только карета избавилась от репутации женского транспортного средства (по контрасту с достойной мужчины верховой ездой), количество таких экипажей начало быстро нарастать, а вместе с ним — и проблемы, связанные с потоком карет и местами для их стоянки. В 1560 году, когда в Лондоне имелось две кареты, а в Париже не более трех, по улицам Антверпена их носилось уже более 500. К 1594 году в Риме было 883 кареты. В 1636 году Генри Пичем описывает «Полсгейт, Ладгейт, Ладгейт-хилл и Холборн до моста» в Лондоне как «злостно запруженные» каретами. Во время аристократического бала или театральной премьеры экипажи стояли так плотно, что «вы бы пришли в восторг, увидев, как близко они расположены (будто пирожки в печи), и вряд ли смогли бы просунуть между ними даже палку»¹⁷³.

Однако, разумеется — в связи с уже упомянутой нами первой причиной, — прямая улица также облегчает передвижение войск и военной техники вроде артиллерии. (Интересно противопоставить стратегические преимущества, приписываемые «органической» планировке — она, дескать, дезориентирует нападающих и помогает заманить их в ловушку, — и открытый характер барочного города, который не оставляет нападающим никаких укрытий, а обороняющейся стороне обеспечивает быстрый доступ к местам столкновений.) Опять же, здесь уместно вспомнить барона Османа: ключевым аргументом, которым он обосновывал необходимость своих преобразований, выступала свобода перемещения, в первую очередь для регулярных транспортных потоков. Но чрезвычайно широкие и прямые улицы, ведущие в центр города от всех вокзалов, были, по крайней мере частично, проложены и для переброски в случае необходимости военных частей.

3) Наконец, социальные и практические преимущества прямой улицы могут быть использованы для формулирования

172 См. *Kostof S.* Third Rome, 1870–1950: Traffic and Glory (1973).

173 См. *Straus R.* Carriages and Coaches, Their History and Their Evolution (1912).

229

230

Рис. 229–230. Улица Империи в Риме (ныне улица Императорских Форумов) – проспект, торжественно открытый в октябре 1932 года по случаю десятой годовщины прихода фашистов к власти. Улица шириной 30 метров прошла от площади Венеции до Колизея через плотную жилую застройку XVIII века, выросшую на руинах античных императорских форумов, которые были частично раскрыты в ходе работ. Римский форум виден левее центра, за Колизеем. Проспект использовался для торжественных шествий: на фотографии слева запечатлен парад инвалидов Первой мировой войны.

идеологического дискурса. При наличии соответствующих архитектурных и декоративных сигналов такая улица способна нести мощный репрезентационный посыл. К обсуждению этого аспекта я вернусь ниже.

Диагональ

Когда направление прямой улицы в достаточной мере не совпадает с ориентацией существующей городской ткани или вновь сооружаемой решетки, мы можем говорить о барочной диагонали. Эта волюнтаристски проведенная линия, напрямик связывающая две заданные точки, может возникать как посреди сложившейся застройки, так и в рамках первоначального замысла нового квартала или совершенно нового города. В этом смысле барочные диагонали следует отличать от более или менее случайных диагоналей, которые обычно представляют собой результат включения в регулярную планировку ранее существующего участка дороги или объединения двух несогласованных фрагментов городской ткани.

Рис. 231

Примерами первой подобной ситуации служат римский город Верулакий (современный Сент-Олбанс) неподалеку от Лондона, где землемеры включили в планировку косой участок древней Уотлинг-стрит; Катманду, где основной тракт, ведущий из Тибета в Индию, оказался зажат между несколькими частями растущего города, каждая с своей собственной ортогональной планировкой; и, конечно, Бродвей в Нью-Йорке, который уцелел от планировки голландско-британского периода в окружении жесткой решетки начала XIX века. Кроме того, здесь, вероятно, нужно снова вспомнить о соображениях обороны. Я имею в виду диагонали, которые стали пережитками клиновидных бастионов, стоявших между старинным городским центром и новой застройкой; американские примеры такого рода — Уолл-стрит в Солт-Лейк-Сити, а также Уотер-стрит и Камберленд-стрит в Чарлстоне.

В римских городах диагонали встречались куда чаще, чем можно было бы предположить, и причины этого не всегда ясны. Они, как правило, появляются в планировке города либо в самый ранний период, либо уже в поздний. В первом случае мы имеем дело со следами дорожной сети, существовавшей до привнесения формального римского порядка, оси которого, кардо и декуманус, всегда пересекаются под прямым углом. Так, диагонали Лиона объясняются существованием на этой территории кельтских дорог. Во втором случае спланированный римский город перерастал свои границы, и кардо или декуманус продолжались по косой линии, чтобы кратчайшим путем достигнуть реки или нового амфитеатра, как во Фрежюсе, или же пройти между двумя стоящими за пределами стен сооружениями, как в тоже расположенном на юге Франции Арле, где улица Редут отклоняется от оси декумануса на юг, чтобы между театром и амфитеатром достичь главных ворот более поздних городских стен.

Однако в случае Нима ответ не столь очевиден. Системе кардо и декумануса там противопоставлены диагонали, которые

начинаются прямо от центрального перекрестка, причем одна из них ведет на северо-восток к воротам Порт-д'Юзес, а другая, начинающаяся непосредственно от угла античного форума, где стоит Мезон Карре, направляется прямо на запад к Порт-де-Наж.

Примеры второй ситуации, когда диагональ на самом деле представляет собой линию, где сходятся два независимо спроектированных сегмента города, часто можно встретить в Америке. Тут вспоминаются Маркет-стрит в Сан-Франциско, Денни-Уэй в Сиэтле, Чарлстон-стрит в Лас-Вегасе и Хеннепин-авеню в Миннеаполисе. Первоначальное поселение часто строится под прямым углом к пристани, затем более поздняя решетка задает альтернативную структуру поселения; скорее всего, со временем появятся и другие. Разделительная линия между ними обычно соответствует какому-нибудь разрыву в топографии — скажем, оврагу. Поскольку железные дороги прокладывались вдоль таких разрывов, именно там, на диагонали, мы, вероятно, увидим железнодорожный вокзал (например, в Портленде, штат Орегон, или в Канзас-Сити, штат Миссури). Кроме того, как отмечает Грейди Клэй, эти разрывы позднее станут местом строительства новых скоростных шоссе и осуществления других крупномасштабных инфраструктурных проектов¹⁷⁴. Даже на ровной местности железные дороги будут, вероятно, стремиться пройти по прямой, независимо от решетки Национальной топографической системы (с. 153), так что улицам пристанционного города придется идти параллельно путям, возвращаясь к направлениям по сторонам света в позже построенных районах (так, например, обстоит дело в Хейсе, штат Канзас). Если город возник до того, как в этот район пришла железная дорога, пути могут рассекать его ортогональную структуру насквозь, создавая промышленную ось, которая идет под углом к главной улице или вовсе заменяет ее собой.

Случай Нового Орлеана уникален. Его планировку можно назвать «непреднамеренным барокко»: расходящиеся веером широкие бульвары, отделяющие решетку Французского квартала от более поздней застройки дальше вдоль извилистой в этих местах Миссисипи, восходят к межевым границам «длинных участков» французских первопоселенцев. Эти участки нарезались перпендикулярно реке, но не параллельно друг другу, поскольку река не текла по прямой. Косые границы полей оказались зафиксированы, когда вдоль них прорыли дренажные каналы. По мере того, как уже после прихода американцев застраивались промежутки между каналами, главные улицы отдельных районов прокладывались вдоль них. Когда каналы были засыпаны, эти улицы превратились в широкие бульвары. В американском секторе такие бульвары сходятся к единому центру, образуя типичную барочную планировку в виде звезды, однако это происходит «только потому, что они представляют собой радиусы полукруга, очерченного руслом Миссисипи»¹⁷⁵.

Подобные ранние примеры диагоналей в Соединенных Штатах не следует путать с произошедшим в начале XX века

174 Clay G. Close-up: How to Read the American City (1973).

175 Lewis P. New Orleans, The Making of an Urban Landscape (1976).

безоговорочным принятием Большого стиля сторонниками так называемого Движения за прекрасный город. В тот период градостроители взялись за систематическую корректировку прозаичных решеток американских городов с помощью барочных приемов и в частности — за сооружение диагоналей, контрастирующих с регулярностью прямоугольных кварталов. Пронизанная диагоналями решетка «Движения за прекрасный город» стала известна в Европе как «американская решетка». В числе многих других направлений академического и органического градостроительного проектирования, которые не нравились Ле Корбюзье, она фигурирует (с пояснением «по-американски») на его сердитом наброске, относящемся к 1920-м годам и озаглавленном «Мы должны покончить с „улицей-коридором“!». Рис. 234

Как мы уже знаем, Ланфан смог соединить решетку и эстетику барокко в гармоничной, единственной в своем роде планировке Вашингтона — именно возрождение интереса к этому выдающемуся (и сильно искаженному в процессе осуществления) проекту в связи с вековым юбилеем столицы в 1902 году положило начало общеамериканской популярности «Движения за прекрасный город». До той поры наследие Ланфана не играло практически никакой роли. Эндрю Эликотт, приложивший руку к переделке первоначального проекта Вашингтона и ставший руководителем всех работ, когда француз довольно бесцеремонно уволили, составил в 1795 году проект для города Эри в Пенсильвании так, как если бы никакого Ланфана никогда не существовало, — это была простая решетка без каких-либо радиальных или диагональных улиц. Рис. 208

План Детройта работы судьи Вудворда, который подражал Ланфану, был быстро забыт ради удобной всем ортогональности. В течение какого-то времени увлечение большим стилем вроде как овладело штатом Висконсин. По генеральному плану 1836 года Мадисон получил четыре радиальные улицы, сходящиеся в той точке, где должен был вырасти капитолий штата, но там «не было предусмотрено открытых пространств, треугольников и окружностей», а также полностью игнорировались берега двух озер, сетовал в 1917 году обзор Американского института архитекторов, посвященный проектам «Движения за прекрасный город». В спроектированной примерно в тот же период решетке Милуоки была предусмотрена «система диагональных улиц, расходящихся из города вглубь сельской местности, однако позже эти дороги исчезли в результате бездумного расширения шахматной доски кварталов»¹⁷⁶. Рис. 216

Подводя итог целого десятилетия критических отзывов, обзор Американского института архитекторов называл привычную решетку «скучной старомодной системой». Ей вменялось в вину «безоглядное спрямление неровного рельефа», как в Гаррисберге (штат Пенсильвания), тогда как улицы «Движения за прекрасный город» «следовали путем наименьшего сопротивления». Планировка Филадельфии характеризовалась как

Рис. 147 «негибкая и уродливая прямоугольная система», а Николасу Скалли досталось за воспроизведение этого же решения в Рединге (штат Пенсильвания), расположенном в холмистой местности¹⁷⁷. Классическая филадельфийская решетка, восходящая еще к Уильяму Пенну, была теперь дополнена мощной диагональю Фэрмаунт-парквэй, которая связала здание мэрии с дворцом нового художественного музея, построенным в уже существовавшем парке.

Для поборника «Движения за прекрасный город» Дэниела Бернема диагонали были способом сэкономить время и «предотвратить пробки путем разделения транспортных потоков». Их задача — как можно быстрее доставить жителей в центр, отвести оттуда лишний транзитный поток и дать возможность тем, кто все же хочет пересечь центр, сделать это без задержек и по прямой. На предложенном Бернемом в 1909 году плане Чикаго присутствуют деловой район чрезвычайно высокой плотности и череда диагоналей, проложенных сквозь знаменитую решетку к новому административному комплексу. Однако в конечном итоге эстетические соображения оказываются для него превыше всего. Он пишет: «Есть истинное величие в самой огромной длине, в перспективах более далеких, чем может охватить взор, в целеустремленных дорогах, подобных летящим только по прямой стрелам»¹⁷⁸.

Последнее из «преимуществ» диагонали, превозноси-
мых энтузиастами «Движения за прекрасный город», на самом деле было недостатком Большого стиля, выдаваемым теперь за благо. Косой разрез поперек решетки или иной, менее регулярной планировки, основанной на традиционной квартальной структуре, создает треугольные участки, которые с трудом поддаются межеванию и застройке. В Париже барона Османа эта проблема решалась на внутриквартальном уровне: вдоль длинных сторон треугольника попарно сооружались дома «спина к спине», глубина которых уменьшалась по мере приближения к острой вершине, где оставалось место для одного или двух домов с фасадами на обе улицы. В свою очередь, адепты «Движения за прекрасный город», которых не интересовали тонкости планировок жилых районов, увидели в этих треугольных кварталах возможность для проектирования общественных зданий необычной архитектуры. В руках частных землевладельцев небольшие угловые участки такого рода не представляли бы ценности и, вероятно, воспринимались бы как обуза. Форма здания, которое занимает почти весь или весь треугольный квартал, могла стать ярким публичным высказыванием.

Ил. XXIII

Тривиум и его варианты

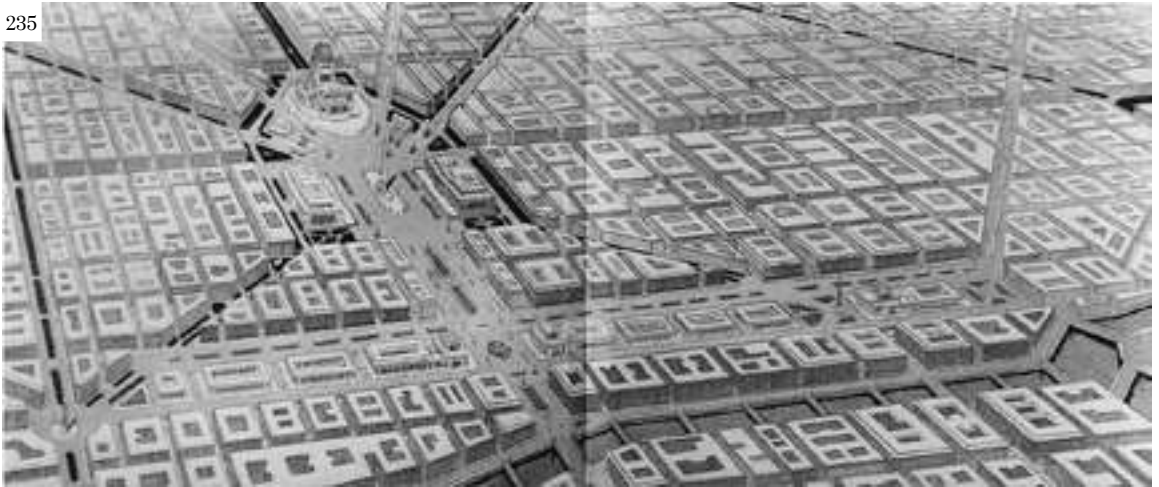
Основной навык, необходимый для создания планировки в Большом стиле, — умение согласовать между собой диагональные артерии. Простейший прием подобного согласования — *тривиум*. Тривиум — трезубец из трех радиальных улиц,

Рис. 235. Фрагмент плана Чикаго работы Дэниела Бернема и Эдварда Беннета, 1909. На рисунке показан центр города с предлагаемым зданием мэрии в точке пересечения новых диагональных артерий. На переднем плане – зона железнодорожных станций к западу от реки.

Рис. 236. Садовый тривиум на римской вилле Монтальто; гравюра из книги Джованни Баттисты Фальды «Сады Рима» (1642).

Рис. 237. Карта Рима из путеводителя Бедекера 1883 года издания. Хорошо видны тривиум на площади Попполо у северного въезда в город (вверху, правее реки) и тривиум Банки напротив замка Святого Ангела (слева внизу).

235

236

237

сходящихся к площади или расходящихся от нее, — конечно же, связан с радиальными планировками, экспериментировать с которыми так любили в эпоху Ренессанса; однако он менее тоталитарен и куда более гибок. Он очень эффективен для фокусирования различных по размеру городских территорий на единственной точке, к которой устремлены все транспортные потоки, — или же наоборот, от которой они равномерно расходятся во всех направлениях.

У этого приема нет конкретных древних или средневековых прообразов за исключением более или менее правильных Y-образных перекрестков, которые часто встречаются в «органических» планировках, а также нерегулярных схождениях улиц к точкам вроде городских ворот или мостов. Встречающаяся время от времени третья несимметричная ветка Y-образного перекрестка не создает тривиум в барочном понимании (пример такого случая — место, известное в средневековом Риме как «Тревио», название которого сохранилось до наших дней благодаря фонтану Треви). В спланированном тривиуме центральный луч представляет собой ось симметрии, а боковые отходят от него под одинаковыми или почти одинаковыми углами; истоком трех улиц в подобном случае всегда выступает площадь.

Впервые этот барочный прием был использован в Риме. Если не принимать в расчет крайне несовершенный образец, сформировавшийся к 1500 году с ватиканского конца моста Святого Ангела, тривиум почти одновременно возник в двух местах в 1530-е годы. Как минимум в одном из этих случаев — но, возможно, и в обоих — тривиум стал завершением существующей уличной сети, а не целостной, единовременно задуманной и осуществленной концепцией. Тривиум Банки раскрыл плотно застроенный район около единственного моста, позволявшего попасть к Ватикану; тривиум Пополо упорядочил хаотичную незастроенную территорию перед площадью Пополо и позволил разделить поток входящих в город с севера путников в зависимости от того, в какую часть исторического центра им было нужно.

Центральным лучом расположенного прямо на правом, городском берегу Тибра тривиума Банки стала короткая средневековая улица, идущая точно по оси моста Святого Ангела. В XV веке она стала центром предоставления финансовых услуг и соответственно получила название улицы Банки. Проложенный при папе Павле III (1534–1549) западный луч, отходящий от Банки под острым углом, имел вполне рациональное объяснение: он напрямую соединял мост с новой флорентийской церковью Сан-Джованни-деи-Фиорентини, заложенной при папе Льве X (1513–1521) из рода Медичи. Тривиум Банки полностью сформировался, когда Павел совершенно произвольно и руководствуясь чисто эстетическими соображениями дополнил эту улицу другой, идущей под почти тем же углом к востоку от улицы Банки.

То же самое чуть ранее и с гораздо большим размахом произошло на площади Пополо. Центральная ось улицы Корсо соответствовала здесь древней Виа Лата, городскому отрезку Фламиниевой дороги. Под острым углом к Виа Лата Лев X проложил прямую улицу, нынешнюю улицу Рипетта, от площади

Рис. 237

Ил. XXI

Рис. 237

Рис. 238. Версаль, вид на дворец и город.

Рис. 239. Площадь Франции в Париже, проект времен Генриха IV (1589–1610). Предлагаемое место строительства примыкало изнутри к старой городской стене между воротами Сент-Антуан и Тампль. Единственные осуществленные части проекта схемы – современные улицы Шарло и Тюррен, которые сходятся у бульвара Тампль.

239

238

Пополо до дворца Медичи (позже получившего название палаццо Мадама). Возможно, он начал размышлять и над соответствующим восточным лучом, но его прокладка была осуществлена только при Павле III — это нынешняя улица Бабуино, которая тогда была известна как Павлова улица Трех дорог (*via Paolina Trifaria*). На самом деле три улицы не сходятся в одной точке. Хотя угол между Корсо и боковыми лучами одинаков (23,5 градуса), Бабуино пересекается с центральной осью немного южнее, чем Рипетта, так что угловые участки на площади не равны по размерам. Решить эту проблему предстояло уже в XVII столетии, когда в углах были построены две купольные церкви, которые благодаря хитроумным манипуляциям с планировкой создавали видимость идеальной симметрии.

Шокирующая своей претенциозностью концепция тривиума не сразу снискала популярность. К концу столетия слабым эхом Риму отозвался расположенный неподалеку городок Банья. Европейское открытие тривиума состоялось в середине XVII века, но не посредством градостроительных экспериментов, а в рамках ландшафтного дизайна. Основная заслуга здесь принадлежит Андре Ленотру, а почетного упоминания заслуживает его великолепный проект парка в Во-ле-Виконте. В числе его предшественников необходимо назвать Жака Лемерсье, в 1627–1636 годах спроектировавшего парк при замке кардинала Ришелье в Турени. Вдохновляли ли Ленотра напрямую какие-то итальянские сады, установить практически невозможно. Тривиум виллы Монтальто на Эсквiline, поместья будущего папы Сикста V (1585–1590), чей генеральный план Рима обычно рассматривается как стартовая точка барочного градостроительства, очень походил на первые два римских тривиума — северный луч следовал вдоль существующей пригородной улицы Субурра, тогда как южный был просто его отражением. Лучи расходились в сторону виллы от въездных ворот в парк. Ленотр поменяет это направление на обратное, сделав фокальной точкой всей планировки главное здание.

В любом случае, великолепный версальский тривиум (или по-французски *patte d'oie*, «гусиная лапа»), лучи которого соединялись с основными дорогами в Париж, безусловно, представляет собой градостроительную интерпретацию приема ландшафтного дизайна, о чем также свидетельствует и его пышный парковый двойник с садовой стороны дворца. Есть все основания полагать, что за обоими стоит тот же Ленотр. Фокальной точкой на этот раз стал дворец, на угловых участках после недолгого колебания были возведены величественные королевские конюшни, а вдоль всех трех улиц высажены деревья. Вероятно, если не считать особый случай голландских улиц-каналов (о которых ниже), это был первый в западном мире пример городской улицы с регулярными зелеными насаждениями¹⁷⁹.

Именно Версаль с его престижем и мастерским исполнением принес тривиуму популярность, однако более поздних

Рис. 236

Рис. 238

179 См. *Lawrence H.W. Origins of the Tree-lined Boulevard* (1988).

Рис. 240. Санкт-Петербург (Россия), карта 1834 года (гравюра по оригиналу У.Б. Кларка). Фрагмент со зданием Главного адмиралтейства и тремя расходящимися от него улицами. Невский проспект – северный из трех лучей.

Рис. 241. Тривиум берлинской площади Рондел на рисунке неизвестного художника, 1735. Вид на север, в сторону Фридрихштадта, нового района, спланированного на основе решетки, который был пристроен к средневековому городу в 1688 году и расширен в 1721-м. Центральная ось – улица Фридрихштрассе, которая пересекает Унтер-ден-Линден у верхнего края рисунка (рис. 252–253). Излом левого луча был впоследствии исправлен за счет крутого скругления прямо у Рондела. На самом деле круглая площадь была куда просторнее, чем кажется на этом рисунке.

Рис. 242. Кельн (Германия), фрагмент генерального плана 1888 года работы Йозефа Штуббена, который предусматривал сооружение кольца новых пригородов вдоль снесенных укреплений. Трезубцы улиц отмечают места бывших городских ворот.

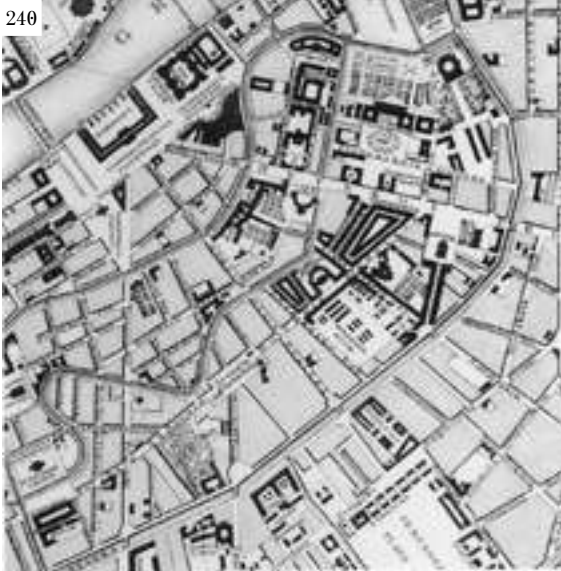

Рис. 240

Рис. 258

Рис. 241, 253

удачных примеров сравнительно немного. В XVIII веке правившие в Испании и Неаполе ветви династии Бурбонов постарались воспроизвести Версаль в собственных городах-резиденциях, Аранхуэсе и Казерте. Тривиум, расходящийся от дворца в Казерте, должен был стать каркасом нового города, но эта часть проекта никогда не была осуществлена. Крупнейший из абсолютистских тривиумов XVIII века возник в Санкт-Петербурге. Три луча расходились от здания Главного адмиралтейства с башней, увенчанной шпилем. В полном своем объеме этот проект был сформулирован в 1737–1738 годах, однако он включал уже существовавшие на тот момент Невский проспект, проложенный между 1712 и 1718 годами для связи Главного адмиралтейства со старой дорогой на Великий Новгород, и Гороховую улицу, которая стала центральным из трех лучей. В Твери также возник впечатляющий тривиум, расходящийся от полукруглой площади (ныне Советская) — на угловых участках были возведены два неоклассических павильона в духе церквей на площади Пополо. Тривиум в новом берлинском районе Фридрихштадт, фокальной точкой которого стала круглая площадь, первоначально известная как Рондел, был обсажен деревьями только вдоль одного из лучей (этот ансамбль был разрушен бомбардировками во время Второй мировой войны, однако радикально перестроенная Рондел все же дошла до наших дней под названием Мерингплац). В начале XIX века генеральный план Афин, столицы королевства Греция, с большим успехом воспроизвел версальскую комбинацию дворца и тривиума в условиях нового города того времени.

Спустя одно или два поколения, во второй половине XIX века, символизм даже таких нерешительных имитаций абсолютистской архитектуры уже выглядел абсолютно неуместным. Потребности современного дорожного движения ставились теперь выше элегантной регулярности, из-за чего тривиум уступил место более практичным решениям в форме звезды. Сохраниться ему удалось главным образом в двух случаях. Первый — это перепланировка районов после сноса городских стен, где конфигурация бастионов и наличие сложившихся фокальных точек на месте ворот способствовали возникновению трехлучевых систем. Хороший пример тут — спроектированный Йозефом Штюббенем в 1888 году полукруг новых районов Кельна на месте разрушенных бастионных укреплений, с его чередой небольших тривиумов, соответствующих исчезнувшим воротам. Схожими идеями чуть раньше руководствовались архитекторы в Париже, проектируя так называемые Новые Афины эпохи Луи-Филиппа, а потом и бульвары, проложенные вместо снесенной таможенной «стены генеральных откупщиков».

Второй случай связан с железнодорожными вокзалами, новыми воротами города. Тривиумы в классической или приближенной к ней форме расходятся от вокзалов в Страсбурге, Гренобле, Селесте и Ремирмоне во Франции. В 1915 году Хендрик Берлаге собирался использовать этот прием перед так и не построенным вокзалом в южной части Амстердама. Поскольку свободный проезд вдоль фасада был очевидным требованием при планировании пристанционного

Ил. XIX

пространства, фокус трех улиц мог не совпадать с самим зданием вокзала, а боковые лучи иногда отодвигались к краю своеобразной улицы-площади, которая подчеркивала вытянутость фасада (как, например, в Ле-Мане).

Группы из более чем трех лучей иногда расходятся от прямоугольного, многоугольного или круглого центрального пространства. Четыре диагонали могут более или менее симметрично начинаться в углах квадрата или прямоугольника. Совершенные образцы такой планировки редки — тут можно вспомнить уже упоминавшийся Мадисон в Висконсине. Поэтапное воплощение парижских проектов барона Османа привело к возникновению в эпоху Второй империи гибких совокупностей диагоналей, устремленных к целям, расположенным на неодинаковом расстоянии. В качестве примеров можно привести площадь Республики и площадь Оперы.

Идеал круговой организации — это *rond-point*, круговой перекресток, вроде площади Шарля де Голля (бывшей площади Звезды) с ее двенадцатью расходящимися улицами. По сравнению с ней более ранние попытки — скажем, площадь Побед (начало XVII века) в том же Париже — кажутся ремесленной поделкой. Круговой перекресток берет свое начало в ландшафтном дизайне, где он отсылал к образу большой круглой поляны в лесу. Исходно он возник вне города. Раньше всего это, вероятно, случилось в садах замка Шамбор, где на таких круглых полянах собирались придворные дамы, чтобы общаться друг с другом и следить за ходом охоты на кабанов или оленей благодаря прорубленным сквозь лесные заросли расходящимся аллеям. Английская версия кругового перекрестка в городах — это так называемая паутина, в которой важные точки соединены прямыми второстепенными улицами, расположенными перпендикулярно к главным лучам. Такие решения характерны для проектов реконструкции послепожарного Лондона работы Рена и Ивлина, а позднее — и для Нью-Дели Эдвина Лаченса. Возможно, такие паутины были вдохновлены проектами идеальных городов из книг вроде «Архитектура крепостей» Даниэля Шпекле (1608) или непосредственно планировкой Пальмановы.

Ил. XXIII

Рис. 225

Рис. 176, 212

Рис. 159

Рис. 239

Полукруг также восходит к парковым ансамблям. Одним из значений термина *rond-point* в ландшафтной архитектуре был полукруг перед главным въездом в имение. Соответствующая городская форма известна со времен Генриха IV, когда был подготовлен знаменитый проект площади Франции в Париже. Она задумывалась как новая площадь при городских воротах в окрестностях Тампля: крупные улицы должны были лучами расходиться от нее в промежутках между семью общественными зданиями, задающими границы открытого пространства. В символическом плане площадь была призвана стать воротами во всю Францию: радиусы планировалось назвать в честь семи главных провинций страны, соединяющие их между собой кольцевые улицы в честь других провинций, а продолжения радиусов после пересечения с этим кольцом — в честь третьих. Еще один великолепный проект был в 1785 году разработан Виктором Луи для Бордо: расположенная на набережной просторная полукруглая площадь должна была раскрываться

в сторону города тринадцатью радиальными улицами, символизирующими тринадцать отстоявших свою независимость американских штатов, с которыми купцы Бордо вели оживленную торговлю. В 1779–1782 годах более скромная версия этих проектов была наконец реализована в виде площади Одеон в Париже.

Бульвары и авеню

В современном английском языке эти два термина считаются взаимозаменяемыми, но происхождение этих типов улиц и их ранняя история в эпоху барокко на самом деле весьма различны. Сходство состоит в том, что это внегородские, периферийные элементы планировки, которые позже оказались включенными в разрастающуюся городскую ткань, создав таким образом образцы для городов будущего.

Рис. 243

Бульвар зародился как граница между городом и сельской местностью. Он занял территорию оборонительных сооружений, которые в эпоху барокко, как правило, представляли собой земляные валы, а не каменные стены. Практика высадки на валах деревьев впервые возникла в конце XVI века. Шпекле одобрял эту идею на том основании, что озелененные валы маскируют окраины города от приближающегося врага, что было особенно важно на равнинах со скудной растительностью. Для военных инженеров корни крупных деревьев были средством укрепить насыпи на случай массированного артиллерийского обстрела и тем самым снизить вероятность образования брешей. Если же деревья начинали создавать помеху для обзора, их можно было просто срубить. Однако горожане быстро оценили тенистые променады и открывавшиеся с высоты виды на сельские окрестности. Именно такое восприятие брало верх, как только бастионные укрепления теряли свое оборонительное значение.

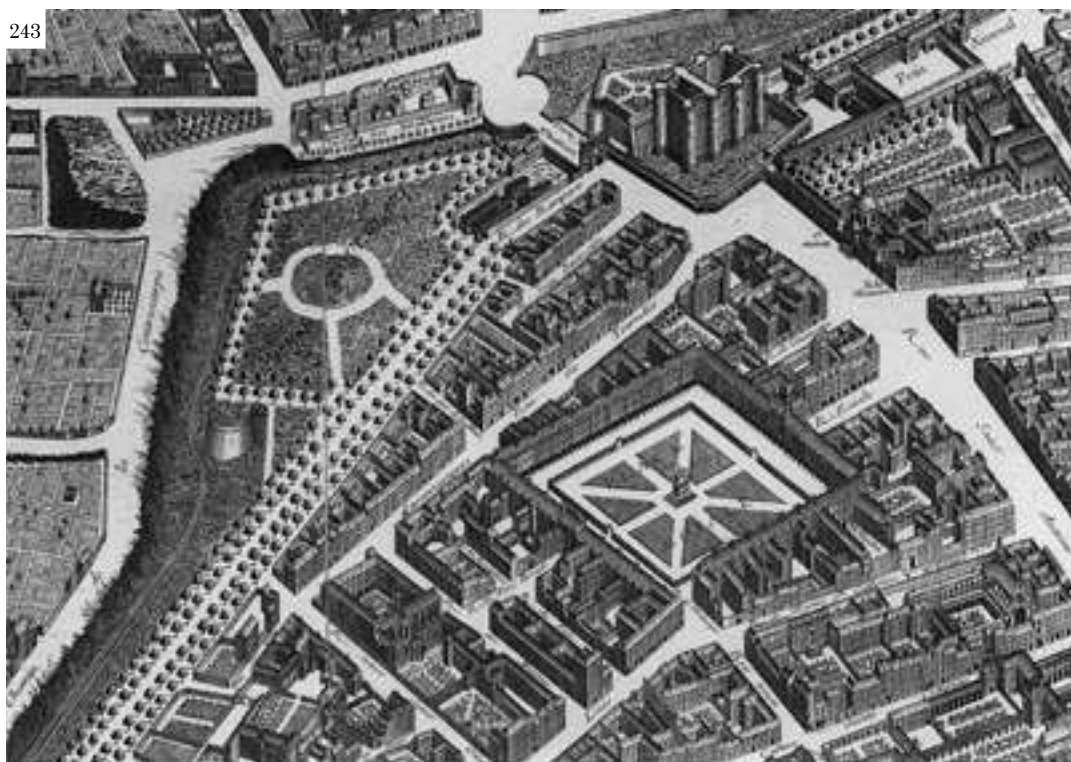
В 1670 году, после сноса средневековых стен Парижа и засыпки старых рвов, на их месте устроили доступные для экипажей и пешеходов широкие приподнятые променады, обсаженные двойными рядами деревьев. Лишь несколько улиц пересекали их в тех местах, где раньше находились городские ворота, замененные, в свою очередь, на триумфальные арки. Такие засаженные деревьями валы со временем превратились в связную систему общественных променадов, в «зону отдыха на окраине города»¹⁸⁰. Однако они не были предназначены для транспортного сообщения. Сначала их называли *cours* или *remparts*, но вскоре закрепился термин *boulevards*, бульвары, по названию бывшего бастиона Гран-Бульвар к северу от ворот Сент-Антуан. К концу XVIII века вдоль бульваров в западной части Парижа выстроились роскошные магазины, кафе и театры.

Превращение укреплений в променады не стало в Европе широко распространенной практикой вплоть до прихода к власти Наполеона Бонапарта. До того отказ от городских стен происходил только во Франции. После такого сноса

Рис. 243. Париж, фрагмент плана Тюрго (1734–1739), показывающий озеленение валов рядом с воротами Сент-Антуан и Бастилией. Левее центра виден бастион Гран-Бульвар. Между ним и Королевской площадью (ныне площадь Вогезов), первой из регулярных королевских площадей (1605–1612), проходит озелененный променад, продолжение улицы Рампар.

Рис. 244. Тулуза (Франция), проект променада Эспланады и площади Гран-Рон, 1752.

243

244

амбициозный интендант королевской провинции во второй половине XVIII века или наполеоновский планировщик в первом десятилетии XIX века обычно проектировал обширную систему бульваров и связующих их общественных пространств в качестве великолепного обрамления для городских окраин. Бордо заменил свои валы на *cours* под руководством интенданта Обера де Турни, заодно продолжив кольцо площадей вдоль набережной Гаронны. Тулуза занялась этим еще раньше. Из целого кольца просторных бульваров, которые должны были заменить собой старые укрепления, в 1752–1754 годах был завершён только небольшой фрагмент проектируемого ансамбля — променада Эспланады и овальная площадь Гран-Рон с шестью расходящимися от нее радиусами, да и то без зданий с единообразными фасадами, которые должны были окружать общественные пространства. В Нидерландах школа ландшафтных архитекторов, специализировавшихся на озеленении укреплений, активно работала на протяжении всего XIX века; наиболее яркими ее представителями были три поколения семьи Зохер — Йохан Давид Зохер (1763–1817), Ян Давид Зохер (1791–1870) и его сын Луи Пауль Зохер.

Происхождение *avenue* связано преимущественно с сельской местностью. Как пишет современный исследователь Парижа Франсуа Лойе, авеню представляли собой загородные дороги, «обрамленные высокими деревьями, чтобы отделить их от окружающего пейзажа из лиственных лесов, низких изгородей и обрабатываемых полей»¹⁸¹. Их обособленность и прямизна подчеркивали контраст с холмистой сельской местностью; они служили осевыми подъездами к важнейшим объектам округа — поместьям, фермам или деревням. В XVI веке особый тип такой сельской авеню распространился по всей территории Франции с возникновением обычая обсаживать деревьями главные почтовые тракты. К концу XVII века авеню вели прямо к городским воротам или к воротам крупных учреждений на окраине города, вроде больниц. К южному фасаду нового Дома инвалидов на юго-западе Парижа сходились три авеню, образуя настоящий тривиум по образцу Версаля, а с севера, от Сены, к нему вела эспланада. Обрамленная деревьями авеню между Схевенингеном и Гаагой была проложена через дюны в 1667 году как маршрут для прогулок аристократии.

Эквивалентом загородной авеню в парковых планировках была *allée* — тропа, обсаженная деревьями. Аллея впервые появилась в Италии эпохи Ренессанса в качестве обрамления пространственной структуры ландшафтных садов в новом регулярном стиле. Во Франции аллея стала независимым элементом парковой планировки, использовавшимся для прогулок и игр, и иногда выходила за ворота сада. Знаменитым примером такого использования в Париже 1670-х годов была авеню Тюильри, с помощью которой Ленотр продлил центральную аллею сада Тюильри. Она стала прямой предшественницей современной авеню Елисейских Полей.

Рис. 225

181 Loyer F. Paris XIXe siècle: L'immeuble et la rue (1987).

Рис. 245. Променады королевы, проложенный в Париже в 1616 году. Он проходил вдоль Сены к западу от сада Тюильри, сразу за городскими стенами. Сегодня это часть набережной, идущей мимо Большого и Малого дворцов. Гравюра Пьера-Александра Авлина.

245

Рис. 246. Пэлл-Мэлл и Мэлл в Сент-Джеймском парке, Лондон; фрагмент гравюры Яна Кипа, начало XVIII века. Улица Мэлл, ныне основной лондонский маршрут для торжественных процессий, возникла как поле для игры в пэлл-мэлл в рамках осуществления проекта реконструкции Сент-Джеймского парка, подготовленного в 1660 году великим французским ландшафтным архитектором Ленотром для Карла II. Хотя игра и вышла из моды еще в XVII веке, Мэлл сохранил свою популярность как модное место для прогулок придворных, авантюристов и «жриц Венеры». Более раннее – времен Карла I – поле для игры в пэлл-мэлл, превратившееся в фешенебельную жилую улицу Пэлл-Мэлл, идет параллельно Мэллу левее.

246

Здесь же надо упомянуть еще два второстепенных новшества: променады для верховых прогулок (*cours*) и *мэлл* (*mall*). Оба появились в Италии в конце XVI века в качестве декораций для новых видов досуга. Оба размещались на краю города, в непосредственной близости от укреплений или прямо на их месте.

Cours был предназначен исключительно для развлекательных прогулок в экипажах. Как явление он важен для нас тем, что именно через него происходила трансформация садовой аллеи в дорогу для транспортных средств. Возможно, сама идея восходит к Корсо, шедшей вдоль реки Арно сразу за стенами Флоренции. В Париже традицию прогулок в экипажах ввела Мария Медичи, жена Генриха IV, в 1616 году: близ Сены, за садом Тюильри проложили обнесенную стеной четверную аллею, Променад королевы (*Cours la Reine*). Посередине там имелся круг для разворотов, а при входе стояла величественная арка. Джон Ивлин писал в своем «Дневнике»: «Щеголи и придворные дамы дышат здесь воздухом и развлекаются, прямо как у нас в Гайд-парке. Центральный круг позволяет свободно развернуться сотне карет, а более широкая из аллей вмещает 5 или 6 карет, едущих одной шеренгой». Вскоре у Променада королевы появились аналоги: променад Венсен в Париже и Прадо в Мадриде. В Риме в 1656 году загроможденное руинами центральное пространство Форума было выровнено и обсажено деревьями для тех же целей.

Рис. 245

Изначально *mall* был площадкой для игры в пэлл-мэлл — раннюю разновидность крокета. Он состоял из засаженной травой ровной полосы уплотненного грунта длиной приблизительно 365 метров с дорожками для прохода по обеим сторонам. Так как тяжелый мяч мог быть опасен, мэлл со всех сторон окружала высокая ограда. Сама игра имеет французское происхождение, и на юге Франции в нее играли еще в XIV веке, но высшему обществу она полюбилась в XVII веке. Первые упоминания о мэллах встречаются в Италии, а в 1597 и 1599 годах они появились и в Париже, рядом с городскими стенами. Карл I завез игру в Англию и разместил поле для нее на нынешней улице Пэлл-Мэлл. Карл II перенес его на Мэлл — широкую авеню с четырьмя рядами деревьев в Сент-Джеймском парке. Сам Пэлл-Мэлл стал при этом общедоступной дорогой, вскоре застроенной роскошными домами.

Рис. 246

Поля для игры в пэлл-мэлл стали прогулочными променадными, а так как они обычно располагались на месте укреплений или около них — также и местами проведения военных парадов. Променады прокладывались в городах и специально — первый из них появился в курортном городе Танбридж-Уэллс (Англия) в 1638 году. На начальном этапе истории Бостона несколько обсаженных деревьями прогулочных дорожек поперек общинного поля Бостон-Коммон также называли мэллами. Кроме того, существуют письменные свидетельства существования мэллов в Ньюберипорте (штат Массачусетс) и Брансуике (штат Мэн)¹⁸².

182 См. Favretti R.J. The Ornamentation of New England Towns (1982).

Рис. 247. Лейден (Нидерланды), вид от моста Борстелбриг рядом с улицей Хугстраат. Гравюра Ноа ван де Меера, 1764. В Голландии обсаженные деревьями улицы-каналы, в отличие от созданных по монаршему повелению озелененных проспектов в остальной Европе, строились городскими властями для включения жилых кварталов в систему торгового порта.

Рис. 248. Перекресток бульвара Вольтер и бульвара Ришар-Ленуар в Париже, открытка XIX века. Засаженный деревьями монументальный бульвар принял свой окончательный облик к концу эпохи барона Османа. Поразительно внятный «язык» парижских бульваров смог сформироваться только с появлением градостроительного кодекса 1859 года, который стандартизировал все проектные решения и наделил городских инспекторов широчайшими контрольными полномочиями.

247

248

Еще одним местом для общественных прогулок оказались новые парадные площади, которые в течение XVIII века становились в Европе всё более многочисленными. Ранний и скорее нетипичный пример — это площадь Королевы в Бристоле, устроенная в 1699 году в районе между речными пристанями. Это была жилая площадь в английском стиле, но поделенная на равные части рядами деревьев: три ряда окаймляли площадь, а двухрядная поперечная ось делила ее пополам.

Но даже появление в городе подобных планировочных элементов еще не привело к трансформации аллеи в настоящую городскую авеню. Для этого было необходимо упорядоченное сочетание зданий, транспортных потоков и деревьев, а также встраивание этого сочетания в уличную сеть всего города. Ключевыми для этого процесса точками стали Амстердам и Версаль.

Рис. 247 Обсаженные деревьями улицы-каналы были голландским нововведением первой половины XVII века, которое обрело свою классическую форму в ходе расширения Амстердама по проекту 1607 года. Три новых кольцевых канала застроили ровными террасами жилых домов, а между домами и каналами рядами высадили вяза. Хотя это создало приятную прогулочную зону вдоль воды, в первую очередь такие улицы-каналы были транспортными артериями и рабочими пристанями. Так или иначе, такое своеобразное решение осталось не более чем региональной особенностью.

Рис. 238 Куда более значительное влияние оказала модель обсаженной деревьями авеню, как она сложилась в главном тривиуме Версаля. К середине XVIII века такая авеню стала во Франции градостроительным стандартом в проектах по расширению таких городов, как Тулуза и Лион. Когда армии Наполеона покоряли Европу, они несли с собой подобные авеню как узнаваемый символ французского владычества. Назначенные Наполеоном губернаторы прокладывали их, наряду с прогулочными набережными, «в Брюсселе, Дюссельдорфе, Кобленце, Лукке, Риме и Бургосе между 1809 и 1814 годами, а также разбили бульвары Турина, которые были засажены позднее»¹⁸³.

Рис. 240 Французский и голландский образцы соединились в планировке Санкт-Петербурга — в полном соответствии со вкусами Петра I. Основной тривиум, сориентированный на шпиль Главного адмиралтейства, был, конечно же, заимствован из Версаля, однако проспекты пересекались важными улицами-каналами. Венецианский литератор граф Франческо Альгаротти во время своего визита в Петербург летом 1739 года пришел к выводу, что эти реверансы в сторону голландской традиции были не более чем притворством, оторванным от практической логики первоисточника: «Он решил высадить вдоль улиц ряды деревьев и разделить их пополам каналами только лишь в память о своем посещении Голландии: они определенно не служат здесь той же цели, что в Амстердаме и Утрехте»¹⁸⁴.

183 *Lawrence H.W. Op. cit.*

184 Цит. по: *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture* (1988).

Рис. 249. Эжен Энар, проект трансформации классического бульвара, где линия фасадов идет уступами, чтобы обеспечить чередование элементов застройки и групп деревьев.

Рис. 250. Гранд-бульвар в Чикаго, фото 1892 года. Американская идея бульвара включала не только ряды деревьев по двум сторонам, но и озелененную разделительную полосу.

249

250

Ко второй половине XIX века различие между «авеню» и «бульваром» в Европе практически стерлось. Первые бульвары, разбитые на месте прежних бастионов, теперь оказались внутри разросшихся городов, что привело к возникновению их копий, которые теперь не имели никакого отношения к линии городских укреплений. Уже в 1830-х годах введение новых проектировочных решений, впервые получивших распространение в Великобритании, привело к формированию единого облика городских авеню и первоначальных бульваров. Среди этих решений можно назвать подземные ливневые стоки и канализационные коллекторы, а также такие заметные для глаза особенности, как «макадамирое» (покрытое мелкой щебенкой) дорожное полотно, нумерация домов, почтовые ящики и, что важнее всего, тротуары. Ради этих нововведений подверглись значительной реконструкции и Большие бульвары в Париже: там был снят шестифутовый (двухметровый) слой грунта и убраны остатки прежних бастионов и контрэскарпов. Спустя двадцать лет барон Осман мог ориентироваться на этот пример в ходе своей грандиозной кампании по модернизации столицы. Его новые бульвары, начиная с Севастопольского, привнесли в историческое ядро Парижа невиданные там прежде пригородные масштабы и формы, разбив его тем самым на отдельные части.

Рис. 259

Городской бульвар был разделен на три четко различимые полосы. Тротуары предназначались для покупателей и магазинов, проезжая часть — для быстрого передвижения, а ряды деревьев обеспечивали разделение этих двух функций. Лойер пишет: «Бульвары сформировали крупномасштабную сеть, необходимую для того, чтобы сделать город единым образованием с ясно выраженной структурой. Бульвар был одновременно и линией коммуникации, и разграничительной линией между разными частями города»¹⁸⁵. Дома не играли большой роли при создании общего впечатления от бульвара — впечатления быстрого потока — и рассматривались скорее в качестве внешних ограничителей его пространства.

Рис. 248

Это пространство было слишком широко, чтобы прочитываться как замкнутый объем традиционной улицы несмотря на то что оно тоже могло быть средоточием коммерческой активности и общественной жизни. Торговые зоны, отгороженные от проезжей части рядами деревьев, существовали независимо, как если бы каждый из двух тротуаров сам по себе был отдельной улицей. Многих современников отпугивали масштаб бескрайних перспектив и упрямое единообразие застройки. Такие бульвары нарушали целостность и прочную социальную ткань старых рабочих районов, для чего, собственно, они и строились. Однако уже следующему поколению преимущества этой формы казались очевидными.

Единственная серьезная попытка изменить этот исключительно успешный формат бульвара, возникший при бароне Османе, имела место в начале XX века. Это был так называемый *boulevard à redans* («бульвар уступами») Эжена Энара, на тот момент главного архитектора Парижа. Энар предложил строить

Рис. 249

улицы, обе стороны которых напоминали системы бастионов Вобана, представляя собой чередование выступающих клиновидных или прямоугольных элементов застройки с группами деревьев. Он полагал, что такое свободное чередование будет предпочтительнее, чем сочетание бесконечных плоских фасадов с ровными рядами деревьев, и, кроме того, позволит сократить площадь закрытых дворов, что повысит экономическую привлекательность недвижимости за счет большей протяженности фасадов с прямым доступом к улице. Вариант того же подхода — названный Энаром *alignement brisé* («застройка изломами») — предполагал линию фасадов, идущую неглубокими зигзагами вместо привычной прямой. Ни одна из этих концепций не прижилась, но впоследствии они, возможно, отчасти повлияли на градостроительные представления модернистов. Зубчатая планировка жилого массива на Брухфельштрассе во Франкфурте-на-Майне (1926–1928), по-видимому, отражает идею «застройки изломами» Энара.

Рис. 259

Для англичан и американцев зеленые насаждения были характерной приметой улиц в жилых районах, а не в центре города. На рубеже XIX и XX веков в Лондоне за исключением набережных Темзы почти не было обсаженных деревьями улиц. В США понятия «авеню» и «бульвар» имели особые коннотации. «Авеню» были основными транзитными улицами и потому считались непривлекательными для аренды жилья. «Бульвары» представляли собой зеленые перешейки между парками на городской периферии. Благодаря парковым проектам Фредерика Ло Олмстеда они приобрели популярность еще до расцвета «Движения за прекрасный город». Широкие и прямые бульвары проектировались как идиллические пространства для пешеходов и медленных конных экипажей: за густыми рядами деревьев стояли фешенебельные дома на просторных участках с богатым озеленением, а посередине шла дополнительная зеленая зона. Выйдя за границу города, такой бульвар превращался в парквей, который плавно следовал за естественными перепадами высот, обеспечивая панорамные виды на окружающие красоты. Бульвар-парквей был организующим элементом нового типа жилого района для привилегированных классов, чья «чувствительность к ассоциациям и проявлениям природного вкуса», по выражению Олмстеда, «бесспорно заслуживает поощрения и одобрения». Коммерческий транспорт, если он вовсе допускался на эти улицы, должен был держаться в крайнем ряду. Лишь спустя какое-то время автомобиль узурпировал бульвары и парквей для быстрого сквозного движения, превратив их в транспортные артерии общего пользования.

Единообразие и непрерывный фасад

Воспевая прямую линию, символ скорости и порядка, Большой стиль жертвует индивидуальностью городских зданий, формирующих границы улицы, в угоду визуальной непрерывности. При новой застройке его улицы прокладываются по единым проектам, которые на самом деле могут и не распространяться ни на что, кроме фасадов. В иных случаях унифицирующие

элементы добавляются задним числом, чтобы скрыть неоднородность существовавших ранее улиц.

Эллинистическая и римская практика породила яркие примеры обоих подходов. В древнегреческих городах архитекторы эпохи эллинизма достигали подобия единообразия в застройке посредством рационального использования декоративных фасадов. Перестроенная в то время афинская агора донесла до нас примеры нескольких таких приемов: скажем, на западной ее стороне непрерывная колоннада объединила новое на тот момент здание архива и прилегающий к нему административный комплекс весьма странной планировки.

Наиболее последовательным городским начинанием подобного рода стали появившиеся в I веке до н. э. колонные улицы, которые проходили через весь город. Фасады стоявших на них зданий не всегда были одинаковыми, но даже в таком случае они были весьма единообразными по сравнению с неприветливой, обращенной внутрь себя застройкой жилых улиц в городах Месопотамии или привычным хаосом восточных базаров. Общей особенностью таких улиц было то, что проезжая часть располагалась ниже боковых зон: непрерывные ступени по ее сторонам способствовали социальному взаимодействию, а в визуальном плане придавали всему ансамблю мощную направленность вдоль главной оси.

Галереи, зачастую импровизированные, которые тянулись вдоль первых этажей зданий многих средневековых улиц, были вызваны к жизни не столько высокой эстетической оценкой унифицированных уличных фасадов, сколько потребностью в укрытии от непогоды и удобством такого решения для уличной торговли. В соответствии со статьей 115 «Законов Индий», которые регулировали городское строительство в испанских колониях, галереи должны были сооружаться на любой площади, а также на четырех отходящих от нее главных улицах, поскольку «это весьма удобно для собирающихся там торговцев».

Целенаправленно созданием непрерывной стены из фасадов, подчеркивающей перспективу уличного пространства, занялись в XVI веке. Строительные нормы, вроде тех, которые применительно к Риму были сформулированы в булле «Об общественной пользе» папы Григория XIII (1571–1585), устанавливали, что собственники пустующих участков на новых улицах обязаны возвести высокие стены вдоль красной линии. Та же булла попыталась ликвидировать узкие проходы между зданиями, которые возникли из-за того, что прежнее законодательство базировалось на представлении о земельном участке как о территории, со всех сторон отделенной от других участков. Эти проходы, порой меньше полуметра в ширину, теперь могли использоваться владельцами прилегающих зданий.

В эпоху барокко стандартизация и единообразие считались важнейшими достоинствами нового города или района. Европейское градостроительство XVIII века тесно связано с философией своего времени. Открытые пространства правильной формы, унифицированные фасады и т. п. были материальными свидетельствами приверженности эпохи рациональному, подчиненному четким правилам поведению. Кодификация

Рис. 256

Рис. 251. Виа Мортара в итальянской Ферраре: единообразные фасады в новом городском районе, заложенном на основе решетки около 1490 года по повелению Эрколе д'Эсте (1471–1505) и по проекту Бьяджо Россетти.

Рис. 252. Террасные дома во время строительства на Фридрихштрассе в Берлине. Картина приписывается Дисмару Дегену, 1732.

Рис. 253. Берлин, фрагмент карты 1737 года (север внизу; рис. 151). Укрепленный средневековый город был дополнен двумя спланированными пригородами – Доротеенштадтом прямо к югу от реки Шпрее, заложенным в 1674 году, и гораздо более крупным треугольным районом Фридрихштадт еще южнее. Фокальной точкой Фридрихштадта стала круглая площадь Рондел (рис. 241). Длинная центральная ось – Фридрихштрассе. Унтер-ден-Линден проходит между двумя пригородами, связывая дворцовый комплекс в средневековом городе и королевский парк Тиргартен (справа). Городские укрепления со стороны новых пригородов были снесены в 1760 году.

251

252

253

требований к улицам и зданиям Санкт-Петербурга, например, восходит к указу Петра I о бритье бород и обязанности ходить в «немецком», то есть европейском платье. Улица в традиционном русском городе воспринималась как нечто, сдерживающее естественное разрастание домов и особенно дворов, где и была сосредоточена основная городская жизнь. Упорядоченная планировка Санкт-Петербурга сделала повседневную жизнь горожан более публичной и дисциплинированной. По оценке столь авторитетного эксперта, как Екатерина II, «народ там мягче, образованнее, менее суеверен», чем в Москве¹⁸⁶.

Первые единообразно спроектированные ансамбли возникли в виде террас домов, одновременно построенных одним заказчиком. В Риме такой тип коммерческой застройки назывался *case a serie*, и он стал привычным уже в эпоху Ренессанса. Но имеются даже более ранние средневековые примеры — например, флорентийский квартал Борго Оньисанте, заложенный в 1278 году, или Гудрамгейт-террас в Йорке (XIV век). Осуществленная в 1502–1510 годах и традиционно приписываемая Фра Джокондо перестройка Малого моста, соединяющего остров Сите с Левым берегом, дала Парижу его первый спланированный градостроительный элемент, на столетие опередивший появление там королевских площадей. На обеих сторонах моста было построено по 34 одинаковых дома с галереями, «все как один из кирпича <...> и украшены статуями святых и городским гербом». Но и на прежнем мосту стояло около шести десятков одинаковых зданий, построенных в 1421 году¹⁸⁷.

Составляя свой план реконструкции Лондона, Джон Ивлин настаивал на подобном единообразии площадей и улиц. Он не одобрял проулки, дворы и сады при зданиях «из-за разрывов, которые те создают», то есть из-за разрушения целостности сплошного уличного фасада террасной застройки. В связи с этим, по его словам, дворам и садам «не должно выходить на главные улицы»¹⁸⁸. Единообразие, естественно, не означало отсутствия членения. Восхищавшие Ивлина фасады королевских площадей в Париже объединялись непрерывными карнизами и идущими вдоль нижних этажей галереями, однако это уравнивалось ясно отделенными друг от друга высокими крышами (например на площади Вогезов); там, где использовалась единая двускатная крыша, охватывающая по периметру все дома на площади (Вандомская площадь), эффект членения достигался за счет фронтонов, которые размещались в скошенных углах и по центрам длинных сторон, тем самым внося разнообразие в монотонную череду мансардных окон.

Особенно эффектным барочным изобретением стал единообразный фасад исключительно длинного здания, как в случае жилой части Квиринальского дворца, «длинного крыла» (*manica*

Рис. 243

186 Цит. по: *Garrard J., ed. The Eighteenth Century in Russia* (1973).

188 *Evelyn J. Op. cit.*

187 Цит. по: *Franca Castel P., ed. L'Urbanisme de Paris et l'Europe* (1969).

lunga), вытянутого вдоль Страда Пиа (теперь улица Квиринале). Такая длина и монотонность фасада были оправданы в случае институций вроде больниц, богаделен и жилья для представителей определенной профессии. Примерами могут служить приют Сан-Микеле в римском квартале Трастевере и два здания XVIII века в Неаполе — Королевская богадельня и палаццо Гранили (изначально зернохранилище, позже казармы).

Рис. 252–253

Среди крупных европейских городов чуть ли не строже всего регламентировалась застройка Дрездена и Берлина. В Дрездене, столице курфюрстов Саксонии, процесс выдачи представителям среднего класса разрешений на строительство был превращен в тщательный анализ каждого проекта. Заявителю необходимо было предоставить не только чертеж своего собственного дома, но также «план соседних зданий с обозначением улиц»¹⁸⁹. Эстетическая целостность новых районов Берлина, пристроенных к средневековому городу со второй половины XVII века и до 1721 года, достигалась еще более прусскими в своем педантизме методами. Здания Доротеенштадта и Фридрихштадта красились в один и тот же светло-серый цвет; в строительных правилах была предусмотрена любая мелочь, каждый дом был тщательно спроектирован и пронумерован.

Что касается мира за пределами Европы, Роберта Маркс Делсон проделала крайне скрупулезный анализ новых городов, построенных португальцами в Бразилии¹⁹⁰. В созданных в XVI веке испанцами «Законах Индий» содержались требования к планировке городов, но сама застройка осуществлялась поселенцами на свое усмотрение. В Бразилии, напротив, начиная с 1716 года и на протяжении всего XVIII века действовали нормы, предписывавшие единообразие фасадов. В распоряжении от 1747 года по поводу сооружения на месте рыбацкой деревушки города Аракати говорилось, что если старый дом нельзя снести и приходится перестраивать, то «работы должны вестись таким образом, чтобы он получил те же очертания и внешний вид, что и новые здания». В 1755 году королевская хартия, выданная городу Риу-Негру, оговаривала, что дома должны быть «снаружи построены одинаковым образом, но внутри каждый может делать все на свой вкус». Губернатор Луис Антонио де Соуза в 1766 году писал некому судье, что в портовом городе Сантус все будущие дома должны соответствовать предписанным нормам, поскольку «одна из вещей, которой уделяют сегодня внимание самые развитые нации, — это симметрия и гармония зданий в новых городах и поселениях. Это не только имеет практическую ценность, но также доставляет радость, поскольку четкий порядок свидетельствует о законопослушности и культуре местных жителей». Последствия такой тщательной регламентации все еще налицо в разных уголках страны. По словам Дельсон, в городе Мариана и сегодня можно заметить, что «стоящие рядом двухэтажные дома колониальной эпохи напоминают скорее одно огромное здание, а не отдельные постройки».

189 *Braunfels W.* Op. cit.

190 *Delson R.M.* New Towns for Colonial Brazil (1979).

В случае городов, предназначенных для расселения коренных индейцев, колониальные власти следовали в обосновании такой стандартизации особой, весьма любопытной логике. Губернатор Жозе Шавьер Машаду Монтейру рассуждал, что, если предоставлять индейцам идентичные условия, включая одинаковые дома с равным количеством окон и участками одного размера, «все причины для зависти и вытекающих отсюда распрей будут устранены»¹⁹¹. Невысказанным оставался расчет, что такое единообразие поможет разрушить социальную структуру племени, закрепленную в планировке прежних поселений.

Подобное использование рационального планирования для разрушения традиционного уклада жизни и сопутствующих ему принципов, которые входят в противоречие с политикой государства, имеет вполне современные аналоги. Например, итальянские фашисты, закладывая в Эфиопии новые города, заставляли местных жителей строить свои хижины ровными шеренгами, а не традиционными группами. Жилищная политика социалистических стран основывалась на схожих соображениях. Последняя инициатива диктатора Румынии Николае Чаушеску, которую он, к счастью, не успел осуществить, сводилась к уничтожению деревень и строительству на их месте типовых бетонных многоэтажек.

Появление в конце XIX века высотных зданий с лифтами поставило проектировщиков Большого стиля перед новыми трудностями. Если позволить такому зданию существовать в качестве скульптурного, отдельно стоящего объекта, не так-то просто сделать его частью единого уличного фасада. Если же принудить его к непрерывности и единообразию на протяжении целой улицы, утесы в десять и более этажей будут нависать над не знающими солнечного света ущельями общественных пространств. Однако наступление эпохи небоскребов не было вопросом ближайших лет, по крайней мере в случае Европы, а опередившие свое время проекты смогли доказать возможность использования высотных зданий и в парадигме Большого стиля.

Проект «Большой город» (*Die Grossstadt*, 1911), в котором Отто Вагнер предложил свое видение метрополиса будущего (в данном конкретном случае — Вены), на деле стал актуальной интерпретацией Большого стиля. Барон Осман смог утвердить многоэтажную единообразную застройку смешанной функции на бульварах, прорубленных им сквозь средневековую и более позднюю ткань Парижа, но Вагнер планировал добиться того же самого в масштабах целого нового города. Многоквартирные дома были бы там массивнее и выше, чем у Османа, коридоры улиц — шире, а общественные зоны отличались бы от жилых только размахом открытых пространств, наличием фонтанов и монументов, а также щедрым использованием архитектурного декора.

Дэниел Бернем, как и Вагнер, не видел противоречия между высотной застройкой и формальными планировочными установками Большого стиля. Однако он работал в стране, которая, как и Англия, была издавна привержена идеалу дома на одну семью и где высотные здания не выходили за пределы

Рис. 235

Рис. 254. Отто Вагнер, эскиз планировки 22-го района Вены из проекта «Большой город», 1911.

Рис. 255. Королевская площадь в Турине, ныне площадь Сан-Карло, из альбома видов города, опубликованного в Амстердаме в 1682 году. Эта площадь была спроектирована Карло ди Кастелламонта около 1621 года в качестве центра нового городского района с планировкой в виде решетки. Виа Нуова (ныне улица Рома) связывает ее с расположенной севернее площадью Кастелло и уходит дальше на юг, проходя между церквями Сан-Карло и Санта-Кристина на заднем плане.

254

255

центра, отведенного в первую очередь под коммерческие нужды. Там американцы забирались теперь выше всех. В таких городах, как Чикаго и Нью-Йорк, им удавалось приспособить свое знаменитое изобретение — небоскреб — к созданию традиционных градостроительных эффектов вроде устремленных в определенном направлении коридоров улиц и четко ограниченных общественных пространств.

Именно против этих, как им казалось, искусственных и близоруких ограничений, накладываемых на типологию небоскреба, восстали в 1920-е годы модернисты вроде Ле Корбюзье. Небоскребы — вещь отличная, но им не пристало подстраиваться под традиционную структуру улицы. Небоскреб, писал Ле Корбюзье, — «это прекрасный инструмент концентрации: его нужно помещать посреди огромного открытого пространства». В этом и подобных ему заявлениях модернисты предрекали кончину исторического города, а вместе с ним и международного языка Большого стиля.

Своего триумфа они дождались только после Второй мировой войны. В межвоенные же десятилетия история Большого стиля пополнилась новой эффектной главой. Большинство западных стран не желали отказываться от градостроительных принципов, которые так ярко выражали власть, силу, общественный порядок и национальную гордость. В первую очередь в этой связи вспоминаются фашистская Италия и нацистская Германия: османизация Рима при Муссолини и генеральный план Берлина, детище самого фюрера и его молодого помощника Альберта Шпеера. Однако тот же подход, хотя и без высокопарной риторики, затронул многие другие города по всему миру — от Реймса и Мадрида до Анкары, Мешхеда и Баку.

Рис. 230

Рис. 263

Каким образом органы власти, ответственные за градостроительную политику, обеспечивали единообразие улиц и площадей? Самым надежным способом было самим заниматься их застройкой. В тоталитарных государствах централизованная строительная отрасль не оставляла иного выбора. Менее затратным для государства было решение, которое часто использовалось в эпоху барокко: власти строили только внешнюю оболочку городской формы, единообразные фасады зданий, а непосредственно сооружение домов оставалось владельцам участков. Общеизвестный пример тут — построенная при Людовике XIV Вандомская площадь в Париже. Как видно по изображениям той эпохи, к 1701 году было закончено строительство фасадов, и только после этого началась продажа участков. В итоге мы не видим никакой связи между членением окружающих площадь фасадов и организацией расположенных за ними внутренних дворов и жилых помещений. Похожим образом учрежденная в 1760-х годах Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга предлагала, чтобы «фасады на площадях возводились властями, а дома за ними строились в соответствии с пожеланиями владельцев».

В Турине, который служил настоящей архитектурной лабораторией барочной эстетики на протяжении всего периода ее распространения по миру с конца XVI века до первых

десятилетий XVIII века, главы Савойского дома опробовали стратегию строгого контроля. Повелев в 1621 году соблюдать при сооружении Нового города, прилегающего к древнеримской решетке с юга, планировочные стандарты, которые разработал придворный инженер Карло ди Кастелламонте, герцог Карл Эммануил I составил из высших чиновников особую, подчиненную непосредственно ему комиссию, задачей которой было следить, чтобы все постройки соответствовали этим требованиям. Мало того, собственники участков были обязаны использовать только те строительные материалы, которые производились в окрестностях нового района.

Рис. 255

Два десятилетия спустя регентша Мария Кристина пожаловала земли вокруг новой площади Сан-Карло персонально тем чиновникам, банкирам и аристократам, которые, как ожидалось, будут в наибольшей мере склонны пойти навстречу пожеланиям двора и использовать при строительстве своих домов типовые проекты Кастелламонте. В старом городе от замка на юг, к римским стенам, была пробита Новая улица, *виа Нуова*, для чего средневековые кварталы понадобилось снабдить одинаковыми фасадами в современном стиле. Наконец, при реконструкции соборной площади домовладельцам, готовым следовать официальному проекту, были подарены колонны из белого мрамора, чтобы они смогли оформить ими свою часть непрерывной галереи, опоясывающей общественное пространство¹⁹².

Традиции, заложенные этими проектами XVII века, продолжали формировать внешний вид Турина и его новых кварталов на протяжении еще долгого времени. Даже самые экспрессивные барочные архитекторы вроде Гварино Гварини не позволяли пространственным ухищрениям своих интерьеров отражаться на уличных фасадах. Во всем тут чувствовалась сдержанность, почти самоуничижение в готовности слиться с непрерывной застройкой улицы. Только в Риме и его зоне влияния, особенно на Сицилии, здания в стиле барокко часто не мирятся с ролью не более чем ограничителей городского пространства. Пространство улиц становится тут позитивным — чем-то, обладающим формой и динамикой. Прилегающие здания вовлекаются в общую хореографию, определяемую очертаниями улицы. Только там, в работах таких архитекторов, как Бернини и Борромини, фасады воспринимаются как выразительные композиции масс, вторгающиеся в пространство улицы и взаимодействующие с ним. Улица, по словам Паоло Портогези, «оживает благодаря множеству эпизодов, которые мешают воспринимать ее как коридор, зажатый двумя плоскостями»¹⁹³.

Однако барочные улицы Турина тоже никак не назовешь мертвыми коридорами. Сила единообразия уличных фасадов заключается в создании впечатляющих перспектив, устремленных к замыкающему их ориентиру. Такая перспектива — одно

192 См. *Cavallari-Murat A. et al. Forma urbana e architettura nella Torino barocca* (1968).

193 *Portoghesi P. Roma barocca* (1970).

из главных выразительных средств градостроительного проектирования, подчиненного эстетике барокко. То же самое относится и к ощущению пространственного простора, неизменно-му спутнику скорости.

Разнообразие в единстве

Об опасности единообразия, о том, как тоскливо ходить по городу, где постоянно повторяются одни и те же проекторочные решения, заговорили уже во времена Ложье, в середине XVIII века. Сам аббат считал, что «чрезмерное единообразие — самая страшная ошибка из всех». Снова обратившись к сравнению города с природным ландшафтом, он советовал градостроителям присмотреться к паркам работы Ленотра как к образчикам гармоничного сочетания формального с неформальным, регулярного с нерегулярным, симметрии и разнообразия. Проектировщик городских ансамблей тоже должен использовать то одни, то другие детали, чтобы по мере движения по городу каждый квартал казался нам новым, непохожим на остальные, и таким образом возникало впечатление «той хаотической нерегулярности, что так к лицу великим городам»¹⁹⁴.

К разнообразию следовало стремиться на нескольких разных уровнях. Простая уличная решетка — не самое изящное решение. Очень легко заблудиться, когда каждый квартал идентичен по форме остальным. В пространстве улиц оформление фасадов не следует оставлять на усмотрение частных владельцев: городские власти должны ограничивать высоту зданий в зависимости от ширины проезжей части и варьировать декор от квартала к кварталу. Ложье полагал, что система классической архитектуры достаточно богата, чтобы справиться с такой задачей.

И наконец, вставал вопрос об облике площадей. В этом вопросе Ложье имел авторитетных сторонников. Его испанский современник аббат Антонио Понс требовал от проектировщиков разнообразия в облике квартальных площадей:

Площади различной формы сделают весь город в целом по-новому прекрасным: прямоугольные, круглые или эллиптические, с тремя, шестью или семью углами, они будут очаровывать и изумлять даже самих горожан, не говоря уже о приезжих¹⁹⁵.

Города XVIII века старались соответствовать этим требованиям. В 1730-х годах, например, прусский король Фридрих Вильгельм I одобрил проект возведения с внутренней стороны таможенных застав Фридрихштадта (нового района Берлина с регулярной планировкой) трех площадей — прямоугольной, круглой и восьмиугольной, без какой-либо связи с их практическим назначением. Проектировщики новых городов Андалусии прислушивались к совету своего земляка Понса не подражать Голландии, где, «осмотрев один город, ты можешь сказать, что видел их все». Наконец, градостроители

Рис. 253

194 Цит. по: *Herrmann W.* Op. cit.

195 Цит. по: *Forum et Plaza Mayor dans le monde hispanique* (1978).

Екатерины II, энергично проводившей политику урбанизации недавно отвоеванных у турок причерноморских территорий, планировали новые площади так, будто хотели проиллюстрировать ими учебник геометрии.

Здесь уместно вспомнить о малоизвестной деятельности в России Вильяма Гесте, относящейся к периоду примерно с 1800 до 1820 года¹⁹⁶. Регулярно спланированные общественные пространства поразительного геометрического разнообразия — наиболее яркая барочная особенность творчества Гесте; для остальных целей он предпочитал решетку. Его «Прожектированный план для урегулирования некоторых частей столичного города Москвы» 1813 года предполагал сооружение полукруглой цепи новых площадей, окружающей Кремль и Китай-город. В Земляном городе в местах пересечения ведущих в центр радиальных улиц и линий прежних укреплений им было запланировано семь новых площадей — в дополнение к четырем существующим. Эти полукруглые, круглые и многоугольные пространства должны были возникнуть на частных землях, безо всякого почтения к прежде существовавшей городской ткани. Для Екатеринослава им были задуманы 15 площадей; фокальной точкой всего проекта был полукруг с дворцом Потемкина, к которому сходились пять радиальных улиц.

Поиск баланса между разнообразием и единообразием продолжал занимать градостроителей и на более поздней стадии развития Большого стиля. Париж барона Османа маскировал допускавшийся строительными правилами разнорядности в оформлении фасадов с помощью довольно ограниченного набора малых архитектурных форм и видов мощения. Гранитные бордюры, тротуары из серого асфальта, булыжные (по крайней мере до падения Второй империи) мостовые и ряды платанов или каштанов — все это создавало общее впечатление единообразия, которое подчеркивалось стандартными фонарными столбами, чугунными приствольными решетками, афишными тумбами в форме колонн, киосками и литыми водосточными трубами. Сами фасады были, как правило, выдержаны в одном цвете.

Когда маятник качнулся в другую сторону, основное возмущение наряду с однообразием оформления фасадов вызвала как раз эта повсеместная серость. Уже в 1869 году Шарль Гарнье, опережая свое время, критиковал «огромные прямые улицы, которые, несмотря на всю свою красоту, холодны и чопорны, как вдовствующая герцогиня». Он мечтал о дне, когда «человек будет иметь возможность строить собственный дом как ему нравится, не беспокоясь о том, насколько он походит на дом соседа. Карнизы будут сиять всеми цветами вечности; на фасадах засверкают золотые фризы»¹⁹⁷. К рубежу XIX и XX веков новые строительные правила допускали и даже поощряли внешнюю изобретательность с использованием скульптурных и живописных эффектов.

196 См. *Schmidt A.J. William Hastie, Scottish Planner of Russian Cities* (1970).

197 Цит. по: *Loyer F. Op. cit.*

Ил. XIX

В годы до и после Первой мировой войны Хендрик Берлаге отстаивал единообразие уличных фасадов Амстердама, руководствуясь более современными соображениями. Прямые улицы и безусловно целостные в архитектурном отношении жилые кварталы были необходимым условием зарождения идеальной социалистической градоформы, за которой, как он полагал, было будущее. Отдельные здания, пусть даже многоквартирные, из которых состояли городские кварталы того времени, казались ему бесполезными пережитками прошлого. Мелкие различия и зазоры между ними дробили контур улицы и игнорировали коллективную сущность нового общества. Решением должна была стать группировка жилых помещений в единые здания размером с квартал, из которых и складывался бы весь город. Кварталы по двум сторонам улицы следовало проектировать так, чтобы они гармонировали друг с другом — после перекрестка архитектура могла меняться в той мере, в какой это не ставило под угрозу согласованность зданий на этом участке. Преимущества такой ортодоксальности не сводились к эстетике. Устраняя внешнюю выразительность архитектуры, можно было покончить с классовыми различиями как таковыми.

Перспектива

Основное назначение перспективы — это обрамление далекого вида, который воспринимается сквозь продуманный передний план и зафиксирован на противоположном конце достойным ориентиром. Часто мы имеем лишь один из этих двух эффектов, а не оба одновременно. Поскольку обрамление на переднем плане и завершающий ориентир играют в создании перспективы основную роль, улица между ними не обязательно должна быть ограничена строго единообразными фасадами, при условии, что она идет по прямой и в достаточной мере направляет взгляд, чтобы создать ощущение перспективы.

Рис. 256

Рис. 257

Спланированная перспектива известна с эпохи Античности. Римляне были настоящими ее мастерами, но ранние примеры можно найти и в эллинистических городах. Один из них — перестроенная во II веке до н.э. агора в Приене, где восточная въездная арка обрамляла перспективу из крытых портиков. Проходящая под аркой дорога была излюбленным приемом древних римлян. Одно и то же решение зачастую замыкало перспективу с обеих сторон (Страда Пиа в Риме упирается в фасад, который Микеланджело воздвиг перед старыми воротами Порты Пиа, и тем самым следует античной традиции завершения перспективы главной городской улицы арочными воротами). Также римляне использовали нимфеи и другие сооружения-шарниры, которые выполняли роль акцента в конце прямого участка и заодно скрывали неловкий изгиб улицы. Два примера: в Пальмире небольшой театр использовался для соединения новой улицы с главной осью; по мере того как город Лептис-Магна все больше растягивался вдоль главной оси, которая отклонялась от прямой из-за особенностей рельефа, клиновидное пространство между линией

Рис. 256. Главная из идущих с востока на запад улиц города Тимгад (современный Алжир) оформлена колоннадами и упирается в арку Траяна (II век н.э.)

Рис. 257. Страда Пиа в Риме, спроектированная Микеланджело для папы Пия IV (1559–1565); картина, хранящаяся в Латеранском дворце. Замыкающий элемент – ворота, воздвигнутые Микеланджело непосредственно к северу от древних крепостных ворот Порты Номентана. На переднем плане видны статуи Диоскуров (Кастора и Поллукса) в образе укротителей коней. Они показаны стоящими в центре незастроенного пространства на вершине холма Квиринал.

Рис. 258. Невский проспект на пересечении с Фонтанкой, Санкт-Петербург, рисунок Михаила Махаева, середина XVIII века. Слева виден Аничков дворец, вдалеке – здание Главного адмиралтейства.

256

257

258

Ил. XX прежней решетки и новой улицей было заполнено двумя крытыми рынками. Не менее типичным было строительство на главных перекрестках четырехсторонних сооружений (с крышей или без), которые не мешали движению ни по какому маршруту. В качестве примера можно привести тетрапилон в Пальмире, расположенный на пересечении улиц в центре круглой площади, окруженной лавками и административными помещениями.

Ил. XXI Во время реконструкции Рима Сикстом V в конце XVI века совершенствование эстетики городской перспективы шло сразу по нескольким направлениям. Вероятно, самым эффективным нововведением стало появление обелиска в качестве пространственного ориентира. Этот тонкий вертикальный акцент фиксировал конечную точку прямой улицы, не загораживая то, что находилось за ним. В то же самое время нам известно и об использовании других исторических артефактов как в проектах, так и в реальности: колонн Траяна и Марка Аврелия; парных статуй, обрамляющих улицу, а не просто визуально ограничивающих ее пространство (статуи Диоскуров, ныне часть фонтана у Квиринальского дворца, изначально предназначались Микеланджело для его Страды Пиа); а также памятников архитектуры, вроде Колизея.

Рис. 257

Следует подчеркнуть еще одну особенность Рима Сикста V, которая стала неотъемлемой частью барочной традиции: бифокальные сегменты задавали там четкий ритм движения вдоль единой прямолинейной оси. Проектируемая ось через восточные холмы изображена на знаменитой фреске в библиотеке Ватикана следующим образом: от Латеранского обелиска на юго-востоке к обелиску у Санта-Мария-Маджоре на Эсквилинском холме, потом к церкви Тринита-деи-Монти и, наконец, к обелиску на площади Пополо. Схожим образом Елисейские Поля и продолжающие их улицы, которые складываются в триумфальный путь (*voie triomphale*), со временем были разбиты на отрезки «Конями Марли» у сада Тюильри, Триумфальной аркой и, уже на холме Шантекок на дальнем берегу Сены, памятником «Оборона Парижа» (1883), ставшим западной фокальной точкой этой не имеющей аналогов монументальной оси.

Рис. 259–260

Независимо от конкретного материального объекта, с помощью которого это делалось, сложились три ключевых способа завершения перспективы, которые оставались уже неизменными на более поздних стадиях развития Большого стиля: она закрывается, словно занавесом (Порта Пиа Микеланджело, памятник Виктору Эммануилу в конце улицы Корсо в Риме); она обрамляется расположенными по ее сторонам или пересекающими ее объектами, отчасти позволяющими видеть то, что расположено за ними (Диоскуры на Квиринале, Триумфальная арка); и она фиксируется высоким стройным объектом, почти не перекрывающим вида (римские обелиски). Восприятие любого из подобных ориентиров зависело от многих факторов, таких как их собственный масштаб, пропорции улицы и положение зрителя на ней.

Перспектива не обязательно требует четких боковых ограничителей в виде фасадов домов — вполне достаточно любого иного способа задать границы улицы. Невский проспект

Рис. 240, 258

в Санкт-Петербурге (или, как он изначально назывался, Большая перспектива) был идеально прямым въездом в столицу с востока; войдя в пределы города у моста через Фонтанку, он проходил через незастроенные территории, ориентируясь на тонкий и высокий шпиль Главного адмиралтейства. Вплоть до 1730 года эта городская авеню была лишена зданий, однако вымощена камнем и обсажена рядами деревьев.

Рис. 212

Гораздо позже возникает еще один вариант задания перспективы — сооружение по центру отдельно стоящего здания. Этому способствовала неоклассическая манера располагать общественные здания в отдельном пространственном ареале. Такой способ оказывается в центре внимания градостроителей в конце XIX века, когда разгорается дискуссия о «высвобождении» исторических памятников, то есть о расчистке их от позднейших наслоений и размещении посреди открытого пространства, как на блюде. Разумеется, ничто не мешает примыкающей части здания — например церковному шпилю — стать завершающим перспективу ориентиром, но это совсем не то, что отдельно стоящее здание, выполняющее ту же функцию. Джон Ивлин в этом отношении далеко опередил свое время. В своем проекте реконструкции Лондона он предлагал строить приходские церкви посреди «просторных площадей, чтобы те можно было обозреть сразу с нескольких улиц, как это происходит с некоторыми римскими обелисками»¹⁹⁸.

Ил. XXVII

Рис. 224

В XX веке небоскреб — в случае, если он используется в рамках градостроительных установок Большого стиля, а не только как элемент небесной линии, — тоже может эффективно способствовать формированию перспективы. К его достоинствам относятся высота и возможность сооружения специально приковывающего к себе внимание завершения. В начале 1920-х годов Элизель Сааринен ярко продемонстрировал потенциал небоскреба в качестве пространственного ориентира городской перспективы, представив проект фиксации скоростной магистрали через Грант-Парк в Чикаго высотным гостиничным зданием, которое смотрится гигантским обелиском, чей масштаб приспособлен к современным расстояниям. В реальности, хотя и куда менее драматично, подобный эффект создается нью-йоркской штаб-квартирой корпорации RCA (то есть центральной башней Рокфеллеровского центра) с пешеходной эспланады от Пятой авеню, а также небоскребом Трансамерика-билдинг с Коламбус-авеню в Сан-Франциско. В качестве обрамления перспективы высотные здания встречаются от Вийербана под Лионом (начало 1930-х годов) до восточноберлинской Шталин-аллее (теперь Карл-Маркс-аллее, середина 1950-х).

Ориентиры и монументы

Отдельно стоящие монументы используются в рамках Большого стиля для решения двух задач — как акцент в перспективе или как точка притяжения внимания в пространстве

площади. Когда проекты площади и вливающих в нее улиц согласованы, один монумент может выполнять обе функции разом. Репертуар монументальных акцентов достаточно ограничен, и большинство из них восходят к Античности. Уже в Риме были прекрасно известны триумфальные арки, мемориальные колонны и конные статуи. Они снова начали использоваться в XV веке и с тех пор уже не исчезали. Ниже мы рассмотрим их более подробно.

В случае с общественными фонтанами эпоха барокко действовала без оглядки на Древний Рим. Античные фонтаны, как в виде простого бассейна или ванны, так и с архитектурно оформленной верхней частью, занимали место на одной из сторон улицы. Отдельно стоящий фонтан с богатым скульптурным декором стал отличительной чертой европейского барокко. Джон Ивлин всячески расхваливал их в своем проекте реконструкции Лондона: общественные фонтаны в центре площади у него «не окружены, как прежде, печальными голыми стенами».

Превращение фонтанов в богато украшенные общественные монументы началось в позднем Средневековье. В Италии, где такие фонтаны были особенно распространены, отличными примерами могут служить фонтан Маджоре в Перудже, созданный Никколо и Джованни Пизано, а также Фонтан радости скульптора Якопо делла Кверча на Кампо, главной площади Сиены.

В XVI и XVII веках размер фонтанов рос вместе с масштабом общественных пространств, а совершенствование гидравлических систем позволило добавить игре воды энергии и драматизма. Для по-настоящему исключительных фонтанов площади порой создавались специально. Например, в Болонье сначала, в 1563 году, был создан фонтан Нептуна работы Джамболоньи, а форма площади Неттуно подгонялась уже под него, что потребовало сноса имеющихся строений, «чтобы фонтан было лучше видно» (*per la veduta della Fontana*)¹⁹⁹.

Ил. XXVI

Благодаря приятным струям воды, прекрасным скульптурам, а также ступеням и выступам, где могли сидеть люди, фонтаны обладали всеми необходимыми качествами, чтобы стать местом оживленного социального взаимодействия. В их скульптурном декоре преобладали сюжеты из античной мифологии, а возвышенные политические и династические аллегории часто оттеняли наивность этих народных памятников. Фонтан Четырех рек на римской площади Навона рассказывает о правлении папы Иннокентия X (1644–1655) и торжестве Церкви.

Один сюжет мог излагаться с помощью нескольких фонтанов. На Максимилианштрассе в Аугсбурге с 1589 до 1606 год по единому плану было построено сразу три фонтана: первый — в честь основателя города императора Августа, второй — в честь бога торговли Меркурия, а третий, самый северный, — в честь Геркулеса²⁰⁰.

199 Цит. по: *Miller N. Renaissance* Bologna (1989).

200 См. *Friedel H. Die Bronzebildmonumente in Augsburg* (1974).

Ил. XXI

Обелиски — особый случай: для них не характерно специальное городское назначение — ни на их родине в Египте, ни в Риме, куда они привозились императорами. Лишь Сиксту V, возможно, с подачи его архитектора Доменико Фонтаны, пришлось в голову расставить уцелевшие обелиски в людных местах, начиная с площади Святого Петра. Популярность этих внушающих трепет монолитов в значительной мере объясняется их экзотическим происхождением и затраченными на их подъем усилиями. Одним из последних был воздвигнут обелиск на площади Согласия в Париже — его в 1831 году подарил королю Луи-Филиппу паша Египта Мухаммед Али. Муссолини, всегда готовый выдумывать параллели между своим режимом и Древним Римом, вывозил из Эфиопии стелы, называя их обелисками. Одну из них он поставил на оси улицы Триумфов (нынешняя Сан-Грегорио) в Риме, на противоположном ее конце от арки Константина.

Триумфальные арки

Сохранившиеся в Риме великолепные образцы этой типологии, которые оказали огромное влияние на более поздние стадии развития Большого стиля, — арки Тита, Септимия Севера и Константина — имели долгую предысторию и множество аналогов по всей империи. Своими корнями триумфальные арки уходят во времена Республики, во II век до н.э. Согласно Плинию Старшему, главным их предназначением было «превознесение тех людей, статуи которых на них стоят, выше всех смертных». Эти первые арки были довольно скромными сооружениями и ограничивались одним проходом. Такая арка Фабия Максима стояла на Священной дороге при входе на Римский форум. При Августе появились более монументальные арки, украшенные колоннами и скульптурным орнаментом. Они ставились как внутри городов, так и на основных дорогах империи, в память о триумфальных шествиях императоров, а в провинции — по случаю императорских визитов. Самые изощренные среди них уже имели по три прохода и были увенчаны триумфальной колесницей или квадригой. В аттике арки Тита, возможно, покоился прах этого императора, но этот случай был необычен.

Рис. 256

В эпоху Августа, с конца I века до н.э. до начала I века н.э., обычные арочные ворота крепостных стен также стали заменять триумфальными арками. Кроме того, ими оформляли входы в замкнутые пространства вроде форумов. Впечатляющая арка вела на форум Траяна в Риме, а посреди просторной площади за ней стояла конная статуя императора; за базиликой, в пространстве между двумя библиотечными зданиями, возвышалась колонна высотой 30 метров, украшенная спиральным фризом со сценами дакийских походов Траяна и увенчанная его статуей. Таким образом, в одном этом императорском ансамбле был представлен весь набор монументальных эффектов, доступных древнеримскому градостроителю.

Главное, что выделяет для нас триумфальную арку среди многих типов городских арок, как примыкающих к другим сооружениям, так и отдельно стоящих, которыми были так богаты и города, и дороги Римской империи, — это то, что

Рис. 259

Рис. 262

Ил. XXIII

Ил. XXVIII

именно она в первую очередь вызывала восхищение в эпоху барокко. Архитекторы XVII века возродили ее к жизни и за ее форму, и за ее политический подтекст. Входя в город через триумфальную арку, путник приобщался к мифу о божественном характере государственной власти. Не случайно первым примером систематического внедрения триумфальных арок в качестве городских ворот стал в 1670-е годы проект реконструкции Парижа работы Кольбера, причем некоторые из его арок даже были построены. Веком позже именно на них ориентировался Ложье, когда критиковал использование заурядных будок на таможенных заставах и мечтал, чтобы все главные въезды в упорядоченный город отмечались великолепными триумфальными арками. В конце XVIII столетия Бранденбургские ворота, ведущие на Унтер-ден-Линден в Берлине, соединили римские мотивы вроде квадриги с чистейшим греческим образцом — пропилеями афинского Акрополя.

Триумфальная форма некоторых городских ворот обретала историческую легитимность за счет того, что она сохраняла память о реальных победах. Но самым прославленным монументом такого типа стала отдельно стоящая арка, размещенная на возвышении по линии парадного подъезда к городу: Триумфальная арка в Париже — ключевой символ возрождения древнеримской имперской иконографии, инициатором которого был Наполеон Бонапарт. На другом конце Елисейских Полей другая триумфальная арка, воздвигнутая в память о наполеоновских победах над австрийцами в 1805 году, украшала главный вход во внутренний двор дворца Тюильри.

Триумфальный посыл империализма, или по крайней мере военной победы, звучал и при более позднем использовании этого приема — например в случае бомбейских трехарочных Ворот в Индию или построенной в 1931 году на главной оси Нью-Дели арки в память о павших на войне индийских солдатах. А в случае арок, построенных режимом Муссолини в североафриканских городах вроде Триполи и Могадишо, то, памятуя про его хвастливые планы возродить Римскую империю, символизм следует признать буквальным.

Памятные колонны

Илл. XX

Тот факт, что в Риме уцелели две колонны античного периода — колонна Траяна на форуме Траяна и колонна Марка Аврелия на виа Лата, — означал, что эта форма репрезентации имперского триумфа оставалась на виду во все века, предшествовавшие ренессансному повороту к ценностям классической древности. Папа Сикст V лишил эти колонны языческого налета, заменив статуи императоров на их вершинах на изображения святых Петра и Павла. Такая реинтерпретация привела к появлению схожих произведений: в католической части Германии и особенно в Австрии колонна со статуей Девы Марии стала излюбленным украшением площадей. Один из лучших примеров тут — колонна Марии на мюнхенской Мариенплац. Поводом для строительства таких колонн могло послужить принятие нового догмата веры (Колонна непорочного зачатия в Риме, 1854), а в иных случаях это был знак признательности за

Рис. 259. Париж середины XIX века, вид с высоты птичьего полета на юго-восток в сторону Триумфальной арки, дворца Тюильри, Лувра и исторического центра (ил. XXIII). Слева по-прежнему различим изгиб крепостных стен (превращенных в засаженные деревьями бульвары), но город уже прорезан новыми улицами барона Османа. Обратите внимание на прямой как стрела Севастопольский бульвар, уходящий на север (влево) на уровне собора Нотр-Дам; его значение, как писал Осман, состояло в том, чтобы «вспороть брюхо старому Парижу <...> при помощи широкой центральной улицы, пронизывающей насквозь этот почти непроходимый лабиринт» (рис. 225). Чуть левее конца этого бульвара можно различить две триумфальные арки XVII века, построенные Кольбером.

Рис. 260. Парный к предыдущему вид на северо-запад из точки над садом Тюильри, по направлению к площади Согласия и Триумфальной арке. Елисейские Поля уходят к горизонту в сторону холма с памятником «Оборона Парижа», в честь которого получил название район Дефанс, где теперь построена Большая арка (рис. 311).

259

260

божественное заступничество в предотвращении той или иной катастрофы (Чумная колонна в Вене, 1679). Колонны возводились и в честь правителей, как колонна короля Сигизмунда III Вазы в центре Варшавы, сооруженная по инициативе его сына Владислава IV.

Однако тема военной победы в итоге затмила все остальные. Место на вершине занял победоносный полководец — как в случае колонны на Вандомской площади в Париже (1806–1810), увенчанной статуей Наполеона I в тоге римского императора, или колонн Нельсона в Лондоне и Дублине; альтернативным вариантом стала скульптура Победы на колонне Победы в Берлине (1873).

Рис. 261

С другой стороны, триумфальная колонна могла символизировать державность или национальный суверенитет. Колонну независимости (1910) в начале проспекта Пасео-дела-Реформа в Мехико венчает статуя крылатой Победы. Джайпурская колонна в парадном дворе вице-королевского дворца в Нью-Дели увенчана стеклянной звездой Индии, поднимающейся из бронзового цветка лотоса; колонна стала даром махараджи Джайпура по случаю основания новой столицы, чей план выбит на пьедестале. По эскизам Лаченса можно понять, что источником вдохновения для него служила колонна Траяна.

Статуи

В традиции Большого стиля скульптурные произведения общественного характера в основном размещались вдоль парадных улиц и на площадях. В доклассический период ряды статуй обычно стояли на земле по сторонам церемониального маршрута (как на аллее сфинксов в Фивах). Римским аналогом тут можно считать статуи жертвователей, которые расставлялись на консолях вдоль построенных на их деньги уличных колоннад.

На площади Пти-Саблон в Брюсселе установлены статуи фламандских графов Эгмонта и Горна (XIX век), чья казнь испанцами в XVI столетии стала символом притеснений для восставших против короля Филиппа II жителей Нидерландов; площадь окружена кованой оградой с 48 небольшими бронзовыми статуями, символизирующими городские гильдии. И аллея Победы в Берлине, и Монюмент-авеню (1890) в Ричмонде (штат Виргиния) представляют собой оси, вдоль которых расставлены статуи героев прошлого. В Берлине это были симметрично расположенные скульптурные портреты маркграфов, курфюрстов и королей Бранденбурга-Пруссии в натуральную величину; аллея начиналась от Кенигсплац (теперь площадь Республики перед Рейхстагом), где между памятниками Бисмарку и фон Мольтке стояла уже упомянутая колонна Победы (этот ансамбль был в 1938 году перемещен в центр Тиргартена, на одну ось с Унтер-ден-Линден, чтобы освободить место для нацистской «большой оси», речь о которой пойдет ниже). В Ричмонде статуи героев-конфедератов стоят на разделительном газоне по всей длине улицы, а конный памятник генералу Роберту Эдварду Ли занимает центр перекрестка с важной поперечной осью.

Рис. 261. Берлин, вид вдоль аллеи Победы в направлении колонны Победы, возведенной в 1873 году в ознаменование недавних побед над Данией, Австрией и Францией. Фотография сделана около 1903 года.

Идея конного памятника возникла достаточно поздно в истории Римской империи. Знаменитая бронзовая статуя Марка Аврелия на Капитолийском холме изначально стояла на территории частной виллы императорской семьи в районе Латерана. Можно отметить еще несколько прославленных конных статуй — например, статуи Траяна на его форуме в Риме и Юстиниана на форуме Августа в Константинополе. Эта традиция была возрождена во Франции в эпоху барокко, когда статуи монархов начали появляться на регулярно спланированных королевских площадях — статуя Людовика XIV на площади Побед и проектировавшаяся статуя Людовика XV на той площади, которая со временем стала называться площадью Согласия. В Средневековье отдельные конные статуи располагались на городских рынках, как, например, памятник Оттону I на Старом рынке в Магдебурге (около 1240 года), но они не имели отношения к Большому стилю; то же самое можно сказать про статуи Бартоломео Коллеони в Венеции и Гаттамелаты в Падуе. Практически всегда конная статуя представляет собой изображение короля на лошади, поставленное на пьедестал таких размеров, чтобы визуально возвышаться над унифицированными по высоте зданиями вокруг площади. В случае одной из первых в Париже королевских площадей, заложенной в 1607 году треугольной площади Дофина на острове Сите, статуя Генриха IV была размещена на оси за пределами площади — на мосту рядом с одной из вершин треугольника. Другая конная статуя, британского короля Георга I, стояла на мосту Эссекс-бридж в Дублине.

Выйти за пределы этого стандартного репертуара оказалось очень непростой задачей. Социалистическая иконография, помимо очевидных памятников Ленину, Марксу и Сталину, а также изображений серпа, молота и красной звезды, включала популярный в послевоенную эпоху мотив монумента советской армии, который стал частым атрибутом регулярных площадей, особенно в 1960-е годы. Известно три стандартных варианта такого монумента: советский солдат на пьедестале, традиционный обелиск или колонна и, наконец, танк или артиллерийское орудие, побывавшее на поле боя и теперь установленное на массивном постаменте²⁰¹.

Церемониальные оси

«Щедро одаренный масштабом и пропорциями, какие подобают столице могущественной империи», — приведенное в начале этой главы высказывание Пьера Ланфана о будущей планировке Вашингтона красной нитью проходит через все наше обсуждение Большого стиля. Мы собрали исчерпывающие доказательства того, что Большой стиль стал градостроительным выражением державности. Речь идет об империях и их столицах. Речь идет о сценографии власти.

201 См. *Aman A. Symbols and Rituals in the People's Democracies During the Cold War* (1987).

Сценография власти. Любой город, вне всяких сомнений, представляет собой вместилище власти различного уровня и типа. Города, спроектированные в Большом стиле, используют такие подходы, благодаря которым власть получает очевидное материальное выражение. Это касается и структуры городского пространства, и целого арсенала приемов, которые придают ему весомость. Это идеалистическое градостроительство, которое создает обманчивый порядок, подминающий под себя реальность. В городском продукте Большого стиля немало реального, иными словами, неудобного. Все это необходимо скрывать. Сценография власти — это искусство управлять внешними проявлениями. Сценограф держит в уме желаемую аудиторию, тот образ, который он хочет у нее создать, а также тот визуальный язык, который позволяет в надлежащей пропорции выражать упорядоченность, пышность и очарование.

Смысловым центром этой паутины иллюзий выступает церемониальная ось: это и *voie triomphale*, и «царская дорога», и социалистическая магистраль. Такая ось служит логической предпосылкой для точки сосредоточения власти — королевского дворца или его современного аналога. Впервые этот мотив задают царские дороги доклассической древности — например, основной маршрут торжественных процессий в Вавилоне Навуходоносора II, проходивший позади выстроившихся вдоль берега реки важнейших общественных зданий и завершавшийся богато украшенными изразцами воротами Иштар. Колонные улицы столиц римских провинций определили визуальный образ городского проспекта, который требовал выходить на него со смыслом и следовать по нему с помпой.

Образ — поскольку практически любая улица обладает таким потенциалом: мы можем превратить повседневную среду в торжественную с помощью временного реквизита и украшений, знамен или почетного караула. «Папская дорога», протянувшаяся на пять километров от Латерана до Ватикана, тысячу лет служила маршрутом важнейших процессий христианского Рима, но в будничном своем виде представляла собой беспорядочную череду не особенно прямых улиц различной ширины, изломанную красную линию которых образовывали здания, фрагменты руин, поля и виноградники. Однако в этом разделе нас интересуют попытки создать постоянные декорации для властного представления и срежиссировать тем самым торжественные ритуалы.

Путь прям и широк, церемонии тщательно продуманы — все здесь подчинено задаче легитимации политического устройства и контроля над историческим нарративом. Само планировочное решение может складываться постепенно или сооружаться как единое целое — оно обречено меняться вслед за теми смысловыми конструкциями, которые отражает, а время от времени подвергаться радикальной перестройке. После конца Средневековья церемониальная ось связывала по прямой загородную резиденцию правителя и его городской дворец. Соответствующие городские ворота оформлялись как монумент. Торжественные процессии и военные парады шли этой прямой дорогой, которая в своей городской части заодно выполняла роль любимой придворными торговой улицы,

Рис. 256, ил. XX

Рис. 177, 229

а также жилого района для аристократии и богачей. С ослаблением абсолютизма институции либерального государства перенесли иконографический акцент на достижения буржуазной культуры, а политические режимы XX века либо по-новому интерпретировали идею церемониальной оси так, как им позволяла их догматика, либо искали рациональных обоснований, чтобы сохранить то, что уцелело от прошлых эпох.

Рис. 222 Этот процесс можно продемонстрировать на примере Унтер-ден-Линден, церемониальной оси Берлина. Изначально задуманная как дорога от дворца (в прошлом замка) к сельским охотничьим угодьям, в 1647 году она по приказу Великого курфюрста Фридриха Вильгельма была перепланирована для проведения парадов и шествий, став символом взлета прусского государства. В этой своей роли Унтер-ден-Линден представляла собой барочное продолжение средневекового триумфального маршрута бранденбургских курфюрстов, впоследствии получившего имя Кенигштрассе: от ворот Кенигстор мимо ратуши к мосту Лангебрюке и далее через Шпрее к площади перед замком. Сооружения, возникавшие вдоль этой оси с 1650 года, имели военные коннотации: арсенал, триумфальная арка (Бранденбургские ворота, пользоваться центральным проходом которых было дозволено только монарху) и католическая церковь Святой Ядвиги, где солдаты гарнизона посещали обязательные службы.

Рис. 262 Шаг за шагом на протяжении всего XIX века военизированный облик Унтер-ден-Линден смягчался в результате изменения политического климата за счет появления там зданий культурного назначения: музеев, Академии искусств, Государственной библиотеки и Гумбольдтского университета (здание которого было построено в XVIII столетии как дворец принца Генриха, младшего брата Фридриха Великого). Даже в королевском парке Лютсгартен, в который улица вливается со стороны старого Берлина, рядом с дворцом и кафедральным собором возникло здание Старого музея работы Карла Фридриха Шинкеля.

Рис. 263 Гитлеру Унтер-ден-Линден показалась недостаточно величественной, а ее история — малопривлекательной. Он запланировал свою собственную церемониальную ось, пересекающую Унтер-ден-Линден под прямым углом дальше к западу. В разделенном после Второй мировой войны городе Бранденбургские ворота оказались заблокированными. Внушительный памятник солдатам Советской армии был возведен сразу за воротами в попытке колонизировать западную часть широкого проспекта, в то время как с восточной стороны среди восстановленных из руин исторических зданий выросли лишённые архитектурных излишеств панельные здания в стилистике модернизма — посольства соцстран и восточногерманские министерства. Западная часть была своего рода тупиком, пока символ военных успехов Пруссии — колонна Победы — не была лишена своего символического значения, что позволило соединить ось с автомобильными магистралями современного Берлина. Сейчас, когда пишутся эти строки, Берлинская стена демонтирована, две Германии объединяются, а Унтер-ден-Линден ждут очередные изменения.

Рис. 262. Бранденбургские ворота в Берлине, архитектор Карл Готтгард Лангганс, вид с Унтер-ден-Линден в сторону Тиргартена, 1930-е годы. С 1938 года эта перспектива завершается колонной Победы.

Рис. 263. Макет проектируемой оси север-юг в Берлине, вид с юга, главный архитектор Альберт Шпеер, 1938. На переднем плане площадь со зданием Южного вокзала; далее к северу – триумфальная арка, на которой планировалось выбить имена всех немецких солдат, павших в Первую мировую войну. Слева от оси видны высотные здания гостиницы и штаб-квартиры Верховного командования сухопутных войск Германии.

262

263

Рис. 263

В разработанном совместно Гитлером и Шпеером проекте грандиозной оси север–юг легко различить ностальгическую мечту о городе Большого стиля. И риторика, и проекторочные решения заставляют тут вспомнить все основные примеры этой школы. По словам Шпеера, фюрер вдохновлялся Вашингтоном, Карлсруэ и Канберрой. Он называл Париж «прекраснейшим городом на Земле», а Жоржа Османа считал величайшим градостроителем в истории. Он по памяти рисовал дома на венской Рингштрассе. Однако всё, что он смог придумать, чтобы превзойти в своей столице эти шедевры Большого стиля, — это увеличить их в размере. Центральная ось Берлина должна была быть шире и в два с половиной раза длиннее Елисейских Полей; перекрытый куполом огромный зал, идеальный *Stadtkrone* (см. ниже, с. 431–433), замыкал бы ее с севера и был бы выше Капитолия США; на играющей ту же роль на юге триумфальной арке высотой 140 метров предполагалось выбить имена всех 1800000 немецких солдат, павших на полях Первой мировой. Слава богу, что эта мечта рухнула еще до того, как возникла возможность приступить к ее реализации. Макеты и эскизы этого циклопического ансамбля, безусловно, смотрят куда лучше, чем то, во что он мог вылиться в реальности.

Сталинская социалистическая магистраль, напротив, была-таки построена. Возвращение этого призрака европейского абсолютизма в качестве пространства для проведения пролетарских парадов потребовало некоторого объяснения. Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, где впервые была заявлена эта идея, соответствовал господствовавшей на тот момент во всех направлениях советского искусства консервативной философии, гласящей, что истинно социалистическая культура может впитывать и обращать во благо величайшие художественные достижения всех предшествующих эпох (можно сказать, всех эпох Большого стиля, так как сталинский историзм был крайне избирателен и ценил преимущественно величественность и упорядоченность классики). В этой связи абсолютистские корни магистрали не казались градостроителям противоречащими ее использованию в качестве организующего элемента советских социалистических городов. Напротив, четко ограниченный коридор улицы с его упорядоченной последовательностью симметрично выстроенных ансамблей, предметно-изобразительным декором и едиными линиями карнизов и окон выражал переход централизованной власти, которая в XVIII веке могла превращать города в образы вселенского порядка, к народу в лице социалистического государства.

Рис. 295

Такая необарочная градостроительная эстетика была основана на идее города как единого архитектурного ансамбля. Улицы должны были проектироваться как непрерывные единые образные композиции и так, чтобы «превзойти даже самые широкие улицы и бульвары передовых капиталистических городов»²⁰². Парадигму новой магистрали в Москве должна

202 Большеви́стский план реконструкции Москвы / под ред. Л. Перчик. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Рис. 264. Улица Горького (нынешняя Тверская) в Москве, вид в сторону Кремля; главный архитектор Аркадий Мордвинов, 1937–1939.

Рис. 264

была задать Тверская — последний отрезок царской дороги от Санкт-Петербурга до Кремля, главная торговая улица города, радикально перестроенная в улицу Горького, «праздничное шоссе столицы» мирового социализма. Эта узкая и нерегулярная артерия на своем последнем спуске к Красной площади была расширена до 60 метров. Определившая ее внешний вид череда новых уличных фасадов состояла из многоквартирных домов, снабженных магазинами на первых этажах, но украшенных при этом скульптурами, прославляющими коллективизацию сельского хозяйства. На таком фоне уже можно было ставить массовые театрализованные представления, посвященные коммунистическому будущему. Однако новая магистраль была также и местом сосредоточения института привилегий, безраздельно принадлежащих номенклатуре — армии управленцев, ответственных за функционирование громоздкого аппарата плановой экономики. Именно они работали в комиссариатах, обедали в ресторанах и останавливались в гостиницах — здания этих учреждений стали архитектурными акцентами новой магистрали. Проспект имени Сталина в Ленинграде, спроектированный в конце 1930-х годов и называющийся теперь Московским, включал в себя последний городской сегмент дороги в Москву. Его здания прикрывали нечто совсем иное — фабричные кварталы и свалку на той окраине, которую предполагалось превратить в новый центр города вдали от классического ядра бывшего Санкт-Петербурга.

Рис. 224

Апогей послевоенной экспансии Советского Союза принес идею социалистической магистрали в Восточную Европу. В качестве «градостроительной ширмы» она использовалась для маскировки руинированной застройки разбомбленных городов. Образцом тут может послужить берлинская Шталин-аллее (начало 1950-х годов), позднее переименованная в Карл-Маркс-аллее. Стройные неоклассические фасады ее зданий придавали церемониальной оси имперский блеск, но за ними скрывались едва расчищенные развалины разрушенного войной города. Другими примерами осуществленных — порой лишь фрагментарно — проектов социалистических магистралей стали Лангештрассе в Росток, Эрнст-Тельман-штрассе в Дрездене и Маршалковская улица в Варшаве²⁰³.

На Западе чудовищная война, уничтожившая Третий рейх и создавшая братский союз демократий против (якобы монолитного) мирового коммунизма, сделала несостоятельной идею Большого стиля как языка градостроительства. Наконец-то настало время для модернистского подхода. Отрицающий историю, избегающий оценок, пренебрегающий монументальностью, чуждый всякой риторике стиль казался самым подходящим для дивного нового мира, который теперь требовалось проектировать безо всяких сантиментов. Пути назад больше не было — никогда. И на протяжении почти трех десятилетий это пророчество доказывало свою точность: новые жилые массивы (*grands ensembles*) во Франции, программы

²⁰³ См. *Castillo G. Cities of the Stalinist Empire* (1992).

«городского обновления» в центрах американских мегаполисов, новые города вроде Чандигарха и Бразилиа — заповеди Ле Корбюзье не допускали никаких исключений.

После смерти Сталина Восточный блок принял этот вызов в духе мирного соревнования экономических систем: там резко отвернулись от историзма в пользу нового западного видения, но в то же время не захотели полностью отказываться от городского каркаса в Большом стиле. Архитектурно магистраль стала модернистской, однако при этом она сохраняла благородно очерченное уличное пространство, заботилась о перспективе и искала новые возможности для прославления государства. Первым образцом модернистской магистрали стал проспект Калинина в Москве, последним — бульвар Победы Социализма в Бухаресте. Открытый в 1967 году к 50-й годовщине Октябрьской революции проспект Калинина (сегодня — Новый Арбат) на самом деле был переосмысленным компонентом Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года. Этот документ уже предусматривал новый проспект, проложенный вдоль Арбата — в одном из самых старых жилых районов города. Теперь же пробитая ценой масштабных сносов идеальная прямая была застроена модернистскими башнями и коробками. Однако наследие социалистического реализма заметно тут с первого взгляда: архитектурные решения модернизма использованы для формирования уличного коридора — полная ересь с точки зрения модернистов, — а замыкающий перспективу улицы экран высотой в три этажа транслирует официальную пропаганду.

Ил. XXIX

Барокко в эпоху постмодернизма

Однако на Западе маятник снова качнулся в обратную сторону. В 1960-х годах там начали заново открывать для себя старые города с их многослойными традициями, тогда как идеал модернизма теперь отвергался как вредный и бессодержательный. Молодое поколение градостроителей, едва заставших Вторую мировую войну, смогло вернуться к круговым перекресткам, барочным диагоналям и даже проклятым церемониальным осям, отвергнуть их символизм и найти в них что-то невинное и вечное — «поэтическое содержание и эстетическое качество пространства», как это сформулировал Роб Крие в своей книге «Городское пространство» (1979). История, по их мнению, не позволяла начать все с чистого листа. Что бы мы ни делали в городе, это должно было быть «формальным ответом на уже существующие пространственные условия»²⁰⁴. А во многих европейских городах первого ряда эти пространственные условия определялись эстетикой барокко.

Рикардо Бофилл, еще один самопровозглашенный формалист, справился даже с проблемой монархических корней

барочной эстетики, объявив ее средством создания среды обитания для рабочего класса:

Градостроительство нашей эпохи будет принимать во внимание если не габариты, то структуру городов прошлого. Зато мы изменим на обратную их символическую иерархию. Повседневная жизнь будет поставлена во главу угла, в то время как общественные здания и объекты отойдут на второй план²⁰⁵.

Портфолио руководимого им бюро Taller de Arquitectura представляет собой, по сути, череду проектов французского муниципального жилья, в которых с помощью бетонных панелей воссоздана каменная монументальность Большого стиля и, в частности, неоклассической архитектуры и градостроительства Франции XVIII века. Источник его вдохновения без обиняков указан в названии одного этих комплексов — «Барочные лестницы» (*Les Echelles du Baroque*) в 14-м округе Парижа.

Однако эти навязчиво барочные кожухи с их насыщенной образностью и манипуляциями с масштабом выдают свое истинное происхождение, прибегая к современным и даже модернистским уловкам. Прежде всего, в них используются постиндустриальные материалы и методы строительства: если перед нами барокко, оно существует лишь как трюк и обязано этим своим существованием технократам нашей строительной отрасли. Типология этих зданий как жилья также полностью современна. За торжественными ордерами и разрозненными частями классического декора таится продукт конвейерного домостроительства в модернистской традиции немецких *Siedlungen* и французских *unités d'habitation*. Единый объем здания, при всей своей скульптурности, скрывает за иерархичной оболочкой барокко массивы жилых ячеек. И последний парадокс: склонная к расширению пространственная организация барокко, подстегивающая рост городов и выталкивающая их в сельскую местность, сконцентрирована здесь — в таких комплексах, как «Аркад-дю-Лак» в Сен-Кантен-ан-Ивелине, «Антигона» в Монпелье или «Эспас-д'Абрассас» в Марн-ла-Валле — внутри очертаний одного-единственного барочного здания. Бофилл пишет: «Центр города можно построить в виде барочного храма: для этого требуется превратить массив его стен в жилые здания, а внутренние объемы — в улицы и площади»²⁰⁶. Так или иначе, задача заключается тут в том, чтобы облагородить повседневную жизнь, поместив ее в поражающие воображение декорации. Но поскольку в этой зачарованной обстановке не приходится говорить ни о какой общественной жизни, в итоге дело практически неизменно сводится к мумификации домашнего уюта.

Работы Андреса Дуани и Элизабет Платер-Зибек тоже предназначены для домашней повседневности — в этом случае в пространстве американских пригородов. Однако в пику галлюцинаторному гигантизму Бофилла, концентрирующего формы общественной архитектуры барокко в городских

Рис. 265

205 Цит. по: Schuman T. Utopia Spurned (1986).

206 Цит. по: Domus. Jan. 1986.

Рис. 265. Сисайд (штат Флорида, США).
Градостроительное решение Андреса
Дуани и Элизабет Платер-Зибек,
1983.

265

фрагментах, не согласованных с общим планом города, сами планировки Дуани и Платер-Зибек представляют собой элегантные вариации в духе Большого стиля, но в третьем измерении они возвращаются к бесплотной воздушности американских пригородов. В курортном городке Сисайд на севере Флориды имеются и оси, и завершающиеся примечательными ориентирами перспективы, и обсаженные рядами деревьев авеню — на бумаге все выглядит так, словно это одна из работ Бернема. Но эта формальная городская схема в действительности оказывается в полном согласии с внешней средой. Хотя красные линии выдерживаются тут очень жестко, сами здания в основном представляют собой ностальгические пригородные виллы — воплощение англо-американских грез об отдельно стоящем доме посреди собственного земельного участка, — а пространство улиц ограничивается непрерывной линией низких заборов из штакетника перед пологими палисадниками. Это барочная эстетика, окончательно прирученная концепцией города-сада. Ничего удивительного, что Дуани и Платер-Зибек называют своей библией книгу Рэймонда Ануина «Практическое градостроительство» (1909).

Так что история Большого стиля, судя по всему, еще не окончена. В дураках пока остаются модернисты. И всякие Крие и Бофиллы в Европе, и еще более молодые американские поклонники историзма полны решимости связывать и объединять. Новые парадные площади и триумфальные магистрали отсылают нас, минуя парки с небоскребами и панельные коробки, назад — прямоком ко временам Фонтаны, Османа, Бернема, Шпеера и его итальянского коллеги Марчелло Пьячентини.

Рис. 266. Классическая картина приватизированной небесной линии: башня корпорации RCA (бюро Cross & Cross, 1930–1931), Крайслер-билдинг (Уильям ван Элен, 1928–1930) и гостиница «Уолдорф-Астория» (бюро Schultze & Weaver, 1930–1931) тянутся своими наверхами в стиле ар-деко в небо над Нью-Йорком, пытаясь обеспечить первенство своим владельцам.

НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ ГОРОДА

Введение

В 1979 году власти Мельбурна провели международный конкурс, задачей которого было появление в городе узнаваемой архитектурной доминанты. Организационный комитет заявлял, что после изучения величайших городов мира, «где достопримечательности складывались веками <...>, стало ясно, что Мельбурну необходима какая-то яркая идея — что-то уникальное и поразительное, что-то, что позволило бы нам больше гордиться собой и стать куда более заметной точкой мировых туристических маршрутов...»²⁰⁷. Обращают на себя внимание две особенности этого необычного начинания: во-первых, осознание насущной необходимости в узнаваемом здании, которое определило бы восприятие города и «поместило бы Мельбурн на воображаемую карту мира»; и, во-вторых, признание, что визуальные символы, всплывающие в памяти при упоминании города, возникают в результате долгого развития, а не просто в какой-то момент случайным образом. Городской силуэт, который немцы обозначают словом *Stadtbild*, то есть «портрет города», складывается в итоге накопительного процесса, и его восприятие тщательно продумано. Доминанты, которые выделяются в таком образе, становятся символами коллективной жизни: они выражают приоритеты городского сообщества и обозначают иерархию общественных институтов.

Небесная линия общественная и частная

Английское слово *skyline* («небесная линия»)²⁰⁸ традиционно означало линию, где встречаются небо и земля. К очертаниям зданий на горизонте оно начало относиться не так давно, не ранее 1876 года, а распространение такое применение получило лишь к 1890 году. Совсем не случайно, что другое английское слово, *skyscraper* («небоскреб»), вошло в обиход как раз за то десятилетие, которое разделяет эти даты. Именно эта новая типология застройки или, скорее, скопления зданий такого рода кардинальным образом изменили и связь градоформы со своим природным окружением, и посылаемые ею идеологические сигналы.

²⁰⁷ Цит. по: *Attoe W. Skyscrapers* (1981).

²⁰⁸ Термин «небесная линия» как кальку с английского *skyline* впервые попытался ввести в русский язык Д.С. Лихачев: «В английском языке есть понятие *skyline*, „небесная линия“. Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение *skyline* более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта с нашей точки зрения нет), линии домов и неба и прочее» («„Небесная линия“ города на Неве». «Наше наследие». 1989. № 1). К сожалению, в отечественном обиходе это выражение так и осталось связанным с конкретными географическими условиями Ленинграда/Санкт-Петербурга. Здесь оно используется в первоначальном широком смысле. — *Примеч. ред.*

Разумеется, высотные сооружения существовали и прежде, от зиккуратов Месопотамии до Эйфелевой башни. Однако они были неповторимыми городскими светочами — их высота не несла в себе никакого смысла, кроме символического. Никому не приходило в голову жить или работать в средневековой колокольне или под куполом Капитолия США. Небоскребы, наоборот, методично возводились этаж за этажом для максимизации своих функциональных преимуществ, а их символическое значение было лишь приятным дополнением. Кроме того, прежние сооружения были сигнальными огнями чего-то общественного — религии, политической власти или, как в случае с Эйфелевой башней, технического прогресса в целом. Небоскреб же был плодом частной предприимчивости — и, по большому счету, таковым и остался, в какой бы мере ему ни удалось подмять под себя визуальный образ города и стать основным олицетворением его общественной сферы.

Рис. 267

Ил. XXXII

Единственное высотное сооружение, сравнимое с небоскребом в смысле его функциональности и принадлежности к частной собственности, — это средневековая феодальная башня. Такие элементы городской застройки были характерны для городов в центре и на севере Италии, на юге Франции, а также в центральной и южной частях Германии. Их было много; наряду с оборонительной функцией, они несли еще и репрезентативную; и эти башни господствовали в образе города, хотя не представляли никакой общественной программы — лишь частный интерес в его самом эгоистическом варианте сохранения благополучия отдельного клана. Под конец Средних веков Альберти рассказывал о тех временах так:

Я не стану восхвалять недавнюю пору, лет двести тому назад, когда распространилось всеобщее поветрие строить башни даже в самых мелких городах. Казалось, ни один отец семейства не мог обойтись без башни. И повсюду вырастали леса башен²⁰⁹.

Родовые башни были квадратными в плане, они строились из кирпича и могли быть на удивление высокими. Высота дошедшей до наших времен башни Азинелли в Болонье составляет почти 100 метров; она наклонена под безумным углом к горизонту якобы из соображений защиты от молний.

В Германии такие башни чаще были грузными и приземистыми, а на севере Италии — стройными и высокими. В Италии башня либо прилегалась к дому отдельного семейства, либо стояла в центре группы зданий, обитатели которых совместно обеспечивали свою безопасность. «Башенные союзы» во Флоренции объединяли значительную долю населения. Законодательные основания строительства башен восходили к древней королевской привилегии на сооружение укреплений, которая передавалась феодальному держателю вместе с жалованной территорией. Когда знать перебралась в города, она принесла с собой и право на оборону семейной резиденции.

²⁰⁹ «Десять книг о зодчестве» (VIII, 5). Пер. В.П. Зубова.

Рис. 267. Небесная линия Болоньи, гравюра XVIII века. Среди множества колоколен хорошо заметны несколько сохранившихся средневековых родовых башен. Самая высокая сооружение на картине – наклонная башня семьи Азинелли (начало XII века), которая до сих пор остается важной достопримечательностью города.

Рис. 268. Небесная линия Рима, центральная часть гравюры-вкладки из путеводителя «Бедерер» 1883 года издания. Вид от церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио на холме Яникул.

267

268

Все более набравшие силу городские коммуны испытывали по поводу такой приватизированной небесной линии смешанные чувства. Угроза интересам города была тут вполне реальной. В середине XIII века городской статут Болоньи гласил, что «любой, кто обстреляет или иным образом атакует дворец или курию, будет подвергнут штрафу, а его башня будет разрушена»²¹⁰. Нам известно множество примеров того, как городские власти в попытках утвердить лидирующую роль коммуны снова и снова строго ограничивали высоту башен и сносили многие из них. В 1250-е годы решительный сенатор Бранкалеоне дельи Андало разрушил или урезал по высоте 140 таких сооружений в Риме; в то же самое время Флоренция снесла 59 башен потерявших свое влияние гвельфов.

Подобная атака на высотные сооружения содержит важный для нас урок. В ее основе лежали два взаимосвязанных мотива. С одной стороны, она была связана с раскрытием градоформы, с уничтожением находившихся вне городской юрисдикции карманов, существование которых подрывало центральную власть коммуны. Одновременно, поскольку средневековая градоформа должна была служить визуальным отражением господствующего общественного и политического порядка, никакие башни не могли быть выше ратуши — таким образом, главенство общественных интересов над частными наглядно выражалось небесной линией. Однако зачастую руководящие должности в коммуне занимали представители знатных семей, которые вовсе не желали разрушения клановой структуры и ее самых заметных символов. Даже там, где феодальные башни становились мишенями жестких столкновений между группировками и семьями, город по-прежнему гордился состоящими из них оцетинившимися небесными линиями. Они свидетельствовали о могуществе города, в котором обитало столько влиятельных кланов. Именно такое средневековое отношение подвигло власти Перуджи запретить в 1342 году продажу и снос башен по причине их «замечательнейшей красоты».

Точно так же и мы за столетие высотного строительства научились находить очарование и энергию в картине застроенного небоскребами центра города. Небоскреб стал символом растущего влияния американских корпораций. В Нью-Йорке, Чикаго и других крупных городах США XX века политическая борьба шла между Уолл-стрит, банками, трестами и корпорациями с одной стороны, и фермерами и рабочими — с другой. Небесная линия превращала этот конфликт в визуальное, эстетическое переживание и таким образом снимала его напряженность. Можно ненавидеть корпорации, но все-таки любить их пристанища, ставшие произведениями искусства. Высотная штаб-квартира корпорации превратилась в универсальный символ американского города, оказалась сама по себе желанной в качестве доказательства местного патриотизма и процветания. Президент Американской ассоциации городского самоуправления писал в 1926 году:

Рис. 269–270. Иллюстрации из книги Огастеса Пьюджина «Контрасты» (1836), восхваляющие очертания готического города в противовес пошлости современного промышленного центра.

269

270

Невозможно не заметить, что каждый американский город с претензией на важную роль желает иметь как минимум один небоскреб – чтобы его можно было поместить на почтовые открытки, которые разлетятся по всему миру как свидетельство его прогрессивности и современности²¹¹.

Фотография помогла сделать этот образ города по-настоящему ярким. Небесная линия с высотными зданиями оказалась очень фотогеничной, а Альфред Стиглиц и его последователи смогли превратить ее в элегантные абстрактные композиции из силуэтов и плоскостей. Широкое распространение таких фотографий сделало популярным этот новый выразительный способ изображения городов. Чтобы увидеть Нью-Йорк глазами фотографов, публика садилась на паромы от Статен-Айленда до моста Джорджа Вашингтона. Угадывание высотных зданий на горизонте стало частью этого ритуала. Раньше туристы точно так же угадывали купола барочного Рима, для чего в путеводителях «Бедекер» делалась отдельная вкладка с панорамой города от церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио на холме Яникул: с левого края там был собор святого Петра, а с правого — базилика Сан-Паоло-фуори-ле-Мура.

Рис. 268

Ил. XXXVII

Кроме леса башен феодального города Средних веков и города небоскребов эпохи корпоративного феодализма, нам, по крайней мере на Западе, известен еще только один тип приватизированной небесной линии: это индустриальный пейзаж с заводскими трубами, печами и водонапорными башнями. Отношение к нему тоже было полярным. Кто-то гордился дымящим фабричным морем — суровым воплощением наемного труда и процветания. Другие сетовали на умаление традиционных доминант городского сообщества, утрату небесной линии, отражавшей религиозную веру и уклад правления, в угоду символам корысти — цитируя Уильяма Блейка, «темных фабрик сатаны»²¹².

Рис. 303

Рис. 269–270

Примерно так же и Генри Джеймс, по возвращении в Америку в 1904 году после четвертьвекового отсутствия, горевал о том, что состоящая теперь из офисных башен небесная линия Нью-Йорка лишила шпиль церкви Троицы его прежнего (до 1875 года) положения самого высокого сооружения города, «немилосердно затмив его, сделав его едва различимым <...> в жалком уделе бессильного смирения»²¹³. Джеймса возмущало царившее в Нью-Йорке безразличие к иерархии городского ландшафта и сопутствовавший ему отказ от защиты традиционного общественного уклада. За полвека до Джеймса Огастес Пьюджин так же противопоставлял небесную линию индустриального английского города — мрачные, рубленые силуэты фабрик, рабочих домов и многоэтажных трущоб — благочестивым шпилям средневекового города, чтобы проиллюстрировать свою мысль о размывании традиционных ценностей в современном мире.

211 *DeLano F.A.* in *The American City Magazine*, Jan. 1926

213 Цит. по: *Van Leeuwen T.A.P.* *The Skyward Trend of Thought* (1988).

212 Пер. С.Я. Маршака.

В связи с этим стоит повторить, что до Промышленной революции небесная линия городов в основном состояла из общественных доминант — зданий, имеющих отношение к религии или политической власти. Источники благосостояния и экономической мощи иногда присутствовали там, но тоже в виде общественных институций — вроде суконных рядов с их величественными башнями, гордо возвышающимися в многослойной композиции городского центра. С возникновением промышленности приоритеты небесной линии утрачивают свою ясность. Хотя если город вырастал вокруг фабрики или мануфактуры, то новая панорама, по крайней мере, имела свою внутреннюю логику. Основной удар приняли на себя старые города, пережившие вторжение промышленности. В Америке примером этого можно считать Питтсбург. Заводские трубы на фоне огненно-красного ночного неба, извилистые реки с их стальными балочными мостами, пылающие печи — все это было подходящими символами для города, ставшего к 1880 году параллельной столицей страны, однако контраст с Питтсбургом недавнего прошлого был просто поразителен.

С момента Промышленной революции снова и снова звучало мнение, что частные сооружения не должны подавлять общественные символы города. В 1963 году Томас Шарп, защищая историческую небесную линию Кембриджа, писал: «Главное, мы не должны допустить господства частных интересов меньшинства в архитектуре города — точно так же, как и в его социальной структуре»²¹⁴. Сторонники противоположной точки зрения, в свою очередь, настаивали, что современная жизнь оставила традиционный город позади и что мы теперь живем не в соборных городах, а в промышленных и коммерческих центрах, которые заслуживают право на свою особенную небесную линию.

Рисуя небесную линию

Все эти споры неизменно вращаются вокруг того факта, что очертания небесной линии очень важны для горожан. Это узнаваемый, дорогой сердцу образ города; в разлуке его можно хранить в памяти, а при возвращении домой это первое, что мы видим. С другой стороны, небесная линия — это визитная карточка города, фасад, который обращен к его гостям, и легко транслируемое условное обозначение для еще более широкой аудитории. Монаршие печати с очертаниями столиц получили распространение как минимум с XII века. Города изображались на монетах и медалях эпохи Ренессанса, на гравюрах и картинах, а позже и на их дешевых современных аналогах: почтовых открытках, футболках и сувенирных магнитах.

Поскольку осмысление небесной линии как таковой требует ее изображения (как бы оно ни называлось в разные периоды), она всегда отчасти создается запечатлевающими ее художниками. До начала Ренессанса изображения городов

Илл. XXXI

²¹⁴ Sharp T. in Town Planning Review, Jan. 1963.

Небесная линия города

Небесная линия – это самая характерная черта любого города. Она в концентрированном виде выражает его неповторимость и дает ему возможность покрасоваться на публику. Города всех времен и типов обзаводились запоминающимися доминантами, чтобы подчеркивать свою набожность, могущество и славные достижения. Такие доминанты становятся смысловыми центрами городской формы и наиболее яркими деталями внешнего облика города. Ничто тут не делается в простоте. В первую очередь небесная линия предназначена для внешней аудитории. Художник творит ее, помня о паломнике, высокопоставленном госте или обычном туристе. Ее образ меняется обдуманно и методично. Контраст между Лондоном эпохи Каналетто и современным городом – результат длительных процессов. Резкие перемены – внезапное появление на горизонте фабричных труб или деловых небоскребов – указывают на тектонические сдвиги в культуре. Когда башни железнодорожного вокзала и расположенного при нем гранд-отеля начинают соперничать с городским собором, мы понимаем, что либо ценности прошлого теперь не так важны, либо что-то новое теперь еще важнее. Если центр города превращается в скопление высотных офисных зданий, приходится признать, что его образ теперь подчинен страсти частного бизнеса к саморекламе. Наконец, небесная линия – это результат общей договоренности. Ничто не может стать компонентом официального силуэта города, не получив на то соответствующего дозволения.

Ил. XXXI. Открыточный вид на небесную линию Нью-Йорка с парома на Статен-Айленд, 1975.

XXXII

XXXIII

Ил. XXXII. Святой покровитель Сан-Джиминьяно (Италия) держит в руке изображение города, уставленного родовыми башнями. Алтарный образ работы Таддео ди Бартоло, конец XIV века.

Иерархия и соперничество:

Ил. XXXIII. Стамбул (Турция), вид с мечети Сулеймание, 1844. Громоздкий купол в отдалении – византийский храм Святой Софии (VI век). Турки исламизировали его, добавив четыре минарета, и заполнили его репликами всю небесную линию. Голубая мечеть султана Ахмеда I, крайняя справа, выделяется наличием шести минаретов. Этот крупноформатный вид был написан австрийским художником Хубертом Заттлером и выставлялся по всей Европе в его «космореаме».

Ил. XXXIV. Флоренция (Италия), рисунок на основе гравюры по дереву, известной как *pianta della catena*, ок. 1500. В центре города высится собор; на периферии мы видим кольцо стен и дальше ближайшие окрестности. Белоснежный собор Санта-Мария-дель-Фьоре увенчан куполом Брунеллески, рядом с ним – кампанила Джотто. Этому ансамблю противопоставлены темные, более приземистые башни светской власти – Барджелло и Палаццо Веккьо (правее).

XXXV

От башен Бога к башням человека::

Ил. XXXV. Лондон в 1746 году, запечатленный Каналетто от дома своего покровителя второго герцога Ричмонда (около нынешнего Нового Скотленд-Ярда). Господствующий над небесной линией собор Святого Павла окружен массой каменных и свинцовых шпилей, подавляющее большинство которых тоже спроектировано Реном. Заметны только две светских доминанты (обе с правого края): высокая колонна Монумента в память о Великом лондонском пожаре 1666 года и темный конус бутылкообразной печи для обжига керамических изделий на промышленном южном берегу Темзы.

Ил. XXXVI. Лондон в 1990 году, вид на город со стороны Гринвича. Теперь единственной религиозной доминантой остался купол собора Святого Павла, едва заметный слева между двумя прямоугольными башнями. Самый высокий небоскреб в его районе – здание банка National Westminster. В Гринвиче перспектива Дома королевы и Морского госпиталя замкнута новым деловым районом Доклендс, строящимся на другом берегу реки и вызвавшим бурные споры. Там выделяется башня Канэри-Уорф архитектора Сезара Пелли, самое высокое к тому моменту здание Англии.

XXXVI

XXXVII

Небесная линия XIX века:

Ил. XXXVII. Шеффилд (Англия) в 1850-х годах – мировой центр производства стальных инструментов и столовых приборов, а с появлением железных дорог – и крупного литья вроде корабельной брони. Рисунок Уильяма Иббитта отражает беспрецедентную трансформацию городского ландшафта под влиянием механизированной промышленности – фабричные трубы стали колокольнями и минаретами новой эпохи.

Ил. XXXVIII. Реакцией XIX века на деградацию небесной линии стала идея водрузить башни на новые типы светских зданий вроде вокзала и гранд-отеля. Здесь они объединены в лондонском комплексе Мидланд-Гранд (ныне – Сент-Панкрас), построенном Джорджем Гилбертом Скоттом в 1868–1870 годах. Низкая башня справа – это вокзал Кингс-Кросс. Слева – видны шпили церкви Сент-Панкрас (ок. 1820) и чуть более поздний купол Университетского колледжа. Фрагмент картины Джона О'Коннора, 1881.

XXXVIII

XXXIX

Ил. XXXIX. Вид на ночной Гонконг – образ города, невообразимый в прежние века. Звезды этого международного шоу в моменте – штаб-квартира банка HSBC (слева, бюро Foster Associates, 1986) и еще более новый небоскреб Bank of China (архитектор Юймин Бэй).

преимущественно оставались идеализированными: это были типовые композиции, созданные по образцу Небесного Иерусалима и имевшие довольно отдаленное отношение к реальности. Хотя самые важные здания могли быть особо обозначены, по своему стилю они скорее соответствовали времени создания картины, нежели дате собственной постройки. Даже в тех случаях, когда такое идеализированное изображение отчасти основывалось на наблюдаемой реальности, оно продолжало быть выражением принятых в этом городе представлений о самом себе — или, скорее, представлений заказчика, поручившего художнику создать портрет города. Чаще всего этим заказчиком была сама верховная власть, осуществлявшая управление городом. Например, в 1646 году принц Бальтазар Карлос и Филипп IV Испанский поручили Хуану дель Мазо написать картину «Дорога на Сарагосу»; серию видов «Порты Франции» в 1753-м заказал Клоду Жозефу Верне Людовик XV. Соответственно, в таких портретах городов выделялись те элементы городского ландшафта, которые в первую очередь отвечали целям верховной власти.

Илл. VI

Рис. 20, 272

С усложнением оборонительных сооружений в эпоху артиллерии основной задачей при заказе художникам городских видов стала военная. Властители собирали карты и изображения различных городов для изучения современных систем укреплений в целях совершенствования собственной обороны и разработки стратегий атаки. Именно по этой причине на многих изображениях городов XVII и XVIII веков такое внимание уделено городской периферии с ее бастионами. Существовал отдельный поджанр «вида осады», включавший детальное отображение расстановки воинских подразделений вокруг города. Интерес правителя к собственному государству представлялся не менее важным фактором, особенно если этот правитель был не уверен в устойчивости своей власти. Король Испании Филипп II (1556–1598) предпринял одну из первых попыток систематического официального описания страны, поручив художнику-топографу Антону ван дер Вингарде изобразить ключевые города Испании, а Якобу ван Девентеру — составить точные планы городов Нидерландов, новой и весьма беспокойной части своих владений.

Точная фиксация городов для всех этих целей была исключительно важной задачей, и потому власти поощряли эксперименты с изобразительными техниками. Как правило, это была какого-то рода печать — чаще всего гравюра по дереву или металлу, — причем распространение отпечатков тщательно контролировалось. Пожалование городского плана или вида было особой формой проявления монаршего расположения. Планы в строгом смысле этого слова были куда менее распространены, чем перспективные изображения или виды с высоты птичьего полета, выполненные, как правило, с неестественно высокой точки обзора, чтобы показать всю панораму города, постепенно уходящего вдаль. На переднем плане размещалась та часть города, которая формально отождествлялась с верховной властью. В случае Рима это был район Борго с Ватиканским дворцом и собором Святого Петра.

Рис. 271. Фрагмент картины «Три Марии у Гроба Господня», приписываемой Губерту или Яну ван Эйку, с изображением небесной линии Иерусалима; до 1420 года. Восьмиугольник Купола Скалы укрупнен в масштабе, но показан достаточно точно. Остальной город – фантазия на темы западной и восточной архитектуры, перенесенная в типичный для Северной Европы пейзаж.

Рис. 272. Осада Валансьена, гравюра из книги Фамиано Страды «Первое десятилетие войны во Фландрии», 1681.

Рис. 273. Панорама Кельна, гравюра по дереву работы Антона Вензама, 1531.

271

272

273

Более ранняя традиция изображения подразумевала фиксацию плоской панорамы города с одной из его сторон — наиболее важной в смысле формальной репрезентации (немцы называли ее *Schauseite*, «лицевая сторона»). Именно к этой традиции обращались художники XIV и XV веков, выбиравшие в качестве фона для сюжетной картины изображение города, где произошло данное событие. Так, на заднем плане «Прибытия святой Урсулы» (1411–1414) кисти Мастера Святой Вероники показан Кельн, а на изображении победного возвращения арагонского флота в 1464 году — Неаполь. Такой вид города в профиль был популярен в Нидерландах в XVII веке. Зачастую город изображался немного в отдалении, по другую сторону некоего водоема, как на гравюре с панорамой Амстердама (1643) работы Рембрандта или на знаменитой картине Вермеера «Вид Делфта» (ок. 1660)²¹⁵.

Илл. V

Рис. 273

Иногда инициатива изображения города могла исходить от желающего продемонстрировать свою верность подданного. Огромная гравюра по дереву с панорамой Кельна, созданная Антоном Вензамом в 1531 году, была заказана местным издателем Петером Квентелем в ознаменование прошедшего в Кельне избрания эрцгерцога Фердинанда I римским королем; она включает посвящение самому Фердинанду, императору, кельнскому архиепископу и другим высокопоставленным персонам империи и города. Заказы могли иметь и более личный характер. Миниатюра братьев Лимбургов с изображением парижского острова Сите для «Великолепного часослова герцога Беррийского» точно повторяет вид на королевский дворец и Сент-Шапель из окон резиденции герцога на Левом берегу, где сейчас находится Институт Франции²¹⁶. Похожим образом по заказу второго герцога Ричмонда, внука Карла II, Каналетто создал изумительный вид Лондона и Темзы со стороны Ричмонд-хауса, терраса которого представлена на переднем плане.

Отдельные города также заказывали художникам (зачастую местным) собственные изображения — это была форма выражения городского патриотизма. В виде гравюр они включались в воспевающие город книги, издание которых также оплачивалось властями. В качестве примера можно назвать вид Харлема, созданный Питером Янсом Санредамом для книги Самюэла Ампецинга «Описание и похвала городу Харлем в Голландии» (1628).

Другими важными клиентами художников были туристы. Книги для путешественников с обобщенными изображениями городов имеют древнюю традицию. Дошедшие до нас руководства для паломников в Рим и Иерусалим содержат планы городов с нанесенными на них схематичными видами основных памятников. Первый печатный путевой очерк, 1486 года, назывался «Паломничество в Святую

215 В этом вопросе я доверяю мнению Дж. Шульца, высказанному в великолепном эссе: *Schulz J. Jacopo de' Barbari's View of Venice* (1978); см. также: *Алперс С. Искусство описания*. М.: V-A-C, 2022.

216 *Links J.G. Townscape Painting and Drawing* (1972).

Рис. 274. Эль Греко, «Вид и план Толедо», 1610–1614. План города держит мальчик – возможно, сын Эль Греко.

Рис. 275. «Семь чудес города Брюгге», приписывается Питеру Классенсу-старшему, вторая половина XVI века. Среди «чудес» – шпиль и паперть церкви Нотр-Дам (слева), «Особняк с семью башнями» (на заднем плане в центре), штаб-квартира Ганзейского союза (на заднем плане справа) и здание Рынка, увенчанное великолепной городской колокольней-беффруа (справа).

Землю» — в нем описывалась история паломничества пребендария Майнцского собора Бернхарда фон Брейденбаха. Изображения городов в книге, в том числе Венеции, Паренцы (Пореча), Корфу (Керкиры), Кандии (Ираклиона), Родоса и Иерусалима, были выполнены Эрхардом Ройвихом из Утрехта и много раз заимствовались — например, Антоном Кобергером для «Нюрнбергской хроники» 1493 года.

Рис. 159 Следующая яркая попытка показать, как выглядят города мира, была предпринята сто лет спустя. Это был монументальный труд «Атлас городов земного мира» работы немецкого священника Георга Брауна и гравера из Антверпена Франца Хогенберга. Эскизы для гравюр подготовил Йорис Хуфнагель, также из Антверпена. Пять томов этого издания были опубликованы между 1572 и 1598 годами; шестой вышел в 1617-м. Хуфнагель был одним из первых, кто разместил по

Рис. 293 краям карт врезки с крупными планами знаменитых зданий.

Рис. 274 Эль Греко по-новому использовал подобный прием в своей картине «Вид и план Толедо», которая до сих пор хранится в этом городе. Госпиталь Тавера показан там в виде отдельной врезки, пояснение к которой дано на карте города, изображенной на переднем плане справа: «Я был вынужден изобразить госпиталь Дона Хуана де Тавера [отдельно]; иначе он не только закрыл бы собою городские ворота де Висагра, но и купол его возвышался бы над городом»²¹⁷.

К моменту создания картины Эль Греко точные и реалистичные портреты городов, выполнявшиеся без какой-либо сверхзадачи, существовали уже по крайней мере полвека. До середины XVI века всякое изображение города почти всегда отражало некое репрезентационное намерение официальной власти. Подписи проясняли это намерение, а аллегорические фигуры придавали ему символическую глубину. Например, длинное стихотворение на панораме Кельна работы Вензама превозносит достоинства города: прекрасные здания, оживленные рынки, чудотворные реликвии и мудрость властей. Напротив, крупная гравюра по дереву с видом Каира, созданная в 1549 году, озаглавлена просто: «Точное изображение великого города Каира». Десятью годами позже Антон ван дер Вингарде подпишет свой вид Генуи так: «Из всех удовольствий, предлагаемых восхитительным и утонченным искусством живописи, ни одно я не ценю больше, чем описание мест»²¹⁸.

Рис. 275 Нам, вероятно, следует отграничить такие полномасштабные портреты городов от сувенирных *capriccio*, безделушек, которые представляли собой композиции из изображений достопримечательностей без учета их реального расположения в городском ландшафте и относительно друг друга. Показательным примером раннего изображения такого типа служит картина XVI века, крупно озаглавленная «Семь чудес города Брюгге» (*Septem Admiraciones Civitatis Brugensis*) и показывающая памятники без окружающей их городской ткани.

Если художник стремился просто быстро заработать, подобные произведения часто становились схематичными.

К XVIII веку они превратились в типичный сувенир, приобретаемый путешественниками на память о посещении города: живописное изображение было более дорогим вариантом, гравюра — более доступным.

Как только какой-то художник находил успешную формулу городского вида, она начинала широко тиражироваться. В 1540-е годы Антон ван дер Вингарде изобразил Лондон с высоты птичьего полета со стороны Саутворка, с точки чуть ниже по течению от Лондонского моста. Несколько лет спустя появилась анонимная гравюра по дереву, изображавшая тот же вид, но уже с точки чуть выше моста. На ней изображен старый собор святого Павла со шпилем, который сгорел в пожаре 1561 года. На сегодняшний день известно 110 других версий этого вида, создававшихся вплоть до Великого пожара 1666 года.

Ренессанс — отправная точка для величественных панорам Европы раннего Нового времени: отсчет тут ведется с вида Флоренции, известного как *pianta della catena* — от *catena*, «цепь», по характерному обрамляющему картину орнаменту, — то есть примерно с 1480 года. Вскоре после него появляется вид Венеции работы Якопо де Барбари (1500). Другими важными именами в XVI веке были Йорг Зельд с его видами Аугсбурга (1521) и Любека (1552), Антон Вензам с уже упомянутой панорамой Кельна (1531) и Конрад Мериан, который запечатлел ряд австрийских городов, а также Страсбург, Франкфурт-на-Майне, Ульм и Париж. Мериан выработал свой особый стиль, показывая верхнюю поверхность бастионных укреплений вместо обычной в таких случаях передней. В целом, их техника выделяла очертания основных зданий в виде силуэтов на фоне чистого неба.

Рис. 73

Рис. 273

Это оказалось довольно устойчивой формой представления, а возможно и неизбежным изобразительным приемом при осмыслении понятия «небесная линия». Заурядные дома изображались с заметной тщательностью, особенно в профильных видах, как будто с целью подчеркнуть, что городские достопримечательности бы существовали бы без обычных жилых зданий, подчеркивающих их масштаб и достоинства.

Во всех упомянутых нами примерах XVI века не соблюдалась правила единой перспективы; возникающий в этот период ренессансный натурализм еще не оторвался от средневековой концепции идеального города. Кроме того, похоже, что в панораме Кельна работы Вензама небесное и земное пространства существуют в разных перспективах. В большинстве случаев церкви изображались крупнее их реального размера, что должно было подчеркивать их значимость. Улицы и площади не акцентировались.

И наоборот, в XVII веке общественные пространства подавались в преувеличенном виде, а общий упадок города противопоставлялся величественности королевских дворцов. В середине XVIII века «Порты Франции» Клода Жозефа Верне заложили основы жанра масштабного городского пейзажа, который мог соперничать с исторической живописью. Этому примеру начали следовать по всей Европе, от Петербурга до Неаполя.

Составляющие небесной линии

Рис. 277

Рис. 276

Рис. 278

Существует два способа зафиксировать небесную линию, причем один не исключает другого. Этого можно добиться либо с помощью уникальных особенностей рельефа (Акрополь и Ликавит в Афинах, Пан-ди-Асукар в Рио-де-Жанейро, Столовая гора в Кейптауне), либо благодаря господствующим над городом сооружениям (Эйфелева башня, соборы и церкви средневековых городов вроде Везле и Солсбери или Эдинбургский замок, эффект от которого значительно усиливается его положением на естественной скале).

Топография очень важна. Базовое различие можно провести между равнинной местностью, вроде той, где располагается большинство городов Голландии, и холмистой. В обоих случаях на небесную линию влиять несложно. Ветряная мельница или башня возносятся над низким голландским горизонтом, поскольку поблизости нет никаких природных конкурентов. Церковь или замок на вершине холма обладают таким же подавляющим преимуществом.

Однако городской ландшафт редко бывает столь незамысловатым, а замысел города редко может похвастать четкостью и постоянством.

Ил. XXXIII

Сначала поговорим о рельефе: города со сложной топографией могут попытаться придать своим природным условиям статус символа, как в случае с так называемыми семью холмами Рима. Позже эта уловка, вместе с прочими характерными особенностями древнего города, была перенесена в Константинополь, ставший его преемником на востоке. При достаточно серьезном отношении такой прием может обеспечить создание иерархичной или основанной на повторях небесной линии. Увенчав несколько возвышенностей Константинополя зданиями одинаковой типологии — купольными мечетями, — турки-османы до некоторой степени преуспели в создании более четкого, чем при их предшественниках, профиля столицы; более того, число минаретов при каждой мечети, варьировавшееся от одного до целых шести в случае мечети султана Ахмеда I (1609–1617), могло с успехом создавать некую иерархию. Ни Риму, древнему или барочному, ни византийскому Константинополю не удавалось достичь визуальной безупречности такого порядка.

Что касается второго способа (то есть целенаправленного создания небесной линии), города с долгой историей могут осмысленно размещать в своей панораме символы конкурирующих групп влияния или изменений в своей структуре. Тут можно вспомнить классические примеры столкновения в рамках небесной линии собора и ратуши (Сиена, Флоренция), княжеского замка и гражданского центра, конкурирующих монашеских орденов и даже приходских церквей, как в случае сбалансированного великолепия храмов Святого Лаврентия и Святого Зебальда, расположенных на разных берегах реки Пегниц и отмечавших до какого-то момента два отдельных поселения, которые затем слились в один город Нюрнберг²¹⁹.

Рис. 276. Амьен (Франция), город и его собор; фотография начала XX века.

276

Рис. 277. Афины, Парфенон на вершине Акрополя; фотография ок. 1870 года.

277

Рис. 278. Эдинбург (Шотландия), вид на город с юга.

278

Рис. 279

Однако зачастую характер небесной линии определяется не очертаниями одного или нескольких выдающихся зданий, но использованием повторяющихся архитектурных элементов: минаретов, куполов, шпилей или фабричных труб. Полный список известных истории архитектуры категорий таких ориентиров будет весьма коротким, однако их местные особенности формируют широкий спектр небесных ландшафтов. Так, в мусульманском мире минареты обычно относятся к одному из трех основных типов: это либо телескопические квадратные башни Северной Африки, массивные в случае соборной мечети Кайруана, ажурные и украшенные изразцами в случае Кутубии в Марракеше; либо сужающиеся кверху кирпичные цилиндры Ирана с их балконами на консолях со сталактитовым декором; либо серые карандаши османских минаретов под остроконечными крышами.

Рис. 305

Многие такие ориентиры увенчивались соответствующими символами или же просто выразительными навершиями. Фигуры архангела Михаила устанавливались и на церковных, и на светских башнях; на Старой ратуше в Брюгге он изображен изгоняющим дьявола. Шпиль Главного адмиралтейства в Санкт-Петербурге заканчивался флюгером в форме парусника, а на куполе Капитолия штата Массачусетс архитектор Чарльз Булфинч установил позолоченную шишку. Такие скромные по размеру украшения терялись при восприятии здания с расстояния, однако все же сохраняли свое символическое значение. Другие специально проектировались так, чтобы быть заметными издали: статуя Уильяма Пенна на башне здания городского совета Филадельфии до недавнего времени тщательно оберегалась властями, чтобы ее не заслонила растущая вверх застройка (с. 452).

Священные высоты

До появления светского государства, то есть до относительно недавнего времени, небесная линия преимущественно определялась архитектурой культовых сооружений. Они часто строились на естественных или искусственных возвышениях, для их композиции была характерна вертикальность, а их визуальное господство над городом усиливалось увенчивающими их навершиями.

Религии Юго-Восточной и Восточной Азии рано обзавелись разнообразными доминантами такого рода. Сами по себе индуистские храмы строились как величественные курганы с богатым декором, но их часто затмевали высокие многоуровневые надвратные башни-гопур. До нашего времени в Индии сохранилось немало таких башен, построенных с VII до XVI века; наиболее впечатляющие из них находятся в городах Мадурай и Виджаянагара, а также в штате Керала. Их богато украшенные сужающиеся кверху формы имеют характерное навершие в виде цилиндрического свода. Буддийские ступы, кургано-подобные гробницы с куполом наверху, венчала декоративная

Рис. 279–280. Небесная линия Востока и Запада. Панорама сверху демонстрирует разнообразие исламских минаретов с IX века до наших дней; панорама снизу – примеры башен христианских церквей с 1000 года до XIX века.

Рис. 281. Собор в Турне (Бельгия).

279

280

281

конструкция, завершавшаяся элементом в форме зонтика. В городах вроде Бангкока типичные ступы строились в форме колокола или символической ступенчатой горы; в обоих случаях на самом верху добавляли высокий шпиль.

Пагода часто доминировала в панораме китайских городов с их равномерно низкой застройкой. Это справедливо и для Белой пагоды в Фучжоу, и для многократно перестроенной пагоды Северного храма в Сучжоу. За пределами Китая позолоченная пагода Шведагон в Рангуне (Бирма) после реконструкции XIV века достигла в высоту 90 метров.

Рис. 280

Классическими доминантами церковной архитектуры служат колокольни и купола. Помимо куполов и шпилей, в небесной линии могут выделяться и отдельные части основного здания. В пример тут можно привести «высокие хоры» храмов Кельна, как в случае церкви Святой Марии Капитолийской — с высоким, внушительным вестверком, унаследованным от каролингских храмов. Если рельеф резко обрывается сразу за церковью, частью панорамы может стать и сама апсида. Вспомнят несколько итальянских примеров: собор в Массе-Мариттме; церковь Сан-Барнаба в Скарперии; собор работы Бернардо Росселлино в Пьенце; и самый запоминающийся из всех — собор в Чефалу, где восточная апсида и трансепт полностью затмевают своей величественностью и высотой будто построенный впопыхах неф с его приземистыми западными башнями.

Рис. 276

Кампанила как отдельно стоящее в стороне от церкви здание — итальянская особенность, восходящая к IX веку. К северу от Альп со времен Карла Великого строителей средневековых церквей больше всего вдохновляла композиция из множества башен. Основные элементы этих устремленных к небесам сооружений — лестничные башни, колокольни и шпили — возникают уже около 800 года в бенедиктинском аббатстве Сен-Рикье и после этого упорно разрабатываются в основных монастырях и соборах, несмотря на частые обрушения и прочие технические проблемы. Характерный для большинства готических соборов главный фасад с двумя одинаковыми башнями впервые появляется в знаменитых нормандских церквях Вильгельма Завоевателя и его жены в Кане и Жюмьеже. Менее распространенным оказался вариант с единственной западной башней над папертью, как в Сен-Бенуа-сюр-Луар, в романском предшественнике Шартрского собора, а позднее — в Ульме и Фрайбурге.

В идеале композиция внешнего решения собора включала башни по сторонам западного фасада, над крайними травеями одного или двух трансептов, справа и слева от хора, а также над средокрестием, где неф и трансепт образовывали архитектурное выражение символа креста. Первоначальный проект готического собора в Шартре предусматривал полный такой набор из девяти башен. Собор в Реймсе устремлял к небу семь высоких башен, имитируя таким образом стены Небесного Иерусалима; каждая башня поднималась над системой тонких контрфорсов, на которых стояло по ангелу. Редчайшие шедевры вроде собора в бельгийском Турне, дошедшего до нас по

Рис. 281 большей части в формах XII века, позволяют прочувствовать эту поразительную рифмованную вертикальность. Но, как правило, такая идеальная композиция оставалась недостижимой — иногда полностью нереализованной, чаще всего неоконченной. Раз за разом предметы гордости или гордыни своих создателей гибли из-за ударов молнии или обрушивались под собственным весом. Хронист, сообщая о случившемся около 1200 года падении центральной башни собора в Беверли, винит во всем архитекторов, пренебрегших надежностью ради внешнего эффекта. В Бове, где гигантские масштабы заложенного в середине XIII века собора не раз приводили к катастрофическим последствиям, в период между 1558 и 1569 годом была сооружена центральная башня высотой 151,5 метров, состоявшая из трех каменных и одного деревянного яруса. Спустя всего четыре года она эффектно рухнула.

Ил. XXXIV Купол, созданный Филиппо Брунеллески для флорентийского собора Санта-Мария-дель-Фьоре, историки называют начальной точкой Ренессанса в архитектуре. За ним последовала череда прославленных куполов, навсегда определивших небесную линию своих городов. Прообразами трех основных разновидностей стали купола Микеланджело для собора Святого Петра в Риме, Палладио для его венецианских церквей и Кристофера Рена для собора Святого Павла в Лондоне. Про последний Эдвард Морган Форстер писал в романе «Говардс-Энд», что он «так отважно возвышался над лондонской суетой, словно проповедовал евангелие формы»²²⁰. Все эти купола использовали прием двойной оболочки: внутренняя соответствовала пропорциям интерьера в средокрестии, а внешняя гармонично вписывалась в небесную линию города.

Ил. XXXIII Однако в религиозной архитектуре Запада купол возник задолго до Брунеллески — стоит лишь взглянуть, например, на соборы в Пизе и Сиене или на купольные церкви Аквитании. На православном Востоке, в Византии и ее сфере влияния, купол имеет яркую и долгую историю. Низкие сферические формы ранних веков донес до нас построенный Юстинианом в VI веке великий собор Святой Софии в Стамбуле, чей неглубокий купол во многом сохранился в своем изначальном виде. На более поздних этапах развития византийской архитектуры появились волнистые, плоские или луковичные купола на высоких световых барабанах, расставленных в соответствии с канонической планировкой храма средневизантийского периода (в виде греческого креста с тремя нефами и пятью куполами). К этому типу относятся церкви Греции, Сицилии, России и Сербии. Такие купола, которые в России к тому же раскрашивали в яркие цвета, до сих пор украшают исторические центры: Киев, Владимир, Грачаницу, Салоники, Мистру, Палермо.

Начиная с XVI века луковичный купол встречался и в некоторых частях Западной Европы. Впервые это произошло в Нидерландах и Праге, а позже луковичные купола, используемые в намерениях как религиозных, так и светских зданий,

стали привычным элементом небесных линий на юге Германии, в Австрии, на территории современной Чехословакии и в итальянских Доломитовых Альпах. Такие шпили можно интерпретировать как попытку примирить вертикальность готики и заимствованную с Юга купольную округлость²²¹.

Действительно, поскольку с окончанием Средневековья городская эстетика в основном отказалась от живописных силуэтов храмов, начав ценить плоскую композицию архитектурных масс и горизонтальную регулярность, заказчики и архитекторы стремились воспроизводить готическую небесную линию, используя допустимые вариации классических форм. В Италии были найдены способы дематериализовать купол. В своей церкви Сант-Иво-алла-Сапиенца в Риме, заложенной в 1642 году, Франческо Борромини заменил обычный купол на барабане спиралью, которая делает несколько полных оборотов и завершается скульптурой из проволоки. Ажурные купола Гварино Гварини в Турине обязаны своим возникновением примерно тем же соображениям.

Рис. 283

Самым запоминающимся примером исчезновения готических силуэтов в масштабах целого города стали многочисленные шпили Кристофера Рена, которые выросли над Лондоном после Великого пожара 1666 года²²². Огонь уничтожил 87 храмов, но некоторые приходы были объединены, и только 51 церковь была отстроена по проектам Рена, которому помогал Роберт Гук. Строительство большинства из них было окончено к 1685 году, но работа над шпилями растянулась еще на 15–20 лет. Сам Рен говорил о важности «прекрасных шпилей, с соблюдением должных пропорций поднимающихся над соседними домами». В «Паренталии» он пишет о своем намерении восстановить «все приходские церкви таким образом, чтобы они замыкали перспективы улиц, и расположить их на таком расстоянии друг от друга, чтобы со стороны они не казались стоящими слишком часто или слишком редко»²²³.

Телескопические шпили Рена состояли из нескольких ярусов, соединяя готические пропорции с классическим декором. Несколько из них были выдержаны в готическом стиле. Наиболее прославленные высокие шпили сооружались из светлого портлендского камня, а более скромные — из листового свинца. Готический по своим очертаниям шпиль Сент-Мargarет-Паттенс использовал деревянный каркас. Шпили могли достигать довольно значительной высоты. Флюгер Сент-Мэри-ле-Боу находился в 68,5 метрах над землей. Местоположение шпиля всегда подбиралось так, чтобы добиться максимальной видимости. Башня церкви Сент-Эдмунд, построенной на узкой улице, была размещена в створе небольшого проулка, чтобы избежать полного забвения. Во многих церквях

221 См. *Schindler H.*, in *Journal of the Society of Architectural Historians*, May 1981.

222 См. *Keen A.* Sir Christopher Wren (1923); а также: *Whinney M.* Wren (1971).

223 Цит. по: *Beard G.* Our English Vitruvius (1982).

Рис. 282. Ростов Великий (Ярославская область, Россия), небесная линия города с луковичными куполами церквей; слева расположен кремль.

Рис. 283. Рим, шпиль церкви Сант-Иво-алла-Сapiенца, архитектор Франческо Борромини, ок. 1650.

283

282

башня выносилась на периферию пятна застройки и выступала из общей массы основного здания, обеспечивая таким образом максимальный визуальный эффект с удаленного расстояния.

Ил. XXXV

В свое время шпили Рена произвели огромное впечатление. Каналетто, который посетил Лондон в 1746 году, нарисовал несколько видов Темзы, где целый лес тонких как иглы — по сравнению с внушительным объемом собора Святого Павла — церковных шпилей вырастает из поросли высоких каминных труб, увенчанных новомодными керамическими колпаками.

Послепожарные лондонские дома строились из красного кирпича и имели в среднем по три этажа. В 1860-х ограничения высотности в городе были смягчены, и многие из шпилей Рена оказались заслонены конторскими зданиями викторианской и эдвардианской эпох. К началу XX века высота окружающей их застройки выросла вдвое.

Ил. IV

После 1850 года такая трансформация городских масштабов наблюдалась повсеместно, что заставляло традиционные доминанты небесной линии устремляться все выше и выше. Купола становились все более высокими за счет постепенного удлинения барабана. Эта тенденция прослеживается уже в XVIII веке в таких церквях, как Карлскирхе в Вене и Сент-Женевьев в Париже (позже этот проект Жака-Жермена Суффло переделают в Пантеон). Она была доведена до экзотической крайности в случае многоуровневых барабанов, вроде спроектированного Алессандро Антонелли для церкви Сан-Гауденцио в Новаре (1841–1888). По мере того, как архитекторы увереннее использовали металлические каркасы, купол мог подниматься все выше без ущерба для надежности конструкции. Монументальные примеры армированных куполов — купол Исаакиевского собора в Ленинграде со своим полностью металлическим каркасом (1817–1857), а в области светской архитектуры — купол Капитолия США (1851–1865), спроектированный Томасом Уолтером.

Церковные башни тоже менялись. В России между 1830 и 1860 годами неоклассические горизонтальность и регулярность, получившие колоссальное развитие в Санкт-Петербурге Петра I и архитектурной политике Екатерины II, внезапно столкнулись с возрождением средневековых форм. Во времена вдохновленных Византией многокупольных церквей в северной части России сложилась особая народная традиция деревянного высотного зодчества. Так называемые шатровые церкви Московии представляли собой высокие бревенчатые срубы, увенчанные вытянутым вверх восьмигранным шатром. В XVII веке патриарх Никон запретил эту практику как противную истинному православию, но при Петре I и его преемниках народная любовь к священным вертикалям вернулась в форме увлечения каменными башнями, снабженными теперь недавно заимствованным на Западе барочным декором (как в случае строившегося с 1701 по 1707 годы московского храма Архангела Гавриила, известного как Меншикова башня). Таким образом, упомянутые тенденции в храмовой архитектуре XIX века воспринимались скорее как воскрешение подлинных традиций Древней Руси. На улицах, ведущих к центрам городов,

Рис. 284. Огастес Пьюджин, «Современное возрождение христианской архитектуры», фронтиспис его книги «Апология возрождения христианской архитектуры», 1843.

284

появлялись всё новые колокольни; в Москве они строились прямо на красной линии, привлекая внимание к старинным монастырям и церквям.

На Западе такие же традиционалистские настроения привели к расцвету неоготики. Подобный возврат к «христианским» архитектурным стилям имел по крайней мере еще две причины. Первая из них — растущий национализм. Характерный пример тут — достройка Кельнского собора, начатая в 1841 году в ознаменование краха империи Наполеона. Вторая причина связана со стремлением противопоставить нечто Промышленной революции с ее огромными фабриками и бездуховным пролетариатом. В случае Англии имеется обширная научная литература, касающаяся инициированного Пьюджином крестового похода за возрождение готики в формах XIII века и усилий журнала *The Ecclesiologist* по установлению строгих правил проектирования церквей. Поразительный образ нового христианского «города небоскребов» приведен на фронтиспise «Апологии» Пьюджина с подписью «Современное возрождение христианской архитектуры». Как описывал этот рисунок Кеннет Кларк, «двадцать две церкви и часовни из его портфолио образуют что-то вроде готического Нового Иерусалима в лучах восходящего солнца»²²⁴.

Рис. 284

Имя Уолтера Хука, приходского священника Лидса, известно куда меньше. В конце 1830-х годов он организовывал «трущобные миссии» — грандиозные театрализованные церковные службы, призванные впечатлять бедноту. Построенным специально для таких служб новым церквям нужны были трансепты и просторные хоры со сводами выше, чем в нефе, хотя это и нарушало традицию, в соответствии с которой приходские церкви не должны напоминать соборы. Хук говорил, что в таких трущобных церквях «хоральную планировку требуется соединить с соборной, чтобы они могли стоять среди гигантских фабрик и перенаселенных проулков». Александр Бересфорд-Хоуп в своей книге «Английский собор XIX века» (1861) объяснял необходимость таких сверхкрупных церквей, ссылаясь на масштаб и энергию новых городских зданий вроде железнодорожных вокзалов и гранд-отелей. Он писал: «Разве могло влияние этого общего настроения, этого возросшего пристрастия к необъятному, этой укоренившейся способности жить и перемещаться в толпе — не сказаться на религиозной стороне человеческой жизни?»²²⁵ Башни таких церквей должны были проектироваться в виде самостоятельных сооружений с четко определенными базами и наверхиями.

Ил. XXXVIII

К наиболее ранним «приходским соборам» относится церковь Сент-Мэри-Мэдлин на Манстер-сквер в Лондоне, строительство которой началось в 1849 году. По проекту она сочетает в себе башню, асимметрично расположенную в юго-западном углу, с небольшим входным двориком, представляющим собой ранний пример башни-паперти, которая впоследствии иногда будет стоять прямо над тротуаром (например, в случае

²²⁴ Clark K. *The Gothic Revival* (1949).

²²⁵ Цит. по: *Hersey G.L. High Victorian Gothic* (1972).

церкви Сент-Джеймс-зе-Лесс в лондонском Вестминстере). Церковь Олл-Сейнтс на Маргарет-стрит, опять-таки в Лондоне, спроектированную Уильямом Баттерфилдом, также начали строить в 1849 году. Бересфорд-Хоуп отчасти приписывает себе заслугу в том, что «ее масштабы подавляют надменность и протестантскую лавкократию»²²⁶. Башня храма была увенчана самым высоким на тот момент шпилем Лондона, достигающим, по разным данным, отметки в 67 или 69 метров.

С того времени и в течение следующих 10–20 лет готическая башня в высоком викторианском стиле, подчеркнутым полихромной и часто узорной кладкой из кирпича и камня, стала распространенной доминантой городских ансамблей. Архитектор Джордж Эдмунд Стрит был крупным специалистом по церковным башням, некоторые из которых возникали вдали от родной для него Англии, на улицах Рима или Мюррена (Швейцария). В статье «О должных свойствах городской церкви», опубликованной в 1850 году в журнале *The Ecclesiologist*, Стрит писал: «Высота имеет огромное значение, и ее следует добиваться любой ценой».

Во Франции неоготические церкви часто имели единственную башню на западном фасаде; тут можно назвать Сен-Любин в Рамбуйе (1865–1869), Нотр-Дам-де-ла-Круа в Париже (1863–1880) или более близкий к классике парижский храм Сен-Пьер-де-Монруж. Неовизантийский стиль полосатого Марсельского собора (1852–1893, проект Леона Водуайе) и похожей на него церкви Нотр-Дам-де-ла-Гард (1853–1864, ученик Водуайе Анри-Жак Эсперандье), возвышающейся над Марселем на холме неподалеку от гавани, не оказал значительного влияния на дальнейшее развитие архитектуры. Однако расположение храма на вершине холма, как здесь, так и в случае более поздних церквей XIX века вроде Нотр-Дам-де-Фурвьере в Лионе и Сакре-Кёр в Париже, демонстрирует стремление уравновесить безоглядно светский и впавший в гигантизм городской ландшафт новой эпохи.

Ил. XXV

Доминанты светского города

Некоторым из рассмотренных выше составляющих небесной линии была предначертана одновременно и религиозная, и светская судьба. В пределах одного культурного ареала пагода выделяет как буддистские храмы, так и городские ворота. Купол, разумеется, вездесущ и не ведает культурных границ. На правительственных зданиях, банях и гробницах он ничуть не менее уместен, чем на церквях, — и с равным успехом использовался в барочном Риме, сефевидском Исфахане и средневековом Новгороде. В большинстве случаев невозможно не отметить, что речь тут шла именно о небесной линии, поскольку внешние очертания купола не соотносились напрямую с формой внутреннего пространства. Иногда — скажем, в Капитолии штата Массачусетс работы Булфинча, — в интерьере нет вообще никаких указаний на наличие купола.

Рис. 275

Колокольня — еще один хороший пример. У нас она главным образом ассоциируется с церковью и звуковым сопровождением религиозных обрядов. Но существуют и светские колокольни, связанные с правительственной функцией. Самым заметным элементом небесной линии фламандского города часто была колокольня-беффруа, первоначально отдельное сооружение на рыночной площади. Такие колокольни служили как набатной башней для сбора горожан, так и видимым символом города посреди плоской равнины. В Брюгге беффруа достигала в высоту 100 метров, в Генте — 91 метр, в Дюнкерке — 90 метров, в Ипре — 70 метров. Кое-где беффруа встречаются и на севере Франции. В Суассоне и Сен-Кантене они принимают форму башни, примыкающей к замку. Чаще всего колокольня — часть важного общественного здания средневековой коммуны, символ городского суверенитета и гражданской гордости. Особенно часто подобные башни появлялись в Центральной Италии и Северной Европе. Помимо ратуш, они отмечали собой рынки (как в Брюгге) и здания влиятельных гильдий (как в случае Суконных рядов в Ипре).

Ил. XXXIV

В таких случаях в городских ландшафтах часто подчеркивается визуальный контраст между светским и церковным институтами, выраженный посредством соперничества городской башни с соборной колокольней. Разумеется, спор прежде всего касался их высоты, однако не менее важную роль могли играть и прочие проектировочные решения. В Тоскане различные строительные материалы, которые воспринимаются как цветовые контрасты, создают в рамках небесной линии высказывания исключительной ясности. В Сиене кирпичная башня городской ратуши возносит свой утонченный силуэт над площадью Кампо, отвечая белому объему собора и его колокольни на вершине холма. Флоренция, еще до того как в фокальной точке ее панорамы воцарился купол Брунеллески, противопоставляла строгие темные башни общественных зданий вроде палаццо Веккьо и Барджелло (резиденции подесты) сияющей, отделанной мрамором кампаниле Джотто при соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. Кроме того, городские башни часто представляли собой массивные непроницаемые для света постройки с плоской кровлей, окруженной *ballatoio* — карнизом с машикулями, пришедшими из замковой архитектуры. Когда в конце XIV века преемники Джотто позаимствовали эту светскую форму для флорентийской кампанилы, отказавшись от запланированного им самим шпиля в североевропейской манере, это, вероятнее всего, было призвано подчеркнуть принадлежность собора городской коммуне — то есть, по сути, его превращение в общественное здание²²⁷.

227 См. *Trachtenberg M. The Campanile of Florence Cathedral* (1971). Подобное противопоставление между городской колокольней-беффруа (*beffroi*), символом гражданской свободы, и церковной колокольней (*clocher*) было популярно во Франции XIX века.

Церковные колокольня и шпиль были единственными выражениями архитектурного великолепия, известными колониальной Америке. Именно поэтому в 1750 году будущий Индепенденс-холл в Филадельфии увенчала высокая башня со шпилем, господствовавшая над окрестностями на многие мили вокруг. Известны и случаи обратного заимствования: позолоченный шпиль Петропавловского собора в Санкт-Петербурге (1730-е годы) осознанно отсылает к шпилю на здании Копенгагенской биржи, построенном столетием ранее.

Ил. XXXVIII

В викторианскую эпоху башнями обзаводились самые разные типы общественных зданий: ратуши, суды, вокзалы. Леопольд Эйдлиг писал в 1881 году: «Немного найдется тех, кто добровольно откажется от башни просто из-за ее функциональной и эстетической ненужности <...>, если ее наличие можно обосновать с помощью какого-нибудь хитроумного аргумента»²²⁸. Споры о границах применимости неоготики за пределами церковной архитектуры были в Англии довольно жаркими. По поводу школ и благотворительных учреждений консенсус был достигнут без особого труда. Правительственные и конторские здания, а также новая архитектура путешествий, включавшая гостиницы и вокзалы, оказались более спорным случаем. В германском мире позднесредневековые башни городских ратуш могли оправдать строительство неоготической ратуши в Вене при Франце Иосифе. Не кто иной, как Джордж Гилберт Скотт, уже прославившийся роскошной колокольной протестантской церкви Святого Николая в Гамбурге (1844–1845), мог десятилетие спустя защищать свой проект гамбургской ратуши с помощью следующего аргумента:

Ил. IV

Сама идея здания ратуши – идея готическая. Городские советы, олицетворением которых служат эти здания, – явление по сути своей тевтонское как по происхождению, так и по характеру. Таким образом, они должны рассматриваться в числе наиболее уважаемых и достойных быть увековеченными немецких учреждений²²⁹.

В отсутствие такого исторического обоснования башни амбициозных викторианских ратуш индустриальной Англии, вроде построенного Катбертом Бродриком в 1850-е годы здания городского совета Лидса, придерживались впечатляющих неоклассических форм, однако кое-где (например в Манчестере) сторонникам неоготики удавалось добиться своего. Но определить национальную символику небесной линии, оставшуюся неизменной в течение всего XIX века, было суждено Вестминстерскому дворцу, новому зданию британского парламента с его двумя величественными готическими башнями. В решении часовой башни с колоколом Биг-Бен богатый декор фламандских беффруа, как у башни Суконных рядов в Ипре, сочетался со стройностью итальянской кампанилы, а массивный параллелепипед башни Виктории (высотой 103 метра) напоминал одновременно о центральных башнях

228 Цит. по: *Meeks C.L.V.* The Railroad Station (1956).

229 *Germann G.* Gothic Revival in Europe and Britain (1972).

позднего готических английских соборов и о традиционной архитектуре замков и загородных имений.

Железнодорожные вокзалы стали совершенно новой типологией, не имевшей аналогов в прошлом, однако они немедленно начали обзаводиться башнями с часами, поскольку были новыми воротами города. Наряду с короткой волной увлечения итальянскими кампаниями мы видим и экзотические примеры, задуманные как выражение восторга от дальних странствий, вроде двух «азиатских» башен и усеченной входной пагоды вокзала Юнион-стейшн в Нью-Хейвене (Генри Остин, 1848–1849). Но с середины столетия все более популярными становятся башни в средневековом духе, хотя религиозные институты так до конца и не смирились с этим фактом. Бостонский вокзал Парк-Сквер-стейшн источник того времени описывает как «здание, скорее напоминающее церковное <...>, чья обладающая удачными пропорциями башня высотой 38 метров лишь усиливает эту иллюзию»²³⁰.

Рис. 286

До Промышленной революции первыми в списке исключительно светских составляющих небесной линии несомненно значились городские стены. Именно они производили самое раннее и самое яркое зрительное впечатление на путника, приближающегося к Каркассону или Марракешу. Благодаря своим вертикальным акцентам — например, башням, воротам с турелями или пагодам — сами стены выделялись на фоне небес.

Рис. 285

В Средние века именно так традиционно изображались города. Прекрасные примеры дает нам работа Симоне Мартини «Гвидориччо да Фольяно» в сиенском палаццо Публико, где показан *кондотьер*, скачущий между крепостями Сассофорте и Монтемасси. Поскольку сюжет картины посвящен завоеванию, образ городов здесь сугубо военный. С другой стороны, когда Сиена создает собственный портрет в аллегории «Плоды доброго правления» Амброджо Лоренцетти, она довольствуется изображением скопления гражданских построек, в первую очередь частных домов. Нечто среднее между этими двумя случаями — чисто описательное изображение «Город на берегу моря» в сиенской Пинакотеке. Художник — вероятно, снова Лоренцетти — совместил тут в небесной линии все компоненты итальянского города: замок, церкви, гражданские строения и окружающие город стены.

В случае традиционных каменных стен высотные доминанты (церковные шпили и т.п.) выглядывают из-за них на сколько-нибудь реалистичном изображении города подобно корабельным мачтам. За куда более низкими бастионами, распространившимися начиная с XVI века, все основные достопримечательности города видны гораздо лучше. Однако новая проблема состояла в том, что огромная ширина таких укреплений создавала дистанцию между приближающимся к городу путником и небесной линией.

Кое-какие разнородные вертикальные акценты доиндустриального города имеют функциональное оправдание. Маяк,

Рис. 285. Симоне Мартини, «Гвидо-риччо да Фольяно», 1330. Фреска в сиенском палаццо Пубблико. Два города, между которыми изображен всадник, – завоеванные в 1328 году крепости Сассофорте и Монтемасси. Решение добавить к пейзажу фигуру всадника было, вероятно, принято задним числом.

Рис. 286. Авила (Испания), общий вид с сохранившимися по сей день средневековыми стенами.

Ил. XXXVII

пожарная каланча и подобные им сооружения должны быть высокими, чтобы их было видно. Но только во времена Промышленной революции появились и стали привычными технологические доминанты будничной небесной линии. Стандартная фабричная труба оказывается колокольной и минаретом нового века. Для решений более конкретных задач изобретались все новые специализированные формы таких доминант, которые символизировали новую мощь города. Бристоль добавил к своей небесной линии бутылкообразные печи керамических и стекольных производств. Элеваторы высились в дальнем конце главной улицы в любом городке Айовы и Канзаса, а также по берегам рек и у железнодорожных путей на Среднем Западе США. В Оклахоме и Техасе нефтяные вышки стали воплощением богатства городских сообществ и предметом их гордости.

Рис. 113

Водонапорные башни — специфический феномен XIX века. В равнинной местности для подачи воды на верхние этажи зданий необходимо было давление, которое могло создаваться только благодаря размещению резервуара на достаточной высоте. В американских пристанционных городах водонапорная башня, предназначенная для заправки водой паровозов, стала начиная с 1840-х годов самым заметным — наряду с элеваторами — компонентом небесной линии. Такое сооружение могло быть каменным или кирпичным; позднее, уже на рубеже XIX и XX веков, появились сферические резервуары из листового железа.

Рис. 309

К водонапорным башням с примечательной архитектурой можно отнести башню Беязит в Стамбуле и Старую водонапорную башню в Чикаго, а в Германии — башню в мангеймском парке Розенгартен и башню в Вормсе, сложенную из того же красного песчаника, что собор, и стилистически адаптированную к прославленным романским памятникам города. В Менхенгладбахе водонапорная башня была целенаправленно построена как архитектурный акцент на вершине главного городского холма, куда сходились несколько прямых улиц. В последние десятилетия водонапорные башни возводятся из стали или бетона. Высокие резервуары из бетона впервые появились в Швеции и Финляндии, где они представляли собой сплюснутые конические оболочки. В странах, страдающих от недостатка пресной воды, таких как Саудовская Аравия, они располагаются большими группами, заставляя вспомнить о знаменитых гипостильных залах Луксора и Карнака.

Рис. 287

По мере того как на протяжении XX века мир двигался от производства товаров к эпохе коммуникаций и услуг, ажурные стальные антенны постепенно оказались вне конкуренции. Начиная со Штутгартской телебашни (1954–1955) все большее число таких конструкций возводилось не из стали, а из железобетона — с круглым или шестиугольным сечением ствола. Высотные телебашни были построены в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Лондоне, Йоханнесбурге, Ухане и Москве. Киотская башня расположена на крыше 10-этажного отеля, а телебашня в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) представляет собой мраморный ствол, который увенчан ограненной стеклянной сферой, отражающей по ночам звездное небо.

287

Рис. 287. Мариенкирхе и телебашня в Берлине. Построенный в конце XVIII столетия неоготический шпиль церкви Мариенкирхе (XV век) не способен соперничать со своим современным соседом, детищем властей ГДР. На момент своего возведения в 1969 году башня была всего второй по высоте в мире (365 метров) после московской. Ее главная приманка – сферическое Tele-Café, зависшее над городом на высоте пятидесятиэтажного дома.

Си-Эн-тауэр в Торонто пока остается самой высокой телебашней в мире (533 метра), но подобные рекорды обычно долго не держатся²³¹.

Чтобы привлечь к себе внимание и заставить себя полюбить, некоторые телебашни обзавелись смотровыми площадками и ресторанами с видами. Были и башни, которые специально сооружались для размещения панорамных ресторанов — например, Спейс-Нидл («Космическая игла») в Сиэтле, построенная ко Всемирной ярмарке 1962 года, отдельно стоящая башня с рестораном при отеле Reunion в Далласе (1976) и башня Сансфир («Солнечная сфера») в Ноксвилле, часть комплекса Всемирной ярмарки 1982 года. Их можно отнести к типологии рекламных доминант, которая не теряет популярности с момента возведения Эйфелевой башни. Эти странные объекты, лишенные ассоциаций как с промышленностью, так и с нашим коллективным прошлым, оказываются неплохими смысловыми центрами для градоформы, особенно если она лишена запоминающейся небесной линии; кроме того, они служат веским доказательством кризиса традиционных символов городской культуры.

Проектирование небесной линии

Если основная задача этой главы — определить, в какой мере заранее продумывается и целенаправленно изменяется небесная линия города, то мы уже узнали достаточно, чтобы прийти к выводу: если ориентироваться не на опыт современного капитализма, то стихийный подход к ее проектированию не является нормой. Но нам еще предстоит конкретизировать и развить эту мысль.

Для начала нужно оговориться, что выразительная небесная линия не всегда оказывалась так уж необходима. В некоторых культурах и в определенные периоды истории городов нормой были плоские, лишенные акцентов силуэты. Прежде всего это относится к Китаю. В китайском городе дома, храмы и правительственные здания по большей части представляли собой либо одноэтажные постройки, либо единые комплексы из нескольких корпусов в один или два этажа. И в том, и в другом случае в центре находилось огороженное открытое пространство, а применявшиеся материалы и стилистические решения были более-менее единообразными. Поскольку такие города не имели органов самоуправления, их небесная линия не должна была подчеркивать городскую автономию с помощью ратушной башни или иных гражданских монументов. Пагоды отдельных храмов действительно

²³¹ 0 водонапорных башнях и телебашнях см.: *Heintle E. and Leonhardt F. Towers, A Historical Survey* (1989).

Рис. 288. Эдо (ныне Токио), фотография Феликса Беато, 1865 (ср. рис. 179). На переднем плане – резиденция даймё. Японский город, как и его китайские аналоги того времени, демонстрирует плоский ландшафт крыш, образованный одно- или двухэтажными деревянными строениями, с редкими или вовсе отсутствующими вертикальными акцентами в небесной линии.

Рис. 289. Иерусалим, рисунок Артура Катчера из его книги «Новый Иерусалим» (1973). Историческая небесная линия на переднем плане пытается выстоять под напором современной застройки вроде жилого комплекса на Французском холме.

288

289

выделялись — как и некоторые башни городских стен, выполненные в форме пагод, цилиндрическая башня на центральной перекрестке и колокольня. Небесная линия китайского города по большому счету определялась кольцом его стен, а в случае столиц — еще и умеренным возвышением императорского дворца, который стоял на более высоком стилобате, чем остальные общественные здания.

Древний Рим — еще один интересный случай. На поздних этапах своего развития римские города обзавелись чем-то вроде небесной линии благодаря таким масштабным постройкам, как бани и амфитеатры, расположенные ближе к окраинам. С другой стороны, римские купола были плоскими, а обелиски устанавливались на разделительных полосах цирков, то есть на равнине, — то есть по высоте в городском пейзаже ничего сильно не выделялось. Исключением могли стать разве что портовые маяки, а порой еще и «небоскребы» наемного жилья, вроде того, который стоял неподалеку от Пантеона и который описывает Тертуллиан в трактате «Против валентиниан».

Другое мое замечание будет касаться мультикультурных городов вроде Иерусалима, где вынуждены сосуществовать несколько сильных культур, или Стамбула, где одна культура победила и вытеснила другую, не уничтожив ее до конца.

Ил. XXXIII

В случае Стамбула нам прекрасно знаком механизм присвоения захватчиками византийской небесной линии при помощи минаретов, пристроенных к купольным церквям. В Иерусалиме основная архитектурная доминанта подчиненной теперь культуры, Купол Скалы, по сей день господствует в панораме Старого города, хотя выстроенное израильскими властями периферийное кольцо общественных и жилых зданий, безусловно, изменило соотношение градоформы с окружающим ландшафтом. Когда в XIX веке получившие свободу вероисповедания католики ирландского города Арма приступили к строительству собственного собора, они разместили его на возвышенности рядом с городом, посреди которого на древнем холме стоит средневековый собор, принадлежащий протестантской Церкви Ирландии; для полной уверенности в своем первенстве они еще и снабдили новый храм двумя высокими шпилями.

Рис. 289

Завоеватели, осознавая всю важность небесной линии, порой целенаправленно накладывали связанные с нею ограничения на население оккупированной территории. Османские правители, например, не позволяли своим христианским подданным — скажем, в Болгарии — строить церкви с куполами, башнями или колокольнями и в принципе следили за тем, чтобы светские и религиозные сооружения христиан были ниже, чем у мусульман²³². После того как Болгария обрела независимость, важные общественные здания — школы, колокольни и часовые башни — часто демонстративно возводились на возвышенностях над господствовавшими доселе мечетями.

232 Gutkind E.A. Urban Development in Eastern Europe, Bulgaria, Romania, and the USSR (1972).

Некоторые принципы

Мы можем выделить ряд проектировочных критериев, которые определяют материальное качество небесной линии: среди них высота, очертания и ракурс. Первые два касаются отдельных компонентов небесной линии, третий — ее целиком. Воспользуясь случаем, напомним, что немецкое понятие *Stadtbild* включает в себя куда больше, чем только лишь архитектурные доминанты. Оно относится ко всему силуэту города в его взаимосвязи с природным ландшафтом, зачастую этот силуэт в первую очередь формируется композицией масс первой линии домов и дальнейшим наложением крыш. Ярким примером тут могут быть итальянские городки на холмах.

Высота

Высота всегда относительна, поскольку она воспринимается в сравнении с окружением конкретной доминанты. Весьма почетно быть самым высоким зданием в Европе, или к западу от Скалистых гор, или во всем мире. Однако впечатление, производимое самим зданием, зависит от того, что расположено рядом с ним. Конкуренция бывает глобальная или локальная. Готические соборы Северной Франции старались перещеголять друг друга в высоте нефов, числе башен и их высоте. Но господствующее положение каждого из них в небесной линии собственного города было неоспоримо. В 1787 году Екатерина II заложила в Екатеринославе — городе, названном в ее честь — великолепный собор, который Потемкин попросил архитектора «пустить на аршинчик [71 сантиметр]» выше, чем собор Святого Петра в Риме²³³. Но горожане никогда не осознали бы этого соперничества: для них собор был бы просто очень высоким храмом.

Рис. 276

Конкуренция небоскребов, опять-таки, одновременно происходит на общем и местном уровне. Каждый год мы слышим о завершении в той или иной точке земного шара строительства очередного небоскреба, обошедшего по высоте все предыдущие. Но настоящее сражение за небесную линию происходит на местах: здание компании IDS подавляет собой небоскреб-обелиск Уилбура Фошея в центре Миннеаполиса, а Сирс-тауэр вырывается вперед в Чикаго, на родине небоскребов.

Ограничения высотности — вечная тема в истории градостроительства. Они имелись и в Риме эпохи Августа, и в елизаветинском Лондоне. Хотя эти правила были вызваны соображениями конструктивной надежности и пожарной безопасности зданий, их влияние на городской силуэт очевидно.

Формируя свою небесную линию, города освобождали некоторые типы зданий от высотных ограничений. Например, действие британского Акта о Лондоне 1888 года, который вводил предельную высоту зданий либо в 80 футов (24,5 метров), либо равную ширине улицы, не распространялось на шпили церквей. В Стокгольме похожие поблажки для церковных шпилей отменили уже после окончания Второй мировой войны. Сегодня высотные ограничения в большинстве случаев

не распространяются на некапитальные конструкции, что позволяет спокойно устанавливать телевизионные антенны на крыши.

Рис. 290

Новое здание городского совета Лос-Анджелеса было освобождено от действовавшего тогда ограничения в 150 футов (46 метров) в ходе общегородского референдума 1926 года, что позволило ему достичь трехкратной предельной высоты (эквивалент 32 этажей) и стать центральным элементом непримечательной до той поры небесной линии. Исключение также было сделано еще для двух зданий: Дворца правосудия (штаб-квартиры полиции округа Лос-Анджелес) и местного отделения Почтового ведомства США. Оба они оказались в итоге существенно ниже, чем здание городского совета, так что не оспаривали его превосходства. Ограничение в 150 футов, впервые введенное в 1911 году, оставалось в силе — в основном из-за опасности землетрясений — до 1956-го, когда оно было отменено особой поправкой в городскую хартию. В результате строительство небоскребов не затронуло Лос-Анджелес — это единственный из крупнейших городов Америки, который на протяжении нескольких поколений не вносил вклад в национальную сокровищницу высотного строительства. Как писал в 1941 году сторонний наблюдатель, облик центрального делового района Лос-Анджелеса оставляет такое впечатление, будто ты находишься в маленьком городке: «Из-за отсутствия небоскребов это совсем не похоже на важный городской центр»²³⁴.

В Чикаго ограничения высотности существовали, видимо, уже в 1880-х годах. К началу XX века город остановился на максимальной высоте в 130 футов (39,6 метров) — в сравнении с бостонскими 125 футами (38,4 метров), — а в 1920 году удвоил этот предел. В нью-йоркских правилах застройки и зонирования 1916 года впервые возникло понятие отступа. Предельная высота зданий определялась как кратная к ширине улицы. Было выделено пять высотных зон, от «однократной», где максимальная высота была равна ширине улицы, до «двухспловинократной», где она составляла ширину улицы, умноженную на 2,5. Выше этих отметок здания должны были отступать от красной линии, руководствуясь различными пропорциями. В «двухспловинократной» зоне на каждые пять футов (полтора метра) превышения предельной высоты полагалось сделать отступ в один фут (30 сантиметров). При этом не вводилось никаких абсолютных ограничений по высоте, вроде тех, строгое следование которым привело к возникновению монотонной небесной линии Гонолулу, «похожей на зубцы гребенки, растянувшейся на несколько миль вдоль океанской набережной»²³⁵.

В США определенные полномочия оспаривать высоту зданий, которые могут помешать полетам над городами, имеет Федеральное управление гражданской авиации — как правило, это относится к зонам воздушных подходов крупных аэропортов. Формально, строительство любого здания, проектируемая высота которого превышает 60 метров, возможно только после

²³⁴ Цит. по: Robbins G.W. and Tilton L.D., eds. Los Angeles (1941).

²³⁵ Pastier J. in Design Quarterly, 1988. No. 140.

Рис. 290. Здание городского совета Лос-Анджелеса, 1926. Оно утратило статус самого высокого в городе после того, как в 1956 году были отменены действовавшие с 1911-го высотные ограничения и вокруг вырос целый лес офисных башен.

Рис. 291. Лаборатория средового моделирования в Калифорнийском университете в Беркли.

290

291

уведомления Управления, однако последнее слово в определении высотных ограничений и правил зонирования остается за местными властями.

Как мы можем заранее определить воздействие нового сооружения на небесную линию? Существуют некоторые «народные средства». В районах малоэтажной жилой застройки по сей день бытует практика устанавливать шест, равный по высоте проектируемому зданию. Разумеется, такой подход неприменим в случае небоскребов, но и здесь есть свои методы. В Англии высота зданий в течение длительного времени ограничивалась длиной 100-футовой (30-метровой) пожарной лестницы, и когда Кембриджский университет в 1962 году предложил построить три высотные башни рядом со Старой Кавендишской лабораторией, «для оценки возможного влияния будущих построек на уровень их будущих верхних этажей подняли множество воздушных шаров»²³⁶. Вид получился достаточно пугающим, чтобы местные градостроительные власти отказали в выдаче разрешения на строительство.

Более изощренный метод — это фотомонтаж, где проектируемые здания показаны в контексте существующей городской среды. Детальность проработки в таких случаях очень сильно варьируется. Для лондонской башни Миллбанк-тауэр на набережной Темзы «со всевозможных точек в радиусе мили от места строительства была снята целая серия фотографий, на которые накладывалось тщательно просчитанное изображение будущего здания»²³⁷. Сейчас даже этот подход кажется весьма архаичным. Компьютеры и методы графического моделирования выдают самую разнообразную информацию, на которой основываются решения, определяющие судьбы целых состояний и будущее самих городов. В момент своего создания в 1969 году Лаборатория средового моделирования в Калифорнийском университете в Беркли в основном занималась оценкой непосредственного воздействия проектируемых высотных зданий на близлежащую местность, но со временем ее сотрудники освоили и точную визуализацию изменений небесной линии. Если сегодня мы и допускаем грубые градостроительные ошибки, то никак не из-за невозможности предварительного количественного анализа.

Рис. 291

Однако могущество и алчность крупных застройщиков еще только предстоит обуздать, так же как и нашу общую терпимость к вертикальной гигантомании. Теперь, когда 50-этажные высотки не вызывают особенного интереса, небоскребы, поднявшиеся до Второй мировой войны, кажутся нам весьма скромными. Не желая мешать планам международных корпораций и боясь спугнуть их, ведь те могут перебраться в другие города, местные власти все же предпринимают слабые попытки защитить виды на городские и природные ландшафты.

Иногда это делается в форме джентльменского соглашения, но далеко не каждый в таких обстоятельствах оказывается джентльменом. Совершенно ясно, что если города всерьез хотят, чтобы их основные символы по-прежнему доминировали

в небесной линии, то им нужно прописать в законодательстве соответствующие механизмы.

Некоторые американские города ушли по этому пути дальше других. Власти Мэдисона (штат Висконсин) приняли в 1977 году такое решение: «Ни одна часть какого-либо здания или сооружения, расположенного в пределах одной мили от центральной точки Капитолия штата, не может находиться выше основания колонн вокруг купола упомянутого строения <...>. Этот запрет не распространяется на флагштоки, коммуникационные вышки, церковные шпили, лифтовые коробки и дымовые трубы, превышающие указанную высоту, если на них получено особое разрешение». На следующий год Литл-Рок (штат Арканзас) одобрил городской закон, который гласил, что «так как символическое воздействие здания Капитолия штата в большей мере зависит от заметности его купола как уникального элемента небесной линии, никакие новые строения не должны превышать уровень основания этого купола»²³⁸.

Совершенно исключительным для США случаем, как всегда, стала федеральная столица — Вашингтон. Благодаря до сих пор не отмененному закону 1910 года, установившему максимальную высоту застройки в 130 футов (39,6 метров), что примерно совпадало с бостонскими и чикагскими ограничениями того времени, он остается самым горизонтальным городом страны. Этот документ не упоминает ни о небесной линии, ни о Капитолии США, ни о любом другом памятнике архитектуры. Часто упоминаемая привязка ограничений к высоте купола Капитолия — это миф, так как купол достигает отметки в 96 метров. Тем не менее этот закон сослужил городу добрую службу. Все попытки девелоперов и строителей пролоббировать его пересмотр были успешно отбиты движением за охрану памятников, которое боролось за запрет на высотное строительство на всей территории проекта Ланфана и постепенно расширило охранную зону вплоть до окружающих город холмов.

Очертания

Анализ общей композиции масс, а также формы зданий — это хороший способ различать конкурирующие в пределах одного исторического этапа программы (например, замок и ратушу) или фиксировать смену одного режима или периода другим, как в случае купола Брунеллески в средневековой Флоренции. При резкой смене власти новые режимы стараются добавить к небесной линии новые элементы, которые четко отделят их от предшествующей истории. Фашисты хотели присвоить себе силуэты итальянских городов с помощью башен (*Torre Littoria*), но им это не удалось.

В Москве Дворец советов должен был переориентировать всю небесную линию города на единственную доминанту. В своем проекте 1933 года Борис Иофан предлагал соорудить приземистую трехярусную башню с венчающей фасад скульптурой «Освобожденного пролетария» высотой 18 метров.

Рис. 295 На следующий год его новый вариант вытянул здание вверх и водрузил на него статую Ленина высотой уже 79 метров. Вождь стоял в позе, которая впоследствии станет канонической, — со стопкой листов в одной руке и другой рукой, вытянутой по направлению к слушателям и будущему. Этот проект стал центральным элементом «сталинского» Генерального плана Москвы 1935 года. Строительство началось в 1937-м, но было прервано из-за войны.

В 1920-е годы молодая Веймарская республика также пыталась подчеркнуть свои отличия от свергнутого режима, поощряя появление в сердце Берлина офисных башен — новой, бросающейся в глаза типологии, подаваемой как символ «демократии больших городов». Было проведено несколько архитектурных конкурсов, направленных на создание нового высотного силуэта города. Мартин Вагнер писал в 1922 году:

Народ едва дышит под бременем ежедневной рутины, но архитекторы — мечтают! Они строят высокие башни. Идея высоток захватила их. Прежде они проектировали и строили гигантские монументы Бисмарку, а теперь точно так же работают над устремленными в небеса зданиями корпораций, хотя эти небеса и сделаны из бумаги²³⁹.

Поступавшие проекты были смелы и изобретательны — их абстрактные формы подчеркнуто отличались от историзма американских небоскребов. Самым ярким из них был стеклянный небоскреб Миса ван дер Роз, предвосхитивший зеркальные фасады высоток послевоенной эпохи.

Рис. 292

Но веймарские годы прошли, не оставив зримых свидетельств подобного новаторства. Построенные тогда корпоративные штаб-квартиры были в основном приземистыми громадами, почти никогда не превышавшими отметку в десять этажей, и располагались не там, где их хотели видеть градостроители, мечтавшие о преображении небесной линии Берлина, но рядом с основным предприятием компании или на ранее приобретенном земельном участке. К 1933 году, когда к власти пришли нацисты, проекты высотных зданий всячески подчеркивали горизонтальность этажей. Новая власть не любила небоскребы за их иностранное происхождение и отводила им незначительную роль. На центральной оси Берлина по версии Гитлера и Шпеера предполагалось построить всего два высотных здания, да и то отодвинутых вглубь кварталов и предназначенных для весьма прозаических целей — они должны были стать гостиницей и зданием аппарата Верховного командования вермахта.

Рис. 263

После войны Западная Германия приняла идею высотного строительства, хотя и не на территории исторических центров. В ГДР дела обстояли сложнее. Согласно Закону о восстановлении и строительстве городов от 1950 года, «политические, культурные и административные функции должны размещаться в центрах городов <...>, а их силуэт должен характеризоваться

Рис. 292. Людвиг Мис ван дер Роэ, проект, поданный на конкурс по застройке района Фридрихштрассе, 1922. Архитектор предложил соорудить в историческом центре Берлина революционный небоскреб из стекла и стали. Как принято считать, проект, полностью проигнорированный жюри конкурса, был вдохновлен внешним видом стальных каркасов строящихся американских высоток.

крупными монументальными зданиями»²⁴⁰. Своего рода небоскреба должен был присутствовать в этом ансамбле в качестве отличительного признака небесной линии регионального административного центра. Местные предпочтения иногда расходились с общегосударственной политикой. К примеру, в Дрездене городские власти ратовали за сохранение исторического облика разбомбленного города, что означало возвращение прежней небесной линии. Они успешно противились намерениям ЦК партии и особенно правительства возвести господствующую над городом современную башню, которая разрушила бы историческую атмосферу²⁴¹.

Как бы то ни было, планы по строительству одиночных башен для партийных властей в Берлине, Дрездене, Магдебурге и Шталинштадте (Айзенхюттенштадте) так и не были осуществлены. То же самое произошло и в столицах других государств соцлагеря, вроде Софии и Бухареста. Но идея единственной венчающей небесную линию башни пережила смерть Сталина и конец соцреализма. При новом руководстве такие проекты принимали модернистские очертания, а образность могущества бюрократической власти уступила в них место символике научно-технических достижений — там должны были теперь размещаться дирекции предприятий и центры прикладных исследований.

Две такие башни были построены в ГДР, обе на территории университетов. В Йене небоскреб имел форму стеклянного цилиндра, символизируя таким образом линзу, то есть местную оптическую промышленность; в Лейпциге появился издательский центр в форме раскрытой книги. Тем временем использованию башен в качестве жилых домов начал придаваться особый национальный символизм. Вернувшийся к модернизму Герман Гензельман писал о своих высотных жилых зданиях на Карл-Маркс-аллее:

Башня для нашего народа, как вряд ли для
какого еще, — символ стойкости, выносливости и силы.
В немецком языке концепция башни используется для
выражения тех же идей²⁴².

Говоря об очертаниях, я должен также затронуть вопрос массивности. Ясно, что существует огромная разница между телевизионной башней или видовой вышкой с одной стороны и градирнями атомной электростанции с другой. Господство того или иного элемента в небесной линии очевидным образом зависит не от высоты — или, по крайней мере, не только от нее. В своей книге «Небесные линии» Уэйн Атто напоминает, что споры, разгоревшиеся в Дареме в 1944 году вокруг строительства электростанции в километре от знаменитого английского собора, велись как раз не о высоте, а о масштабах. Необъятные габариты нового сооружения, как утверждали его противники,

Рис. 224

²⁴⁰ Dieffendorf J.M. in Urban Studies, 1989. No. 26.

²⁴¹ См. Dieffendorf J.M., ed. Rebuilding Europe's Bombed Cities (1990).

²⁴² Цит. по: Borngraber C. Residential Buildings in Stalinallee (1982).

отвлекали бы от собора, несмотря на то что электростанция должна была быть значительно ниже его и располагалась бы в отдалении (в итоге от планов строительства отказались, а небесная линия Дарема теперь защищена законом). В том же духе в 1962 году в своих рекомендациях по отбору новых проектов высказывался главный архитектор Оксфорда. Подчеркивая «чрезвычайную хрупкость» небесной линии и «колючесть силуэта города», он писал: «Добавление любых массивных элементов неизбежно разрушит эту важнейшую особенность»²⁴³.

Ракурс

Этот критерий связан с тем, как гость города непосредственно воспринимает небесную линию. Традиционный город был небольшим и воспринимался более непосредственно, поскольку пригороды не окружали его со всех сторон. На самом деле первым элементом небесной линии, который видел путник, чаще всего были крепостные стены. Сегодняшние города — крупные и лишенные четких границ поселения, поэтому самые разные доминанты вырастают перед нашим взором на городских окраинах еще до того, как у нас появляется возможность осознать символические взаимосвязи в центре городе, даже если последние уцелели благодаря защите со стороны закона. Например, в случае Вашингтона до момента, пока вдали наконец начнут вырисовываться монумент Вашингтона и купол Капитолия, гостю приходится проигнорировать целое кольцо высоток, окруживших горизонтальный город Ланфана. К специфическим особенностям сегодняшней ситуации относятся и необходимость как-то представить город пользователю скоростных автомагистралей, который впервые видит его под странным углом и с большой высоты. Виды городов с воздуха также стали настолько привычными, что канонизация конкретных изображений такого рода кажется неизбежной. Книги Роберта Камерона из серии «Над...» — сегодняшний эквивалент панорам Андреаса Фейнингера и Альфреда Стиглица.

Можно выделить три традиционно важных типа видов небесной линии: с дороги, ведущей в город; с реки или моря; и с высоких точек в пределах города или в его окрестностях — тут примерами могут быть Пинчо и Яникул в Риме, городок Брунате над озером Комо и Монмартр в Париже. Самые ранние виды Парижа были в самом деле сделаны с Монмартра около 1415 года. Помимо естественных смотровых площадок, вид на город открывался с высоких зданий. Подъем на колокольни и купола остается популярным времяпрепровождением на протяжении многих веков. Сегодня, разумеется, тут необходимо упомянуть и небоскребы. Смотровая площадка на вершине здания корпорации RCA в Рокфеллеровском центре «была самой просторной в США — благодаря ее вместимости там могли побывать до полумиллиона посетителей в год»²⁴⁴. На верхнем этаже отеля Empire в Сан-Франциско в 1938 году открылся ресторан Sky Room с круговой панорамой города, послуживший образцом для всех вращающихся ресторанов,

идеальное место для которых найдется, как мы уже знаем, на телебашнях, а также на башнях, специально предназначенных для ужинов с видом на город.

Ил. XXXI С воды, как правило, на город открывается широкий, последовательно меняющийся вид. Небесная линия города оказывается для движущегося наблюдателя устойчивой частью в окружающей среде, а обрамление из воды и небес придаст блеск даже самой заурядной градоформе. Далекий силуэт становится детальнее и разнообразнее по мере приближения к берегу. Таким образом, лучше всего для этого ракурса подходит та небесная линия, в которой совмещены элементы разных масштабов, соответствующих целой череде точек обзора. Высокий маяк, подобный знаменитому Александрийскому, или гигантская статуя, как Колосс Родосский или статуя Свободы в Нью-Йорке, служат прекрасными указателями на городскую панораму, которая вот-вот покажется за ними. Навершие здания — купол или шпиль — может выполнять схожую роль. Для того чтобы встречать прибывающих по морю гостей, городам, расположенным дальше от берега, остается полагаться только на высоту. Ослепительно белый абрис Парфенона на высокой открытой площадке Акрополя символизировал Афины для пассажиров кораблей, прибывавших в порт Пирея. Позолоченное острие копья Афины Промахос, огромной бронзовой статуи богини при входе на Акрополь, было видно с еще большего расстояния.

Сухопутные пути раскрывают город взгляду более прицельным образом. В той мере, в какой город заботится о первом производимом им впечатлении, он может подправлять траекторию дороги и компоновать приветствующую путника картину с учетом некоей художественной или идеологической задачи. Во все времена подъездные дороги часто прокладывали точно по оси тех или иных элементов небесной линии. Вольфганг Браунфельс писал:

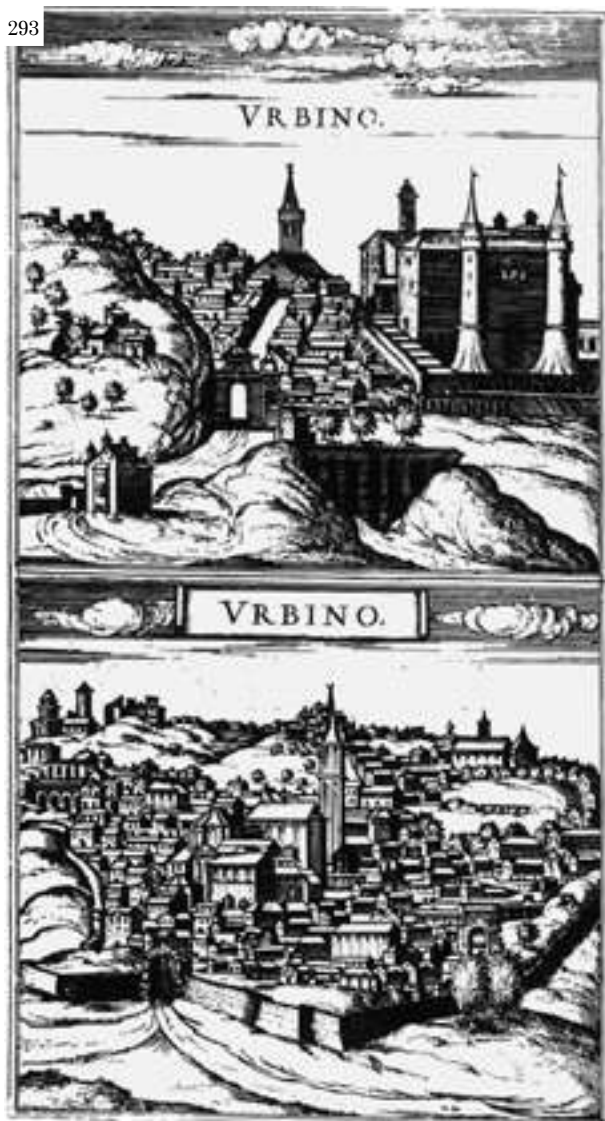
Наполеон не был первым, кто сориентировал связывающие города дороги на церковные шпили. Большинство средневековых дорог также прокладывались таким образом, чтобы вести напрямик к башням соборов или городских церквей²⁴⁵.

Рис. 293 Урбино — прославленный пример целенаправленно скомпонованного города. Не так давно ученые обратили внимание на то, как его небесная линия сменила в течение XV века свой канонический ракурс, чтобы соответствовать политике своего правителя, герцога Федерико да Монтефельтро. Ключевым решением было добавление к его новому дворцу фасада в виде триумфальной арки, который в первую очередь открывался взору тех, кто подъезжал к городу с юга, из Рима, по тракту, шедшему вдоль древней Фламиниевой дороги. С этих пор небесная линия города начала изображаться с этой стороны, в отличие от более ранних видов с востока. В другой своей работе я описал общий посыл такой перемены: особенные отношения Федерико и папы Сикста IV, который пожаловал

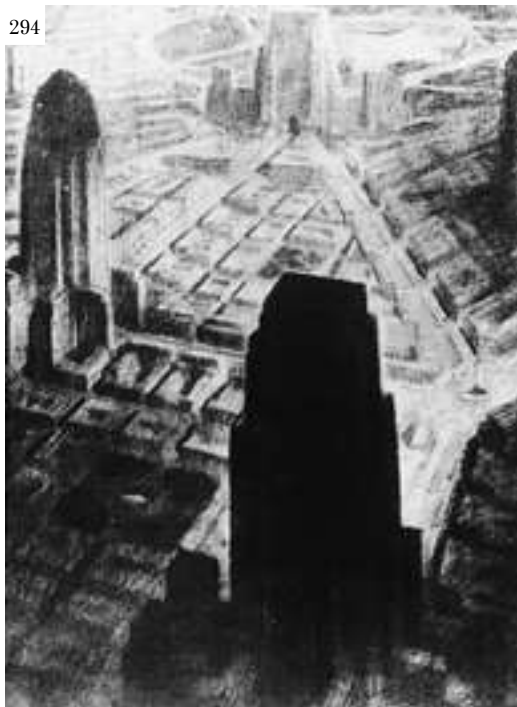
Рис. 293. Урбино (Италия), два вида из «Атласа городов земного мира» (1587), с юга (вверху) и с востока (внизу). К середине XVI века традиция изображения города поменялась: на смену восточному ракурсу с его акцентом на городе и соборе пришел вид с юга, где господствовал украшенный башнями фасад герцогского дворца.

Рис. 294. Хью Феррис, «Воображаемый метрополис», рисунок углем из книги «Метрополис завтрашнего дня» (1929). Небоскребы высотой в 305 метров равномерно распределены среди окружающей их шестиэтажной застройки. Это была реакция Ферриса на плотно застроенные небоскребами центральные деловые районы, сложившиеся в Нью-Йорке и Чикаго. Подошва каждого такого небоскреба соответствует 6-8 кварталам городской решетки.

293

294

ему титул герцога и сделал его гонфалоньером Церкви и рыцарем Святого Петра. Дворец должен был соответствовать новообретенному статусу своего владельца, а подчеркнутая ориентация здания в сторону Рима символически признавала покровительство понтифика. Вид небесной линии с востока, в свою очередь, подчеркивал первостепенное значение религиозных сооружений, тогда как дворец присутствовал там лишь как едва заметная деталь с левого края.

Такая целенаправленная смена основного ракурса возможна только в городах масштаба Урбино. В случае более крупной и сложной градоформы управление небесной линией всегда сводится к распределению доминант относительно разных ракурсов. Джон Ивлин понимал это, когда указывал в записке, приложенной к проекту реконструкции Лондона после Великого пожара, что его новые церкви будут «расположены в тех местах и на таком расстоянии друг от друга, чтобы способствовать украшению силуэта города, как он видится со всех дорог»²⁴⁶.

Рис. 212

В этой связи мы постоянно видим конфликт между вековой традицией плотно застроенного монументального ядра и тенденцией открытого города к разрастанию. Центральный деловой район крупного американского города XX века дает нам пример современного варианта этого конфликта. Идея, что небоскребы должны быть рассредоточены по всей небесной линии, а не скапливаться в нескольких центральных кварталах, впервые возникает в конце 1920-х годов. Именно в этот период было выдвинуто сразу несколько таких проектов развития Нью-Йорка. Автор одного из них — Эдвин Максвелл Фрай, принимавший участие в работе над Региональным планом Нью-Йорка, опубликованным в 1929 году.

Рис. 294

Еще один вариант представил Рэймонд Худ. Он предлагал расположить небоскребы рядом с основными станциями подземки по всей территории города. В книге Хью Ферриса «Метрополис завтрашнего дня» (1929) небоскребы также стоят на значительном удалении друг от друга, хотя подосновой планировки все равно остается решетка Манхэттена. Феррис поясняет, что «несмотря на то что они [высотные здания] не расположены абсолютно равномерно и их распределение не подчинено шахматному порядку, очевидно, что места для них были избраны, следуя некому общегородскому плану». Однако все эти проекты так и остались на бумаге, поскольку ни глубоких экономических подвижек, которые требовались для осуществления подобных планов, ни изменений в практике зонирования не случилось.

Даже в наше время методы побудительного зонирования, рассчитанные на соглашение по доброй воле, как правило, не особенно эффективны при решении вопроса о разумном рассредоточении высотной застройки. Среди таких методов можно назвать передачу прав на застройку в форме сноса и нового строительства на какой-либо иной участок — обычно такой перенос используется для сохранения исторических зданий. Также может быть сформирована система экономического

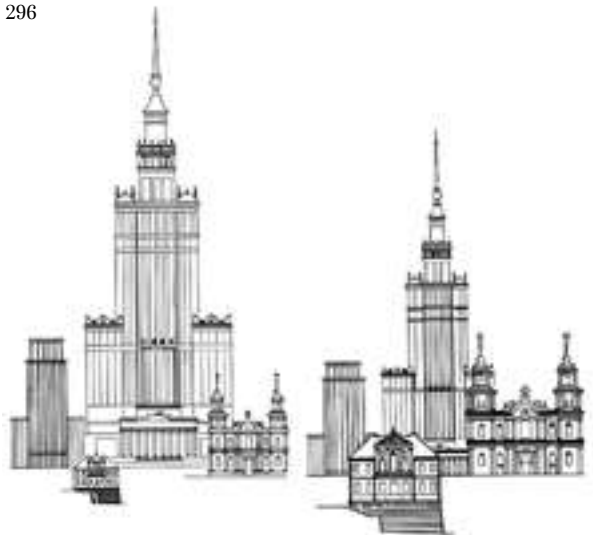
Рис. 295. Художественный эскиз проекта реконструкции Москвы, около 1950 года. Вид на запад из центра города с Кремлем на переднем плане. Не построенный Дворец советов стоит справа от реки, 36-этажный небоскреб Московского университета (завершен в 1953 году) виден слева вверх. Три остальные высоты, слева направо – это здание Министерства иностранных дел (27 этажей, 1951), гостиница «Украина» (29 этажей, 1956) и жилой дом на площади Восстания (18 этажей, 1954).

Рис. 296. Дворец культуры и науки в Варшаве, 1952–1955. На двух схемах высота сравнивается с некоторыми примечательными зданиями города (а) по абсолютной величине и (б) в относительном масштабе, как они воспринимаются при приближении к центру от восточного берега Вислы.

295

296

поощрения рассредоточения, включающая различные льготы — снижение налогов, налоговые кредиты и отсрочки платежей — для застройщиков, согласных строить высотные здания в отдалении от центрального делового района.

Рис. 295

В Москве тоже заинтересовались стратегией построения новой небесной линии в общегородском масштабе с помощью определения местоположения высотных зданий правительственными органами. Там такие проекты могли быть — и были — реализованы. Идея городского силуэта, сформированного вокруг Дворца советов с его колоссальной статуей Ленина на вершине, была оставлена после Второй мировой войны, так что в 1947 году выдвигается новый проект «системы высотных доминант». Задача состояла в восстановлении читаемости небесной линии как способа ориентации в городском пространстве — такая читаемость, прежде присущая Москве, была утрачена в 1930-е годы в ходе беспорядочного сооружения однотипных жилых зданий высотой от шести до восьми этажей. Это «ожерелье вертикальных ориентиров» было размещено вдоль Садового кольца, очерчивающего центр города, с одной более отдаленной высоткой Московского университета, задуманной в качестве финальной точки новой городской оси, которая чередой широких бульваров должна была протянуться от площади Дзержинского, вдоль северо-западной стороны Кремля и до Ленинских гор. Восемь — или девять, если считать сравнительно низкую башню гостиницы «Пекин» (1946–1950), — высоток планировалось разместить в стратегически важных точках города. Построены были все, кроме одной. Если бы проект Дворца советов был все же реализован, итоговая небесная линия повторяла бы, в грандиозном масштабе, исторические очертания Кремля — ансамбля крепостных башен, окружающих 80-метровую колокольню Ивана Великого, которая когда-то была самым высоким сооружением на Руси, заметным с расстояния в 25 километров.

Завершенные высоты служат оформлением парадных въездов в город. Шесть расположены рядом с перекрестками радиальных магистралей и Садового кольца, а три — в непосредственной близости от железнодорожных вокзалов. Помимо общей визуальной роли, эти здания не должны были выполнять какую-то одну функцию. Три из них (считая «Пекин») — гостиницы, два — министерства, два — жилые дома, и одно — университет. Довольные расположением и формой своих высоток, но желая исключить саму возможность их сравнения с небоскребами идеологического противника, советские власти на страницах «Большой советской энциклопедии» 1954 года издания объявили американские небоскребы символами капиталистической страсти к наживе, беспорядочное распределение которых в городе грубо нарушает «принципы архитектурного ансамбля» и воплощает «упадок буржуазной художественной культуры».

Стандартной формой свободностоящего советского небоскреба служит прямоугольный ступенчатый каркас, увенчанный тонким шпилем. Разумеется, это решение окрестили «свадебным тортом». В начале 1950-х годов эта типология начала распространяться по Восточной Европе. Наиболее

Рис. 296 известный пример — Дворец культуры и науки в Варшаве, «братский дар Советского Союза польскому народу». Его высота составляет 234 метра, а в его верхней части использованы мотивы польской светской архитектуры Средневековья (например, Гданьской ратуши). Предполагалось, что он станет фокальной точкой нового центра Варшавы, расположенного в полутора километрах к югу от исторического Старого города. Расположение Дворца было не случайным. Проектировщики послевоенной Варшавы стремились продемонстрировать, что новые элементы небесной линии, появление которых было неизбежно, будут работать в унисон с уже существующей городской тканью, а не вопреки ей. Споры о будущем силуэте почти полностью разрушенного города были бурными — это воспринималось как вопрос первостепенной важности. Как писал один из их участников:

Почти полное уничтожение непосредственно примыкающих к реке городских кварталов сделало возможным, на уровне генерального плана, возвращение к прежним принципам композиции <...>. Проблема архитектурных форм отдельных частей города, и в особенности распределения вертикальных акцентов, будет решена как с учетом сложившихся традиций, так и благодаря творческому подходу к созданию общегородского силуэта, воспринимаемого с различных точек обзора²⁴⁷.

Основная мысль тут, кажется, такая: даже если новые небоскребы окажутся в несколько раз выше самых высоких зданий восстановленного Старого города, пути приближения к ним будут проложены таким образом, что исторические памятники станут открываться взору в первую очередь, представляя собой объекты переднего плана на фоне отдаленных очертаний высоток. Предполагается, что к тому моменту, когда человек приблизится к высоткам, Старый город останется уже позади и, соответственно, не будет ими подавлен.

Цвет и свет

Вид Москвы, при приближении к ней, очарователен, и я не могу сравнить с ней ни одного города Европы. Всего красивее Москва с Воробьевых гор: бесчисленные золотые и зеленые купола и колокольни (каждая церковь имеет по 3 купола, большая часть по 5, некоторые по 13, а всех церквей в Москве до 400) в целом море красных крыш; посреди города, как плавающая в воздухе корона, возвышающийся на горе Кремль...²⁴⁸

Так писал барон Август фон Гакстаузен в своей книге «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847). У барона были все основания находиться под сильным впечатлением. Многоцветная небесная линия такого типа — редкость не только в Европе, но и вообще в мире. Тем не менее цвет всегда был

²⁴⁷ Town Planning Review, Oct. 1957.

²⁴⁸ Пер. Л.И. Рагозина.

одним из основных средств подчеркнуть силуэт города. Созданный Брунеллески купол флорентийского собора выделяется не только благодаря своим благородным очертаниям, но и за счет контрастного сочетания кирпичных граней с ребрами и фонарем из каррарского мрамора. Азиатские гопуры и пагоды всегда отличались великолепной раскраской — у многих из них она давно поблекла, однако некоторые потом расписываются заново. В середине XX века на проведенном в Мадуре референдуме было принято решение вернуть городским гопурам описанные в древних источниках яркие цвета.

С другой стороны, тщательно продуманный полихроматизм построенных в стиле ар-деко нью-йоркских небоскребов практически незаметен для современного наблюдателя. Возможно, под влиянием немецкого экспрессионизма в отделке таких высоток использовался кирпич самых разных оттенков: в случае стоящей на Риверсайд-драйв башни Мастер-билдинг (1928–1929) — от темно-фиолетового у основания до светло-серого на самом верху. Этот оптический прием предположительно делал здание визуально выше и создавал иллюзию солнечного света даже в пасмурный день²⁴⁹.

Позолота была распространенным способом выделить архитектурные доминанты. В Древнем Риме позолоченная черепица покрывала крыши Пантеона и базилики Ульпия, стоявшей на форуме Траяна. Пагода Шведагон в Рангуне отделана более чем восемью тысячами золотых пластин, а ее шпиль украшен бриллиантами, рубинами и сапфирами. Купол Капитолия штата Массачусетс в Бостоне был покрыт сусальным золотом в 1874 году, почти век спустя после его возведения; эти затраты оправдали себя, позволив куполу оставаться заметным элементом небесной линии даже спустя много лет после того, как вокруг него выросли куда более высокие здания.

Для многих городов характерны свои особые цветовые решения. Париж — серый, Сан-Франциско — белый. Время от времени мы видим прямое административное регулирование, направленное на сохранение такой общегородской гаммы. В Иерусалиме, например, все современные здания на окраинах должны обязательно облицовываться «иерусалимским камнем», известняком пастельно-желтого оттенка; в результате весь город сияет золотом на восходе и на закате.

Ил. XXXIX

Случившееся около ста лет назад изобретение электрического освещения, а потом и его широкое распространение в городской среде сделали возможной доселе неизвестную ночную небесную линию. Еще позднее распространение газоразрядных трубок привело к возникновению аляповатых световых узоров Лас-Вегаса. На заре своего существования эти технологии наверняка казались настоящим чудом. Из воспоминаний очевидцев мы знаем, какой эффект произвело на гостей Всемирной Колумбовой выставки 1893 года первое включение ночной подсветки «Белого города», экспозиционного комплекса, расположенного на берегу искусственного озера в южной части

Чикаго. Тридцать пять лет спустя появление гигантских неоновых букв PSFS на крыше здания компании Philadelphia Savings Fund Society стало еще одной вехой этого рода.

В 1937 году пять красных светящихся звезд были водружены на башни московского Кремля. В ходе послевоенной реконструкции форма и размер каждого такого светильника из рубинового стекла в оправе из позолоченной нержавеющей стали были приведены в соответствие с архитектурными особенностями конкретных башен. Звезды светят круглые сутки и медленно вращаются от дуновения ветра. Ни Иван Грозный, ни Петр I не могли бы даже представить себе волшебную небесную линию такого рода.

Небесная линия современного города

Ил. XXIII

Реальную ситуацию, в которой существует современная небесная линия, можно описать несколькими штрихами. С одной стороны, общий рост размеров рядовых зданий привел к тому, что они затмили публичные символы, которые традиционно господствовали в небесной линии. Париж барона Османа превратил в памятник каждый многоквартирный дом, создав целый городской ландшафт гражданской архитектуры, в котором настоящему памятнику выделиться куда сложнее. В то же самое время возникли здания промежуточной степени монументальности, зрелищные кровли которых господствовали над каким-то одним районом города. Хороший пример тут — парижские железнодорожные вокзалы, а также реконструированное здание Лувра. Следуя аналогичной логике, теперь требовалось соблюдать иерархию доминант, несущих символическую нагрузку. Новое здание парижской мэрии обязано было быть более крупным и монументальным, чем мэрия городского округа или приходская церковь, которым, в свою очередь, полагалось затмевать больницу или среднюю школу.

С другой стороны, эта всепроникающая монументальность облагородила архитектуру зданий, предназначенных для размещения частного бизнеса и решения иных прозаических задач, — банков, универмагов и так далее. В итоге невозможно было далее соблюдать традиционное разделение светских и религиозных зданий по размеру и степени заметности в городском ландшафте. Какие же способы существовали теперь для выделения властных и религиозных институций на фоне общего гигантизма городской формы? И если город был готов смириться с такими переменами, найдя им какое-то оправдание, какие новые постройки могли хотя бы частично заменить церкви и ратуши в качестве публичных символов общественных ценностей?

Поначалу города пытались принять вызов, брошенный им новыми масштабами. Церковь Сакре-Кёр в Париже мало того, что имеет купол высотой в 83 метра — выше, чем башни собора Нотр-Дам, — так еще и поставлена на холме, вершина

Рис. 300

которого на 104 метра выше уровня Сены. Купол здания городского совета, спроектированного Дэниелом Бернемом вместе с генеральным планом Чикаго 1909 года, парил над в несколько раз более низкими небоскребами. Другая стратегия заключалась в том, чтобы выйти из города, чья визуальная перегруженность делает невозможным любое сильное градостроительное высказывание, и сооружать новые доминанты за его пределами. Тут снова можно упомянуть Сакре-Кёр, но еще больше в качестве примера подходят статуя Христа в Рио-де-Жанейро и более поздняя статуя Родины-матери на здании Музея истории Великой Отечественной войны, расположенного на холме на окраине Киева. Однако это не могло стать серьезным соперничеством — благодаря своей бесцеремонности мир частного капитала полностью подчинил себе небесную линию.

Единственная на протяжении всего XIX века заметная попытка восстановить это равновесие была тесно связана со снова и снова возникавшей идеей создать чудо современной мысли, одновременно демонстрирующее и увековечивающее потрясающие достижения инженерной науки в разработке новых металлических конструкций. Огромные металлические мосты, особенно подвесные, уже были такими яркими достопримечательностями, выражающими дух технического прогресса, однако их формы не могли господствовать в небесной линии.

Рис. 297

Изначально этот порыв был направлен на строительство монументальных башен по случаю важнейших культурных и политических событий. Первый проект этого рода был выдвинут британским инженером Ричардом Тревитиком: это была 300-метровая колоннообразная башня из позолоченного литого чугуна в честь избирательной реформы 1832 года. В дальнейшем похожие идеи были по большей части связаны с международными выставками. Например, опять-таки 300-метровая Башня столетия США проектировалась для Всемирной выставки 1876 года в Филадельфии. Иллюстрация в одном из номеров журнала *Scientific American* от 1874 года показывала ее на фоне египетских пирамид, соборных шпилей и знаменитых куполов, которые, конечно же, казались рядом с ней карликами.

Рис. 298

Круглая цифра в 300 метров (или 1000 футов), наряду с появлением необходимой для ее достижения технологии сборки сооружений из металлических деталей, дала старт настоящему международному состязанию: такая башня должна была стать доказательством превосходства страны, которая сможет ее создать. Редакционная статья в вышеупомянутом номере заявляла: «Мы должны отметить наш юбилей не только постройкой самого высокого сооружения, когда-либо созданного человеком, но осуществлением проекта американских инженеров силами американских рабочих из материалов, произведенных исключительно на американской земле»²⁵⁰. Победительницей соревнования стала, разумеется, Франция с ее Эйфелевой башней высотой в 300 метров. Одной из причин

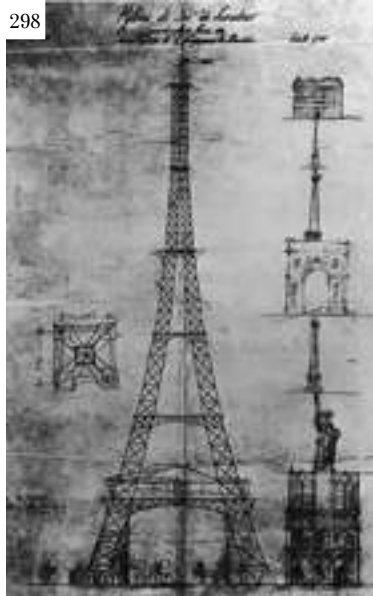
²⁵⁰ Цит. по: *Jay R. in Journal of the Society of Architectural Historians*, June 1987. No. 146.

Рис. 297. Проект Башни столетия США, разработанный бюро Clark, Reeves and Company для комплекса Всемирной выставки 1876 года в Филадельфии; иллюстрация из журнала Scientific American, 1874.

Рис. 298. Первоначальный проект Эйфелевой башни в Париже, 1884. Идея ее постройки принадлежала Морису Кешлену и Эмилю Нугье, двум инженерам в бюро Гюстава Эйфеля. Их эскиз показывает башню – которая в несколько измененном виде была возведена к парижской Всемирной выставке 1889 года – в сравнении с семью другими сооружениями, поставленными одно на другое; среди них собор Нотр-Дам, статуя Свободы и Триумфальная арка.

Рис. 299. Моле-Антонеллиана в Турине (Италия), 1863–1888. Здание, названное в честь своего архитектора Алессандро Антонелли, изначально строилось как городская синагога.

Рис. 300. Предполагаемый вид нового здания городского совета в рамках генерального плана Чикаго, разработанного в 1909 году Дэниелом Бернемом и Эдвардом Беннетом. Чтобы сохранить превосходство над современными небоскребами, здание должно было завершаться колоссальным, отсылающим к очертаниям собора Святого Петра куполом высотой с 36-этажный дом.

этого успеха было то, что строительство финансировалось за счет правительственной субсидии, хотя всего за год башня окупила все затраты благодаря немыслимому количеству проданных на нее билетов. Англичане пришли в ярость. Уильям Моррис, осмотревший башню в 1889 году, назвал ее «воплощением адского уродства». В надежде на домашний реванш в октябре того же года финансист сэр Эдвард Уоткин объявил конкурс на проект лондонской башни выше Эйфелевой. Поступившие заявки отличались невероятным разнообразием; в основном авторы предлагали чугунные и стальные варианты, иногда попадались и сооружения из камня и бетона — но за всеми маячил призрак детища Гюстава Эйфеля. Проект-победитель оказался практически копией парижского; в 1892 году началось его воплощение на специально приобретенном участке в Уэмбли-парке. Работы были прекращены спустя два года из-за финансовых сложностей. Та же судьба постигла еще одну копию Эйфелевой башни, соорудить которую предполагалось для Всемирной Колумбовой выставки 1893 года в Чикаго. Предназначавшийся для того же участка проект 1900 года — «Маяк прогресса» высотой 460 метров — должен был, по словам автора, французского архитектора Констан-Дезире Деспраделя, «символизировать апофеоз американской цивилизации», но тоже остался неосуществленным.

Рис. 299 Единственным достойным соперником Эйфелевой башни удивительным образом оказалась синагога в Турине — по крайней мере, синагогой это колоссальное здание задумывалось изначально, пока город не согласился выкупить его у еврейской общины, недовольной мегаломанией архитектора, который превратил выполнение заказа в сооружение памятника самому себе. Архитектором был Алессандро Антонелли, а строительство растянулось с 1863 по 1888 год. Общая высота самого здания, квадратного в плане купола и шпиля, в итоге составила 167,5 метров. Это примерно в два раза ниже Эйфелевой башни, но Моле-Антонеллиана, как ее в итоге называли, построена без стального каркаса и состоит из этажей, решенных в виде колоннад. На самом деле это самое высокое в мире здание с несущими стенами, так что если Эйфелева башня символизирует век технического прогресса, то Моле-Антонеллиана представляет собой уникальное сооружение, возникшее в той части Европы, которая все еще оставалась доиндустриальным захолустьем²⁵¹.

Выковывая «венец города»

Немцы много размышляли о *Stadtkrone*, венце современного города. В XIX веке таким венцом могла быть Вальхалла, монумент героям прошлого. В XX столетии начался поиск сооружения, которое стало бы символом городской коммуны, — центрального здания, обретя которое, горожане станут благородными, братолюбивыми и добродетельными. Видный

251 См. *Meeks C.L.V. Italian Architecture 1750–1914* (1966).

представитель дадаизма Иоганн Баадер спроектировал свой «Мировой храм» уже в 1906 году, а в 1907-м мюнхенский архитектор Теодор Фишер писал о здании, которое станет «домом не для отдельных семей, но для всех <...>, не для отправления того или иного культа, но для благочестия и внутреннего опыта». В декабре 1917 года было учреждено Общество Народного здания, а в 1920-м прошел конкурс проектов «Народного здания и Молитвенного дома»; его участник Ганс Шарун провозгласил задачей своего варианта «указывать себе и полному надежд человечеству путь к вершине и венцу»²⁵².

Суть, таким образом, была тут не в укреплении позиций традиционной религии — именно в этом состояло отличие от сооружения церкви Сакре-Кёр или завершения строительства Кельнского собора. То были националистические жесты, духовное содержание которых касалось загробного блаженства. Концепция *Zukunftskathedrale*, «собора будущего», была по своим целям в основном социалистической. Он должен был стать монументом всеобщего счастья в реальном мире, центром коммунитарной утопии, поднявшейся над региональными и национальными предрассудками. Если ключевой метафорой был в этом случае готический собор, то лишь потому, что он считался плодом сотрудничества всего общества в целом — *gesamtgesellschaftlich*, на котором концентрировались усилия всех горожан, который требовал от представителей всех профессий вклада в долговечность и красоту своей формы.

В годы Первой мировой войны Бруно Таут и целая плеяда прочих экспрессионистов пламенно пропагандировали эту визионерскую идею новой материальной среды, соответствующей нуждам мира, свободного от вражды. Таута интересовали новые материалы, особенно потенциал полностью стеклянной архитектуры (в этом вопросе он находился под влиянием трудов Пауля Шеербарта, поэта и романиста экспрессионистского направления), и возвращение современному хаотичному метрополису настоящего центра. В книге «Венец города» (1919) он пишет о наиболее вредной, с его точки зрения, особенности современного метрополиса — «утрате центра», культурного ядра с его накопленным за века символическим содержанием, вокруг которого вырастал старый город. Этот центр был подавлен и побежден «арендными казармами», фабриками и магазинами; в то же время появление скоростного внеуличного транспорта позволило градоформе разрастаться без каких-либо очертаний и пределов. Таут противопоставил эти расплзающиеся миазмы, переполненные бесцельными толпами, традиционному городу с его органичной коллективностью, где дома и общественные здания формировали единую структуру, кульминацией которой оказывался храм или собор²⁵³.

В связи со всем этим он выдвинул идею новой утопии — города с однородными районами, сходящимися к единственному му главенствующему зданию-«венцу», которое призвано было

252 Цит. по: Kautt D. Stadtkrone oder städtebauliche Dominante (1984).

253 Четкий анализ этих доводов см.: Ricci G. La Cattedrale del Futuro, Bruno Taut 1914–1921 (1982).

Рис. 301, 302

стать архитектурным символом синтеза социальных и духовных нужд членов сообщества. Это здание должно было оказаться современным эквивалентом «собора в средневековом городе, пагоды среди туземных лачуг, гигантского прямоугольного храмового комплекса в центре китайского города или акрополя, возвышающегося над неказистыми постройками древнего полиса». Только оно могло бы стать лекарством от «болезни нашего времени — исчезновения границы между большим и малым, сакральным и профанным»²⁵⁴.

Мартин Вагнер писал о «венце города» в том же ключе, как о «мы-символе» (*Wir-Sinnbild*) нового города:

Над приземистыми городскими постройками должно возвышаться лишь одно здание, подобное коро-не, венчающей город. Мы-символ нового города, Народ-ное здание и дом празднеств всех горожан с площадью для проведения торжественных церемоний и примыкаю-щими к нему двумя церквями станет высочайшим худо-жественным воплощением городского форума²⁵⁵.

В еще одной визионерской книге того же периода, «Альпийская архитектура» 1917 года, Тaut располагает каскады огромных соборов из хрусталя на склонах высочайшей горной цепи Европы — это был его ответ на свирепость войны, вызов ее тупой разрушительной силе. Прежние города теперь полно-стью заброшены, а попытки оживить их с помощью *Stadtkrone* оставлены ради новых возможностей, открывающихся среди нетронутой природы, ради мира стекла и цвета. Венцами этих просторных альпийских городов должны были стать гигантские купольные строения, венчающие вершины гор, «обитатели музыки и размышлений, окруженные ярусами вспомогательных стек-лянных зданий»²⁵⁶.

Рис. 263

Парадоксальность таких планов очевидна. Эти социаль-ные утопии не могут стать реальностью без сильной централь-ной власти, которая пожелала бы их осуществления, выделила бы на них средства и построила бы их. Ничего удивительного, что эти фантазмагорические видения понравились нацистским теоретикам, которые придадут им практицизм реальной поли-тики. Образ социалистической коллективности будет приравнен к государству и жестко регламентирован партией: гигантский купольный зал, «венец» гитлеровского нового Берлина, окажет-ся не наднациональным Домом празднеств, но ареной, где десятки тысяч благоговейных граждан будут приобщаться к мистическому единению с лидером немецкой нации.

На самом деле основной целью заигрывания нацист-ских пропагандистов с идеями Таута было желание наделить возвышенными свойствами новые фабричные города вроде Вольфсбурга с его заводом Volkswagen или Зальцгиттера с его сталелитейным комбинатом имени Геринга (оба осно-ваны в 1938 году). В Вольфсбурге *Stadtkrone* планировалось возвести на естественном холме близ города; к комплексу,

254 Taut B. Die Stadtkrone (1919).

255 Цит. по: Rainer R. Städtebauliche Prosa (1948).

256 Sharp D. Modern Architecture and Expressionism (1966).

Рис. 301-302. Бруно Таут, «Венец города», небесная линия и вид с высоты птичьего полета, 1916.

301

302

напоминавшему Вальхаллу Лео фон Кленце, из центра вела бы улица-лестница длиной в 750 метров. Ее прокладка реально стартовала в 1941 году, но в целом из этого начинания ничего не вышло. В случае Зальцгиттера проект особенно настойчиво отсылал к утопическим идеям Таута, вплоть до очертаний венца. Было разработано два альтернативных варианта: в одном случае монументальная структура возводилась в самом центре, а в другом — на искусственном холме за пределами города. Однако Геринг уже присмотрел вершину холма для зенитной башни люфтваффе (*Flakturm*) и принял решение сохранить пригород-сад у его подножья. На самом деле в начале 1940-х годов именно зенитные башни начали играть роль мрачного аналога *Stadtkrone*. Вена возвела на своих окраинах шесть таких башен; их пары образовывали правильный треугольник, охватывающий весь город. Таким был финал мечтаний Бруно Таута о построенном из прозрачного хрусталя небесном доме для человеческого братства.

Город небоскребов

И для утопистов-экспрессионистов, и для приверженцев нацистской догмы американский небоскреб был целиком неприемлем в качестве городского символа. Это был памятник жажде наживы и духу агрессивной конкуренции, характерным для капитализма, — такой символический смысл никак не сочетался ни с коллективным социалистическим будущим, ни с самозабвенной преданностью монолитному государству. Именно по этим причинам в самой Америке скопление небоскребов идеально подходило для роли венца города. Первые небоскребы начали возводиться в Чикаго и Нью-Йорке чуть более века назад, в 1870-х и 1880-х годах — это были оборудованные лифтами здания исключительной высоты, ценой огромных трудовых затрат сооружаемые в традиционной технике кирпичной кладки. Уже позднее, начиная где-то с 1890 года, они стали строиться с использованием огнеупорных стальных каркасов, на которые фасад просто навешивался снаружи.

Это были впечатляющие, ни на что не похожие городские сооружения, и у них нашлось немало пламенных сторонников, в первую очередь среди архитекторов и застройщиков. Джон Уэллборн Рут из Чикаго описывал первые небоскребы, их объемы и пропорции как «в каком-то фундаментальном смысле воплощение грандиозных, несокрушимых сил современной цивилизации». Этот образ, судя по всему, предвосхищал появление нового мифического вселенского города, подобного древнему Вавилону с его башней, и, следовательно, наступление новой эры. В Вавилоне башня была всего одна, а здесь их было целое множество, и они были поставлены впритирку друг к другу, создавая зону искусственной сверхплотности посреди имеющегося в избытке пространства. Радиус видимости небоскребов составлял многие мили вокруг; они сами, кажется, стремились, чтобы их воспринимали с какой-нибудь максимально далекой точки, подобно огромной картине, которую никак не рассмотришь, стоя в музее прямо рядом с ней.

Рис. 303. Нью-Йорк, сравнение небесных линий Манхэттена со стороны Гудзона в 1873-м (сверху) и 1898 году (внизу), фрагмент иллюстрации Августа Уилла. Шпиль церкви Троицы, утрата которым статуса самой высокой постройки города так беспокоила Генри Джеймса, на нижней панораме можно с трудом разглядеть в правой части рисунка.

Рис. 304. Нью-Йоркская публичная библиотека, проект бюро Carrere and Hastings, 1897–1911. Один из самых ранних примеров общественного здания, архитектура которого вдохновлена формальным классицизмом комплекса Всемирной Колумбовой выставки 1893 года в Чикаго – так называемым Белым городом. Такие отделанные камнем и соразмерные пешеходам горизонтальные постройки должны были олицетворять общественную сферу в противовес приватизированной небесной линии коммерческих высоток.

303

304

Ил. XXXVII

Такая небесная линия описывала целенаправленно сконструированный уклад жизни, обязанный своим существованием исключительно техническому прогрессу и корыстной природе человека. Мы видим тут резкий отход от традиционного восприятия города, обрамленного небом и землей, зародившегося в этом вечном окружении и контролируемого благодаря ему. Такое обрамление налицо даже в изображениях индустриального города, хотя его небесная линия и была первым городским силуэтом Нового времени, состоящим не из шпилей и куполов. Тем не менее его фабричные трубы, промышленные печи и водонапорные башни можно было обосновать как обязательное материальное выражение промышленного производства, тогда как в новом ландшафте небоскребов чувствовался элемент самоуправства и бахвальства, что было тревожным признаком будущих проблем.

На чисто эстетическом уровне архитектурный критик Монтгомери Шайлер находил новое обличье города хаотичным. В номере журнала *Architectural Record* за январь-март 1899 года он писал: «Никакой небесной линии в Нью-Йорке нет. Он сплошь состоит из разрывов, перепадов высот, несочетающихся форм и невыдержанных масштабов <...>, из башен, нагроможденных слишком плотно или наоборот чересчур разбросанных, которым нет дела друг до друга или до того, что происходит внизу». Шайлер признавал за этой приватизированной небесной линией грубую символическую энергию, а также живописность, если не красоту: «Именно скопление [высотных зданий] впечатляет до чрезвычайности. Это не архитектурное решение, но оно выглядит в высшей степени так, будто с ним можно „иметь дело“». Таким образом, он внес свой вклад в поиск формулировки для растущей обеспокоенности по поводу города, разрушаемого изнутри неприкрытым стремлением частного бизнеса присвоить себе испытываемую горожанами гордость за то место, где они живут.

Рис. 304

Чтобы отграничить их от этой склонной уходить ввысь небесной линии капитализма, для общественных зданий государственной власти и культуры нужно было разработать принципиально иной архитектурный облик. Выражением гражданской красоты стали в итоге выдержанные в классическом стиле фасады из мрамора с непрерывными линиями стилобатов и карнизов, которые придавали городскому пространству четкие очертания, а перспективам на уровне глаз пешехода — величественность. Визуальному гулу небоскребов Нижнего Манхэттена предлагалось противопоставить задающую улицам четкую форму монументальность Нью-Йоркской публичной библиотеки, Пенсильванского вокзала, вокзала Гранд-Сентрал, Колумбийского университета и музея Метрополитен.

Однако этого оказалось недостаточно. Будучи разбросанными по городу, эти общественные памятники легко терялись на фоне растущих как грибы элементов капиталистического ландшафта. Как заметил в 1903 году видный представитель «Движения за прекрасный город» Чарльз Малфорд Робинсон, общественная сфера ущербна, если ее здания «рассеяны по городу и затеряны в дебрях коммерческой застройки». Решение

состояло в том, чтобы объединять их в гармоничные ансамбли в стиле бозар, организованные вокруг просторных площадей, украшенных статуями и фонтанами. Таким образом, они оказывались бы защищены от частных интересов, которые «ставят под угрозу красоту и достоинство общественных построек, стремясь разбавить их не гармонирующей архитектурой <...> или нарушить масштаб возведением очередного небоскреба или какого-нибудь иного колоссального сооружения, рядом с которым общественные здания покажутся крошечными»²⁵⁷.

Небоскреб представлял собой парадоксальный объект. Он одновременно представлял собой воплощение крайнего материализма и дышал высокой поэзией; был результатом четкого экономического расчета и плодом случайной прихоти. Первым своим заказчикам чикагские небоскребы виделись средством максимизации прибыли с земельного участка — простым и здоровым деловым начинанием. Но почти сразу высотные здания стали проявлять свойства, плохо совместимые с таким представлением о них. Их внешняя оболочка покрывалась архитектурным декором, а очертания начали подстраиваться под требования, которые диктовались отнюдь не разумной необходимостью. Их создателей увлекла сумасшедшая гонка за высоту ради самой высоты — соревнование, лучшим примером которого стал нью-йоркский «Газетный квартал» около городской мэрии, где в 1870-х и 1880-х годах в совершенно иррациональную борьбу за первенство вступили здания The New York Times, The Tribune, The Sun и издаваемой Джозефом Пулитцером газеты The New York World.

Рис. 305

Похожая гонка развернулась и в районе гигантского нового здания городского совета Филадельфии, сооружение которого началось в 1871 году. В конце 1880-х годов компания Girard Trust построила на том же перекрестке Брод-стрит и Честнат-стрит восьмиэтажное здание, после чего пивной барон Джон Ф. Бетц дал своему архитектору указание превзойти эту высоту. Girard Trust ответил надстройкой в шесть этажей, но Бетц побил и эту ставку. Оказавшись невольным участником этого соревнования частных интересов, городской совет довел свою башню до чистого неба и поставил на самом верху статую Уильяма Пенна, который, словно древний архангел, оберегает вершины и служит символом града человеческого.

Второй парадокс был связан с нарочитой плотностью, создаваемой небоскребами в относительно небольшой зоне в центре города. Активное обособление центральных деловых районов в городах США началось еще до появления небоскребов как таковых. С середины XIX века типичное городское ядро постепенно лишалось жилой функции по мере того, как все, у кого была такая возможность, переезжали в пригороды. Башни росли уже во все более узкоспециализированных центральных районах, почти полностью пустевших к концу рабочего дня. Высотки стали ассоциироваться с такими деловыми районами

257 Цит. по: *Bluestone D.M.*
in *Journal of the Society of*
Architectural Historians,
Sept. 1988.

Рис. 266

в качестве монументального акцента профессионального ландшафта городской Америки. Плотность делового центра подстегивала конкуренцию между небоскребами. Заявить о себе в окружении многих других, найти свое место среди тесно стоящих зданий, главная цель которых состоит в том, чтобы произвести впечатление — вот то, что придавало всему происходящему такой накал и что подарило американскому городу этот символический собирательный образ капиталистической энергии.

Третий парадокс касался архитектурной природы небоскреба. В идеале он представлял собой свободно стоящее здание, которым можно восхищаться со всех сторон и которое визуальнo господствует над обширной территорией. Но на практике он должен был существовать в рамках относительно мелкочаеистой решетки американского города и связанной с ней квартальной структуры. Чем больше высотных зданий строилось в деловом центре, тем меньше свободного пространства доставалось каждому из них и тем меньший эффект могла произвести какая-то особая форма. Чем в большей мере небоскребы подстраивались под логику решетки и заданных ею улиц, тем больше они превращались в элементы, ограничивающие уличное пространство, переставая восприниматься как свободно стоящие объемы.

Как башня, цель которой состоит в том, чтобы производить впечатление, небоскреб в итоге подарит нам Даллас и Ванкувер — наборы высотных объектов, заботящихся о том визуальном эффекте, который они создают среди подобных им сооружений; они стремятся быть заметными в рамках небесной линии, которая изображается на открытках и футболках или же может быть увидена из высотного панорамного ресторана. Как стандартный элемент застройки, небоскреб сосредоточится на подчеркивании уже существующих в рамках городской формы перспектив или на создании новых таких перспектив. Это означает, что от высотных зданий ожидаются определенная регулярность и сходство, а все внимание архитекторов сосредоточено на эффекте, производимом их детищем с близкого и среднего расстояния, изнутри градоформы, а не на далеком горизонте.

Самый сильный эффект производит свободностоящая в центре градоформы одинокая башня, которая определяет город, как готические соборы определяли города Иль-де-Франса или купол собора Святого Павла до недавнего времени определял Лондон. Но какая современная институция может удостоиться такой чести?

Государство видело в небоскребах мало пользы, не желая наделять эти долговязые формы символическим значением капитолия штата или мэрии. Даже в полностью принявшем небоскребы мире власти по большей части предпочитали подавать себя через традиционную образность здания с куполом. Лишь в 1910-е и 1920-е годы появилось несколько достойных упоминания исключений; среди них Капитолий штата Небраска Бертрама Гудхью и здание городского совета Лос-Анджелеса, построенное Джоном Остином, который находился по огромным влиянием Гудхью.

Рис. 306

Рис. 290

Рис. 305. Увенчанное статуей Уильяма Пенна здание городского совета Филадельфии в окружении офисных высоток, ок. 1908.

Рис. 306. Капитолий штата Небраска в Линкольне (США). Проект победителя архитектурного конкурса 1919 года Бертрама Гровенора Гудхью. Впоследствии Гудхью построил еще одно общественное здание в форме башни – Публичную библиотеку округа Лос-Анджелес (1924).

306

Рис. 397

Религия приходит на ум следующей. В условиях остро переживаемой утраты церквями веками удерживаемого ими первенства — утраты, так четко выраженной Генри Джеймсом, — небоскреб мог искупить свой грех, если бы его удалось заставить славить Господа. И такие попытки предпринимались. Под девизом «Вернем кресты на небесную линию» или «Храмы ввысь!» несколько городов приступили к созданию церквей-небоскребов, которые предсказуемо свелись к сочетанию храма и офисной башни. Небоскреб Чикаго-темпл (1924), построенный бюро Holabird and Roche для Первой методистской церкви, был именно таким гибридом. Другие «небесные церкви» появились в Майами, Питтсбурге и Миннеаполисе; в Нью-Йорке примером такого сооружения стал комплекс Бродвей-темпл.

Помимо того, что небоскреб в его привычной форме было практически невозможно превратить в убедительный храм божий, проблема высотных церквей заключалась еще и в том, что в Америке, в отличие от соборных городов Европы, давно отвергли идею единственного религиозного центра, существовавшую и в колониальных городах Испанской империи, и в поселениях Новой Англии с их залами приходских собраний. Молодая нация поставила под запрет централизованную религию и приучила Бога обитать во многоконфессиональных районах. При попытке вернуть кресты на небесную линию города стали бы свидетелями чего-то вроде событий в нью-йоркском Газетном квартале, поскольку методисты, католики, англикане и иже с ними захотели бы превзойти башни соперников, чтобы присвоить небо себе.

Храм науки? Такая попытка была предпринята только однажды, но в этом здании и поныне работают подразделения Питтсбургского университета. Это неравномерно сужающаяся кверху громада высотой 163 метра, с фасадом из шершавого известняка поверх стального каркаса в бетонной опалубке (1926–1927). Задача этого «Собора знаний», согласно заданию на его проектирование, состояла в «выражении смысла университета в форме выдающегося высотного здания». Его первый этаж был отведен под огромный, напоминающий готический собор зал, окруженный восемнадцатью учебными аудиториями, каждая из которых спроектирована в стиле той или иной страны, чтобы подчеркнуть многонациональное культурное наследие Питтсбурга.

Но настоящим смыслом американского небоскреба было прославление предприимчивости отдельного человека. В конце концов, наиболее подходящей иконографией для венца американского города оказался американский бизнес. Уилбур Фошей, владелец энергосетевых компаний из Миннеаполиса (штат Миннесота), вложил все свое состояние в здание-обелиск, на всех четырех фасадах которого было навечно выбито его имя. В то время это была главная башня города, и неважно, что ее строительство разорило Фошея, так что он оказался в тюрьме. Решив построить здание The New-York Tribune, ее издатель Хорас Грили дал старт великому соревнованию небоскребов в нью-йоркском Газетном квартале.

Попытки облагородить эти памятники коммерческому успеху с помощью заимствованного символизма тем не менее

Рис. 307. Первая в США «доходная церковь» Чикаго-темпл. Проект бюро Holabird and Roche, 1924. Заурядная 19-этажная офисная башня увенчана «небесной часовней» в пышном неоготическом стиле, попасть в которую можно на специальном скоростном лифте. Барельеф в алтарной части изображает Христа, одобрительно вззирающего на деловой центр Чикаго с высоты соседней крыши.

Рис. 308. Вулворт-билдинг в Нью-Йорке, архитектор Кэсс Гилберт, 1911–1913. Фрэнк Вулворт, миллионер из Ютики (штат Нью-Йорк) и владелец торговой сети Woolworth, объявил, что башня его компании должна стать «гигантской рекламной вывеской, видной всему свету». На заднем плане – шпиль Зингер-билдинг (проект Эрнеста Флэгга, 1908).

307

308

дают нам четкое представление, насколько большое значение к концу XIX века приобрело в США частное предпринимательство в ущерб общественной сфере — они демонстрируют готовность американцев относиться к разрозненной монументальности офисных зданий как к предмету гордости всего сообщества. Раз уж небоскреб не мог быть освоен общественными институтами, не мог стать привычной оболочкой для неизменных механизмов человеческого общежития — государства, веры и образования, — пусть тогда деловая активность отдельных людей возвысится до уровня новой светской религии. В 1913 году на церемонии открытия Вулворт-билдинг в Нью-Йорке это здание было официально провозглашено «собором торговли». Автор этой броской характеристики, выдающийся богослов Сэмюэл Паркс Кадман писал в 1916 году:

Рис. 308

По вечерам в лучах электрической подсветки или в прозрачном воздухе летнего утра это здание, пронзающее пространство подобно стенам Небесного Иерусалима, которые узрел святой Иоанн, вызывает такой избыток чувств, что слезы наворачиваются на глаза. Пишущий эти строки, едва взглянув на него, мгновенно вскричал: «собор торговли», достойное святилище того человеческого духа, который посредством обмена и продажи заставляет незнакомых людей жить в мире и согласии²⁵⁸.

Сам архитектор Вулворт-билдинг Кэсс Гилберт в своей брошюре, посвященной зданию, воспеваает его как источник общественной гармонии, поскольку оно соединило капитал и труд, работодателя и работников, арендодателя и арендаторов.

Но удел этих частных монументов состоит в том, что им почти сразу бросают вызов и вскоре побеждают — точно так же, как удел частного успеха заключается в его мимолетности. Плод предприимчивости одного человека не может организовать вокруг себя целый город, потому что другие предприимчивые люди этого не допустят. В итоге мы имеем постоянно растущее и изменяющееся множество башен, в котором приходится высматривать одну самую необыкновенную — самую высокую, самую странную, самую роскошную, — которая на какое-то время станет главной: Трансамерика-билдинг в Сан-Франциско, башня LTV в Далласе, IDS в Миннеаполисе и, на момент написания, Уан-Либерти-Плэйс в Филадельфии. Возможно, Фрэнк Ллойд Райт был прав, и единственный способ остановить эту оргию градостроительной показухи — собрать весь город в единственную башню, стоящую посреди Нигде.

Ил. XXVII

Другой вариант развенчать небоскреб — превратить его в непритязательный элемент городской застройки, предназначенный не для расстановки по градоформе ярких акцентов, но для создания упорядоченных городов с высокими уличными фасадами. Имя, которое тут нужно упомянуть, — Дэниел Бернем, чья фирма активно участвовала в разработке типологии небоскреба, а позже предлагала варианты его разумного

258 Цит. по: *Van Leeuwen T.A.P.*
Op. cit.

использования в городе. Именно подготовленный им в 1909 году генеральный план Чикаго превратил описанное Шайлером «скоп-ление», живописный набор разрозненных образцов, в подчиненное строгой дисциплине целостное видение города. Бернем ничего не имел против высоток: анархическое разнообразие — вот что он не выносил. Неудивительно, что, в соответствии с его генпланом, по словам Томаса ван Леувена, «по хаотичному первобытному городу с его нерегулярной небесной линией словно проходились гигантской газонокосилкой»²⁵⁹.

Первое поколение американских небоскребов было порождением буйного индивидуализма, связанного с начавшимся в США после Гражданской войны экономическим бумом, с эпохой баронов-разбойников, захвата территорий и неуправляемой урбанизации. Как мы уже знаем, на заре нового века Бернем стал поборником идей «Движения за прекрасный город» — одного из множества способов, с помощью которых Америка хотела добавить в свою жизнь постоянства и порядка. Градостроительные преобразования должны были стать воплощением этого стремления к порядку.

Самым недавним и масштабным таким преобразованием была на тот момент «османизация» Парижа, где подчеркивалась непрерывность уличных фасадов, а не эксцентричность отдельных зданий. Бульвары Османа были застроены пяти- или шестиэтажными многоквартирными домами, объединенными общими линиями карнизов. В Америке можно было строить и выше. Штука была в том, чтобы заставить улицы и площади такими высотными зданиями, сохранив при этом характерное для французской столицы ощущение плавной связности и единообразного порядка. Таким образом Бернем надеялся разрешить подмеченный Шайлером разрыв между частной монументальностью бизнеса, с ее акцентом на вертикаль и уникальность, и гражданской монументальностью связных, единообразных фасадов. Он рассматривал небоскреб как составной элемент городской формы нового типа, одновременно традиционной и современной.

Генеральный план Чикаго оставил свой след в городе, хотя и остался очень далек от полного воплощения. Стюарт Коэн недавно проанализировал застройку Норт-Мичиган-авеню в районе моста как такой городской фрагмент в духе Бернема. Четыре небоскреба, спроектированные независимо друг от друга, — Ригли-билдинг (1919–1921), Норт-Мичиган-авеню-билдинг (1922–1923), башня газеты The Chicago Tribune (1925) и Ландон-Гаранти-билдинг (1927–1928) — тем не менее сообща работают на создание совершенно особенного городского пространства. Другими словами, город и его планировочные структуры оказываются тут важнее, чем отдельные здания в их составе. За пределами США некоторые градостроительные решения в духе социалистического реализма, например в Восточном Берлине и Лейпциге, представляют собой поздние и исключительно профессиональные вариации на тему характерного для Бернема сочетания высотных зданий и ансамблевого проектирования в традиции стиля бозар.

Рис. 309

Рис. 224

Рис. 266

Однако прав ли я был, когда предположил выше, что перед американским небоскребом стоял выбор: демонстрировать ли ему в рамках небесной линии собственную индивидуальность, служа архитектурной рекламой для своего заказчика, или же превратиться в типовой элемент застройки ради формирования четко ограниченных городских объемов? Истина состоит в том, что на протяжении нескольких десятилетий небоскребам удавалось и то, и другое. В период до Первой мировой войны общепринятым решением в Нью-Йорке стало сочетание формирующего красную линию многоэтажного параллелепипеда и водруженной на него — часто асимметрично и с отступом от главного фасада — башни; примерами тут могут послужить Зингер-билдинг архитектора Эрнеста Флэгга (1908) и Вулворт-билдинг. Укоренению этой практики способствовали два фактора. С одной стороны, принятые в Нью-Йорке в 1916 году правила застройки и зонирования с их требованием отступов подталкивали проектировщиков к тому, чтобы искать способы примирить гордую устремленность небоскреба ввысь и его ответственность за формирование уличной перспективы. С другой, отказ от ранних формул чикагской архитектурной школы с ее геометричными клетчатыми высотками, завершающимися плоскими карнизами, в пользу эклектических фасадов способствовал буйству орнаментальных наверший, будь то купол, шпиль, пирамида или высокая крыша с мансардами. Стиль ар-деко добавил к этому разнообразию свои особые рецепты. Но взаимодействие с улицей тщательно просчитывалось во всех случаях. На уровне земли такие небоскребы выражали свое уважение к улицам и площадям, на которых они были расположены, относительно плоской композицией первых десяти этажей, которые обеспечивали этим городским объемам необходимые им рамки. Выше этой отметки ничто не сдерживало фантазии архитектора при проектировании завершающих секций с их уступами, гранями и пинаклями — секций, работавших на задачи общегородского масштаба, на дальние виды, то есть на выражение индивидуальности в составе небесной линии.

Башни из стекла

Неожиданной причиной конца этой галантной эпохи стали страстные пророчества молодых европейских радикалов от архитектуры, которые не видели никакой возможности для компромисса между небоскребом как типологией и традиционными методами ограничения городских пространств. Первыми были футуристы. Их концепции так и не вышли из зачаточного состояния, их представления о новой городской среде обитания представляли собой разрозненные образы, и тем не менее они первыми теоретически осмыслили состоящий из множества уровней апокалиптический город небоскребов, поклоняющийся движению и машине:

Нам надлежит изобрести и воссоздать футуристский город <...> и построить футуристский дом, напоминающий гигантскую машину <...>. Такой дом <...>

Рис. 309. Офисные башни у моста Мичиган-авеню в Чикаго, провозглашенные современниками «новыми воротами города»: Ригли-билдинг (слева) и небоскреб газеты The Chicago Tribune (справа). Эти здания, наряду с теми, что находятся на прилегающих площадях и у противоположного конца богато декорированного моста, воспринимались как доказательство того, что сотрудничество частных и общественных интересов может приводить к созданию выдающихся городских ансамблей. В отдалении на левой стороне улицы видна Старая водонапорная башня (1869) в псевдосредневековом стиле.

просторный, насколько это диктуется необходимостью, а не законами муниципального управления, должен быть воздвигнут на краю галдящей пропасти²⁶⁰.

Безлюдные рисунки Антонио Сант'Элиа и Марио

Рис. 310

Кьяттоне мало что сообщают нам о том, как изображенные фрагменты могут соединяться между собой, чтобы порождать работоспособные городские системы. Десятью годами позднее градостроительные воззрения Ле Корбюзье уже не оставляли возможности для разночтений. В таком городе не было места для традиционного ограничения пространств. Ле Корбюзье не имел ничего против появления города небоскребов в том виде, в котором он сложился в рамках манхэттенской решетки. Он одобрял характерные для высотного делового центра сверхплотность и упрямую фиксацию на единственной задаче. Но небоскреб не мог ограничивать общественные пространства. В книге «Градостроительство» (1924) Ле Корбюзье описывает деловое ядро, состоящее из двадцати четырех абсолютно одинаковых башен. Они стоят не в гуще старого города, но посреди просторных парков. Они предназначены для восприятия со скоростных автострад. И они сделаны из стекла. Он пишет:

И вот мы оказываемся у подножия первых небоскребов. Между ними обширное свободное пространство, а не узкий просвет, как в Нью-Йорке <...>. Перед нами многолюдный город, в котором нет суеты, где воздух чист, где шум затухает в листве деревьев <...>. Повсюду небо, оно просматривается вплоть до горизонта <...>. Стекланные геометрические объемы небоскребов смягчены голубой дымкой²⁶¹.

До конца Второй мировой войны эта колоритная модернистская интерпретация города небоскребов оставалась нереализованной, хотя и четко представимой благодаря рисункам и текстам Ле Корбюзье. Потом ее взяли на вооружение в Америке — и почти тогда же в Европе. Разработанный британскими компаниями в 1950-е годы флоат-процесс получения толстого листового стекла позволил сделать реальностью давно предсказанную модернистами прозрачную архитектуру, а прогресс в технологиях строительства небоскребов привел к снятию всех конструктивных ограничений по высоте.

В США, на родине небоскребов, стеклянные башни начали расти посреди собственных площадей или площадей, соединенных между собой в частные замкнутые офисные кварталы; бетонные коробки строились на высоких стилобатах — эта формула стала популярной благодаря нью-йоркскому Леверхаусу (1951–1952). Эклектические оболочки были осуждены и сброшены, а вместе с ними и выразительные намерения, так оживлявшие небесную линию. Иногда в клетку, а иногда в вертикальную полосу, но всегда с плоской кровлей, новые

260 Текст, приписываемый Антонио Сант'Элиа, цит. по: *Banham R. Theory and Design in the First Machine Age* (1960).

261 Пер. В.Н. Зайцева.

здания из стекла и металла — в равной мере и башни, и коробки — существовали в собственных пространственных заводах, без оглядки на соседние улицы и площади. Принятые в 1950-х и 1960-х годах программы городского обновления обеспечивали им для этого достаточно места. Мы сносили старые города и строили новые как урезанную версию модернистского «города в парке» — без парков. 1970-е годы попытались как-то скомпенсировать засилье таких «обезглавленных» небоскребов, этих огромных прямоугольных штабелей арендуемых площадей, и прибегли к своего рода модернистскому экспрессионизму с его скругленными или остроугольными формами и нависающими или скошенным навершиями, но это никак не поспособствовало ясности городской структуры. Мы пали жертвой синдрома обязательной уникальности, который вернул небесной линии разнообразие, но мало повлиял на ситуацию на уровне земли. Наконец, постмодернистский историзм 1980-х не углубился дальше внешней облицовки. Лишь немногие из его жестов были направлены на решение традиционных градостроительных проблем. Самый примечательный случай тут — это Филип Джонсон, который искусно соотнес вестибюль небоскреба компании AT&T (1978) с уличным коридором Мэдисон-авеню. Несмотря на всю шумиху вокруг его разорванного фронтона на самом верху, именно это уважение к улице поставило здание в один ряд со столь разнообразными городскими доминантами 1930-х годов — Эмпайр-стейт-билдинг, башней корпорации RCA, зданием издательства McGraw-Hill, — которые умели одновременно выделяться и встраиваться.

Европейский опыт оказался травматичным. Здесь, в отличие от США, не было промежуточных стадий встраивания небоскреба в городскую ткань. Кроме того, европейские города гораздо старше, так что внезапный послевоенный слом стал куда большим потрясением. Наконец, визуальное воздействие высотных зданий в рамках американской решетки принципиально отличается от непредсказуемых последствий появления небоскребов внутри более сложных уличных сеток Парижа или Лондона.

Ил. XXXVI

Сначала это были единичные примеры — что-то вроде чрезвычайных происшествий в пронизанных историей ландшафтах европейских городов. Около 1960 года посреди Лондона неожиданно вырос Портленд-хаус, который при высоте в 102 метра подмял под себя не только окружающую застройку, но и Сент-Джеймский парк, Грин-парк и закрытый для публики сад Букингемского дворца. Небоскреб банка National Westminster (1981) — целых 183 метра — совершенно затмил собор Святого Павла. Стеклобашня Монпарнас в Париже, строительство которой началось в 1969 году, стала при своих 56 этажах и высоте в 210 метров высочайшим зданием Европы того времени — она взорвала османовскую ткань города, но неизбежно превратилась в позавчерашнюю новость, когда площадь Порт-Майо обзавелась высотной гостиницей, а в районе Дефанс вырос целый квартал офисных небоскребов в духе Ле Корбюзье. Генеральный план Парижа 1967 года вторил его риторике, предвещая радикальное изменение структуры

Рис. 311

крупных городов будущего: «Никому больше не придется перемещаться по коридорам улиц между непрерывными параллельными фасадами — в городских пространствах здания будут чередоваться с зеленью»²⁶².

Обеспокоенные Дания и Голландия поспешили наделять местные власти правом запрещать возведение высоток. Амстердам первоначально допустил единственное исключение: Виллем Маринус Дюдок спроектировал здание портового управления на набережной рядом с Центральным вокзалом. В Западной Германии тем временем города, чьи небесные линии оказались под угрозой, — среди них Ульм, Эслинген, Штутгарт, Любек, Кельн, Франкфурт-на-Майне и Фрайбург — принимали документы, регламентирующие их внешний облик. После анализа всего образа города архитекторам новых зданий были рекомендованы или навязаны закреплённые в местных законодательных актах планировочные критерии.

Но было уже слишком поздно. Мир захватили многоквартирные панельные коробки, другой компонент модернистского города. Они стали новым клише городской окраины — от Москвы и Братиславы до Роттердама и Стивениджа. Во французских жилых массивах они сочетались с башнями, создавая конкретный пример полностью зачищенного от истории городского порядка. Немецкие «успехи» тоже нельзя назвать безусловными. В большинстве важнейших городов уцелел только исторический центр. Сразу за его пределами зачастую высились небоскребы. Во Франкфурте-на-Майне в основном малоэтажный до этого район Вестенд получил небесную линию по образу и подобию Манхэттена, которая теперь нависает над Старым городом. В Мюнхене, напротив, высотные здания строились далеко к востоку от Старого города. Правительственные здания в Бонне расположены несколькими группами на городских окраинах, а также вдоль Аденауэр-аллее, соединяющей давно сложившиеся центры Бонна и Бад-Годесберга.

Рис. 312

«И они перестали строить город»²⁶³

С середины 1960-х годов и в Европе, и в США набирает силу новое веяние. Его лидерам неинтересны споры о том, как сподручнее втиснуть в наши города небоскребы. Они ставят вопрос, уместен ли там небоскреб. Программы городского обновления, на протяжении большей части неистового десятилетия без сожаления приносившие в жертву старую застройку, теперь официально развенчаны. В Лондоне люди с неприязнью говорят о результатах нового строительства в окрестностях собора Святого Павла, о формах и масштабе центра Барбикан. Тем временем обещанное нам тысячелетнее царство модернистов, похоже, обернулось упадком культуры. Произвольные зигзаги многоэтажек в модернистских районах вроде берлинского Гропиусштадта (заложен в 1962-м), изолированная, почти патологически ограниченная повседневная жизнь «города

262 Цит. по: *Brooks H.A., ed.*
Le Corbusier (1987).

263 (Бытие 11:8).

Рис. 310. «Современный город с трехмиллионным населением» Ле Корбюзье, проект 1922 года. Здесь изображен вид на центр города с его основной транспортной артерией.

Рис. 311. Париж, вид на район Дефанс с авеню Шарль-де-Голль – современное осуществление пророчеств Ле Корбюзье. Перспектива завершается Большой аркой, офисным зданием работы Йохана Отто фон Спрекельсена, 1988.

Рис. 312. Современная небесная линия Франкfurта-на-Майне (Германия) в сравнении с очертаниями исторического города.

в парке» — все это едва ли оправдывает утрату того городского наследия, которое нам предлагали отбросить. Результатом стало обращение деятелей вроде Леона Крие к «до-небоскребу», более того, к доиндустриальной городской форме. Заручившись теперь высочайшим покровительством, Крие готов вернуть нас назад, к городскому укладу Европы до Грехопадения, к невинности деревенской жизни.

Но это наиболее радикальная позиция. Город небоскребов, существующий уже целый век, сам стал традицией. Вопрос в том, как его приручить, как найти ему надлежащее место в современном мире. Варианта два: либо мы, как общество, выбираем политику отказа от роста и запрещаем новое высотное строительство, либо регулируем число, местоположение и внешний облик небоскребов.

Высотное строительство больше не представляет технической проблемы. Скорее, перед нами теперь стоит вопрос «стоит ли?». Все более открыто ставятся под сомнение представления о тождестве между небоскребами и развитием города — как в экономическом плане, так и в том, что касается качества жизни. Последние достижения в области изучения воздействия города небоскребов на благополучие горожан показывают, что нам есть о чем задуматься²⁶⁴.

Отчеты о воздействии на окружающую среду (*environmental impact statement*), которые с 1969 года стали обязательны в США для всех значимых строительных проектов, могли быть крайне предвзятыми. Авторы эскизов и макетов почти никогда не волновал реальный мир пешехода, обитающего у подножия этих гигантов. В любом случае главной проблемой, не решаемой такими отчетами, было кумулятивное воздействие города небоскребов, которое невозможно оценить, рассматривая каждое здание по отдельности. Вопрос вмешательства в знаменитые виды и изменения топографической структуры очень остро стоит в городах вроде Сан-Франциско. Принципы градостроительного проектирования Сан-Франциско (часть генерального плана, принятого в 1971 году), как, собственно, и нью-йоркские правила застройки и зонирования 1916 года, имели дело с высотой и массивностью, в определенной мере учитывая также фактор рельефа. Но люди хотели знать ответы и на другие вопросы. Что насчет структуры взаимосвязанных пространств и объемов, которые формируют облик кварталов? Как решается проблема расположенной у подножия высотных зданий сомасштабной человеку инфраструктуры, снимающей чувство отчуждения и устраняющей пагубные влияния этой огромной высоты? А проблемы формы? Изменения микроклимата? Недостатка солнечного света? Сильного ветра вдоль улиц? Наконец, символической роли архитектурных доминант? Инициированная активистами кампания за то, чтобы ограничить простор для махинаций политиков и застройщиков, привела к принятию в сентябре 1985 года нового генплана

264 См., например, *Conway D., ed. Human Response to Tall Buildings* (1977).

для центра города. В нем накладывался запрет на снос многих заметных сооружений, включая первое поколение небоскребов, предписывалось сооружение новых офисных башен только за пределами делового района и вводилось ограничение на реальный объем строительных работ в течение любого года, так называемый лимит роста (*growth cap*).

Эти споры приобрели общенациональный характер. Сизл не так давно одобрил нормы, напоминающие принятые в Сан-Франциско. В Филадельфии, когда застройщику комплекса Либерти-плейс было позволено нарушить давнюю традицию не строить ничего выше статуи Уильяма Пенна на башне здания городского совета, имевшие по этому поводу мнение филадельфийцы разделились на тех, кто ощущал это как утрату, которой сложно подобрать точную количественную оценку, и тех, кто считал, что городу давно пора было покончить с этим архаичным и сентиментальным жеманством. Некоторые уважаемые внешние наблюдатели — среди них Пол Голдбергер, архитектурный критик *The New York Times*, — полагали, что обсуждаемое творение Хельмута Яна представляет собой небоскреб такого отменного качества, что может вполне заслуженно определять будущее небесной линии Филадельфии²⁶⁵. По всей видимости, Голдбергер имел в виду, что решающим критерием допустимости появления в наших городах того или иного здания должно быть качество его архитектуры в понимании архитектурных критиков. На этом эстетическом основании он готов вверить формирование небесной линии Филадельфии (и отказ от традиционных городских приоритетов) застройщику и его архитектору: «[Проект] выходит за пределы старого порядка и учреждает новый, причем его качество достаточно высоко, чтобы оправдать отказ от старого».

Увы, суждения о качестве, как мы знаем, — дело субъективное. В 1914 году, то есть в эпоху относительной стиливой разноголосицы, Джефффри Скотт, автор знаменитого эссе «Архитектура гуманизма», писал:

Мы довольствуемся набором архитектурных привычек, осколками традиции, капризами и предубеждениями, а прежде всего — массой более или менее поверхностных аксиом, разрозненных, не подлежащих критике и часто противоречащих одна другой полуправд, благодаря которым ни одно здание не будет достаточно плохим, чтобы при определенной изворотливости его нельзя было похвалить, или достаточно хорошим, чтобы его нельзя было подвергнуть благовидной критике²⁶⁶.

Символическая ценность — вопрос другого порядка. Символы — это носители смысла. В городских символах предположительно заключен некий коллективный смысл, осознаваемый теми, кто живет и работает в этом городе. Кому должно

265 The New York Times, 15 Nov. 1987. Голдбергер утверждает, что здание Яна превратило «самый плохой из всех американских городов в один из самых интересных».

266 Scott G. *The Architecture of Humanism* (1914).

быть позволено определять будущее небесной линии города? Кто заслужил привилегию представлять нас на горизонте? Вот самые фундаментальные вопросы.

На протяжении всей своей истории, как мы снова и снова видим в этой книге, городская форма была предметом строгого законодательного регулирования. Всеобщая любимица Сиена имела в Средние века тщательно продуманную форму — вплоть до очертаний оконных проемов и обязательного использования кирпича. Строительные нормы, действовавшие в Париже при бароне Османе, оговаривали мельчайшие детали: пилястры на фасадах не могли выступать более чем на 40 сантиметров; для балконов требовалось специальное разрешение, причем даже при его наличии они не могли быть шире 80 сантиметров; консольная кладка была строго запрещена, и так далее.

За последние полвека города, по сути, уступили управление своей небесной линией застройщикам, корпорациям и их архитекторам. Однако интересы городского сообщества не совпадают с интересами застройщиков и корпораций. Они строят высотные здания, а городу приходится о них заботиться. Еще в 1926 году президент Американской ассоциации городского самоуправления отмечал пагубный порок, скрывающийся за обаянием небоскребов: «Существует тесная связь между правом владельцев возводить высотные здания и бременем ответственности за последствия этого решения, лежащим на плечи общества»²⁶⁷.

Первостепенное значение символического измерения небесной линии еще только предстоит осознать в культуре города небоскребов. Сегодня, как и на ее заре, сложно спорить с Томасом Адамсом, основным автором Регионального плана развития Нью-Йорка (1931), который писал: «В американском городе главным фактором, определяющим направление его развития, было не архитектурное регулирование на благо общества, но распродажа земельных участков частным лицам, наделенным правом с максимальной отдачей использовать их в своих интересах»²⁶⁸.

Именно в этом состоит значение нового генплана Сан-Франциско и других похожих документов. Они напоминают нам, что город небоскребов, равно как и любые типы городской формы прошлого, нельзя воспевать или поносить, основываясь исключительно на эстетических соображениях. Нечто куда более ценное может заключаться именно в таком направляемом городским сообществом процессе поиска баланса между частными интересами и общественным благом. Разумеется, эстетический аспект внешнего вида наших городов всегда будет результатом работы профессиональных проектировщиков. Однако горожанам чрезвычайно уместно и даже необходимо определять пределы авторской фантазии. В то время как частные лица находятся в своем праве, стремясь извлечь максимальную выгоду из городской ткани, а муниципальные власти и их эксперты получают жалование за поиск общегородских

267 *DeLano F.A. Op. cit.*

268 Цит. по: *Van Leeuwen T.A.P. Op. cit.*

Рис. 313. Изящные луковичные главки московской церкви святого Симеона Столпника (середина XVII века) разительно контрастируют с 24-этажным многоквартирным домом на проспекте Калинина (сегодня – улица Новый Арбат).

планировочных решений для проблем, связанных с беспрепятственным ростом города, именно горожане как коллективный разум должны в конечном счете определять облик своего поселения. Подобно коммуна Тосканы, которые в позднем Средневековье взяли на себя ответственность за свою градостроительную форму и сделали ее отражением своей системы управления, своих политических и социальных приоритетов, нам всем дано совершить то же самое.

Если мы все еще верим, что город — это самый сложный из когда-либо созданных человеком артефактов и что он поколение за поколением накапливает в себе наши ценности как сообщества и обеспечивает нам среду, где мы можем учиться жить вместе, тогда наша общая обязанность заключается в том, чтобы направлять его проектирование.

Библиография

Многие источники указаны в примечаниях по главам. В этом разделе я привожу очень ограниченную выборку дополнительной литературы из той широкой выборки, которую я использовал при написании книги.

Введение

Основные исследования по истории городов, на которые автор ссылается в этой и других главах: *Lynch K.* A Theory of Good City Form (1981); *Braunfels W.* Abendländische Stadtbaukunst (1976); *Gutkind E.A.* Urban Development in Western Europe, Great Britain, and the Netherlands (1971) и Urban Development in Eastern Europe, Bulgaria, Romania, and the U.S.S.R. (1972); *Lavedan P.* Histoire de l'urbanisme, Renaissance et temps modernes (1959); *Girouard M.* Cities and People (1985); *Carter H.* The Study of Urban Geography (1972); *Vance J.E., Jr.* This Scene of Man (1977); *Mumford L.* The City in History (1961) и The Culture of Cities (1938); а также *Benevolo L.* Storia della città (1976). Кроме того, стоит упомянуть несколько прочих трудов: книга *Stubben J.* Der Städtebau (1890) оказала огромное влияние и как исторический труд, и как руководство по градостроительному проектированию; *Hiorns F.R.* Townbuilding in History (1956); *Egli E.* Geschichte des Städtebaues (Т. 1 — 1959, Т. 2 — 1962); и *Morris A.E.J.* History of Urban Form (1972). Бесценным иллюстрированным источником остается *Morini M.* Atlante di storia dell'urbanistica (1963), а также многотомная *Storia dell'urbanistica*, публиковавшаяся издательством Laterza на протяжении 1970-х и 1980-х годов.

Исследования по эпохам: Древний мир — *Lampl P.* Cities and Planning in the Ancient Near East (1968); *Hammond M.* The City in the Ancient World (1972); *Ward-Perkins J.B.* Cities of Ancient Greece and Italy (1974); и ряд публикаций в журнале Town Planning Review за 1949–1955 годы. Средние века — *Braunfels W.* Mittelalterliche Stadtbaukunst in der Toskana (1953); *Herzog E.* Die ottonische Stadt (1964); *Ennen E.* The Medieval Town (1979); *Hall T.* Mittelalterliche Stadtgrundrisse (1980). Новое время — *Benevolo L.* The Origins of Modern Town Planning (1967); *Ross R. and Telkamp G.J., eds.* Colonial Cities (1985); *Sutcliffe A.* Towards the Planned City (1981); *Broadbent G.* Emerging Concepts in Urban Space Design (1990).

Список исследований по регионам также разумно привести тут:

Африка: *Bascom W.* Urbanization among the Yoruba (1955); *Mabogunje A.L.* Urbanization in Nigeria (1968). Ближний Восток: *Lapidus I., ed.* Middle Eastern Cities (1969); *Brown L.C., ed.* From Madina to Metropolis (1973); *Blake G.H. and Lawless R.I.* The Changing Middle Eastern City (1980); *Raymond A.* The Great Arab Cities in the 16th–18th Centuries (1984). Китай: *Steinhardt N.S.* Chinese Imperial City Planning (1990); *Rozman G.* Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan (1973); *Skinner G.W., ed.* The City in Late Imperial China (1977); *Schin A.* Cities in China

(1989). Япония: помимо труда Розмана (см. выше) — *Hall J.W.* The Castle Town and Japan's Modern Urbanization (1955). Индия: *Karan P.P.* The Pattern of Indian Towns (1957); *Breese G.* Urban Development Problems in India (1963); *McGee T.G.* The Southeast Asian City (1967). Центральная Европа: монументальная история городов — *Rausch W., ed.* Beitrage zur Geschichte der Stadte Mitteleuropas (1963–1984). Восточная Европа и СССР: помимо Гуткинда (см. основные работы выше) — *Hamm M.F., ed.* The City in Russian History (1976); *French R.A. and Hamilton F.E.I.* The Socialist City (1979). Южная Америка: *Wilhelmy H. und Borsdorf A.* Die Städte Südamerikas (1984).

«Органическая» структура города

Об исламской городской форме: *Hakim B.S.* Arabic-Islamic Cities, Building and Planning Principles (1986); *Al Hathloul S.* Tradition, Continuity and Change in the Physical Environment: The Arab Muslim City (1981); *Al Sayyad N.* Building the Arab Muslim City (1988).

Об увлечении Альберти средневековыми городами: *Eden W.A.* Studies in Urban Theory: The 'De re aedificatoria' of Leon Battista Alberti (1943); *Saura M.* Architecture and The Law in Early Renaissance Urban Life (1987).

О спланированной живописности: *Creese W.L.* The Search for Environment (1966); *Edwards A.M.* The Design of Suburbia (1981). Библиография, посвященная Фредерику Ло Олмстеду, слишком обширна даже для ознакомительного списка, но начинать стоит с *Fein A.* Frederick Law Olmsted and the American Environmental Tradition (1969) и *Roper L.W.* FLO: A Biography of Frederick Law Olmsted (1973). Об американской традиции живописности: *Wilson R.G.* Idealism and the Origin of the First American Suburb: Llewellyn Park (1979); *Jackson K.T.* Crabgrass Frontier (1985); *Schuyler D.* The New Urban Landscape (1986).

О городах-садах: *MacFadyen D.* Sir Ebenezer Howard and the Town Planning Movement (1933); *Batchelor P.* The Origin of the Garden City Concept of Urban Form (1969); *Schollmeier A.* Gartenstadte in Deutschland (1988). Обязательный минимум по теме: *Unwin R.* Town Planning in Practice (1909). Имеется также хорошая биография Ануина: *Jackson F.* Sir Raymond Unwin: Architect, Planner and Visionary (1985). О США: *Stein C.S.* Toward New Towns for America (1951).

О Камилло Зитте: *Collins G.R. and Collins C.C.* Camillo Sitte and the Birth of Modern City Planning (1965). О Патрике Геддесе: *Tyrwhitt J., ed.* Patrick Geddes in India (1947) и *Meller H.* Patrick Geddes (1990). О франкфуртских жилых кварталах Мая: *Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930* (1986) и *Dreysse D.W.* May—Siedlungen (1987). Основные биографические сведения о Райхове: *Durth W.* Deutsche Architekten (1988). Главный труд Райхова: *Reichow H.B.* Organische Stadtbaukunst, organische Baukunst, organische Kultur (1948).

О «Группе десяти»: *Eisenman P.* From Golden Lane to Robin Hood Gardens (1973) и *Gandilis G. et al.* Recent Thoughts in Town Planning and Urban Design (1966).

Решетка

Об античном градостроительстве: *Castagnoli F.* Orthogonal Town Planning in Antiquity (1971); *Mettraux G.P.R.* Western Greek Land Use and City-Planning in the Archaic Period (1978); *Coppa M.* Storia dell'urbanistica. Le età ellenistiche (1981); *Grew F. and Hobley B.* Roman Urban Topography in Britain and the Western Empire (1985); *Tibiletti G.* La struttura topografica antica di Pavia (1968).

О «Законах Индии» и вообще о Новой Испании: *Kubler G.* Mexican Urbanism in the Sixteenth Century (1942) и Mexican Architecture of the Sixteenth Century (1948); *Crouch D.P. et al.* Spanish City Planning in North America (1982). О новых средневековых городах в Европе: *Beresford M.* New Towns of the Middle Ages (1967); *Lauret A. et al.* Bastides (1988); и *Friedman D.* Florentine New Towns (1988).

Об американской решетке: *Conzen M.P.* Morphology of Nineteenth-Century Cities (1980). О Национальной топографической системе США: *Johnson H.B.* Order upon the Land (1976); и *Kostof S.* America by Design (1987). О Саванне: *Anderson S.* The Plan of Savannah and Changes of Occupancy During Its Early Years (1981).

Город как идеальная схема

Широкий обзор идеальных городов, включая представления художников, поэтов и писателей: *Todd I. and Wheeler M.* Utopia (1978). То же самое, но со строго искусствоведческого ракурса: *Lang S.* The Ideal City from Plato to Howard (1952); и *Rosenau H.* Ideal Cities (1974, 1983).

О тексте Филарете: *Spencer J.R.* Filarete's Treatise on Architecture (1965). О городе с бастиянами: *Di Sopra L.* Palmanova (1983); и *de La Croix H.* Military Considerations in City Planning (1972). О Вобане: *Borneque R.* La France de Vauban (1984); а также Vauban et ses successeurs en Franche-Comte (1981). О социальных утопиях XIX века: *Benevolo L.* The Origins of Modern Town Planning (1967); *Hayden D.* Seven American Utopias (1976); *Lifchez R.* Inspired Planning: Mormon and Fourierist Communities in the 19th Century (1976). О Клоде-Николя Леду: *Braham A.* The Architecture of the French Enlightenment (1980). О «мировых столицах»: *Gresleri G., Matteoni D.* La città mondiale (1982). О космических городах: *Heppenheimer T.A.* Colonies in Space (1977); *Branley F.M.* Space Colony (1982).

Большой стиль

О Детройте: *Reps J.* Planning in the Wilderness: Detroit, 1805–1830 (1954). О Турине: *Cavallari-Murat A. et al.* Forma urbana e architettura nella Torino barocca (1968); *Poliaik M.* Turin 1564–1680: Urban Design, Military Culture and the Creation of an Absolutist Capital (1989). О Санкт-Петербурге: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture (1988); и *Egorov I.A.* The Architectural Planning of St. Petersburg (1969). О Берлине:

Kleihues J.P., ed. 750 Jahre Architektur und Städtebau in Berlin (Berlin 1987); *Larsson L.O.* Albert Speer, Le plan de Berlin 1937–1943 (1983); *Helmer S.* Hitler's Berlin: The Speer Plans for Reshaping the Central City (1985). О Касселе, Дармштадте и Висбадене: *Keim C.* Städtebau in der Krise des Absolutismus (1990).

Лучший анализ большого стиля в Древнем Риме: *MacDonald W.L.* The Architecture of the Roman Empire (1986); а также: *Pelletier A.* L'urbanisme romain sous l'Empire (1982). О Риме Сикста V: *Giedion S.* Space, Time and Architecture (1963); и *Orbaan J.A.F.* Sixtine Rome (1911). О Ленотре в первую очередь: *Jeannel B.* Le Nôtre (1985). Османизация Парижа: *Loyer F.* Paris Nineteenth Century, Architecture and Urbanism (1988), *Pinkney D.H.* Napoleon III and the Rebuilding of Paris (1958); *Clark T.J.* The Painting of Modern Life (1984); и *Harvey D.* Consciousness and the Urban Experience (1985). Об Энаре: *Wolf P.M.* Eugene Henard and the Beginning of Urbanism in Paris (1968).

О «Движении за прекрасный город» в США, в дополнение к упомянутым в тексте работам: *Wilson W.H.* The Ideology, Aesthetics and Politics of the City Beautiful Movement (1980); *Foglesong R.E.* Planning the Capitalist City (1986); *Ciucci G. et al.* La città americana (1973).

Небесная линия города

Единственное обзорное исследование по этой теме — *Attoe W.* Skylines (1981).

Об изображениях городов и их художниках, в дополнение к упомянутым в тексте работам: *Lavedan P.* Representation des villes dans Part du Moyen Age (1954); и *Pahl J.* Die Stadt im Aufbruch der perspektivischen Welt (1963).

Литература о небоскребах необозрима, но в дополнение к упомянутым в тексте работам: *Taylor W.* New York et l'origine du Skyline: la cité moderne comme forme et symbole (1980); и *Kostof S.* The Skyscraper City (1988). О нью-йоркских правилах зонирования 1916 года: *Toll S.* Zoned America (1969); *Kantor H.* Modern Urban Planning in New York (1971); и *Willis C.* Zoning and Zeitgeist: the Skyscraper City in the 1920s (1986).

Благодарности

Двумя незаменимыми сотрудниками для меня были Ричард Тобайас, чьи многочисленные рисунки подкрепляют и развивают аргументацию текста, и мой постоянный ассистент Грег Кастилло, который вносил порядок в исследовательскую работу, взял на себя титанический труд по подбору иллюстраций и поддерживал постоянную связь с издателем. Сильные стороны содержания и внешнего вида этой книги — в значительной мере их заслуга, в то время как неудачи, разумеется, остаются целиком на совести автора. Щедрый грант Фонда перспективных исследований в области изящных искусств им. Грэма помог подготовить рисунки. Программа Design Arts Национального фонда искусств также внесла свою лепту в эту работу.

Нескромный размах моего исследования часто вынуждал меня обращаться за советами к экспертам. Многие друзья и коллеги пришли на помощь, и мне очень жаль, что я не смогу назвать всех поименно. Чтобы лишь обозначить их круг, мне хочется упомянуть следующих: Незар Аль-Сайяд, Мирка Бенеш, Джин Брукер, Дора Крауч, Дайан Гирардо, Поль Грот, Дайан Фавро, Дэвид Фридман, Бренда Прейер, Жан-Пьер Процен и Марк Трейб. Центр искусств Уокера любезно разрешил мне повторно использовать некоторые материалы, которые были изначально представлены там в рамках моей лекции о небесной линии американских городов, а впоследствии опубликованы в журнале Design Quarterly. За помощь в получении иллюстративного материала я должен поблагодарить Дэвида Филлипса, Майрона и Гейл Ли, Питера Боссельмана, Мэрили Сноу, Дана Джонстона, а также Калифорнийский университет в Беркли. Элизабет Бирн, глава библиотеки Колледжа экологического дизайна в Беркли, оказала нам неоценимую помощь. Йохан ван дер Цанде помог нам с некоторыми текстами на немецком. Всем им и многим другим, не упомянутым здесь, — мои сердечные благодарности.

C.K.

Источники иллюстраций

- ACL 275, 281
 Alinari 219
 American Geographical Society
 Collection, University of
 Wisconsin-Milwaukee Library 116
 An Atlas of Old New Haven 117
 Andrew Wilton XXXVI
 Arcaid / Ian Lambot XXXIX
 Archivio di Stato 60
 Arkkitehtuurimuseo, Helsinki 189,
 190
 Atwater Kent Museum, Philadelphia
 147
 Auroville Planning Group,
 Pondicherry 206
 Australian Overseas Information
 Service 192
 Baker Library, Dartmouth College 77
 Berlin Museum/Landesarchiv Berlin
 253
 Biblioteca dell'Archiginnasio,
 Bologna 267
 Biblioteca Mediceo Laurenziana,
 Firenze 61
 Bibliothèque nationale de France,
 Paris 90, 199, 225, 243, 245, 248,
 249
 Bildstelle der Stadt Karlsruhe 186
 Bodleian Library, Oxford VII
 Brian Brace Taylor XIII
 British Architectural Library 235,
 254, 300
 British Library 103, 151
 British Museum 136, 239
 Bruno Taut, Die Stadtkrone 301, 302
 Bundesarchiv, Koblenz 263
 Burton Historical Collection of the
 Detroit Public Library 216
 Caisse nationale des monuments
 historiques et des sites / SPADEM
 238
 California Historical Society /
 Ticor Title Insurance, Los
 Angeles 290
 Cameron Company XXIII
 Centre Canadien d'Architecture,
 Montréal 288
 Cervin Robinson 266
 Chicago Historical Society 250
 City of Bradford Metropolitan
 Council 169
 Collection Carroll L.V. Meeks 299
 Collection Spiro Kostof 7, 229
 Compagnia Generale Ripresearee,
 Parma XVII
 Courtauld Institute of Art 236, 258
 Daniel Philippe 45
 David R. Phillips / Chicago
 Architectural Photography Co.
 307, 309
 Derek Walker Associates / John Donat
 154
 Dr Soleri / The Cosanti Foundation
 157, 158
 Ediciones García Garrabella,
 Zaragoza 286
 Edmund Goldzamt, Architektura 295
 Emily Lane 113, 237, 268, XII,
 XXIV-XXVI, XXXII
 ETH-Bibliothek, Zurich 298
 Eugène Hénard, Études sur les
 transformations de Paris 191, 249
 Fine Art Society, London XXXIII
 First Garden City Heritage Museum,
 Letchworth 82, 226
 Fotocielo 76
 Fototeca Unione 110, 111, 131, 230, 256
 Frederick de Widdt, Collection of
 Remarkable Towns 133.
 Gemeentelijke Archiefdienst XIX
 Georg Gerster, John Hillelson Agency
 IX
 Georges Candilis, Toulouse Le Mirail
 100
 Georges Perrot and Charles Chipiez,
 Histoire de l'art dans l'antiquité
 163
 Georgina Masson 283
 Goodwood Trustees XXXV
 Gottfried Feder, Die neue Stadt 96
 Greg Castillo 44, 92, 99, 121, 224,
 264, 287, 311, 313, XXVII-XXX
 Guildhall Library, London 212
 H.D. Keilor 278
 Henry Wilson I
 Historic Urban Plans Ithaca (N.Y.) 119
 Historisches Museum der Stadt Wien
 223, IV
 Ian Sutton 276
 Illinois Department of Corrections
 197
 India Office Library 177
 Institut géographique
 national (IGN) 146
 Institut Municipal d'Història de
 Barcelona (IMH) 152
 Italian State Tourist Office (E.N.I.T.)
 227
 James Silk Buckingham, National
 Evils and Practical Remedies 201
 Jan Jansson, Theatrum exhibens
 Illustriores principesque
 Germaniae superioris civitates 20
 Jean-Pierre Protzen XX
 Johannes Kip, Nouveau théâtre
 de la Grande Bretagne 246
 John Bryan Ward-Perkins, Cities of
 Ancient Greece and Italy 106, 107
 Kakichi Suzuki, Early Buddhist
 Architecture In Japan 139
 Kentuckiana Historical Services,
 Louisville 148
 Klaus G. Beyer 282
 KLM Luchtfotografie 68
 Kupferstichkabinett, Dresden /
 Deutsche Fotothek Dresden 218
 Landesbildstelle, Berlin 261
 Landslides / Alex S. Maclean 88, 207
 Lansdowne Library, Bournemouth 80
 Le Corbusier 153, 234, 310
 Library of Congress, Washington, D.C.
 21, 51, 137, 208, 209, 305
 Loke Wan Tho 172
 Mainfränkisches Museum, Würzburg
 13
 Markisches Museum, Berlin 241
 Martin Hiirlimann 262
 Mary Helen Schmidt Foundation 182
 Maryland State Archives, Annapolis,
 Marion E. Warren Photographic
 Collection 217
 Michael Moran 265
 Michael Tapscott 277
 Middlesbrough Borough Council and
 Cleveland County Council 149
 Mies Van der Rohe Archive,
 The Museum of Modern Art 292
 Milton Keynes Development
 Corporation 155
 Mirko Krizanovic 312
 Musée Paul-Dupuy, Toulouse 244
 Musei Civici, San Gimignano XXXI
 Musei Vaticani, Archivio Fotografico
 257, XXI
 Museo del Prado, Madrid VI
 Museo dell'Opera del Duomo di
 Firenze 75
 Museo San Martino, Napoli V
 Museo y Casa del Greco, Toledo 274
 Museum Boijmans Van Beuningen,
 Rotterdam 271
 Museum der Stadt Köln / Rheinisches
 Bildarchiv 273
 Museum of London XXXVIII
 Museum of the City of New York
 303, 308
 NASA VII
 National Museum of Wales, Cardiff 164
 Nebraska State Historical Society,
 Lincoln 306
 The New-York Historical Society
 118, XV
 New York Public Library 104, 304
 Nezar AlSayyad 74
 Ohio State University Libraries,
 Columbus 132
 Olert Dapper, Historische
 Beschryving der Stadt Amsterdam
 136
 Oriental Institute, University of
 Chicago 162
 Palazzo Pubblico 285
 Pubbl. Aerfoto III
 R.W. DeForest and L. Veiller, The
 Tenement House Problem 150
 The Radburn Association, Fairlawn
 (N.J.) 85, 86
 Ray Delvert 112, 124, XVI
 Richard Ingersoll XXII
 Richard Tobias 4-6, 9-12, 14-19,
 27-43, 46-49, 52-59, 62-67, 70-72,
 78, 108, 109, 123, 125-129, 134,
 138, 140-144, 160, 165, 166, 168,
 170, 171, 174-176, 180, 181, 194,
 195, 213-215, 231-233, 279, 280
 Rijksmuseum, Amsterdam 73
 Robert Owen, Report to the
 Committee for the Relief of the
 Manufacturing Poor 200
 Rockefeller Archive Center 84
 Sam Winklebleck 23, 202, 296
 Scala 285, V, XI, XXXI
 Sebastiano Serlio, Architettura
 220, 221

Security Pacific Photographic
 Collection / Los Angeles Public
 Library 8
 Sheffield City Museums XXXVII
 Simon Stevin, *Materiae Politicae*
Burgerlicke Stoffen 114
 Spectrum Colour Library XX
 Staatliche Museen zu Berlin 211
 Staatliche Schlosser und Garten
 Potsdam-Sanssouci 222, 252
 Stadtarchiv, Frankfurt 98
 Stedelijk Museum, Amsterdam 136
 Stichting Atlas Van Stolk 24
 Swissair XVIII
 Theatrum statuum Regiae
Celsitudinis Sabaudia Ducis 255
 Thomas Jefferson Papers,
 University of Virginia Library,
 Charlottesville 198
 Town Planning Review 93
 U.S. Department of Commerce, Coast
 and Geodetic Survey 102
 University of California at Berkeley
 105, 291
 Varig Brazilian Airlines 178
 Victoria and Albert Museum,
 London 179
 Walter Bigges, *A Summarie of Sir*
Francis Drakes Indian Voyages
 115
 Werner Braun 156
 Werner Hegemann, *City Planning* 98
 Werner Schumann XIV
 Windsor Castle, Royal Library
 (воспроизведено по милостиво-
 му соизволению Ее Величества
 Королевы) 130

Спиро Костоф
Город обретает форму

Выпускающий редактор
Дмитрий Бегляров

Корректор
Надежда Власенко

Цветокорректор
Александр Каштанов

Подписано в печать 30/IX 2022 г.

Гарнитуры CofoSans Regular, Panama Bold, Panama Italics

Объем 40,3 усл. печ. л.

Формат 70×100/16

Заказ № 306–10/22

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Радуга»
117105, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А
www.raduga-print.ru

Strelka Press
ЧУ ДПО Институт «Стрелка»
119072, Москва, Берсеневская набережная, дом 14, стр. 5а
телефон: +7 (495) 268 06 19
e-mail: books@strelka.com
www.strelka.com